

Иван Ильич

ДНЕВНИК
ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ
*
(1903 — 1938)

Иван Ильич

Москва, сентябрь 1922 г.

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1999

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

**ДНЕВНИК
ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ**
*
(1903 — 1938)

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1999

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.
И 46 Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903 – 1938)/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1999. – 608 с., 1 ил. портр.

В данном томе представлены впервые публикуемые ранние произведения И. А. Ильина, его дневник 1905 г. и эпистолярное наследие периода 1903 – 1938 гг.: коллекции писем к родным, Л. Я. Гуревич, П. Б. Струве и другим сотрудникам газеты «Возрождение», П. Н. Врангелю, Н. Н. и К. П. Крамаржам, С. В. Рахманинову и др.

В Приложении их дополняют документы, проливающие свет на многие, до сих пор неизвестные факты жизни философа: это следственные материалы из архива ФСБ РФ, позволяющие прояснить обстоятельства шести его арестов за контрреволюционную деятельность, письма близких, документы из немецких архивов, свидетельствующие о мотивах увольнения Ильина из Русского научного института в Берлине и показывающие враждебное отношение к нему властей.

ISBN5 – 268 – 01393 – 9 – общ.
ISBN5 – 268 – 00256 – 2

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 1999 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 1999 г., оформление.

1903 — 1922
(Россия)

Он поет волшебный гимн возрождению.
Слышишь говор и плеск и журчанье ручья?
Слушай.
Он несет радостную весть обновления.
Слышишь шелест и лепет робких берез?
То привет их вечернему ветру.
Тише.
Еще тише.
Смолкло все.
Молчит.
Бегут часы.
И один соловей допевает луне свою дивную песню.
Отчего же в эти заколдованные часы божественной
тишины, полной весенних чар, — отчего непонятная
грусть и томление?
О чем плачет, куда рвется твой мятежный дух?
Туда, туда,
в далекую даль,
к неизвестному прекрасному
несут тебя крылья мечты.
Слиться с чем-то мощным и благим, отождествиться с
чем-то великим, перестать быть в своей обособленности,
чтобы все было «Я» и ничего другого, обнять все сущее и
растопиться в нем до конца...
Вокруг все трепещет в молчании, все переполнено
страстной и нежной истомой,
все дышит творческой мощью слияния
и зарождения.
И ответным трепетом отзывается душа твоя.
О, свет и тени,
звуки и тишина.
О, царственный мир.
О, томление жизни.
В этом созвучии природы и духа,
в этом страдании от ограниченности,
в этом восторге и томлении зарождающейся жизни —
ты ощущаешь близость вечного.
Страждет дух твой и нет конца,
нет предела порыву его к полноте бытия.
Он ощутил прикосновение неведомого бога.

2

В вечном полете по отвесным скалам и расселинам
вопрошающей мысли;

в безнадежном скитании по безводным пустыням сомнения;

в заоблачной высоте смелого отрицания —
ищущий разум не видит покоя,
не знает удовлетворения,
не ставит границ разрушению и созиданию.

Он вечен: ибо он сомневается.

Он свободен: ибо он самоопределяется.

Он могуч: ибо он отрицает.

Его цель: недоступная истина;

она его солнце, его святыня, его бог;

она светит и греет, и животворит, но не дано глазу взирать на нее.

В бесконечном полете по кругу вопросов, сомнений и отрицаний —

Разум знает высшее, святое, божественное томление.

Имя томлению — Эрос.

О, священные муки Эроса.

О, смена веры и сомнения, надежды и отчаяния.

Так арабы, измученные жаром пустыни, видят оазис, и ликуют; и верят, и напрягают ослабшие силы, и удесятеряют стремление.

И снова перед ними немая пустыня.

Твой слабый дух — носитель разума и томления.

Он слаб в ограниченности своей.

Но он силен томящийся.

В искании, в беспокойстве, в томлении духа — его сила, его жизнь.

Вне их — запустение и смерть.

Великий Прометей заронил в тебя искру божественного огня;

она разгорается в яркое пламя.

Кто угасит неопалимую купину?

Кто остановит вечно бьющий подземный ключ?

Ты знаешь и не знаешь.

Ты строишь здания дивной красоты, воздушные замки легких идей.

Но пахло ледяным дыханием скепсиса — и в развалинах лежит рожденное тобою.

Ты постигаешь бытие; ты схватил его, это неуловимое, незыблемое, вечное «в себе».

О нет: ты прозрел лишь свою идею, до глубины погрузил в нее свой взор,

а добыча твоя —

как речной туман —

скользнула и растаяла прозрачным видением.
Ты открыл в себе мощь и самоутверждение: ты творец,
ты начало, ты основание.

(Твое великое «я», самодеятельное, светлое;
Твое произведенное «не я», — оно мир, но оно и ты.
О нет: то пустое самообольщение;
твое «я» не первоначально и не активно.
Не мир в тебе, а ты в мире;
ты не творец его, а творение.
Он — раздвоение в себе; он — самопротиворечие и
объединение в высшем.
Он — в себе и для себя.
Он абсолют, а ты лишь момент пана.
И снова нет, и снова неведение.
И снова из-под небес, с гребня волны на дно бездон-
ного океана.

Держись за обломки снастей и смело греби вперед.
Но знай: не будет берега впереди.
И если не оскудевает в тебе стремление постигать,
если дух твой живет вечно тем же алканием и сомне-
нием,
если ты силен отчаянием и верой
и до последней минуты будешь выбиваться из ограни-
ченности своей —
знай:
животворящее тебя начало — есть прикосновение не-
ведомого бога.

3

Из глубоких глубин, неизведанных и таинственных,
куда не проникал взор исследователя
и где таятся неоткрытые богатства без меры и числа, —
неустанно струятся кристальные воды всеобъемлю-
щего милосердия.

Текут и текут светлые потоки, и затопляют мир, и
очищают его от наносных песков страдания и зла.

От широкой земли и до необъятного неба, чистая, как
слеза, и ясная, как роса, воздвигнута зеркальная гладь
воспринимающего сострадания.

Века бегут непрерывной чередой, и каждый несет мо-
ре бед и мук,

и каждый направляет свой бег мимо зеркала, глубо-
кого, как океан, и восприимчивого как бездна.

И каждый смотрится туда и видит неустанное ответное содрогание, и отзвуки болезненных стонов несутся к бездушному пустому небу ответным глухим воплем мирообъемлющей любви.

О, жалкое, смятенное, страждущее человечество!

Тысячелетия за тобой, слепорожденным;
тысячелетия ждут тебя, вечно обновляемое.

Ты без конца в прошедшее и будущее,
ты, вечно текущее, умирающее, возрождающееся.

Твоими телами наполнить можно бездны,
слезами и кровью налить океаны, твоими стенаниями
огласить вечность.

За лучшее себе, за призрак блага — ты борешься и падаешь;

ты хочешь любви и живешь в войне;
ты хочешь счастья и творишь горе;
ты хочешь жизни и получаешь смерть.

О, прогресс!

Ты не даешься даром; ты покупаешься ценою мировых страданий. Но может ли быть прогрессом то, что покупается такою ценой?

Над черным болотом блуждают в непонятном стремлении волшебные огоньки:

то просветы, проблески понимания, в котором человечество ищет панацеи от социальных бед.

Но топко черное болото и глухо идет на дне его процесс разложения; и много, много времени пройдет до тех пор, пока над болотом вспыхнет ярким огнем свет всеустройствающего понимания.

О, мировая душа!

Ты полна вечной скорби,
ты кровью плачешь о детях своих,
ты ужасна в величии своего страдания.

И каждое движение твое, каждый стон твой — находит верный и полный отзвук в моей душе.

Каждый вздох,
каждая слеза,
каждый порыв,
каждая неполнота и
несовершенство, —

все это сливается во мне в страшный хор ответных звуков.

Мир наполню «я» воплем отчаяния моего, звезды померкнут от вида терзаний моих,

в страстном излиянии мировой скорби изойду я

и в небытии буду искать вечного убежища.
О, невыносимое, о, мучительное прикосновение неведомого бога.

4

В бесконечном потоке слов, ежеминутно рождаемых человечеством и тотчас же разлетающихся и умирающих отжитыми звуками — есть глаголы живые, вечно юные, с содержанием неувядающей прелести.

Таково слово Творить.

О, троякая сладость созидания, о, светлые восторги творчества.

Из недр своего «я» ты полагаешь нечто иное;
но оно в то же время твое.

Ты полагаешь его свободно,
но повиняясь непреодолимому влечению.

Оно — твое детище, в нем близка тебе каждая струна,
каждое ее колебание;

но провал в подпочвенные бездны стоит за каждым звуком и неизвестностью вечного веет на тебя от создания твоего «я».

Оно богато твоим богатством, оно блестит твоим блеском, сияет твоим сиянием —

но не можешь ты прозреть в него до конца,

и сладостным томлением отдаются в тебе недозвучавшие аккорды твоей души.

Радостен творческий порыв,
но он — мгновение.

Бесконечной цепью мгновений стоит за тобой твое прошлое; мгновений творческих — сладких и мучительных:

То ты творил твое «я».

Камень за камнем выкладываешь ты себе дворец до небес.

То великий будет дворец:

он заключит в себе мир и все его богатство.

То воздушный будет дворец:

он весь выкладывается из мысли по ватерпасу логики.

То светлый строится дворец:

в нем все будет ясно, как бриллиант;

и светло от это<го> будет в мире:

ибо в нем — мир.

Но то зыбкий дворец:

ибо текучи его стены и быстро меняются,

и меркнут,
и светлеют они,
как видения волшебного фонаря.
Ярче,
отчетливее,
готов дворец твой...
Но фундамент дал трещину —
и в великом разрушении распалось твое Я.
Не страшно это.
Распавшееся живет и построяется в новом порыве к
созвучию.

И снова распадется твой дворец, твоя сущность.

Пαντα ρει!...

Текущее, но вечное;
отринутое, но утвержденное;
свободное и скованное —
Я!

Не в мир прозреваешь ты,
а лишь в свое Я —
то же —

и другое,
старое и обновленное.

Не мир любишь ты,
а свое Я —
слабое

и мощное,
ограниченное
и безграничное,
с небом вверху и бездной внизу.

В живом потоке сменяются ценности.

Бегут мгновения:

каждое ярко,
каждое полно,
каждое блестит и отликает радугой;
каждое — твое,
и каждое несет с собой новые ценности.

Бурный поток...

Он несет на себе обломки старых кораблей,
и новую ладью,
и еще неотесанные бревна и доски.

Все ценно и полно в каждом мгновении.

Бери его в его полноценности;
прозри в его глубь,

отринь его и восприми новое.
А в душе наслоится вечное...

Разбивай всегда старые сжижали:
из обломков ты создашь новые.
Разрушай смело старую правду:
пусть она живет лишь мгновение.
Дух разрушения есть в то же время созидающий дух.
И процесс этот есть процесс самоутверждения.
Оно должно быть свободно и вольно как птица.
О, самодеятельность!
Утверждающая себя в себе и над собою. Ты сущность
духа.
Вверх гляди, через преграды;
за рамки робости — разбей их скорее.
За пределы половинчатости и колебаний: перешагни
их и оставь их за собою.
меряй широким свободным аршином;
Утверждайся в смелом отрицании;
смело иди к дальнему,
к сверхчеловеку.
Вперед же и не оборачивайся:
ты оставил за собою трясины.
Пусть вечно звучит твоя душа свободным и гордым
самоопределением, пусть вечно поют в тебе эти вечные
струны -
от прикосновения неведомого бога.

5

Но не кончен еще гимн.
Знаешь ли ты тот блаженный миг, когда с погасшей
надеждой, но сильный своими муками — ты встречаешь
на пути своем попутчика?
Он не носит на челе печати запустения и смерти;
не тяготеет на нем рабское клеймо;
он живет тем же, чем и ты;
он так же томится, и надеется, отрицает;
он целостно любит и пламенно ненавидит;
в нем так же бьет ключ, из которого он никогда не
удовлетворит свою неутолимую жажду познания и любви;
он тот же в себе, хотя по себе и другой;
на нем зря и сияние будущего.

С тревогой и упоением ты погружаешь в его душу испытующий взор

и силишься проникнуть до дна
и исчерпать до конца ее содержание.

Ты трепещешь, осязая родное;
ты смущен, усматривая призрак чужеродного; ты не-
годуешь, встречая преграды.

Ты открываешь ему свои богатства и свои раны.

Ты вводишь его в святая святых и даешь ему ключи от
всех сокровищ и кладовых своих.

Какие-то чудные тонкие нити начинают связывать те-
бя с ним волшебною цепью взаимного проникновения.

Родится глубокая близость, но ты уже знаешь, что
она — первоначальна и существует искони.

И касаясь раны в его душе, осязая наболевшее — ты
растворяешься в нежном порыве понимания и страдаешь
его страданием.

Так чуткий ветерок, охватывая чашечку лилии и, кос-
нувшись надломленного бурей лепестка, содрогается от-
ветной болью и силится влить целебный бальзам в неза-
тянувшуюся рану.

И полнее жизнь,
и глубже понимание,
и светлее душа.

И новое томление испытываешь ты от раздвоенности
того, что едино по существу.

И нет конца, нет предела порыву твоему к восполне-
нию бытия.

Легкими крыльями касается светлый неведомый бог
твоей души и осеняет ее и завладевает ею.

Легче легкого ветерка,
но порывистее и глубже бушующего моря.

Он родит в тебе
таинственное,
вечное,
ценнейшее,
светлейшее,
великое.

Оно есть сущность и ядро;
оно есть начало жизни и света,
оно есть первое и последнее,
оно есть смутно осязаемое великое нечто.

Не знаешь ты его,
и не узнает никто никогда.
Это — Влага Фалеса,
Сфера Парменида,
Логос Гераклита,
Эрос Платона,
Я Фихте,
Процесс Гегеля,
бессознательное Гартмана,
Любовь Христа.
Живи им, и ты будешь с вечным.

<ДНЕВНИК> 1905, ОСЕНЬ

Москва

6 октября

Сегодня уехала Таля¹. Я давно готовился к этому дню, и он не поразил меня. Нити, опутывающие мое существо, вытянулись, стали длинные и натянулись, дрожа. Они постоянно содрогаются, каждая мелочь в этом оставленном пепелище тяготит душу, становится больно и хочется плакать! Хочется, чтобы чувство, создающееся от сознания взаимного одновременного содрогания этих нитей, — было всегда вполне, росло в бесконечность. Пусть так и будет. Моя душа полна нежного чувства. 11 ч. веч.

7 окт<ября>

Как будто неделя прошла с тех пор, что уехала моя Талья. Весь день я бродил сегодня по Москве — возобновил утраченные связи и в один день стал в курсе всех дел. Вечер хотел провести дома, но мама Лена² и М. А.³ ушли, и мне стало тоскливо сидеть одному дома. Ушел и я. Пошел к Ольге Поповой⁴. Подождал ее, пришли Тупиков и Губарев, поговорили. Губарев ушел. Ваньке я рассказывал про съезд. Потом пришли Попова и Бельская (тоже курсистка, с которой они жили вместе в прошлом году). Ольга почти не изменилась — такая же восторженная, увлекающаяся, только подвинулась левее и занимается основательнее. Я видел у нее на столе толстую книгу Риккерта⁵, литературу

по рабочему вопросу; пишет реферат об экономич<еском> материализме и не особенно старается скрыть свои симпатии к А⁶. Мне жалко ее: она меня по-прежнему любит.

Таля моя, деточка моя!..

11 окт<ября>

Как кипит жизнь, как все борется, организуется, требует, живет!.. Несмотря на то что я пока в стороне ото всего, я чувствую себя в каком-то огне и жару. Сейчас в Москве стачка железнодорожников, фармацевтов, и с минуты на минуту ждут забастовку городских рабочих; железнодорожники остановили почтамп, и на Мясницкой казаки разгоняли их в 5 часов дня нагайками.

Только что пришел из университета, где происходят митинги. Собрание брестских железнодорожных рабочих, собрание фармацевтов, собрание инженерного союза. Все запасаются водой, ждут, что остановится водопровод. Полиции около университета нет, в Манеже казаки, на улицах сейчас спокойно. Все новые железные дороги прекращают работу, требования сплошь выставлены политические.

А я?

Я сегодня изучал теоретико-познавательную логику Шуппе⁷, психологическую теорию права Петражицкого⁸ и сейчас сажусь за Кистяковского⁹. Мучительно заниматься отвлеченной наукой, но так нужно. Разлад, разбросанность чувств, рассеянность мыслей, хаос и усталость. Партии, программы, платформы, союзы, организации, побоища, выстрелы, смерти... А я с своей теорией познания, с а.¹⁰ мирозерцанием, с сердцем, прикованным к Берлину, и с метафизическими запросами; но это не упрек себе — Боже упаси; хорошо все это, но недостаточно светло... Но разве не все равно, *каким* погибнуть? Нет! Нет!

Больше света, больше ясности и в жизни и в смерти, больше сознательности!

О, моя Таля!

13 <октября>

Дни бегут. Неудержимо, полно, трепетно. Москва накануне полной, всеобщей забастовки. В университете еже-

дневные митинги. Логика Шуппе приходит к концу. Вчера, и сегодня, и завтра. Днем — логика, право, Каутский¹¹, вечером университет — митинг. Вчера я говорил на собрании, сегодня с 8 до 12 председательствовал¹². Говорил так себе, председательствовал хорошо. Завтра, кажется, опять говорю. Но говорить перед простой, средней публикой не стоит. Я больше и не буду. Завтра партийный «митинька». Немного устаю, но в общем чувствую себя хорошо. Питаюсь прекрасно, а это главное. Боже мой, зачем же, зачем не со мною моя глубоководная жена! Сейчас без 20 минут час. Ночь с 13-го на 14-е, нашего стиля. Нежно целую тебя, моя сонная детка, я всей душой с тобой!

20 <октября>

Семь дней я не писал. Не мог. За эти семь дней революция сделала колоссальные шаги. Я не стану описывать событий. Хорошее изложение их можно найти в Русск<их> Вед<омостях>. Я прилагаю их тебе в вырезках. Прочти внимательно, и при этом то, что ты переживешь при этом, — пережил и я, но только конкретнее, непосредственнее, а потому глубже и мучительнее; кроме того, ты, читая это, кинешь взгляд назад, а я смотрел вперед в неизвестное будущее; а оно висело тяжелым удручающим кошмаром впереди и мертвым холодом и ужасом веяло мне в душу ежеминутно. Вот краткий перечень моего участия в событиях. В пятницу 14-го я председательствовал на митинге у соц. демократов. Мне все равно, у кого председательствовать: они все несут и свет и тьму в головы публики и из столкновения их сверкают блестящие истины. Говорили рабочие — и это было лучше всего; говорили с. д. — партийные работники, это было плоховато, общо, молодо, горячо, демагогично. Говорил поп.

Меня всегда благодарят за председательствование, ибо я веду собрание в порядке. Это такое ощущение: через час после начала от каждого слушающего и присутствующего протянута маленькая, тоненькая ниточка, ниточка нравственной привязанности — ко мне, и я, регулируя эти ниточки и их совместное дрожание, напрягая одни или все, и ослабляя их — заставляю всех присутствующих образо-

вать некоторое стройное единство, содержание в которое вливают ораторы. Организованная коллективность чувствует, что она чем-то объединена, и не замечает, как растет ее настроение; к концу заседания — настроение — общее — повышено, чувствуется подъем, но подъем организованный, и когда я закрываю собрание, кажется, что разваливается что-то, мною созданное. Это — творчество, и творчество интересное. Оно утомительно, но важно для дела.

В субботу, 15-го, я не был на площади у Думы и в свалке с охотнорядцами не участвовал. От 4 — 5 дня и от 7 — 9 веч. был в забаррикадированном университете, но увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание, что масса, вооружаясь чем попало и лихорадочно организуясь, теряет под собою почву и сознание целесообразности действий, что эксцесс отчаяния заводит толпу в безрассудную трагикомическую игру в революцию и временное правительство, я ушел домой, хотя не без тяжелых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, — что ты сказала бы мне «уйди» и была бы права. Вечер и ночь я провел в ужасном настроении. В 11 ч. я опять пошел к университету — осмотреть окрестности. Но унив. был уже оцеплен: в него не пускали, а из него выпускали. Студенты и рабочие забаррикадировавшись — ждали расстрела. Вечер мы сидели вдвоем с мамой Леной. Она, видимо, терзалась и даже похудела заметно с лица, но я чувствовал себя одиноко. Утром я был у Новгородцева¹³ (воскр.16), он сказал мне, что они уладят этот эпизод. Вечером был у Ив. Алексеевича Петровского¹⁴; отвел душу, узнав, что все обошлось мирно. Володька переслал мне из тюрьмы вопрос: получил ли я его письмо? Я отправил ему записочку, прося дать связи для литературы. Ответ, сказали, будет через неделю. Да, утром был еще в политич. красном кресте. Достал № 110 Искры. 16-го и 17-го по городу войска разгоняли рабочих, кое-где были митинги, университет 17-го был заперт. 17-го днем сидел дома, вечером был у Уманского¹⁵. На улицах по вечерам тьма. Уманский сказал, что за перевод Эльцб<ихера>¹⁶ Ефимов¹⁷ дает 30 р. с листа, книга, наверное, будет выпущена. Число букв, кажется, с оригинала. Мне передается

редактирование по 7 р. с листа. 17-го же получилась весть о манифесте¹⁸. 18-го я был с утра у Любы¹⁹; она была на конст.-демократич. съезде. Выйдя от нее, увидел первую открытую легально-революционную демонстрацию, пошел с ней, был у Бутырской тюрьмы. В шестии участвовали — между прочим — ряд приват-доцентов, Мензбир²⁰, артисты Худож<ественного> театра, масса рабочих. В 5 ч. вернулся домой. Вечером председательствовал в одной из аудиторий на митинге. При выстрелах не присутствовал, в свалке не участвовал. В опасности попасть в то и другое был много раз, но судьба как-то выводила. Вчера, 19-го, я видел толпы, знал, что дружины и рабочие расправляются с черной сотней, но не примыкал к уличному движению и на митинге не был. Познакомился с сестрой Станиславского²¹ и вчера сидел у нее весь вечер. Она рассказывала мне про свою агитацию среди крестьян; много поучительного. Это необычайно милая дама. Вчера уехала Люба. Есть опасения, что из Гуревичей кто-то пострадал в Петербурге. Вероятно, скоро приедет Саша²².

В общем, я цел и нравственно не очень разбит. Но устал нервно и умственно. Сегодня, кажется, не пойду опять на митинг. Надо отдохнуть. Манифест никуда не годится, масса лазеек и ничего положительно не дано; слова, слова, слова...

Детка моя! И хорошо, и плохо, что тебя нет. Меньше ужасов в твоём сознании стоит конкретно, но нам вдвоем было бы легче жить и терзаться.

Безумно хочу спокойно учиться!!

25 окт<ября>

Эту тетрадь я отдал 25-го М. С. Муромцевой²³. После этого отправлено еще письмо.

ПИСЬМА К БЛИЗКИМ

1

Е. Ю. Ильиной

<1908>. 18/ноября 22

Дорогая Мама! Шлю тебе поздравление ко дню именин и крепко тебя обнимаю. Я теперь немного отдохнул

и начинаю опять заниматься. Стипендная судьба¹ еще не выяснилась. Напиши мне словечко, здорова ли ты и как себя чувствуешь. Поцелуй от меня Папу. Письмо его я получил. Оно очень милое. Поцелуй его еще раз. Твой В<аня>.

Целую тетю Адю² и Игоря³.

Про свадьбу К. О. В.⁴ я знаю давно уже все подробности: Саша⁵ был в Москве.

<Адрес> Екатерине Юльевне Ильиной
Хрущево⁶
Рязанской губ<ернии>

2

А. Ю. Левкович

1911. 27/14 марта

Дорогая тетя Адя! Я страшно тронут твоим подарком: он дал мне возможность устроить себе целый ряд больших и маленьких удовольствий, которые остались бы мне иначе недоступными. Напишу тебе как следует из Италии. Через несколько часов уезжаем из Берлина. Вещи уже уложены; частью на складе. Остановки будут в Дрездене, Мюнхене, где такие дивные картинные галереи. А в Италии будем главным образом во Флоренции и северных городах. Адрес: München. Hauptpostlagernd или Italia. Firenze. Posta centrale. Fermo in posta. Крепко целую. Ваня. Целую папу и маму.

<Адрес> Аделаиде Юльевне Левкович
ст. Хрущево
Рязанской губ<ернии>
Russland. Via Moskau.

3

А. И. Ильину

1911. 12 апр.
30 марта

Дорогой папа! Я во Флоренции. В первый раз вижу Италию и воспринимаю старое итальянское искусство во всем его богатстве. Каждый день приносит целое богатство и, кроме еды и сна, не успеваю ничего сделать. Поистине путешествие — время, когда «ничего» не дела-

ешь и ни для чего нет времени. В конце здешнего апреля или начале мая уеду на лето в Гёттинген. А до тех пор мой адрес: *München*. Hauptpostlagernd. Оттуда пересылают, куда велю. Потом — *Göttingen*. Hauptpostlagernd. Шлю Вам — тебе и Маме поздравление к «нашей» пасхе (здесь она уже наступает), а к *нашей* напишу отдельно. Крепко целую Вас и прошу вестей. Спасибо за переводы и квитанцию.

Ваня.

<Адрес> Александру Ивановичу Ильину
ст. Хрущево
Рязанской губ<ернии>
Russia. Via Moskau.

4

А. И. и Е. Ю. Ильиным

<1912. 1 апреля>

Дорогие Папа и Мама! Письмо Ваше получил в Берлине перед самым отъездом. Спасибо Вам за поздравление; целую Вас и шлю Вам превосходнейшие пожелания к празднику. Пишу из Рима, но адрес даю на Флоренцию, где оставлены распоряжения о почте. Впечатлений не описываю; скажу только, что приезды в Италию — это события огромной значительности и что во Флоренции и Риме нужно жить по несколько месяцев, чтобы воспринять все в достаточной степени. Думаю проехать еще в Неаполь и вернуться в Москву с остановками во Флоренции и Вене. Проездом из Берлина останавливался еще в Бамберге, Нюрнберге и Болонье — ради искусства и быта. С итальянским языком кое-как справляюсь, изучая его на ходу и в живой речи. Крепко Вас целую. Радуюсь возвращению в Россию. В<аня>.

1912. 1 апреля. Рим.

<Адрес> Александру Ивановичу Ильину
ст. Хрущево
Рязанской губ<ернии>
Russia Via Moskau
Abs: Dr. Iljin. Firenze. Via Carour 79.
Pensiona Wiskowatof.

ПИСЬМА К Л. Я. ГУРЕВИЧ

1

Л. Я. Гуревич

1903, 10, 16

Дорогая Любочка!

Не думай, что я забыл твое дело. К Скирмунту¹ я заходил раз 7 — 8 и каждый раз получал все тот же ответ — не приезжал. После твоего письма решил действовать энергично. Я еще раньше узнал от Скирмунтова человека, что Крандиевский с женой не живет и со Скирмунтом разошелся и дел его не ведет. После письма я пролез к Крандиевской в квартиру — она² с детьми живет в нижнем этаже дома С<кирмунта>. Студент и девочка³ (лет 15 — 16) объяснили мне, что дядя Сережа в Олонецкой губернии, что разрешение приехать ему в Москву вышло, но канцелярская волокита его задержала, что он наверное скоро приедет в Москву, что издательские дела — он ведет теперь сам — сам правит корректуры в Олон<ецкой> губ<ернии> и что он их и не думает оставлять. Я изложил им в двух словах дело, и они велели мне обратиться в «Труд» к Ивану Дмитриевичу Иванову⁴, который в курсе издательских дел. Иванова я видел и от него узнал следующее. Гауптман⁵ вторым изданием не выходил — всех вводит в обман перемена цвета обложки и сбавленная цена — это сделано на последних трех тысячах *первого* издания. Ткачей⁶ хотят выпускать отдельно: но тут еще хлопоты. Ренан⁷ попал (ужасно!) в *духовную* цензуру и батюшки-священники решили книгу *сжечь*. За дело взялся некто Городецкий⁸ (адрес приложен), служащий в «Новостях», — он хлопочет и о Ткачах, и о Ренане. Это человек довольно неизвестный и мало внушающий доверия, и Иванов сказал, что было бы очень хорошо, если бы ты, повидавшись с ним, взялась за это *сама*. Вот и все. Галерею русских писателей я достал. Доплатить пришлось 1 р. или полтора — сейчас не помню. Сочтемся потом. Напиши только, прислать ли ее тебе теперь или с мамой. Аничка⁹, наверное, была удивлена, что я ее не встретил и не отвечаю. Не ответил по грубой неаккуратности — скажи ей, что прошу проще-

ния, — а не встретил потому, что был совершенно болен — только что встал от инфлюэнции и на щеке вздымался огромный флюс — я бегал по комнате и стонал. Досадно было страшно — я хотел с ней форменно повидаться — и не удалось. Мне очень досадно, что я ввел тебя в заблуждение относительно второго издания Гаупмана, — и тем заставил тебя рассчитывать на *скорый* гонорар — прости ради Бога — этакая у меня голова со свищом. Ты мне ничего не написала о здоровье мамы — и о том, как она себя чувствует одна в Крюковке¹⁰. Сегодня мы с Сашей¹¹ уезжаем в Полянки¹² — т. к. получили самые скверные известия о мамином здоровье — нет кухарки, мама сама готовит и совсем переутомилась — что скверно отзывается на ее сердце. Еду с очень беспокойной душой.

Когда увидишь «дядю»¹³, передай ему от моего имени, пожалуйста — что торговля перочинными ножами идет очень хорошо, что ножи идут нарасхват; осталось очень немного и я жду новых образцов; тогда торговля пойдет еще бойчее.

Рассказ мой кончен¹⁴. Мне нужно переделать только последние 10 строк — сложное психологическое состояние и в первой редакции звучит фальшью. Пришлю тебе, сейчас же как только «выношу» конец.

Все это время — последние дни — переживал очень бурное состояние. Я заведую журнальным отделом библиотеки — и мне без всяких просьб прислали самую мерзкую газету, какая только у нас есть.

Страшные дебаты — прения — голосование — и пока мы, стоящие за отказ, — в большинстве. В первый раз мне пришлось так много и долго публично говорить. Вопрос меня волновал страшно — я весь трясся от возмущения и волнения, когда говорил, — и *пока* наша победа. Все перезнакомились, партии обозначились резко, мы — дифференцируемся. Это дает мне нравственное удовлетворение.

Не забывай только своих обещаний: я жду Молостова¹⁵ и две карточки — Тебя и тебя с Люлем¹⁶. Поцелуй ее от меня.

Реферат¹⁷ мой по Платону подвигается. Я в октябре думаю его кончить. В литературу вчитался — у Новго-

родцева бываю — он со мной очень мил и внимателен. Сочинение на золотую медаль — может быть, будет по Канту¹⁸ («вещь в себе»), а м. быть, по Платону. Где и что Котик?¹⁹ Уезжает ли Висенька²⁰ за границу? Если дядя поедет через Москву — я надеюсь, он заедет ко мне хоть на минутку. Если меня (эту неделю) не будет — пусть вызовет Игоря Влад<имировича> Ильинского²¹, товарища моего.

Целую тебя крепко. Всем привет. Твой искр<енне> тебя люб<ящий> брат Иван.

2

Л. Я. Гуревич

1903, 12, 18. <Полянки>

Дорогая Любочка!

Я в Полянках второй день, и только сегодня переслали мне твою открытку, из которой я убедился: что ты не получила моего письма от 6 декабря²². Поэтому переписываю нужные тебе адреса и прибавляю пока 2 слова, с тем чтобы написать скоро длинно. Адрес г. Ш.²³ — Покровка Введенский пер. Д. Михайлова. <Адрес> г. А²⁴. не Красносельской, а Кузнечной слободы значился Хамовнич. части 1 уч. Плющиха д. 44 Белянкиной кв. 3; с 25 янв. 1903 г. выбыл станц. Люберцы Рязан. дор. Борца за идеализм²⁵ получил с чувством живой благодарности; прочел и пережил за тебя и с тобой все перипетии истории Сев<ерного> В<естника>²⁶. Шлю тебе еще раз выражение моей полной солидарности принципиальной и в практической деятельности. Когда я прочел твое объяснение, ты мне стала еще ближе и роднее. Про себя напишу после. Крепко тебя целую. И маму. Всем привет. В. Привет от родителей тебе к празднику.

3

Л. Я. Гуревич

1903. 12. 24 <Полянки>

Дорогая Люба!

Не хочется мне очень начинать письмо традиционным поздравлением. И ты и Катенька, наверное, убеждены обе, что я Вам и так желаю всего лучшего: без особых

предпраздничных о том с моей стороны клятв или просто заявлений. Убедите в этом и двух малюток, которые очень близки моему сердцу. И все-таки начал поздравлением. Не знаю, получила ли ты в конце концов нужные тебе адреса; все совершенства и аккуратность нашей «расейской» почты обрушились на нашу с тобой переписку за ноябрь — декабрь.

Поэтому на отдельном клочке прилагаю оба адреса в третий раз на всяк случай. Я пишу одновременно маме и пишу ей о том, что наиболее тяготит меня. Для меня встает во всей своей величине и трудности тот вопрос, о котором мы говорили с тобой и «дядей», когда ездили и плутали в лесу. К прямолинейной постановке его и неотложному решению я приведен силою вещей, с одной стороны, силою своих взглядов и дел — с другой. Я пишу ей, что в январе (во второй половине) непременно буду в Петербурге, чтобы видеться с Вами. Но ты, наверное, прочтешь мое письмо к ней. Я особенно хочу видеть Вас потому, что короткие открытки да и закрытые письма, содержание которых все время находится под давлением проклятой «силы вещей», совершенно не заменяет общения при свидании. Забыл, впрочем, у мамы спросить, могу ли я у нее остановиться; будь добра, спроси у нее и черкни: не стесню ли? Я писал тебе о впечатлении, вынесенном мною из Молоствовского «Борца». Он создал во мне, между прочим (как я ни избегал этого в интересах беспристрастия), предубеждение в пользу А<кима> Л<ьвовича>²⁷ и во всяком случае большой интерес к его трудам. У папы есть только «Русские Критики», которых я взял у него еще летом, но до чтения которых не добрался. Уж очень я утоп в Платоне. По всем видимостям, тема на золотую медаль будет дана Новгородцевым по Платону. С февраля же засяду за «вещь в себе» у Канта, если только не....

Сейчас работаю над логикой и психологией в связи с теорией познания.

Здесь, в Полянках, меня томит несколько отсутствие солидарности. Чтобы избежать нежелательных недоразумений, приходится всю внутреннюю работу скрывать в себе и опасаться за каждое неосторожно произнесенное

слово. Я не пишу об этом маме, чтобы не надоедать ей подробностями нашей семейной жизни; но ты знаешь, что она не удовлетворяет меня, и особенно живо я чувствую это теперь. «Заоблачные умствования» имеют для меня и большую практическую ценность. Здесь, в них-то, я ищу оснований для решения широких общественных вопросов, и непонимание этого заставляет меня каждый раз нравственно съеживаться и чувствовать отчужденность. Мне легче оттого, что я высказался тебе.

Катя, конечно, прочтет это письмо?

Катенька, я радуюсь на свидание с тобой в январе. Поцелуйте крошек. Помнит ли меня Люль? а Лизочка?²⁸
Целую всех. Ваня.

4

Л. Я. Гуревич

1904. 8. 28 <Полянки>

Дорогая Люба!

Рассчитывая, что ты приехала из Петербурга, пишу в Крюковку. Сегодня только Папа и Саша вернулись из Москвы; наняли нам комнату; адрес внизу прилагаю. Это в самой гуще московского студенческого квартала. Это порядочный недостаток, но что же делать. Хозяйка, видимо, корректна. Условия недорого. 20 р. комната и по 20 р. стол (2 еды, 3 чая) с головы. Квартира как будто удовлетворяет тем условиям, которым не удовлетворяет местность.

Напиши, как ты устроилась, 17-го надеюсь увидеться.

Война²⁹ идет каким-то вихрем.

Ляоян³⁰ висит на душе кошмаром. Свободный вздох оплачен ужасно дорого! Каждый день, читая газету, я думаю о Вас, и мне легче. В таких сложных, запутанных и тяжелых переживаниях — солидарность ценишь особенно.

Сегодня утром папа привез из Москвы кое-что интересное. Колебания, продолжавшиеся свыше месяца, закончились; Вы уже знаете это. В Москве рассказывают (к<a>к факт), что при столь сложных обстоятельствах наши общие знакомые обращались в винную монополию³¹ и гаагскую конференцию³²; но и там и тут было поставлено такое категорическое многоточие, что пришлось пригласить одного военного.

Кроме того рассказа³³, который я тебе посылаю, написанного мною еще в прошлом году, я состряпал еще поэму из кавказского быта³⁴. Вышло недурно, в духе Вити Солидарнова³⁵. Славный малый этот Витя. Он познакомил меня с одним господином, торговцем сигарами, который оказался весьма любезным и охотно предложил мне свои услуги. Я, конечно, и воспользовался его услугами; сигары прекрасные, гаванские и на фабричной марке написано что-то по-немецки.

Выборы наши были кассированы; я был и на вторых, которые прошли довольно хорошо. Все, что было, немного либерально мобилизовалось, пополнило ряды компромиссным сбродом, и партия губернского предводителя Драшусова³⁶ потерпела полное пор..... нет, отступила в порядке. Он сам (вот сокрушается об отмене порки!), проходивший в губ<ернские> предв<одители>, имея всего 7 черных, а в уезде и забывший, что такое вороной шарик, — получил 5 налево³⁷. Шаров было 33; папа получил налево три. Драшусовцы в полном унынии; впрочем, их и осталось всего 4-ро, в том числе 2 брата Драшусовы.

Пока больше ничего. Очень бы хотел иметь Люлькину карточку, но только хорошую, а не Бог знает какую. Скажи ей, что я ее крепко целую.

Поцелуй от меня мамочку, Котика и Лизаньку.

Дядя уехал, наверное. Аничке пишу отдельно. До 5 сент. пиши сюда (если соберешься), потом в Москву.

Висеньку приветствую через Аню.

Скажи Котику, что мне хотелось бы очень иметь от нее маленькую весточку.

Пишу письмо, как будто с тобой разговариваю: передо мной на письменном столе стоит твоя карточка.

Твой Хотя³⁸.

Москва, Малая Бронная, д. Носова, кв. 7.

Р. S. Сейчас перечел свой рассказ. Масса технических дефектов. Развязка совсем не удалась. Об напечатании, конечно, не может быть и речи. Но мне интересно, что ты скажешь — пиши или не пиши. Дай прочесть Котику, но с условием прислать мне рецензию. От рассказа повеяло на меня чем-то пережитым давно, но милым. Отправлю его завтра особо.

Л. Я. Гуревич

1905. 9. 29 <Москва>

Дорогая Любочка!

Спасибо тебе за вырезку. Сообщаю, что могу. Наборщики упорны и закоренелы. Помимо ряда политических требований — они предъявили 8 часов и жалованье. Газетчики жмутся. Говорят, газет не будет до 2, 3 окт. Кроме того, бастуют: механич<еский> завод Густава Лист<a>³⁹, 2 дня бастовал Эйнем⁴⁰ по принуждению рабочих Листа, и еще несколько небольших фабрик (большие оцеплены), часть булочных и слесаря городского трамвая. Говорят, всем руководят преступные организации социалистов-демократов и социалистов-революционеров, рабочие вооружены и 23-го одержали победу над взводом конной жандармерии. Под камнями и выстрелами жандармы in согре⁴¹ обратились в бегство. 25-го во время атаки булочной Филиппова спешившимися казаками — публика отвязала их лошадей и пустила бегать по городу. Схватки местами были жарки. Рабочие везде стреляли. Сегодня градоначальник объявил; что пострадало около 33-х человек полиции и войск, из них 1 убит; а про рабочих в объявлении (расклеенном) сказано, что ранено 6 — 7 человек. Тогда как социал-демократы передают, что 6 рабочих уже умерло и ранено (преимущ<ественно> во время конных разгоняний и рубки саблями и нагайками) несколько десятков (до сотни). Насколько я знаю, почти все предъявили политич<еские> требования.

Заявление, поданное рабочими Листа, — начинается так (я его видел у Лист<a>):

«Из чувства солидарности с забастовавшими товарищами-типографщиками и из протеста против произвола и насилий правительства, позволяющего себе разгонять сходки, собравшиеся для мирного обсуждения своих дел, мы, рабочие Густава Лист<a>, объявляем забастовку и выставляем след<ующие> треб<ования>. Далее следуют 40 пунктов с лишним, причем первые: Созыв Учр<едитель-ного> Собр<ания> на осн<ове> всеобщ<его> равн<ого> прям<ого> и тайного изб<иратель-ного> права, свободы, амнистия, 8 часов и т. д.»

С 25-го на 26-е бульвары баррикадировались скамейками, и массовки перенесены за город. Сегодня ждали объявления о военном положении; сегодня открыт университет и идут лекции. С Уманским я говорил. О женщинах ему уже пишут. Ефимова⁴² в Москве нет, и о Франсе⁴³ до его приезда нельзя узнать. Сегодня и вчера, кроме усиленных полицейских нарядов, ничего незаметно.

Стенька⁴⁴ мой разрешен напоенным цензором, когда он возвращался из Питера после взбучки. Устал я.

Жду телеграмму. Целую Вас всех.

Ваня.

6

Л. Я. Гуревич

1906. 6. 26. Крюковка

Дорогая моя Любочка!

Случайное обстоятельство превратило мою потребность написать тебе — в порыв.

Вчера получены были из СПб новые карточки и между ними та, на которой ты с Люлем. Карточка чудная. Но не знакомое и милое взволновало меня, а выражение... Все, что связано у тебя с Люлечкой и что в свое время было так нежно и близко, — хотя и издали, — пережито мною, такой волной неуловимых лучей и нитей живет на этой карточке, что трудно было оставаться спокойным. Она живет и говорит... И мне захотелось, нет, у меня явилось острое желание иметь ее; и мне захотелось еще и хочется, чтобы ее не видели вовсе те, кто не любит тебя очень. И мне захотелось скорее сказать тебе об этом.

Меня тяготит, что я не увижу тебя скоро. Я должен быть к 1 июля в Полянках, и здесь не могу оставаться долго. И мне не на что сетовать, потому что я знаю, что ты делаешь большое и важное дело; мама читала мне твое письмо. А между тем я так хотел и рассчитывал повидаться с тобою здесь, и это не вышло. Я не знаю, когда и при каких условиях я попаду опять сюда, а между тем попасть в Петербург мне еще труднее... За последние месяцы мое социальное положение несколько измени-

лось; я стал помощн<иком> прис<яжного> пов<еренного> и о моем оставлении при университете сделано официальное заявление на факультете. В августе осложнится мое семейное положение. Я и Наталия Николаевна думаем закрепить в глазах окружающих наши отношения, и для этого придется проделать эту навязчивую церковность. Потом мы думаем съездить в Полянки. Но все это не ранее середины августа⁴⁵. Не знаю, как сложатся у нее отношения с моей семьей, — это меня беспокоит.

Ничего индивидуально более глубокого я не могу сообщить тебе в письме. Мне очень грустно, что мы не повидались.

Мы (я и жена) только что сдали в печать перевод книги Эльцбихера «Der Anarchismus»⁴⁶ с нашим предисловием. Один из наших экземпляров этого перевода мы хотели по выходе книги предложить тебе.

Всех ваших я расспрашивал здесь о тебе, интересуясь мельчайшими подробностями. Невозможный и слабый суррогат личного общения!

Всем сердцем нежно тебя люблю.

Ваня.

7

Л. Я. Гуревич

1907. 16 сент. <Полянки>

Дорогая Любочка!

Не писал тебе до сих пор потому, что ждал от *тебя* сначала словечка и почти был уверен, что оно прилетит. Вот оно и прилетело! Но в нем есть одна вещичка, сделавшая мне больно. О ней прежде всего, ибо она до известной степени есть символ и выражение большого внутреннего стечения обстоятельств в наших отношениях

с тобой. А о чем же прежде всего, как не о самом важном?..

Как могла ты подумать, что я мог подумать, что твой отъезд в Петербург не есть нечто большое и внутренне важное? Вот первый вопрос, который я себе задал по прочтении твоего письма и скоро ответил себе на него, ибо ответ жил в душе и раньше. Потому случилось это, что потерялось живое прикосновение души к душе и яркое ощущение потускнело. Таково было стечение немолимых обстоятельств за последние два года. При известном отношении человека к человеку достаточно бывает крупниц, чтобы понять, скорее почувствовать многое, не данное сознанию непосредственно, и яркое ощущение этого-то отношения потускнело и поблекло у тебя по отношению ко мне. Тех крупниц, которые я добыл расспросами (в пределах допустимого, конечно) о том, что совершается и с кем и немногих слов, оброненных тобою в Москве той зимой, было для меня достаточно, чтобы я мог одно почувствовать вместе с тобой, а другое понять и объяснить про себя. Если бы даже я ни о чем не имел представления, то у меня неразрывно срослось с душой представление о том, что то, что заставляет тебя глубоко чувствовать и переживать положительное настроение, не может быть иным, как высоким и прекрасным.

Следует выговорить это: наши отношения, моя Любочка, существовали за последние два года в кредит. При редких встречах наших я ни разу не ощутил твою индивидуальность так ярко, как того непременно хотелось, как требовало эстетическое и еще другое чувство. Нет на свете ничего прекраснее — индивидуального, тем более прекраснее — прекрасного индивидуального. О целостности я не говорю, ибо она всегда *im werden begriffen*⁴⁷. Но когда этому *werden* становится предел и предел этот исходит от того, что по существу своему не есть непосредственно создающее новую индивидуальную ценность, то совершается медленное убийство; это убийство может быть и сознательным самоубийством, что это меняет? Ужасно, трагично, бесконечно трагичнее физического самоубийства, которое может и не быть медленным и, главное, которое оставляет в душе брезжащую иллю-

зию освобождения. Убить прекрасное, убить Бога — хорошо во имя прекрасного, во имя Бога; но во имя нивелирования — ужасно, невыносимо! Штирнер⁴⁸ в иллюзии, когда говорит, что бунтует против идеала вообще. Есть высшее, святейшее, для миллионов недостижимое самозаклание; о нем молчат все, ибо они его не знают; они кричат, что спокойная кабинетность есть сытость — и потому кричат они это, что спокойствие есть для них синоним физической малоподвижности, а геройство — отказ от физической сытости. Не понять двухмерному — трехмерного, как нам не ухватить идеи четвертого измерения. Пусть их! Но не уходи от этого самозаклания! Так, как ты уходила в эти два года. И каждый раз, как мы встречались, я живо чувствовал, что тебе не до себя, и уж подавно не до меня. Ибо я оторвался от служения неиндивидуальному (т. е. конечно: не индивидуальному *непосредственно*) и не мог найти тебя *в нем*; а *в тебе* — я тебя не находил. И каждое свидание давало мне болезненное ощущение того, что ты ушла от непосредственно-индивидуального, и наполняло меня бунтом, бунтом вообще, против принципа, против начала, ибо индивидуальное *единственно* и *невосстановимо* в своей прекрасности, ибо — неповторяемость конкретного всегда наполняет ужасом человека (в этом тайна «прошлого», тайна смерти), неповторяемость же прекрасного, дорогого мне прекрасного — наполняет меня страданием.

Таковы были эти два года. Мне верится, я почти уверен, что они кончились, что они в прошлом и, следовательно, неповторяемы. Но первым выражением и закреплением этой неповторимости для меня должно быть восстановление непосредственного и яркого ощущения наших отношений в той модифицированной форме, которая теперь имманентно присуща моим переживаниям и отношениям. Для меня будет огромной радостью, большим и светлым совершением, когда придут в настоящее соприкосновение ты и наша душа, ты и Таля и ты и я; возможность такого настоящего соприкосновения существовала всегда, но всякая возможность имеет два лица: лицо реализуемости и лицо нереализуемости, и во мне создалось интенсивное чувство (особенно после твоего

письма), что возможность эта уже повернулась к нам своим первым лицом, выражающим надежду и обещание. Твое письмо принесло мне психологическую реализуемость, его я ждал, серенький конверт принес мне маслянистую ветку; мое письмо несет тебе реализуемость объективную, которой, по-видимому, нет и следа в твоём. Во второй половине двадцатых чисел сентября мы переселяемся в Москву. Пусть твой отъезд из Крюковки будет около 1 октября, *не* раньше, но когда угодно позднее и ты уделишь нам столько дней в Москве, сколько окажется возможным. Не думай при этом ни секунды о внешнем устройении; все будет у нас и все будет для всех хорошо и удобно. Пусть мысль о каких-нибудь неудобствах ни на минутку не поселяется в тебе по отношению к Москве. Что же касается Люля, то расскажи Котику, как было бы хорошо, если бы ты провела у нас несколько дней, и она подарит нам их. Люль же тебя отпустит, я убежден в этом, ибо он у тебя понимает необычайно много и чутко...

Любочка моя, сделай это, сделай, выкрой эти несколько дней! Меня беспокоит только то обстоятельство, что глаза Котика требуют серьезного лечения и поездки на юг, но мне верится, что перст Разума устроит и ее здоровье, и наше свидание к лучшему.

Конец приходит моему письму. Я непременно напишу тебе, как мы читали и что думали о твоей драме. Но не в этом письме. Мы читали и твою последнюю вещь в августовской книжке Нивы. Кое-что напишется легче, чем скажется; но многое никогда не напишется, а может только непосредственно сказаться и конкретно почувствоваться. Напиши же мне хоть маленькую писульку с отрядным известием положительного характера. Мы тебя очень хотим в Москву, мы убеждены, что ты это устроишь! И целуем тебя крепко.

Ваня.

Тая шлет поцелуй Люлю. И я целую мою маленькую хозяйку. Передай ей это от ее «большого Игруша». А что, она передала тебе после твоего возвращения мой поцелуй? Если нет, спроси ее об этом.

8

Л. Я. Гуревич

<19>09. Янв. 30. <Москва>

Любочка моя!

Очень признателен тебе за рекомендацию и память. Экзамен мой состоится во второй половине февраля; за участь его я довольно покоен. Заниматься сейчас много не могу и потому для *рецензий* у меня (и у Тали) всегда найдется время. Рад всяким монетам и для начала посылаю тебе рец<ензию> о переводах Гюйо⁴⁹.

Очень прошу тебя, черкни мне о следующем:

- 1) Кому и куда направлять рецензии.
- 2) Сколько раз в месяц и регулярно ли будет идти библиотечный отдел.
- 3) *Можно ли написать о Вейнингере*⁵⁰ («Посев» выпустил второе издание и «Сфинкс» выпустил «Пол и характер» за 1 р. 50 к.).
- 4) Не может ли случиться такая нелепость, что я пришло что-нибудь, а н — уже есть; и что сделать во избежание такого скандала.
- 5) Как и в какие сроки будет высылаться мне гонорар.
- 6) Не тяжелы ли мои рецензии? Не нужно ли изменить их тон в какую-нибудь сторону?

На «Слово» думаю подписаться. На днях вышлю еще что-нибудь. Напр<имер>, о переводах Шеллинга, об Авенариусе⁵¹, Тэкерере, Штирнере, Рейснере⁵² и т. д.

Писать думаю оба. Одна подпись будет Н. В.⁵³, другая И. или целиком Ильин.

Очень тебя целуем и спасибимся (фу, какое уродское вышло слово).

Жду, жду, жду ответа!

Коварная ты! — Хоть бы одну свою фельетошечку прислала!

Люля целуем.

В<аня> и Т<аля>.

Л. Я. Гуревич

<19>09. Мая 30. <Москва?>

Любочка моя родная!

Одновременно с этим письмом я перевожу тебе по почте сто рублей. Возьми их, не колеблясь ни минуты; они мне *абсолютно* не нужны по крайней мере до марта 1910 года, но и после марта мне не будет в них зареза. *Твердо* верь, что у нас с Талей хватило бы элементарного эгоизма для того, чтобы не дать то, без чего мы не могли бы жить сами. *Никакого* отказа *ни в чем* нам не придется себе делать из-за этих денег: эти деньги просто лежали бы у нас в копилке. Зима наша обеспечена впереди прекрасно (чтение на высш<их> женск<их> юрид<ических> курсах даст мне 900 р. за *три* нед<ельных> часа и уроки в коммерческом от 400 — 700 рублей — столько мы еще никогда не проживали). Всякий же случайный нехват обеспечивается вполне широким кредитом личного характера, который я имею у М. И. Бруна⁵⁴: я беру у него как у родного отца. Словом, вопрос исчерпан. Об одном просим тебя неотступно: о тебе и Люле болит у нас душа — *себя* и *ее* имей в виду, тратя эти деньги; мы слишком чувствуем, как их мало и как не хватает их и тебе самой. И еще одно: не говори никому даже из близких об этом, пусть останется между нами тремя. Нет, и еще одно: не благодари нас *ни капельки*, как я не благодарил тебя, когда ты подписалась мне на «Слово».

Грущу о тебе и твоём состоянии бесконечно. Перед отъездом из Питера пришли нам открыткой уведомление. И все-таки, хоть в августе, мы зовем тебя, ужасно зовем, душою, к себе в Выропаевку⁵⁵, но только, конечно, если не будут вредны тебе разговоры.

Крепко целуем тебя и Люльчика и тревожимся за тебя и за твой заем.

Душою твой В<аня>.

О подписке на «Слово» не думай: я уже подписался от себя.

Береги себя! Свирепо, безжалостно береги себя!

Л. Я. Гуревич

1911. 7 февр./25 Jan. <Москва>
Любочка моя!

Спасибо тебе за открытку и известия. Получая известия о тебе (и о Вас) от Юлии Лазаревны⁵⁶, я постоянно беспокоюсь за тебя и браню тебя. Браню, конечно, за то, что не умеешь беречь себя так, как это необходимо и как это в высшем смысле «надлежит». У меня такое впечатление, что ты себя опять «впрягла» и именно теперь это особенно может entrücken⁵⁷, когда прямой неминуемости в этом нет! Какое-то внутреннее бессилие испытываю я от этого, то, что называется, «руки опускаются», и я в душе «бью» тебя; конечно, лишь так, как это вообще можно (даже в нравственно-бытовом смысле) по отношению к тебе. Я бы тебя вырвал с корнем из Питера, да в Москву бы, да... Ну, да что, впрочем; я лучше насчет всего этого тут поярюсь с Юлией Лазаревной. Да и фальшиво как-то: «я бы» да «я бы» — а сам за 1000 верст в пассивности и бессилии; декламации...

Как было уговорено, бесстыдно эксплуатирую тебя: посылаю рукопись и письмо для Струве⁵⁸. Очень прошу тебя переслать или передать ему это. Письмо к нему не запечатываю, чтобы ты, если захочешь, могла его прочесть. «Любезность»⁵⁹ вышла первоначально длинна; я ее два раза переработал и еще в окончательном виде сокращал и сократил. Теперь в ней два листа, т. е. 31 — 32 страницы «Русской Мысли». Просмотри в ней (если вообще захочется просмотреть) две последние главы, и тогда ты увидишь, какое большое количество материала пришлось совсем оставить за бортом или исключить потом. К тому, что я пишу Струве, могу только добавить, что сокращать ее еще я прямо не смог бы, ибо решительно все, без чего можно обойтись, я вышелушил. Чувствую себя очень заинтересованным в отзыве и ответе Струве, но впадать в схематизм и сухое абстрактное утверждение — невозможно.

Я читал «Любезность» у Ю<лии> Л<азаревны> в присутствии Тали, Ю<лии> Л<азаревны>, Шмуллера, обоих Штильманов, Хессина (случайно) и немножко Леон<ида>

Дав<ыдовича>⁶⁰. Их внимание доставило мне несколько приятных минут. Забавно было, когда уже после, за ужином, Шмуллер обозвал меня шутя «самозваной нянькой и воспитательницей»; смеялись.

Юлию Лазаревну я «взял в душу». Она — замечательная, обаятельная. Мечтал бы сохранить с ней отношения навсегда.

Со Штильманами видаемся. Он явно предпочитает Талю мне, и я ему в этом очень сочувствую. Я бы так же поступал на его месте, да и не только на его месте. Он — не банальный, умный и, что редко, искренно мягкий и добрый. Но без зияний и провалов, и поэтому иногда с ним скучновато. С Койгеншой⁶¹ же у нас не идет. Я как-то все боюсь, что она мужем выстрелит; а я прочел тут одну его статью *целиком* и совсем забраковал: выступка с «воображением» и пророчеством, а мысли квелье и путаные. А сказать ей нельзя; ну я и не прокашляюсь никак.

Прочел или, вернее, напряженно выпил твои статьи. Скажу, конечно, все искренно. Удивляюсь безукоризненности и меткости твоих суждений вкуса и не удовлетворяюсь (иногда сержусь) на некоторую неясность теоретических перспектив и целевых зовов. Душа требует большей определенности в вопросах: куда ведешь и что исповедуешь? Логическая недовыявленность художественных предчувствий — вот, что не дает мне удовлетворения. Знаю, как это необычайно трудно, но именно потому хочу этого. Хочется твердой поступи и большей зречести, большей яви; в *указующем* персте лежит нередко убедительность осуждения*. И хочется особенно потому, что так верны суждения вкуса и так стремительно благороден темперамент судьи. Антона Крайнего⁶² — *неприлично* читать после тебя.

Фельетон о Рейнгардте⁶³ прочел и огорчился. Правда, я многого не видал, что ты видела (Эдипа, Kammer-spiele⁶⁴), но и того, что я видел, — более чем довольно.

* А «их» всегда нужно *убеждать*, ибо интуиции нередко и даже обычно *ничего не стоят*.

если бы я написал то, что написал, обстоятельнее. Именно *убийственность* отсутствует в ней всецело; именно это и нет в вынесенных мною впечатлениях. Я хотел сказать тебе: мне кажется, что в той внутренней работе над собой, которую все мы обычно производим так, что пуантируем⁶⁶ более несовершенные и недоработанные места нашей души и вокруг них скопляем бессознательно совершенствующую энергию (как воины сбегаются на крепостных стенах к бреши) — что в этой работе *критика* (род<ительный> пад<еж>) над самим собою тебе следует обратить внимание на выявление *положительных* целей и задач, скажем, современного театра; к суждению вкуса, которое у тебя обыкновенно безукоризненно, четко и тонко, хочется большей положительно-теоретической яви. Это само собой подразумевает, что я чувствую: не только тебе *не* следует (с высшей точки зрения, с точки зрения объективной ценности — от субъективного, столь мучительно-сложного для тебя, я пока отвлекаюсь) не следует *бросать* критику, но следует к этой способности, к способности эстетического суждения, добавить известную теоретическую положительность. Мое впечатление: *не* «нехорошо написано», а «мало развита эта самая сущность того, к чему нужно стремиться, куда нужно идти». Хочется, чтобы в дальнейшем пуантировалось именно это, хочется *больше* об этом, и не вообще, а *именно от тебя*, и не от тебя такой, какая ты предносишься себе (другая, «умная», проглотившая в сто раз больше — все мы предносимся себе в таком «желанном» виде), а от тебя, *какая ты есть* и *какая может* сделать то, чего мне хочется. Конкретнее говоря, хочется знать, что значит углубление, оцельнение, оконкретнение театра и драмы? И в чем же, теоретически говоря, завоевания Станиславского⁶⁷? Он идет глубже, но *куда* глубже? И в чем сущность той *цельности* и того единства, которое он вносит? Не *плохо* то, что это еще не развито у тебя. А будет чудесно, если ты скажешь об этом. Скажешь — если *уже* знаешь и решила, и пуантируешь в душе, как подлежащее постепенному и для себя самой может быть незаметному прояснению, а затем написанию, — если *еще* не решила.

Хочется, напр<имер>, знать: что такое стилизация на сцене? в чем ее сущность? во всякой ли пьесе она допустима и поскольку? или не во всякой и почему не во всякой? касается она только линий? или линий и красок? или, кроме пространственного, еще и внутреннего, психического? и не есть ли *новая* «цельность» сценических постановок — эта самая стилизация? и как относится *цельность* всей постановки к отдельным составным моментам? К вещественному и к индивидуальности артиста? и в чем бесконечная возможность новых попыток оцельнения? И в чем сущность *пути* Станиславского (ибо *он* есть дух, движущий ныне театр)? В *переживании* и в *режиссерстве* и в *декорации*?

И если ты не скажешь этого, то кто же теперь может сказать это? А главное: я твердо убежден, что для этого нужны *не книги*, а *личные восприятия* человека, *любящего* худ<ожественный> театр так, как ты его любишь, и *внутреннее размышление* над ними. Здесь работа — бесконечно соблазнительная, благодарная и *неотложная* — ибо постановки Станиславского — до известной степени эфемериды...

Голубчик мой! Ну за что же ты будешь ненавидеть свои заметки? Они как свежий воздух, который пьешь и вздыхаешь; они *талантливы* и *ароматны*. Их нужно собирать и совершенствовать; и литературная антиномия — размер и качество мысли — не кажется мне столь безвыходной: *одна* теоретич<еская> мысль — может напитать целую заметку. А теперь о Толстом⁶⁸. Я *не сомневаюсь*, что то, что ты имеешь сказать о Толстом и его эстетике (я это чувствовал из разговоров с тобой в Берлине), будет еще свежее и тоньше, чем последние заметки. *Убеждаю тебя* и *всячески* уговариваю: забудь сомнения и всякую скромность, вспомни, что у тебя есть огромный источник для *верного* написания, и пиши. Этот источник — то интенсивное и интимное *ощущение его личности*, которое так цельно и эстетично, так *прекрасно* живет в тебе; мысль, *преломленная* в этом источнике, — есть *Glückskind*⁶⁹ «духовного мира», и если за *нее* можно беспокоиться, то... что же тогда вообще можно говорить с уверенностью на этом свете?!...

О Рейнгарде не возражаю: у тебя больше материала, ты больше видела, а о декоративной стороне я, кажется, действительно недопонял. Знаю только, что душа моя полна отврата к этому театру, этим постановкам (Фауст и Отелло) и этой игре.

Людам, по их малодушию, свойственно откладывать под конец самое трудное и сложное. Так и я. Я нахожусь в глубочайшей удрученности по вопросу о твоих личных путях и о твоём самочувствии. В высшей степени чувствую я эту трагическую позицию между требованием интимнейшего ядра и «внешними», если можно потерпеть здесь это слово, силами. И так сильно, так настойчиво требует душа, чтобы я сказал тебе: *брось все* и пиши то, что родится в душе и требует к себе внимания. Я понимаю твоё отношение к Струве, но... Ведь слово, данное Струве, *сам* Струве — ведь это в конце концов и в сущности *эмпирический факт* и можно ли, следует ли отдавать эмпирическому факту свой «голос», свой «дар» на изнасилование?.. Неужели же мораль, как ни хороша она «сама по себе», годится только на то, чтобы санкционировать *это* изнасилование и всякое другое? И, подходя к этому вопросу, я чувствую каждый раз внутреннее оупение оттого, что у меня есть только *моя воля*, которою не решишь ничего. Но если нельзя отказаться от Р<усской> М<ысли> вовсе — *поговори со Струве так, как ты написала мне или почти так*. Он должен многое понять, что кроме *Русской Мысли* и его, *Струве*, есть ещё *ты* и *что это-то и главное* в высшем смысле этого слова. Он должен понять это и отпустить тебя, если не совсем, то на «через месяц»* и согласиться на Речь. Тогда ты будешь писать в Р<усскую> М<ысль> о том, что «остаётся», а в Речь о том, что «уходит», *не стесняя себя* и не давая себя *залопывать*. Неужели же Струве, если он правда *Струве*, не сумеет найти в себе другой *высшей* точки зрения, неужели он *только редактор* Р<усской> Мысли?

Тоньше ещё и мучительнее, чувствую я, твоё отношение к Ю<лии> Л<азарвне>. Тут я не решаюсь сказать

* т. е. чтобы готовить *через* книжку статью.

что бы то ни было. Я просто впитал в себя все, что ты пишешь, и испытал за тебя. Чувствую, однако, что я бы ей написал все как есть. Есть случаи, когда надо просто *верить в человека*, и я *верю*, что если *вера* есть, а она в этом случае должна быть, то *одна наличность* ее гарантирует, что будет и в «нем» то, что нужно. Я переживаю Ю<лию> Л<азаревну> так, что лишил бы ее и удовлетворения от сознания, что ее помощь не так непосредственно действительна. И потом... если помогаешь *мне*, так помогай *мне в моем лучшем*, в том, чего я *хочу как своего лучшего* и что я *люблю в себе*. И, думается, чудится мне, что она должна это понять и так же пережить.

Больно слушать, когда ты говоришь о том, что ты виновата и понесешь наказание. Боже мой! Неужели тебе еще следует быть наказываемой, неужели не довольно с тебя? Нет: что есть во мне бодрости, я бы дал тебе, чтобы ты *твердо шла* за осуществлением того, что ты в себе растешь и любишь. Что в том, что «она» или «они» не верят или сомневаются? Хоть бы *весь мир отрицал*. То, что прет, пусть прет свободно, хотя бы ценою «свинства». Но Струве *должен понять и разрешить* тебя от необходимости понести в душе новую тяжесть, хотя бы и «полугадкого» отказа и «подвода».

Все, что напишешь, все присылай мне: я заранее люблю каждую твою вещь и протестую против твоего обещания ненавидеть ее!

Отношения твои с Люлем чувствуются очень близко и живо из твоего письма, но, видит Бог, если взять все вместе, все осложнения и затруднения твоей эмпирической и сверхэмпирической (главное) жизни — то «бедной девочки» — я не переживал в тебе ни одной минуты. У Тали есть одно свойство: она ощущает в самых сложных и трагических конфликтах, в которых стоят другие, тем менее жалости к ним и тем более «верящего» требования, чем больше и выше ценит стоящего в конфликте и антиномии. Это свойство я заимствовал у нее (конечно, в пределах даденности) и именно так ощущаю теперь тебя. Чем труднее, тем сильнее; чем сложнее, тем бодрее. И

верю, верю удивительно твердо, что в пределах *физической* силы *духовно-творческая* обречена в тебе на победу. *Сила*, которая хочет творить в нас, — *не от нас*: вот одна из последних тайн, о которых трудно, и не нужно, и кощунственно говорить. Так и с тобою.

Я не пишу тебе пока больше ни о чем, мой родной, мой близкий Люб; все откладываю, а *просьбу* о студенте не забуду. Непременно пришли мне о «ритме» — интересно и ценно. Сегодня пришло письмо от мамочки. Скажи ей, что я ее нежно люблю.

Котик и ее семья, Луарсаб⁷⁰ — не иначе воспринимаются мною, как угнетающе. Подсунула ли ты Луарсабу Фрейда? Не забудь!..

Крепко тебя обнимаю и очень верю в твой путь *из* антинормии и к «себе». Таля тебя и Люля целует. Я тоже.

Твой душою В<аня>.

Непременно напиши, если *что-нибудь* решишь. С Ю<лией> Л<азаревной> я буду осторожен.

12

Л. Я. Гуревич

1911. 27/14 мая. Гёттинген

Любочка моя!

Ты с трудом только можешь себе представить, как меня тронула та коллекция ругательств, которую я получил от тебя только что. У меня, видишь ли, *всю жизнь* было впечатление, что я на тебя «опоздал» и что разве только необычайная мягкость и любезность твоего душевного капельдинера пустит меня «постоять» на галерке твоей души. Конечно, никто не был виноват в этом, и не потому только, что «обвиноватить *никого* нельзя», а потому, что было очевидно, что *так*, а не иначе сложившаяся констелляция⁷¹ *времен* принадлежит к ряду объективного That bestand'a⁷², где категория «вины» *абсолютно* не гнездится. Но брань твоя — *хочет* чего-то от меня, и я на минуту серьезно почувствовал, что я тебе «сгодился»...*

Прежде всего о тебе. «Толстого» мы прочли, конечно, немедленно по получении. Твоя работа приковывает к

* Начало вышло какое-то туповато-жалковатое, но зато проглотил-ся давний глоток.

себе с самого начала глубиной и значительностью *твоего личного* переживания. Она несколько смятенная и порывистая, но это и есть тот верный тон, в котором «прилично» (в высшем смысле этого слова) писать о Толстом. Это самое достойное и по подходу любовное и бережное из всего, что было за последний год написано о Толстом. От этого, конечно, еще больше почувствовалась та линючая и мелкодонная болтовня, которой набилась печать после его смерти.

Статья твоя, страдающая и взволнованная, осветила для меня лично Толстого, как теоретика красоты, совсем по-новому, и если интуитивное ощущение мое верно, то *большинство* сказанного тобою о нем — верно какой-то *внутренней*, не познающей, а постигающей и чующей, волнующей верностью. Чуждость этого необычайного человека и родимость его осязались заново и изблизи; и почувствовалось, как зов и долг: оправдать его искания от того налета или той оболочки чуждающегося идиотизма, в которой душа современного обывателя, ищущая поводов для того, чтобы отмахнуться от назойливого бурава его мысли, — приучила себя воспринимать его искания.

Отличительная черта гения — трагическая борьба за *органически-единое* узрение Несказанного в элементе мысли и в элементе художественного — была свойственна Толстому в особом, своеобразном роде, и это я почувствовал с большою определенностью. Твоя работа беспокоит, и будоражит, и вызывает ощущение того художественного умонастроения, в котором ты сейчас живешь. Хочется, чтобы ты уверенно и бодро шла им в своем творчестве; ведь только «голоса, зовущие в ночи» — суть наши подлинные Вехи. Не кончу сейчас письма; спешно отрываюсь.

Я не писал тебе долго потому, что почти тотчас же по приезде в Гёттинген сделал большое внутреннее усилие и ушел в учение. Усилие было нужно тем большее, что за месяц жадного, пьющего зрения душа отвыкла от категорий рационального, и мне все казалось, что глубокое

никак *не* может быть выражено *не* линией и формой, без них. Успокоился тогда, когда почувствовал опять, что *может*, но тяготеет и к ним⁷³.

В настоящее время философия переживает тот момент, когда понятие прожило свое богатство, износилось и протерлось внутренне до дыры. И современные гносеологи напрасно выворачивают его, надеясь починить его как-нибудь или уповая на самочинное внутреннее зарождение в нем нового содержания. *Понятие голодает* по содержанию все сильнее и сильнее; оно вспоминает те времена, когда в нем жило бесконечное богатство, когда оно само несло в себе бездну; понятие жадно тянется к иррациональному, к неизмеримой полноте и глубине духовной жизни. Не *погибнуть* в иррациональном, а *впитать* его и расцвести в нем и с ним — вот чего оно хочет; философия должна вспыхнуть и развернуть неизмеримые недра в себе, не порывая своего родства с наукой, т. е. сохраняя в себе борьбу за доказательность и ясность. Вне этого ей остается или мучительное умирание на школьных станках, или захлебывание в набегающей пене эмпирической религиозности. Пустословие заразлившегося рационализма и пышнословие самодовольного православничания — вот полюса ее гибели. Душа моя тоскует по синтезу глубины переживания с победною кристалльностью формы и тянется к тем огромным, к тем героям, которые видели этот свет, как желанный и путеводный. Есть тысячи видов и оттенков сочетания этих полюсов, но иного уже не захочет тот, кто коснулся и ожегся об этот свет.

Целые гнезда выжжены во мне тем, что я видел, главное во Флоренции. И возвращаясь к этим гнездам, я сам невольно удерживаю дыхание и умолкаю, чтобы не коснуться недостойно этих мест. Что-то постарело за этот месяц во мне, что-то свернулось и ушло в себя. Знание не только радость и боль, знание — старость и молчание. Что-то медленно, но тяжело и бесповоротно перелаживается во мне, и говорить об этом невозможно. Какие-то

углы и опоры вышли из равновесия перед тем, как уложиться окончательно и по-новому.

Завтра к нам приезжает по пути из Лондона и Парижа Юлия Лазаревна. Будет нас, наверное, сманивать в Тегернзее, но мы стремимся в августе на *океан* и хотим ее *туда* сманить. К океану меня влечет неудержимо, и если мы не умрем до тех пор, то это — реализуется. Здесь же мы устроились хорошо; много зелени и тишины, много ученья и иногда даже интересное общение с Гуссерлем⁷⁴ и его школой. Пробудем тут во всяком случае до начала августа. А в сентябре — в Париж. Командировка моя кончается в декабре 1912 года; подал прошение о продолжении ее на 1/2 года; боюсь не дадут, тогда придется вернуться посреди зимы, взять лекции и провести полугодие на бивуаках, ибо квартиры не найдешь в январе. Было бы очень хорошо получить продолжение; тогда удалось бы проехать в конце апреля прямо в Выропаевку и до осени 1912 года сильно подвинуть диссертацию о Гегеле. Иначе, конечно, все затормозится. Возвращаться в Москву тягостно из-за университета; могут забить его сволочью; ревизия, назначенная Кассо⁷⁵, — гнусность мелкого злобствующего хама. Хуже всего то, что за 10 лет своего московского профессорства он мог вышпионить какие-нибудь случайные упущения, — и теперь думает предать наших суду. Тягостно!..

Лекции мне обеспечены во всяком случае на женских юрид<ических> курсах. Постараюсь в университете не читать, но могут заставить рано или поздно. Уход всеобщий был, кажется, все-таки героической ошибкой...

Все, что ты напишешь о художниках, — ты *обязана* прислать мне сюда. Иначе уж я напишу тебе ругалку, но такую, что не вспомнишься!.. Боюсь очень, как бы не сняли Карамазовых со сцены к моему возвращению в Россию. Напиши о Станиславском! Ты знаешь, как я ценю его нумен⁷⁶ и его феномены! Жадно хотел бы видеть Леонидова⁷⁷ в Карамазовых!

В последнем письмеце твоём ты ничего не писала о себе, и теперь только я узнал из ругалочки твоей, что ты уезжаешь 20-го в деревню. *Страшно одобряю* тебя за это; деревня — это *незаменимо!* Напиши, что будешь делать там, что читать? Что писать? Напиши непременно, говорила ли со Струве? И как теперь твои отношения к Рус<ской> Мысли? Главное — очисти себе место для духа, который ищет себе выхода!

Как хорошо было бы нам: Ю<лии> Л<азаревне>, тебе и нам пожить в августе вместе на океане! Поучиться и поотдыхать и развить *свою* атмосферу!!

Напиши мне о Люлечке и о маме. Скажи им обоим от меня такое большое и соответственное каждой.

Тая шлет тебе привет и целует Люля и тебя. От нас обоих всем твоим привет. Но письмо это оставь про тебя (впрочем, от мамы оно не таится).

Написал в марте новую большую вещь о Фихте⁷⁸, хочу отослать в Вопросы Философии. «Archiv für systematische Philosophie»⁷⁹ принял мою статью для напечатания по-немецки (это работа о Праве и Силе⁸⁰); скажи об этом Луарсабу. Котику и ему собираюсь написать.

От Струве не имею пока ничего и очень жалею; хотелось бы очень слышать его непосредственно. Не говорил ли он, *когда* пустит? Присылают ли они гранки? Это важно! Не послать ли в редакцию отдельно мой адрес? Крепко тебя обнимаю, моя родная и милая.

Твой Ванька.

13

Л. Я. Гуревич <1911. 24/11 июля. <Гёттинген>

Любочка! Пишу тебе письмо; когда кончу — пришлю. Все-таки через несколько дней, вероятно, ибо понабилась спешная работа (читаю почти подряд два доклада) (гранки валяются и т. д.). А комкать письмо не могу. Я тебе благодарен превыше всяческих: очень ты меня пуссируешь⁸¹. Может быть, и впрямь приложусь Саккеру⁸². Напиши мне сейчас же на открыточке, знаешь ли ты серию художеств<енных> выпусков под названием «*Die blauen Bücher*»⁸³ и есть ли у тебя что-нибудь из этой се-

рии; и что именно? Германия нам надоела до невыносимости (собственно — *немцы*, конечно); мечтаем расстаться с ними. Командировка моя выяснится не раньше *конца декабря*, а до тех пор я буду в подлейшей неизвестности. Скажи мамочке, что я ее крепко люблю и радуюсь свиданию с ней. Не брани меня! Очень твой В. 1911 24/11 июля. Помнишь ли эту картину?⁸⁴

14

Л. Я. Гуревич

1911. 13 Juli. <Гёттинген>

Любочка моя! Я сам очень остро чувствую всю глубокую нецензурность моего «письменного» поведения; но бывают периоды, когда никак не пишется, да и все тут. Пусть Филиппо Липпи искупит мои грехи. Но именно в такие периоды тем сильнее хочется *получить*, чем невозможнее написать, и ты имей это обстоятельство пред душою. После твоего большого письма я много мысленно говорил с тобою и тебе, но тогда уже не писалось. Люлька бедненькая огорчает меня; скажи ей, как мы оба ей сочувствуем. Чрезвычайно хотелось бы знать, что ты сейчас делаешь и над чем внутренне работаешь и сосредоточиваешься. Если тебе не гнусно от моих пауз, то напиши мне об этом! Мы же ведем здесь абсолютно тихую жизнь и только мечтаем об океане. Просидим тут до 10 августа по-здешнему, а потом двинем через Кельн, Майнц, Страсбург (соборы!) в Швейцарию, там проведем пешком и в горах дней 7 — 8 и затем осядем недели на три — в Бретани у океана. Но до тех пор я еще напишу. А пока тишина и надоевший до отвращения Гёттинген. Съездим на днях еще в Кассель, там много Рембрандта. От Струве имел письмо, «любезное»; чувствую, что оно дело твоих дружеских инфюэнций. В скором времени читаю здесь два доклада, в двух различных и враждебных друг другу кружках. Вынашиваю новый *essey*⁸⁵: «О пошлости» и иногда, предвкушая, ляскаю зубами от писательского аппетита. Вообще обдумываю и задумываю так много, что в минуты утомления или упадка кажусь себе дуралеем. В Москве неблагополучно: на нашу кафедру

назначили невежду и пошляка Байкова⁸⁶, международника, у которого есть книжонка о международном положении папы; год тому назад он в течение целого полугодия не мог прочесть ни одной лекции у нас на курсах... за отсутствием слушательниц. Меня он знает и терпеть не может. Мечтаю открыть параллельный курс ему. А диссертацию придется защищать у Петражицкого. Крепко, душевно, всегда твой В<аня>. Таля тебя целует. Адрес даю. Жду вестей.

15

Л. Я. Гуревич

1911. 7 авг. <Гёттинген>

Любочка! Посылаю тебе эту кассельскую церковь, неделю тому назад радовавшую мой взор. Уезжаем из Геттингена завтра утром. Едем в Кельн и там ночуем. Пиши мне на Геттинген, откуда мне будут пересылать. Радуюсь отъезду из здешней дыры, порядком мне надоевшей. Поцелуй от меня Катеньку и деток и напиши мне о себе, пока хоть открытку. Послал тебе длинное письмо, но не заказным, и беспокоюсь, дошло ли оно? Недавно получил открытку от Штильмана (Schlachtensee bei Berlin. Kurstrasse 3⁸⁷). Он спрашивал о твоём адресе. Пиши! Твой В<аня>

1911. 7 авг.

16

Л. Я. Гуревич

1911. 12 авг./ 30 июля <Гёттинген>

Любочка моя! По многим обстоятельствам посылаю тебе открытку, а (все еще) не письмо. Отправление твоё получил. Послал тебе на днях заказную бандероль; не удивляйся, если получишь из Тулы повестку. Мы просидим еще в Геттингене около недели, и до отъезда я напишу тебе. Вот уже месяц, как тут стоит деморализующая жара, духота и томление. Мещанство мелких немцев надоскучило в высокой степени. Радуюсь отъезду, соборам, горам и океану, с которыми вступим в ближайшее общение. Получил письмо от С. И. Чацкиной⁸⁸, извини, очень милое, но очень дамское (в смысле деловой сторо-

ны дела). Тогда же ей ответил. Дать им сейчас ничего не могу: не пишу сейчас ничего. Нашла на меня полоса молчания; даже рецензий не стряпаю. О чем ты пишешь сейчас в Русскую Мысль? Крепко целую тебя, мамочку, Котика и деток.

Твой душевно В<аня>.

17

Л. Я. Гуревич 1911. 13 Авг./ 31 июля. <Бретань>
Любочка моя!

Сколько ни возвращался я мысленно к тому пункту, на котором сосредоточились за последнее время твои работы, я неизменно выносил впечатление, что суть дела сводится к теоретически-практическому вопросу о том, что такое «художественность». И вот, мне представляется, что вопрос этот принадлежит к числу так называемых мною «круглых» вопросов, т. е. таких, пограничная оболочка которых до незацепимости гладка и до возвращения к исходному пункту незацепима. Это бывает с вопросами, которые или вовсе и никогда никем не поднимались, или о которых давно не говорилось ничего истинно нового и проникающего; в последнем случае бывает обыкновенно так, что добытое кем-то и когда-то, взрытая зацепка — примаслилась опять и втерлась (от ходового злоупотребления) опять, назад, в свое старое гнездо. И шар проблемы вертится в руках без успеха и без раскрытия. Надо «надкусить» поверхность, как кожу у апельсина...

Для таких вопросов, которым несть числа в логике и вообще во всех философских областях, — за последнее время стал выработываться так наз. «феноменологический» метод, сущность которого (в корне своем он стар, как сама философия) состоит, говоря в двух словах, в следующем правиле: «анализу того или другого предмета должно предшествовать *интуитивное* погружение в *переживание* анализируемого предмета». Значит: фиксируй прежде всего то, что подлежит исследованию (в данном случае «художественность как объективное свойство словесно-изобразительных эстетических созданий»); вы-

бери ряд более или менее ярких случаев несомненной наличности такой художественности (для контраста хороши бывают неровные или смешанные случаи и примеры) и, закрыв глаза на 1. предрассудки, 2. всякие уже готовые на этот счет теории, 3. на свои собственные предубеждения, 4. на себя, как переживающую или преломляющую среду — уйди с головой в переживания этой художественности; при этом проделывай (протivoестественное для цельного переживания) рефлектирующее обрывание его, для ради наиболее адекватной фиксации данного тебе «художественного» в его сущности. Добытое опиши так, как оно было тебе дано. Материалы таких описательных анализов — дадут путь к прорыву круглого вопроса.

Этот феноменологический или дескриптивный метод, у сознательного возродителя коего (в логике) я провел теперь все лето (Гуссерль, Husserl), дает и может дать несомненно массу нового и удивительно, непредставимо ценного по своему значению. Там, где виделись пустоты, оказываются заселенные места, где виделись заселенные места — обнаруживаются мнимые проблемы. Но главное — в гуманитарных, а особенно философских областях это есть единственный путь к тому «надкусу», о котором я только что упомянул.

Я очертил эту схему кратко и сжато. Но сущность этих операций, которую Husserl характеризует, «sich etwas zur Gegebenheit bringen»⁸⁹ и «schauen»⁹⁰, постигается лучше всего в непосредственных самостоятельных опытах. В них возможны и необходимы *повторные возвращения* к одному и тому же переживанию, проверки и возобновления процесса; в них важны изолирующие тот или другой момент *эксперименты*, постепенное восхождение от элементарной по составу художественности к исследованию наиболее сложных, глубоких и спорных примеров; нужна известная энергия и настойчивость в выборе материала; страшно полезно бывает общение и взаимная проверка у сходно мыслящих. Особенно последнее может дать много: бодрость в движении, поправки, выяснения. И это возможно потому, что schauen одну и ту же сущность, данную в переживании, может каждый.

Несомненно еще, что все мы нередко фактически проделываем эти или сходные операции или пытаемся их проделать. Но важно признать сущность этих операций и стремиться к их постоянному и сознательному (если не систематическому) проделыванию. Важна, конечно, запись добытого, хотя бы не систематическая.

Пробраться сквозь чашу спекулятивных придумок и рассудочных построений, навязывающихся нашей ленивой мысли (ибо у всех нас она, матушка, склонна на готовеньком выезжать) с бойкостью сухаревских приказчиков — вот первый и очень трудный этап в этой работе. Тривиальненькие ходячести умеют прижиматься в уголок и симулировать свое отсутствие. Но даже если и не вычистишь их — каждый шаг по этому живому пути, сплетающему непосредственную, умирающую в созерцании предмета, интуицию с улавливающим и прикрепляющим анализом — каждый шаг дарит цветок настоящего познания, во всем, свойственном ему, свежем благоухании.

Было бы очень интересно произвести такой опыт: взять что-нибудь из Чехова (у меня есть с собой IV том Марксовского издания), не из самого лучшего, и попытаться сказать, что в нем художественно и почему. И потом написать друг другу или, если возможно будет, свидетелься и обменяться добытым. Я убежден, что ты много пыталась уже на этом пути, не называя, может быть, этого феноменологическим анализом.

Вести из России не радуют. Цинизм последних и готовящихся мероприятий министерства народного просвещения производит впечатление какой-то жажды побить рекорд, выкинуть не виданное даже еще и в России. И я не только боюсь, но отчасти знаю как факт, что атмосфера, создаваемая этими мерами, — деморализует многих. Вспомни хотя бы «боязнь» профессоров медич<инского> института ходатайствовать за увольняемых, дабы «не попасть в опалу, в проскрипцию» и т. д. Из Москвы долетают иногда вести еще более горькие. Внутренне с тревогой оглядываешься и ищешь, где же тот большой и сильный, который сказал бы нужное, необходимое, что обожгло бы общественную душу, потрясло бы ее и остановило бы те расползающиеся щели и

трещины, от которых шатается и осыпается все, без чего трудно дышать. Горько чувствую отсутствие С. Н. Трубецкого⁹¹; не знаю, кого бы можно было назвать еще после него. Толстой... он далеко стоял от этих кругов.

Тягостно возвращаться в Москву. Я даже не могу представить себе, сколь далеко зашла эта противоестественная дифференциация на «ушедших» и «оставшихся»⁹². Знаю только, что появились люди, ругающие ушедших за не-этическую атмосферу, созданную «ушедшими» в университете за то время, пока они были у дел. Как покажется тебе такое суждение: «правые (т. е. ликующие свиньи) профессора Моск<овского> унив<ерситета> могут ссылаться в оправдание своего поведения на партийность и недостаточную культурность-этичность левых, в бытность их у власти»?

Суждение это выдвигается Б. Кистяковским, не могущим простить факультету, что на кафедру госуд<арственного> права провели не его, а С. А. Котляревского⁹³.

Итак: ты *был* подл; он *стал* подл; молчи на его подлость, ибо ты был сам подл. В воздухе слышится призыв к совокупной, упоенной соборной подлости...

Не знаю, как придется жить в атмосфере такого давления.

Есть недоразумения, которые не следует исправлять. В своем последнем *большом* письме ты писала по поводу моей мысли, «что я опоздал на тебя». То, что ты написала, было само по себе настолько важно, ценно и существенно, что мне не хотелось разъяснять отсутствие основания для твоих возражений. Под «опозданием моим на тебя» имелось в виду не то, что «ты в прошлом» или что «я не догнал тебя», — а нечто гораздо более простое: у меня было чувство, что в твоём душевном помещении все места, отведенные (не для идей или чувств, Боже упаси!), а для людей — не только разобраны, но задолго вперед расписаны; или иначе — что отношений к *людям* у тебя настолько много и настолько качественно разнообразных и интенсивных, что тебе самым-таки простым и естест-

венным образом — не до меня. Это было мне больно, но поделаться с этим нельзя было ничего: я «пришел» тогда, когда тебя уже «расхватили» и все, что ты могла отвести на «отношения к людям», было (по моему личному убеждению) превзойдено. Я думал и чувствовал, что нужно не о том хлопотать, как бы протереться к тебе, а о том, чтобы отшелушить от тебя побольше народу, претендующего на то, чтобы искупаться в даденной тебе, обаятельной душевной благостыне.

Но повторяю: нужно радоваться, что мое мимоходное сообщение о сравнительно совершенно незначительных и отошедших в прошлое переживаньях — вызвало «по недоразумению» столь значительные и мне лично дорогие проявления с твоей стороны. Я всегда мечтал о том, чтобы быть в состоянии «дать» тебе что-либо, хотя бы немножечко...

Твое физическое самочувствие удручает меня. Тем более, что эмпирические условия твоей жизни обладают особым даром вязать петли и завязывать узлы, ничему не благоприятствующие. Ощущение такое, как будто хочется заставить тебя что-то оборвать, оторвать или вырвать; но каждый раз, как походишь конкретно, видишь, как все разбегается под руками, как все оказывается не поддающимся изменению; руки опускаются, и с грустью думаешь о «материальных» невозможностях и о мифичности американских дядей. Все эти «Русские» и иные «Мысли» и «Ежегодники» хороши только при условии предположенной гармонии между пустотой *их* страниц и испанностью *моих* листков, гармонией, требующей перемещения последних на первые. Иначе же...

Я теперь ничего не пишу; в молчании есть своя прелесть, свой отдых, покойная глубина. Да, фактически говоря, было бы и некуда. В Вопросах Философии лежит рукопись, в Русской Мысли лежит рукопись, в Германии тоже лежит одна. А в другие места не тянет. Внутренно часто возвращаюсь к вопросу о пошлости и фе-

номенологически стучусь в нее. Если напишу, то позднее или для Р<усской> Мысли или для Вопр<осов> Фил<ософии>. Писать о ней надо бережно; в самой теме так много суда, обличения и боли, что опасность: больше осудить, чем познать — очень велика. Надо еще глубже вскрыть источники ее в *самом себе*; и напрасно не понимают люди, что истинный суд включает суд над собой и истинное обличение — самообличение. *Творческое* «нет» есть непременно «нет» по отношению к элементам своего микрокосма. Ненавистность пошлости — неопишима; у немцев захлебываешься в ней. Все живое воплощение высот — деградирующе. И самодовольство этого вседеградирующего массового хрюка — вопиет о себе не престаивая.

Получила ли ты мой оттиск статьи о Штирнере⁹⁴ и прочла ли его? Хотелось бы слышать о нем, хоть два словечка. Я послал его тебе в конце марта из Берлина.

Неопределенность моего положения в смысле командировки действительно велика и неприятна. Вплоть до последнего мига не буду знать — возвращаюсь я немедленно, с тем чтобы жить в Москве 1/2 года на бивуаках и срыву возобновлять с полгода чтение лекций, — или получу возможность еще поработать спокойно и подвинуть диссертацию настолько, чтобы можно было будущим летом, проскочив в Выропаевку, *начать писать* ее уже текстуально... Угрожающие мне бесквартирные, необеспеченные, хаотически-нелепые 1/2 года временами очень удручают меня. Главное, что задержатся работы по диссертации; а она у меня и без того не очень мчится. Не хочется подходить к ней, как к академическому испытанию, и отодвигать на второй план ее научно-творческий характер. Хочется, чтобы это была *Leistung*⁹⁵, а не смазанная магистерская компиляция. Мечтаю издать ее потом по-немецки; ибо знаю хорошо, что она, так же как и моя последняя работа о Фихте — никому не будет нужна в России. А в Германии может быть кому-нибудь и сгодится.

Главное стремление мое — обуздать в работе формально методологический, все разлагающий и распыляющий в анализе подход, который мне легок и свойственен, и сделать то, что труднее и важнее: дать синтети-

чески строящее вскрытие. Знаю только, что о чужих мыслях меня больше не тянет писать: как ни старайся, хоть разорвись — все не то, и чувствуешь себя добросовестным лгуном.

Когда побываешь в Москве и почувствуешь новые подготовки Станиславского, не забудь написать мне о том нарочито. Одна из моих давних и заветных мечт — иметь какую-нибудь связь с этим театром — может быть, долго еще не осуществится, и я рад, что могу иметь через тебя нити и живые трепетные касания с Конст<антином> Сергеевичем. Этот человек, выдвинувший Россию в сценическом искусстве на то положение, на которое Толстой поставил ее в художественном и морально-философском отношении, имеет какую-то необычайно притягательную силу. От него прекраснее жить на свете...

Я радуюсь сильно океану. Не знаю, может быть, и правда «все — из воды»... Я увидел море впервые в Венеции, на Лидо, и после двухчасового общения с ним трудно было уходить. Тогда-то мы и решили поехать непременно на океан; он должен знать какую-то древнюю, первую мудрость, и известные сомнения должны быть стерты им. Есть пределы, на которых «нельзя» и «неизбежно» должны утрачивать свою непереносность; и другое.

Ю<лия> Л<азаревна> звала нас на Тегерн-зее; мы звали ее на океан. Она не переносит океана. А для нас он слишком важен. Она была у нас в Геттингене заездом. Мы хорошо повидались с ней.

Не удивляйся моему молчанию из Италии; и не кори за него. Я убежден, что тебе лишь «потом», позднее стали стерпимы и нужны слова. Вероятно, это и со мной так будет. Но «тогда» и там их не хотелось и не нужно было. Ни самому говорить, ни слышать. Я и теперь говорю о том, что я там видел (хочется сказать: «что там было»), с трудом и иногда с болью. Если другой пережил то же,

что я, или сходное — то это радостно, и тогда без слов все ясно; если же он нашел другое — нередко обратное, то говорить абсолютно не хочется, ибо мои слова профанирующие, а его грубы, как конская скребница по языку. Я уверен, что если бы мы с тобой увиделись, то ограничивались бы такими восклицаниями: «а помнишь «это»?!» а знаешь «это»?!» а еще «это»?!» Но ведь в письме этого не напишешь: выйдет глупо...

А с течением времени, позднее, когда захочется слов и выжженные в душе места обрастут обыкновенной кожей, — мы с тобой увидимся и наговоримся «о Флоренции».

Кончаю на этом, Любочка моя! Адрес мой на месяца два еще до парижского адреса и поселения — годится Геттингенский. Они аккуратно пересылают.

Пиши мне, невзирая на возможные паузы, каждый раз, как тебе будет хотеться; я знаю, что иногда такое молчание, которое мне свойственно, производит впечатление *отсутствия* реакции, но это совсем не то; твое письмо, полученное мною, — ни одним словом своим не пропадает втуне, да и нужно ли говорить об этом?

Передай мамочке и всем Вашим душевный привет от нас обоих. Мы крепко целуем тебя.

Жду ответных звуков и откликов *quam potest velociter*⁹⁶.

Твой В<аня>.

18

Л. Я. Гуревич

1911. 1 дек. Париж
17 ноя<бря>.

Любочка моя!

Отвечаю тебе с маленьким промедлением, потому что эти дни мы проводили здесь бурно с Ю<лией> Лаз<аревной>, которая склонилась на наши зовы и прикатила в Париж. Она еще здесь, но схватила грипп, и потому мы сегодня ведем жизнь несколько более чинную.

Прежде всего брось мне немедленно открытку с двумя словами о том, как прошла операция у Люля; мы тут все

ждем твоей телеграммы, которую должны переслать сюда из Берлина, но пока нет ее. Очень надеюсь, что все благополучно; мы оба, Таля и я, прошли через это своевременно; но Люль твой ведь существо сложное во всех отношениях.

Что касается моей просьбы, то я уже бранил себя за то, что не учел, что ты себе из этого устроишь кучу хлопот... *Не делай ничего, чего нельзя сделать между прочим!* А то я буду упрекать себя и на душе будет неровно.

Перевод мне желаннее потому, что заработать нужные мне 200 — 300 рублей гораздо легче *так*, чем статьями. Не могу позволить себе *без зареза* писать о том, что душа *еще не родит*. С удовольствием переведу для Саккера статьи Зиммеля⁹⁷. *Может быть* напишу ему что-нибудь и от себя. Но бюджет не знает «может быть», а требует «наверное». (Писать же большую работу *научную* не могу теперь. Душа хочет молчать и не терпит насилия. «Может быть» она через месяц заорет; но опять только «может быть».

Вот мотив нужды (но *пока* в секрете!): Министерство мне наверное откажет в продолжении командировки на 1/2 года, ибо об этом похлопочут из Москвы факультетские приспешники Кассы⁹⁸, не имеющие ко мне никакой «предилекции»⁹⁹, а совсем наоборот. Таковы сведения из Москвы. А диссертация требует еще трех месяцев заграницы. Делаю заем у друзей и проведу январь — март в Берлине (живя в Шарлоттенбурге и обедая у Ю<лии> Л<азаревны>). На лето опять нужны будут деньги, и, след<овательно>, теперь же по возможности перевод. В крайности, конечно, возьму и беллетристику. Если иного не окажется.

Струве очень любезен. На днях прислал мне книг для рецензий.

Хорошо было бы перевести что-нибудь по философии университета и научной деятельности — классическое. Напр<имер>, Fichte. Ueber das Wesen des Gelehrten und Bestimmung des Gelehrten,

или Steffens. Über die Idee der Universitäten,

или Schleiermacher. Gedanken über Universitäten,

или Schelling. Ueber das Wesen des akademischen Unterrichts¹⁰⁰.

Все это говорит об *идеальной* и *моральной* сущности университетского преподавания, а нам это ведь в поучение!

Прочли твою статью о Толстом в Ежемесячнике. Ты его прекрасно чувствуешь: благородно, цельно, интимно! Жду еще присылки!

Таля вышла в Вопросах Философии. За октябрь — появилась первая треть; за декабрь остальное выйдет¹⁰¹. Кажется, она думает прислать тебе оттиски в виде овалов.

Крепко тебя целую и люблю. Не беспокой себя из-за моего дела.

Твой душевно В<аня>.

Неужели мамочка все еще в деревне?

Целуем бедненького Люлика.

<Приписка:> Ю<лия> Л<азаревна> дорога нам и близка.

19

Л. Я. Гуревич

<? Кельн>¹⁰²

Любочка моя! Я все время нахожусь в курсе дел и знаю все о тебе и о Люлечке (мне пишет Ю<лия> Л<азаревна>). На днях имел письмо от мамы (тети Любы¹⁰³). Ты знаешь, как ты мне близка и дорога и как я воспринимаю известия от тебя. Мне трудно добавить что-нибудь к этому; если бы я мог, я бы пылинки сдувал с твоей души, чтобы она летела свободно, куда ей хочется. Но никогда не хватало у меня духа — признать ненужность тех бремен, которые ложатся на самые нежные струны души; не знаю, зачем они; но самая степень их тяжести и нелепости (как страдание самого дорогого и невиноватого существа) — заставляет не произносить хулу, на минуту облегчающую душу. Пишу из Кельна, где мы проводим день на пути из Парижа в Берлин. Мы думаем поселиться около Ю<лии> Л<азаревны> и обедать у нее. Как я был бы рад пожить где-нибудь с тобою, в общении! Мы оба обнимаем тебя и Люлечку. В<аня>.

Л. Я. Гуревич

1912. 19/6 февр. <Берлин>

Любочка моя!

Я не мог ждать письма от тебя и тем более был рад ему. Я действительно был все время в курсе дел через Ю<лию> Л<азаревну>, но писания ее — неизменно коротки и неистовы, и только твоё письмо дало мне возможность почувствовать все с большей определенностью и некоторым приближением. Поведение малютки действительно таково, что почти не верится; но в то же время настолько несомненно осязается подлинность его, что слово «малютка» оказывается допустимым только с субъективной стороны; объективно же — это героизм зрелой и большой души. Твой рассказ вливает в душу чувство благоговейного уважения.

Хотелось бы несколько защититься в твоих глазах. Я не знаю, *что именно* Ю<лия> Л<азаревна> передавала тебе от нас обоих (якобы), думаю, что *не это* и существенно, ибо «дурного» она и не могла ничего сказать. Но дело в *напоре*, и в нем я неповинен. Есть вещи, которые можно предложить только намеком, есть вещи, для которых и намека может оказаться слишком много. Ведь здесь *все* есть дело интуитивного творения в *данный* момент общения. Как же быть ответственным заглазно? И может быть, то, что в намеке не было бы более в *напоре*, — ранило и огорчало...

Я люблю Ю<лию> Л<азаревну> и потому говорю теперь то, что я говорил. В ее отношении к людям слишком преобладает элемент агрессивного воздействия и за этим, основным для нее, свойством в общении — элемент учета, «пассивного» восприятия черт личности, элемент бережно-адекватного понимания и сообразования — может оказаться иногда отодвинутым сильно назад. В этом для нее есть одно большое оправдание: в ее *личной* жизни, в ее основной *судьбе*, эта неуравновешенность души, которая есть *в то же время* *eo ipso*¹⁰⁴ неуравновешенность темперамента, — играет слишком большую и *роковую* роль. И зная это, любя ее *всю*, я многое «прощаю» (плохое слово!) ей: от этого рока ее

пути трудны и сложны и она сама первая несет на себе его тяжесть. Знаю, впрочем, что это *не* неисправимо. Но пока...

Не кончу сегодня. Очень поздно, а за спиной девятичасовой рабочий день. Устал.

20/7 февр.

Мы с ней действительно не раз с волнением обсуждали тебя и твои дела; разводили чужую «беду» руками, как водится, решая, что лучше всего «то» и «это» и «так»...

Но главное вот в чем. Всегда действуй так, как тянет всего сильнее действовать, ибо интуиция твоя верна и тонка. Это не правило для всех, но для некоторых.

Из твоей фразы «летом увидимся» — вывожу, что ты хочешь быть в Крюковке. Было бы превосходно, если бы тебя «потянуло» побывать у нас в Выропаевке! Самочувствие же твое меня сильно удручает. Не знаешь, что сделать и сказать и придумать, и руки бессильно опускаются. Хочется постоянно напоминать тебе о необходимости «защитной» скорлупы и о необходимости беречь себя!!

Мы проживем в Берлине до начала заграничного апреля. Затем думаем уехать на месяц в Италию, через Бамберг, Нюрнберг, Флоренцию — в Рим, чтобы к двадцатому русскому апреля вернуться через Вену в Москву, а к 1 мая быть в Выропаевке.

Непременно напиши мне еще сюда, хотя бы открытками о себе и о Люлечке. Передай ей от нас обоих привет и уважение.

Крепко тебя целуем. В<аня>.

21/8 февр.

Письмо это было уже заклеено, когда я получил от тебя второе. Спасибо тебе за память и заботу. Несмотря на то что министерство *отказало* мне в продолжении стипендии (все уходит на заграничные гнусные семинарии), я передумал теперь о переводе и решил не искать такового. Крепкое спасибо тебе за предложение.

Что же касается наших обедов у Ю<лии> Л<азаревны>, то я думаю, что ты не права. Твоя точка зрения на этот вопрос покоится, как мне кажется, на несколько анахронистическом понимании наших с ней отношений. Эти отношения, с *нашей* по крайней мере стороны, настолько серьезны, основательны и *окончательны*, что *никакие* «переживаньица» не могут иметь здесь влияния. Мало того: если бы я *даже* сомневался в *своем* к ней отношении, то это было бы тем большим основанием поставить его на испытание через установление *эмпирического со-жития*. Если бы «переживаньица» (возможность которых *всегда* и *со всеми* налицо) повлияли бы — то значит отношения стоят не многого и *нечего жалеть* о них!

Неужели ты думаешь, что возможность эмпирических трений не была нам ясна? Неужели ты думаешь, что «хаотичность» ее «домостроя» нам не знакома?! И все же у нас не было почти никакого колебания.

«Стеснять» и «стесняться»? Ну, да! Да в каком же со-житии можно обойтись без того и без другого? «Обедает ли кто? «гостит» ли; «снимает ли комнату»; и т. д. и т. д. Ну и пусть! Если *главное ценно* и *важно*, то можно ли думать об этих пустяках. Ю<лия> Л<азаревна> знает наши нравы и обычаи; мы знаем ее обычаи и нравы. И тем не менее — она предлагает, а мы скоро и легко соглашаемся. Ибо в основе лежит чрезвычайно прочное ощущение отношений. Я ни с кем и никогда не был так прям и прост, как с ней. И она знает это и ценит. Посему «трения» — были не только не страшны, но в возможности своей *даже* желательны. Это был бы *не* нежеланный материал для жизненного творчества отношений, повод обнаружить их *не* эмпирическую цену и прочность.

Твой силлогизм:

Трения и запинки очень возможны;

Осадок их может испортить отношения; посему лучше избегать повода к трениям.

Наш силлогизм:

Трения и запинки очень возможны;

Отношения настолько выше этого, что трения суть не трения, а повод к иллюстрации *их* качества;

Посему нет оснований избегать повода к тренингам*.
Все это пока *теоретически*.

Но и практически я не вижу, чтобы какие-нибудь тренинги с Ю<лией> Л<азаревной> возникли. Все идет до сих пор (вот уже 1 1/2 месяца) очень гладко, едим мы вовремя, питаемся хорошо, и сытно, и вкусно. Дружим с Леонидом Давыдовичем, Шмуллером и Киком¹⁰⁵. И недостает только (и очень сильно) самой «хаотической генеральши». Откуда же осложнения? Зачем «переживанья»? И если бы мы были чем-нибудь *недовольны*, то первая узнала бы об этом сама Ю<лия> Л<азаревна>. Так-таки прямо бы и сказал *немедленно и все в лицо*. А если это были бы *пустяки*, то о пустяках не «разговаривают». А если бы «обеда» эти *совсем* не пошли, то мы бы «ушли», и все тут. Словом, я не вижу оснований жалеть о нашем решении или считать его неправильным.

Я думаю, что если ты учтешь все это и, главное, те *фактические* элементы, которые так сильно «возмужали» с прошлого года (я разумею наши отношения с Ю<лией> Л<азаревной>), то ты просто перестанешь беспокоиться; что и требовалось доказать.

Эта твоя забота мне очень дорога — духовно; но эмпирически — она не нужна, и ты ее с себя сними.

Очень тебя целуем и (pardon) любим.

Твой Иоганнес (*не* Росмер¹⁰⁶).

Таля прочла это и заметила, смеясь: «целый трактат об обедах»...

<Приписка:> Кстати: мое вегетарианство давно уже вылетело в трубу; жру все, что придется, и никаких.

21

Л. Я. Гуревич

<1912. 1 апреля. Рим>

Любочка моя! Пишу тебе из Рима. Мы выехали из Берлина 24 марта; заехали в Бамберг (ради собора), провели день в Нюрнберге, 4 часа в Болонье и 4 дня во Флоренции. Вчера приехали в Рим. Кажется, что из Бер-

* Примечание. Особенно не следует делать этих избегательств, когда в основе повода лежит ценное эмпирического (частичного) сожителства (т. е. *постоянное ежедневное* видание и общение).

лина уехали месяц тому назад. В Риме пробудем дней 10, в Неаполе дня 4 и с отдыхами во Флоренции и Вене вернемся в Россию. Душа с утра до вечера полна восприятиями. Сообщить что-нибудь более определенное — трудно. Напиши мне по прилагаемому адресу *во Флоренцию* о себе и о Люлике. Очень прошу тебя об этом; хотя бы открытку! Напиши, долго ли ты думаешь весною сидеть в Петербурге и когда в Крюковку? Мы водворимся в начале мая в Выропаевке, где я думаю уйти с головой в диссертацию. Приехала ли Ю<лия> Л<азаревна> из Берлина? Посылаю ей открытку по твоему адресу. Мы оба целуем тебя и Люлика. Береги себя, как можно настойчивее и больше! И напиши. Твой В<аня>.

Получила ли ты от Тали оттиск? 1912. 1 (апреля).

22

Л. Я. Гуревич <? 17.6.1912. *Выропаевка*>¹⁰⁷

Любочка! Думаем ехать в Москву числа 5 или 6 июля с поездом ростовским № 8, приходящим в Москву 7.45 вечера, отходящим из Лазарева 2.35 дня, третьим классом. Если же с ним не будет мест, то со следующим, пассажирским, № 11, приходящим в Москву 10.55 вечера и отходящим из Лазарева 4.13 дня. Точно день назначить не можем, но за 2 суток телеграфируем: «выезжаем» и число. Тогда, если это возможно, — ты к нам в Ревякине подсядь. Если что-нибудь неудобно — ответь теперь же письмом; успеем получить. Пришел ли ответ Котику? Когда она едет? Мамочку и всех целуем. Твой Ваня.

23

Л. Я. Гуревич 1912. 13 авг. <*Выропаевка*>

Любочка моя! От нашего крюковского посещения у нас с тобой вышли одни оборыши. И это неприятно и несколько смутно. О многом существенном ничего не было сказано. Не говоря уже об интендантских инструкциях, но даже, например, ближайшая эмпирия твоя осталась для нас неясной. Как думаешь ты устроиться в Москве? И не пригодимся ли мы тебе в смысле подыскания

чего-нибудь и тогда с какого срока, в каком роде, в какую цену и т. д.? Будь это, напр<имер>, год тому назад, ты нашла бы все у Марии Андреевны¹⁰⁸, которая давала и стол на деревенской провизии. Весьма возможно, что и теперь удастся легко найти что-нибудь аналогичное: удобное и добросовестное. И хотелось бы непременно недалеко от нас, чтобы можно было часто и хорошо видаться.

Напиши нам об этом, не откладывая; надо будет все обдумать заранее. Когда ты думаешь быть в Москве? К первому октября наша квартира будет, наверное, настолько уже приведена в сносный вид, чтобы ты могла остановиться у нас на первое время. До октября же, дней десять, ералаш будет, наверное, непредставимейший. Точный адрес наш: Воздвиженка, Крестовоздвиженский переулок, д. 2, кв. 36 (во дворе).

Обо всем этом буду ждать известий.

Таля рассказывала мне кое-что из Ваших с ней разговоров, и я многое в душе говорил тебе в возражение и в сообщение.

В общем это все можно обсуждать, конечно, только устно. Но в частности хотелось мне только одно фактическое установить с несомненностью.

Именно. Я никогда не представлял себе, чтобы Луарсабу удалось справиться с психоанализом самому. Это настолько вполне *ausgeschlossen*¹⁰⁹, что и речи быть не может. Но уравниваться до известной степени он один и самостоятельно мог бы, думается мне. Может быть, именно настолько, чтобы убедиться 1) в невозможности делать педагогические опыты в его современном состоянии; 2) в необходимости хорошенько почиститься анализом у врача аналитика; 3) в трансцендентальной допустимости и позволительности этого лечения. Надо же, в самом деле, настолько высоко ценить свою эмпирическую личность, чтобы решиться оказать ей честь — подведением ее под осознанные человечеством всеобщие законы эмпирического душевного бытия! И можно ли надеяться на то, что сможешь совершить отречение от

своей *духовной* единичности (за то именно, что она единичность, конечность), если лелеешь, и бережешь, и копишь свою *эмпирическую* единичность!

Я нарочно и принципиально *не* уговаривал его (в Петербурге) лечиться анализом. Но говорил лишь теоретически. Он *сам* однажды спросил меня после глубокого и мрачного раздумья: «*Так* ты думаешь, что мне следует посоветоваться с этим венским профессором?» А я сказал: «Да, я думаю, что это был бы правильный выход». И все. И больше на эту тему ни слова.

С смущением думаю о возможном общении со Станиславским. Уж очень я доморощенный в вопросах сценической эстетики. Может быть столь же, сколь он — в философии. Но ведь «лезть» будет не он в философию, а я в «театр». И уж очень он велик в *своем видении*; не потрафлю в самый раз...

Оба крепко тебя целуем. Всем наш привет и мамочке особенный и выдающийся. Очень кланяюсь Грише¹¹⁰.

Твой В<аня>.

Леле привет.

24

Л. Я. Гуревич

1912. 15 сент.

Любочка ты наша! А у тебя против нас в душе деревянно. Но это ничего. Мы тебя любим и целуем. 20-го переезжаем в Москву. И поздравляем ко дню ангела. Сделай милость, пропиши нам о себе в Москву: что ты? и где? И как что решилось? И как насчет Москвы? А мы будем ждать вестей. И не будь к нам неласкова. Право же, не за что. Ты только посмотри на все из Вечного, и пройдет. В<аня>.

25

Л. Я. Гуревич

25 окт. 1912. <Выропаевка>

Любочка моя! Не брани меня за молчание; самозаставлялка моя очень исчерпывается лекционностью. Знаю, что мое молчание неприлично в высшем смысле

этого слова, но не могу никак прервать его. Беспokoюся о твоём недомогании и о том, что некому властно беречь тебя... Я был у Станиславского в среду 17 октября, обедал и просидел весь вечер. Впечатление такое, что этот гениальный человек гораздо нужнее мне и гораздо больше даёт мне, чем я ему. Или точнее: то, что у меня есть — или уже имеется у него, или ему субъективно не нужно; а то, что ему нужно практически и по его самочувствию — сотворчество в феноменологическом изучении аффективной жизни, — на это у меня не хватит времени; отчасти не хватит и доброй воли, ибо калеча непосредственность моего мышления феноменологической работой над *мыслью*, я испытываю острую потребность *не* калечить моего чувствования, сумасшедше-углубленного культурой, «произвольного чувствования». А без этого, кажется, будет трудно помогать ему. Кажется, я и на него самого произвел «лишнее» впечатление. Тем не менее собираюсь посещать его студию. Напиши о себе непременно, а то очень становится беспокойно за тебя. Ваня.

26

Л. Я. Гуревич

1912. 5 дек. <Москва>

Любочка моя!

Очень хотелось бы вестей от тебя. Напиши мне при первой возможности о себе и своих делах. Я постоянно «заталкиваю» в себе мысль о твоих материальных делах, до того она беспокойная и укоряющая. Наконец, на днях докатилось ко мне известие о предстоящем твоём вступлении в Художественный отдел Русской Мысли, и признаюсь, что одна возможность такого слуха принесла мне некоторую радость и облегчение. Хотелось бы знать, сколь это вероятно или верно. О предстоящем уходе Брюсова¹¹¹ слышал ещё раньше. Слух сей храню пока от всякого разбóлта.

У Станиславского после той открытки был в студии всего один раз. Имел с ним ещё беседу. В Художественном театре видел пока только Гамлета и На дне (играл К<онстантин> С<ергеевич>). Гамлет произвел тягостное впечатление. Духовная суть драмы недопонята

и недо-объяснена. За исключением Лужского¹¹², треть<е>степенных ролей (Розенкр<анца> и Гильд<естерна>, убийцы в Гонзаго) и кое-чего у Качалова¹¹³ — игра артистов убога. Крэг¹¹⁴ во всей постановке и в замысле явно мешал Станиславскому, и «стиль» пьесы (то, что называю стилем) вовсе не найден. Есть грубые и элементарные художественные лапсусы.

Впечатление, в общем, такое, что если и впредь <у> Станиславского в атмосфере его исканий будет не хватать принципиализирующего осмысления его гениальных завоеваний, то многие откровения его художественного дара могут и для него самого и в истории сцены поблекнуть, отпасть и затеряться: нет сознания, что «*это завоеванное что-нибудь*» (напр<имер>: говорение зрителю через непосредственную незаметность художественного образа, а не через рефлексивно-придуманый и рефлексивно-воспринимаемый сценический трюк (декоративного или иного характера); или: необходимость найти единый все-освещающий духовный стержень *драмы* и сделать его все-определяющим и все-о-необходимливающим стержнем *постановки*) художественно *необходимо*, а не случайно удачная интуиция, и если необходимо — то почему. По-видимому, недостаточно обставлен и литературно-метафизический анализ драмы. Может быть, я напишу в об этом К<онстантину> С<ергеевичу> письмо.

Зато в личных исканиях своей студии Станиславский изумительно прогрессивен. Глубок и обаятелен. Мешает ему несколько неумение *объяснить*; он гений для *конгениально понимающего* или же для заражающейся об него ординарной души. Но когда этой ординарной душе нужно *объяснить*, то здесь он бывает бессилен: не хватает психологического знания, педагогического дара, фиксирующей предмет *мысли*.

Словом, ему очень трудно справляться с данным ему или его гению эстетическим откровением.

Вот и все пока.

Я живу тихо. Вокруг все кишит человеко-образными. Людей мало. Но зато тем дороже и чудеснее эти человеки. Лекции меня утомляют все меньше и меньше. Иногда

(по субботам) прочитав 5 часов лекций (от 10 — 1 и от 2 — 4), я прихожу домой и сажусь читать или заниматься. То, о чем я читаю (лекции), постоянно волнует меня. Слушаю, как в душе растут травы и деревья и все крепнет и сбрасывает свою субъективистичность — она Сама: Очевидность духовных обстоятельств. Пределы моих интересов за это время: Студия Станиславского и Психиатрическая клиника. Диссертация постепенно двигается. Читал в Психологическом обществе доклад «о сущности смысла».

Есть поручение к тебе. Владимир Иванович и Евдокия Ивановна Герье¹¹⁵, кои сейчас и до 20 декабря в Петербурге, очень просят тебя, не выберутся ли у тебя свободные полчаса, чтобы познакомиться с ними и побеседовать о Записках Смирновой¹¹⁶. Евдокия Ивановна стоит сейчас в центре разбора бумаг обоих Станкевичей¹¹⁷ и очень нуждается в нескольких указаниях от тебя применительно к той эпохе. Оба они очень стары и почтенны и потому просили тебя позвонить к ним в Европейскую Гостиницу. Если тебе почему-нибудь нельзя, то хоть напиши им. Они очень просили.

Хотелось бы очень повидаться с тобой. Не соберешься ли в Москву? Было бы превосходно!

Припиши мне несколько слов о Кате и Луарсабе. Мы оба крепко целуем тебя и Лелечку. И еще просьба: сообщи, пожалуйста, адрес Ю. Л. Крейцер.

Таля шлет тебе отдельно еще привет и все собирается написать тебе. Я ее дразню, что она так и прособирается.

Квартирой мы довольны. Прислугой — не довольны. Вот и все пока.

Пиши же.

Твой В<аня>.

Моментами мне кажется, что у меня вырвется скоро из-под пера нечто «о сценической стилизации». Можно ли отдать это тогда Струве? Т. е. ты, лично, ничего не имела бы против?

Л. Я. Гуревич

1912. 20 дек. <Москва>

Любочка моя!

Уж не знаю, право, угодит тебе моя заметка о пьесе Л. Андреева¹¹⁸ или не угодит. И ты мне об этом напиши; хорошо было бы, если бы к этому ты дала мне — какие-либо критические, литературные и технические указания. И то поэтому жду от тебя соответствующих вестей.

А с своей стороны я хотел бы сказать следующее. В предвидении дальнейших каких-нибудь возможных театральных эксцессов с моей стороны я прошу тебя оставить за мною наименование «Н. Костомаров» и под таковою подписью в случае чего меня и пропечатывать. Извести меня, пожалуйста, бывает ли у Вас мзда и какая? Я очень хотел бы, чтобы мне в дополнение к сей предполагаемой мзде выслали еще экземпляров 5 того номера, где в случае чего оказалась бы какая-нибудь статейка за подписью «Костомарова»¹¹⁹.

Напиши мне еще, могла ли бы ты отвести мне место, может быть на целый фельетон, для статьи о нашем Императорском *Малом* театре? Там творится разнузданная пошлость во всех отношениях, насаждаемая Южиным¹²⁰ и его приспешниками. А московские газеты (и в числе их Русская Мысль, *incredible aspectu*¹²¹, устами Кизеветтера¹²²) превозносят сие публичное заведение. Уже *публика* Малого театра, воспитываемая им к этой пошлости, начинает шикать на премьерях, а г. Игнатов¹²³ пишет: «Если все роды искусства, кроме скучного, хороши, то пьеса Беляева¹²⁴ — *Дама из Торжка* — хорошая пьеса: все время публика смеется, о *зевоте* нет и помину». Сие дословно. Отсюда еще шаг, и театральная критика поставит в актив пьесы или исполнения (и может быть, этим актив будет исчерпываться)... отсутствие бурчания в животе у публики. Вообще я рад, что с Русскими Ведомостями дела не имею.

Но потребность излягать Малый театр велика и обильна. Южин публично бахвалится своим умением угадывать вкусы публики.

С Станиславским выдаюсь редко: боюсь, что ему со мною неинтересно и непонятно. В студии был раза три.

К<онстантин> С<ергеевич> со мною очень любезен. Но я его побаиваюсь. Взгляд его на андреевскую пьесу ты, конечно, знаешь лучше меня. В оценке артистов я душою не кривил (в заметке), но про Германову¹²⁵ сказал гораздо мягче, чем можно было. В последнем действии она очень ярка, но отсутствие стыда у Ек<атерины> Ивановны может легко (при таком изображении) вызвать у зрителей не столько обостренный стыд, и жалость, и отвращение, и ужас, сколько — соблазн. Неблагополучно будет, если зритель начнет ходить в Худож<ественный> театр — чтобы его испытать. У Германовой недостает трагически-страдающей разорванности в *духе*. От страдающего инстинкта — у нее максимум болит *душа*. При встрече договорим с тобой многое психопатологическое, намеченное вскользь в моей заметке.

А в прочих пунктах мы живы и здоровы. Таля понемногу двигает свою работу по эстетике¹²⁶, а у меня ползет Гегель и еще разное. Медленно, но настойчиво собираем вокруг себя людей, связанных с нами, как и мы с ними, — глутью.

В Петербург *не* собираемся, но думаем, что если бы ты сюда побывала, хотя бы накоротке, то мы с тобой обо многом глубоко повидались бы.

Крепко целуем тебя и Лёлю.

Твой В<аня>.

В скором времени познакомимся с В. М. Волькенштейном¹²⁷ и Н. Л. Шапиром¹²⁸.

Напиши о Луарсабе!

28

Л. Я. Гуревич

1912. 31 дек. <Москва>

Любочка моя!

В ответ на твое последнее письмо скажу тебе откровенно, что когда я прочел мою заметку в Рус<ской> Молве, то был расстроен и рассержен настолько, что решил не писать больше. Ибо если даже ты находишь, что слова «откровение», «ведение», «несытость» для газеты непереносимы; что в газетных статьях об искусстве банальный читатель должен находить все ясным и глад-

ким, как на поверхности куриного яйца, что по отношению даже к дурному искусству газета может и должна держаться строго единой программы осуждения (ведь само собой разумеется, что я *сам* видел Сторицына¹²⁹ в Малом театре; как это похоже на меня — писать «понаслышке»!); что, наконец, редактор имеет право «уяс-нить», упрощать, вставлять «героинь» и т<ому> под<об-ное>, — *то, очевидно, мне в газетах, как таковых, не место, разве если когда-нибудь будет своя.* Я, когда писал эту заметку, *никуда* не торопился, писал страшно медленно, взвешивая каждое слово; два раза бросал в корзину полстатьи. Писал целый день, предпочитая опоздать с заметкою на сутки. Перебирал все оттенки, вычеркивал в пять этажей. Неясность оставил нарочно, считая педагогически необходимым лишать читателя благополучной удобо-понятности или пищеварительного благополучия. Заботился больше всего: чтобы, говоря все же для газеты, не погрешить перед максимальным, перед Предметом, перед Духом.

Пример: я пишу: «темнота не преодолевалась *откровением* невинности страдающей души». Ты исправляешь «*ощущением* невинности»... Не говоря уже о том, что отменен весь мой философский и эстетический подход к Андрееву из третьего, самого глубокого измерения; — получается *фактическая* грубая ошибка, свидетельствующая о нечуткости или невнимательности г. Н. Костомарова. *Смутное ощущение*, что Е<катерина> И<вановна> невиновна, а виновен муж ее, Георгий, наполняет душу и Георгия, и Качалова, и прекрасно последним передано. Но от смутного догадывающегося ощущения, не передающегося зрителям, т. е. не становящегося их собственным ведением, — до *откровения* невинности, во всем его ослепительном и бездонном значении — лежит океан целого философски-эстетического измерения (от двух-мерности к трехмерности).

Почерк пера выключил *меня* из заметки и облагодолучил ее. Нет: — оскопил ее.

Я радовался, что не моя фамилия под заметкой, и решил воздерживаться. После твоей приписки о корректорах — я мысленно дал каждому из них по морде. Передай

им это от меня при случае в нравственно-допустимых выражениях.

Меня подкупили ныне твои слова о «любовном и бережном печатании»; и еще отношение Адрианова¹³⁰, если ты только точно его передаешь.

Имея в виду это твое обещание, приняв его в полный и большой серьез, попытаюсь прислать еще.

Не сердись (глупое слово) и не брани меня за резкое письмо. Я бы и совсем ничего тогда не написал бы, если бы не твое последнее письмо. Пойми только, что я не могу, соглашаясь писать в газету, чувствовать себя искажителем, упростителем etc. по отношению к предмету. Я и на лекциях, стремясь к максимальной верности и понятности, показываю предмет во *всей* его сложности, оставляю целые углы *нарочно* в неясности. Ибо иначе я должен буду или симулировать отсутствие их и наличность исчерпанности, или превращать каждую лекцию в диссертацию. Второе эмпирически невозможно. Первое духом недопустимо: тогда *мне не нужно жить*, если нужна Челпановски-Хвостовская и Шершеневичева¹³¹ причесанная и легонькая ясность. Поистине — к черту ее!

Попытаюсь сделать то, чего хочет Адрианов. Напиши мне на летучке его имя и отчество, я спишусь с ним лично. Во всяком случае я *сам* новых книг почти не вижу и писать смогу только о присланном.

О Степуне¹³² скажу тебе только то, что тебе важно знать. Ты хорошо сделала, что его не отшила. Это и умный, и талантливый человек. Одно только: он *не любит, не знает*, не интересуется и, главное, *не чувствует* ни Станиславского, ни всего устремления художников. Играл сам, говорят, удачно. Всей душой прилетит к *старой школе* и *Малому театру*. Из художников признает только Качалова. Дружит с ничтожнейшими из актериков Малого театра. Читал доклад об «актере-проповеднике»; один острый господин заметил, что это он придумал потому, что он сам «проповедник-актер».

Вот и все пока. Если ты о бережности не зря уронила, то, может быть, я тебе и пригожусь на что-нибудь. Скоро извещу еще.

Крепко тебя и Лелю целуем. *Береги себя* крепче и су-
ровее!! С новым годом.

Твой В<аня>.

<Карандашная приписка:> Чувствую, что письмо вы-
шло довольно несимпатичное. Почувствуй же это вместе
со мною!

29

Л. Я. Гуревич

1913. 5 янв. <Москва>

Любочка моя!

Я прежде всего всей душой прошу тебя простить мне все то, по-видимому, до неприличия резкое, что сорвалось у меня в предшествующем письме. Хотя многое в нем писалось и чувствовалось совсем иначе, чем это было тобою воспринято, однако оно и мне, или, вернее, я сам в нем — не нравился себе; об этом свидетельствует моя карандашная приписка на нем, которая, впрочем, конечно, ни в чем меня не оправдывает. И отдельные выражения, и весь тон, и самый подход к тебе — заслуживают всяческого осуждения; и изложение принципиальных основ, мною отстаиваемых, конечно, только потеряло ото всего этого. Я надеюсь все же, что ты найдешь в себе и силу и великодушие для того, чтобы простить мне все это обстоятельство.

Что же касается принципиальной стороны дела, то я не вижу внутренней возможности согласиться с тобой. Я не могу изменить своего максимального отношения к тому, что пишу; не в том смысле, чтобы всякое, написанное мною слово считалось за перл создания; но в том, чтобы я мог согласиться на то, чтобы ответственность за не-мои мысли и не-мои слова ложилась на меня (точнее: испытывалась мною, как лежащая на мне). За немногими исключениями я читаю свои вещи с таким ощущением бледноватой пустынности, что утешением мне является только чувство *верности* сказанного: т. е., непосредственное ощущение того, что я сказал все, что я видел; и при том *так, как* я видел; и что и теперь, перечитывая, я бы сказать лучше не мог. Когда же и это ощущение верности исчезает, то вещи мои оставляют во мне ощущение

стыда и неловкости. И тогда возле них может питаться только мое мелкое тщеславие, к унижению прочего духовного естества.

Поэтому писание вещей, за которые я заранее как бы снимаю с себя ответственность, на самом деле совсем ее не снимая, — ведет меня к тому, чтобы испытывать от своих писаний ряд неприятных и недостойных чувств. Конечно, при личном обсуждении могли бы в каждом данном случае найтись *приемлемые* (ведь и актер от режиссера может принять только *приемлемое*, а не приказанное) исходы и компромиссы. Но этот акт приятия нельзя сделать en bloc¹³³. Тем более что по основным вопросам мирозерцания я воспринимаю себя уходящим все решительнее и цельнее от некоторых пунктов, казавшихся мне прежде общими у нас с тобой. Может быть, этим (отчасти) и объясняется то, что ты считаешь мертвыми, искусственными и неуместно выпренными словами — те слова, которые полны для меня именно здесь глубокой и серьезной значительности.

Все это, однако, уже не имеет *практического* значения. На этих днях у меня произошли некоторые обстоятельства, которые заставляют меня <с>брать все мое рабочее внимание и усилия к центру и отказаться на время от разных, интересующих меня, но все же более близких к периферии дел. Я, конечно, нисколько не буду в претензии, если ты поручишь то, что предлагала мне — Степуну или кому-нибудь другому. Передай это, пожалуйста, С. М. Адрианову, которого я очень благодарю за внимание.

Пока крепко тебя целую.

Ваня.

P. S. Справедливость требует сказать, что о «Прометее» в моем письме не упоминается. Я говорил о «*предмете*».

30

Л. Я. Гуревич

1913. 11 янв. <Москва>

Любочка моя!

Ты совершенно неверно поняла меня. Ни открещиваться, ни отрезываться от духовного общения с тобой я не имею в виду. И никогда я не питал и не проявлял

таких намерений. Я только поистине, серьезно ощутил некоторое расхождение. Оно совсем не от того возникло, что ты «застряла» или «отстала» или что-нибудь подобное. Я вообще не в состоянии судить, от чего именно возникло оно. Но впечатление у меня такое сложилось. Накапливалось давно, проверялось, недопроверялось, откладывалось, оставлялось под сомнением. Теперь сразу мобилизовалось и состоялось в форме определенного ощущения. Именно — мне кажется, что у тебя недостает как бы некоторой решительности религиозно видеть и верить. Знаю, что утверждение это дерзостное, и недоказуемое, и, может быть, неверное; но я его и высказываю лишь в форме «впечатления». И не подумай (избави Бог!), что я *выдумал* это впечатление для того, чтобы избавиться от необходимости признать, что мои слова «не стояли на высоте моей мысли»; ибо если ты даже способна допустить во мне такую необузданную мелочность, то прими хоть то во внимание, что, по моему глубокому и принципиальному убеждению, никто, кроме меня, не может быть компетентен в вопросе о соответствии *моих слов* — *моим* (!!) мыслям: ибо ведь они мои мысли. По одному этому уязвленность не могла породить мое «впечатление».

Для меня вытекает из нашей духовной встречи с тобой совсем другой вывод: нам нужно увидеться и при свидании многое по-новому обговорить и выговорить; я чувствую, что наша письменная встреча была не только не разрушительная, а созидательная. Будь уверена, что многие из друзей твоих могут понять и оценить красоту и героичность той борьбы, которую ты ведешь со своею *душою* за приближение к Духу, — как это делаю я. Но именно потому-то и говорю и скажу тебе открыто и прямо все. И в этом будь уверена!

Прости мне все неуклюжее и нетонкое и неверное!

Твой И<ван> И<льин>.

Л. Я. Гуревич

1913. 9 апр. <Москва>

Любочка моя!

Следуя твоему письму, был у К. С. Станиславского в уборной и беседовал. Беседа имела для меня некоторый результат, хотя определенно отрицательный. Так К<онстантин> С<ергеевич> объяснил мне, что все, что он себе представляет в виде сотрудничества, — это посещение мною студии *ad libitum*¹³⁴ с возможностью, что случайно подвернутся какие-либо справки, за которыми он тут же на месте мог бы и обратиться ко мне. Что, далее, в какой-нибудь подсобности для книги он не нуждается и что, наконец, какие бы то ни было теоретические занятия с учениками студии они принципиально исключают из программы вовсе. Вообще беседа произвела на меня впечатление, что он подозревает во мне молодого человека, нуждающегося в заработке или вообще в жизненном устройении; и еще то впечатление, что он говорил тебе о каком-то ином одиночестве, а не теоретически-творческом. Ты была бы неправа, если бы подумала, что я держал себя нескромно или навязчиво или что я теперь уязвлен в самолюбии.

Был, правда, момент, когда самолюбие могло и пострадать, но состоялось обратное, т. е. мне стало неловко и совестно за него. Именно я выразил ему большое сожаление, что так и не видел его в Мольере, и сказал, что я просил Сулержицкого¹³⁵ о двух марках на генеральную репетицию. Он ответил: «Ну, знаете, это было невозможно; если мы будем всем служащим давать по две контрамарки, то нам придется три генеральные репетиции устраивать»... У меня не хватило духа сказать ему, что я не служащий, но на торговлю марками со стороны барышников я ему указал.

Ну и вот. От посещения студии не зарекаюсь, но думаю, что посещения эти — утомительные, несвоевременные и, в сущности, любопытствующе-бесплодные — сведутся к минимуму сами собой. По отношению же к теории К<онстантин> С<ергеевич> занимает позицию курьезно-обскурантскую; это было просто любопытно слу-

шать, когда они вдвоем с Сулержицким начали в два голоса исповедовать недопустимость теоретических занятий.

В одном могу тебя уверить, что если бы К<он-
стантин> С<ергеевич> *теперь* меня позвал или зачем-
нибудь ко мне обратился — то я бы с радостью сделал бы
то самое, что сделал бы и *до* этого разговора. Но он явно
склонен культивировать неинтеллигентность в молодом
актере.

Кончаю пока. Не брани меня за не те известия. Поце-
луй Лелю от нас обоих.

Шлем тебе привет.

Твой В<аня>.

32

Л. Я. Гуревич 1913. 28 авг. <Выропаевка>

Любочка моя! Напиши мне поскорее, как ты себя чув-
ствуешь и отдохнула ли ты в санатории? Я получил от
мамы открытку, где она сообщает между прочим, что ты
на днях уже уезжаешь с Лелей в Петербург. Как это сло-
жилось нелепо, что ты у нас так и не побывала? Мы про-
будем здесь еще до 15 сент., а потом в Москву на старый
адрес. Диссертацию мне-таки удалось подвинуть за лето:
к сентябрю будет уже больше половины. Когда же мы
теперь увидимся? Напиши, будешь ли ты в Москве зи-
мою и что решила насчет Русской Мысли? А Бердяев на
обороте недурен¹³⁶... Мы оба шлем привет тебе и Леле.
Пришли свой адрес петерб<ургский>. Твой В<аня>.

33

Л. Я. Гуревич 1913. 16 сент. <Выропаевка>

Любочка моя! Завтра ты — именинница, и я пишу те-
бе по этому поводу. Спасибо тебе за ласковое письмо и
особенно за любовь к нашим отношениям. Верю ей и
радуюсь. Что не приехала к нам в Выропаевку — думаю,
что какие-нибудь психологические крючки не зацепили
как нужно за какие-нибудь психологические петельки.
Серьезного значения этому не придаю, веря в необходи-
мую зрелость плода: тогда он падает сам и никакие пси-

хологические крючки не мешают. Вовсе и ни капли не верю в силу внешних обстоятельств. Приезжай в Москву, главное, добрая ко мне, а не сердитая. Таля написала за лето о Боттичелли, своеобразный метафизический опыт. С ужасом думаю, что художники ставят Бесов; сейчас читаем их. Мы оба целуем тебя и Лелю. Будь здорова. И непременно напиши мне о Рус<ской> Мысли: беспокойно. Твой В<аня>. 18-го в Москву.

34

Л. Я. Гуревич

1914. Сент. 19. <Выропаевка>

Любочка моя!

Слишком давно собираюсь написать тебе, и ты права, недоумеая несколько молчанию моему. Меня особенно тронула твоя вторая открытка, настигшая меня в Москве.

С тех пор как мы расстались с тобой на вокзале в Софии, с нами было следующее. На следующее утро мы двинулись из Софии, взявши двадцатиместный билет до Рущука с распределением «нехватящих пассажиров»; багаж сдали до Бухареста. Но в дороге, обдумав все, я внезапно предложил повернуть на Варну, с тем чтобы сесть там на русский пароход. Пересадка совершилась молниеносно и удалась прекрасно благодаря огромной любезности болгар и нашей сплоченности. Проведя ночь в клопином отеле Варны и переплатив за билеты на пароход, мы сели на следующее утро и... поплыли. Нас качало жестоко 15 часов, я заболел первый, мучился 6 раз (!), Таля не поддалась и отделалась дурнотой. В Одессе высадились слабые и разбитые и благословляли судьбу твою; избегнув моря, ты была права. День в Одессе, три дня в пути ж<елезной> д<орогой> и три недели в Судаке. Оттуда я телеграфировал Стасюлевичу¹³⁷ и получил ответ, что рукопись¹³⁸, посланная из Вены, не пришла. Дубликат к ней лежит в Вене с книгами на складе. Затем телеграфировал в воинское присутствие и получил ответ, что звание магистра и «постоянное» преподавание в университете освобождают меня от призыва из запаса в армию. Звания магистра у меня нет; программного же преподавания факультет меня лишил весною; термин

«постоянного» преподавания университету неизвестен. Тогда телеграфировал в университет в канцелярию и через восемь дней получил ответ: «присутствию сообщено по отзыву декана» (Гидулянова)¹³⁹ «о практическом рекомендуемом, принимаемом зачету курсе». Это означало, что Котляревский, обозванный мною предателем по телефону, постарался восстановить мой семинарий (но не восстановил моего дополнительного курса) и что Гидулянов не желает поставить в отзыве тот термин, которого требовало воинское присутствие, 6-го мы выехали из Судака, 8-е и 9-е я провел с Талей в Выропаевке и, оставив ее там, поехал в Москву. Здесь узнал, что преподавание в Коммерческом институте тоже освобождает меня от призыва; однако переговоры с Новгородцевым выяснили, что он совершенно не желает дать мне соответственное удостоверение (месть за Котляревского). Поездка в Бронницы (где я приписан) выяснила, наконец, только 14 сент., что я освобожден от призыва, т. к. воинский начальник признал отзыв университета подходящим под закон. В этот же день я получил твою открытку и из нее узнал, что есть надежда на то, что рукопись моя спаслась. Немедленно написал Стасюлевичу (ответа еще нет), уехал в Выропаевку. Сегодня переезжаем совсем в Москву.

Вот все внешнее. Возможность, что придется служить войне самыми низшими и элементарными сторонами тела и души, угнетала. С 14-го чувствую себя как бы воскресшим, ибо могу отдать этому делу самое лучшее, что есть у меня, ради чего я жил и работал.

Пока кончаю. Обдумываю публичную лекцию об «истинном патриотизме», пишу вступительную лекцию «война как духовное делание». Чувствую острую потребность сказать тебе, что кроме литературной и общественно-организационной форм участия есть еще одна, с виду незаметная, но неисчерпаемо важная и значительная: *личное общение с ранеными*. За это можно даже отдать вторую форму; ты, как никто, создана для этого и то, что ты *им* дашь и сама получишь — *огромно!*

Тяжелый удар, который судьба нанесла Висе и мамочке¹⁴⁰, чувствую живо и остро. На днях напишу ей. Поцелуй ее от меня крепко и духовно.

Обнимаю тебя и Лелю. Напиши в Москву! Как Вы все живете войной?

Таля целует.

Твой И<ван> И<льин>.

<Приписка:> Куда провалилась Русская Мысль?

35

Л. Я. Гуревич

1914. Сент. 26. <Москва>

Любочка моя!

Вчера получил твоё письмо и все ломаю голову, как бы подпереть твой бюджет. *Не есть нельзя*, это не исход, а самоликвидация. Не понимаю образа действий Струве, как это можно было согласиться в такое время, чтобы ты «пошла ему навстречу». Хорошо бы тебе устроиться на постоянные «письма из Петербурга» в моск<овские> газеты, Русское Слово, напр<имер>, загребаёт сейчас колоссальные барыши. В Москве издаётся ещё при участии Д. И. Шаховского¹⁴¹ народная газета «Защита». Очень существенно было бы, напр<имер>, выяснить дух Петербурга в отличие от московского духа. Почему тебя совсем не видно в Русских Ведомостях? Они тоже идут сейчас хорошо. Затруднены сейчас, к сожалению, авансы... Не сходить ли куда-нибудь от твоего имени? Вели.

Настроение Струве — дико. Какая-то ошалевшая мужчина! Он, по-видимому, не видит, что в России духовный подъём все нарастает и все сильнее захватывает интеллигенцию. Поднять подписку на Русскую Мысль *ничего не стоит*. *Необходим* ряд статей — экономических, исторических, стратегических, политических, этических и метафизических *о войне*. Если это будет — то журнал будет *нарасхват*, если нет — то Струве должен *своевременно* уступить своё место и передать журнал в более способные и бодрые руки. Я не знаю его статей в Биржевых Ведомостях — содержание одной из них, переданное мне вчера Бердяевым, — возмутительно. Приглашение студентов в добровольные офицеры

1) истерично, ибо подсказано шалой и растерянной эмоцией;

2) нравственно-непозволительно, ибо такие нравственные решения нельзя провоцировать из кабинета газетными статейками; Струве не вербовщик;

3) политически — вздорно и вредно — судьба России не кончается этой войной и интеллигенция *необходима* на «после войны»; к этому она и должна готовиться;

4) стратегически — излишне, ибо новый закон о воинской повинности прямо предоставляет правительству право в случае нужды призвать под оружие студентов, коим есть 21 год и кои имеют отсрочку.

Не менее возмутительна идея Струве о том, что вся Россия должна быть превращена в тыл армии. Я всеми силами работаю и буду работать во имя обратного: *армия должна стать вещественным выражением духовно творческого подъема в стране. Дух должен понести армию к победе, а страну к обновлению. Иначе не стоит жить!*

Я не марксист, но идеология Струве — торгово-промышленная; его пути и меры — годятся только на пользу торгового договора с Германией. Пока я слышал такие воззрения только от Д. Е. Жуковского¹⁴², ограниченному и бесплодному уму которого не видно ничего, кроме того, что бьет его по его круглой голове.

Не могу не восстать ввиду всего этого и против твоего ухода из Русской Мысли. Русская Мысль есть ныне *публичная трибуна*, и, как таковая, — *народное достояние*. Нельзя было (по моему убеждению) отходить от нее так, как деликатный мастер берет расчет у затрудненного хозяина. Частно-правовая концепция представляется мне здесь духовно неверной, и если Р<усская> М<ысль> кончится, то возникнет другой и третий журнал. Неврастенически затрясшиеся руки Струве будут заменены более спокойными и духовно бодрыми.

Вообще Петроград как-то рисуется мне более растерянным и беспокойным. В Москве, наоборот, за исключением кое-каких дам, получивших прозвище «газета Дамская Паника», царит большая бодрость, творческая и организационная. Родзянко¹⁴³ на днях изумлялся тому, что здесь устроено Земским Союзом¹⁴⁴; а он не видел еще частной инициативы. *Каждая* социальная ячейка имеет свой лазарет, где *все* бывают свободно, несут ране-

ным что хотят, говорят с ними свободно и откуда раненые иногда даже ухитряются слетать на родину к своим повидаться. Постоянно можно видеть на улицах пары: раненый — интеллигент, раненый — барышня, раненый — ребенок — гуляют. Их водят в Третьяковскую галерею, в народный дом; лежащим поют, читают вслух, рассказывают сказки, играют на инструментах. «Мобилизованы» для этого все артисты. Высшие учебные заведения ломаются; посещаемость огромна. Напр<имер>, на первой лекции моего *необязательного* курса в университете было около 150 человек. Курсы наши набиты; да и совсем не только наши. Хотят учиться и совсем не только «слушать о войне».

Евг<ений> Трубецкой¹⁴⁵ и Рачинский¹⁴⁶ устраивают при земском союзе лекции *de rebus omnibus*¹⁴⁷ в пользу раненых; называется так: «научно-духовно-религиозное осмысление войны». Предполагается читать в Москве, Петрограде и провинции. Пока они получили согласие от: себя, Новгородцева, Котляревского, Булгакова¹⁴⁸, Маклакова¹⁴⁹, Ледницкого¹⁵⁰, Бердяева, Эрн¹⁵¹, Давыдова¹⁵², Вяч<еслава> Иванова¹⁵³, историка Егорова¹⁵⁴ и меня. Компания — винегрет, но никто не отвечает за соседа; это, по-моему, неправильно, ибо воззрения бывают разные. Напр<имер>, Гершензон¹⁵⁵ и Эрн прямо близятся к черносотенству. Булгаков в одной из своих первых статей уже оплевал петербургских рабочих, западничество, защитников Бейлиса¹⁵⁶, Белинского¹⁵⁷ и политических либералов, а про правительство так сообщил: «и наше правительство без всяких перемен в личном составе своем стало истинным народным правительством». Однако они клянутся, что Булгаков «больше не будет», а Эрну на «религиозно-военном митинге», предположенном в консерватории 6 октября, не позволили читать о Германии речь под заглавием «Бронированный свищ», а заставили так озаглавить «Кризис современной Германии»; однако, уступая Эрну, допустили подзаголовок «От Канта к Круппу»¹⁵⁸.

Я обещал им две лекции: «Что есть истинный патриотизм» и «Война как духовное делание». Вторая вчерне готова. Когда буду читать — не знаю.

Если у тебя есть еще нить в Русскую Мысль, то, пожалуйста, узнай у Струве, когда он предполагает напечатать Талю и меня. Я просил его о *корректурах*.

Еще одна просьба: если у тебя сохранилась обложка от моего оттиска (из Вены), или если таковая обложка есть у Луарсаба или Виси — пошли *ее*, пожалуйста (т. е. обложку), по адресу: Ивану Николаевичу Литенину в типографию Стасюлевича, Вас<ильевский> Остр<ов>, 5-я линия, д. 28. Получил ли Луарсаб мой оттиск? Если прочтешь присланные статьи — напиши.

Пока, в ожидании возможных поручений, крепко целую тебя и Лелю. Хочу на воскресенье проехать в Крюковку. Всем привет.

Твой Ив. Ильин.

Богдан Кистяковский так говорит: «Можно надеяться, что война будет вничью и немцев не разобьют окончательно».

36

Л. Я. Гуревич

1914. 27 окт. <Москва>

Любочка моя!

Сделаю все возможное, чтобы «Война и культура» пригласила Л.¹⁵⁹ прочесть лекцию. Не знаю, удастся ли. Ты даже ни слова не написала мне о его умонаправлении в деле войны. Я знаю, что он может быть высок и изумителен, и верю тебе на слово, что он и сейчас на высоте. Но очень возможно, что такого голословного заверения окажется мало для г. г. «Война и культура». Тем более, что там нет ни одного, который «принимал» бы «меня без оговорок», а Новгородцев и Котляревский охотнее всего похерили бы меня вовсе. Напиши, хоть что-нибудь.

Вчера прочел лекцию. Тезисы, которые плохо передают одну вторую часть лекции, прилагаю. Были Гриша¹⁶⁰ и О. В.¹⁶¹

С 8 до 18 ноября предполагаю ехать в лекционное турне с Трубецким по южным городам. Подбиваю его в Варшаву и Петроград; может быть, и туда съездим. Не соединиться ли мне с Луарсабом для Кавказа? Поговори

с ним об этом; скажи ему, что я просил тебя об этом справиться. Тогда можно было бы и списаться.

Сажусь за доклад в Псих<ологическое?> Общество «Моральные антиномии войны». Обдумываю еще две лекции «Что есть истинный патриотизм» и «Война и правосознание» (т. е. собственно «право и воля к добру»). Лекцию о патриотизме я и хотел бы 1) прочесть в Москве в пользу евреев и поляков; 2) свезти в Варшаву и на Кавказ.

«Духовный смысл войны» я не вижу никакой возможности направить в Русскую Мысль. Струве до сих пор не напечатал ни Талю, ни меня, хотя печатает всякую дрянь и *не* о войне, а о войне печатает даже неприличные пошлости Эрна и Иванова и пустословие Рачинского и Булгакова. Все эти речи я слышал, и все мы их слушали с тоской и отвращением. Пока Струве не напечатает наших весенних присылок, я не пошлю ему ничего.

Молодежь мужская забрасывает меня записками о том, что им делать в моральном конфликте «за войну и против убийства» и какой смысл войны вообще и в частности, — и ждать, пока Струве извлечет к июлю месяцу мою статью из-под «спешного» материала — нет *объективно* никакой возможности. Издам иначе, вероятно сразу отдельно. Очень обнимаю тебя и нежно приветствую. Пиши скорее.

Ваня.

Целую Лелечку.

Р. С. Саккер прислал телеграмму. Если спросит — отзовись *незнанием*.

37

Л. Я. Гуревич

1915. 19 февр. <Москва>

Любочка моя!

Спасибо тебе за хорошее письмо. Радуюсь, что кусочек моей второй книги, преждевременно отторгнутый мною от родимого лона, пришелся тебе по душе. Цензура хотела на него ополчиться, усматривая в нем «призывы к преждевременному окончанию войны»; вышла задержка на 5 недель, но прокуратура и Окружной Суд оказались

на высоте и ни минуты не колебались. Это признание невинности заставляет меня подумывать о сепаратном выпуске его, так как теперь его уже нельзя преследовать. Я еще не кончил Гегеля, а вторая книга моя растет и зреет; многое уже написано начерно; но Гегеля нужно кончить раньше. Да и лекции (17 часов в неделю!) отнимают много времени. А тут еще пришлось писать «Общую теорию права» для гимназий (основную часть коллективного учебника по Законоведению). Впрочем, это уже идет к концу; важно и для заработка, может быть, будет давать ежегодную ренту. Огорчает меня, что все не удастся выручить рукопись Гегеля из Австрии; семь листов уже *напечатано*, на семь печатных листов в том куске, который австрийцам понадобился, листов на шесть готово уже (в столе лежит), да еще листов шесть-семь нужно дописать. Всего с добавлениями может набраться листов до 30 печатных. Больше всего меня удручает эта задержка потому, что в той духовной борьбе за настоящую философию и за свою независимость, которую я веду сразу на несколько фронтов, все акты критики и отрицания *требуют* положительных, больших работ, дабы превратить посягательство и претензии в естественное и обоснованное дело. Главное во всем этом *метод*, не в смысле абстрактных правил или пустых дистинкций¹⁶², а в смысле живого, творческого распоряжения внутренними силами души, могущего превратить «просто душу» в «духовное достижение объективного предмета». Философия (логика, этика, эстетика, метафизика) имеет *свой предмет*, «столь же объективный, т. е. несравненно более объективный, чем камень, прошибающий голову, или половое влечение, мутящее душу. Это надо не только сказать, а *показать*, так, чтобы обнаружились все вывихи и извращения мнимого философствования и псевдорелигиозного словоблудия. Надо указать и показать, *ad oculos*¹⁶³, в противовес всем параноидизирующим антропологиям, истерическим православничаниям, субъективным шатаниям игре в понятия и проблемы, что философия нуждается прежде всего в *честности* и *смирении*, и еще, во что бы то ни стало, в душе, *владеющей* своими эмпирическими недугами, травмами, комплексами и

неврастениями. Если этого нет, то — все к черту! Книги — гроб «учения» — трупы, всеобщее и явное гниение. Надо *все заново*, и к этому я прежде всего зову мою молодежь. И есть такие, которые оставляют все (буквально) и идут, куда надо. А это великая радость.

В середине января я обратился с вызовом к Эрну: «Кант и Крупп» должны быть публично обсуждены. Пошлю тебе его фельетон. 29 янв. состоялась грандиозная дезинфекция. Эрн читал доклад о феноменализме, проблема теории познания разбиралась им так: субъект = мужчина; объект = женщина; знание есть соитие между мужчиной и женщиной; это соитие может совершаться различными способами: нормальными и извращенными; теория познания есть «половая онтология»; Кант был евнух и вел флирт с Богом *etc.* Я говорил 1 1/2 часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой больной телом и душой; теперь будут бояться. *Oderint, dum Metuant!*¹⁶⁴ Подумай! Иванов, Эрн (они живут в одной квартире), Рачинский, Булгаков и Скрябин¹⁶⁵ — усвоили и распространяют следующее: «война» — это совсем не так плохо, это только периферия, а центр в душе гениальных художников, а кровь, которая на войне льется, — благо: ею мы очищаемся. Скрябин так и говорит: все, что делается на войне, — только поводы к космической радости. Все эти грязные болтуны привесили к войне свои извращенные садистические и мазохистические чувствованьица и *тлят* воздух; для них война — грациозное мултанское дело¹⁶⁶ (ты помнишь? вспомни!). И все это идет от *Христа!* Они — христиане: ведь это Христос заповедал — очищаться чужою кровью и пить ее. Не чудовищно?! Всю эту гадь — надо немедленно в *окопы*, под немецкие пулеметы. Иначе скоро нечем будет дышать!

Ты прислала мне хорошего, умного и чуткого мальчика. Ему нужен только сознательный *путь*: уверенность в *объективности* «внутреннего предмета» и уверенное *умение* овладеть им; меньше «думать», больше «смотреть» и

«видеть», и нещадно дезинфицироваться. Говорю это не потому, что рассмотрел его, а потому, что это *всем* нам необходимо, без исключения.

Талину работу о Боттичелли я недавно прочел восьмой раз; вероятно много раз еще впереди. Каждое чтение уводило меня в новую глубину, иногда неожиданно открывающуюся, иногда чаемую заранее. Мы выпустим ее отдельно, дорогим изданием, с хорошими репродукциями.

22 февр.

Кончаю через три дня; оторвали дела. 20-го был концерт Николая Метнера¹⁶⁷; вот уже два дня с тех прошло, а душа все еще насыщена этими исключительными духовными достижениями так, как если бы перевернулись целые страницы жизни. Музыкальная мощь этого человека поистине потрясает и утверждает, одновременно. Если приезд его (на 6-й неделе) в Петроград состоится, пойди непременно.

Беспокоит меня твоя заработочная беспочвенность: птицы небесные и то часто присаживаются на землю, за пищей, а ты как-то сама все вырываешь из-под себя опорный минимум. Неужели же со Струве совершенно невозможно иметь дело? Я, конечно, понимаю, что мне этого отсюда не понять; но ведь, с другой стороны, его военное ошаление ведь могло бы пройти вместе с войною. Что же бы ты стала делать на *моем* месте в царстве лукративности¹⁶⁸ и коррупции, именуемом Юрид<ическим> фак<ультетом> Моск<овского> Унив<ерситета>, или в царстве зложелательного, либерального подхалимства, именуемого Моск<овским> Комм<ерческим> институтом?! Думается мне, что окончательно со Струве порывать не следует: опомнится; да и Русская Мысль, которая, конечно, вполне не на высоте, думается, имеет еще будущее. Не брани за это особое мнение.

Крепко тебя и Лелю целую. Таля шлет привет.

Твой В<аня>.

<Приписка:> С. Гессен¹⁶⁹ прислал мне зов от Петрогр<адского> Рел<игиозно>-Фил<ософского> общества¹⁷⁰, читать о войне, что хочу. Я ответил, что имею только на-

печатанное, но что если Общество хочет обсуждать мое *печатанное*, то приеду. Напиши мне, хоть коротко, очень ли это стыдное общество, *обычно и теперь в войну?*

<Приписка:> Газетный вклад не мой; верни, прочтя!

38

Л. Я. Гуревич

1915. Июня 19. <Выропаевка>

Любочка моя!

Ты, наверное, хулишь меня за молчание. Не хули. А сядь и напиши мне, как мы с тобой летом увидимся. Надо обо многом поговорить. Будешь ли ты в Крюковке и когда? Все напиши подробно.

Мы в Выропаевке. Полжизни занято войной, остальное отдано работе. Война угнетает иногда до такой степени, что начинаешь задыхаться. Беспомощно сжимаю кулаки, страдая еще больше от внутренних немцев, чем от внешних. Мечтаю, что в Москве можно будет делать снаряды, а пока довольствуюсь противогазами... Крестьяне болтают вокруг невообразимую ерунду. Все время приходится держать себя в руках, чтобы остаться на своем *главном* творческом пути до последней возможности.

Достал через Саккера декабрьскую книжку Сев<ерных> Записок и прочел твою статью. Если бы люди, пишущие и печатающие, *так* думали и работали, как легко было бы жить в русской литературе. Какая царила бы духовная гигиена. Статья чудесна по верности и глубине чувства.

Почему ты мне ее не прислала сама? Я ведь тебе *все* посылаю!

Кончаю «Гегеля» (середина все еще в Вене!) и вынашиваю статью о сущности правосознания. Хотел писать о метафизике Моцарта и Сальери¹⁷¹, но под этим заголовком появилось уже так много... пошлости, что отменил. Да и тема сама глубже, чем она взята у Пушкина.

Напиши же мне о своих намерениях! Крепко тебя обнимаю.

Твой И<ван>.

Получила ли ты книгу от Тали оттиск «Боттичелли»?¹⁷²

39

Л. Я. Гуревич

<1915. 24 дек.>

Любик! Шлю тебе мой душевный привет и очень прошу тебя написать мне о своей жизни, о мыслях и самочувствии. Мы оба здоровы и работаем. Общественность моя остается в области внутренних импульсов, если не считать малых дел. Все уходит на преподавание и писание. От этого всегда остро утомлена предметная фиксировалка и написать связное письмо мне почти невозможно. Шлю тебе горячее и ласковое чувство и жду вести. Поцелуй за меня Лелю. Таля шлет привет. Твой И<ван>.

1915. 24 дек.

40

Л. Я. Гуревич

1916. 9 июля <Выропаевка>

Милая моя другиня и сестра! Спасибо тебе за ласковую и зовущую открытку. Спешу ответить. Мы, конечно, собираемся к Вам во второй половине июля. Трудно фиксировать дни. По мобилизации уходят приказчик и кучер, разруха ожидается полная. Кроме того, есть еще осложнения, чисто личные (комбинации занятий — пишу — и лечения). На днях напишу больше. Благодарю мамочку за письмо. Ее и тебя и всех целую. Таля — тоже.

Твой И<ван>.

41

Л. Я. Гуревич

1917. 5 июня <Выропаевка>

Любочка моя!

Дорого бы я дал, чтобы с тобою теперь повидаться и вызнать все о тебе, что ты и как. Известий от тебя не имею, сама знаешь, — аридовы веки¹⁷³. И с тех пор Бог знает, что в нашей России поделалось. Тебе обо мне, наверное, что-нибудь мама сообщила. Да я, кажется, прислал тебе пару маленьких пасквилей собственного пера. Но *мне о тебе* мама не сообщила ни единого словечка.

Поэтому сядь и напиши мне. Только *не* после 1 часу ночи. Тогда лучше не пиши.

Я в Выропаевке с 20 мая (ст. Лазарево Тульской губ.). Почти три месяца работал, не щадя живота, организуя и говоря публично. Теперь оторвался и уехал есть и писать. Больше не могу. Да и доктор велел.

Пишу 1) восьмой по счету пасквиль для народа. 2) Кончаю книгу «О сущности правосознания» (выйдет осенью). 3) Восстанавливаю утерянные главы Гегеля. 4) Редактирую брошюры для народа.

Издательство наше называется: «Издательство преподавателей Моск<овского> Университета». Деньги дает Комитет Госуд<арственной> Думы. Люди вошли от общества младших преподавателей, в коем я состою членом президиума. Редакторов пять: по всеобщей истории Д. Н. Егоров. По русской истории Ю. В. Готье¹⁷⁴. По полит<ической> экономии Железнов¹⁷⁵ (заменяет Н. Н. Шапошников¹⁷⁶). По праву и политике А. М. Винавер¹⁷⁷ и я. (Два были когда-то к<онституционными> д<емократами> — прочие беспартийны.)

Поэтому очень прошу тебя, если мы тебе подходим — напиши нам, а мы напечатаем! Гонорар! Можно писать или для интеллигенции, или для народа. Можно *и* туда, *и* сюда. Гонорар: за печат<ный> лист в 36 000 букв за 25 000 экз. — 250 р.; за новые двадцатипятидесятые серии прибавка по 175 р. Наши издания перепечатывает земский союз в Киеве, и тоже приплачивает.

Темы: Порядок или беспорядок?
 Что такое демагогия?
 Что такое провокация?
 Класс или государство?
 Одна власть или две власти?
 Что такое демократия?
 Что такое подкуп на выборах?
 Равноправие женщины.¹⁷⁸

Если бы ты соблазнилась и сделала, то причинила бы мне *большую радость!*

Народная брошюра, пущенная в 100 000 экз., может дать за лист свыше 1000 рублей! А я боюсь, что тебе они сейчас нисколько не помешают. Можно ли надеяться,

что ты выедешь из Петрограда? Когда ты будешь у мамы, в Ревякине? Напиши!

Я был при старом режиме буржуазным радикалом и федералистом-демократом (прибл<изительно>) вне партий. Я и сейчас вне партий (не могу отказаться от драгоценного права на глупость!). Но в остальном... Я прежде всего сейчас патриот, стоящий за настоящую аристократию духа.

И потом верую:

Что в искушеньях Божьей кары
Перетерпев судьбы удары
Окрепнет Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат¹⁷⁹.

И только этой верою держусь. И потому с непрерывно болью работаю — думая о будущих поколениях нашей чудесной, временно падшей, России.

Обнимаю тебя крепко. И жду слов!

Твой В<аня>.

Лелю целую.

Р. S. Неужели Аничка — большевичка?!¹⁸⁰

<Приписка:> На днях напишу Луарсабу!

42

Л. Я. Гуревич

<Сентябрь. 1922. Москва>

Любик!

Ликвидируя мой домашний архив, я нашел твои статьи, вырезавшиеся мною из газет и хранившиеся на память. Я думаю, что они могут тебе понадобиться, и посылаю их.

Союз Пис<ателей> дал мне 150. Это было grand et généreux! N'est ce pas!¹⁸¹

Целую тебя. До 11 всегда дома.

Если не упакуют завтра в вагоны, то пробудем по крайней мере до воскресенья.

Твой В<аня>.

ПИСЬМА К Л. И. ГУРЕВИЧ (ИЛЬИНОЙ)

1

Л. И. Гуревич

1910. 27/14 сент.

Zürich. Keltenstrasse.

Sanatorium «Lebendige Kraft».

Я с трудом пишу Вам сегодня, дорогая тетя Люба. Какое-то глубокое и ненарушимое молчание влилось мне в душу после Вашего письма, и прервать его тем труднее, что так близки Вы мне и так мертвы и ненужны всякие слова. Стою молча и благоговей перед этой тайной жизни и смерти, перед непонятностью начала и неизбежностью конца и знаю только, что нужно уметь *полюбить* и то и другое, за себя и за других; знание это не выдуманно, а выстрадано, и я его принимаю как нужное. Но протест растет опять в душе, чувствуешь свое бессилие; не могу сказать ни принимающее «да», ни бунтующее «нет» ни тому ни другому. И говорю оба одновременно. Я не это письмо хотел писать Вам, посылая свою карточку; но не могу писать о другом.

И напишу лучше потом. Слова тяготят меня; они, как всегда, не могут...

Нежно, нежно люблю Вас.

В<аня>.

Какая-то невыразимая внутренняя красота есть в смерти; не знаю; не скажешь этого.

Это ощущаешь мгновениями и потом снова утрачивается.

<Приписка:> Боюсь, что не успеет это письмо к 17-му¹.

2

Л. И. Гуревич

9/22 окт. 1920. <Москва>

Дорогая тетя Люба!

Я узнал вчера от Любы, что Вы послали мне привет в письме к отцу. Письмо Ваше пришло, когда меня еще не было в Москве, а теперь папа куда-то запрятал его, и я так ничего и не добился.

На Ваш привет отвечаю горячим и нежным приветом. Знаю, что скоро увижу Вас, и с грустью думаю о том, что это будет коротко и мимолетно. Я хотел бы так бесконечно много сказать Вам о самом главном в жизни; мы все живем здесь так недолго и близость духом — такое чудесное, благодатное утешение. Это чувство, казалось мне, я потерял по отношению к Вам три года тому назад; отсюда мой уход и молчание. Но за последние полгода я почувствовал, что самое мое молчание было желанием большей близости и большего едино-мыслия и -чувствия, чем это было в начале бури и испытаний. Но писать о существенном не удавалось, да и нельзя было; надо говорить, долго, много и о самом главном и любимом. Боюсь, что Ваш проезд через Москву будет слишком краток и расхищен другими.

Всегда, как и прежде, духовно берегу Вас и горжусь Вами.

Ваш И. И<льин>.

Привет Яше².

3

Л. И. Гуревич

24 дек. 1921 г. <Москва>

Дорогая тетя Люба!

Завтра день Вашего рожденья. Душевно Вас поздравляю, крепко обнимаю Вас и люблю всегда по-прежнему. Я давно уже хотел Вам написать, но все душа для этого не отстаивалась. Однако, может быть, она при нынешних условиях и не может отстояться, как следует.

Папа ушел³ с большою простотою и духовной красотой. Я застал его уже без сознания, и даже руку мою он уже не пожал. Он лежал потом спокойный, величавый, сочетая тихую, ясную доброту верхней половины лица с чрезвычайною волевою силою и победительностью в нижней половине. Когда мы уже прощались с ним — ни тени тления. А еще за три дня он на очереди подметал парадную лестницу своего дома и шутил со всеми соседями... Я не могу не выразить Вам этого: я гордился им последние годы и любовался. Я с тихою нежностью преклонился перед ним в его смерти. Какая простота, какое

достоинство, какое почти не сознающее себя величие — в терпении, в отречении и в *прощении*. Мы положили его, как мне хотелось, в его старом дворянском мундире, только с черным воротником и с черными пуговицами. Мамино горе было бесконечно нежное и такое тихое, достойное и религиозно-послушное. Тут все — в этом событии проникнуто благородной красотой...

Я ощутил в его уходе — не смерть, а «ныне отпускаеши» — молитву, которую я тихо читал над ним во время его последних, глубоких и беспомощных, вздохов. Это была не смерть, это было освобождение созревшего духа, — «безболезненное, непостыдное, мирное»; духа — переболевшего и победившего всю свою сильную и непокорную земную страстность. Было поистине что-то больше чем человеческое в тех простых и сдержанных слезах, с которыми он говорил последние годы о полянских крестьянах. У меня есть старый вопрос: не умирает ли человек вообще тем безболезненнее, чем более дух его при жизни очистился и созрел для мудрого, божественного бесстрастия?

Вечером, поздно, в день его кончины, я лег спать и долго, тоскуя, ворочался; потом зажег лампу и стал читать. Меня посетила минута малодушия; я думал с *завистью* о нем, ушедшем; жизнь стала так бесконечно страшнее и противоестественнее смерти, что смерть иногда кажется освобождающим покоем. Я *никогда* не думаю о самоубийстве и считаю его постыдным бегством; но в минуту малодушия душа иногда просит: «Отзови! Освободи!»

И вот мне попало стихотворение Хомякова «Труженик», которое я прочел впервые и которое потрясло меня ответом. Оно несовершенно частями, но могуче идею и превосходно в начале и в конце. Выписываю его целиком:

По жестким глыбам сорной нивы,
С утра до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.

Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлен, я утомлен.

Пора на отдых. О, дубравы,
О, тишина полей и вод,
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!

Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!..
«Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!

Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты:
Сгибайся ж, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!»

Пред словом грозного призыва
Склоняюсь трепетным челом;
А Ты — безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.

Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

О, да! Если бы не любовь к родине, не чувство призывания и не жена моя — я бы давно разорвался от горя и отвращения...

В сороковой день, вечером, я читал доклад в Психологическом Обществе «Религиозный смысл искренности». Это — третья глава из книги — «Философия религии»⁴. Мама была. Вечер был очень хороший: напряженное, сосредоточенное настроение большой аудитории, на

три четверти из молодежи, истовые, вдумчивые прения, почти ни одной фальшивой ноты. Зачем Вы не в Москве, я бы положил Вам эту рукопись на колени...

Кризис наш — не только наш; это *мировой* кризис религиозности. Живое, жизне-строительное отношение к божественному заглохло, замерло в народах. Это кризис христианства (*не* учения Христа, а того, что из него сделали два тысячелетия). Я пытаюсь восстановить глубокую, цельную, *кристаллическую* и в то же время *страстную* природу религии; показываю, что религия — не обряд, не догма, не конфессия, а цельно-искренняя и духовно-страстная преданность (любовь насмерть) тем божественным лучам, которыми пронизан мир и пребывание в которых только и может открыть человеку подлинное бытие Божие. Это не реформа «понятия» религии; а первый камень новой религиозной реформации; не той реформации, которая позволяет самим «читать Библию», но той, которая зовет к дерзающему и радостному новому Бого-увидению. Наши дни ставят человека на распутье: или в бесстыдную пошлую жадность через ложь и насилие; или к новому Бого-узрению, через очищение, тоску по божественному и любовь. Период лицемерного христианства, гуманных слов и жадных дел, приличной лжи и нецельной религиозности — идет к концу. Я вижу на небе далекую зарю религиозного обновления, мечтаю о нем и всеми силами пытаюсь начать навстречу ей «взрез Его нивы».

Пусть Люба напишет Вам о своих впечатлениях.

Кончаю, мой милый и духовно-чтимый друг. Храни Вас Господь и пошли он мне еще свидеться с Вами.

Таля Вас целует и обнимает.

Ваш В<аня>.

4

Л. И. Гуревич

1922. V. 28

Дорогой и нежно любимый друг!

Пишу Вам всего несколько строк, чтобы выразить Вам мою глубокую любовь и тревогу о Вашем здоровье⁵. В самые трудные, мучительные минуты я испытываю каждый раз неописуемое спокойствие от чувства и соз-

нения себя в Его воле и в Его любви. Стоит мне только почувствовать, что главное в *моей* жизни есть любовь к *Нему* — и я осязаю себя *не* одиноким, нужным, принятым и устроенным. Он ведет; может ли быть не ко благу? И спрашивать ли еще, куда ведет? Только бы мне всегда любить Его больше всего — и понимать, что остальное в Его воле; и тревожиться ли тогда еще за себя, за дорогих сердцу, за нашу чудесную родину?

С бесконечною ласкою обнимаю Вас. И еще. И еще. До свидания.

Ваня.

<Приписка:> Таля обнимает Вас.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

1

*И.И.Горбунову-Посадову*¹

1908 г. Июля 6

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

В самом начале мая с/г. перед отъездом из Москвы я обратился к Вам с предложением перевести для Вашего книгоиздательства² два первые трактата Ж. Ж. Руссо («Discours: si le rétablissement des sciences et des arts a contribué a equer les moeurs?» и «Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes»³). Я имел при этом в виду, с одной стороны, высокий историко-философский интерес этих «Рассуждений» и свое ближайшее знакомство с ними (изучение их было предпринято мною при подготовке к магистерскому экзамену⁴), с другой — близкое соответствие тенденций этих рассуждений с идеями Вашего книгоиздательства. Вы имели тогда в виду дать мне окончательный ответ, посоветовавшись предварительно с Львом Николаевичем Толстым.

Обращаюсь к Вам вновь с этим предложением, спешу присовокупить точную справку о размерах статей. Первый трактат содержит около 1 1/3 листа, считая лист в 35 000 букв. Второй около 7 1/4 листа (без полемических добавлений). Мне было бы приятно получить от Вас согласие на издание этих двух трактатов как потому, что я ставлю их чрезвычайно высоко, так и потому, что я привык относиться с большим уважением и сочувствием к

деятельности Вашего книгоиздательства. Перевод был бы выполнен мною совместно с женой моей Наталией Николаевной Вокач; мы перевели уже вместе с ней Эльцбахера⁵ (изд<ательство> Логоса⁶) и «Социальную дифференциацию» Зиммеля (выйдет зимой у Сабашникова⁷). Редакцию переводов, т. е. вторичную общую переработку их, мы имеем в виду взять на себя, т. к. оба уже давно изучаем историю философии специально. В последней нашей беседе с Вами мы фиксировали гонорар (перевод и редакция) в 30 р. с листа.

В ожидании ответа от Вас остаюсь с совершенным почтением

Иван Александрович Ильин.

Адрес: ст. Лазарево Тульской губернии.

Прошу Вас при свидании с Львом Николаевичем передать ему от меня выражение глубокого и почтительного уважения.

Так хотелось бы иметь целиком его последнее письмо, напечатанное за границей! Оно поистине потрясает душу.

2

А. В. Гольштейн⁸ 1911 10 dec./27 ноя<бря>. Париж
Глубокоуважаемая Александра Васильевна!

Мой учитель, Павел Иванович Новгородцев, зная, что я нахожусь теперь в Париже, проводя здесь последние месяцы моей заграничной командировки, советовал мне лично познакомиться с Вами, полагая при этом, что в письменной рекомендации необходимости нет. Очень желая последовать его совету и представиться Вам, я обращаюсь к Вам с большой просьбой назначить мне час, в который я бы мог приехать к Вам, не причиняя Вам излишнего беспокойства своим визитом. Простите мне, если я с своей стороны добавлю, что вечером я свободен почти всегда.

С совершенным уважением

Иван Александрович Ильин, прив<ат>-доц<ент>
Моск<овского> ун<иверситета>.

3

В. И. Герье⁹**1915. 14 янв. <Москва>**

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Моллат¹⁰ издал две рукописи Гегеля, не вошедшие в полное собрание сочинений: «System der Sittlichkeit»¹¹, набросок от 1802 года, и статью «Kritik der Verfassung Deutschlands»¹², написанную приблизительно в 1806 — 1808 годах (одновременно с Феноменологией Духа). Первое издание не могло быть мною сличено с рукописью, потому что такого текста в Nachlass¹³ Гегеля, хранящемся в Берлинской Королевской библиотеке — я не нашел. Второе издание я частями сличал с рукописью Гегеля (Nachlass VXIII) и нашел, что Mollat совершенно справедливо аттестует свою работу на стр. VI своего Vorwort¹⁴ (у меня отмечено на полях знаками?!?). Имея все это в виду, я посылаю Вам обе книжки, изданные Mollat`ом, и сверх того очень бережное и корректное издание, сделанное Георгом Лассоном (не профессором, а пастором), где «System der Sittlichkeit» помещена на стр. 419 — 503, а «Kritic» на стр. 3 — 149. Делаю это ввиду того, что ссылки на Mollat`а могут оказаться рискованными. Издание Lasson`а вышло всего год тому назад.

Ваш Иван Ильин.

4

В. И. Герье**1915. Июля 3. <Выропаевка>**

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

На днях редакция «Северных Записок» вернула мне рукопись госпожи Барсуковой¹⁵, с «сожалением» и указанием, что «настроение момента слишком далеко от имеющегося в ней материала». Досадно, что из этого ничего не вышло. Можно было бы попробовать еще в Исторический Вестник или другой исторический журнал, но у меня там нет связей. Может быть, Ваше слово поможет.

Жизнь мы ведем очень тихую и совершенно уединенную. Работаем. Угнетает война. Умение русского мужика креститься лишь после того, как грянет гром, опять принесло свои плоды в русской истории. И с беспокойством спрашиваешь себя: теперь-то хоть перекрестимся ли мы как следует? А скольких жизней это стоило...

Растерянно смотрит душа на немцев. Что мы все, остальные люди, будем делать с этими на *все* способными героями собственной жадности и гордости? Когда и чем уймется этот буйный сумасшедший, «на которого напали»? Ллойд Джордж¹⁶ говорит о «потопе бомб», а Немирович-Данченко¹⁷ передает, что в армии ходит слух о том, что немцы будут стрелять бомбами, начиненными... чумными бактериями. Здравый рассудок возражает, что Самсону¹⁸ надо сначала отчаяться, чтобы разрушить храм над собою; но слепота уже посетила их...

Среди крестьян ходят слухи и сплетни о войне. Неудачи объясняются повальной изменой офицерства; в Туле, в Москве и даже в Ярославле «все» видели 40 — 60 связанных русских генералов и офицеров, ведомых «для позора» с надписью «За измену». И прозвище им: «продавцы». А про московский погром крестьяне говорят: «нехорошо, нехорошо, во время войны-то; им бы подождать, когда война кончится, тогда бы...» Нет, далеко еще здесь до *правосознания*; и когда оно выкуется из русской жалостливой доброты и погромного кулака, — один Бог знает.

Делаю усилия, отрываюсь от войны и дописываю Гегеля.

Следует ли говорить, что я был бы искренно рад всякой вести о Вас и о Ваших. Не очень ли сердит Вас дача?

Мы оба шлем наш привет Елене Владимировне и Софии Владимировне¹⁹.

Душевно Вам преданный

Иван Ильин.

Ст<анция> Лазарево Тульской губ<ернии>.

Рукопись посылаю заказной бандеролью на имя Елены Владимировны в Москву.

5

В. И. Герье

1916. 27 апр. <Кекенеуз>

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Пишу Вам для того, чтобы объяснить мое исчезновение.

17 февраля я слег, простуженный. Температура держалась небольшая, но упорная и заставила меня высидеть дома весь март. В конце марта профессора Шервинский,

Поляков и Гуревич нашли у меня катар верхушки правого легкого при отсутствии кашля и туберкулезных коков (т. е. тоже отсутствие) и велели ехать на южный берег Крыма. Сказали, что все сие разыгралось на почве общего переутомления. И вот с 6 апр. я в Крыму.

Отдых приемлю как горькую пилюлю и не вегетирую, стенаю под гнетом безделия и усиленного питания. Первые 2 недели чувствовал себя совсем опустошенным; как будто все куда-то разбежалось и попряталось и осталось растение, носящее мое имя и снабженное моим паспортом. Это растение меня не раз беспокоило и смущало элементарностью своего существования и заставляло вопрошать — *quousque Tandem*²⁰? Однако чтение «Тысячи и одной ночи» научило меня, что *fata nolentem Trahunt*²¹.

Вот почему я исчез и не мог побывать у Вас даже на праздниках. Расскажите о моей участи Елене Владимировне и Софии Владимировне и передайте им от нас обоих, от жены и от меня, наш лучший привет.

Живем мы здесь в полнейшей тишине, в имении Первушиных Кастрополь (между Байдарскими воротами и Алушкой); в отдельном домике, две комнаты, на юг. Газета и письма — самые большие события. Теперь начал читать и с особенным интересом прочел Шопенгауэра «Афоризмы о жизненной мудрости»²². Острота проникновения в человеческую душу сочетается с удивительным изяществом и простотою изложения. Эта сила ума и это богатство выстраданного за всю жизнь опыта заставляют прощать ему и крайности, и преувеличения, и беспощадную односторонность иных выводов. Насладился Золотым Ослом Апулея и особенно Овидием. Немного скучаю над Эмилем Руссо, холодно удивляюсь Байрону, предвкушаю Паскаля и Шафтсбери. И, конечно, непрерывно мечтаю о возвращении к очередным работам. Мечтаю кончить Гегеля (две последние главы) и сесть за другие работы, которые давно ломятся из души.

Вот Вам мои *confessiones*²³, глубокоуважаемый Владимир Иванович. Я был бы очень тронут, если бы Вы откликнулись на это письмо. Хотелось бы знать о Вашем здоровье, о летнем местопребывании и о всем, *quod est communicandum*²⁴.

Глубоко пережили мы арест Сухомлинова²⁵; должна же быть справедливость и на этой земле и должны же мы

все иметь возможность уважать себя самих и свое государственное существование!

Примите искренний привет от жены моей и от меня.

Ваш Иван Ильин.

Крым. Кекенеиз. Им<ение> Первушиных Кастрополь.

6

Э. К. Метнеру²⁶ 1914. Июня 24. <Клостернойбург>

Дорогой Эмилий Карлович! Дорого бы я дал, чтобы повидаться с Вами, не для каких-ниб<удь> разговоров, а только для того, чтобы вкусить. Где Вы? Не знаем. Куда писать Вам? Тоже неизвестно. Пишу в Москву. Если бы я был богат, я бы пригласил Вас на эту зиму дирижировать серией концертов в Москве с программой по Вашему выбору. Иногда волнуясь при мысли, какое новое музыкальное *ens geale*²⁷ получилось бы из этого. Но я беден, как мышь, и даже не знаю твердо, не придется ли мне осенью зубрить, что «знамя есть священная хоругвь». Имея все это в виду, а также естественную склонность людей к социальности, я предлагаю Вам отозваться и сообщить по крайней мере свой адрес. Кроме того: письмо Ваше получил и содержание его пережил. Думаю, что для Вас есть единственное правило: «чем увереннее и проще — тем лучше». Я теперь, как никогда, предчувствую Гете. И еще разное. А почему Вы нам до сих не прислали крестника²⁸? Кумовья мы Вам или не кумовья? Кстили мы Вашего робёнка или не кстили? — А мы живем тихо, тихо, как под лопухом. Земляника с поганком (я, конечно, поганок на тонкой ножке, а кто земляника — *ist evident*²⁹). Книга моя пишется пока быстрее, чем печатается. Почти никому и совсем не пишу, только по делам. — А понравилась ли Оля Шестакова³⁰? И еще: *совсем секретно* пришлите нам адрес Ник<олая> Карл<овича>³¹, мы хотим послать ему анонимный *Scherzgeschenk*³². Очень хочу известий от Вас. Отзовитесь же, и скорее! Адрес на обороте.

И<льин>.

<Приписка на обороте открытки с видом Клостернойбурга:> Klosterneuburg bei Wien. Peter — Rosseger Gasse. Dr. Iwan Iljin.

<Б. Н. Бугаеву>

Копия

Открытое письмо

1917. Февр. 6.

Москва

Милостивый Государь Борис Николаевич!³³

С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную вами против Эмилия Карловича Метнера. Я прочел ее всю, и, читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга ваша есть явление постыдное и что все непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто ее писал.

Есть злые поступки, которые унижают не того, против кого они направлены, а того, кто их совершает; и чем дольше этот поступок созревал в душе, чем сознательнее и планомернее он подготовлялся, тем более он приносит духовного позора тому, кто его обдумал, подготовил и совершил. Когда кто-нибудь поносит человека, горящего о духовной чистоте и предметном знании, то хула его изобличает его самого и оттеняет своею низменностью — высоту истинной духовной жизни. Так, духовный облик Эмилия Карловича раскрывается всем, знающим его, с особенною глубиною и чистотою, он становится для всех нас особенно близким и дорогим после вашей недостойной попытки соединить с его именем целый ряд инсинуаций.

Новое произведение ваше, столь недвусмысленно освещающее вас и всю вашу литературную деятельность, — не дает и не может дать никаких оснований для того, чтобы подойти к вопросу о понимании Гете по существу. Скорбно видеть, что духовное величие не ограждено от прикосновения пошлости; но эта скорбь не может побудить к обсуждению великого предмета в связи с неприличным памфлетом.

А ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилью.

Она имеет не объективный, а вызывающе-личный характер; она все время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью («скотнодворное животное» стр. 71; «бык» стр. 78, «носорог» стр. 79; «фертик» стр. 79 и т<ому> под<обное>); она вся написана тоном вульгарной демагогии, — и потому она есть памфлет.

Но когда вы осмеливаетесь утверждать, что Эмилий Карлович проявлял «неуважение к душевным святыням» и «тащил святыни в базар словопрений» (стр. V и 20); когда вы пытаетесь уверить читателя, что он распространяет «прескверную сплетню» (стр. 166); когда вы приписываете ему «максимум безответственной простоты» (стр. 140); или «спекуляцию на неведении читающей публики» (стр. 138); когда вы осмеливаетесь обвинять его в «наветах» и «изветах» (стр. 64, 65, 173), объявляете его критику — «травлей» (стр. 4, 138) и призывом к избиению (стр. 336); когда вы уверяете, что он «нападает на безоружного врасплох» (стр. 8), подобно «разбойнику» (стр. 17), но «целомудренно прикрываясь мотивами» (стр. 78) и т<ому> под<обное>, — то памфлет ваш становится пасквилем, ибо распространяет в печати сведения ложные и оскорбительные.

Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквилем, — и мы примем его как зрелый итог вашей жизни. Он свидетельствует о себе как порождение личной злобы и бессильного отчаяния.

И эта личная злоба, которой хватило для того, чтобы написать отвратительный памфлет в триста сорок одну страницу, прочитать его в корректуре и сверстке и выбросить на рынок, — обнаруживает с очевидностью, что это такое за «катарсис» (стр. 38) души, который осуществляется под руководством Рудольфа Штейнера³⁴, курсов коего, по вашему признанию, «нельзя безнаказанно слушать» (стр. 39). Поистине: «по плодам их узнаете их».

Будьте уверены, что я не узнаю вас в лицо и не подам вам руки при встрече. Я не желаю знать вас до тех пор, пока не услышу от Эмилия Карловича, что вы покаянно испросили у него прощение.

Иван Александрович Ильин,
приват-доцент Моск<овского> Университета.
Скопировано.

8

Э. К. Метнеру

1917. 10 февр. <Москва>

Милый друг!

Вчера, 9 февр., я отправил Борису Бугаеву, заказным, по его адресу (Арбат, Никольский пер., д. 21, кв. 5), открытое письмо, полную копию с которого при сем прилагаю.

Это письмо было мною предварительно обсуждено с адвокатом, в предвидении дальнейших правовых последствий. В наступлении их сомневаюсь: слишком велика была бы бламаже³⁵ для него. От третейского же суда и суда чести я намерен открыто уклониться, ибо свой акт рассматриваю не как частно-правовой, а как публично-правовой, т. е. как акт уголовной морали.

До отправки письмо это было обсуждено и в интимнейше-замкнутом кругу.

Сегодня мною разосланы первые копии с него, с полномочием показывать письмо всем, кому адресаты найдут нужным. Первые копии получили: К. П. Метнер³⁶, А. М. Метнер³⁷ и кн. Евгений Трубецкой. На днях будут разосланы дальнейшие.

Пасквиль³⁸ Бугаева выслать Вам нельзя: объявлено о непропуске книг через границу. Отвечать на него печатно — значит валяться в грязи. Вам надлежит совсем промолчать на него. Копии будут посланы мною всем, в ком я нахожу сочувствие *своей* духовной работе. И, конечно, тем из *Ваших* знакомых, которые окажутся на высоте, т. е. сумеют занять недвусмысленную позицию по отношению к бугаевскому пасквилю. О прочих делах напишу отдельно. Письмо Ваше от 14/1 I.1917 получил.

Ваш И. Ильин.

9

<Без адресата³⁹><Без даты⁴⁰> <Москва>

В ответ на копию с моего «открытого письма» к Борису Бугаеву я получил 25 февраля с. г. от князя Евгения Николаевича Трубецкого «открытое письмо», копию с коего при сем Вам препровождаю.

По поводу этого письма я должен высказать нижеследующие соображения.

1. В 1914 году, в Москве, Эмилий Карлович Метнер, автор книги «Модернизм и музыка» и ответственный редактор издательства «Мусажет», выпустил полемическое произведение: «Размышления о Гете. Книга 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма».

В этой книге он подверг суровой и беспощадной, но, по форме, совершенно корректной и не личной критике, во-первых, суждения Штейнера о Гете и, во-вторых, сущность выдвигаемой Штейнером «Антропософии» как учения враждебного и настоящей философии, и подлинному искусству. В 1916 г., т. е. спустя два с половиною года, Андрей Белый (Борис Бугаев) выпустил в Москве книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности», издательство «Духовное Знание». Эта книга посвящена защите Штейнера и его учения. В ответ на эту книгу я отправил господину Бугаеву открытое письмо от 9 февраля с. г., копию с которого я препроводил Вам ранее.

2. В своем письме к нему я не входил в рассмотрение предмета полемики по существу и не вижу оснований к этому и ныне. Я считал необходимым протестовать всеми силами против тех личных, направленных по адресу Э. К. Метнера, — недостойных, оскорбительных и ложных, — утверждений, которые рассыпаны по всей книге и вплетены в самую ткань ее. Князь Е. Н. Трубецкой характеризует их как продукт «полемиического увлечения».

Это указание дает или простую психологическую справку, или же основание для извинения поступка господина Бугаева. Между тем полемика есть предметное состязание об истине, и никакое увлечение не извиняет и не оправдывает превращения ее в нагромождение брани и оскорблений. Книге господина Бугаева присуще именно «общее стремление» опорочить Э. К. Метнера, и победу свою в споре он непрерывно ставит в теснейшую связь с компрометированием противника: на протяжении 340 страниц он не устает описывать его как бестолкового, фривольного болтуна (стр. 5, 6, 23, 53, 65, 71, 77, 78, 79, 81, 97, 108, 120, 127, 143, 147, 148, 150, 198, 319, 327, 328, 329, 336), непорядочного (стр. 5, 8, 17, 336), развязного

(15, 94, 96, 114, 139, 169) и недобросовестного (стр. 10, 12, 15, 16, 72, 108, 137, 138, 270, 271, 288), как злобное животное (стр. 4, 60, 70, 71, 78, 80, 81, 127, 138, 147, 198, 312, 316), как сплетника (стр. 79, 166), лицемера (стр. 78), лжеца (стр. 78, 271, 312, 315) и клеветника (стр. 64, 65, 173). Прямое опорочение или намек на него дается почти при каждом упоминании его имени, и самый эпитет «уважаемый» получает значение явного издевательства. Таким образом «полемическое увлечение», разраставшееся в течение двух с половиною лет, довело господина Бугаева до прямых инсинуаций и сделало его книгу именно отвратительным памфлетом, приближавшимся к пасквилю.

3. Составляя мое письмо, я отправлялся от глубокого убеждения в том, что появление такой книги имеет совсем не только личное, но и большое общественное значение. Появление печатного произведения, само по себе, и опорочение в печати благородного человека, кто бы он ни был, — является всегда делом публичным, а потому имеющим общественное значение. Но появление такого произведения, как книга господина Бугаева, заслуживает особого общественного внимания. Эта книга свидетельствует о глубоком вырождении литературных нравов в России, которое подготавливалось медленно и долго и ныне стало приносить зрелые плоды; она свидетельствует о том, что это разложение начало захватывать лиц, о которых принято думать, что они посвящают свою жизнь искусству, философии и религии, лиц, которые претендуют на звание духовных вождей и учителей; она заставляет с тревогою и болью думать о том, что русское интеллигентное общество, по крайней мере в известных кругах, повергает философию, религию и искусство в состояние глубокого кризиса: ибо занятие ими уже не является источником хотя бы элементарной духовной чистоты. Книга господина Бугаева есть такое явление русской духовной жизни, о котором нельзя молчать и о котором не должно быть двоящихся голосов или колеблющихся мнений.

4. Мое открытое письмо к господину Бугаеву я решил распространить не в печати, а в рукописи потому, что обращаться к нему с печатным словом, духовное достоинство которого он не умеет уважать, было бы совер-

шенно несоответственно. Обращение в печати есть всегда приглашение к печатной полемике, а приглашать к ней господина Бугаева, только что показавшего, *что* он способен предать тиснению, — было невозможно: это значило бы поощрить его к продолжению тех неприличных выходов и инсинуаций, которыми наполнен его памфлет. Этот путь явно послужил бы только размножению кривды.

5. Ныне князь Евгений Николаевич Трубецкой указывает мне на «глубокую неправоту» и «прискорбную ошибочность» моего шага и на явную «несправедливость» моего письма. Однако я не вижу никаких оснований к тому, чтобы согласиться с его указанием.

Все мое письмо сводится к утверждению, что тот, кто пытается незаслуженно оскорбить, унижить и опорочить безупречного человека, — оскорбляет, унижает и опорочивает сам себя и компрометирует свое доброе имя, если оно у него до тех пор имелось. Это самоопорочение выполнено самим господином Бугаевым на 340 страницах его книги; и оно сохранило бы все свое, компрометирующее его, значение, если бы я об этом не писал письма и не назвал бы его поступка надлежащим именем. Мое письмо пытается только ввести в его сознание смысл его поступка и обратить внимание всех на самый корень зла, *дабы мы все могли найти его* совместными усилиями и вырвать его из нашей жизни. Господин Бугаев оскорбил и опорочил себя самого, а я только указал на это. То, что совершилось, — есть дело его собственных рук.

Но так как человек присутствует всегда целиком в каждом своем деянии, — так, что одни стороны его личности осуществляют самый поступок, другие содействуют, попускают, удовлетворяются им, или, по слабости своей, безмолвствуют; и так как каждый поступок каждого из людей есть сосредоточенное скрещение всех нитей его жизни, т. е. созревший итог всего его прошлого, — то злосчастное деяние господина Бугаева, подготовлявшееся им два с половиною года и проведенное его через все условия печатного осуществления, есть поистине итог всей его прошлой жизни. Несогласие князя Е. Н. Трубецкого, к сожалению, ничего не может изменить в этом объективном обстоянии.

Вот почему я, со своей стороны, имею право на то, чтобы каждый усмотрел в моем письме к господину Бугаеву зрелый итог всей моей жизни, хотя я обдумывал мое письмо всего три месяца.

Чувство собственного достоинства побуждает каждого из нас брать на себя всю ответственность за каждый свой поступок, не укрываясь малодушно за ссылку на «увлечение» или иную слабость, понижающую вменяемость личной души. Человеку достойно нести духовную ответственность за свои дела; и нравственное вменение поступка свидетельствует только о признании человеческого достоинства у того, кто совершил этот поступок и кому он ныне вменяется.

6. Я не могу согласиться с князем Е. Н. Трубецким и в том, что он считает справедливым ставить на один уровень и рассматривать как одинаково прискорбное явление — и злобный памфлет, оскорбляющий почтенного и во всех отношениях безупречного человека, и негодующий протест против попытки нанести такое оскорбление. Совершающий злое дело и открыто называющий злое дело по имени — творят, в его глазах, поступки как бы однородные и заставляют его одинаково скорбеть.

Духовная неверность такого отношения говорит сама за себя.

7. Я не знаю, наконец, какие основания имеет князь Е. Н. Трубецкой говорить о несомненном и бесспорном праве господина Бугаева на всеобщее уважение. Каждый из людей имеет право самостоятельно решать, кто заслуживает его уважения и кто — нет. И если кого-нибудь обоснованно лишает уважения, то именно того, кто способен сознательно и намеренно, с явным самоудовлетворением, совершить злое дело. Пусть же каждый, желающий предметно и обоснованно решить этот вопрос применительно к господину Бугаеву, рассмотрит самостоятельно наличность и характер его злого деяния⁴¹.

Ю. В. Готье⁴²

1922. III. 27

Дорогой Юрий Владимирович!

Высидживаю дома легкий грипп и потому обращаюсь к Вам письменно.

В том заседании Юридического Общества, в котором я говорил речь от Совета, между Н. Н. Полянским⁴³ и мною произошел некий разговор, повлекший за собою целое множество других разговоров и организационных последствий и ныне имеющий разрешиться через посредство третейского суда чести. В сознании моей правоты, выдержанности и обдуманности в поступках я прошу Вас не отказаться принять на себя звание третейского судьи с моей стороны. Полянский пригласил М. Н. Гернета⁴⁴. Для того чтобы Вы могли взвесить весь эпизод и представить себе положение дел, я могу указать Вам на Михаила Соломоновича Фельдштейна⁴⁵, подробно и беспристрастно осведомленного во всем. Его телефон 2 - 70 - 22; между 11 и 12 утра он обыкновенно консультирует свой первый фриштык⁴⁶.

В суперарбитрах я бы очень хотел видеть А. А. Грушку⁴⁷, который, при предварительном разговоре, отозвался более чем простою готовностью. Пока он хворает, а я — по его стопам, — суд затягивается; а вместе с ним и выборы председателя Юрид<ического> Общества.

Если бы Вам для полноты картины было угодно прочесть мою речь, то она всегда к Вашим услугам в крупной, четкой карандашной рукописи (*liber lectu plane iucundus et elegans*⁴⁸).

Если бы Вам оказалось удобным, после осведомления со стороны М. С. Фельдштейна, сообщить мне Ваш ответ изустно, то я буду счастлив видеть Вас у моего очага ежедневно от 12 — 2 или от 5 — 11 вечера (Знаменка, Крестовоздвиженский пер., дом 2 во дворе, кв. 36, этаж шестой, телефон в бездействии).

Нарочно ничего не излагаю Вам от своего «заинтересованного» лица; хотел бы только довести сие до конца «честно и грозно».

Ваш якобы θεοειδής⁴⁹ И. А. Ильин.

1922 — 1938
(Германия)

ПИСЬМА К П. Б. СТРУВЕ И ДРУГИМ СОТРУДНИКАМ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

1

П. Б. Струве

Берлин. 1922/XI/3¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Две недели по приезде сюда я радовался мысли, что мы скоро увидимся с Вами и поговорим *de rebus omnibus*². И вот, две недели я огорчаюсь при мысли, что мы, может быть, не увидимся долго... Вчера я получил Ваше второе письмо; однако и оно не изменило ничего в этом моем настроении.

*Curriculum vitae*³ и прошение я прилагаю, но ехать в Прагу и получать «иждивение» от чехословацкого правительства — *rebus sic stantibus*⁴ не хочу. Посему в прошении я прошу не посадить меня на иждивение, а *только зачислить меня кандидатом на иждивение rebus aliter stantibus*⁵. И если Вы хотите действительно оказать мне услугу — то посодействуйте именно этому *кандидатурованию rebus aliter stantibus*.

Я полагаю, что мне и нам (Франку⁶, Бердяеву, Кизеветтеру)⁷ вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага еще нет, где его *надо* создать, где для этого уже открыты и разработаны *все* пути и возможности и где *мы уже захвачены* целым рядом переговоров и соглашений. Здесь уже открывается нами *философско-религиозная академия*⁸ на средства американско-христианского союза⁹ и *русский институт*¹⁰ на средства голландско-христианского союза¹¹; последний институт *научный и популяризаторский*. При таком положении вещей набиваться всем в Прагу, где дело уже поставлено, было бы просто духовно-ошибочным шагом, не вызываемым никакими объективно-верными мотивами. Конечно — твердая валюта приятнее; конечно — легче там, где все уже налажено; конечно — студенческий ма-

териал в Праге лучше; конечно — профессура в Праге квалифицированнее, деньги обеспеченнее... Все это — не говоря о сердечном влечении к друзьям. Но — это все не главные весомые в вопросах духовного строительства.

Но если, что не исключено и чего нельзя предвидеть, — здесь все разлезется (ну хотя бы *eventuell*¹² от *Kommunisten-Putsch'a*¹³) и мы освободимся от принятых на себя обязательств, то мы, кораблекрушенные, поступимся, быть может, в Прагу, и роль наших пражских друзей будет выручающая. Вот что мы трое (Бердяев, Франк и я) считаем правильным, и о чем каждый из нас напишет Вам особо. Я изложил это по-своему; *faciant aliter volentes*¹⁴.

Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божиею, чем завершительное «изведение» из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому, что «нельзя было выехать», а потому, что Наталия Николаевна¹⁵ и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспомощности и судорогах, — *sua sponte*¹⁶ *не* уезжают; разве только — оторванные и выброшенные.

Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — *черный*, в своем первоначальном, белом сверкании. Без этого *черного луча* — все души бессильны бороться с сатаною.

Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения. Это духовный опыт *ohne seines gleichen*¹⁷. И по приезде сюда мы чувствуем себя не заморенными обывателями, потерявшими пять лет жизни, а (страшно сказать) миссионерами, прошедшими через чистилище и обремененными великою и, может быть, непосильною

ответственностью. Может быть — мы малы, слабы, не справимся, но *данное* нам, *взятое* нами и *заданное* нам — исключительно по своей значительности. И с болью смотрели мы оттуда, недоумевая, — почему так идейно пустынна и бесплодна русская эмиграция...

Будущее покажет, чем кто из нас бременеет; но «порожним» выехал только тот, кто при всяких условиях был бы не способен к духовному зачатию.

А пока немцы всемерно идут нам навстречу, поставили нас, изгнанных, в особливые условия (паспортные, налоговые, жилищные, академические) и уже заводятся переговоры об экстра оплачиваемых эпизод<ических> курсах по-немецки в разных немецких университетах. Такими условиями было бы непозволительно пренебречь; здесь веет совсем не личным, а национальным русским делом; и оставлять Русский Научный Институт Берлина в руках Прокоповичей¹⁸ и Мякотиных¹⁹, предоставляя им демагогировать и облыжно дурачить русскую двухтысячную студенческую массу, было бы столько же предосудительно, сколько превращать Прокоповича в научного порт-пароля²⁰ русской науки и русской экономики в общении со здоровой Германией.

Учтите же все это, дорогой друг, и согласитесь, что пражский научный бутерброд обойдется пока без нашего немецко-советского идейного маргарина. Nicht?..

Как только получу мои рукописи — так обращусь с несколькими Antrag`ами²¹ к редактору Русской Мысли²².

Крепко жму Вашу руку и горячо Вас обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам привет.

Ваш И. А. Ильин.

P. S. На какой-нибудь эпизодический курс лекций 4 — 6 двухчасовых (*если это может окупиться* — проезд, проживание) — я бы приехал в Прагу с удовольствием. Напр<имер>: «Основные проблемы правосознания» или «Основные проблемы фил<ософии> религий» или «Мирозерцание и характер»...

Если мое заявление в таком виде покажется Вам *нелепым* (чего мне отсюда не видно, но что, объективно говоря, не исключено), — то бросьте его в корзину.

Одновременно пишу П. И. Новгородцеву²³, памятуя, что он мой «оставитель» и что я связан с ним помимо этого долгими годами академических и сердечных отношений.

Адрес мой: Berlin W. Bayreuther str. 12 Pension Holz.
Dr. Ivan Iljin.

2

П. Б. Струве

<1>922/XII/6²⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Когда же Вы в Берлин? Дайте знать заранее, чтобы мы могли сообразоваться и координировать наши планы. Мы с Нат<алией> Ник<олаевной> только что выдержали по бурному гриппу, и доктор советует хоть на неделю съездить в декабре в Тюрингию или в Харц (выветрить остатки). Вообще пять лет Московского «стояния на посту», да еще с моими легкими²⁵, тюрьмами etc. надо будет как-нибудь летом покрепче заштопать.

Наш «изгнаннический» Берлин варит разные планы и затеи в 25 котлах. Все хотим «фигурировать»; не вышло бы, что всего-навсего «рируем фигу»... Впрочем — я никуда не тороплюсь и больше всего хочу найти спокойные две-три комнаты и уйти в качественное созерцание и прилежное проращивание глубинных злаков. У меня имеется к напечатанию около 80 печатных листов; но ведь они не уйдут... Kommt Zeit, kommt Rath, kommt Gurken-Salat²⁶.

Во всяком случае:

а) Рел<игиозно>-Фил<ософская> академия основана и открыта.

б) Лекции при ней начались.

с) Фил<ософское> Общество при ней вот-вот начнется.

д) Рел<игиозно>-Фил<ософский> журнал основан.

е) Русский Научный Институт открывается в январе и, кажется, еще что-то.

С. Н. Булгаков изгнан; он в Константинополе, получает назначение в Вену, настоятелем православной церкви²⁷.

Здесь Лосский²⁸, Карсавин²⁹ und mehrere noch³⁰.

Здесь кн. Г. Н. Трубецкой³¹, который уезжает к себе в Вену 13-го, а с осени думает переселиться в Берлин.

Кто-то зовет нас в Париж на эпизодические курсы за валюту. Русский Институт собирается хорошо платить.

Фу! Устал даже от богатства изложенных идей...

Да, еще! Приезжает в Берлин *сам* Б. В. Яковенко³². Он будет издавать философический журнал³³ на следующих основах:

- а) «вдохновляет» журнал он сам!
- в) вариться будет новая идеология!
- с) идеология называется «идеализм и антиматериализм» или «философия истинного большевизма» (sic! sic!)
- д) «*Я решительный сторонник революции; не октябрьской, а **всей** в ее **целом***» (это из его последнего письма ко мне).

После этого ему, наверное, обеспечено сотрудничество Сережи Гессена и дело в шляпе.

Мы оба шлем Нине Александровне³⁴ и Вам наш самый сердечный привет.

Очень Ваш

И. А. Ильин.

Воспитание Ваше на меня подействовало — прошу оценить: какого-то одного запретного слова в письме нет, «каково»?

3

П. Б. Струве

1923. II. 5 <Берлин> ³⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Гранки давно мною подписаны³⁶. Работу эту читал вслух публично 29 янв<аря>. Были люди всех партий (Мартов³⁷, Кускова³⁸, Гессен³⁹, Марков⁴⁰ inclusive⁴¹). Прения были не интересны. Заметка Изгоева⁴² в № 663⁴³ «Со стороны», избличающая меня в мракобесии, «правой лжи» и «идеализации старого беззакония» (sic!) — несправедлива по существу, неприлична по форме, «жидо-масонска» по происхождению и инспирации. Отвечать на нее не буду. Мои друзья сделают от себя реприманд⁴⁴ в редакции Руля. Читая эту обрызгивающую заметку, беседовал мысленно с Вами: «лакмусова бумаж-

ка» показывает о гораздо большем, чем это может с виду казаться...

Очень прошу Вас, если у Вас есть какая-нибудь редакционная денюга, — переведите мне (или перешлите) сколько-ниб<удь> в чешской валюте: очень кручусь и не выплываю.

Очень надеюсь, что будут оттиски.

Убедительно прошу Вас — напишите *мне*, как и когда можно было бы обнадеежить наших будущих студентов на осуществление (хотя бы спорадически-эпизодическое) Вашего курса⁴⁵ в Научном Институте нашем. Я сейчас работаю вместе с представителями Главного Командования⁴⁶ и финансистами над устройством в Берлине 300 человек белоармейской молодежи из балканских юнк<ерских> училищ, распускаемых Командованием. Не отдайте нас на полное экономическое злоупотребление Прокоповича и Бруцкуса⁴⁷!

Ваш И. А. Ильин.

Третьего дня был у Нины Александровны.

4

П. Б. Струве

1923.III.4 Berlin ⁴⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера Глеб Петрович⁴⁹ передал мне о том, что Вы дали распоряжение по конторе Русской Мысли произвести на меня начет за авторскую корректуру (статья⁵⁰ в декабрьской книжке 1922 г.) и что начет этот превышает причитающийся мне авторский гонорар, так что на мне остается еще долг.

Считаю более правильным снести об этом с Вами непосредственно.

С самого начала элиминирую⁵¹ спор о праве, ибо, передав Вам мою рукопись, я не условливался ни о размере гонорара, ни о сроках выплаты, ни о правке корректуры. Не делал это сознательно, ибо материальные ресурсы Русской Мысли мне были неизвестны, духовною связью с нею я дорожил; поэтому я с самого начала готовился к

тому, чтобы согласиться на бесплатное напечатание, в случае если редактор известит меня о неосуществимости вознаграждения.

Итак, никаких прав не предъявляю.

Вопрос о справедливости.

Когда я отдал Вам карандашную рукопись, то мы расстались с Вами на том, что по этой карандашной рукописи статья набираться *не* будет; что Вы отдадите ее в машинную переписку и экземпляр машинный перешлете мне. Поэтому карандашная рукопись была мною отдана не в набор, а в редакционное чтение и переписывание. Все это Вы изменили в дальнейшем своею властью, не сносясь со мною, и через пять дней поставили меня перед непоправимым фактом: «рукопись уже в наборе» и притом «это необходимо для декабрьской книжки».

Получив корректуру, я увидел, что набор сделан педантически со всеми *неровностями* черновиковых строк и бессмысленными в печати, обильными «красными строками» (для оратора они были необходимы). Набор производил впечатление безвкусное и экстравагантное; необходимо было сдвинуть строки.

На мой телефонный запрос Глеб Петрович объяснил мне, что метранпаж специально запрашивал его, соблюдать ли в наборе все эти неровности краев и *красные строки после запятой и двоеточий*; и что он, Глеб Петрович, *не снесясь со мною*, своею властью распорядился: *соблюдать*.

Бесспорно, мне было бы осторожнее примириться с тем, что такая речь моя будет напечатана по образцу дорошевичевских фельетонов или маяковских «стихотворений», — и предоставить редакции Русской Мысли отвечать самой за последствия своих распоряжений, т. е. иметь на своих страницах уродливый и бессмысленный набор, искажающий серьезность и ответственность высказанных мыслей.

Я поступил обратно и счел правильным избавить и самый *предмет*, и *себя*, и *Редакцию* от последствий ее административных ошибок. В результате статья вышла короче на шесть страниц, а типография, оградившая себя

запросом, предъявила счет, возложенный конторою всецело на меня.

Несправедливость такого решения говорит сама за себя, и к ее голосу я не имею ничего добавить.

Разве одно только: я надеюсь, что вторая статья моя (памяти Е. Н. Трубецкого)⁵² сможет покрыть мой долг, образовавшийся от начета. Если же и ее будет недостаточно, то я прошу контору уведомить меня о размерах остатка, дабы я мог своевременно добыть денег и расплатиться.

И. А. Ильин.

5

П. Б. Струве

1923.IV.4/III.22 Берлин ⁵³

Дорогой Петр Бернгардович!

С. С. Ольденбург⁵⁴ передавал мне о Ваших соображениях по поводу затеваемой ими газеты. Всемерно разделяю эти опасения Ваши. Я был на редакционном предварительном совещании и вынес ряд тяжелых впечатлений, о которых, переважив их, высказал Сергею Сергеевичу.

Марков человек умный, волевой и патриотичный. Но необразованный, прямолинейный и *очень* властный. Ни у него, ни у Тальберга⁵⁵ (член редакционного центра) нет ни духовной широты, ни *научно-воспитанной* совести, ни чуткости, ни такта духовного. Помимо этого — Марков *одержим* (искренно, страстно, «тенеброзно»⁵⁶) манией антисемитизма: в основе это у него мания *преследования*, с которой он *не* справляется или справляется редко и с трудом. Его *политика* есть осмысление и «оволение» этой антисемитической мании: всепобедный жидо-масонский кагал гонит Россию в бездну... Таков же и Тальберг. При этом большая властность на их стороне и отсутствие властности у оппозиции редакции (Ольденбург, Чебышев⁵⁷, фон Кеппен⁵⁸).

Все это побуждает меня отойти. Ваши опасения суть верные диагнозы; единства редакционного у них нет, опасность обскурантизма есть опасность реальная*.

*Имею данные утверждать, что помимо этого у Маркова — Тальберга отношение к нашей белой армии и ее вождям — двуснастное и *тактически* чревато имеющим однажды вдруг обнаружиться неподдержанием.

Всюду теперь, за каждым углом — двое, трое русских переговариваются о национально-патриотической газете; ищут деньги, строят комбинации; собираются грюндерствовать⁵⁹ и мало думают о том, что конкуренция здесь вредна и что затонувшая баржа портит фарватер.

Между прочим, к одному из друзей моих обращался русский-американец, некий Ламарк⁶⁰, известный нам еще по московским большевистским тюрьмам и не внушавший там доверия (особая примета — имеется: нос с заметным ущербом); говорит: под национально-патриотическую газету со Струве и Шульгиным⁶¹ добуду хорошие деньги... Может быть, обратится к Вам лично, несолиден, неубедителен...

Научный Институт работает. Атмосфера прояснилась и окрепла; твердый и волевой элемент провел грани и ничего нежелательного нет даже и на горизонте. Очень хотелось бы, чтобы Ваши лекции состоялись. Савицкий⁶² расскажет Вам об аудитории; много серьезных экономистов. С Балкан началось прибытие отбираемого студенчества. С Главным Командованием солидарная работа рука об руку. Финансов хватит пока до сентября. Совет послов⁶³ сначала опасался от нас немецкой ориентации, но потом, получив доказательства, что у нас одна ориентация — русско-патриотическая и что мы ни копейки у немцев не брали, не просили и не собираемся брать, — прислал нам сочувствия и обещал немножко средств.

На днях вышлю Вам мою речь на открытии Института; она вышла отдельной брошюрой⁶⁴. Отдельный экземпляр передам в редакцию Русской Мысли. За эту речь меня пакостно излаяли⁶⁵ Керенский⁶⁶ и Милюков⁶⁷.

Чек на уан паунд⁶⁸ получил. К сожалению, его здесь очень трудно и убыточно реализовать. Надо ждать оказии на Лондон.

Если какой гонорар наскребется мне за вторую статью (памяти Трубецкого), то я очень прошу Вас — распорядитесь, чтобы его передали в *кронах* П. И. Новгородцеву (я должен ему 55 крон; остаток он пришлет мне с оказией в Берлин).

Посылать ли вам еще что-нибудь для Русской Мысли? Если да, то укажите размер — не больше чего?

Если у Вас будет материал для биографических отзывов, — недалекое от меня, — пришлите через Глеба Петровича.

Шлю Вам мой самый искренний духовный привет.

Ваш И. Ильин.

6

П. Б. Струве

<1923>1922.IV.5/18⁶⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Очень прошу Вас, перешлите причитающееся мне сверх-пятидесяти-пяти-крон с первой оказией сюда в Берлин. Если это затруднит Вас — то отдайте его П. И. Новгородцеву, хотя боюсь, что это Вас затруднит не менее, а его и меня — более. Только не посылайте *ни* по почте, *ни* банковым чеком; это не устраивает.

От Ваших имею сведения о Леве⁷⁰. По этому поводу сообщаю. Один замечательный ученый немец только что открыл (около года) новое противотуберкулезное средство. Мне вчера говорил о нем один умный и уравновешенный немец с категорической осведомленностью. 100% полного излечения, даже при отсутствии половины легкого. В ближайший понедельник увижу его опять и допрошу подробно; тогда опять напишу.

Это на всякий случай.

Хочется еще всегда уговаривать Вас, чтобы Вы берегли *Ваше* здоровье!..

До свидания.

Ваш И. Ильин.

*П. Б. Струве*1923.V.23 Берлин ⁷¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Глеб Петрович говорил со мною о том, чтобы я написал для Русской Мысли отзыв о сборнике Россия и Латинство⁷². Сборник этот у меня имеется. Отношусь к нему с большим сочувствием. Но не знаю, закрепил ли он это предложение у Вас? Когда получу ответ, составлю отзыв.

Наше отделение очень ждет Вашего приезда в Берлин. Ваш курс — наш *единственный* экономический курс, и лишаться его было бы во всех отношениях глубокою брешью... Числа с 15 июня семестр начнет замирать.

Ваш И. Ильин.

П. Б. Струве

1923.VI.18 <Берлин>

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам экспрессом рецензию на книжку Карсавина⁷³. Обсудив ее с Глебом, мы признали, что ни он, ни я не сомневаемся в ее удобопоместимости в Русской Мысли, но что все-таки есть потребность в том, чтобы Ваше согласие не подразумевалось в тихих затонах бессознательного, но было бы въяве обнаружено открытым высказыванием в форме редакционного распоряжения. Он просит Вас переслать ее ему с обратной почтой экспрессом же.

В цитатах я соблюл новую орфографию — полагая, что она является художественно-адекватною (по мерзости) ризою для мерзких мыслей автора. В конце рецензии я это прямо оговариваю. Заголовок я выписал так же. Прокаженного младенца, естественно, хочется оставить в прокаженной люльке. Но если Вы считаете эту само-заушающуюся орфографию и в таком виде и смысле неудобоставимую, то я неохотно уступлю.

О сборнике Россия и Латинство тоже напишу для ближайшей книги.

Само собою разумеется, что с журналом «София»⁷⁴, где Карсавин «ближайше участвует» (он привлек деньги

Когана⁷⁵, да и Франк с Бердяевым с ним на чем-то очень дружат), я после этой рецензии хлеб-соль водить не буду. Да это духовно и вернее.

Ваш И. Ильин.

9

П. Б. Струве

1923.XI.20 <Берлин> ⁷⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

Слышал от Глеба, что в начале декабря Вы собираетесь в Лондон и, может быть, поедете через Берлин.

Посему немедленно пишу Вам, чтобы сказать, насколько драгоценны будут Ваши лекции и для наших юристов, и для коммерциалистов, если Вы захотите осуществить их. От лица юридического факультета радостно приветствую самую возможность, вероятность Вашего приезда и выступления.

От себя лично убедительно прошу Вас, уговариваю *всеми* силами устроить этот заезд в Берлин!

Однако питаю надежду приехать в Прагу на два дня между 25 — 30 ноября по поручению Ученого Совета для свидания с руководящими академическими кругами Праги; прежде всего, конечно, с Вами.

Этот приезд мой могла бы задержать только болезнь.

О многом существенном необходимо поговорить с Вами лично.

Вчера я говорил на студенческом национальном вечере большую идеологическую речь о Белой Армии⁷⁷. Аудитория была полна. Справляли годовщину — шестую!! Как долго, как давно и как недавно...

Мне пришлось в этой речи раскрыть ту статью мою «Ушедшим Победителям», которую я поместил 10 ноября⁷⁸ 1917 года в Русских Ведомостях. Это было только раскрытие; менять было нечего.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь на личную беседу *и* в Праге, *и* в Берлине.

Ваш И. Ильин.

10

Л. П. Струве

<24/11 декабря> 1923
 Berlin. Grunewald.
 Gogowstr<asse>10^{III} 79

Милый Лев Петрович!

По указанию Петра Бернгардовича посылаю Вам для Русской Мысли и для отдельного выпуска мою речь о «белых»⁸⁰. Скажите, пожалуйста, Петру Бернгардовичу, что его имя, помещенное мною вначале, после заголовка, означает *посвящение* всей речи ему. Только в том случае, если *он* признает это *для себя* почему-либо неподходящим или неудобным, — я согласен *снять* это посвящение⁸¹. Очень прошу сделать распоряжение о корректуре, чтобы я мог ее прочесть.

Поправляйтесь и будьте добры духом. Сам же я третью неделю хвораю гриппом. Если увидите маму, то передайте ей мой самый сердечный привет.

Ваш И. Ильин.

24/11 дек<абря> 1923.

11

П. Б. Струве

1924. I. 26 <Берлин> ⁸²

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Пишу по пунктам.

1) Часы для Ваших лекций установлены:

пятница — от 8 — 10 ч. (2)

воскресенье — дневные по Вашему назначению (4)

понедельник — 6 1/2 — 8 (2)

2) Суббота оставлена вакантной, и вот по каким соображениям.

Мы (правый юридический факультет) решили устроить несколько открытых заседаний факультета с научными докладами, с тем, чтобы превратить это затем в Юридическое (научное) Общество при Научном Институте и втянуть туда Судебных деятелей и Адвокатуру (те на это охотно идут).

Судьи и Адвокаты уже просили нас устроить доклад об *Экономическом Материализме*; у всех что-то перегорело по этому вопросу, а теоретически не справляются и встречают камни преткновения.

Факультет единогласно поручил мне просить Вас прочесть такой доклад в субботу 2 февраля в 8 часов вечера в большой аудитории на Schinkelplatz (где Вы читали уже). Мы разошлем повестки, соберется весь интеллигентный Берлин, и состоится большой день, водительный и очистительный. К сему водительному выступлению, усматриваем мы, призваны и предназначены Вы — и никто более. И потому усердно просим: не откажите! Я же с своей стороны приму меры к тому, чтобы и сие выступление было гонорировано как 9-й и 10-й час прочтенных лекций.

3) Господин⁸³, с которым Вы встретились у меня, вынес настолько большое впечатление, что горит желанием продолжить, углубить и персонально расширить общение (в *свою* сторону конечно). Обещаний я ему не давал; по приезде Вы дадите мне указания.

4) В субботу на 4 часа дня Вас очень просит к себе на чашку чая Алексей Степанович Хрипунов⁸⁴. Будут еще Шлиппе⁸⁵ и я. Мы Вам имеем разное любопытное рассказать.

5) Вчера была вялая Татьяна⁸⁶. Триста человек бесполово ужинали и бесподъемно ораторствовали под председательством «опысывавшегося» (sit venia verbo!⁸⁷) Гогеля⁸⁸. Meine Kernige Rede war unzeitgemäss⁸⁹...

Очень прошу Вас — ответьте мне *экспрессом*⁹⁰ о Вашем согласии (не могу думать о несогласии!) на Экон<омический> Материализм.

Душевно обнимаю Вас. Все еще я пошатываюсь на ногах после болезни.

Ваш И. И<льин>.

12

П. Б. Струве

<1924.III.17> 91

Дорогой Петр Бернгардович!

Ждем Вас, по условию, на 22 — 25 марта. Надеюсь, что к тому времени все будут в сборе. В кассе у нас заминка, но временная, и я надеюсь, что к Вашему приезду она пройдет. Надеюсь... вся жизнь в надеждах!

Ваш И. И<льин>.

1924.III.17

13

*П. Б. Струве*1924.IV.27⁹²

Христос Воскресе!

Дорогой Петр Бернгардович!

В работе, которую я взял на себя, можно различать сторону метода и сторону материальную. Вторая сторона, по-видимому, не представит больших затруднений. Сторона же метода потребует, вследствие своей сравнительной утонченности, известных усилий и тщательных подходов. Однако я надеюсь, несмотря на болезнь, справиться и с нею и довести статью⁹³ до полного завершения в течение мая. Может быть, значительная часть будет уже сделана к следующему Вашему приезду и мне удастся показать Вам сделанное и обсудить с Вами некоторые детали.

А потом надо будет ехать лечиться. Ужасно трудно наладить деньги для этого...

Обнимаю Вас. Мы оба поздравляем с праздником Нину Александровну и всех Ваших.

Ваш И<льин>.

14

*П. Б. Струве*1924.V.23⁹⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Меня врачи отправляют в Меран⁹⁵. Коллеги по академическому союзу сообщили мне, что в Меране есть санатория, в коей Академический Центр имеет места, с правом замещать оные своими членами. Правда ли это? И если это правда, то я очень прошу Вас — переговорите, не откладывая, с Ломшаковым⁹⁶ и с кем еще надо, нельзя ли мне устроиться туда хоть на месяц — когда будут вакансии — на июнь или на июль. А то я боюсь материально не справиться со всем этим лечением.

Черкните мне поскорее — какова процедура этого устройства? Нужно ли представление от Берлинской академической группы? Или можно прямо? А то Ясинский начнет тянуть канитель... Какая плата в санатории и на каких условиях все это вообще налаживается? Буду с нетерпением ждать скорого ответа. 30-го или 31-го мне надо отсюда уж сниматься (квартире конец!).

Усиленно хлопочу об итальянской визе, кажется с надеждою.

Прилагаю медиц<инское> свидетельство.

Помогите, если можете!

Когда Вас ждать в Берлин?

Мы оба шлем привет Нине Александровне и Вам.

Ваш И. Ильин.

Русская Мысль все еще не родилась...

<Приписка:>Я могу в крайнем случае уехать на юг Германии и там ждать ответа.

15

П. Б. Струве

<1924.VI.9> 97

Herr Prof. Dr. von Struve

Buckova Ul. 505

Praha-Bubcnes

Tschechoslowakei

Дорогой Петр Бернгардович! Я доселе еще не имею визы в Италию и в ожидании ее провалился в австрийский Kärnten (адрес пока: Oesterreich. Kärnten. Velden am Wörtersee. Hauptpostlagernd). Уезжая из Берлина, так и не получил Русской Мысли и оттисков. Когда будете писать Л. И. Львову⁹⁸, напомните ему, чтобы он выслал мне все сюда. Крушение наших планов огорчило не одного меня. Об этом напишу подробнее, когда устроюсь. Будет ли выходить Р<усская> Мысль? Если да, то у меня будет материал для нее. — Списываюсь с русским домом в Мереане и очень благодарю Вас за содействие. Напишите мне, состоялась ли Ваша публичная лекция и как прошла. Грушу о том, что долго не увижусь с Вами. Крепко Вас обнимаю и шлю привет Нине Александровне и всей семье.

1924.VI.9.

Ваш И<льин>.

П. Б. Струве

Адрес: Kötschach im Gailtal.
Villa Seeber. Oesterreich.
1924.VII.10⁹⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы себе не представляете, какое огорчение Вы причинили мне и моему приятелю своим болгаризирующим решением¹⁰⁰. Ведь *все было устроено и обеспечено* в нужном количестве и порядке; и вдруг афронт. Тот был прямо уныл и мрачен. Все просил меня подумать, как же быть. Я решил дело так: подвергнуть все дело анабиозу до осени, а осенью рассмотреть вопрос заново. Последние известия из Болгарии о нападении на Калининкова¹⁰¹ тревожат меня за Вас. Эта мерзость там опять обнаглела; и как все это будет складываться дальше?

Словом, я полагаю, что до осени анабиоза обеспечена.

В последнем номере Русской Мысли есть много превосходного. *Великолепна* Ваша заметка о коммунизме. Очень значительны статья Погодина¹⁰² и «Материалы» О. О. Маркова¹⁰³. Волнует своею подлинностью Савченко¹⁰⁴. Живые куски России, умно и поучительно набросанные, дает Садовский¹⁰⁵. Хороши очерки г. Z и X. Y. Z. (кто сии незнакомцы?). Вашу рецензию «Изнутри» уважаю холодно, сознавая ее педагогическую необходимость, но сердцем *не* пылаю и в искренний патриотизм сих господинов не уверовал. Трогателен Н. Н. Львов¹⁰⁶.

Никак не добьюсь моих оттисков от Лоллия Ивановича. Их надо мне разослать *honoris causa*¹⁰⁷ ряду лиц по принадлежности, а в Берлине их какая-то корова зажевала.

Пожалуйста, напишите мне, *когда* будет составляться следующий номер. Я хотел бы прислать Вам что-нибудь крепкое и духовно-ответственное. Здоровье мое медленно скрипит. Манухин¹⁰⁸ зовет лечиться в Париж. Надеюсь, что Лева с Вами и что Нина Александровна и Вы уже не в Праге, а на воздухе. Шлю всей семье мой привет. Обнимаю Вас и глубоко люблю.

Ваш И. И<льин>.

<Приписка:> Итальянской визы до сих пор еще нет в руках (хотя она и «отпущена»...). Из Мераана пишут, что на июль и август ехать туда бессмысленно. Провалилось мое Бородинство¹⁰⁹.

17

П. Б. Струве

1924. VII. 25¹¹⁰

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

У Рус<ского> Науч<ного> Инст<итута> *есть деньги*. Бюджет обсуждается в размере около минимум 80 000 марок на год. Деньги из частных рук (туземные, но без имени). Жалованье профессору намечено 240 марок в месяц. Жалованье ректору около 400 марок.

Скверно мне думать, что Вы едете к братушкам. Безоразие там, резня, балканщина. Умоляю Вас: обдумайте, спишитесь с Лол<лием> Иван<овичем>, решите в пользу севера!! Я пишу сейчас Лол<лию> Ив<ановичу>, чтобы он обо всем Вас уведомил; при одной идее, что «Стр<уве> переезжает в Берлин» — ректорская кандидатура станет единственной!!

Сейчас там А. И. Гучков¹¹¹, председатель фин<ансовой> Ком<иссии> Ясинский вел себя последние месяцы таким наглецом и болваном, что о переизбрании ректора *камни* вопиют и все к этому готово...

Я чувствую себя средне. Однако получше. Пишу работу листа на 4: «О сопротивлении злу»; надо чистить конюшню толстовщины: heraus! heraus!..¹¹²

Переезжаю в Италию. Адрес: Italia Südtirol. Siusi am Schlern. Hotel Unterwirt.

Посылаю Вам стихи одного начинающего поэта¹¹³. Если удовлетворительны — то, м<ожет> б<ыть>, пойдут в Рус<ской> Мысли? Тогда и подпись его пришлю.

Привет Нине Александровне и молодым белогвардейцам¹¹⁴.

Обнимаю Вас.

И<льин>.

Да что же это Вы меня забросили?! Третье письмо шлю!..

<Приписка:> Ужас будет, когда подумаешь, что Болгария не убережет *Вашей жизни!*

П. Б. Струве

<11 .V. 1925> ¹¹⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Отвечаю принципиальным согласием на приезд¹¹⁶. Однако надо будет преодолеть некоторые трудности.

1. Мне необходимо выправить новый паспорт, Nansen-Ausweis¹¹⁷; мой кончился. За это я примусь завтра же. Сразу и Rückreisesichtvermerk¹¹⁸.

2. Говорят, что при наличии Rückreisesichtvermerk здешнее франц<узское> консульство затруднений не делает. Но посмотрим! Если здесь сорвется с визой — телеграфирую Вам.

3. После Праги у меня есть некоторое ухудшение в здоровье, и я еду в Париж с тем, чтобы непременно показаться Манухину и решить о своем лечении по его методу — хотя бы в Берлине. Для решения этого вопроса мне необходимо приехать с Нат<алией> Николаевной. Это мне настолько важно, что я предпочитаю ехать *третьим спальным* ночью до Кельна и третьим дневным, от Кельна до Парижа, чем одному во втором классе. Вы себе не представляете, как надоело мне жить полуинвалидом!

4. В Париже — комната, где я могу ночевать один, — мы можем ночевать и вдвоем. Остальное — пустяки.

Но только: если придется высылать визу — то непременно «с женой»; и если будут отводить комнату — то тоже «с женой».

5. Мы все здесь крайне удручены газетной агитацией, образец коей я Вам посылаю¹¹⁹. Автор статьи — правый. В основе фальшивый документ (якобы письмо якобы Миллера¹²⁰). Боремся, но бороться очень трудно — газеты очень туго помещают опровержения. Все остальные комментарии — лично.

6. Завтра телеграфирую Вам о дне возможного выезда. Лекцию надо назначить *по крайней мере за неделю*. К сожалению, Вы не пишете, долго ли Вы пробудете в Париже. Всеми начинаниями живо интересуюсь. Однако учтите по прилагаемой статье настроение. Конечно мы правы; но с нами и за нас никто *не стоит* и нас некому оборонить от инсинуации.

7. Если увидите В<еликого> К<нязя>¹²¹, то скажите, что его желание для меня закон. Надо бы мне только не затрепаться так, как я затрепался в Праге¹²².

Благодарю Вас за все и обнимаю Вас крепко.

Ваш И. И<льин>.

11.V.1925.

Письмо Ваше пришло только сегодня.

19

П. Б. Струве

<Телеграмма от 17.V.1925>¹²³

Charlottenburg 9 = 3859 11 17 1 s NE ME MENTION-
NEZ PAS IMPOSSIBLE=JEAN¹²⁴

20

П. Б. Струве

1925.V.17¹²⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

На последнюю телеграмму Вашу я ничего не мог Вам ответить кроме отвеченного. Издали и без осведомленности сложность и трудность положения Вам не видна. Необходимо увидеться и переговорить; до тех же пор совсем не эксгибируйте¹²⁶ моего имярека. Полая вода клеветы сервирует ежедневно новые закуски, а отрицательные факты очень трудно доказывать.

Очень жду свидания и возможности его осуществить. Но ввиду Вашего отъезда к 19-му и возвращения к 25-му — очень прошу назначить мое выступление *не ранее* 26 или 27 мая¹²⁷. Тогда лично все выясним.

Ваш Неист<овый>¹²⁸.

21

П. Б. Струве

1925.VI.9. Берлин¹²⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Направляю к Вам очень ценного человека, Марию Вячеславовну Паннаш. Она жена белого генерала и сама владеет крепким белым сердцем и, что особенно дорого, опытным литературным пером (давнишняя сотрудница Русского Инвалида¹³⁰). В ней соединяются в обаятельной

гармонии сильный характер, большая организационная способность и жизненный такт. Знает пять-шесть языков.

Не могу не направить ее к Вам в порядке мобилизации наших сил. Она могла бы быть и в редакции незаменимым и неутомимым работником. К сожалению, непропорциональная ее качествам строгость к себе и скромность мешают ей в жизни.

Искренно Ваш И. Ильин

22

П. Б. Струве

13.VI.1925¹³¹

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Не браните меня за молчание. У меня были очень тяжелые дни в связи с болезнью Наталии Николаевны. Наконец вчера вечером пришлось отвезти ее в клинику, где ей тотчас же сделали операцию (вскрыли флегмону). По-видимому, благополучно.

Посылаю Вам

1) О Корнилове¹³².

2) Два письма¹³³ местных *доброжелателей* газеты — с их читательскими мнениями. Считаю это важным для редакционного портфеля, независимо от их правоты или неправоты.

3) Застрявшую у меня чистую *carte pneumatique*¹³⁴.

Очень больно чувствую свой отрыв от газеты. С пятого № ничего не видел и не знаю, где подписаться. Присланные мною 200 строк + 300 строк¹³⁵ дают мне право на подписку без взноса денег. Очень прошу Вас, распорядитесь принять от меня подписку *на год* вместо гонорара. Это необходимо для сотрудничества.

Здесь газету достать *очень* трудно. Все ходят и спрашивают: как и где подписаться?

Обнимаю Вас. Берегите себя!

Ваш И. Ильин.

Привет всей редакции...

Адрес: Berlin, Ahorn Allee. 6. Prof. Iljin.

На днях вышлю еще статей.

К. И. Зайцеву <23.VI.1925> ¹³⁶

Дорогой Кирилл Иосифович!¹³⁷

Радуюсь успеху газеты, как своему собственному, — это наше общее дело, т. е. не успех, а газета...

Ропщу на оторванность от газеты: ее не получаю, следить за ней необходимо *ежедневно*, а покупать ее приходится экстренно, выезжая в город и отыскивая у газетчиков. Ради Бога — избавьте меня от этого.

У меня уже напечатано 500 строк; это гонораром, вероятно, около ста франков. Это хватит ведь на 12 месяцев заграничной подписки! Ради Бога — устройте, чтобы мне выслали ее за счет этого гонорара. В начале июля я еду на юг в горы — лечить свои легкие и измученную после операции Наталию Николаевну. Ведь тогда отрыв будет полным!!

Очень надеюсь на Вашу помощь. Здесь все ропщут на неподписуемость газеты, но мне сейчас дело пока только до себя.

Книга моя¹³⁸ выходит на этой неделе. Пришлю.

Крепко жму руку

Ваш Антиевразиец¹³⁹.

23.VI.1925.

П. Б. Струве 1925.VII.9 ¹⁴⁰

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил от Вас два номера Последних Новостей с экзерсисами Демидова¹⁴¹. Несколько раз благодарил Вас про себя за защиту¹⁴². Очень жалею, что не удалось мне видеть статьи Пасманика¹⁴³ в «За Свободу». Нет ли у Вас ее в редакции и нельзя ли прислать мне ее? Статья из советской «Правды»¹⁴⁴ у меня имеется.

Теперь книга моя вышла¹⁴⁵ и всюду продается. Отдельно в «Возрождение» «для отзыва» я *не* послал! Вам на Редакцию я послал два экземпляра: Вам *лично* и К. И. Зайцеву *лично*; и еще один для передачи¹⁴⁶. Получили ли Вы их?

Экземпляр книги «для отзыва» послан в Посл<едние> Новости.

Имеет ли смысл отвечать теперь критикам, писавшим о книге до книги, вследствие своей критической невоздержанности и жажды скорее облаять? Или подождать отзывов и тогда соединить все вместе?

Я очень дорожил бы *Вашим* (лично) впечатлением о моей книге; хотя бы кратко.

Прилагаемое письмо очень прошу передать по адресу. Обнимаю Вас.

Ваш Автор и сочинитель.

Епископ берлинский Тихон¹⁴⁷ и Митр. Антоний¹⁴⁸ считают мою книгу подлинным и точным выражением православного воззрения.

<Приписка:> О Евразийцах у Вас уже писалось так много, что я предложил свои статьи в Новое Время¹⁴⁹.

Адрес: Italia. Oberbozen. Rittnerhof.

25

П. Б. Струве

13.VII.1925. Обербоцен¹⁵⁰

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю вам статью¹⁵¹. Скоро еще пришлю.

Очень прошу Вас:

1) вышлите мне статью Пасманика, написанную за *Швебоду*¹⁵², против ильинского погрома (гевалт!¹⁵³)

2) вышлите, пожалуйста, отзыв о Маркове (Ал<ексandre> Прок<офьевиче>)¹⁵⁴ на *его имя* в Научный Институт. Текст я Вам прислал¹⁵⁵.

Обнимаю Вас

И. И<льин>.

Сейчас перечитал еще статейки Демидова. Завтра напишу ему секуцию¹⁵⁶ и пришлю.

26

П. Б. Струве

1928.VII.19¹⁵⁷

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил Ваше письмо. За все благодарю. Беспокоят меня лишь два пункта:

1) Передал ли Вам С<ергей> С<ергеевич>¹⁵⁸ мое письмо, писанное карандашом и оставленное мною ему в Берлине перед отъездом? Это письмо было деловое и, как пишут писаря, «весьма нужное». Все ли там было ясно? Это беспокоит меня потому, что С<ергей> С<ергеевич> переживает период осложнений и за последнее время бывает фантастически неаккуратен.

2) Изволи ли (sic!) одобрить, подписать и отправить Ваш отзыв о книге А. П. Маркова, который я послал Вам еще из Берлина? Если нет, то Марков ждет его по адресу Института (Schinkel Platz. 6) на *свое* имя. Ему важно это для внесения в Акад<емический> Союз Берлина.

Я очень радуюсь Вашему намерению написать о моем «Сопrotивлении». К нему маленький комментарий.

Книга задумана *не* как антитезис Толстовству, а как антитезис + (плюс) *синтез* верного решения:

Сопrotивляйся всегда любовью

а. самосовершенствованием

б. духовным воспитанием других

с. мечом.

Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательство того, что к любви — меченосец способен *не меньше*, а больше непротивленца. Словом, я искал *решения* вопроса, настоящего, религиозного, пред лицом Божиим; и считаю, что оно содержалось в древнем духе *православия*.

Еп. Тихон (Берлинский) после моего доклада в церкви перед «приходом», заслушав последние 4 главы книги, говорил с большим подъемом о том, что «это есть истина», которую православие носило веками *в чувстве и в воле* и которая впервые выговорена разумом и доказана.

Книга распадается на 4 части:

1) главы 1 — 8: расчистка дороги от мусора, уяснение, уточнение, удаление плевел из мысли, чувства и воли; *постановка проблемы*;

2) главы 9 — 12: погребение набальзамированного Толстовства;

3) главы 13 — 18: разрешение проблемы — начало: бей, но когда? но доколе? но отколе? но кого? но зачем? но почему?

4) главы 19 — 22: разрешение проблемы — конец: *очищайся*, от чего? почему? для чего?

В частности, глава 20 — отмежевывается от Лютера и иезуитских соблазнов. Центральное различие этих глав — «неправедность» \longleftrightarrow «грех» — вводится мною сознательно — в нем корень всего разрешения; по этому пункту я сговаривался и списывался с нашими иерархами — решение вопроса остается *моим* и терминология *моя* — но они считают (Антоний и Тихон), что это *верное* решение.

* * *

Скоро еще пришлю для Возр<ождения>.

Обнимаю Вас и очень одобряю и поддерживаю всю линию и весь тон газеты. Почему Вы не печатаете статей Л. Г. Семеновского¹⁵⁹? Его это огорчает.

Ваш И<льин>.

<Приписка:> Мне *очень* интересно, будет ли В<еликий> К<нязь> читать книгу?

27

П. Б. Струве

<8.VIII.1925> 160

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю вам второй номер¹⁶¹ задуманной мною аналитико-идеологической серии. Третий тоже готов: «Пересмотр идеологии».

Тут у нас в Oberbozen живет сейчас П. Г. Виноградов¹⁶². Мы с ним часто видимся. Он весьма сочувствует Вашей линии. В начале сент<ября> он поедет домой через Париж и думает увидеться с Вами.

Беспокоит меня С<ергей> С<ергеевич>. Невесту его я видел. Слышал, что отец ее крайних воззрений. А он влюблен до утраты душевного равновесия. И, в общем, из Берлина о нем идут не «ужасно»-успокоительные вести. Беспокоит меня это...

Ваш И<льин>.

1925.VIII.8.

П. Б. Струве

1925. VIII. 13 163

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы прекрасно сделали, что заявили о непродолжении «этой полемики» на страницах Возрождения¹⁶⁴. От их статей, которые я только что прочел, просто воняет глупостью и пошлостью; и нет возможности подбирать всю эту ерунду. Да я не для того годами носил в себе проблему «Сопротивления», аскетически, осторожно, ответственно, ища верного видения этой основной трагедии человеческого бытия, — чтобы превратить мою работу в уличную тумбу, на которую мочились бы мимохожие левые болтуны... Всю эту тему надо вырвать из их рук. Для этого, кажется мне, надо газетно (увы, журналов нет!! это многое продешевляет...) обратиться к моей книге и ее постановкам и тезисам. Ведь у них в каждой строчке три недоразумения, две вульгарности и две передержки; и ни один из них в книгу не заглядывал... Вся долгая, трудная и минюциозная¹⁶⁵ работа валится под стол и вульгарная развязность уже захватала протертую мною лупу...

Во всем этом я различаю две стороны вопроса: *философическую* и *религиозно-православную*. Вторую тоже надо передать в авторитетные руки. Перед отъездом из Берлина я говорил нашему еп. Тихону о том, что богословско-церковная сторона этой борьбы должна вовлечь *его* и *Митр. Антония*. И он соглашался. Есть вопрос о *православности* такого-то тезиса, и высказаться должны *они*. Сан дает учительное право и авторитет. Помимо того, в Писании есть места, которые должны толковаться именно пастырски во избежание соблазнов. Именно поэтому я их обошел молчанием, а Тихон с кафедры толкует их определительно в *нашу* пользу. Посмотрите, напр<имер>, Луки 22.35-38. Деяния 5.1-11. — Ввиду всего этого я сегодня пишу Антонию и посылаю ему статьи Демидова, Вакара¹⁶⁶, Добронравова¹⁶⁷. Книга моя у него есть. Еще очень прошу Вас послать ему из редакции № 15 и № 57 Возрождения мои статьи — о Корнилове и Отрицателям меча. Он, наверное, напишет в Новое Время¹⁶⁸. Если Вам покажется неудобным посылать *ему* эти два номера, то пошлите их *мне*, а я пошлю от себя.

Философическая сторона вопроса в *Ваших* руках. Я не вижу, кто мог бы заменить Вас... Существенно было бы, если бы высказался печатно А. В. Карташев¹⁶⁹; но где? Шульгин написал бы дилетантскую импрессию¹⁷⁰... Спекторский¹⁷¹? но где? Я отправляюсь от того, что Возрождение должно говорить *Вашим* пером о книге.

Но все это Вам виднее...

Отвратительное впечатление производит на меня парижская русская печать. Газета Алексинского¹⁷² это сплошная *гнида*! Что за сволочная, подпольно-завистливая «сказка» о Петре и Павле? Что за заметки об интервенции, о союзе с поляками?! А Последние Новости! Это «благородный» вид ежеминутно передергивающего карты шулера... Эти наставления сверху, эта бесчестность лганья... (П. Г. Виноградов иначе не говорит о Милюкове, как с презрением.) А там еще эта парочка Филиппова¹⁷³ гвоздает.

Вот уж поистине «некий сосуд» с «пресмыкающимися»; и потом «встань, Петр, заколи и ешь»¹⁷⁴...

Я все беспокоюсь, как бы они какую-нибудь пакость не сделали. И ведь это все не от «патриотизма»; какое там... Все это трясется: 1) как бы не высекли за блуды, 2) как бы изловчиться и «поспеть», «сесть», «попасть»...

Послал Вам три статьи. Зайцев¹⁷⁵ пишет мне, что надо держаться «идеала» в 150 строк. Но ведь это же почти афористические броски будут... Подумайте: ведь *журналов*-то нету!! Нельзя же все свести к коротко-мыслию!

Обнимаю Вас. Не забудьте мою денежную просьбу! И два №№ 15 и 57.

Ваш И<льин>

29

К. И. Зайцеву <Без даты;
вторая половина сентября 1925 г.>¹⁷⁶

Дорогой Кирилл Иосифович!

9 сент. послал в письме на имя П<етра> Б<ернгардовича> по адресу Алексея Петровича¹⁷⁷ (заказным) статью для Возрождения «Понять — непростить»¹⁷⁸. По-

видимому, П<етр> Б<ернгардович> в Праге. Лежит ли мое письмо у А<лексея> П<етровича>, или у П<етра> Б<ернгардовича> в Праге? Если оно у А<лексея> П<етровича>, то я сим доверяю Вам письмо вскрыть, статью изъять, а письмо опять запечатать и препроводить Петру Бернгардовичу. И если Вы все это сделаете, то я в том Вам верю, спорить и претикословить не буду.

При сем посылаю еще опус «Черносотенство»¹⁷⁹. Но по плану моему и замыслу «Понять — непростить» должна напечататься ранее «Черносотенства».

Долго ли П<етр> Б<ернгардович> пробудет в Праге и куда ему писать по делам?

Крепко жму Вашу руку. Привет друзьям — Сергею Сергеевичу и Лоллию Ивановичу¹⁸⁰.

Ваш И<льин>.

Адр<ес>: Italia Alto Adige. Siusi. Unterwirt.

30

К. И. Зайцеву

1925.IX.26 181

Italia Alto Adige.

Дорогой Кирилл Иосифович!

Позвольте мне обратиться к Вам с нижеследующей большой просьбой личного характера.

В силу целого ряда условий, жертвою которых я сделался, мой прожиточный минимум повис на распространении моей книги о «Сопротивлении злу силой». С каждого экземпляра я получаю 45% номинала. Издатель¹⁸² передал книгу мне и не публикует ее. Ныне склад известил меня, что он тоже публиковать ее не может. След<овательно>, сие падает на меня.

Вот я и прошу Вашей протекции!

Будьте так милы и добры, составьте объявление о моей книге приблизительно такого содержания¹⁸³ ценою *франков на 10 за один раз* и прикажите помещать его в Возрождении на четвертой странице 1 раз в неделю в тот день, когда идет библиография. Возмездие же я очень прошу вычитать в конторном порядке из моего гонорара. Сие да творится в течение *десяти недель*. Если при этом редакция устроит мне в конторе какую-нибудь скидку, то

благоденствие Ваше достигнет кульминационного пункта и помощь, оказанная мне, станет очень существенной.

Знаю, что Вам дела по горло, но очень прошу, не браните за просьбу и помогите. Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Ильин

31

К. И. Зайцеву

1925. IX. 28¹⁸⁴

Дорогой Кирилл Иосифович!

Посылаю Вам статью «Нечестные споры»¹⁸⁵. Я сначала писал ее для Нового Времени, но потом мне стало казаться, что ей следует появиться в Возрождении.

Прочтите ее, пожалуйста, не откладывая. Если что-нибудь и почему-нибудь в ней для Возрождения не подходяще, то, прошу Вас, пришлите мне ее тут же назад. Менять в ней я ничего не хочу; и отправлю ее в Новое Время.

Я очень надеюсь, что Вы приняли к сердцу просьбу моего предшествующего письма!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Ильин

NB. Адрес новый: Italia. Firenze. Via Martino del Presto, 7. Pension Florenza.

NB. NB. Пожалуйста, подпись под моими статьями помещайте так: *И. А. Ильин*.

А то есть еще и другие «Ильины», с коими меня иногда смешивают (напр<имер>, евразиец¹⁸⁶).

32

П. Б. Струве

<1925>. X. 12. Флоренция¹⁸⁷

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил оба Ваши письма. Второе (с «черносотенством»)¹⁸⁸ — подали только что.

Удар направо считаю абсолютно необходимым, и мне очень жаль, что Вы его не приняли. Я внимательно вчитался в Ваше письмо и по совести не знаю, не понимаю, что следует изменить и исправить. Видел и отметки на полях.

Что же, неужели неясно, что я выдифференцировал черносотенство в образ (действительно густопсово-черносотенного) *кириллизма*?¹⁸⁹ Но я не убежден в том, что это слово следует произнести. Сказать: «это кириллисты»...

Да, они поносят свой флаг: разве Вы не видели книгу Снесарева?¹⁹⁰ поэму кириллиста Мятлева¹⁹¹ «Клубника Виктория»? В беседах личных они предают свой флаг на каждом шагу...

Да, к ним тянут *католики*. В феврале священник <Абрикосов¹⁹², присланный ко мне от д`Эрбиньи¹⁹³ с секретным поручением, — поносил нашего Вождя¹⁹⁴ за масонство и воспевал Кирилловцев и Кирилла, как средоточие мудрости.>

Договариваться с ними нельзя. Я по крайней мере не буду ни при каких условиях. А разве Вы не знаете, что множество слабых и хитрых людей берут у них письменные заручки («признал К<ирилла> государем еще в эмиграции») — не примыкая открыто? И носят заручки при себе...

Что же я могу со всем этим сделать?

Самый термин «черносотенство» много раз был мною обсужден с Марковым и Тальбергом, относимый туда же и, шире, к неопределенной возможности классово-мстительной правизны. Они соглашались.

Но отказаться от самого термина нельзя. Необходимо жгучее и жгущее слово, ляписом прижигающее известные уклоны. «Дурная правизна» — неопределенно. Кроме того, я считаю, что реставрацией этого термина мы

а) отрезаем благодушное, симпатичное злоупотребление им (я, мол, черносотенец);

б) вырываем зуб с ядом у левых — чтобы они не смели нас отодвигать к черносотенцам...

Удар направо должен быть жестким. Но я, когда еще писал статью, не был уверен, что она Вам подойдет, ибо, месяцами стоя на отлете, нельзя издали учесть всего; и тенденции происходящей в Париже организационной работы¹⁹⁵ мне не видны. Я не представляю себе возможности сближения наших групп с кириллистами, хотя Шебеко¹⁹⁶ об этом давно старается (вот она, заручка!). Боюсь, что статью мою следует считать безвозвратно возвращенной.

По крайней мере я *совершенно не знаю*, что мне с ней делать. *Термина* другого *нет*; неужели невозможно упомянуть о «Снесареве, Мятлеве, Абрикосове»? Или умолчать об этом гное даже в форме намека? Но это значит обеззубить всю статью.

Недоуменно листаю в статье и *без конкретных указаний* не знаю, что начать. А между тем — ей не место в Новом Времени. Да и без удара направо — мне больше нельзя бить и налево.

Посылаю Вам статью нефельетонного образца¹⁹⁷.

Ваш <росчерк>.

Чтобы упростить дело, прилагаю «анкетный лист», который Вы проставьте и пришлите¹⁹⁸.

<Приписка:> Только что получил отписку Керенского в Днях¹⁹⁹. Любопытные утверждения насчет сибирского золота²⁰⁰...

33

П. Б. Струве

1925.X.21²⁰¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Простите мне карандаш и разрешите ответить по пунктам.

1) К 5 ноября я буду в Берлине и с радостью буду ждать свидания с Вами. Влад<имир> Фед<орович>²⁰² будет знать мой адрес.

2) На днях вышлю Вам три статьи:

а) фельетон очередной «Зачем нам идеология»²⁰³.

в) Фельетон «О реставраторстве»²⁰⁴ — в литературной форме: «отрывок из частного письма». Не боевой, а доказательно уговаривающий.

с) Фельетон «Предел правизны»²⁰⁵ — (вместо «Черносотенство») — переделанный несколько из той статьи.

Тема в) и тема с) — совершенно различные. Тема в) конкретная, историко-политико-тактическая. Тема с) — идеологическая с организационными выводами; остро ударная, а не мягко расчищающая. *Переделать* статью было невозможно.

3) Всеми силами уговариваю и упрашиваю Вас не называть новую организацию²⁰⁶ Русской *Партией*. В этом большая опасность: **Вы**, потому что Вы — **Вы**, не имеее

право санкционировать *itio in partes*²⁰⁷, т. е. узаконять дробление до объединения. Это должен быть Союз, а не партия; уже потому одному, что *в союз может войти и партия*, а в партию — ни другая партия, ни другой союз не войдет.

С момента «партии» Вы стали *частью*. Вы *конкурируете*, Вы в состязательном состоянии. Вы не Totalität²⁰⁸. А я твердо убежден в том, что надо *Вам* стать *тотальностью*.

4) Я не знаю, что сто́ит за статью Крупенского²⁰⁹, оставшись невысказанным. Но то, что он высказал, на меня *не* произвело впечатления неприемлемого. Еще яснее сказано у Пильца²¹⁰. Вознаграждение за утерянную землю — я считаю и принципиально, и строительно, и право-сознательно приемлемым и необходимым. Я знаю, что *мужики сами* считают это главной формой *окончательного закрепления* земли за ними. В течение пяти лет, что я там был, мужики то и дело приходили к своим помещикам делегатами тайком, нередко отыскивая их в городах и привозя съестные дары — и спрашивая о согласии *продать* отобранную и захваченную ими землю и *мечтая* о купчей. Знатоки крестьянства много раз подтверждали это наше общее наблюдение. В 1922 году, когда пошли весной слухи об интервенции, подмосковные мужики спрашивали нас: 1) правда ли, что нас всех перевешают? 2) а если (sic!) не перевешают, то дадут ли снять озимое? 3) а что землю отберут, так ведь она и впрямь не наша; вот купить бы ее по сходной цене...

Я только думаю, что всем Крупенским следовало бы объяснить, что тактичнее этот выкупной вопрос не слишком муссировать публично.

Ради Бога, не спешите с *партией!* Жажду увидиться с Вами. Если составите воззвание о *союзе*, то пришлите мне его экспрессом, я телеграфну ответ.

Ваш И<льин>.

<Приписка:> Выезжаю из Флоренции 31 окт<ября>. 1, 2, 3 и 4 ноября проведу в Цюрихе: адрес — Zürich. Schmelzbergstr<asse> 28. Herr Dr. Hans Trüb²¹¹, для меня.

Будут *еще* письма отсюда (корресп<онденция>), но, вероятно, я пошлю их уже с севера.

П. Б. Струве1925.Х.25²¹²

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам из обещанного первый «опузкул»²¹³. Остальное почти готово; поедет на днях. Готовятся еще две корр<еспонденции> отсюда²¹⁴; но не знаю, как они Вам покажутся. В поисках беспристрастия я собрал *объективный* материал и pro и contra; ибо мне казалось, что нужна *истина*, а не сочувственная идеализация тенденциозного характера. Contra вскроет *отрицательные черты и опасности*. Поместите ли Вы это? Пока не будет ответа от Вас, я оставлю материал в «материальном» виде; зря писать не хочется. Напишите два слова. Материал интересный. Я ничего *сам* не утверждаю, а постановка такая: беспристрастные, объективные люди выдвигают «против» то-то. Я отвечаю только за высокую квалификацию источника.

Очень прошу Вас, перешлите этот конверт в контору. Там вложен чек на 32,50 фр. Я не могу его здесь учесть за длительностью этого процесса и прошу присоединить эту сумму к следующему чеку, который прошу выслать на берлинский банк. Там *все изложено*.

Ваш И<льин>

До 31 окт. я здесь.

П. Б. Струве1925.Х.28²¹⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Вот Вам статья об аграрном реставраторстве. К ней комментарии.

а) Полемику, направленную на правизну *попутчиков*, я считаю необходимым вести в убеждающем, а не бьющем тоне. Так как в то же время *тезисы* реставраторства мне печатно *не* даны, то надо было *фингировать*²¹⁶ их. Отсюда литературная форма «отрывок из частного письма» и фигура моего адресата: превосходный человек, имеет верные и вовсе не отвратные предпосылки, но предлагает (по глупости?) аграрную реставрацию.

в) Подписать статью своею фамилиею *я не могу* — все это сплетут с белой идеологией и пойдут мазать и пачкать (не меня — а белую идеологию). Но так как я рож-

ден и вырос в помещицкой родовой дворянской семье, и «оженился» в таковую же семью, и полжизни участвовал во всякой аграрности etc., и знаю мужика, и люблю все это — то считаю возможным ставить вопрос от лица разгромленного (кто и есть на самом деле) помещика и подписаться «помещик». Это придает всей статье особый колорит, который я фактически в моей жизни имел и имею.

с) Все приводимые мною данные, и постановки вопроса, и указания я имел возможность недавно крепко проверить и приблизить к внутренней современности. Об этом при свидании. *За все ручаюсь.*

д) Статью эту я не написал бы сам по себе. Сделал это в порядке дисциплины, подчиняясь Вашему запросу. Это было мне трудно, но я учинил «самопонуждение к самопонуждению».

е) Статья вышла несколько длинна. Но уж тут, как хотите: закажите гроб по покойнику. О, статья моя! *Sit tibi terra levis...*²¹⁷

36

П. Б. Струве

1925.XI.14²¹⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Если Вы в Праге или будете в Праге, то не изменяйте своего первоначального плана и попутно непременно заезжайте сюда. Ваш заезд сюда я считаю чрезвычайно важным. Именно теперь. Если есть какая-нибудь малейшая возможность, то сделайте это. Я уже несколько огляделся. Все знакомые шлют Вам привет. Я здесь с XI.9.

Деловое письмо с статьей и запросами послал на редакцию.

Ваш И<льин>.

Адрес: <Berlin> Lützow Str. 63. Pension Tonn.

37

П. Б. Струве

1925.XI.14²¹⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Разрешите по пунктам. С 9 ноября я в Берлине.

1) К середине ноября я жду Вас сюда. К этому должен добавить, что Ваш приезд или заезд сюда я считаю чрезвычайно важным. Именно теперь; и именно Ваш

лично. Пишу, оглядевшись. Если есть какая-нибудь возможность, то сделайте это! Не откладывайте!

2) Посылаю Вам статью «направо»²²⁰. Надеюсь скоро выслать несколько корреспонденций о фашизме²²¹, ибо обладаю весьма интересными материалами. Отрицательные мотивы пройдут бережно и в обертонах.

3) Только что прочел «Наш ответ» — дефекацию Коти Трубецкого²²² (на правах «руко» «писи»...). Очень хотел бы ответить на него сразу за всех, мне это легко, ибо я не был на юге ни «бездарным идеологом», ни «бездарным политиком»... Ответ думаю составить в форме диалога между «начитавшимся евразийцем» и «генералом белой армии» (идейное согласие одного из таковых обеспечено). Ответ хочу выдержать в тоне нещадного сарказма. Рядовой «евразиец» окажется к концу разговора глупо-растерянным, ибо он защищался «котиными» фразами.

Пожалуйста, пришлите мне на это принципиальное согласие. Одновременно пишу Вам и в Прагу.

Ваш И<льин>.

Адрес: Berlin. IV. Lützow Str. 63. Pension Tonn.

<Приписка:> Что значит на «правах рукописи»? Значит ли это, что публично никто не имеет права ссылаться на этот «о!» «пуз» «кул» (последнее от латинского «culum»²²³). Но тогда можно было бы не упоминать об «опузкуле» — использовав его.

38

П. Б. Струве

1925.XII. 4²²⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы совершенно забросили меня. Настолько, что даже на «самонужнейшие» письма не отвечаете.

За это я буду теперь мстить: Вы будете *завалены* моими статьями, погребены под их лавиною; акрополь Вашего «Возрождения» будет засыпан моим персидским мусором... Вы будете получать *ежедневно* по одной статье; и притом они будут «тридцать родов, и для ногтей, и для зубов»...

Очень прошу Вас: поручите Сергею Сергеевичу²²⁵ или Аркадию Альфредовичу²²⁶ отправить мне назад мою ста-

тью «О возвращении земель», которая Вами явно не одобрена (хотелось бы только знать: по форме, по содержанию или по долготе?). Я писал эту статью *четыре дня*, повинуюсь общественной дисциплине; и хочу ее использовать.

Всей редакционной семье сердечный привет!

NB Приступаю к письмам о фашизме — все собранные материалы и книги у меня с собой и я буду писать «из Италии».

Ваш И<льин>.

Адрес: Berlin — Fridenau. Stubenzauch Str. 3 bei Schindler.

<Приписка:> С тревогой следил за съездом и всемерно сочувствовал Вашей линии!²²⁷

Адрес новый, оседлый.

39

П. Б.

<9.XII.1925> ²²⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам

1) статью «Новые люди»²²⁹,

2) корреспонденцию²³⁰.

По поводу нее:

а) Я называю всю серию несколько иначе, чем было названо раньше, — было «Письма из Италии»²³¹; *интереснее*, и *точнее*, и *правильнее* «Письма о фашизме»; а перемены никто не заметит.

б) Очень прошу оставить псевдоним «Ивер».

с) таких корреспонденций, но все более углубляющих и освещающих вопрос, — пришлю еще целый хвост²³². У меня добыт и собран *интереснейший* и *подлинный* материал.

Ваш И<льин>.

1925.XII.9.

Адрес: Berlin-Fridenau, Stubenrauchstr. 3 bei Schindler.

40

<Без адреса? ²³³><Без даты> ²³⁴

Вследствие ряда неожиданных для меня обстоятельств, я остро нуждаюсь в деньгах и осязаю в моем бюджете каждую небольшую сумму. Нет ли такой возможности, чтобы контора Возрождения перевела мне какую-нибудь гонорарную сумму? Очень прошу Вас, сделайте в этом направлении все возможное!

Ваш И. И<льин>.

41

П. Б. Струве

1925.XII.14.²³⁵

Berlin-Fridenau.

Stubenzauch Str<asse>.

3 bei Schindler.

Дорогой Петр Бернгардович!

Разрешите по пунктам.

1) Посылаю Вам при сем еще один фельетон²³⁶ и одно письмо о фашизме²³⁷.

2) Я выбран в члены Орг<анизационного> Комитета Заруб<ежного> Съезда²³⁸ и в Париж, и сюда.

В Париж ехать надолго или ездить я не могу и в виду здешних обстоятельств, и по отсутствию денег. Заместителем моим для Парижа выбран Лоллий Иванович Львов (с моего согласия). Надеюсь, что он сможет быть Вам там полезен. Как только я получу оф<ициальное> уведомление, я пошлю ему доверительное письмо.

Что касается до работы *здесь*, то я чувствую себя *до крайности мало ориентированным* в делах и направлении. И так как я слышу стороною, что Вы едете в скором времени из Парижа (куда — не знаем...), то спешу засвидетельствовать Вам, что было бы *очень существенно*, если бы Вы могли заехать сюда *хотя бы на день!* Такого же мнения держится Вл<адимир> Феод<орович>²³⁹. Он пишет Вам одновременно.

3) А. И. Бунге²⁴⁰ несет здесь по Возрождению очень большую и беспокойную работу; сам же *очень* материально нуждается. Поэтому мы с В<ладимиром> Ф<едо-

ровичем>, обсудив дело, решили Вам написать, что было бы справедливо и необходимо положить ему за сие дело гонорар. Должен сказать по совести, что Контора присылает ему постоянно разные распоряжения так, как если бы он был *платным служащим*; он *все* делает с присущей ему чрезвычайной корректностью и тактом; и почему Контора считает возможным рассчитывать здесь на безвозмездность — я не постигаю.

Если есть *какая-нибудь* возможность, то побывайте у нас. Много существенного и о туземцах²⁴¹.

Привет всей редакции.

Ваш И. И<льин>.

<Приписка:> Здесь я живу близко от В<ладимира> Ф<едоровича>. Я его *очень* ценю, и мы часто видаемся. Он знает мой телефон.

42

<Письмо В. Гефдинга с припиской И. Ильина>

П. Б. Струве

*15 декабря 1925*²⁴²

Дорогой Петр Бернгардович,

Как Вам, вероятно, известно, берлинский корреспондент Возрождения А. И. Бунге помимо своих обязанностей по отношению к редакции несет также целый ряд обязанностей по отношению к конторе, как-то: распространение газеты в Берлине, сбор выручки с контрагентств и книжных магазинов, выплата денег сотрудникам и т. д. О том, какую массу времени, хлопот и беготни требует эта работа, я лично могу судить по Л. И. Львову, который вначале делал эту работу в Берлине.

Между тем А. И. Бунге, по-видимому, от конторы никакого вознаграждения за свой труд не получает. Только вследствие своей бесконечной и преувеличенной скромности А. И. не возбуждал сам до сих пор этого вопроса. В то же время его материальное положение настолько плачевно, что самое скромное вознаграждение за этот тяжелый и благодарный труд явилось бы для него большим подспорьем.

Мы беседовали на днях на эту тему с Иваном Александровичем²⁴³ и решили обратиться к Вам коллективно

с просьбой принять меры к тому, чтобы вопрос отношений А. И. с конторой был надлежащим образом урегулирован. Это вопрос отнюдь не благотворительности, а справедливости и, если хотите, правильного коммерческого расчета, ибо можно сказать, что А. И. Бунге воплощает в своем лице берлинское отделение Возрождения. Не подлежит сомнению, что никто другой не взялся бы за эту работу без всякого вознаграждения.

Иван Александрович собирался писать Вам и по другому вопросу — о том, что очень было бы хорошо, если бы Вы по дороге из Парижа или в Париж заехали бы в Берлин. Это не только желательно потому, что у Вас здесь есть друзья, которые хотели бы Вас повидать, но и крайне необходимо в интересах подготовки к съезду в Берлине. Поэтому я за глаза и обеими руками заранее подписываюсь под всем, что Вам Иван Александрович по сему поводу напишет.

Итак, не теряю надежды на скорое свидание в Берлине. Душевно Вам преданный В. Гефдинг.

<Приписка рукой И. А. Ильина:>

Дорогой Петр Бернгардович!

Владимир Феодорович прислал мне это письмо на прочтение и подпись. Всецело присоединяюсь ко всем его тезисам и соображениям.

Ваш И. Ильин.

1925.XII.16.

43

П. Б. Струве

1925.XII.26²⁴⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы задали мне очень трудную задачу, и я очень прошу Вас не велеть меня казнить, а велеть мне слово вымолвить,

Ваше доверие и приглашение к подписи этого документа²⁴⁵ мне и приятно, и дорого. Вы знаете, каким доверием и отношением с моей стороны Вы давно уже располагаете.

Далее, я должен сказать, что программно разделяю все содержание обращения, и в целом, и в деталях; и с этой стороны для меня нет никаких затруднений к подписи.

Но тут начинаются некоторые затруднения, для устранения которых нам необходимо увидеться и подробно все оговорить. И потому я решаюсь самым убедительным образом просить Вас: отложите опубликование этого документа еще на немного, заезжайте к нам сюда на обратном пути и обсудим все сообща и всесторонне! Ваш заезд сюда необходим для всех дел. И председатель здешнего организ<ационного> Комитета говорит, что он не может вести дело вслепую и на ощупь, при наличии неясностей и враждебного настроения справа (Кир<илл>²⁴⁶) и слева...

Теперь по существу дела.

1. Мне неясна необходимость и целесообразность такого союза в большом все-эмигрантском масштабе. Я не представляю себе многого: отношения союза к другим партийным и непартийным организациям; отношение его к армии и армии к нему; отношение его к гл. Ком<андовани>ю и обратно и т. д.

2. Далее, я совсем не верю в корпоративное строительство его снизу (особенно пожив в Италии). Также не верю и в олигархическое ведение его наверху. Здесь необходима *одна*, единая, персональная воля, *единая* волевая фигура, которая посвятила бы себя этому всецело, стала бы *пленником* этого дела, ведая *только* его, но его-то уж всюю.

Приняв во внимание Вашу занятость, я должен сознаться, что штатских фигур подходящих я *не* вижу. С нештатскими начнется ряд особых затруднений, которые пугают меня и внушают тревогу.

3. С беспокойством озираюсь я на трения, происходившие за последние годы между В<ысшим> М<онархическим> С<оветом>²⁴⁷ и Гл<авно> К<омандующим>²⁴⁸ по поводу политики и армии.

4. Совсем не ясно мне, возможна ли работа *senza argento*²⁴⁹. Но если невозможна, то не рискует ли дело малокровием; и не повредит ли малокровие этого начинания Делу в общем?

5. Я боюсь, как бы эта организация не стала бы «одною из многих», вместо того, чтобы сделаться кат' *εξοχήν*²⁵⁰ ...

6. Мне не ясна *точка* для приложения силы в том случае, если будет *сила* для приложения к точке. Организационный не-активизм кажется мне нежелательным.

7. Я понимаю мотивы, по которым Вы считаете это начинание желательным и даже локально необходимым. Но тревожит меня вопрос о нецелесообразности вызывать лейкоцитоз надежд...

Конечно, на все это и на все другое Вы, может быть, скажете мне такое, что я сразу успокоюсь и подпишу. Но войдите же на миг в мою душу: там, где я могу примкнуть с радостью, в качестве «неответственного-ведомого», там я затрудняюсь стать «ответственным-ведущим», хотя бы и подголоском. Чтобы повести такое дело или хотя бы крепко подпереть его — необходим уверенный пафос все-взвесившего и учетшего человека. Подпись — моральный вексель; как дам я его, если мне самому здесь очень многое неясно и тревожно? Как буду я *отстаивать* эту идею, если я с нею еще не справился внутренне?

С тех пор как Вы мне написали об этом впервые — я много и всесторонне думал над нею. И что меня часто больше всего затрудняло, это вопрос — не вызовет ли новая интеграция новых, непредвидимых, но крайне нежелательных дифференцирующих трещин? Мне многое *невидно* — в орлином объеме, в объеме нашего рассеяния; и решать, не увидав, — прямо скажу, *страшно*.

Вот почему я считал бы необычайно важным предварительную подготовку такого начинания *на местах*. Некий объезд архиереем епархии; некую систему закрытых поместных концилей²⁵¹; некие *личные* свидания между архиереями. Ибо если это вызовет разнобой, то дело погибнет в зерне и создаст лишь новое *itio in partes*²⁵², — окажется не вселенским, а приходским.

Вы, конечно, может быть, снимете эти мои неопределенности и сомнения. Но мне морально важно, чтобы Вы почувствовали естественность их в моей душе и, может быть, *правильность* этих осторожных рефлексий... Мне было бы существенно, чтобы Вы внутренне сказали мне: «да — все это необходимо взвесить и учесть»...

И в этой-то связи я и решаюсь еще раз всячески просить и уговаривать Вас: приезжайте к нам, примеряем все

это еще семь раз, прежде, чем резать; с В<ладимиром> Ф<едоровичем>²⁵³ — Tres faciunt collegium!²⁵⁴

Мне противоестественно *не* идти с *Вами* в этих вопросах и делах. И я пойду, наверное, даже не подписавши; но пойду — ведомый и опекаемый; даже в том случае, если не буду верить в дело; в порядке личного доверия к лидеру. Но *позванный*, а не *зовущий*.

Ввиду всего этого я очень прошу Вас не считать меня *ни* подписавшим, *ни не* подписавшим; а просящим отсрочки, свидания и введения в лабораторию. Я глубоко убежден в том, что подготовка и обсуждение не могут повредить.

Обнимаю Вас и жду индальгирующего и обещающего ответа.

44

П. Б. Струве

1925. XII.27²⁵⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях я писал Вам в открытке, что, не помещая моих статей, Возрождение кастрирует мое вдохновение.

Теперь я написал Зайцеву и Ольденбургу, прося их выслать мне обратно (за мой счет!) мои статьи «Новые люди»²⁵⁶ и «Революционеры ли мы»²⁵⁷; мне думается, что они достаточно уже полежали в портфеле редакции и могут спокойно выйти в другой газете.

Вот Вам пример кастрации. Вы знаете, что я проделал целую работу по вопросу о фашизме: я овладел итальянским языком, я завел знакомства, я был допущен к библиотекам фашистов, я многое выписал, прочел и *художественно выносил*. Все это я лояльно и вернопреданно предоставил Возрождению. И прямо скажу, что я знаю о фашизме то, что немногим известно. О корреспонденциях моих знают в Италии; о них говорят здесь *все* читатели Возрождения.

В последней корреспонденции я обещал биографию Муссолини — «осветить весь его жизненный путь». Редакция поторопилась сделать эту работу ненужной.

Сегодня в номере Возрождения нахожу заметку г. Нордова²⁵⁸: развязные и приблизительные трактования о био-

графии и характере Муссолини на основании газетной сплетни, передающей случайный эпизод. И, как обычно, при писании издали, ворох ошибок: биографий Муссолини не множество, а всего *одна*, и та стала библиографической редкостью и т. п.

Прочтя эту заметку, я откладываю перо и *прекращаю* мои корреспонденции о Муссолини и фашизме. Ибо — у меня *нет* уверенности, что написанное пойдет. А писать для корзины я *не могу* и не буду. Мне необходима *гарантия*.

Такая же гарантия мне необходима и для моих идеологических статей. В начале Возрождения Вы писали мне «пишите, что хотите и о чем хотите». И я понял, что Вы полагаетесь на мой такт и хотите, чтобы мои идейные подвалы, запертые много лет, и мое политическое видение — творчески отперлись для Возрождения... Если теперь что-нибудь изменилось в этом, то я усердно прошу Вас — скажите мне об этом *прямо*.

Мне абсолютно необходимо, чтобы редакция Возрождения чувствовала, что я *не могу* писать для корзины. Я *творчески мучаюсь* пища, я *горю* и трепещу; и мне необходимы *гарантии*. Иначе я замкнусь, и *никакая* сила, даже сила *голода*, не заставит меня писать.

Если я не подходящ с моей идеологией для Возрождения, как мне намекал в августе Зайцев, то это надо сказать мне. Нельзя мою *музу*, да, именно *музу*, дразнить и бросать в корзину. Когда я пишу, то у меня вся душа гудит колоколом, мое перо горит, воля напрягается как струна, тысяча цензур контролирует вспыхивающие слова и холод сбегает от затылка.

Если Возрождению не нужно то, что из этого выходит — то скажите, скажите прямо! Если редакция решила остановиться на фельетонах (Ябл<оновский>²⁵⁹, Тэффи²⁶⁰, Ренн<иков>²⁶¹ etc.) — то *не заставляйте меня рожать!* Я или смолкну совсем в газетном смысле, или найду себе менее видную дверь.

Остановимся пока на этом.

В октябре Вы заказали мне статью о реставраторстве. Я проработал *четыре дня* с утра до вечера. Статья пошла в корзину. Статья «направо» есть продукт *недельного* труда. Писать кое-как я не могу. Вы знаете, конечно, что

материальный эквивалент абсолютно не компенсирует такой работы. Так писать можно только от любви и огня. Но клянусь Вам, что моей любви и моему огню предначертаны лучшие судьбы, чем зайцевская корзина!

Верьте мне, что я не напишу ни о чем, ни строки — пока Вы не успокоите меня!..

Горячо Вас обнимаю и подаю в отставку.

Ваш И. Ильин.

45

П. Б. Струве

1926. I. 4²⁶²

Дорогой Петр Бернгардович!

Моя «отставка» была, конечно, не «тактической мерой», а психологическим эксцессом. Прошел классический *l'espace d'une nuit*²⁶³, и я говорю о том же спокойно.

И вот, что я говорю.

Всем моим естеством прошу Вас: не повергайте меня в состояние творческой «*frustrane Erregung*»²⁶⁴. Это состояние нестерпимое. Оно совсем не проистекает из самолюбия и совсем не равносильно обиде. Оно подобно «петражицковской» «эмоции дразнения»²⁶⁵, но направлено не на периферию души и нервов, а на творческие котлы духа. Я не умею писать, не приведя их в состояние известного кипения при *открытой* крышке. Затяжка в печатании (а «Новые Люди» лежали 17 дней) вызывает эффект *захлопнувшейся* крышки при воде, *раскипевшейся* в открытую. Я молчу газетно с 1918 года («Утро России»²⁶⁶). И мог бы еще долго молчать. Но вы сняли печать с запечатанной кастрюли, и она поверила Вам. Я *не всегда* волен написать «заказанное». Обрывать же на 200-й и 300-й строке мне *всегда* трудно: телеграфный столб только разгудится — и ток больше не нужен. А если у меня появляется сомнение в том, что я, может быть, «кипел» и «обрывал» зря — и что «оборванные» «нити» должны засохнуть (или «пары» обречены на то, чтобы охладиться или куда-то уйти внутрь), — тогда я начинаю *задышаться* — мне легче *совсем* замолчать — моя личность начинает давать трещину и в трещину течет «лава» «протеста» и «отставки»...

Вот почему я трясусь цепями от времени до времени. Чтобы откатать внутренний напор, мне бы нужно было писать «фельетон» каждые три дня.

Вся эта «термодинамика» и «вулканистика» мною переживается остро и тягостно. Здесь нет ни «капризов», ни «дурного характера» или «неуживчивости».

К этому, однако, добавлю: я *мнителен* — не верю людям, жду от них обычно неискренности и враждебности. И это (несмотря на то, что это я за собой знаю и этим в общем владею) — есть уже нечто от *mauvais caractere*²⁶⁷.

Я несколько раз говорил себе, что духовно гигиеничнее не писать для газет *совсем*, а писать «дневник» «для потомства». Так бы это и было, если бы не Ваше (треклятое) Возрождение и непотребность в активизме. То и другое вызывает необходимость паро-отвода...

Ущербные эмоции.

На основании сих наших объяснений, и паки и паки прося Вас дружески учитывать эти мои особенности, беру свою эксцессную отставку обратно.

Теперь по другому делу.

1923 г. 8 сент<ября> за № 82 был издан приказ по армии, подписанный в Карловцах, категорически воспреещающий всем зарегистрированным чинам участие в каких бы то ни было политических организациях. В<ысший> М<онархический> С<овет> дико ругал и поносил Гл<авнокомандующего> за это, но сделать ничего не мог, и все военные, *не* вышедшие из политических союзов и организаций, — были сняты с учета и считаются порвавшими с Командованием и вышедшими из повиновения. Таких было *крайне мало*.

Для меня это главный камень преткновения. К этому могу только добавить, что П<етр> Н<иколаевич>²⁶⁸ в скором времени собирается на север, к своим²⁶⁹.

Ждем Вас с нетерпением сюда. Предупредите В<ладимира> Ф<едоровича> о приезде дня за два. Это ему очень важно по своим домашним соображениям. Еще было бы лучше, если бы он знал о Вашем прибытии за неделю.

Ваш И<льин>.

1. 5.

Что касается моей статьи о «Возвращении Земель»²⁷⁰, то я писал ее без материалов, из памяти и строго взыскивал с себя, сомневаясь. С тех пор я успел ее прочесть компетентному экономисту*, приезжавшему оттуда, спокойно обдумать ее и, перечитав, не вижу препятствий к тому, чтобы подписать ее полной фамилией моей; что Вас и прошу сделать при наборе²⁷¹.

26.1.6.

Еще раз вскрываю письмо, чтобы сделать две приписки.

1) У В<ладимира> Ф<едоровича> все устроилось, и он ждет Вас в любой момент.

2) Орг<анизационный> Ком<итет> ждет с нетерпением Вашего приезда. Они просят меня убедительно просить Вас о выступлении в случае приезда на предмет выяснения Зарубеж<ного> Съезда.

Они мечтают о публичном выступлении Вашем, для ради лейкоцитоза съездного. Я сомневаюсь в целесообразности публичного выступления, но выступление в Орг<анизационном> Комитете считал бы чрезвычайно важным. А также свидание с «приятелями».

46

П. Б. Струве

1926.1.9²⁷²

Дорогой Петр Бернгардович!

Я не могу подписать воззвание²⁷³ при таких условиях. Вот мои мотивы:

1) Необходимость такого объединения видится мною *смутно* и *неуверенно*, сквозь чрезвычайные и *несмутно* видимые опасности осложнений;

2) Вопрос о приказе 82²⁷⁴ я изучил внимательно. Гл<авное> К<омандование> *не может* взять его назад без *особых* и *чрезвычайных* условий (вроде *сверхприказа Верховного* Гл<авно>ком<андующего>²⁷⁵). При таких

* Слушатель мой, много знающий и видевший, ее вполне одобрил. Надо ли говорить, что решающим моментом для меня является Ваше одобрение?

условиях союз или объединит *одних штатских*, или *раздерет* воинское правосознание военно-зарегистрированных. Конечно, черные поднимут вопль, двинут провокационные требования, чтобы Гл<авное> Ком<андование> *запретило* Ваш союз; и Гл<авному> Ком<андовани>ю придется *или* скомпрометировать свою прежнюю, и, по существу, *правильную* позицию (Даватц²⁷⁶ выпускает на *этих* днях *апологию* этой позиции и П<етр> Н<иколаевич>²⁷⁷ пишет мне, что он текст книги²⁷⁸ *читал* и одобрил!!) — *или* запретить военным участие в Вашем союзе. Ведь создастся только *смута!*

Неподготовленность такого начинания я считаю *новым бедствием* (Зарубежный Съезд мы переживаем здесь как *первое* бедствие); начнется разницей на радость врагам и на наше всеобщее смущение.

Я, по совести говоря, *не вижу*, почему это начинание до такой степени *неотложимо?! Вопрос одного месяца*, и за этот месяц все могло бы быть улажено и подготовлено. Неужели же *предметные* основания, доведенные до очевидности, не могут побудить *молодежь* остановить *опубликование* этого дела?! На что же тогда самообладание? Какие стихии прорвались — я абсолютно не разумею!!

Но с такими сомнениями и предвидениями брать на себя *ответственность активного призыва* — я не могу; *морально и общественно* это было бы с моей стороны *малодушие!*

Меня до *последней степени* огорчает, почему *Вы считаете правильным мучить меня втемную?! Почему Вы сговариваетесь лично и основательно* в Париже и в Праге — и заглазно ставите меня (и нас здесь!) перед *fait accompli*²⁷⁹?

Я говорю «мучить» потому, что Ваши последние почти катастрофически стучающие меня и, по существу, «ультимативные» письма вызывают во мне самые тягостные колебания и тревоги! Мне *очень* тяжело *не поддерживать* Вас. Но никакое единомыслие и доверие не могут заставить меня *звать* и *вести* гетерономно и вслепую.

Реально мой отказ для Берлина мало что составит: здесь *пусто*, все наперечет, люди никуда не эволюционируют и всегда по существу — будут содействовать при

единомыслии, что есть силы (и не принадлежа пока к союзу).

Теперь браните меня, как хотите; *rebus sic stantibus*²⁸⁰ я не могу дать другого ответа. Но я убежден в том, что на моем месте Вы дали бы *такой же* ответ...

Надо ли говорить, что *во всем* остальном без исключения все наше единомыслие пребывает и актуализируется?

Обнимаю Вас.

Ваш в огорчении И<льин>.

47

Н. А. Струве

1926. I. 13²⁸¹

Дорогая и Глубокоуважаемая Нина Александровна!

Спасибо Вам за память и привет! Мы оба поздравляем Вас и Леву с Новым Годом и желаем Вам того же, чего и себе.

Жизнь в Берлине тихая и трудная. Жить дорого, деньги добываются всеми трудно (дефляция^{282!}); отсюда — малолюдие, озабоченность и во всех отношениях непредприимчивость. Предприимчив только Н. Марков. Его группа сравнительно больше и сплоченнее. Он имеет реальные планы: мажоризировать (всеми неправдами) Зар<убежный> Съезд и на съезде выкрикнуть диктатором всея Зарубежных и Внутренних России Вел<икого> Князя²⁸³; с тем, чтобы В<еликий> К<нязь> облагал бы всех *налогами* и вел бы «переговоры с державами». Себя он мыслит при этом *фактическим* диктатором и о взглядах В<еликого> К<нязя> (мне лично) отзывается, как о несущественных и «обывательских» (sic!). Наши группы считают все это грубым, глупым и вредным; с Марковым *никто* из здешних белых или беловатых или вообще трезвых и честных людей идти *не хочет* и *не пойдет*. Необходимо, чтобы В<еликий> К<нязь> не делал бы себе по этому вопросу заранее никаких иллюзий. Маркова все считают темным интриганом или даже прохвостом. Сейчас он уже год как через супругу работает над разрывом между Вождем²⁸⁴ и Гл<авным> Ком<андующим>. Боюсь, что в ближайшие месяцы нам предстоят неприятные и острые минуты.

Ждем П<етра> Б<ернгардовича> сюда из Праги. Его заезд нам совершенно необходим; иначе может начаться разнбой в критические минуты поступков.

Научн<ый> Инст<итут> кое-как плетется. Мы с Н<аталией> Н<иколаевной> живем. Надеюсь, что Вы просматриваете мои вопли в Возрождении. Здоровье мое слава Богу *удовлетворительно*.

Напишите мне, пожалуйста, о здоровье Лёвы. Шлю привет Мерану. В Меране есть удовлетв<орительный> кефир, но заказывать его надо прямо у молочника на пригорке (Trinkhalle²⁸⁵ дерет!). Искренно Ваш (такой-то)

Адрес: Friedenau. Stubenrauch Str. 3.
bei Schindler.

48

П. Б. Струве

1926. I. 17 ²⁸⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам статью²⁸⁷, обработанную согласно Вашему указанию. Переписывать «свое», не исправляя, мне трудно; и я невольно кое-что причесал и смягчил; измененное (против текста, бывшего у Вас) отмечено на полях черным карандашом. Но так как такую обработкою *полнота* моего воззрения (по тактическим соображениям, указанным Вами) не передается, ибо «ухо десное» оказывается «урезанным» «у Малха»²⁸⁸, — то я останавливаюсь на первоначальном псевдониме.

Не могу не высказать Вам, что присыл этой статьи меня несколько встревожил, ибо тут повеяло Вашим незаездом в Берлин. А таковой незаезд Ваш лишит меня возможности маршировать с Вами в ногу по *всем* вопросам делового строительства. Я чувствую себя во многом дезориентированным, благодаря долгому отсутствию сговора. По целому ряду вопросов я имею некие *предложения, замыслы, возможности крепко ударить* и возможности *воздержаться* (laisser faire²⁸⁹). Не видя картину сверху и изнутри, я не знаю, что целесообразнее; а так как жизнь может поставить перед необходимостью решаться и решать, то мне придется решать и поступать *без* координации. И я опасаюсь, что может возникнуть не только

разнобой, но и какие-нибудь непоправимые ненужности и помехи. (Напр<имер>, у меня есть замысел и *потребность* написать личное деловое письмо В<еликому> К<нязю>²⁹⁰). Этого разнобая необходимо избежать. А между тем полная и бесперспективная финансовая маломощность делает мой приезд в Париж исключенным.

Мне приходится сейчас строить, растить и направлять две организации в Берлине (в качестве председателя) — Орган<изационный> Комитет и Русское Нац<иональное> Объединение²⁹¹. А ведь я доселе не знаю даже Вашего учета Зар<убежного> Съезда!

Все это не говоря о Союзе Мол<одой> России²⁹², о котором нам необходимо договориться до конца в личной беседе. Ведь я *друг* этой идеи и мне по-прежнему противоестественно оставаться в числе «возражающих».

У меня, между прочим, есть даже колебание — не *снять* ли свою кандидатуру на Зар<убежном> Съезде от Берлина... Но всего и не расскажешь.

По всему этому — ради Бога, приезжайте! В случае же Вашего незаезда, ответственность за возможный разнобой и вред от него «я с себя слагаю».

Есть шаги, которые только и можно и необходимо решать сообща!

Обнимаю Вас и настойчиво жду сюда.

Ваш И<льин>.

49

П. Б. Струве

1926. II. 6 ²⁹³

Дорогой Петр Бернгардович!

Все письма Ваши получил. С большим любопытством слежу за вихриками пыли справа и слева, вызванными беговыми дрожками проехавшего по запаханым полям помещика²⁹⁴. Хорошо, что Вы его поддержали²⁹⁵, крепко и недвусмысленно, а то бы он, пожалуй, полетел с дрожек в канаву. Интересно, будет ли еще пыль справа; пока его «митюкнула» только малограмотная дама густопсовой черноты, не вынесшая «прочитания» (sic!) статьи²⁹⁶. Надеюсь, что Вы не напечатаете ее «написания»... Она хороша и без ответа.

Прилагаю краткое уведомление на имя Председателя Пар<ижского> Орг<анизационного> Комитета²⁹⁷. Существенное вышло в ближайшее же время.

Знаете ли Вы, что «союз молодой России»²⁹⁸ — есть название студенческой *кириллистической* организации, существующей уже два года повсюду? Мне уже задавали по этому поводу разные вопросы...

Посылаю Вам две статьи. Одну длинную²⁹⁹, а другую коротенькую³⁰⁰. Очень прошу оставить этот псевдоним для коротеньких мордобойчиков.

Это мой прежний псевдоним 1917 — 18 годов³⁰¹.

Ваш И. И<льин>.

50

П. Б. Струве

<21. II. 1926> ³⁰²

Дорогой Петр Бернгардович!

Протокол заседания от 18 янв. пришлю дополнительно³⁰³. Очень медленно и кустарно (денег нет!) идет наша работа. Боюсь, что к 14-му³⁰⁴ с выборами не справимся.

Надеюсь прислать кое-что для Возрождения на этих днях.

Ваш И. И<льин>.

1926. II. 21.

51

П. Б. Струве

1926. II. 22 ³⁰⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам копию протокола 18 января в дополнение к уже отправленному отзыву.

Посылаю еще *заявление и запрос*³⁰⁶. *Последнее* нас особенно беспокоит.

В Neue Kreuzzeitung № 75 от 14 февр. 1926 г. было помещено интервью с г. Кобургом³⁰⁷. Интервью производит удручающее впечатление. В нем открыто трактуется вопрос о том, что «внезапное исчезновение с политической арены В<еликого> К<нязя> Н<иколая> Н<иколаевича>» было бы очень полезно, ибо заставило бы объединиться всех под Кобургом. Фраза, взятая в кавыч-

ках, повторяется три раза *обеими* сторонами. Одна из сторон титулуется в беседе полным титулом³⁰⁸. Интервью озаглавлено «беседа с царем таким-то». Орган редижируется Вестарпом³⁰⁹. Слова производят впечатление пожелания, угрозы, побуждения. Постараюсь прислать текст.

Обнимаю Вас.

Еще два пункта.

1) Разъясните ради Бога Вашим сотрудникам, что такое означает для *здесьней* работы³¹⁰ в смысле затруднений *политико-географическое* местонахождение съезда. Благодаря ему мы *не можем* вести дело с надлежащей энергией и принуждены избирать более *длительные* приемы работы.

2) Именно в этом отношении последнее обращение Антона Владимировича³¹¹ заставляет желать большей свободы от географической аргументации (два последние абзаца). Как бы это ему объяснить!

52

П. Б. Струве

1926. II. 28³¹²

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам двух Иверов³¹³. Прочтите сразу последнюю страничку в № 7 (одна из опасностей).

Сегодня получил извещение об отклонении Бельгардовских домогательств³¹⁴. С удовольствием извещу об этом (в статье в корректной форме) старого плута³¹⁵.

На днях вышлю наши «избирательные правила»³¹⁶. С черносотенцами приходится вести настоящую борьбу. Эти старые грибы и беспринципники лезут с такими предложениями, которые может выговорить только общественный бесстыдник. В пятницу, закрыв заседание, я на них форменно кричал 10 минут. Угроза была: я сорву им кассациями все выборы (за нелояльное плутовство), а сам уеду на Съезд в порядке кооптации. Итого: вчера и сегодня звонит Тальберг³¹⁷ (он не состоит в Комитете) и робким голосом просит аудиенции. Я ему уже сказал, чтобы он обуздал своих «шлюпиков» (sic!).

Предвидятся итоги: от неорганизованной эмиграции мы *не можем* выбирать. 4 делегатов причислим к 35 и

выберем 39 в порядке коалиции. Вероятно, пополам. — Приехать смогут очень немногие. От нас пока обеспечено 2 или 3 человека. У них с деньгами, кажется, плохо.

Мы озабочены передачей голосов в Париж. Списываюсь с Шебеко.

Обнимаю Вас

Ваш И<льин>.

У нас слух, будто Ваши туземцы³¹⁸ хотят запретить съезд? Опасно ли это?

<Приписка:> Здорово Вы прописали за римский фельетон!³¹⁹ И Цуриков³²⁰ против Вишняка³²¹ очень хорош!!

53

П. Б. Струве

<1.III.1926> ³²²

Дорогой Петр Бернгардович!

Я надеюсь, что Вы, читая гиппиусихины элегантно-сти³²³, не только забавлялись, но и немного осудили ее моветон. Я считал бы правильным, чтобы кто-нибудь из наших *старшего возраста* объективно указал бы на неприличие ее выходки. Отвечу ли я ей — я еще не знаю, — вдохновению не велишь; но чую уже, что со дна души моей поднимаются какие-то игривые пузырьки...³²⁴

Прилагаю Вам запрос *очень важный* для всех по вопросу об организации съезда³²⁵.

Сердечно Ваш И. Ильин

1926.III.1.

54

П. Б. Струве

<2.III.1926> ³²⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

Позвольте препроводить Вам Открытое письмо на Ваше имя³²⁷. Вчера в Орг<анизационном> Комитете мне удалось крепко подтянуть наших черносотенных шлюпиков. Двое подавали в отставку. Потом все покорились.

Обнимаю Вас.

Ваш И<льин>.

1926.III.2.

Оцените приложение!³²⁸ Это, как мы думаем, из кругов В<ысшего> М<онархического> С<вета>.

55

П. Б. Струве

1926. III. 7 ³²⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Не могу не поделиться с Вами тем, что меня удручает. Меня тревожит съезд. Сколько ни отводи «кириллистическую» провокацию, нас ждет *Марковская* провокация³³⁰. Позвольте осветить Вам кое-что данными, поступившими ко мне.

1. Маркову *нечем жить*. Богатый и благородный человек³³¹, которого Марков захватил несколько лет тому назад, навязав ему свою очень ловкую и жадную любовницу, выдыхается: и порастряс деньги, и раскусил эту махинацию, и тяготится грубою грязью, расплываемою Марковым вокруг себя, а м<ожет> б<ыть>, и любовница надоела³³².

У самого же Маркова две семьи.

2. Один из моих приятелей вскрыл мне только что многое из его прошлого. Еще когда М<арков> служил на жел<езной> дороге инженером, *всегда* крал. Это достоверно. Только что русский Берлин был взволнован некою темною историей с векселем, вследствие которой один наш с Вами общий знакомый³³³, доверившийся Маркову, потерял свое последнее состояние.

3. На съезде Марков пойдет ва-банк. Ему терять мало что есть. Приобрести же он хочет многое. У меня есть данные предполагать, что он обрабатывает нужное ему Лицо³³⁴ через задние двери и через супругу. План же его: *форсировать* дело *восторженною* урою, поставить перед *fait accompli*³³⁵, СОЗНАТЕЛЬНО и НАРОЧНО вызвать ОТХОД, всего более левого, более умеренного, более честного, более умного, менее грубого — захватить руль в свои руки и гнать корабль на *diable m'em* — (sic!) *porte*³³⁶. И главное, прокормиться. В его планы входит — принудительное (!?!) финансовое обложение эмиграции.

Я за последнее время к нему особенно присмотрелся: он *совершенно бесчестен*, *очень* груб, *крайне* необразован — и пойдет ва-банк³³⁷.

Уверенно предвижу, что тогда лейкоцитоз вокруг вождя сменится бледною немочью. Положение станет ни

лучшим, ни более умным, чем в Кобурге. *Все станет смешным и жалким; безвольной, бессильной, безвластной эмиграционной керенщиной — и пойдет прахом.*

М<арков> ссылается на бесконечно большую правизну национально мыслящей *внутренней* России. Это *все ложь*. Кроме пары оголтелых черносотников, у него *никого* в России нет: ни организации, ни сношений. Все — его обычная демагогия с «многомиллионными союзами русского народа».

Все круги здешние, немарковского толка с Марковым и за Марковым *НЕ пойдут. Ни-при-каких-условиях*. Берущий на корабль мерзавца, теряет честных людей.

Насколько я вижу, необходимы такие меры:

1. В самом начале съезда необходимо *всех связать* публично данным честным словом *не оглашать* в печати ничего, кроме допущенного президиумом.

2. Провести *полное отсутствие* на съезде публики и печати.

3. Провести постановление о том, что для известных важнейших вопросов необходимо *единогласие* или квалифицированное большинство в 3/4, а не большинство голосов. Я берусь голосовать один, хотя бы против всех; мне все трын-трава.

4. Добиться *прямого запрета* известных эксцессов со стороны вождя.

О сем не могу не довести до сведения Вашего. Мы только что вдвоем с В. Федоровым³³⁸ *мечтали* о том, чтобы *французы запретили* весь съезд. Настолько считаем все это опасным.

Прилагаю:

а) первый этюд о свободе³³⁹,

б) восьмого Ивера³⁴⁰.

Обнимаю Вас и постоянно о Вас думаю.

Ваш Семен Петров Чижииков³⁴¹.

P. S. Вы все-таки прикажите мне гонорар за «Письмо в Редакцию»³⁴² выписать! Это ведь разновидность полемики, а я при всем моем «бла-ародстве» — беден. Четыре марки и то хлеб!

П. Б. Струве

<16.III.1926> 343

Дорогой Петр Бернгардович!

К Вам поступит «протест» «Русского Общественного Собрания в Берлине» против включения всего состава Вашего главного Организационного Комитета без выборов в состав Зар<убежного> Съезда.

К сему необходимый комментарий.

«Русское Общ<ественное> Собрание в Берлине» есть позиция, искони захваченная марковцами. Оно есть общественный *труп*, долгие месяцы бездействующий и гальванизируемый по партийным интересам в нужные критические минуты. Об этой организации все в Берлине иначе и не говорят, за иное ее не почитают. Просматривая ее список в Орг<анизационном> Комитете, я прямо ее и назвал вслух «трупом». Ни веса, ни жизни, ни авторитета она не имеет. Посещаемость ее минимальна, если не фиктивна.

Марковцы хотели провести такой протест через самый Орг<анизационный> Комитет, но встретив мой твердый отпор, смолкли. Я спросил тогда Маркова в Комитете: «Почему вы, Н<иколай> Е<вгеньевич>, всю жизнь относясь презрительно к выборному началу и только что заявив об этом вслух, вдруг начинаете столь пламенно отстаивать его в этом случае?» Он ответил: «Конечно, здесь дело не в выборности, а в том, что командную высоту захватили люди, которых я не признаю вождями. Какие они вожди?»

Я ответил: «Значит, ваш протест не принципиальный и не формальный, а персональный. Тогда нам придется разбирать весь состав Орг<анизационного> Комитета по личностям, а это дело неверное и партийное. Орг<анизационный> Ком<итет> Берлина за это взяться не может».

Вопрос пал. И потом потихоньку от меня был протрачен в Обществ<енном> Собрании.

Вторичные выборы произойдут у нас, *вероятно, не ранее 23 — 24 марта*. Марковцы нажимают, они организованнее, активнее и, вероятно, будут иметь большинство. Какое — не знаю. М<ожет> б<ыть>, и небольшое.

У НАС имеются деньги на проезд: для —

Ильина, Тиволовича³⁴⁴, Тубенталья³⁴⁵, Соколова-Кречетова³⁴⁶; устроим еще Н. С. Арсеньева³⁴⁷ из Кенигсберга; вероятно, наскребутся деньги на Шлиппе и Давидова³⁴⁸; устроим еще присутствие на съезде делегатом Н. И. Глобачева³⁴⁹ (генерал, инвалидный деятель). «Экономист»³⁵⁰ не может ехать, к сожалению. Каждая лишняя тысяча франков была бы драгоценна.

Если марковцы выйдут из лояльности и задавят нас голосами, я немедленно телеграфирую Вам о *кооптации*. И список фамилий повторю.

Было бы очень важно заявить о визах немедленно, но можно ли это сделать до выборов? Прилагаю *наш* список.

Монархисты, несмотря на мои настойчивые торопления, фамилий не дают. Я *предупредил* их, что посылаю предварительный список.

Наш сеньорен конвент убедительно просит Вас напечатать в Возрождении мелким шрифтом прилагаемую информацию³⁵¹. Это нам совершенно необходимо для борьбы со здешними левыми! У них *есть* пресса (Руль³⁵²), а у нас нет. И нельзя им позволить фальсифицировать общественное мнение.

Обнимаю Вас.

Ваш И. Ильин.

1926.III.16.

57

П. Б. Струве <Без даты;
вторая половина марта 1926 г.>³⁵³

Дорогой Петр Бернгардович!

Весь март работаю с величайшим напряжением, чтобы хорошо провести выборы. Все шло удовлетворительно: за нами обеспечена *половина* выборщицких мест.

Но вот подошли к выборам и черносотенники начали распоясываться. Во вчерашнем заседании Организационного Комитета, имея случайное равенство сил, при помощи *тайного* голосования — *отказались* признать принцип *пропорционального* представительства и принцип *засвидетельствованного и утвержденного* Комитетом коалиционного списка.

Все повисает в неизвестности. Партийная борьба, вероятно, обострится. Мы держимся сплоченно и стойко.

Переговоры от нас ведут В. Ф. Гефдинг и А. И. Бунге. Если бы офицерские союзы могли участвовать, то подавляющее большинство было бы у нас.

Благодаря их скандальному, интриганскому поведению выборы *затягиваются*. Произойдут *не ранее 27 марта*.

Ввиду всего этого прошу Вашей неотложной, авторитетной помощи.

Вели они нас мажоризнут³⁵⁴, я немедленно *телеграфирую* Вам «majorise cooptation necessaire³⁵⁵». На этот случай прилагаю список лиц, выдвигаемых нами, и прошу его тогда пустить в ход. О визах давно уже хлопочем всюю. От нас могут *приехать* до 10 человек. Если визы скоро не придут, телеграфну особо.

Обнимаю Вас. Душевно Ваш

И. Ильин
В. Гефдинг

Пока у них *нет* большинства. Кажется, и не будет. Но если будет, то они, *наверное*, сделают попытку мажоризнуть нас, даже и в том случае, если будет выработан коалиционный список.

<Приложение:>

Группа непартийного общественного центра выдвигает в качестве делегатов на съезд:

а) *могут приехать и присутствовать на съезде:*

<i>по Берлину</i>	<i>по Мюнхену</i>	<i>по Дрездену</i>
Ф. В. Шлиппе	кн. Н. Б. Щербатов	В. А. Сатин
И. А. Ильин	В. В. Келлер	

ген. Н. И. Глобачев

Н. К. Тиволович

С. А. Соколов-Кречетов

В. К. Трубенталь

по Кенигсбергу

проф. Н. С. Арсеньев

б) *В случае избрания передали бы мандаты едущим делегатам или другим членам съезда того же течения:*

В. Ф. Гефдинг

А. И. Бунге

проф. А. А. Овчинников

М. А. Нарожницкий

П. А. Новопашенный

И. И. Бикерман

П. Б. Струве <Без даты; конец марта 1926 г.> ³⁵⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

*Ихние*³⁵⁷ условия коалиции были непомерны и для нас унизительны. Предпочли встретиться грудью с грудью. Вследствие нашей интеллигентской корректности и щепетильной лояльности они грубыми нажимами перехватили себе два лишних голоса и отхватили, отспорили наших два. Единственный, достойный и не унизительный для нас исход — Ваша телеграмма с разрешением доизбрать остальных 13 делегатов куриальным голосованием наших кандидатов *промеж* себя, получивших (все) одинаковое количество голосов счетом 23. Насколько мы знаем, этот способ голосования применяется у Вас во Франции в случаях относительного большинства. Крайне важно получить телеграмму неотлагательно: прошу Вас, снесите немедленно с другими членами президиума, не откладывая до общего собрания исп<олнительного> бюро. И телеграфируйте в императивной форме по моему личному адресу: Fridenau Stubenrauch Str. 3 Pjip.

Обнимаю Вас и жду.

Ваш И. Ильин

С подлинным верно

В. Гефдинг

Герцог Г. Н. Лейхтенбергский³⁵⁸

П. Б. Струве

1926. III. 31 ³⁵⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Ваши телеграммы внесли успокоение. Однако *нет* уверенности, что Тальберг и его молодцы подчинятся. Они уже в прошлое заседание Организ<ационного> Комитета все требовали занесения в Протокол, что *Парижское Исп<олнительное> Бюро и Орг<анизационный> Комитет им НЕ авторитетны*. Они воображают, что Съезд будет заниматься пересмотром и кассацией всех выборов. К сожалению, у них в пленуме Орг<анизационного> Комитета на *два голоса больше*, чем у лояльной стороны,

и они попытаются произвести *скандал от лица Комитета*. Если они сегодня в *Президиуме*, где НАШЕ большинство, не признают предписания Парижа, то мы с ними порвем. Для этого у нас уже написано спокойное, достойное письмо, в котором исчисляются их нелояльности и в котором мы с ними расстаемся. Их непризнание Парижского предписания — конечно, занесем в Протокол.

Основной план их (с самого начала) состоял в том, чтобы *под видом коалиции* — превратить наши имена в декоративную ширму, захватив себе во что бы то ни стало большинство (постоянными грубыми неправдами) и, главное, заколотив список делегатов СВОИМИ заместителями (*креатурами, сидящими в Париже*).

Сколько для этого было пущено в ход лжи, интриги и устрашающих нажимов, это *неописуемо*. До последней минуты они все еще надеялись изнасиловать нас своей «коалицией». Когда же это сорвалось, то они от растерянности подали свои списки не с 37-ю именами, а с 24-мя. Центр же подал *полный список с 37-ю своими именами*, из коих не прошло абсолютным большинством *ни одно*.

После этого, а также узнав о моем письме к Вам (я доложил о нем, конечно, *сам* в Президиуме и в комитете) — они закусили удила: *буйствуют*, не признают Парижского Орг<анизационного> Комитета, пытаются свергнуть *меня* лично (несмотря на мою крепко выдержанную, непартийную линию) и т. д. Злость их равна их убожеству.

Билет удалось взять только на *пятницу* вечером³⁶⁰.

Покажите это письмо всем, кому доверяете.

Ваш И. Ильин

60

П. Б. Струве

4.IV.1926³⁶¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Только сегодня могу послать Вам статью³⁶². Все время чувствовал себя настолько усталым, отвращенным от политики и удрученным, что писать Вам в Возрождение ничего не мог. А тут еще немецкие выступления, грипп; и душа если соглашалась писать, то лишь о другом.

Из итогов «Зар<убежного> Съезда», подведенных у Вас, позвольте кое-что отметить. Замазывающей и неинтересной показалась мне статья Г. Н. Трубецкого³⁶³. Великолепна, сильна и во всем права была Ваша передовица³⁶⁴. Кажется нам всем, что во многом прав был Бурцев...³⁶⁵ Бесцветно и не вдохновляющее обращение «центра»³⁶⁶.

По-видимому, Берлин освобождается от скверного гнезда интриг, именуемого Выс<шим> Мон<архическим> Советом; по-видимому, этот клоповник въезжает в Париж. Они сейчас здесь; Тальберг едет отсюда в Сербию, потом к Вам.

Передовица о новом договоре с совдепией³⁶⁷ во всем и решительно права. Так оно и есть. Многие хотели бы еще рассказать, но лучше при свидании.

Обнимаю Вас.

Ваш И<льин>.

1926. IV. 4.

61

П. Б. Струве

<1926. V.10> ³⁶⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Напишите мне, пожалуйста, напечатаете ли Вы статью «Белое и Черное» — идеологическую *Ausseinandersetzung*³⁶⁹ без имен, без конкретных тычков в Съезд и т.п., но крепко и спокойно смотрящую в глаза этой меже.

Мы здесь переживаем всё весьма остро и без существенных разногласий. Об этом напишу вам отдельно.

Привет всей редакции.

Ваш И. И<льин>.

При сем статья³⁷⁰.

1926. V.10.

Еще при сем «прокламашка» господина Ксюнина³⁷¹. Они послали мне ее на редакцию Возрождения. Вы переслали ее мне сюда. Ныне она едет к Вам обратно.

Очень прошу Вас: в ихнем журнальчике «Призыв» за апрель № 1 прочтите внимательно пакостную статейку Пиленко³⁷² об «антилегитимизме». Отвечать на нее не буду, дабы не обращать на нее излишнего внимания.

П. Б. Струве

<15.V.1926> ³⁷³

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам еще одну статью³⁷⁴. Уже в написанном виде я читал ее В. Федорову³⁷⁵; мы всесторонне обсудили ее и во всем оказались единомысленными. И оба постановили, при отправлении этой статьи, доложить Вам об этом.

Не пугайтесь ее длиной, она насыщена всесторонней работой, и писал я ее целый день от утра до вечера, да еще полдня редактировал. Очень прошу соблюсти: 1) тире между строками и 2) орфографию в эпизоде с ГПУ. Там очень важны для смысла некоторые кавычки. Лучше бы не делить ее на 2 фельетона.

А если кто-нибудь меня за эту статью разлюбит, то — (pardon!) — je m'en foue (sic!)³⁷⁶. Я вот боюсь, как бы мне кого-нибудь окончательно не разлюбить. Но об этом пришлю Вам отдельное письмо через Lollius'a³⁷⁷.

Обнимаю Вас. Дружеский привет Кириллу Иосифовичу³⁷⁸. Покажите ему это письмо.

Ваш И<льин>.

23-го черное воронье³⁷⁹ делает здесь публичное сообщение о съезде. Наши будут gegenwärtig³⁸⁰. А через несколько дней мы устраиваем с приглашениями полузакрытое собрание единомышленников.

1926. V. 15.

К. И. Зайцеву

<Без даты; конец мая 1926 г.> ³⁸¹

Дорогой Кирилл Иосифович!

Препровождаю Вам:

1) Адрес — почто-телеграмму от Внепартийного Нац<ионального> Объединения русских в Германии. Eventuell³⁸² для напечатания.

2) Адрес — почто-телеграмму от группы читателей — с высшим образованием. Eventuell для напечатания.

3) Приветствие от берлинских сотрудников Возрождения — для прочтения во время обеда или ужина.

Препровожаю все спешно; если понадобится, — оригиналы подписей пришлю потом.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. Ильин.

<ПРИЛОЖЕНИЕ:>³⁸³

1) *Почто-телеграмма*

От Внепартийного Национального Объединения русских в Германии

Ко дню годовщины «Возрождения» Внепартийное Национальное Объединение русских в Германии шлет привет и наилучшие пожелания редактору и всей редакции.

Верьте, дорогой Петр Бернгардович, что читатели умеют ценить Ваше сильное и мужественное слово, Ваш редкий политический такт, Вашу терпимость и государственную мудрость. Мы приветствуем в Вашем лице стойкого защитника Белой Идеи и знаем, что история сумеет оценить Ваше бескорыстное служение родине.

От лица Президиума: А. А. Давидов,

В. К. Тубенталь.

2) *От группы читателей с высшим образованием*

Почто-телеграмма

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Исполнился год с тех пор, как Вы стали во главе Возрождения. В наше время смуты и шатания, развала и гибели — нам отрадно видеть Вас во главе благородной национальной газеты за рубежом. Ваш огромный и бесспорный научный авторитет и Ваше великое беспристрастие вносят в сумятицу политических страстей и партийной лжи именно тот академический тон служения правде, который столь драгоценен в такие эпохи. Мы знаем, как трудно находить и вести верную и мудрую линию в наши дни, в борьбе за нашу общую родину. Враг силен и хитер; он умеет принимать разные обличия; он сеет обманы и соблазны. И самое важное теперь — это иметь очаги общего уважения и доверия, которые могли бы обслуживать начало волевого объединения для борьбы.

Вы создали такой очаг. И мы приветствуем Вас за это! Следуют подписи.

3) *От берлинских сотрудников Возрождения*
Застольное письмо

Год тому назад Вы, как добрый и сильный кормчий, поставили наш белый парус и повели нас в открытое море. С полным, исключительным доверием шли и идем мы за Вами: ибо мы знаем, *кто* нас ведет и *куда* ведет. Знайте и Вы, что мы всецело с Вами, что *Ваши* друзья — это *наши* друзья, и *Ваши* враги — *наши* враги. Мы все — одно: одного хотим и об одном мыслим. Потому что во всех нас бьются *белые* сердца.

Ведите же крепко Ваш и наш корабль: верна и сплочена его команда!

Пусть кувыркаются вокруг него и плюют соленой водой глупые розовые дельфины. Пусть угрожающе выныривают черные акулы и кашалоты. Пусть густеет туман на горизонте и кружатся там и сям водяные смерчи... — Мы знаем, у *кого* в руках компас и руль; и спокойно плывем к цели.

Россия впереди! *Ей* наша любовь! Ее освобождению и возрождению наши силы!

Бунге. Гефдинг. Ильин. Нордман.

64

П. Б. Струве

<23. VI. 1926> 384

Дорогой Петр Бернгардович!

Пишу Вам из Италии. Передохнул здесь немного и опять записалось. Посылаю Вам две статьи

1) О воле и грозной любви³⁸⁵.

2) Борьба за армию³⁸⁶.

Последнюю я долго вынашивал. В ней взвешено каждое слово. Беседы и впечатления последнего месяца внушили мне непоколебимую уверенность, что такая статья именно теперь необходима.

Адрес мой: *Italia. Cortina d'Ampezzo. Ferma in posta. Prof. I. Iljin.*

От пребывания в Баварии у меня остались очень хорошие впечатления. Заезжали ли Вы туда? К.³⁸⁷ должен был написать Вам. Их планы неизменны относительно Вас и меня; и работа выполнена большая; но сложен был

вопрос осуществимости. Все автомобили на сезон разъехались. Осенью?

Как здоровье Левы? Где находится Нина Александровна?

Душевно Вас обнимаю.

Ваш И<льин>.

Статья одна карандашом, потому что иногда приходится писать без стола на коленях. Ради Бога, поручите Аркадию³⁸⁸ или Лоллию³⁸⁹ продержать корректуру, а то мне одну чертовщину наберут...

1926. VII. 23.

Газета сюда свободно приходит. Если задерживается, то только по неаккуратности почты.

65

П. Б. Струве

<Без даты. 1926>³⁹⁰

Пишу еще отдельно.

У меня сейчас лежит присланная мне В. И. Гурко³⁹¹ написанная им характеристика Николая II и Александры Федоровны³⁹². Очень тонко, интересно, продумано. Он посылал ее в Руль. Руль не захотел печатать³⁹³. Я прочел ее с огромным интересом. Трудность в том, что она длинная: *фельетонов на десять*.

Пожалуйста, черкните мне, интересуется ли это редакцию? Думаю, что читалось бы с тем же интересом, с каким читал я сам. Написано не трудно. Особенно поучителен и тонок анализ *его безволия*. Сделано с пиететом, но очень объективно и *крайне назидательно*.

Еще: вся эмиграция русская знает об обысках у наших белых по Берлину (в прошлом году), о фельетонах Кенкеля и его клевете. Мы боролись с этим целый год. А. А. фон Лампе³⁹⁴ обжаловал у Госуд<арственного> Прокурора и провел целый процесс в Лейпциге. Фальшивость документов установлена судом. Мы блестяще все опровергли. Немецкая печать на это отозвалась. Из русской печати Дни и Руль дали нам удовлетворение³⁹⁵.

Почему Возрождение не хочет поместить нашего сообщения, посланного давно уже в редакцию Алексеем Александровичем?

Я не могу скрыть от Вас, что это производит на меня лично прямо тяжелое впечатление! *Против КОГО* направлено это непомещение?! Как-нибудь я должен себе это объяснить...

66

П. Б. Струве

1926. VIII. 29 ³⁹⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

Сегодня получил от Нины Александровны номер «Дней» (15 августа), где некий «Церковник»³⁹⁷ с упоением излагает статью Бердяева³⁹⁸ против моего «Сопротивления злу силою». Я еще не знаю, буду ли я отвечать ему *по существу*, но считаю, что тут *совершенно необходимо*, чтобы кто-нибудь *авторитетный, со стороны* (т. е. третий, не Бердяев и не я) отвел бы *решительно* цепно-собачий, грязно-марающий тон Бердяевской статьи и констатировал бы объективно, что сказанное мною извращено и несказанное мною мне приписано. И, главное, что *так нельзя!* Превращение меня в *реакционного чекиста* — и неверно, и неприлично, и просто *подло*. Подумайте: *пять лет* революции в Москве Бердяев преследовал меня своими возражениями на ту тему, что *свобода и личность ненужны государству*, что государство (даже большевистское) держится *«священным гипнозом»* (sic! сказано 100 раз публично). А я защищал *свободу и личность* в строении религии и государства. И ныне, когда к *известному* ему моему тезису я провел *грань* воспитывающей государственности — он превращает меня в чекиста от реакции...

Статья его злобная и *личная*. Я *всю жизнь* считал его писания поверхностными, безответственными и вредными; он *догадывался* об этом, знал по сплетням — и *злился*. И наконец лопнул.

Еще одно: мне кажется, что тут должно быть наложено некое veto со стороны *редакции Возрождения* и *Вашей* лично. Ибо Вы не можете и не должны допускать «реакционного чекиста» соблазнительно пакостить на страницах Возрождения. Или он *врет*; тогда надо ему сказать; или он прав; тогда закройте для меня страницы Возрождения!!

За этой статьей стоит конечно натравливание Гиппиусихи и католической жены³⁹⁹; последняя только не рассчитала — и «досталось» мимоходом инквизиции. Крепко Вас обнимаю и прошу заступы.

Ваш И. И<льин>.

Из очень компетентного источника мне пишут: «К сожалению, попытки втянуть Армию в политику, при попустительстве свыше, не ослабевают»⁴⁰⁰.

67

П. Б. Струве

<Без даты; осень 1926 г.>⁴⁰¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Спасибо Вам за сочувственные и ободряющие строки в Возрождении⁴⁰². Я умею ценить их. Но нужен еще некоторый отпор Бердяеву лично! До меня доходили только цитаты из «Дней» и из «Нового Времени». Что с ним сделалось? Взбесился он, что ли? Ведь это называется «разводить опиум чернил слюною бешеной собаки»... Он всегда был и самодовольным, и бестактным, и претенциозным. Но ведь это *все* одна сплошная «личность» и одна сплошная *ложь о книге!*

Я на днях пришлю Вам копии с нескольких писем архиепископа Анастасия Иерусалимского⁴⁰³ ко мне (он просил их не печатать за его подписью) — и Вы увидите, как обстоит вопрос о «православности» моей книги. Нам надо еще иметь в виду, что здесь вообще организованный поход: они решили — убить книгу, скомпрометировав автора. Напр<имер>, Франк⁴⁰⁴ писал даже Анастасию, понося книгу, но тот дал ему отповедь. А Айхенвальд⁴⁰⁵ напачкал в Сегодня — подвывает Бердяеву⁴⁰⁶. Я непременно отвечу и сам⁴⁰⁷. Ваш И<льин>.

Ум и душа не хотят верить в возможность катастрофы с Возр<ождением>!!⁴⁰⁸

68

П. Б. Струве

<Без даты, ноябрь>⁴⁰⁹

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам яду, но это яд для Вас неведный: это всего только «яд предрассудков»⁴¹⁰, да и то в стерилизованном виде. А Вам он и в чистом виде неопасен.

На днях снимаюсь отсюда. Буду во Флоренции, возьму там визу. И числу к 20 — 25-му поднимусь назад в Берлин.

Очень надеюсь, что дела устроятся и дело не прервется. Противоположное было бы необычайно тяжелым ударом.

Я думаю, между прочим, что черные подняли так называемую «церковную распрю» не только в виде реванша за Зарубежный съезд. Это им еще и ширма для нового подготовляющегося удара. Если этот новый удар нельзя предотвратить, то его необходимо оттянуть. Я разумею — интригу против Главкома⁴¹¹ и вождеденное для них смещение его*. Думается, что Г<ригорий> Ник<олаевич>⁴¹² должен был бы принять кое-какие контрмеры.

Обнимаю Вас.

Я.

P.S. Прилагаю еще прилагательное: «преодоление зависти»⁴¹³.

69

П. Б. Струве

1926.X.22 ⁴¹⁴

Флоренция

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам:

1) Копии с четырех писем, полученных мною за этот год от Архиепископа Анастасия Иерусалимского. Они не подлежат печатному опубликованию; он сам этого не хочет. Но среди наших друзей и единомышленников они не могут составлять «секрета». Мне бы лично хотелось, чтобы эти письма были прочтены Вами, Кириллом Иосифовичем, А. В. Карташевым и Вашим сыном Котей⁴¹⁵. Скажите ему, что это по моему желанию; год тому назад я получил от него хорошее и тонкое письмо, на которое не ответил (ответить хотелось устно).

2) Еще посылаю статью по поводу выступления Бердяева. Его статью я прочел только на этих днях (доселе знал только по перепечатке «Дней»). Я думаю, что мое опровержение исчерпывает вопрос о том, *что именно он сам думает по этому вопросу*. И тут, я думаю, авторитет-

* Это означало бы полный конец всякому зарубежному единению.

нее всего был бы Ваш личный голос. Он все время делает вид, будто «признает» государственность и сопротивление силою; и тут же проговаривается: то «душа человеческая стоит больше, чем все царства мира» (стр. 108); то «отрицание свободы зла делает добро принудительным» (110) и «Бог допустил свободу зла» (110) и т. д. Арх. Анастасий совершенно прав в своем четвертом письме, говоря о «кумирах» интеллигенции и о ее «фанатизме»⁴¹⁶; и ранее, говоря о ее малодушии и недобросовестности.

Рад был нашему единомыслию о Столыпине⁴¹⁷. Главное, что он — целое течение в русской государственности, *методе* правления и действия.

К концу октября буду в Берлине. Адрес пока на Гефдинга.

Обнимаю Вас.

Ваш И. И<льин>.

Критиковать воззрения Бердяева по существу — я в Возрождении не буду. Если что-нибудь родится, то отошлю в Новое Время. Вообще полемика «лично озаглавленная» мне претит. Хочется иметь дело с *идеями* (хотя бы и ложной), а не с личной психикой ложно мыслящего... Если почему-нибудь вопрос «бердяевский» настолько загружен у Вас материалами, что моя статья⁴¹⁸ затруднит редакцию, то, пожалуйста, отошлите мне ее поскорее. Но я думаю, что *этой* моей статье место именно в Возрождении, а не индо⁴¹⁹!..

PS. Ополчился еще Зеньковский⁴²⁰; надо ждать Франка и еще кого-нибудь. Горе мне, грешному! Ферфалленди ганце пиштройка! Гевалт!⁴²¹

PPS. Книжку Новикова⁴²² получил. Напишу.

П. Б. Струве

1926.XII.19> ⁴²³

Дорогой Петр Бернгардович!

Письмо Ваше получил. Очень радуюсь возобновлению Р<усской> М<ысли>⁴²⁴. Постараюсь что-нибудь прислать «выдающее».

Только что вернулся из Мюнхена. Читал там две публичные лекции и имел закрытые беседы. Пресса была

хорошая. Читал о возникновении мирового большевизма и о крушении его в России. Если подробности моих впечатлений Вас заинтересуют, то В. Федоров⁴²⁵ скоро сможет Вам рассказать кое-что. Этому предшествовало помещение некой статьи, которую посылаю.

История с исчезновением г. М.⁴²⁶ производит здесь прямо непоправимое впечатление. С г. К<утеповым>⁴²⁷ это уже *третий* случай. Очень сомневаюсь, чтобы при такой констелляции «подписные листы», разосланные нам, дали бы какой-нибудь результат. Во всяком случае настроения наши В. Федорову хорошо известны. За «Возр<ождение>» продолжаем потревоживаться. В лекциях моих публично ссылался на Вас и на В<ладимира> Ф<едоровича>. Также и в беседах.

Адрес мой новый: Berlin-Wilmersdorf. Südwestkorso. 18. Bei von Züdinghausen.

Ваш И. И<льин>.
1926.XII.19.

71

П. Б. Струве

<1926.XII.25> ⁴²⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам пока только это⁴²⁹ для Возрождения. Боюсь, что для Русской Мысли выйдет страниц на 12; меньше никак нельзя, помилуйте, себе дороже стоит...

Обо всем существенном Вам изложит В<ладимир> Ф<едорович> лично. Только спрашивайте, о чем Вам интересно.

На днях вышлю еще для Возрождения. Числа около 15 января собираюсь в Чехию на неделю.

Поздравляю Вас с несуществующим «жидовским» рождением, а к наступающему Православному напишу отдельно.

Надеюсь, В<ладимир> Ф<едорович> привезет от Вас разных сведений.

Ваш И<льин>.

1926.XII.25.

72

П. Б. Струве<1926.XII.29> ⁴³⁰

Дорогой Петр Бернгардович!

С В<ладимиром> Ф<едоровичем> послал Вам опус для Возрождения. Здесь еще два — один бьет по революции и радикалам⁴³¹; другой по евразийцам⁴³².

Из лестного Дн<евника> Пол<итика> № 108⁴³³ с радостью усмотрел, что Вы одобрили мою акцию в М<юнхене>⁴³⁴; Вл<адимир> Ф<едорович> знает все детали. Туземная периферия отзывчива и ближе к верному пути; это отзывается и на кредитах, о которых меня иногда прямо запрашивают в беседах, обнаруживая колебания. Реальные же люди даже и не спрашивают. К сожалению периферия мало влиятельна. Когда же мы увидимся?

1926.XII.29.

Ваш И. И<льин>.

С наступающими праздниками!

До Нового года еще напишу Вам.

73

П. Б. Струве<Без даты; декабрь 1926 г.> ⁴³⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

До нас доходят тревожные слухи о Возрождении, к коим мы относимся с тревогой и возмущением⁴³⁶. Дайте хоть какую-нибудь весть!⁴³⁷

Обнимаю Вас.

<Без подписи>

74

П. Б. Струве<Без даты, без подписи> ⁴³⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Хочется еще сообщить следующее. Виделся с Марковым; говорили о задачах съезда. Вывод: ради Бога, сделайте все, чтобы побывать здесь проездом. Это непременно нужно!

Ваш, как всегда.

75

П. Б. Струве

<7. I. 1927> 439

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера виделся с В<ладимиром> Ф<едоровичем>. Обо всем расспрашивал; и слушал в состоянии крайнего удручения. В душе много гнева и презрения. Но, конечно, ни неясностей, ни колебаний⁴⁴⁰. Эх, кабы моей бодливости да хорошие бы рога...

Поздравляю Вас с праздником Рождества и с Новым Годом! Посылаю Вам *новогодний фельетон*⁴⁴¹.

Очень хотел бы повидаться с Вами лично. Но увы, что-то не видно ничего в волнах...

Надеюсь, В<ладимир> Ф<едорович> рассказал Вам о «нас» достаточно.

Обнимаю Вас.

Ваш И. И<льин>.

1927. I. 7.

76

П. Б. Струве

<19. I. 1927> 442

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам рецензию, от которой мне никак нельзя было уклониться⁴⁴³. Книга гнусна. Все негодуют. Но негодования мало. Надо его *высказать*. Я долго не хотел браться за нее; но потом заставил себя. Это эксцесс заискивания, который *должен* быть пригвожден, что бы из этого ни вышло. Ясинский в негодовании, говорит, что Гогель позорит Институт и что его надо «вышибить». Последняя фраза рецензии⁴⁴⁴ добавлена по *его* настойчивому желанию. Текст рецензии мною обсужден подробно со здешними друзьями.

В<ладимир> Ф<едорович> подробно рассказывал мне свои впечатления от поездки. Остро и цельно во всем Вам сочувствую. В каждый данный момент готов подписать и разделить Ваше решение⁴⁴⁵, хотя знаю, как важна для дела всякая отсрочка. Но я знаю, что и Вы сами это знаете.

Грипп помешал мне осуществить поездку в Чехию⁴⁴⁶. Надеюсь осуществить ее в марте.

В феврале еду в новое турне: Аугсбург⁴⁴⁷, м<ожет> б<ыть>, Штуттгарт, наверное, Базель⁴⁴⁸, вероятно Мюнхен⁴⁴⁹. Последнее особенно важно и интересно. В<ладимир> Ф<едорович> должен был рассказать Вам о возможных торговых беседах⁴⁵⁰.

По вопросу, о кот<ором> была последняя статья В<асилия> В<итальевича>⁴⁵¹ против Мельг<унова>⁴⁵², — было бы очень полезно, если бы сюда приехал сам В<асилий> В<итальевич>. Я пишу ему об этом лично.

Кроме того, есть слухи, что сюда собирается Ал. Ив. Чков⁴⁵³. Не привезет ли он мне от Вас какое-нибудь бордеро⁴⁵⁴?

Крепко Вас обнимаю и желаю Вам в новом году здоровья и материальных возможностей.

Ваш, как всегда, И<льин>.

1927. I. 19.

<Приписка:> Надеюсь на бесплатный экз<емпляр> Рус<ской> Мысли и был бы рад пятку оттисков для анти-азиопской пропаганды...⁴⁵⁵

77

П. Б. Струве

<23. I. 1927> ⁴⁵⁶

Дорогой Петр Бернгардович!

Я еще окотился двойнею⁴⁵⁷; посылаю Вам ее сразу. Сначала помечено, как «сначала»; а потом так и помечено, как «потом».

Очень прошу Вас — не маринуйте моих котят!!

Я когда пишу — то у меня голова пухнет от тем, а сердце рвется от чувств, и не любят мои статейки стоять в голодных хвостах.

Поправились ли Вы? Лечит ли Вас *серьезный* врач!? Пожалуйста, берегите себя!

Обнимаю Вас.

Ваш И. Ильин.

1927. I. 23.

П. Б. Струве

<Без даты; зима 1927 г.> ⁴⁵⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Третьего дня Герцог⁴⁵⁹ был у меня, мы проговорили целый вечер, и он сам рассказал мне, что послал Вам приветствие по поводу Рус<ской> Мысли. «А ответ был?» «Нет». Тогда я сказал ему, что Р<усская> М<ысль> нуждается в поддержке, и объяснил ему ее значение. Он прямо ответил мне, что денег у него *нет* (да я знал это и по другим признакам, и из других источников). Он действительно бьется — что-то продает и что-то закладывает и еле справляется с уже данными им обязательствами. Сказал он еще, что его распространительный аппарат (Китеж)⁴⁶⁰ к услугам Р<усской> М<ысли>. На это я промолчал.

Я думаю, что надо искать за пределами уже известных нам источников. И после всестороннего размышления решил послать Вам в Возрождение для напечатания нижеприлагаемое открытое письмо⁴⁶¹. Если возможно — напечатайте; если отзовется — то одна нить может потянуть за собою другую нить.

Письмо Жебунева⁴⁶² не вызвало во мне *никакого* отклика. Я читал его В<ладимиру> Ф<едоровичу>, и на нас обоих оно произвело впечатление неблагоприятное.

1. Зрелого возраста «подпоручик» — подозрителен сам по себе — пахнет левым «хоронячеством» в прошлом. Это объяснили мне и военные, которых я расспрашивал *абстрактно*.

2. Живет он в Larpwík, маленький погост, где *никакого* общественного мнения быть не может; посему его ссылка на «широкие круги» пахнет мертвыми душами.

3. Сам он производит впечатление крепко нашкодившего за революцию эсера, который *шкурно* перестроился «направо» и *боится* мзды. Это антипатично.

4. Статью мою (event<uell> «статьи») он читает непредметным, невнимательным, злым и левым глазом, ибо в той самой статье, на которую он ссылается, *реально даны все анти-«стеночные» гарантии*.

5. Письмо бьет *в стык* между Вами и мною, на откол и компрометацию «проф. Ильина» — это *глупо* и *неблаго-родно* — как и все письмо *неискренно*.

6. Письмо обращено лицом не *ко мне*, а от меня; не только ко мне не обращается, а трактует меня как врага.

При таких условиях, я думаю, мне неуместно отвечать ему, а «Notig nehmen⁴⁶³» я могу в дальнейшем, не упоминая об испуганном терситике и геростратике⁴⁶⁴ по имени.

С газетой тут глухо, тупо и безнадежно. Ни денег, ни человека (издателя), ни туземной публики. Думал я о перенесении Нов<ого> Врем<ени>⁴⁶⁵ в Прагу и о его возглавлении Вами. Но не знаю, осуществимо ли это?

Наш возможный общий выход из Возр<ождения> переживаю, как сущую катастрофу.

С моими статьями⁴⁶⁶, имеющимися у Вас, поступайте так, как, по-Вашему, целесообразнее и достойнее. В гонораре я *очень* нуждаюсь; барахтаться приходится «зле»⁴⁶⁷.

Напишите, может быть, мне *вообще больше не присы- лать?*

Мои очередные темы должны были быть:

1) Дорогу таланту и честности!
2) Углубленный и *беспристрастный* разбор проблемы демократии⁴⁶⁸.

3) Фашизм невозможен без «Duce⁴⁶⁹».

4) Яд партийности⁴⁷⁰.

5) Этюды о монархии.

Обнимаю Вас и жду ответа.

Ваш И<льин>.

<Приложение:>

Письмо в редакцию

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Разрешите мне обратиться через Вас к моим читателям.

В настоящее время я приступаю к завершению моей двадцатилетней работы, посвященной вопросу о монархии. Я думаю, что пришел момент для продуманного и углубленного обоснования и осмысления монархического начала в истории человечества вообще и особенно в рус-

ской истории. Необходимо показать и утвердить, что монархия имеет *качественное*, духовно-нравственное и религиозно-политическое преимущество перед республикой; необходимо вскрыть и показать, чем живет, как творит и что созидает душа настоящего монархиста; необходимо доказать, что истинную монархию надо заслужить и выстрадать, что она не создается механически и по произволу.

Для этой книги я ишу издателя; она должна выйти прежде всего на русском языке, потому что вынашивалась она русским сердцем и обращена к русским сердцам. И если кто-нибудь из моих читателей-друзей, кто бы он ни был и где бы он ни находился, имеет или мог бы создать какие-нибудь издательские возможности, хотя бы среди иностранцев, то я прошу его снестись со мною лично и непосредственно. Книга не должна превышать 15 печатных листов⁴⁷¹.

Мой адрес: Berlin — Wilmersdorf. Südwestkorso. 18. Prof. I. Iljin.

С искренним уважением и преданностью

И. А. Ильин.

79

П. Б. Струве

1927. III. 18⁴⁷²

Дорогой Петр Бернгардович!

Прилагаемую вещь посылаю Вам для Возрождения⁴⁷³. Она значительно меньше моих обычных фельетонов.

Нина Александровна писала мне о болезни Коти. Мы все очень сочувствуем; в Меране ему действительно было бы хорошо.

Что слышно о Русской Мысли? Идет ли? Есть ли перспектива для дальнейших выпусков?

Недавно прочитал пятый том Деникина⁴⁷⁴. Злоба его, чисто личная, по отношению к Врангелю — привела его к написанию завистливо-нечестного, клеветнического и объективно-зловредного пасквиля. В оценке этой Leistung я совершенно схожусь с П<етром> Н<иколаевичем>. Виноваты, конечно, мы: до тех пор замалчивали бездарности, грехи и вины Деникина, пока он не сочинил сам себе апологию, а Врангелю пасквиль. От

крепкого выступления против этого дивизионного интеллигента меня удерживает только одно: нежелание самого П<етра> Н<иколаевича>. Ведь достаточно отметить, что он совсем не воспроизвел писем П<етра> Н<иколаевича>, знаменитых писем, которые мы соборне читали в Москве, восхищаясь их волевым, мужественным и честным духом. Достаточно оценить грязные намеки на «известных» якобы ему (Деникину) убийц Романовского⁴⁷⁵. Признаюсь, что для меня стоит вопрос (и не только для меня), надлежит ли еще подавать руку этому пережившему себя бывшему человеку. Один почтенный генерал рассказывал мне, как М. В. Алексеев⁴⁷⁶ характеризовал Деникина: «у него душа штабного писаря». И после этого примите во внимание, что воспоминания Врангеля о возвращении в Крым (Белое Дело, том 1)⁴⁷⁷ набирались и печатались *после* того, как автор этих воспоминаний прочел «пятый том»... И в связи с этим Вы поймете, почему парижские выдвигания и чествования Деникина многими воспринимаются, как дело *личное и фальшивое*.

Не менее тягостное впечатление у нас произвело исчезновение господина М<онкевица>⁴⁷⁸. Никто не верит в его мнимое «самоубийство»; есть сведения совершенно иные. И если принять во внимание, что у г. К<утепова>⁴⁷⁹ это уже *третий* случай исчезновения конфиденциального сотрудника в бездну, то станет естественным, что *всю* эту «работу» никто уже не желает принимать всерьез, ни помогать, ни «жертвовать», ни даже разговаривать о чем-то. Гиблая затея, безнадежная неспособность, фатальная фигура. Аккумуляция вокруг *пустого и вредного* места.

Третий букет был для нас Неандер⁴⁸⁰. Доколе же, доколе мы будем молчать о «черной сотне»? Я, конечно, понимаю, что Неандер (искони производивший на меня впечатление скользкого и фальшивого человека) — провёл не только *их* (черных); но вспомните, как они в прошлом году чествовали этого забеглого-перебеглого прохвоста, как они выпустили его в конце съезда⁴⁸¹ с протестом «детей» против «отцов». Это «недовольство молодежи», поддержанное и раздутое черною сволочью — было чисто большевистскою затеею; скажем себе прямо: *это было делом Г. П. У. и Маркова. Не* потому, что Мар-

ков «служит» в Г. П. У., а потому, что их *дух* един по существу, хотя и двоичен в лицах...

Был у меня М. М. Федоров⁴⁸². Мы с ним поучительно и дружелюбно проговорили два часа. Он требовал, чтобы я так же открыто и прямо *межевался направо*, как я это делаю *налево*. Я ответил: *только этого и жажду; но где?* Он сказал мне, что он уже говорил с Вами по этому вопросу; но что Вы не считаете это правильным. Я не углублял с ним этого вопроса. Но Вам скажу, как на духу, что мы *оберегаем черных от света и кислорода*; и этим *усиливаем их и развращаем*.

Не подумайте, что я *подталкиваю*; мне слишком присуще *чувство ответственности*. Но созревание процессов *идет неумолимо*, и когда до нас доходят слухи, будто Возрождение может перейти к Алексинскому-Маркову⁴⁸³, то я *начинаю ЗАДЫХАТЬСЯ ОТ ЯРОСТИ!!!!*

Обнимаю Вас.

Ваш Коля Чижиков.

80

П. Б. Струве

1927.V.16 ⁴⁸⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Только что вернулся из Чехии, где пришлось иметь целый ряд выступлений, в том числе 2 в Пшибраме и одно в клубе у Крамаржа⁴⁸⁵. Был и ужин у Крамаржей. К<арел> П<етрович> был очень мил, прямодушен и сердечен. С тревогой и огорчением расспрашивал о положении дел в руководимом Вами предприятии, письмо Ваше, по его словам, он получил и прочувствовал. Он очень удручен делом Неандера⁴⁸⁶; укорял и себя. Жена его⁴⁸⁷ говорила мне о его добром отношении к Вам. Хорошо повидался с семьей Г<римма>⁴⁸⁸ и с Ц<уриковым>.

Сейчас здесь Хр<ипунов>. Такой же все самодовольный галда⁴⁸⁹. Рассказывал о ноябрьской драме⁴⁹⁰. Во всем, что он говорит, недоговоренное и умолчанное прет на свет из-за сказанного. Бьет топором по кружеву. Приехал сюда с княг<иней> Палей⁴⁹¹, по ее делам; и возле нее что-то стряпает. И все это топит в тоне «искреннего прямодушия» и лести. Κακαφύς⁴⁹²... В об-

щем, впечатление такое, что кроме *него самого* и г. Ю<лия> Ф<едоровича>⁴⁹³ и сами г. А<брам> О<сипович>⁴⁹⁴ облеклись в фартучек⁴⁹⁵. <Приписка: сие достоверно>.

Когда именно может быть здесь П<етр> Н<иколаевич>⁴⁹⁶, мы еще не знаем. <Приписка: Знаем: не будет вовсе>.

Мне очень существенно было бы знать, поедете ли Вы через нашу страну⁴⁹⁷ и когда? Очень прошу Вас, напишите мне об этом не откладывая, хотя бы совсем коротко: «не предполагаю», «предполагаю, но неизвестно когда», или «тогда-то». Мне необходимо видеться с Вами и соотв<етственно> с Вашими планами координировать время.

Слышал о Л<оллии> И<вановиче> Л<ьвове>. Как это ни тягостно, но, объективно говоря, м<ожет> б<ыть>, *так* все же лучше...⁴⁹⁸

Постоянно тревожусь и огорчаюсь проблемой Воз<рождения> и злуюсь на то, что я беден.

Обнимаю Вас.

Ваш Ивер.

P. S. Затребуйте в ред<акции> № 1797 (29 апр.) и № 1799 (1 мая) Нов<ого> Врем<ени>. Там два фельетона «О политич<еской> клевете» с упоминанием о Вас и о кн. Щерб<атове>⁴⁹⁹.

81

П. Б. Струве

<1927.V.20>⁵⁰⁰

Дорогой Петр Бернгардович!

Родилось «право на глупость»⁵⁰¹, которое при сем и посылаю.

Очень жду известий от Вас. Мне кажется, что в начале июля я буду в Париже; ненадолго, проездом на юг Франции (Италия стала очень дорога...).

Ваш И. И<льин>.

1927.V.20.

П. Б. Струве

<1927.V.29> 502

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил Ваше письмо, немедленно написал Сергею Сергеевичу, а на следующий день получил письмо от него, разошедшееся с моим. Само собою разумеется, что я с *Вами* и что мое участие в Возр<ождении> связано с Вашим редакторством. Посылаю документ с моею подписью. Копируя вялый и бесцветный текст сего опуса, я, признаться, сделал над собою несколько усилий для того, чтобы не расцветить его выявлениями «эмоций» и не послать г. С<еменова> на легком катере. Но пусть будет дисциплина и бесцветное однообразие.

Предлагаю еще ход. Так как г. С<еменов> — констатированный масон (это подтвердили *здешние*) и, по видимому, заправил под фартучек и самого деньгодателя⁵⁰³ (это считают вероятным и *здешние*), то я готов послать от себя *лично* гг. Давыдову⁵⁰⁴, Федорову⁵⁰⁵, Рыску⁵⁰⁶, Гучкову⁵⁰⁷ и Слиозбергу⁵⁰⁸ нижеследующее письмо. <Приписка рукою Ильина:> Все удостоверены!⁵⁰⁹

М<илостивый> Г<осподин> Имярек Имярекович! Осведомившись о положении дел в редакции Возрождения и о той роли, которую в этом играет г. имярек (имя, отчество и фамилия), я считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что если г. имяреку удастся довести его разрушительное дело до конца, то я и мои друзья и единомышленники будем считать вынужденный выход из редакции П. Б. С<труве> и распадение газеты открытым ударом, нанесенным русскому национально-патриотическому и белому делу со стороны русского Зарубежного масонства. Год, число, город. *Моя* подпись (единолично).

Ответьте, пожалуйста, согласием, и я ударю.

Ваш И.

1927.V.29.

83

П. Б. Струве

<Без даты; 1927 г. ?> 510

Дорогой Петр Бернгардович!

Только что отправил Вам пакет и посылаю еще. Исключительно благоприятный случай дал мне возможность узнать и сообщить. Пожалуйста, сохраните буквально заголовок и подзаголовок и подпись; я же ручаюсь за содержание.

Обнимаю Вас. 31-го трогаюсь отсюда.

<Без подписи>

84

П. Б. Струве

<1927.VI.18> 511

Дорогой Петр Бернгардович!

1) Ваше письмо от 7.VI получил и усвоил.

2) Семенов окотился новым письмом, каковым дозвоьте Вас угостить; отвечать ему не намереваюсь, пускай пасется до поры до времени.

3) У меня есть существенная и важная новость. Недавно ко мне явился хороший русский патриот, недавно выехавший оттуда и сохранивший здесь свое состояние, человек очень почтенный и привлекательный. Он читал разные мои вещи и явился с определенным предложением. После всестороннего обсуждения он предложил мне издавать ежемесячный идеологический журнал, который он намерен соответственно обеспечить. Предложение это я *принял*. Он хочет, чтобы я писался редактором-издателем и вел журнал лично и ответственно. Журнал должен выходить с 1 сентября, здесь, в размере пяти печатных листов.

Я думаю, что следует сделать этот журнал *волевым монолитом*, взять тон твердый, прямой и писать для русского патриота независимо от его прошлого и от его местонахождения; и тем некоторым образом заткать волевою ткань на желанных России и необходимых ей предметных основаниях. Мне кажется, что это направление должно было бы идейно объединить жесткие элементы белого фронта, а журнал должен крепить наши паруса.

Я рад, что скоро увижусь с Вами и что нам можно будет обсудить подробно составленные мною для основного ядра сотрудников (я думаю, что для начала их не должно быть много) программные соображения. Сегодня мне разрешена виза во Францию, и я думаю ехать отсюда возле первого июля. По-прежнему, как всегда, я буду дорожить Вашими советами и указаниями; теперь — особенно.

Очень прошу Вас, не оглашайте этого дела пока, но оставьте его совсем между нами; секрет просуществует теперь уже недолго, но у меня есть забота, чтобы не было «обидевшихся» без нужды. Здесь об этом знают только В<ладимир Ф<едорович> и А<ркадий> А<льфредович>⁵¹². На днях надеюсь Вам выслать *совершенно достоверно и совершенно лично* записку с соображениями о том, что это будет.

Пока крепко Вас обнимаю и радуюсь предстоящему свиданию. Целую ручку Нины Александровны.

Ваш И. И<льин>.

Приложение: Эпистолярный эксцесс «редактора» или документ, удостоверяющий, что Семенов семенит, но не может обсемениться... по крайней мере в моем огороде. Из письма явствует, что он семь раз примерял у Гукасова, а я один раз отрезал.

1927.VI.18⁵¹³.

85

П. Б. Струве

<23.VI.1927.> ⁵¹⁴

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам два совершенно доверительных редакционных досье⁵¹⁵. Очень прошу Вас, прочтите их и скажите мне Ваше мнение. Что можно — письменно, что нельзя — устно, по моем приезде⁵¹⁶. Я все сумею взвесить, учесть и оценить.

Не удивляйтесь размеру большого досье⁵¹⁷. Оно писалось в преддверии дальнейших, больших перспектив, — и лучших времен (*rebus aliter stantibus*⁵¹⁸). Конечно, обо всем не напишешь в небольшом журнале; но мне хотелось показать со всех сторон мой замысел — нашей единомышленной эзотерии, чтобы русло это — русло белого

единомыслия — виделось не как тропинка, а как столбовой большак.

Деньги поступили; источник их — русский, идейный⁵¹⁹. Журнал задуман ежемесячный, чисто идеологический; без беллетристики; волевой. Предполагается название «Русский Колокол»; подзаголовок: «Журнал волевой идеи». Для распространения обдумываются и принимаются особые меры.

Сотрудники предполагаются немногочисленные, но крепко единомышленные. Состав их я надеюсь еще обсудить с Вами в Париже (конечно, И<ван> Д<авидович>⁵²⁰, Н<иколай> А<лександрович>⁵²¹, В<ладимир> Ф<едорович>^{522!}).

При всем том я очень прошу вас замариновать все эти сведения, укрыв их под маскою загадочного неведения, не берущего на себя ответственности за новые, хотя и «близко-соседские» затеи. Это мне важно и потому, что я связан моральным обязательством интенционально-делового отбора сотрудников, и вся деликатность, трудность и ответственность этого задания мне слишком ясна! Думается мне еще, что было бы целесообразно, чтобы эта наша новая и крепкая рука жила и действовала, не связывая каждым своим поступком Вас, при большом внутреннем единомыслии и согласии.

На этом пока кончаю. Душевно Вас обнимаю и жду отзвук.

Ваш И<льин>.

1927.VI.23.

86

П. Б. Струве <Без даты; начало июля 1927 г.??>⁵²³
<Пневматичка>

Дорогой Петр Бернгардович!

Приехал третьего дня поздно вечером. Два дня мыкаюсь по паспортным делам. Сейчас, кажется, дело налаживается. Завтра, в воскресенье, я занят только вечером. Бросьте мне, пожалуйста, пне<вматичку>; где бы нам увидеться? и когда? Надо бы обо многом сговориться вперед на ближайшие месяцы.

Целую ручку Нины Александровны.

Ваш И. И<льин>.

Адрес: XVI. Boulevard Exelmans Hôtel Exelmans. 14.

87

П. Б. Струве

<Без даты; июль 1927 г.> ⁵²⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

У меня сегодня, к сожалению, время растерзано. Разрешите мне ждать Вас ко мне завтра после ужина — *чай пить*. 51. rue Chardon Lagache. Часам к *восьми*. У нас будет целый вечер в уюте. Радуюсь свиданию.

Ваш И. И<льин>.

88

П. Б. Струве

1927.VII.25 ⁵²⁵

Адр<ес>: Haute Savoie.

Grand Bornand.

Hôtel Milhomme.

Дорогой Петр Бернгардович!

Осев на месте, сосредоточившись и пересмотрев мой редакционный портфель⁵²⁶, я увидел себя вынужденным обратиться к Вам со следующей большою и настойчивою просьбою.

В конце января я прислал Вам для Возрождения две статьи: одну (не помню заглавия) о необходимости воспитывать в России новое правосознание; другую о Власти и Смерти⁵²⁷. Вы предложили мне тогда отдать их в Русскую Мысль, указывая на то, что они имеют шансы появиться там раньше, чем в Возрождении. Я писал все мои статьи по известному, внутренне-органическому плану и не раз уже горевал о том, что *эти* статьи не появились своевременно. Но теперь, распределяя материал для Рус<ского> Колокола, я вижу, что они обе совершенно необходимы мне: я не могу промолчать на эти темы и не могу написать то же самое другими словами. А у меня даже нет копии с них.

Поэтому я прошу Вас: будьте так милы, найдите их и перешлите их ко мне, чтобы я мог использовать их в новой органической связи. Если же Русская Мысль начнет выходить, то я, если Вы захотите, пришлю Вам для нее

что-нибудь другое, что меня больше устраивало бы при наличии Колокола.

С сокрушением думаю о том, что Возр<ождение> растрчивает Ваши силы, явно уходя из рук и превращаясь на ходу во что-то иное, на чем Вашему имени вряд ли есть место.

Ваш И. И<льин>.

89

П. Б. Струве

1927.VIII.19 ⁵²⁸

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера получил Ваше досье⁵²⁹. Сегодня пришел номер «Возрождения», в коем «свершилось»⁵³⁰.

Всею душою с Вами! Хамство Семенова⁵³¹ образцово и наглядно. Редакторская несостоятельность его *тоже*. Что же дальше? По-прежнему предоставляю Вам всяческую мою поддержку, если таковая Вам будет нужна.

Эх! Новую бы газету Вам начать!..

Словом, если что понадобится — напишите. Досье пересылаю Шмелеву⁵³².

Почему среди ушедших нет Г. Н. Трубецкого??! *Нольде*⁵³³?! Арсеньева⁵³⁴? да и еще кое-кого...

Обнимаю Вас и напряженно жду дальнейших вестей.

Очень надеюсь, что Вы *не* оставили в редакции статью Шульгина о Русском Колоколе. Это был бы *зарез* для меня: ведь ответить-то — я бы не мог!!

Ваш И. Ильин.

Haute Savoie. Grand Bornand. Hôtel Milhomme.

90

П. Б. Струве

<I.IX.1927> ⁵³⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Все Ваши письма и № России⁵³⁶ ко мне благополучно пришли. Молчал потому, что чувствую себя *очень* утомленным и непрерывно работаю на Русской Колокольне⁵³⁷. Все думал — «родится что-нибудь» для Вас — и напишу. Но день идет за днем и не остается ни сил, ни времени. На мне колоссальная переписка и большие

творческие задачи. Бывают дни, что отправляю до 10 и до 15 писем, не считая очередного дела.

Установим следующее:

1) Не ждите *наверное*, но я постараюсь — если не ко 2, то к 3 номеру.

2) Немедленно устанавливаем *обменные* объявления между Россией и Русским Колоколом. Свое прилагаю, а Ваше велите послать прямо Бунге⁵³⁸ (Augsburger Str., 56-IV) с пометкой, что *договорено со мною* и что наше (колокольное) уже имеется у Вас.

3) Ради Бога, статью Шульгина о Колоколе не помещайте совсем⁵³⁹. Она только навредит и затруднит. Зате-вать же полемику о поле (пол!) не родившегося ребенка — очень нежелательно — «а то родится дочь с отметкой на носу». Шульгин уже писал мне, что эта статья его была с его стороны знаком «лояльности» к Колоколу; да, да что же делать — такая лояльность хуже лаяльности. Первая книжка выйдет в первой половине сентября — Вы получите книжку, как сотрудник, — и тогда напишите сами судя по живому телу ребенка...

Объявление прилагаю. Для третьего номера, м<ожет> б<ыть>, пришлю объявление, что вышла. Если нет, повторите *это*.

Всем, кому могу, пишу письма о крахе Возрожденской редакции, одним разъясняя, другим выправляя хребет, третьих накаляя.

Вас прошу вести особый счет вступающим в Возрождение масонам. 1. Семенов. 2. «Атаман Кречет»⁵⁴⁰. 3. Лукаш⁵⁴¹. 4. П. Бобринский⁵⁴². 5. Питирим Сорокин⁵⁴³. Это я насчитываю *издали*. А затем и впрочем — как Вашему Высокому Превосходительству будет угодно и на все есть воля Ваша.

А какво Даватц запустил о «Нефтяном Деле»⁵⁴⁴ — Новое Время на волоске — он сам *болен* (легкие) и в смысле заработка на волоске — и качает «на легком катере».

Душевно Ваш И. И<льин>.

(Пономарь из Собора Иоанна Предтечи)

1927.IX.1.

St. Gervais les Bains Hotel Fleur des Alpes.

П. Б. Струве**11.IX.1927**⁵⁴⁵

Дорогой Петр Бернгардович!

Мой добрый друг, умный и верный человек, прямой потомок великих музыкантов Иоганна Себастиана и Филиппа Эмануила⁵⁴⁶, как я слышу, по своим домашним делам думает перебраться на зиму в мою страну. Там у него немало родственников, старых знакомых и влиятельных собутыльников. Я считал бы очень существенным, если бы удалось в течение ближайших недель позавтракать нам вчетвером: он, Вы, я и Евгений Васильевич⁵⁴⁷. Я буду в Вашем граде, наверное, во второй половине октября; к этому времени мог бы оказаться и мой друг. Очень прошу Вас, не могли бы Вы сделать так, чтобы к этому времени оказался там и Е<вгений> В<асильевич>? Напишите ему! В<ладимир> Ф<едорович>⁵⁴⁸ пишет мне о явившемся новом тоне; это любопытно и negliжировать нельзя. Надо бы плотно позавтракать. Не правда ли? Все сие пишу Вам, как на духу. Да и о Ваших добрых отношениях с Е<вгением> В<асильевичем> знаю. А мой друг, слава Богу, очень влиятелен.

Пожалуйста, взвесьте это и напишите мне поскорее. Как Вы решите, в том Вам верю.

Не браните меня, что ничего не шлю: очень уж я замучен на колокольне.

Ваш Петя Чижиков⁵⁴⁹

1927. IX. 11.

Ваше досье⁵⁵⁰ прислали мне назад. Как с ним поступить?

Н. А. Струве<22.IX.1927>⁵⁵¹Дорогая Нина Александровна!⁵⁵²

Несмотря на *крайнюю* утомленность, приковавшую меня просто к постели, встал, чтобы написать для России маленький мордобойчик⁵⁵³. Посылаю его Вам.

Русский Колокол⁵⁵⁴ сегодня вышел в Берлине. Он будет немедленно разослан. Петр Бернгардович будет полу-

чать его бесплатно. Но очень прошу: не давайте его читать направо и налево; пусть покупают! На днях отправил в печать вторую книжку. Грущу, что я, будучи в Париже, не украл у П<етра> Б<ернгардовича> чего-нибудь для Колокола. Но, может быть, он, прочтя первую книжку, сам теперь вдохновится. Не может быть, чтобы еженедельная и мирная редакция отнимала у него столько времени, сколько ежедневная и буйствующая. Поговорите с ним на эту тему! Написал бы он мне, напр<имер>, о социализме — в самую (pardon!) в подложечку... Плачу доллар за страницу. Сразу отвожу ему 12 страниц (2160 букв в странице).

Это одна просьба.

Другая: дайте отзыв о Колоколе в России. Но не поручайте этого Кириллу Иосифовичу: это будет и несправедливо, и неинтересно, и неавторитетно...

Третья: объявите, пожалуйста, в след<ующем> № России, что первая книжка Колокола *вышла*. Это в порядке *обменного* объявления. Надеюсь, что П<етр> Б<ернгардович> распорядился послать Бунге объявление о России на обмен. Объявление прилагаю⁵⁵⁵.

Я писал П<етру> Б<ернгардовичу> нечто о *необходимом на октябрь деловом завтраке*. Получил ли он это письмо?⁵⁵⁶ Мне очень существенно было бы (для дела) иметь ответ на него.

Привет от нас обоих.

Целую Вашу ручку.

Ваш И. И<льин>.

1927.IX.22.

Если за сей мордобойчик мне причитается «гонорар» — то не переводите его, а я вношу его на поддержку *России*.

П. Б. Струве

1927.IX.30 ⁵⁵⁷

<Открытка с видом Гран Борнан⁵⁵⁸>

Дорогой Петр Бернгардович! Надеюсь, Вы уже давно получили № 1 Колокола. Очень хотел бы иметь от Вас отклик на него! Адрес новый: *Nice. Avenue Durante. Hotel Richmond. 22-IX* послал Вам в Россию статью на имя Нины Александровны. Надеюсь, она дошла. Когда же

мой журнал достучится в Ваше литературное сердце? Ей-Богу, плачу по доллару за страницу.

Ваш И. Ильин.

94

П. Б. Струве

<6.X.1927> 559

Дорогой Петр Бернгардович!

Ради Бога, помогите мне выскочить из невязки. Мне необходимо, чтобы в БЛИЖАЙШЕМ номере России появилось такое объявление: — прилагаю⁵⁶⁰.

Au vieux Livre — сейчас *единственное* место, где мы можем продавать Русский Колокол. Экземпляры туда высланы!

Спасибо Вам за «Дневник Политика» и за поддержку⁵⁶¹

Ваш И. Ильин.

1927.X.6.

Сие в порядке обменном.

Мы с А<лексеем> П<етровичем>⁵⁶² сговорились об этом давно; он сейчас в отъезде, но я уже написал в его магазин.

95

П. Б. Струве

<6.X.1927> 563

Дорогой Петр Бернгардович!

Пришел домой и нашел неотправленный текст объявления. Вот он⁵⁶⁴. Простите за беспокойство.

Ваш И. Ильин.

1927.X.6.

96

П. Б. Струве

<23.X.1927> 565

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях получил письмо от И. Д. Гримма⁵⁶⁶, «обличающее» меня и мой журнальный замысел во всех смертных грехах. Между прочим, в том, что я втайне намереваюсь работать «наперекор» Вам и «России», нарушить единство белого фронта, «совершить историче-

ский подлог», выдав «мою фил<ософскую> систему» за белую идею и т. п.

На всю эту резкую и злобную, «сердцеведческую» инсинуацию отвечаю не ему, а Вам.

Все, что он пишет о моих «намерениях» и «замыслах», — *злой вздор*, все это *ничему не соответствует*; все это та инсинуация, о которой у Лермонтова сказано «или друзей клевета ядовитая»⁵⁶⁷. Опровергать все это ниже моего достоинства — нет ни охоты, ни сил, ни времени.

Это не первая попытка так называемых «единомышленников» ударить в стык между Вами и мною. Но для того, чтобы эти попытки не удавались — необходима не только идейность и предметность моей линии, но еще *непоколебимое* доверие Ваше ко мне. Мало моего «неподвижного стояния» — необходима еще недоступность Вашего слуха для шептунов всех рангов и калибров.

Вы как-то сказали публично о той соли, которую мы с Вами съели вместе за ряд лет. И вот, на основании этой соли, я имею моральное право на уверенность, что Вы пошлете и всегда будете посылать всех шептунов — на легком катере!

Я — есмь я. Единожды и навсегда. Мы можем различно оценивать с Вами различные тактические целесообразности; и подобное «расхождение» я всегда первый открыто Вам выговорю. И считаю себя вправе — ждать того же и от Вас.

И точка.

Обнимаю Вас. К 27⁵⁶⁸ буду проездом через Париж на неделю и надеюсь видеться с Вами.

Ваш, как всегда

И. А. Ильин.

1927. X. 23.

Целую ручку Нине Александровне.

97

Н. А. Струве

<13.XI.1927> ⁵⁶⁹

Дорогая Нина Александровна!

К сожалению, мне так и не удалось побывать у Вас еще раз. Мы уехали 6-го утром (последний полицейский срок), ночевали в Кельне и прибыли сюда 7-го вечером. Здесь холодно и неудобно.

«Россию» от 5 ноября получил перед отъездом. Был огорчен, что П<етр> Б<ернгардович> урезал мне самое *проклятие*⁵⁷⁰ — ведь он же сам меня и раскачал на него своим заказом.

Хочу сообщить Вам мой берлинский адрес: Berlin W. Lützow Str. 63. Pension Tonn. Это для газеты и для всего. Ищем себе комнаты — томительно!

Оба шлем привет Вам и Петру Бернгардовичу. Во вторую книжку Колокола в обменном порядке поставлю такое же объявление, как было в первой; а наше вышлю Вам на днях.

Ваш И. Ильин.

1927.XI.13.

98

П. Б. Струве

<29.XI.1927> ⁵⁷¹

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера вышла вторая книжка Русского Колокола. Сегодня она рассылается. Через пару дней будет у Вас. Объявление о России помещено в том виде, как нам его составил А. И. Бунге. Очень прошу Вас о дружественной обменной рекламе. Текст прилагаю⁵⁷².

По-прежнему Русский Колокол звонит у Ваших дверей («однозвучно звенит колокольчик») и просит Вашу статью о социализме. Выходим мы аккуратно раз в два месяца (чтобы не затоваривать книжный рынок). Тираж наш для начала очень удовлетворителен.

На днях со мною случилось следующее. Ко мне обратился Верховный Круг Братства Русской Правды⁵⁷³ (по крайней мере 30% его Вы знаете лично и *уважаете*) с просьбой взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально-серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий. Для дальнейшего опубликования отзыва во всех газетах. Предлагают все портфели и данные. Я не дал им еще окончательного ответа и решил предварительно снестись с Вами. Коллегиальный арбитраж они отводят по условиям дела и работы. Опорочением же своим крайне тяготятся, считая это вопросом чести, в *данном* случае неподдаю-

щимся *дуэльному* разрешению в силу *условий дела* и в интересах единства фронта.

Повторяю, ответа я им не дал и имею целый ряд оснований для отказа. Не потому, чтобы я считал их дело дурным или темным; и не потому, что они дурные люди. Совсем нет. Но потому, что это может оказаться несовместимым с другими, лежащими на мне делами и обязательствами. И тем не менее я очень прошу Вас сообщить мне *Ваше отношение* к этому делу, причем *о нем* я предвременно не сообщу никому.

Душевно Вас обнимаю.

Ваш Петя Синичкин.

1927.XI.29.

99

П. Б. Струве

1927.XII.22 ⁵⁷⁴

Дорогой Петр Бернгардович!

Недавно я получил письмо от Н. Н. Львова⁵⁷⁵, который, уведомляя меня о том, что вступил сотрудником в Возрождение (под редакцией Семенова), и раскрывая мне чисто идейные мотивы своего решения, звал меня (по уполномочию) вернуться в Возрождение для ревиндикации⁵⁷⁶ газеты белому делу.

Я считал и считаю правильным подходить к этому вопросу *sine ira et studio*⁵⁷⁷. Ибо иметь эту газету в белых руках чрезвычайно важно, если не просто необходимо. А рыцарственная кристалличность нашего Н<иколая> Н<иколаевича> внушала и внушает мне всегда безусловное доверие.

Однако я не счел возможным ответить ему непосредственным согласием. С одной стороны, я полагаю, что необходимы редакционные гарантии — и *вообще*, и *для меня лично* в частности. Слухи, доходившие до нас, сообщали другое: а именно будто Н<иколай> Н<иколаевич> вступает *редактором* или хотя бы ответственным за политическое направление председателем редакционного комитета. С другой стороны, я просил Н<иколая> Н<иколаевича> известить меня, как вскрылся и обговорился вопрос о его вступлении в Возр<ождение> между ним и Вами.

Я глубоко убежден, что весь этот вопрос мы все — и Вы, и он, и я, и все наши друзья — *обязаны* ставить исключительно с точки зрения *русского национального интереса*, отодвигая им *все* личное, вплоть до полной жертвенности включительно. И я никогда не забуду того момента, когда Вы, будучи редактором Возрождения, соглашались отойти в почетные сотрудники при *идейно-белом* и *авторитетном* редакторе. Такую позицию я считаю единственно верной — и национально, и лично.

Но именно с точки зрения целесообразности в национальной борьбе мне *неясно* — следует или не следует Николай Николаевичу начинать борьбу за ревиндикацию Возрождения со вступления в него *сотрудником*. Быть может, это — первая ступень к редакторству; тогда его поступок не только жертвенен, но и победоносен. А может быть и нет? Тогда его поступок будет жертвенен, но может оказаться напрасен. Учесть всю эту сторону возможной целесообразности я издала не могу и считаю здесь правильным аскез силы суждения.

Другое дело, что касается *меня*. Я подробно описал Николаю Николаевичу, до какой степени мне, *заглавному* сотруднику, необходимо *доверие* к редактору; и еще, до какой степени это необходимо *мне* при *моем способе жить и писать*. Я написал ему, что считаю *свое* вступление в Возр<ождение> без *его редакторства* — совершенно *бесцельным*; вступить, чтобы *не* писать; вступить, чтобы расплеваться; вступить, чтобы с треском уйти?!.. Семенов, осложненный Гепеусихой?! При чем тут я?! В порядке *крайнего, жертвенного* нажима на себя — я бы мог *временно* потерпеть, что в *авгиевой конюшне из-под Львова* рядом с *Гепеусихой* и ее упражнениями — было напечатано несколько моих статей... Но *без его* гарантии — я там ненужен и вступление мое было бы просто вредно.

Вчера В<ладимир> Ф<едорович> прочел мне Ваше письмо к Н. Н. Львову и письмо «божественного быка» (собств<енно> «овцебыка»)⁵⁷⁸ к Вам. Первое мне понравилось и меня порадовало. Гарантия «долгосрочного контракта» — не берусь судить о его безусловной необходимости — была бы превосходна; но, может быть, в порядке

жертвенности Н<иколая> Н<иколаевича> мог бы и без нее обойтись; однако гарантия его *редакторства* кажется мне просто насущной. Письмо премудрого «овцебыка» меня позабавило своею пророчественной глупостью; *удивило* меня не оно, а то, что *Вы его тогда* звали... С него взятки гладки: «потерявши вещи эти, надобно терпети»...

Я, к сожалению, не дождался Вашего письма ко мне и решил вопрос о Бр<атстве> Р<усской> П<равды> до него. Они торопили. Я отказал по соображениям, изложенным в № 1 Р<усского> Кол<окола> (как хранить тайну)⁵⁷⁹.

Передайте, пожалуйста, Нине Александровне, что Ле-ве обе книжки посланы.

Душевно Ваш И<льин>.

С наступающими праздниками!

100

Н. А. Струве

<Конец апреля 1928 г.>⁵⁸⁰

Дорогая Нина Александровна!

Посылаю Вам статью для России⁵⁸¹. Если Вы найдете, что она требует *каких бы то ни было* изменений, то очень прошу Вас, вышлите мне ее тотчас же обратно. Я не согласен ни на какие исправления и помещу ее в другом месте.

Я бесконечно удручен смертью Петра Николаевича⁵⁸².

Ваш И. Ильин.

<Адрес:> Berlin-Grünewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

101

П. Б. Струве

<Конец апреля 1928 г.>⁵⁸³

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю статью⁵⁸⁴. Неожиданные и неучтенные мною обстоятельства заставляют меня обусловить ее помещение — отсутствием моей подписи.

Поместите ее как бы от редакции, если она Вам подойдет.

Или поставьте *любой* псевдоним.

<Приложение>⁵⁸⁵

Русский человек задним умом крепок. Я — русский человек. Дык — я крепок задним умом. Каков силлогизмик? По третьей фигуре, по модусу *datisi*⁵⁸⁶... («и датися нищим»...)

Не удивляйтесь этому юмору висельника, т. е. виноват, не «висельника», а «право-стеночника». Дело в том, что я как-то мимоходом осведомился, на чьи деньги работает Маркони⁵⁸⁷. И так как источник осведомленный, то у меня вдруг и в голове просветлело: и его победоносный тон в начале; и как его отодвинули; и почему Алешкинзон⁵⁸⁸ триста тридцать шестую телеграммку получил; и прочая, и прочая, и прочая.

Между прочим, эта телеграммка произвела удручающее впечатление. Каждое слово, каждое слово... А тут еще вспомнилось, что первое марта имело некое обезбюджечивающее значение.

Конечно, взрослому человеку нельзя предаваться эмоциям: нужна сдержанность и последовательность; вообще добродетель дианозетическая. Понимаем. А в душе образ: была склянка пустая, а потом налили ее чернилами, стала склянка черная. А еще у моего маленького племянника⁵⁸⁹ — был черный бибабо⁵⁹⁰, — не то арап, не то как бы злой дух.

У нас рязанские бабы⁵⁹¹ в таких случаях приговаривают, мотая головой: «гряхи-и-и-и», и еще: «бя-я-ада!»...

Но если подумать серьезно, то внутренние процессы в душе идут своим чередом, выводы и решения слагаются сами. Но, конечно, — без эмоций.

«Можаше бо сие» (наше!) «миро продано быти на мнозе и датися... нищим»^{592!!}

102

П. Б. Струве

<1932.VI.14> ⁵⁹³

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

К моему величайшему унынию, я сейчас никуда не гожусь. Вот уже несколько дней, что я лежу с нервным гастритом: бурный, мучительный, с температурой и депрессией. Доктор предписал мне полный покой, я почти весь день дремлю, слабость бездонная. Как только мне станет лучше, я немедленно Вам напишу. Обнимаю Вас.

Ваш И. И.<льин>⁵⁹⁴.

1932.VI.14.

ПЕРЕПИСКА И. А. ИЛЬИНА с П. Н. ВРАНГЕЛЕМ

1

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 2 марта 1923 г.¹
№ к/1312 Сремски Карловцы, 2 марта 1923 г.

Милостивый государь Иван Александрович,

А. И. Гучков сообщил² мне о той сердечной отзывчивости, с которой Вы отнеслись к мысли моей об устройстве некоторого числа молодых людей, оканчивающих кадетские корпуса и военные училища, в высшие учебные заведения в Берлине.

Горячо благодарю Вас за проявленное участие и готовность помочь этому начинанию.

Открываемый в Берлине при Вашем участии Русский Научный Институт, конечно, явится лучшим прибежищем для нашей учащейся молодежи, стремящейся здесь, на чужбине, завершить свое образование.

Поэтому Вам должно быть понятно то чувство сердечной радости и удовлетворения, которое я испытал, осведомившись, что судьбы наиболее близкой мне части русского юношества, следовавшего за Армией в чужие края, могут быть переданы в столь верные и благожелательные руки.

Одновременно с этим я обратился к В. И. Ясинскому как предполагаемому ректору Института и в его лице ко всей коллегии профессоров с горячей просьбой принять в Институт примерно 300 человек, оканчивающих средние военно-учебные заведения, и не отказать им в своем сердечном попечении и заботах.

Я не сомневаюсь, что авторитетный голос профессорской коллегии Института мог бы привлечь к себе внимание русской и иностранной благотворительности и помочь преодолеть затруднения, связанные с устройством слушателей Института в Берлине.

Зная Ваше исключительно отзывчивое отношение к русской учащейся молодежи и Вашу энергию, отданную делу воспитания юношества, я позволю себе горячо просить Вас содействовать осуществлению этого благого дела, отвечающего нашему нравственному обязательству

спасти триста молодых, ценных для России, жизней и подготовить в их лице кадры будущих работников по восстановлению нашего Отечества.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении.

П. Врангель³

2

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 5 апреля 1923 г.⁴

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Любовью, волею, словом и делом я связан с Добровольческой армией с ноября 1917 г.⁵ Так будет и впредь. Я всегда сделаю для нее все, что в моих силах; ее враги будут моими врагами и ее друзья будут моими друзьями. Всякая общественная комбинация, двоящаяся в отношении к ней, внушает мне подозрение и заставляет меня отстраниться.

В армии, руководимой Вами, мне всего дороже ее живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение в корне своем *религиозно*; этот характер в строении своем *рыцарственен*. История человечества обогатилась новым *орденом*; Россия рухнула потому, что такого ордена⁶ у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции не должны быть концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей ее государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это гнездо духовного здоровья. Драгоценнее всего — блюсти его внутренний, вполне не насилуемый и вполне необходимый рост. Я сам — глубоко убежденный монархист; я считаю подлинную монархию одним из самых чудесных достижений духовной жизни. И в то же время я считаю глубоко правильной позицией Главного Командования в этом вопросе: бутон не расковыривают, он расцветает сам; и когда расцветет — явит красоту. В течение ближайших месяцев я буду печатать мои книги, написанные и выношенные в сатанинской плавильне, — о Сущности Правосознания⁷ и о Монархии⁸. Я ни словом не упомяну в них о нашей Армии, ее делах и вождах. Но я взрастил их в том духовно жгучем опыте любви и

ненависти, скорби и смерти, в котором я побратался с самого начала с моими братьями на юге. И я не сомневаюсь, что их сердца узнают мою мысль.

Я хотел бы тогда, чтобы в этом обращении моем к Вам, глубокоуважаемый Петр Николаевич, Вы восприняли голос всех моих друзей-единомышленников, которых я оставил в далекой чудесной, но униженной Москве и живым органом которых я себя здесь, в изгнании, чувствую.

Посылаю Вам первое, что напечатал после пятилетнего молчания⁹.

Искренно и глубоко преданный Вам

И. Ильин.

1923 IV. 5 / III. 23

Berlin — Grunwald Jagow Str. 10-II.

3

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 27 апреля 1923 г.*¹⁰

№ к/2053 Сремски Карловцы, 27 апреля 1923 г.

Милостивый Государь Иван Александрович,

Письмо Ваше от 5-го сего апреля глубоко меня тронуло — тронуло сердечностью, проникновенною любовью к Армии, чутким пониманием ее значения и оценкой занятой ею политической позиции.

Дружеский голос особенно дорог в настоящие тяжкие дни.

Особенно дорог мне Ваш именно голос — голос человека, только что вернувшегося из советского плена и имевшего возможность среди скорби и смерти, среди тягостных душевных и физических переживаний оценить красоту подвига тех, которые в 1917 г. подняли русское национальное знамя, втоптанное в грязь большевиками, и начали неравную борьбу с нынешними поработителями России, за которыми шло все то мутное, что всплыло на поверхность в дни русской смуты.

Сознание, что тяжкие испытания последних пяти лет заставили опамятовать русский народ, что Ваши единомышленники, о которых Вы пишете, думают и чувствуют в России так же, как и мы на чужбине, — бесконечно дорого.

Незримые нити, связывающие их, как и Вас, с Армией ежечасно крепнут и разрастаются, и недалек тот радостный час, когда ныне находящаяся на чужбине Русская Армия вернется на Родину и будет принята Россией как духовно близкое и бесконечно родное.

Рад был бы с Вами познакомиться, рад был бы установлению личного Вашего общения с моими соратниками.

Благодарю Вас сердечно за присланную брошюру.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности¹¹.

П. Врангель.

4

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 30 октября 1923 г.*¹²
№ к/2622 Сремски Карловцы, 30 октября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Посылаю Вам на память альбом¹³ со снимками Русской Армии, рассредоточенной на Балканах. При самых невероятных условиях Армию удалось сохранить. Я знаю, что Вы — друг Армии, а потому думаю, что для Вас будет представлять известный интерес прилагаемый альбом. Армия укрылась в труде, о ней теперь никто ничего не слышит. Никто ее не видит. Но она есть. Снимки альбома вовсе не «потемкинские деревни». Несмотря на трудовые условия жизни в гражданском быту на чужбине, части сохранили в неприкосновенности воинский дух и жертвенность. Налицо спайка между собой и неразрывная связь с командованием, основанные на чисто нравственных началах добровольного подчинения.

Я не делаю себе никаких иллюзий насчет будущего. Вечно такое состояние продолжаться, конечно, не может, но и в этом отношении будет сделано все, чтобы создать обстановку для возможно длительного сбережения кадров Армии и впредь, при неизбежных переменах в условиях ее существования в будущем.

С горечью должен сознаться, что помощи со стороны было мало. И слева, и справа Армия и я лично в течение скольких лет подвергались систематической травле. Полезному же при всяком положении в России делу проти-

вопоставлялся все тот же никчемный беженский разговор на политические темы, выдававшийся за организованность и работу.

Примите уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

П. Врангель.

5

И. А. Ильин. Записка о политическом положении.

Октябрь 1923 г.¹⁴

1. Нет сомнения, что ключ к России — в Москве.

Централизация современного государства вообще и большевистского в частности такова, что владеющий нервно-императивным центром — владеет всем организмом. Это верно и для других стран, с большей самостоятельностью населения; это верно особенно для России, с ее пассивным, разбросанным населением. Поэтому периферическая позиция будет всегда или рваться к центру, или распадаться. Посему точка для приложения силы в Москве (отчасти лишь в Петербурге).

2. Всякая революция есть попытка больной массы прорваться к своекорыстно-захватывающей самостоятельности. Поэтому революция кончается тогда, когда масса находится в *безвольной прострации*: тогда она поняла свою неспособность к государственному изволению; тогда она *не может* больше хотеть и (что еще важнее) *не хочет* больше хотеть. Отсюда жажда успокоиться в чужой воле, испытывая ее, как *свою собственную мудрость* и свое спасение. Революция кончена тогда, когда масса сумрачно молчит и покаянно ждет. Тогда начинается выдифференциация инстинкта национального самосохранения и глухие, смутные поиски персональной воли спасителя.

3. Чем больше эта спасающая воля говорит на богопротивном языке революции (хотя бы делая в действительности обратное); чем меньше она *пугает* отплясавшую стихию; чем больше она *кажется* сама скомпрометированною в общем и совместном революционном блуде — тем *легче* ей и тем *раньше* может она стянуть к себе *силы* революционной болезни и незаметно ввалить их в процесс оздоровления. Такая фигура может попытаться

вынырнуть из революции, поставив ее силу к *своим* услугам и не напрягая ее против себя.

На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова¹⁵, Зайончковского¹⁶, Слащева¹⁷, может быть, Троцкого¹⁸ (вряд ли полк<овника> Каменева¹⁹ и Буден<н>ого²⁰).

Брусилова и Зайончковского я знаю; оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому ничего *сами* не сделают, если *их* не сделают события. Слащева — не знаю. Тухачевский²¹ — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится. Полк<овник> Каменев просто штабной спец из радикалов. Буден<н>ый будет еще служить Царю. Троцкий — умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он давнишний сотрудник немцев.

4. Если в Москве точка для приложения силы — то там же и сила для приложения точки. Центром контрреволюции должна быть Москва. Кто действительно хочет работать — тот должен работать *там*. И притом в *красной армии* и особенно в войсках особого назначения (25 000 — 30 000). Это очень трудно и очень опасно, но *единственно реально*. Для этого необходимы кадры выдержанных и опытных *конспираторов*; иначе все будет вырезаться по мере сосредоточения. Правила конспирации существуют. Они не столько внешни, сколько *внутренни* (психологическое самообладание). Всякое дилетантство здесь пагубно. Из поколения старых революционеров этими навыками лучше всего владеют **Бурцев**²² и Савинков²³; можно было бы осторожно добыть от них эти правила.

5. Заговор должен *непрерывно* обладать **крупными денежными средствами** — ибо **повальная продажность есть один из итогов революционного разложения и нищенства**. Конспиративная организация *лучших* элементов не будет иметь успеха без подкупа *худших*. Все может зависеть от подкупа телеграфиста или часового. Достаточно вспомнить, как Наполеон²⁴ купил Талейрана²⁵ и Барраса²⁶.

6. Современная революция есть не только продукт интеллигентской беспочвенности и не только коллективное преступление революционных партий.

Она имеет свои исторические, органические корни в жизни масс; без этих корней — партии были бы бессиль-

ны; большевики укрепились на года только потому, что присосались к этим корням. Ликвидация революции должна идти к этим корням и от этих корней.

Подобно Смуте, Разиновщине и Пугачевщине, это есть бунт крестьянской массы против государственного и хозяйственного тягла; иными словами, это есть движение против крепостного уклада, *формально* отмененного Александром II, но пережившего свою отмену в *атмосфере* крестьянского *неравноправия* и *неравноземлевладения*. Крестьянство и теперь хотело земли и *равноправия*, причем ни формулировать этого, ни организовать этого — само *не могло, не может* и *не сможет*.

Прочно ликвидировать революцию можно, только дав крестьянам в каких-то *осязательных* формах «землю» и «гражданское равноправие».

7. Ликвидация революции требует овладения *психикой массы*. Для этого необходимо:

1) Окончательное провозглашение гражданского равенства (ликвидация *атмосферы* крепостного права).

2) Аграрная консолидация, не возвращающая механически дореволюционного распределения земли и, клеймя захват, предоставляющая крестьянству использовать известные «козыри» захватчика (ликвидация *атмосферы* крепостного *хозяйства*).

3) Искусное сочетание широкой амнистии с сосредоточенным и неуклонным искоренением (ликвидация *атмосферы* революционной *вины* и революционного *страха*).

4) Наличие импонирующей персональной воли с явно и бесспорно сверхклассовыми решениями (ликвидация *атмосферы* революционного многовластия, произвола и междуклассовой войны).

8. Одним из главных препятствий к перевороту является, конечно, осведомительная и ликвидационная деятельность Г. П. У.

Г. П. У. есть учреждение сложное. Помимо действительных коммунистов, там, по всем видимостям²⁷, работают и крайние правые (не только из охранного отделения), и, наверное, и агенты германцев. Генерал Комиссаров²⁸ работал у большевиков еще в Смольном монастыре. Очень опытные и осведомленные люди не раз указывали на то, что еще при Керенском, выходя в отставку, Ко-

миссаров получил повышенную пенсию голосами советских большевиков; что Басов²⁹, убивший Кокошкина³⁰ и Шингарева³¹, и Железняков³², разогнавший Учредительное собрание³³, — были его агентами. Деятельность его в Болгарии против Армии мотивировалась и с крайнего лева и с крайнего права³⁴. Я думаю, что он <со>стоит в связи с Людендорфом³⁵, и не исключено, что Троцкий и Уншлихт³⁶ (заместитель Дзержинского) знают об этом. В течение всех этих лет можно было наблюдать, как заведомые члены Союза Русского Народа³⁷ вызывающе действовали среди коммунистов, нередко демагогируя их налево. По документам охранных отделений, целый ряд большевиков состоял до революции их агентами; такой документ о Луначарском³⁸, например, был оглашен эсерами на процессе³⁹; коммунисты постановили: **признать, что он это делал по поручению партии.**

Не продажными среди большевиков можно было бы считать только Бухарина⁴⁰, Покровского⁴¹ и в известном смысле Ленина. Все циничны. Некоторые притом добродушны.

Все коммунисты спаяны друг с другом не столько жадностью и властолюбием (тут они конкуренты), сколько пролитой кровью, страхом расплаты и чувством обреченности. Многие из них дорого бы дали, чтобы унести ноги на собственную виллу «в Бразилию». Некоторые за одно прощение пойдут по стопам Фуше⁴² (от революционного террора к полицейской службе у Наполеона и Людовика XVIII⁴³).

Заместитель Ленина Каменев⁴⁴ (не военный), очень «правый» коммунист, лавирует, мечтает усидеть при «демократическом» режиме и вывести революцию на «средний исторический путь» (его собственные слова); он был бы способен на блок с Милюковым и промышленными республиканцами⁴⁵.

Очень трудно делать переворот *против* всех коммунистов; опаснее делать его с одной частью их (это искусные провокаторы). Сейчас у них раскол: правые (Троцкий, Каменев) хотят отступать и уступками добиться признания Европы; левые (Богданов⁴⁶, Бухарин) хотят катастрофического взрыва Германии. В ближайшем буду-

шем Европа собирается делать ставку на первых, застрашивая и покупая их, может быть, слегка кредитуя.

9. Нельзя сомневаться в их связи с германцами. Дело не только в начальном «золоте». Достаточно сказать, что передатчик этого «золота» Ганецкий-Фюрстенберг⁴⁷ все время замещает Чичерина⁴⁸ (товарищ министра иностранных дел). Один немецкий дипломат в России открыто говорил правым, что большевики «продажны». Из секретной переписки известно, что *немцы* настояли в Москве на отказе англичанину Уркварду⁴⁹ в концессии на Урале. Бывший немецкий канцлер Вирт⁵⁰ в июне этого года получил от Советской власти огромную лесную концессию на *ближнем* севере Европейской России (в полосе, *не* подлежащей концессированию; благодарность за договор в Рапалло?)⁵¹. В Берлине Министерство иностранных дел имеет любопытное влияние на советскую миссию. Душой всего является барон Мальцан⁵², очень видная фигура в Мин<истерстве> иност<ранных> дел; при всех социалистических министерствах он сохранял свой пост и все повышался; он очень правый, от него следует искать путей к Людендорфу. Людендорф, подготавливая из Баварии почти открыто переворот в Германии, получает деньги из Америки (много давал Форд⁵³).

Политику Германии, по-видимому, следует понимать так: Россия есть их предусмотренная добыча, из которой будет покрыта вся война и вся контрибуция; большевики будут сидеть, медленно рассасываясь под их, германцев, руководством. Всякому перевороту, не постановленному в Германии, немцы изо всех сил будут мешать; у них в Москве хорошая агентура и большая осведомленность во всех кругах.

10. По-видимому, во Франции постепенно начинают понимать, что кроме «Рурского фронта»⁵⁴ есть еще и «Московский»⁵⁵. В связи с этим стоит то, что в масонских организациях, и особенно во французских, вот уже год, как обнаруживается тяга к *консолидации русской революции*⁵⁶; по-видимому, там нашли, что «довольно», что пора кончать. Тому имеются доказательства⁵⁷.

Они понимают, что есть два пути: *убить* и *купить*. По-видимому, интервенции в Европе опасаются слиш-

ком многие: утомлены, разорены, всякому только до себя дело, мелкие государства боятся, что выход из европейского равновесия будет им опасен; крупные — не заинтересованы в восстановлении России, многие прямо заинтересованы в ее прострации, и все опасаются, что восстановленная Россия будет не их ориентации.

Вероятно, поэтому, что предпочтут *купить*: или открыто — ценою признания, или скрыто — *инсценированной* внутреннего переворота. Хуже всего была бы *частная* покупка вроде той, о которой, по-видимому, думает французский миллиардер (из нуворишей) Швос⁵⁸. Возможно, что попытаются открытый способ сочетать со скрытым.

Во всяком случае следует ожидать, что с окончанием Рурского сопротивления в течение ближайшего года борьба Франции и Германии поведется и на новом, «Московском» фронте. Невероятно, чтобы Германия легко уступила на этом фронте.

В этой связи вряд ли вероятно, что силы Русской Армии будут вовлечены в какой бы то ни было форме в интервенцию.

11. Тем более, что в Америке царит большой упадок интереса к России. «Ара»⁵⁹, кормившая голодающих в России и ликвидировавшаяся этой весной, — была *экономической разведкой* Гувера⁶⁰. Они всюду ездили, все исчисляли, все записывали и заносили на карту и, уехав, собираются спокойно выжидать подходящего момента для верного помещения денег. Активная воля, и притом резко тяготеющая направо, по-видимому, есть только у Форда⁶¹. Передают, между прочим, будто на него потрясающее впечатление произвели так называемые «Протоколы сионских мудрецов»⁶². Есть сведения, что Форд усиленно готовится к президентским выборам 1924 г. В швейцарских газетах открыто писали, что в связи с этим сократилась его субсидия Людендорфу.

12. Кажется несомненным, что в национальных интересах России — не иностранный переворот, а собственный, русский. Ему мешает главным образом страх перед расстрелом слева, *чувство вины, страх перед расправой справа, страх перед белыми*; и, конечно, переутомление

воли, выпущенность паров, развратная атмосфера после-революционной жизни, развинченная психика у всех, переживших революцию на месте. Из всех факторов бороться можно только со *страхом перед белыми*; это тем легче, что побороть этот страх надо сначала не в массе, а в ядре, совершающем переворот, которое не может и не должно быть очень многочисленным и которое мечтает о перестраховке.

13. Невозможно надеяться на то, что какие-нибудь штатские эмигрантские организации сделают эту подготовку.

Эмиграция производит в общем тягостное впечатление. Здесь не изжиты все недуги старой общественности: это беспочвенное и безыдейное важничание, это осторожное нерискующее честолюбие, это сочетание выжидающей пассивности с максимальными претензиями, политиканствующая ложь, интрига, клевета; без Бога, без вдохновения и без хребта — эта толпа *боится* того, кто ее не боится, и ненавидит его, с тем чтобы ему покориться и чтобы после изъявления покорности — интриговать против него. После революции, погубившей русский национальный центр (престол), все это — от бывшего министра до бывшего студента — болеет худшим видом бонапартизма: бессознательным честолюбием *непризванных* политиканов — хочет фигурировать, председательствовать, говорить «от лица», принимать «резолуции», играть роль, лоя пылинки власти и создавая в этой ловле суетливую толчею на месте. Эта болезнь была отчасти задавлена и отчасти субординирована большевиками в России, вследствие отсутствия свобод; она до сих пор неизбежна в эмиграции. **От нее свободен только дух белой Армии.**

Правые круги эмиграции могут исцелиться от этой болезни скорей, если воля диктатора или Государя будет достаточно сильна для того, чтобы поглотить их жаждущую субординации волю и в то же время отсечь их интриганство. Левые круги эмиграции (начиная от промышленника-республиканца и кончая матерыми эсерами) не имеют шансов исцелиться от нее. Чем более он скомпрометирован в революции, тем невозможнее ему успокоиться в любви к родине и Царю; *ему* есть только

пути *налево*, и поэтому он будет всю жизнь доказывать, что для родины спасительны только левые пути.

14. К активной деятельности в России левые способны более правых: у них есть конспиративные навыки, связи, вкус к подполью. Однако и они не идут дальше отдельных выходов (вроде посылки Керенским своего представителя в восставший Кронштадт) или интриг и авантур (вроде деятельности в Болгарии). Левые (подобно чехословацкому или польскому правительству), в сущности, *боятся* переворота и резкого кризиса, мечтая о постепенности лизиса⁶³. Они *единокровны* с большевиками, но коммунисты честно и грубо сделали все те гадости, о которых другие левые только мечтали и болтали, не смея. Именно поэтому они переворота не готовят и не сделают, как не посмеют убить никого из советских главарей. От Милюкова и Гессена — это соучастники единого дела; и когда Милюков говорит, что «будущее в России принадлежит только тем, кто скомпрометировал себя в революции», то он открыто выговаривает свое соучастничество.

К активной деятельности в России правые способны еще менее. Связи у них с Россией крайне слабы и случайны. Людей с крепкой и бесстрашной волею среди монархистов очень мало; людей с конспиративным умением нет вовсе, хотя «отчаянные головы» среди молодежи имеются. Монархисты марковского толка⁶⁴ готовятся грубо и демагогично возглавить в России назревающую стихию отчаяния, злобы и антисемитизма. Планомерно работать не умеют и не собираются, денег не имеют. К риску способна только группа «Белого Креста»⁶⁵, стоящая правее Высшего Монархического Совета и имеющая в лице «молодого» Павлова⁶⁶ (бывший моряк, даровит, но неумен, легкомыслен, очень самоуверен и развинчен) влияние на Маркова, потягивающее его вправо.

Атмосфера Высшего Монархического Совета — есть атмосфера Маркова. Он силен волею и темпераментом, грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна; очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобоязнью; в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не

вождь и не строитель, а трибун и демагог с черным блеском в зрачке. Если возникнет русский фашизм, то не от него⁶⁷. Его правая рука — Тальберг⁶⁸ — такой же во всем, но только в полроста, правее и более энергичен искусною интригою.

15. Из опасных и вредных единичных властолюбцев заслуживают внимания только Милюков, Савинков и Красин⁶⁹.

Милюков — не герой, а человек толпы. Его воля — упрямство, его ум — хитрящая середина, его идея — расчет, его принцип — компромисс. Он глубоко безрелигиозен и безыдеен; идею он всегда презирал. Его политика всегда состояла в том, чтобы сложить параллелограмм сил в направлении к *своей личной* власти и оказаться во главе равнодействующей этого «блока». Он *не* ненавидит Россию, но за ним стоит более умный и ненавидящий Россию крепко — М. М. Винавер⁷⁰. Милюков тянет к республике с ним самим во главе; пойдет во *всякую* республиканскую комбинацию, быстро согласится работать вместе с победившим диктатором и немедленно поведет против него тайную интригу. Оба, наверное, масоны⁷¹.

Савинков — авантюрист по крови, конспиратор по призванию, властолюбец по страсти, ассасин⁷² по специальности. Он храбр, аморален и садистичен. Договаривающийся с ним должен искать убийц за *своей* спиной и готовить убийц для него. По-видимому, переворота не готовит, выжидая выгодной конъюнктуры, но свою организацию кое-как поддерживает.

Красин, о диктатуре которого охотно мечтают сменовеховцы и запачкавшиеся в большевизме, сам характеризует себя как авантюрист<a>. Старый большевик еще с 1903 г., он *очень* расчетлив и вполне беспринципен. Во время войны, состоя одним из директоров у Сименса⁷³, отстаивал в России интересы немцев; к большевикам примкнул не сразу; очень разбогател; наверное, связан с масонскими организациями левого толка, но имеет нити и в правые ложи. Вряд ли способен сам произвести переворот, но в масонские комбинации и в промышленную интервенцию войдет наверное⁷⁴.

16. Полезны перевороту могли бы быть евреи, если бы сумели обеспечить себе гарантию от предстоящей рас-

правы. Нащупывая почву для этого, они выдвинули прошлой зимой «покаянную группу патриотов» (Пасманик, Бикерман⁷⁵, Ландау⁷⁶, Мандель⁷⁷), ловко провоцировавшую правых на публичные выступления; эта группа, «защищающая» белую Армию, пользуется известным, хотя совершенно необоснованным доверием у некоторых почтенных общественных деятелей (например, у П. Б. Струве) и в лице Бикермана вела даже переговоры с Высшим Монархическим Советом (для контрразведки)⁷⁸.

Пока этой гарантии нет, евреи будут всемерно враждебны перевороту и денег не дадут. Их кошельки и сейчас немедленно закрываются, как только среди нуждающихся нет достаточного процента евреев. В России антисемитизм разлит действительно в воздухе, и возможно, что советская власть вынуждена будет с этим считаться.

17. Особое место занимают сейчас русские масонские ложи. Сложившись заново после революции и получив признание заграничного масонства, русские ложи работают *против большевиков и против династии*.

Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации. Переворота изнутри сами не готовят, но могут быть полезны и вредны. Они по-прежнему говорят об «идеях» и по-прежнему их главная задача — конспиративная организация своей элиты, своего тайно-главенствующего масонского «дворянства», которое *не* связано ни с религией, ни с политической догмой, ни <с> политической формой правления («все хорошо, если руководится нашей элитой»)⁷⁹.

18. Таким образом, активного центра, организующего переворот в России, за границей, по-видимому, нет. Возникновение его среди русских маловероятно. Он может возникнуть или в Германии, если к власти пройдет Людендорф, или во Франции, если в министерстве Пуанкаре⁸⁰ возобладают люди, понимающие опасность германомосковского фронта. Такая ситуация может сложиться, по-видимому, еще в течение этой зимы.

6

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 29 ноября 1923 г.⁸¹
№ к/2697 Сремски Карловцы, 29 ноября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Прочитал присланную мне через А. А. Лампе записку с большим интересом. Это глубокий и блестящий анализ современного положения. Большинство высказанных Вами мыслей я вполне разделяю. С особым интересом остановился на Ваших оценках отдельных деятелей, особенно советских. Я был бы вообще очень благодарен, если бы Вы со мной и впредь делились Вашим осведомлением и взглядами. Это принесло бы пользу для дела. Мне очень дорого то, что Вы, пробыв столько времени в советской России отрезанным от нашего движения, сохранили крепкую с ним духовную связь и понимание его значения. Вы, впрочем, всегда значились в числе верных друзей Армии.

Мне было радостно узнать из газет о Вашей речи на собрании, устроенном в годовщину Армии, смысл которой Вы так хорошо очертили в докладе⁸². Многозначительность сказанного Вами выступает даже в газетном отчете.

Отвечаю я так поздно не по своей вине: Вашу записку я получил только на днях.

Примите сердечную признательность и дружеские приветствия искренно уважающего Вас и преданного.

П. Врангель.

7

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
<Ноябрь — декабрь 1923 г.>⁸³

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Я получил Галлиполийскую Книгу⁸⁴ и благодарю Вас за надпись на ней. Галлиполийцы и их Вожди будут мне всегда дороги как живой символ моей чудесной родины, символ, в котором правда и честь стали мечом и силою...

Да хранит Вас Господь!

И. Ильин.

8

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 24 июля 1924 г.⁸⁵

№ к/3325 Сремски Карловцы, 24 июля 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Год тому назад я послал Вам книгу «Русские в Галлиполи», теперь прошу принять ее дополнение — новый труд «Казачи на Чаталдже и на Лемносе», книгу, изданную Донской Исторической Комиссией совместно со штабом Донского корпуса⁸⁶.

Вам как другу и спутнику Армии, оказавшему ей на чужбине ценную нравственную поддержку, я посылаю этот труд.

В нем найдете бесхитростный правдивый рассказ о всем пережитом и пережитом нашими доблестными защитниками родины на чужой земле, одинокими, оставленными многими недавними друзьями, гонимыми недругами.

Примите эту книгу как искреннюю благодарность мою и моих соратников за ваше сочувствие и помощь нам в нашем правом деле.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и искренней преданности.

П. Врангель.

9

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 4 октября 1924 г.⁸⁷

Сан-Ремо. 1924.X.4

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Спасибо Вам на добром слове. Моя духовная связь с белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказывал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии.

В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) «О сопротивлении злу». Она посвящена искоренению всякого

«непротивленчества» и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философический трактат, написанный в предуказанном мною самим духе («на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику»); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с посвящением: «Русской белой Армии и ее вождям». Считаю правильным испросить предварительно Ваше *согласие* на это.

Еще кое-что о последних событиях, волнующих нашу эмиграцию. Появившийся манифест Вел<икого> Кн<язя> Кирилла не был для меня полной неожиданностью⁸⁸. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за Вел<иким> Кн<язем> Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 г. конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у Вел<икого> Кн<язя> (он и не знал о ней!), причем приобретающий концерн рассчитывает, что Вел<иконому> Кн<язю> должно очиститься⁸⁹ от этой продажи около 150 мил<лионов> франков золотом. Сведение было абсолютно точное; реализация была очень вероятна. В связи с этим можно было ожидать большей активности. Расчеты у масонов могут быть двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на престол слабого, неумного и, главное, каптированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на престол нельзя было бы и выдумать и что внутренние шансы Вел<икого> Кн<язя> мне представляются крайне малыми. Не говоря уже о большой России, которая республиканствует по трем основаниям: 1) из вкуса к самоуправству, 2) из желания укрепить награбленное, 3) из чувства вины и страха; но и монархическая Россия на местах не знает Вел<икого> Кн<язя>, не тянется к нему и, главное, *совсем и не думает о нем*. Принципы строгого легитимизма (если допустить, что они *в пользу* Вел<икого> Кн<язя>) имеют природу юридическую, а не психологическую; они решают вопрос формального права, а не вопрос любви, силы, победы и прочности. К со-

жалению, вокруг Вел<икого> Кн<язя> стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающих так: «вопрос трона есть вопрос денег и хлеба» (эту фразу я лично слышал). Может быть, Наполеон был более прав, когда говорил: — «L'opinion publique est une puissance invisible, mystérieuse, à laquelle rien ne résiste; rien n'est plus mobile, plus vague et plus fort; et toute capricieuse qu'elle est, elle est cependant vraie, raisonnable, juste, beaucoup plus souvent qu'on ne pense»⁹⁰. И добавлял пояснение: «C'était ains qu'à la restauration, en s'y prenant mal, on était venu à bout de rendre les régicides populaires, eux que la masse de la nation proscrivait un instant auparavant»⁹¹. Существенно, как отзовется на этот манифест Совет Династии.

Другой вопрос — Савинков. Еще этой зимою я отговаривал добрых знакомых, чтобы не вязались с ним. Корнилов был предан не только дураком и полуподлецом Керенским, а и не дураком и совершенным подлецом Савинковым⁹². И должен признаться, что я с самого начала несколько не верил в противобольшевистскую активность этого большевистского кузена⁹³. После известий о его новом шаге я запросил о нем его доброго знакомого Федора Августовича Степуна⁹⁴. Степун — обрусевший немец; а потом и поднемеценный русак; большую войну был на фронте, слегка эсерствовал и пораженчествовал; в 1917 г. был помощником Савинкова по политическому комиссарству при армии; в 1922 г. выслан большевиками из России за то, что публично на театральном диспуте заявил, что они «дьяволы». Он публицист, полуфилософ, работает и сейчас с эсерами. Вот что он мне ответил: «...В конце концов Савинкова от большевиков, за исключением его физиологического антисемитизма, ничего не отделяет. Демократом он никогда не был и с демократами психологически никогда ничего общего не имел. Демагог, поклонник диктатуры и человек, всю жизнь веривший только в маску и силу, он, в конце концов, перейдя на сторону большевиков, остался только верен самому себе. Меня без конца возмущает почти все, что сейчас пишут о нем демократические и социалистические газеты. Все хором утверждают, что он стал предателем и оказался подлецом; все, тайно или явно, дают понять, что он, в сущности, *всегда*

был тем, чем оказался, и никто не ставит себе вопроса, кем же были те, кто им всегда пользовался, и что скверного в том, что им в конце концов воспользовались и большевики. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но главное все же не в этом; главное в том, что он по крайней мере на четыреста лет запоздал рождением и что он психологически и стилистически ни в какой мере и степени не русский человек. Он итальянец эпохи Возрождения: человек в плаще, с кинжалом за спиной и с латинской цитатой на устах. Он никогда не интересовался политикой, никогда ничего не понимал в структуре современной жизни и всегда очень слабо разбирался в людях, чему доказательство — комиссарверх Филоненко⁹⁵. Накануне большевистского переворота он упорно утверждал, и я ничего не мог с ним сделать что слева ничего нет, кроме галлюцинаций Керенского, что вся опасность — справа (это несмотря на фантастически быстрый провал Корниловского движения). А почему? Только потому, что он не мог себе представить, что в мире может быть нечто, чего нет в его душе, чего он не любит, чего ему не хочется уничтожить, убить (любить и уничтожить было в его душе всегда одним и тем же чувством, мы с ним об этом как-то очень подробно говорили). Может быть, из всей его борьбы против большевиков (имею здесь в виду борьбу террористическую) ничего не вышло потому, что они не были для него соблазнительны и пленительны, как жертвы. Я глубоко уверен, что к своим жертвам эпохи царского режима он относился положительно-таки со страстью, с любовным пристрастием. Что он будет сейчас делать у большевиков, я не вижу. Его речь, конечно, сплошная ложь. Крестьянами и рабочими он никогда не интересовался. Если бы он даже искренно думал, что весь простой русский народ действительно признает большевиков, это ни на секунду не могло бы быть для него причиной признания советской власти. Я провел с ним в ежедневном общении первые шесть-семь месяцев революции — и абсолютно убежден, что простой русский народ был для него, как участник революции, так же противен и неприемлем, как дворник в нарядной спальне его любовницы. Если он пошел к большевикам не только от тоски своей бесславной заброшенности и не только ради новых переживаний укротителя,

входящего в клетку со львами (что большевики его помиловали — ничего не значит; они могут его завтра же расстрелять, и напрасно эмигрантские психологи представляют себе его жизнь в России очень уютной), а с некоторой определенной мыслью, то, конечно, с расчетом на роль Наполеона, которому должна достаться победа во внутрипартийной большевистской борьбе. Что из этого ничего не выйдет, я абсолютно убежден. Мне кажется, что я хорошо знаю и верно чувствую Савинкова. Он человек большой, но насмерть раненный беспредметной фантастикой и стилистической пошлинкой. Любит черный фрак и гайдуков перед дверью своего таинственного кабинета. Я сейчас очень занят выяснением себе дела Корнилова. Я боюсь, что Савинков сыграл в нем роковую роль»... etc.

Из этого письма видится и Савинков, и Степун. Комментарии излишни. Философов⁹⁶, друживший с Савинковым, всегда был человеком неумным, сентиментальным, но честным. Он Савинкова искренно идеализировал. Ему, да и *всем*, о ком Савинков что-либо знал, необходимо *погасить все* дела, известные Савинкову, и начать *все* сначала: *предаст*; и если не сразу, то по мере собственной надобности, доказывая свою лояльность большевикам. Для этого он, конечно, выдал не все за раз. — Письмо Степуна сообщаю конфиденциально.

На этом кончаю. Желая Вам здоровья и верю, что Господь Вас хранит.

Нездоровье помешало мне в июне быть у Вас в Карловцах лично. Я страдаю катаром легкого, от времени до времени обостряющимся и делающим меня полуинвалидом. Я очень жалел об этом по многим основаниям. Многого же и не напишешь.

Искренно преданный И. Ильин.

Адрес: Italia. Liguria. San Remo. Villa Zirio.

Савинков понимает в конспирации и сыске. Он *наверное* будет там работать по *политическому сыску*, с тем чтобы губить противобольшевистские и в то же время *ему лично* неудобные непокорные организации и начинания. Он знает технику дореволюционной охранки и провокации. Бороться с ним будет *крайне* трудно. Доверяться ему *крайне* неразумно. Если бы его настигла там кара французской контрразведки, которая перед ним в долгу, то это было бы лучшим исходом.

10

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 12 октября 1924 г.*⁹⁷
№ к/3428 Сремски Карловцы, 12 октября 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Я получил Ваше письмо от 4 октября и спешу Вас уведомить, что не вижу препятствий, а, напротив, буду рад, если Вы Вашу новую работу выпустите с предложенным посвящением. Все, что Вы сообщаете, чрезвычайно интересно, и я очень жалею, что так редко имею от Вас непосредственные сведения. Время не упрощает, а все усложняет положение Армии. Всякое событие, всякий чужой опрометчивый шаг, в пределах ли международной политики, в балканских ли недоразумениях или в наших русских делах, обращается роковым образом в угрозу для целостности нашей организации. Только заложенные в нее начала жизни, необходимые России, дают ей возможность оберегать себя от развала и без особых тревог ожидать дальнейших затруднений, которые нам готовит неизменно будущее.

С большим интересом прочел Ваше письмо. Приведенная в нем характеристика Савинкова очень тонкая. Может быть в ней ключ к разгадке поступков этого человека. В последние годы лица, подчиненные командованию, насколько известно, мало-мальски серьезных деловых отношений к нему не имели, а раньше в редких случаях соприкосновения с ним проявляли осторожность. В кругах Армии он вообще не пользовался доверием. Он, вероятно, это чувствовал.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю набраться сил и здоровья.

П. Врангель.

11

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 31 декабря 1924 г.*⁹⁸

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Только теперь дошло до меня Ваше письмо от 24 июля сего года, сопровождавшее книгу «Казачи на Чаталдже и на Лемносе», а самая книга и доселе еще лежит в Берлине, и я еще не видел ее. Но в данный момент для меня

дело не в сроке, а в потребности выразить Вам мою горячую благодарность за память и за присылку мне этой новой героической и мученической страницы русской национальной истории. Я живу на свете с религиозным убеждением, что настоящая правда, не кривая полуправда, победит. А сроки Господь всегда утаивает...

Грустно мне было, что Ваш приезд в Берлин⁹⁹ совпал с моим вынужденным отсутствием! Уж эти мне расстояния... Надеюсь кое-что высказать письменно в непродолжительном времени. Я часто думал о Вас, когда писал мою статью для Галлиполийского сборника¹⁰⁰.

С Новым Годом! О, если бы это был последний на чужбине!

Искренно преданный Вам И. Ильин.

1924. XII. 31. Меран.

В адресе, который прислан мне Николаем Михайловичем¹⁰¹, не обозначен *город*. Это затрудняет. Может быть, он пришлет мне название города в дополнение.

12

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 8 января 1925 года¹⁰²
№ к/3597 Сремски Карловцы, 8 января 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Получил Ваше письмо от 31 декабря. Сердечно благодарю за поздравление, память и внимание. Со своей стороны, поздравляю Вас с праздником Рождества и наступающим Новым Годом и шлю Вам свои наилучшие пожелания. Дай Бог, чтобы этот год был бы действительно последней каплей в переполненной чаше страданий русских людей.

Очень сожалею, что нам не удалось повидаться в Берлине. Посещение Берлина и общение с тамошними общественно-политическими кругами дало мне большое нравственное удовлетворение¹⁰³.

Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель.

**И. А. Ильин. Сводка «О положении» Май 1925 г.¹⁰⁴
О положении.**

1. Положение национальной и честной эмиграции в Германии и, в частности, в Берлине представляется в настоящее время весьма трудным в политическом отношении. Эта трудность обуславливается, с одной стороны, ее политически-беспочвенным и международно-щекотливым положением; с другой стороны, острым сознанием того, насколько важно овладение местным политическим плацдармом, энергично оспариваемым со стороны беспринципных кругов Кобургского претендента¹⁰⁵.

2. Руководящие круги национальной эмиграции в Германии отнюдь не причисляют себя к так называемой «германской ориентации». Они вполне свободны от всяких идиллических и сентиментальных подходов к делу, не считают, что «все спасение в Германии», и хорошо понимают и оценивают все национально-эгоистическое поведение Германии. И тем не менее они отдают себе отчет в том наличном параллелизме и даже значительном совпадении государственных интересов национальной России и национальной Германии, — совпадении, которое заставляет их предусматривать и готовить другие возможности.

3. В отличие от своих нечестных конкурентов, национальные честные круги ведут беседу с германскими кругами в тоне независимом, патриотически-достойном и выдержанном. Ни о каких «обещаниях» или «обязательствах» нет и речи. Обсуждается возможный и наличный состав державных интересов и вытекающие из этого перспективы. Это имеет свои преимущества (большая серьезность, большее уважение), но и свои слабые стороны (большая отвлеченность, теоретичность, академичность).

4. Политическая беспочвенность национальных кругов состоит в их государственной неуполномоченности и отсутствии единой, сплоченной организации.

Все беседы остаются беседами частных лиц. Если это дипломатия — то дипломатия дилетантская, ведомая не-

умело и кустарно. Если это политика, то политика любительская, не защищающаяся никаким волеизъявлением. Второстепенные лица беседуют со второстепенными лицами, причем обычно обе стороны сами являются и создают себя как людей будущего.

5. Обстоятельство, что во всех этих беседах не участвует никто из лиц, имеющих сколько-нибудь закрепленное полномочие говорить от лица В<еликого> К<нязя>¹⁰⁶ (если таковые лица вообще существуют), придает этим разговорам вполне частный характер. Понятно, что приватный характер бесед не содействует их продуктивности.

6. Международно-щекотливое положение русской национальной эмиграции в этих беседах определяется целым рядом факторов и соображений:

а) необходимостью учитывать *абсолютную* противоположность интересов России и III интернационала и *относительную* совместимость III интернационала и западноевропейских держав;

б) крайней обостренностью отношений и взаимной подозрительностью, царящей между центральными державами и державами согласия¹⁰⁷;

в) болезненным и беспочвенным разбродом, господствующим в русской политически невоспитанной эмиграции.

7. В частности, по пункту «а»:

Доселе имеются в Германии круги, пытающиеся торговать или концессионировать в советской России; они уверяют (Шлезингер¹⁰⁸), что эволюция большевиков в ходу, что заводы восстанавливаются, что вывоз и ввоз возможны и что в международной революции большевики неповинны (взрыв в Болгарии; ставка на Троцкого). Доселе имеются в Германии круги, готовые показывать советскую Россию Польше и Франции в виде устрашающего китайского дракона, посылать III интернационалу военных и морских инструкторов и симулировать культурное сближение (чествование Каменева в Osteuropa¹⁰⁹).

8. По пункту «б»:

История обыска и клеветнических фельетонов в газетах достаточно показывает, какая подозрительность царит

в отношении ко всему и ко всем в Германии (напр<имер>, о «жалованье, идущем из Франции»)¹¹⁰. К этому необходимо добавить необычайную неудобоподвижность, тяжеловесность, инертность немецкой психологии, в общем после войны стихийно тянущейся к сближению с Россией, но все еще плохо разбирающейся в возможных и желательных формах этого сближения: ни с кем сближаться в России, ни *для чего*, ни *как* — они себе не представляют. Иногда говорят о колонизации, иногда о массовом вливании немецкой интеллигенции, иногда о вывозе сырья и ввозе фабрикатов, изредка о возможном совместном реванше.

Это «дружелюбие» к неизвестной и неопределенной России вполне совмещается и уживается с подозрительностью к русским эмигрантам; а эта подозрительность уживается и совмещается с беспомощно-подслеповатым желанием беседовать с эмигрантами о будущем.

9. По пункту «б»:

Разброд и разложение среди русской эмиграции и ее политическая невоспитанность особенно вредны в этом деле. Политическая страстность ее довершает собою всю картину; можно подумать, что люди боятся куда-то не попасть, что-то упустить, остаться за флагом; появляются люди, которые хотят иметь заручку везде и всему потакают, и другие, которые во что бы то ни стало хотят фигурировать, вести, учить, первенствовать, председательствовать.

К политической работе, к осторожности, к конспирации, дипломатии почти все совершенно неспособны. Все друг через друга связаны и все болтают: все про других, а многие — и все про самих себя (вплоть для уголовных деяний и замыслов).

Группы: кирил<л>истов, В<ысший> м<онархический> с<овет>¹¹¹, еврейская и масонская ведут непрерывную интриганскую работу; первые не чуждаются криминалов и подделок, вторые — ложных нашептов и разжигания страстей инсинуациями, третьи — действуют захватом организаций и печати, четвертые, наиболее слабые, — преуспевают только в неискренности говоримого.

Зловредным является прежнее военное деление на международные ориентации: глупые и карьеристически

настроенные люди доселе пылают «франкофильством» и «германофильством», взаимно считая себя врагами, шепчась друг про друга между собою и с туземными друзьями и донося друг на друга из города в город.

К этому присоединяется наличность порочных организаций окончательно павших людей, где кириллисты, большевики, туземная разведка и полная продажность образуют отвратительную амальгаму, чреватую всевозможными, непредвидимыми преступлениями.

10. Особого внимания заслуживает деятельность кириллистов.

Эти люди состоят из трех категорий:

I. Восторженные юноши и женщины, страдающие недержанием монархического чувства и политическим слабоумием;

II. Честные, но тупые люди, рабы прямолинейности и формального аргумента, политически близорукие служаки;

III. Порочные, хитрые интриганы, делающие на сем карьере и не останавливающиеся ни перед какими средствами.

Первые две группы являются «стадом», третья группа состоит из «пастырей».

Эти «пастыри» суть люди, бывшие беспринципными реакционерами еще до революции; это люди — классового интереса, крайней озлобленности и мнимого, черносотенно-крикливого патриотизма. Они предают в сплетнях и брошюрах (Снесарев¹¹²) своего претендента, поносят русский народ, жаждут кому-то отомстить и все «вернуть». Их лозунги: идти хоть с чертом и не останавливаться ни перед какими средствами. Дух революции окончательно разложил их слабое правосознание: чувство чести и порядочности им совсем несвойственно, криминал их не останавливает, бесстыдная ложь и клевета их обычное оружие. Они враждебны *всем* русским, кто не с ними и не берет у них заручки; они разговаривают с немцами, как их лакеи, рабы или шпионы. Их план для России: договориться с Г. П. У., произвести из него переворот, амнистировать коммунистов, переокрасить их в опричников и вырезать всех несогласных.

11. При таком положении дел работа в Германии для национальных кругов является весьма затруднительной: с

одной стороны, массовое глухое недоверие к В<еликому> К<нязю>, заставляющее дружелюбно относящихся германцев «не советовать» открыто упоминать и подчеркивать его имя (и обратно: доверие к кобургской ветви). С другой стороны — местопребывание В<еликого> К<нязя>, из которого для здешнего ума следуют совершенно «непререкаемые выводы». С третьей стороны, неопределенное и загадочное молчание В<еликого> К<нязя>, которое было бы *силой* при отсутствии кобургской партии и которое при ее наличности учитывается отрицательно.

14

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 8 августа 1925 г.*¹¹³
№ к/1318 Сремски Карловцы, 8 августа 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,
Глубоко благодарю Вас за присланную Вашу книгу «О сопротивлении злу силой».

Книга эта произвела на меня сильное впечатление не только теми мыслями, которые Вы выразили в ней и которые нам, участникам борьбы с величайшим в мире злом, так близки и понятны, но и своей исключительной своевременностью.

Многие, духовно утомленные тяжкими годами изгнания, теряют веру в нравственную необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности «насилия», которое они начинают усматривать в активном противодействии злу.

Ваша книга откроет им глаза.

Нам же, взявшим на себя всю тяжесть ответственности за поднятый меч во имя высшей Правды, книга Ваша даст новые силы для тяжелого подвига.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку.

П. Врангель.

15

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 15 октября 1925 г.*¹¹⁴

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Вероятно, Вам попалась в Возрождении моя статья «Нечестные споры»¹¹⁵, направленная против лживой и

клеветнической полемики левой печати¹¹⁶. Среди откликов на эту статью, появившихся там и сям, я не мог не обратить внимание на передовицу Дней, которую при сем прилагаю¹¹⁷. Вероятно, ее писал сам Керенский.

Здесь, насколько я знаю, он впервые дает утверждение о русской государственной казне, о том, что он ее не крал и что чехословацкие legionеры тоже ее не раскрадывали. Правду он говорит или нет, мне неизвестно. И для меня акцент лежит на другом. Здесь он ссылается на протокол № 8 Совета объединенных офицерских обществ в С. Х. С.¹¹⁸ и приводит из него выдержку, в коей его, Керенского, обвиняют в похищении русских государственных денег. Об этой выдержке мне хотелось бы сказать два слова.

Если эта выдержка верна и приведена неискаженно (я склонен считаться и с обратной возможностью!), и в действительности такой документ был передан правительству С. Х. С. — то я опасаясь, что у авторов этого документа не было доказательств в пользу высказываемого обвинения. Одних подозрений и слухов тут недостаточно. Я не хочу сказать, что считаю Керенского рыцарем честности; но думаю, что нельзя рассуждать так: «кто мог бросить армию, будучи в звании Главковерха, тот мог и украсть, а если *мог* украсть, так, значит, и украл...»

Если же у авторов этого документа действительно *нет* данных для обвинения Керенского в воровстве, то я считаю, что им не следовало выдвигать его. Ведь это действительно может оказаться *исторической неправдой*, и никакое духовно-моральное *правдоподобие* (презренность Керенского) не изменит тогда в этом ничего.

Если с нашей стороны будут выдвигаться такие недоказательные и (пока) недоказуемые обвинения, то мы будем давать этим повод для неприятных контрударов («сами клеветаете», «сами имеете казенные деньги» etc.).

И ведь в самом деле — как обвинить без данных? И как требовать честности в спорах, если сами зарываемся? Я считаю Павла Милюкова типичным политическим прохвостом; но денег... казенных... он, может быть, и не крал!..

Все эти соображения мне хотелось бы изложить Вам в виде материала для каких-нибудь возможных директив

«вполголоса». Поднимать же брошенную Керенским перчатку не буду. Я считаю правильным писать *мимо* людишек даже тогда, когда приходится этих людишек сечь. Ибо нужны *поступки* и *слова*, *равносильные поступкам*, а не перебранкам. И не раскапывание мелочей, и не шипение о личностях. Да и много чести им было бы — упоминать всерьез их фамилии перед большими вопросами; я и так восемь лет морщусь от того, что русская история так неудачно и безвкусно уснастилась именами этих, истинно ничтожных пакостников.

Не посетуйте на меня за доuku, но мне казалось правильным изложить Вам все это.

Постоянно скорблю о невозможности увидеться с Вами лично и договориться обо многом.

Особенно существенным представляется мне в настоящее время вопрос об «ордене»¹¹⁹, поднятый в печати В. Х. Даватцем; я доселе избегаю говорить о нем публично потому, что не знаю Вашего личного взгляда на него и считаю, что неосторожное появление какого бы то ни было разнобоя здесь было бы вредным и нежелательным. Очень прошу Вас, напишите мне о сем, хотя бы совсем кратко; двигать этот вопрос или загасить, и если двигать, в каких пределах и условиях.

Искренно преданный И. Ильин

Адрес (до ноября):

Italia. Firenze. Via del Presto St.Martino 7. Pensione Fiorenza. С ноября — в Берлине на А. А. фон Лампе.

16

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 23 октября 1925 г.¹²⁰
№ 1984/с Сремски Карловцы, 23 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Сердечное Вам спасибо за доброе письмо Ваше от 15 октября. Я лишь из него узнал о документе, упоминаемом в газете «Дни», вырезка которой приложена к Вашему письму. «Советы офицерских обществ» в тех странах, где рассредоточены части Армии, носят характер учреждений местных; их постановления и протоколы доходят до меня лишь *post factum*. По существу же вопроса совершенно согласен с Вами. Я о Керенском не высокого

мнения, однако не располагаю данными считать его воров, а пользоваться в споре и борьбе «недоказательными и недоказуемыми» обвинениями считаю нецелесообразным и обнаружением слабости обвинителя.

Что касается «ордена», о котором Вы пишете, то профессор Даватц, образно выражаясь, ломится в открытые двери. Рыцарский орден — это та самая Армия, к которой он принадлежит сам, те десятки тысяч русских офицеров и солдат, которые, копая шахты и дробя камень на мостовых, продолжают на чужбине творить то же дело, которое творили в дни борьбы на Родной земле, — отстаивать честь Родины, предпочитая унижение, невзгоды и нужду — позору склонить голову перед красным интернационалом. Я это неизменно твержу моим соратникам, и сознание, что их беспросветное существование не напрасно, что в самих их лишениях таится высокая цель, дает им силы продолжать борьбу.

Вот почему так дорого им всякое теплое слово участия, признание подвигов этих страдальцев долга. Среди тех, чье теплое слово особенно ценится, Вы один из первых, за что от имени моих соратников низкий Вам поклон.

Пока кончаю. Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель.

17

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 14 декабря 1925 г.*¹²¹

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Пишу Вам под живым впечатлением прилагаемой вырезки из Возрождения¹²².

То, что мы понимали и чувствовали тогда, сидя в Москве, — ныне открыто выболтали коммунисты. Я переношусь невольно к событиям 1920 г. и вижу, что с тех пор на всех европейских событиях лежат отсветы Крымской борьбы и что могучая фигура русского Главнокомандующего незримо и благотельно присутствует у того стола, за которым решаются судьбы европейских государств. Я знаю, с каким прогнозом уезжали Вы из Константинополя в Крым и какое почти трагическое бремя Вы поднимали. Знаю также, что только меньшин-

ство людей умеет ценить незримый героизм внутренних решений и утешается тем, что среди ученых-историков всегда находились люди из состава этого меньшинства. И только иногда, в минуту малодушия, скорблю о том, что Россия слишком часто и самоотверженно спасала западноевропейских Терситов¹²³.

Но все это, повторяю, мы понимали именно так уже пять лет назад. Храни же Вас, Господь!

Теперь деловое. Мне кажется, что было бы очень существенно, если бы к периоду Заруб<ежного> съезда в Париже могли бы оказаться В. Х. <Даватц>, Н. Н. <Чебышев>, Н. Н. <Шебеко>, В. В. <Шульгин> и отсюда А. А. <фон Лампе> и я. П. Б. <Струве> будет там, и, может быть, наши совещания могли бы оказаться более действенными, чем «зарубежные пленумы»¹²⁴. Вероятно, я буду выб<ран> от здешней колонии, и, вероятно, средства на поездку будут даны. Я пишу о том же и В. Х. <Даватцу>; А. А. <фон Лампе> разделяет мое мнение. Неужели же денежные обстоятельства могли бы помешать этому *давно уже необходимому* конвенту белых? Нам надо было бы обсудить *все* и еще многое. Совсем реальное.

В декабрьскую книжку Гал<липолийского> Вестн<ика>¹²⁵ послал статью. Надеюсь, она попадется Вам на глаза.

Ваш, искренно Вам преданный

И. И<льин>.

Какая законченность, верность, политическая безошибочность и чистота стиля имеется в этом многолетнем, выдержанном сремском отшельничестве и молчании!

И как хотелось бы мне побывать у Вас!

Адрес мой имеется у В. Х. <Даватца>.

18

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 21 декабря 1925 г.*¹²⁶

№ 2015/с Сремски Карловцы, 21 декабря 1925 г.

Его Прев<осходитель>ству

И. А. Ильину

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Глубоко растроган Вашим письмом. На душе сейчас особенно тяжело, кругом безволие, соглашательство, личные дрязги, словоблудие. Ваши проникновенные,

полные веры в святость нашего дела слова особенно дороги. Армия сейчас стала на ноги. Она приняла иные формы бытия применительно к новым условиям жизни, она собственным трудом обеспечивает свое существование¹²⁷. С совершенным убеждением я могу сказать, что полностью выполнил данное моим соратникам, при оставлении родной земли, обещание «не оставлять их, пока все они не станут на ноги». Но если я имею нравственное право с удовлетворением смотреть на прошлое и быть спокойным за настоящее, то будущее не может не вызывать тревоги. Сохранится ли в повседневной будничной серой жизни беженства тот священный огонь, который зажегся на полях Кубани, горел в Крыму и не потух еще в изгнании?..

Вот почему я горячо приветствую Вашу мысль сплотить друзей Армии, тех, кто учитывает ее значение и понимает ее нравственную силу, на съезде, который должен явиться выразителем мысли и чаяний национально мыслящих русских зарубежных кругов. Хочу верить, что тот священный огонь, который сохранила Армия, передастся другим, пробудит действенность, зажжет веру.

В. Х. Даватц занят сейчас новым трудом, который выйдет под названием «Годы»¹²⁸, он явится как бы продолжением «Русской армии на чужбине»¹²⁹. Даватц просил разрешения пользоваться моими архивами. Большая осведомленность автора и близость его к самой жизни Армии должны сделать труд весьма интересным; он читал мне некоторые главы, они мне понравились.

Не теряю надежды в ближайшем будущем при поездке моей на запад повидаться с Вами.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Врангель.

Р. С. Что касается Алексея Александровича, то он как один из начальников отделов Русского общевойскового союза участвовать на съезде не может¹³⁰.

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 14 августа 1926 г.*¹³¹
1926, VIII. 14

Дорогой Петр Николаевич!

Не удивляйтесь карандашу. Пишу лежа, с температурой, вот уже десять дней меня мучает нарыв. Дело в газете. После всестороннего обдумывания и совещания мы с А. А. <фон Лампе> пришли к выводу, что стряпать газету в Берлине *немыслимо*¹³².

1. Подписка в Германии будет ничтожна (Руль держится евреями). Подписка во Франции — тоже (Возрождение). Чехия тоже на Возрождении. И если бы мы даже и собрали каких-нибудь подписчиков через год, то *денежно* погибли бы гораздо раньше.

2. Печатание в Берлине очень дорого, не только сравнительно с Францией, но и с Сербией. Даватц пишет, что на Новое Время им нужно *в месяц* всего 1000 нем<ецких> марок. На эту сумму газета в Берлине существует лишь неделю. Это значит, что нужны такие суммы и притом *в чистый расход*, которых нам *немыслимо добыть*.

3. Посему целесообразнее поддержать Новое Время. Как? На Берлинском горизонте для этого мог бы быть использован только Фальцфейн¹³³. Но не правильнее ли подготовить его и использовать для дальнейших номеров Белого Дела¹³⁴? При трех книгах в год — если бы он дал на *две* книги — то это много и крепко. Однако и к этому его надо было бы *подготовить*.

Эмиграция в Германии обнищала. С этим фактом нельзя не считаться!

Таково положение дел. Боюсь, что нажим на Ф<альц>-Ф<ейна> в смысле газеты расхолодит его *на вообще и на совсем*. Вы знаете эту психологию: «Дай 25 рублей!» — «На, бери». А «дай 1000 рублей!» — «Пшел к черту!»

Вот этого-то я и опасуюсь. По 25 рублей дает, может быть, 10 раз, а по 1000 рублей — и гривенник не отпустит.

Трудно писать лежа.

Одобрели ли Вы мой фельетон¹³⁵ о книге В. Х.¹³⁶ <Даватца>? Крепко ли? Подействует ли? Редакция не

изменила ни слова и поместила немедленно и без разговоров.

Фельетон о «грозной любви»¹³⁷ внутренне посвящен *Вам лично*. Не помечено открыто, чтобы не дразнить гусей и не ставить точки над *i*. Это мои впечатления, выведенные из Зеона¹³⁸.

А фотография¹³⁹ Зеонская вышла так себе. Особенно не удался задний ряд мужчин.

Когда Вы изволите переезжать в Брюссель¹⁴⁰? На конец октября меня зовут в Брюссель читать русскую лекцию. Я согласился.

Наталия Николаевна и я шлем Вам самый глубокий привет.

Ваш Белый.

Неприменно надо, чтобы коммунисты сейчас *крепче* перегрызлись в России!

Адрес: Italia. Venezia Tridentina. Cortina d'Ampezzo. Ferma in Posta.

20

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 21 августа 1926 г.*¹⁴¹
Сремски Карловцы, 21 августа 1926 г.

Дорогой Иван Александрович,

Спасибо за доброе письмо Ваше от 14 августа.

Вы совершенно правы — все возможности, которые могли бы встретиться со стороны Ф<альц>-Ф<ейна>, следует использовать на «Белое Дело». Всякая просьба помощи на второстепенное, не исключая «Нового Времени», могла бы лишь ослабить возможность получения поддержки на главное — «Белое Дело».

Вашу статью о «Годах» читал. Прекрасно. К сожалению, попытки втянуть Армию в политику, при попустительстве свыше, не ослабевают.

Пишу всего два слова, так как в связи со скорым отъездом много работы.

Прошу передать мой сердечный привет Наталии Николаевне.

Желаю Вам скорого выздоровления и крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Врангель.

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 22 февраля 1927 г.¹⁴²
1927. II. 22*

Дорогой Петр Николаевич!

Давно уже имею потребность написать Вам. Но теперь, предвидя возможность устной беседы, пишу только об одном деле.

Мы с Наталией Николаевной читали пятый том¹⁴³. Прочли его с чувством тяжелого отвращения. Аналогичное отвращение вызывает книжка Керенского¹⁴⁴ о конфликте с Л. Г. Корниловым; сходство не только в самодовольстве и неправдивости автора, но еще и в волевых и духовных размерах его. Керенский совсем не злодей, а маленький человек; отсюда истерические толчки вместо самозабвенного напора, мелодекламация в трагический час и низкие поступки вместо государственного величия. Если вычесть истерику и затушевать, смягчить все прочее, то налицо дух «деникинщины». Я бы так это и выразил: деникинщина есть керенщина внутри белого движения.

Именно при чтении этого пятого тома мы остро чувствовали, как должен был переживать это все на месте полководец иного размера и уклада. Еще в Москве мы читали книжку Дрейера¹⁴⁵, и тогда еще линия Деникина и Ваша линия были ясны и не вызывали двух мнений. Кованость, сдержанность и властная оформленность Ваших рапортов и писем говорила сама за себя. Белая борьба нуждалась в орлином глазе и крыле, а размер деникинской пернатости был, увы, иной. Воля вождя есть нечто совсем иное, чем дисциплина порядочного дивизионного командира, как бы сильно он ни уверовал в свое водительское дарование.

А ныне... Книгою личною, озлобленною, пристрастною и неправдивою — он выдал себе аттестат, который и станет его историческим паспортом. Документ «бывшего человека»; неудачника, не сумевшего превратить свою неудачу в источник познания; человека, не разглядевшего из своей мелкой и мнимой «правоты» своих немелких и немнимых слабостей. Адвокат собственного прошлого и завистливый зоил чужого будущего, он, по-

видимому, никогда не осязал душою того величия, которое присуще неоправдывающемуся историческому деятелю, и того отталкивающего впечатления, которое производит мемуарное очернение своих сотрудников. Мы доселе бережно обходили его *падение*, называя его «крушением дела»; он ныне сделал все для того, чтобы мы не сомневались в том, что крушение дела было обусловлено его личным падением. Пятый том не только завершил его работу, но поставил точку на нем самом. Смоется ли, сотрется ли она? Вряд ли... Эта книга писана плебеем, который не справился со своим рангом. Наделал дел; пледировал¹⁴⁶ за свои дела; пытался свою малость свалить на кривизну других; вынес себе приговор.

Особенно тягостное впечатление производит его рассказ о Вашем возвращении с Кавказа, причем поданная Вами записка оказывается (в следующей главе) пророчески точною; а также то обстоятельство, что у него не хватает ни ума, ни мужества для того, чтобы привести *целиком* Ваши обличительные письма к нему и *целиком* с ними посчитаться... Нет, цитаты вырываются, перетолковываются, обесмысливаются... и впечатление литературно-исторической передержки налицо...

Помните у Пушкина:

Что пылких душ неосторожность,
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорблять, или смешить...
Что ум любя, простор теснить...¹⁴⁷

Вот это и есть книга «из подполья», рожденная самолюбием, которое не сумело разобраться в ничтожности своих обид. Вот и все.

Был только что в Мюнхене, где имел весьма ответственное выступление в присутствии замкнутой аудитории и кронпринца (т. е., в сущности, короля баварского)¹⁴⁸. Впечатление расскажу лично.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам привет. Мы оба радуемся, что скоро увидим Вас.

Ваш душою Б<елый>.

22

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 22 февраля 1927 г.¹⁴⁹
Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Я осведомлен лучше других об атмосфере, царящей в душе и в семье барона К<еппена>, и потому так затревожился по поводу всего проекта, возникшего в мое отсутствие. Сведения мои не подлежат сомнению, потому что они почерпнуты из самого первоисточника. Это человек добрый и по натуре порядочный, но безвольный, давно уже стоящий под давлением двух руководящих Веэмэсовцев¹⁵⁰, успевших испортить и извратить в нем всю систему политических оценок. Он состоит членом ихнего «союза верных», и они на основании соответственной партийной *присяги*, снабженной запугивающими *угрозами*, владеют им; для надзора же они устроили к нему соотв<етствующую> даму, которая крепко держит его в руках ежедневными свиданиями. Этой осенью у них останавливался и жил целый месяц крикун от правой стенки, организуя «Тихониаду»; эту линию вся семья ведет очень *упорно* и *фанатически*, и теперь еще следуя партийным инструкциям¹⁵¹; и мне становится в тягость бывать у них хотя бы раз в два месяца. Отношение хозяина дома к приглашаемому гостю и его делам мне тоже известно, как никому: оно совершенно отрицательное — и в смысле лица, и в смысле предмета занятий. В руках волевого-черного — безвольное-беловатое крепко почернело. Мотивом приглашения я считаю — тщеславие, доброту, любопытство, потребность побелить свою репутацию; возможность чисто партийных побуждений отнюдь не считаю исключенною¹⁵².

Этот листок прошу Вас немедленно уничтожить. О другом пишу отдельно.

Ваш Б<елый>.

23

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 25 февраля 1927 г.¹⁵³
Брюссель, 25 февраля 1927 г.

Дорогой Иван Александрович,

Оба Ваши письма получил. Если бы у меня и были сомнения касательно возможности воспользоваться гос-

теприимством барона К<еппена>, то после Вашего письма они, конечно бы, отпали¹⁵⁴.

У том Очерков русской смуты я оценил совершенно так же, как Наталия Николаевна и Вы. Мне кажется, что такое впечатление должен вынести всякий беспристрастный читатель. Вот почему я отговаривал некоторых из моих соратников печатно указывать на лживость ряда положений и приводимых автором фактов. Вы правы, генерал Деникин показал себя мелким заурядным «плебеем». Недаром покойный генерал Алексеев как-то выразился, что «у него душа писаря»¹⁵⁵.

Удивляться приходится не генералу Деникину, который дал лишь то, что и можно было от него ожидать, а тем, которые, оценивая его самого и его труд по достоинству, продолжают делать из него героя. Не далее, как на днях, читал о прочувственной речи П. Б. Струве на состоявшемся в Париже под председательством генерала Деникина собрании Первопроходников¹⁵⁶.

Если мои предположения удастся осуществить, буду душевно рад Вас повидать.

Прошу передать мой сердечный привет Наталии Николаевне.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Врангель.

24

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю <Июль 1927 г.>¹⁵⁷
Дорогой Петр Николаевич!

Завтра уезжаем наконец на юг; оттуда пришлю Вам адрес. Здесь пришлось поработать и много раз «позавтракать». Невесело в общем. Упрямый брюнет¹⁵⁸ стряпает по-прежнему и, по-видимому, будет стряпать и впредь¹⁵⁹. Все мои намерения по отношению к нему были пресечены П. Н. <Шатиловым>¹⁶⁰, с которым я виделся не раз и беседовал в самых дружественных комбинациях; говорит¹⁶¹ «не нужно»; я подчинился. Здешних дружек начал всем, чем мог. Господ говорунов закупоривал всеми средствами. По главному моему плану¹⁶² дело движется удачно и успешно. Удалось добиться полного и бурного сочувствия со стороны престарелого дипломатуса дредно-

тикуса¹⁶³; это *очень* важно. Островитянина¹⁶⁴ ждут сюда скоро; с ним списался А. И. <Гучков>, который все и подготовил на сентябрь¹⁶⁵. Я же подготовлю моего приятеля¹⁶⁶.

Редакция разлагается; редактора ан шефа¹⁶⁷ медленно, но верно выпирают окопную войною¹⁶⁸. Он утомлен, сопротивляется пассивно, в лоб не бьет, флангов не обходит; вяло огрызаясь, теряет позицию за позицией. Я не раз говорил с ним: и об упрямом брюнете, и о статьях Ш<ульгина>¹⁶⁹ (я их читал). Удивительно: в тот момент, когда его аргументы разбиты и он смущенно умолкает, — Вы чувствуете с особенной силой, что он все-таки поступит по-своему... К сожалению, сам Ш<ульгин> на юге и видеться с ним не удалось.

В общем — болото. От прежней русской государственности остались одни чехлы. Люди перешли их на паруса, паруса привязали к корытам и вяло ждут, чтобы попутный ветер надул эти чехольно-чахнувшие паруса. И уж матросов подговаривают; а матросы стараются наняться сразу корыт на 5 — на 6, а то и больше; чтобы потом всех надуть или в последний момент примазаться на лодку с мотором. Безвольные комбинации в среде комбинирующего безволия. Огня нет, а варить хочется. Река образовала тридцать три дельты и разлилась в болото. Знаете, по-чешски «скорый поезд» = «рыхлый влак»; так вот здешние рыхлые влаки напрасно думают превратиться однажды в скорые поезда...

С радостью уезжаем отсюда! Буду строить мое очередное дело, писать и организовывать. С радостью и уверенностью думаю о Вашем обещании¹⁷⁰. Драгоценно было бы иметь это для *начала же*, сразу. Тогда я должен был бы получить обещанное к пятому августа. Мне предносится такое: «За что мы боролись». От двадцати тысяч до двадцати пяти тысяч букв (считая каждое пустое место в строке тоже за букву). Тон может быть и ведущий, и мемуарный. Во всем полная свобода вдохновению.

Передайте от нас обоим самый лучший привет Ольге Михайловне¹⁷¹ и Наталии Михайловне¹⁷². Мы всегда с глубоким и всесторонним удовлетворением вспоминаем дни, проведенные у Вас.

Душевно Ваш Белый.

Посылаю Вам «Солнце Мертвых» Шмелева¹⁷³, яко дар.

25

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 26 июля 1927 г.¹⁷⁴
1927. VII. 26.

Дорогой Петр Николаевич!

Я очень, очень надеюсь на Вашу статью; и притом в первый же номер¹⁷⁵. Может быть, именно так: «За что мы боролись»...

И в этом — полный простор Вашей интуиции, Вашему усмотрению, всякому пришедшему и неотвергнутому Вашему слову. Пусть это прочтут и здесь, и там. Это вроде «декларации»...

Я только боюсь, что Вы начнете себя критиковать. Ради Бога, не делайте этого. Доверьтесь перу и, далее, моей заботе о том, чтобы все было наилучше.

Если хотите, то в Вашем распоряжении страниц 10, 12, 14 — по 2100 букв. Но я связан сроком и потому усердно прошу Вас — пришлите мне написанное сюда числу к 8 — 9 августа! Надо непременно в первый номер!

Мы устроились здесь неважно, но все же я отдыхаю от столичных впечатлений. Без воли и без идеи нет воздуха на свете, нечем дышать! О, эта «жизни мышья беготня»... И никогда не привыкнешь к этому...

Душевно Ваш Белый

Получили ли мое письмо и книгу Шмелева?

Ад<рес>: France. Haute Savoie. Grand Bornand. Hôtel Milhomme.

Очень прошу Н. М. Котляревского прислать мне адрес гр<афа> Апраксина¹⁷⁶.

26

П. Н. Врангель — И. А. Ильину 29 июля 1927 г.¹⁷⁷
Брюссель, 29 июля 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович, Оба письма Ваши получил. Получил и книжку, за которую приношу Вам большую благодарность, прочел ее с особым удовольствием. Прекрасная вещь.

Не сетуйте на меня. Как горячо я ни желал бы исполнить Вашу просьбу, но не в силах это сделать. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пи-

рожник». Литератор из меня выйдет плохой. Доброта Натальи Николаевны и Ваша <является> причиной переоценки моих сил.

Одновременно с первым Вашим письмом получил письма Н. Н. <Чебышева> и П. Н. <Шатилова>, оба пишут, что отговорили Вас действовать, боясь того, что скажут, что я Вас «начинил». Я этого не боюсь, ибо не скрываю моего отношения к преступной игре жизнями тех, кто нам доверился. Если хотите, я боюсь другого — возможности упрека, что я недостаточно открыто мое это отношение высказываю. Интрига есть не определенное действие, а образ действий. Идя прямо, открытым путем к цели, я чист. Идя к той же цели скрытыми, окольными путями, я становлюсь на пагубный путь интриги. Вот почему я сожалею, что не имею возможности во всеулышание заклеить преступную игру. Не могу, ибо ударом по А. П. <Кутепову> наносу удар по В<еликому> К<нязю>. Проклятый заколдованный круг.

Очень надеюсь, что на обратном пути Вы остановитесь в Брюсселе. Прошу Наталью Николаевну и Вас принять мой сердечный привет.

Ваш П. Врангель.

27

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 10 сентября 1927 г.¹⁷⁸
Дорогой Петр Николаевич!

Мы здесь хорошо повидались и поговорили с Н. М. <Котляревским>, который передаст Вам это письмо. Я работаю все это время как одержимый. Первая книжка выйдет около 15 сент<ября>. Вторая уже сложилась. На горизонте появилась третья¹⁷⁹. Ваше написание принял в порядке подчинения... Дальнейшее разрешите по пунктам.

1. Посылаю Вам выписку «правил»¹⁸⁰. Часть из них переработана для первой книжки и напечатана в ней (в более зрелом виде). Обе редакции нуждаются в той расширительной и технической разработке, о которой мы с Вами говорили.

2. О Возрождении. Я осведомил Н. М. <Котляревского> о всем подробно; он Вам расскажет. Газета стремительно катится вниз, заполняется масонами (Лу-

каш, «Атаман Кречет», Бобринский, Левин¹⁸¹, Питирим Сорокин, Фальковский¹⁸² — член рдо¹⁸³), печатает интервью с социал-демократами-масонами (№ от 8 сент<ября>; беседа с Залкманом¹⁸⁴) etc. Через пару месяцев она будет непристойна. Замысел Семенова¹⁸⁵ и его группы — *не бранить белых, а демонстративно их похваливая* — тянуть *налево* в «демократию». Этот замысел был высказан Федоровым, Семеновым и Карташевым год тому назад, в июльско-августовской книжке Вестника Нац<ионального> Комитета. Мое мнение — что положение Н. Н. Ч<ебышева> будет становиться чем дальше — тем все фальшивее. Я писал ему ний¹⁸⁶. Струве был *выгнан* Гукасовым на условиях скандально-хамских¹⁸⁷; а Семенов — человек *маленький*, неумный, в политике близорукий и во всех отношениях фальшивый. Я писал Н. Н. Ч<ебышеву> — что когда газета «понадобится», то поддержка ее может оказаться фальшивой и компрометантной. Русская поговорка говорит: с собаками ляжешь — с блохами встанешь.

3. Посылаю Вам письмо, полученное мною из Польши. Н. М. <Котляревский> обещал переслать его назад.

4. Жители той страны, где я живу, начали проявлять по отношению к нам *новый тон*. Расспросите Н. М. <Котляревского>. Хотят каких-то конкретных разговоров¹⁸⁸. В этой связи мне *необходимо* видеться с Вами на обратном пути. Я поеду домой между 15 — 30 октября. Где Вы думаете быть в это время.

5. Расспросите Н. М. <Котляревского> о том, как движается моя стряпня с Гуч<ковым> и Б<урцевым>¹⁸⁹. Первый дела не делает и от дела не бегаёт. С<аблин> был месяц в Виши и он его упустил. Что я намерен делать дальше — Вам скажет Н. М. <Котляревский>.

6. Прилагаю вырезку из газеты Слово¹⁹⁰. Что я печатаю по этому вопросу у себя — Вам скажет Н. М. <Котляревский>.

Думаю через 10 дней уехать в Ниццу.

Целую ручки Ольги Михайловне и передаю ей привет от Наталии Николаевны.

Мы оба приветствуем Вас.

Искренно Вас любящий и чтущий Б<елый>.

1927. IX. 10.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 22 сентября 1927 г.*¹⁹¹

Париж, 22 сентября 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

Задержался с ответом на Ваше письмо, так как хотел предварительно повидать Н. М. <Котляревского> и услышать от него все то, что Вы просили его мне передать. Николая Михайловича задержала в Париже смерть его тещи, и я имел возможность повидать его лишь по приезде моем сюда.

С исключительным интересом прочел Вашу записку, которая, как и все, что выходит из-под Вашего пера, превосходна. Я решительно не могу ничего к ней добавить.

Вчера видел Н. Н. Чебышева, а завтра будет у меня П. Б. Струве. Только после беседы с обеими сторонами смогу составить определенное мнение. Пока же мне представляется, что обе стороны не совсем правы. Если опубликованные Петром Бернгардовичем Струве письма издателя Возрождения действительно возмутительны, то в статьях первого, сводящего личные счеты, отсутствует всякое личное достоинство. Во всяком случае я сделаю все, чтобы ни тот, ни другой орган не могли бы быть приняты за «официоз» Армии.

Сегодня был у меня Е. В. Саблин, который сейчас в Париже. Я высказал ему мое мнение, насколько желательно было бы установление им связи с русскими кругами армии в Германии, и встретил полное его этому сочувствие. Он уезжает в Лондон завтра. Он мне сказал, что уже вошел с Вами в письменную связь.

Я пробуду в Париже, вероятно, до 15 — 20 октября. Быть может, Вы меня еще здесь застанете.

Прошу передать мой сердечный привет Наталии Николаевне.

Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель.

Возвращаю Вам письмо Вашего корреспондента из Польши.

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю <Октябрь 1927 г.>¹⁹²

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Благодарю Вас за письмо; я получил его здесь, в Ницце. Первая книжка Русского Колокола вышла 22 сент<ября>, и я очень надеюсь, что она до Вас дошла. Очень дорожил бы Вашим хотя бы кратким отзывом, когда у Вас выберется минута времени. В книжке выстрадано, взвешено, отполировано каждое слово. За каждое напечатанное слово отвечаю я. И один Господь знает (да еще Наталия Николаевна), сколько в это вложено напряженного и ответственного труда. Я надеюсь, что Вы внутренне подкрепите и мою передовую о Колоколе, и «Нашу госуд<арственную> задачу», и статью «Старого Политика», перо которого Вы, может быть, не сразу узнаете по (нарочно) несколько урезанным когтям.

Я веду *трудную и одинокую* борьбу за Колокол. Магазины не хотят торговать им, требуя с нас ростовщических процентов (60% скидки); мы не можем их дать, потому что мы должны были бы тогда *крепко поднять* цену и обременить этим налогом нашего белого читателя. Поэтому весь наш расчет на создание нашего белого аппарата. Пав<ел> Ник<олаевич Шатиллов> уже дал нам связь в 14 местах Франции. Но четыре начальника групп совсем не ответили. Надо растить дело дальше. По-видимому, большую помощь мне хочет оказать С. Н. Палеолог¹⁹³. Но если было <бы> возможно, что РОВС и Галл<иполийский> Союз нас и впредь поддержали бы — то двинулось бы крепко. За *всякую* помощь я буду Вам бесконечно признателен.

В «России» Струве поместил формальную отписку в виде Дневника Политика; Вам, может быть, попало это мертвое писание. Он даже не отметил Правил конспирации, помещенных под заглавием Как хранить тайну.

Что сделает Возрождение — это будет зависеть от настойчивости Чебышева, которому я одновременно пишу. Рус<ский> Кол<окол> держит линию чисто белую и чисто деловую; он презирает все склоки и будет о них молчать. У нас есть стонущая Россия, дьявольский врач и

огромная ответственность за будущее. Но именно потому возможно, что печать будет нас замалчивать. Я думаю, что Чеб<ышев> учел бы Ваше суждение.

С грустью слежу за ложью Возр<ождения> по вопросам «новых судебных процессов» в России. С грустью отмечаю двуснастную и малодушную позицию «России» по этому вопросу. И, кажется, правда окажется сказанной только у Милюкова. Сердце рвется, когда думаешь обо всем этом. Мир гибнет не только от злодеев, но еще от кривизны, от непредметности личных людей¹⁹⁴.

Вчера я пережил бурный и тяжелый день. У Наталии Николаевны был неожиданный, острый сердечный припадок. Еле добыли врача, который вспырынул ей камфору и велел продолжать вспырыкиваться. Теперь ей несколько лучше. Но белым сердцам теперь все труднее жить на свете.

Храни Вас Господь и помоги он Вам на всех путях!
Ваш душевно, как всегда, — Белый.

30

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 13 октября 1927 г.*¹⁹⁵

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

Письмо Ваше получил и задержался ответом, т. к. все эти дни невероятно завален работой. Н. М. Котляревский по семейным своим делам должен был срочно выехать в Брюссель, и я всю обширную переписку веду один.

Русский Колокол прочел «от доски до доски». По выражению покойного А. В. Кривошеина¹⁹⁶ «мысли накручены» — в немногих словах сказано исключительно много. Мозг охвачен потоком ярких, огненных слов, слух потрясен набатом Вашего «Колокола». Боюсь только, что рядовой читатель не все осилит. Это единственное сомнение. В остальном прекрасно, как все, что выходит из-под Вашего пера. Когда рассчитываете быть здесь. Ваше присутствие в Париже сейчас было бы весьма полезно. Как здоровье Нат<алии> Ник<олаевны>. Шлю Вам обоим мой душевный привет.

Ваш П. Врангель.

31

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю 4 марта 1928 г.*¹⁹⁷
Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Позвольте мне обратиться к Вам с нижеследующей просьбой. Люди безыдейные и жадные сбили моего деньгодателя, положившего основание Русскому Колоколу; и его рука иссыкает. Надо кое-что добыть на следующие три книжки. Для этого мне было бы драгоценно иметь от Вас отзыв: Р<усскому> К<олоколу> строк в десять-пятнадцать, о его задаче, о значении и нужности его дальнейшего существования. Этот отзыв я отнюдь не напечатаю, но покажу доверительно тем немногим людям, на поддержку которых можно было бы рассчитывать.

Мы энергично работаем над распространением. Тираж третьей книжки стоит около 900 экземпляров. Дойдя до тиража в 1500 экз<емпляров> — мы вступим в состояние самокупаемости. Дело дошло уже до Парагвая. Хуже всего покупают в Париже: очень уж много вечеров и вечеринок...

А. А. <фон Лампе> рассказывал мне кое-что из своих впечатлений. Надо это культивировать. Но улита едет медленно; люди думают так, как если бы они булыжники перетирали; и кожа у носорога всегда отличалась значительной толщиной¹⁹⁸.

Душевно Ваш Б<елый>.
1928. III. 4.

32

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 6 марта 1928 г.*¹⁹⁹
6 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович.

На днях прочел третий номер «Русского Колокола». Вы делаете большое и полезное дело. Изгнанническое, серое существование, забота о хлебе насущном, повседневные мелочи жизни принижают дух. Наиболее слабые постепенно засасываются жизнью. Гаснет порыв. Набат Вашего «Колокола» неустанно напоминает, что борьба не

кончена, будит усталые души. Гибельному непротивленчеству он противопоставляет действенную, непримиримую борьбу со злом. Усталости и слабОВОЛИЮ — как законность стремления, неугасимую волю. Обывательской приспособленности и мелкодушную — порыв к жертвенному подвигу.

Да не умолкнет звон Вашего «Колокола» и да ширится и крепнет начатое Вами святое русское дело!

Ваш П. Врангель.

33

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину 7 марта 1928 г.*²⁰⁰
Брюссель, 7 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,
С особым удовольствием исполняю Ваше пожелание.
Письмо прилагаю.

Алексей Александрович <фон Лампе>, конечно, подробно ознакомил Вас с теми переговорами, которые мы здесь вели. Как я и предвидел, ничего реального, по крайней мере в ближайшее время, переговоры эти не дали. Цель их была лишь, по-видимому, выяснить возможность совместной работы, на случай ежели бы открылись для этой работы возможности. Вместе с тем я вынес очень хорошее впечатление от моего собеседника. По-видимому, и он остался беседой удовлетворен. Имевшие место переговоры могут иметь значение как закрепление некоторой связи, могущей оказаться полезной в будущем²⁰¹.

Передал для «Белого Дела» записки о борьбе на юге России²⁰². Я думаю, что опубликование их будет своевременным и полезно. Крым является совершенно обособленным этапом белой борьбы. Он ярко отличается от всего периода борьбы на юге России. Между тем одни сознательно, другие бессознательно этот период затушевывают. А все, что появлялось до настоящего времени о Крыме, кроме книги генерала Дрейера, весьма поверхностной, исходило из стана враждебного, освещало Крымский период заведомо предвзято: книги генерала Деникина, «Конец белых» Раковско-

го²⁰³, «Крымская эпопея» Валентинова²⁰⁴, «В Крыму при Врангеле» князя В. А. Оболенского²⁰⁵ и пр. Нет ни одного просто беспристрастного труда по этому периоду белой борьбы. Мои записки, не претендующие на полноту исторического исследования, но излагающие всю фактическую сторону Крымской борьбы, основанные на неоспоримых документах, дадут возможность беспристрастному читателю разобраться, впервые знакомят широкие круги с тем, что было сделано. Выпуская эти записки не самостоятельным изданием, а в журнале, посвященном собиранию документов о белой борьбе, подчеркивая в предисловии, что мои записки не притязают на значение исторического исследования, а являются лишь записью участника и свидетеля, я, мне кажется, в значительной мере отвожу могущие быть предъявленными к этим запискам обвинения в отношении содержания и изложения. В предисловии к моим запискам я подчеркиваю, что они являются описанием периода белой борьбы, борьбы, которая с отходом Армии на чужбину в иных формах продолжается и впредь. Я даю моему труду название *записки*, а не *воспоминания*, каковое наименование подразумевает что-то закончившееся.

Шлю Наталии Николаевне и Вам мой сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

П. Врангель.

34

И. А. Ильин — Н. М. Котляревскому

25 апреля 1928 г.²⁰⁶

Дорогой Николай Михайлович!

Мне только что сообщили о Вашей телеграмме. Ни ум, ни сердце, ни *вера в Бога* не принимают кончины Петра Николаевича... Впору взроптать!

Ради Бога, прежде всего, *до всего остального* удостоверьтесь, заставьте *врачей удостовериться*, что это не *летаргический сон*!!

Именно летаргический сон бывает *при сердечных нев-
розах*. Не хороните его *до трупных пятен*, до полной,
объективной несомненности, что это настоящая смерть.
Лучше отложить похороны на день, на два.

Подумайте только: в этом необычайном человеке *все*
было необычайно. Это *особое* строение *организма, души,*
инстинкта.

В смертной тоске обнимаю Вас братски.

1928. IV.25.

Ваш И. Ильин.

35

И. А. Ильин — О. М. Врангель <1>928.IV.27²⁰⁷

Глубокоуважаемая и дорогая Ольга Михайловна!

У меня нет слов, чтобы выразить то горе, то отчая-
ние, которым охвачена душа. Мы с Наталией Николаев-
ной трепетно ждали известий каждый день и непоколе-
бимо верили в выздоровление; мы и сейчас не можем
поверить, что *его нет*. Это мысль просто невыносима для
души. Что будет делать Россия без своего единственного,
призванного вождя?! Смотрю на людей, стекающихся на
панихиды²⁰⁸ — ходят²⁰⁹ призраки и даже не понимают,
что без *него* они исторический прах и политический му-
сор.

Ушел мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновен-
ный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помо-
гать. Страшно смотреть в надвигающуюся темноту.
Страшно за Россию. Куда ведет ее Господь? Зачем так
страшно²¹⁰ испытует?

Ольга Михайловна! Его память будет всегда священна
для меня. Ваше горе — мое горе. Всегда уверенно зовите
меня, как только я Вам понадобится.

Помоги Вам Господь!²¹¹

Душою и сердцем Ваш

И. А. Ильин.

ПИСЬМА к Н. Н. и К. П. КРАМАРЖАМ

1

Н. Н. Крамарж

<1927.V.15> 1

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за милое внимание и доброе отношение! Мне хотелось бы, чтобы Вы знали, что все дошло до моего сердца. Я умею ценить каждый отзвук, доходящий до меня от тех, к кому я духовно обращаюсь, и свидетельствующий о том, что я мучался и горел не зря...

Невольно мне пришлось войти во все или, вернее, во многие сложности русской колонии в Праге. На свете вообще не так много людей с сильным и прямым характером... А как они нужны! Какое счастье доверять человеку целиком! Т<о> е<сть> знать, что он не «силен, да зол», и не «благороден, да слаб», — а *силен* и *благороден*. Вот почему мне хочется сказать Вам, что я целиком доверяю 1) обоим Гриммам²: и Давиду Давидовичу, и Ивану Давидовичу, 2) Ник<олаю> Александр<овичу> Цурикову, 3) брату моему Василию Сергеевичу³. Я видел их всех в ответственном и трудном положении; знаю, как они ставят вопросы; и знаю, как они борются. Они и сами все друг другу доверяют целиком.

И вот мне показалось, что это сообщение мое может Вам для чего-нибудь пригодиться...

Вернулся очень утомленный; а отдохнуть нельзя — надо за работу. Уныло; погода скверная и так хочется тишины!

Смею ли я надеяться, что Вы меня не забудете и что нить между нами не порвется?

Передайте, пожалуйста, мой самый искренний привет Карелу Петровичу.

Целую Ваши ручки.

Ваш И. Ильин.

1927.V.15

Berlin-Wilmersdorf. Südwestkorso. 18. Parterre.

Н. Н. Крамарж

<1927.VI.2> 4

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Вы себе и представить, наверное, не можете, как меня тронула Ваша забота и весь Ваш замысел... Уж и не знаю, право, чем я мог их заслужить: я ведь привык к тому, что я делаю «то-то» и притом «так-то» — и главное, что я иначе *не могу*, как только так. И еще к тому я успел привыкнуть, что это мало кому нужно; что большинство приходит от этого в раздражение или беспокойство... Тем драгоценнее мне встретить такое живое и деятельное сочувствие, настоящее *русское* отношение (как я его вижу и разумею, — ведь это настолько по-русски, что если англичанин *так* поставит вопрос, или испанец, или грек, он поставит его именно *по-русски*) у Вас. Спасибо Вам за внимание и за этот подход русского сердца к моему трудному (прямо говорю!) и ответственному служению...

Но теперь, после того, что я уже получил от Вас в виде духовной ласки и утешения, я прошу у Вас еще одного, — чтобы Вы вчувствовались в мой путь и почувляли сердцем, что мне необходимо на несколько месяцев в году *полное одиночество*. Быть совсем одному — т<о> е<сть> мы вдвоем и Господь Бог над нами. Вроде того, как уходят анахореты в пустыню, которая сама по себе насыщена значительностью и неким обилием мудрой тишины. В этом уединении — находишь *себя*, свою идею и свое служение. Измеряешь их не одобрением и неодобрением человеческим, а Божьим грозным величием и Божьим благостным молчанием. Судишь себя большим мерилom и узнаешь свою скудость. Учишься смирению и от этого растешь. И набираешь силы для того, чтобы выносить и опасную сладость успеха (тщеславие!), и тягостную горечь поношения. Без этого уединения жизнь была бы безмерно тягостна и просто непосильна. И главный вред, который мне причинила революция, состоял именно в разгроме нашего маленького родового именица в Тульской губернии⁵, где я из года в год садился с 1 мая до 1 октября в колодезное уединение.

Это *духовно необходимо* — не быть на глазах ни у кого; тогда только начинаешь чувствовать себя на глазах у Бога и чувствуешь, как око Его смотрит на тебя и чего оно от тебя хочет. А *этим* летом мне особенно необходимо это созерцательное уединение по причине, о которой я надеюсь написать Вам доверительно в непродолжительном времени и о которой пока пусть ничего не будет сказано между нами.

Вот почему мы думаем ехать на лето на юг Франции: месяц просидеть где-нибудь в горах, а потом поближе к морю, а может быть, наконец и у самого моря. Все для легких моих и все для духа. Там, может быть, удастся найти новые и достаточно сильные слова для того, что всех нас мучает и зовет.

Мне важно и дорого знать, быть уверенным, что Вы поймете всю прямоту и искренность моего ответа на Ваше, полное доброты и внимания, приглашение. Мне важно и дорого знать, что Вы не воспримете это ни как прямую неблагодарность, ни как «неумение ценить доброе отношение». Верьте мне, что и ценить, и благодарность чувствовать я умею, и что мое чувство вполне разделяет и моя жена, Наталия Николаевна. Но, видно, *пока* не судьба...

Передайте Карелу Петровичу мой самый искренний привет и благодарность и позвольте мне надеяться, что то небольшое место, которое я как-то завоевал в Вашем сердце, сохранится за мною.

Целую Ваши ручки и надеюсь скоро напомнить Вам о себе.

Душевно Ваш

И. Ильин.

1927.VI.2.

3

Н. Н. Крамарж

<1927.VII.2> 6

Редакция журнала «Русский колокол»

Надежде Николаевне Крамарж

Per Adr: Praha. N. N. Kramarz.

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Приступая, согласно прилагаемому объявлению, к изданию журнала Русский Колокол и духовно дорожа на-

шим единомыслием, я убедительно прошу Вас оказать журналу возможную идейную поддержку, отозваться на его появление и сообщить мне со всею возможною прямою Ваше впечатление от имеющих выйти в свет первых книжек.

Искренно Ваш

И. А. Ильин.

1927.VII.2.

4

Н. Н. Крамарж

<1927.XII.1> ⁷

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Я все огорчился, что от Вас не было ни слова в виде отклика на мое детище (Русский Колокол № 1). Вам экземпляр был отправлен согласно подписке 24 сент. (книжка вышла 22-го). И вдруг получаю от брата Василия Сергеевича известие, что Вы *не* получили книжку (да еще сказано было «с укором»...). Немедленно распорядился, чтобы Вам выслали *заказною* бандеролью *и первую, и вторую* книжку (она вышла два дня назад). Надеюсь, что на этот раз все дойдет; по-видимому, в сентябре был записан недостаточный адрес и люди на почте этим воспользовались.

Напишите мне словечко о том, что книжки дошли. Если опять не дойдут, я pošлю Вам ценным пакетом; и главное, верьте мне, что эта досада совсем не объясняет-ся нашу неаккуратностью...

Очень хочу Вашего впечатления от книжек.

Журнал *идет*, и идет гораздо лучше, чем я мог надеяться. Неудовлетворительны итоги только по Чехии, несмотря на связи, и по Америке, где связи еще не найдены. Чехия и в частности Прага меня очень огорчает. Именно тут я надеялся на обратное. Заведует Н. А. Цуриков, но он, по-видимому, очень занят и активно не может вести дело. Я мечтал бы зимою приехать в Прагу и устроить «кружок друзей Русского Колокола», как уже устроено в Париже и в Берлине. Но удастся ли? Мне трудно устроить это отсюда.

Июль-ноябрь — я провел в неустанной и беспощадной работе. На меня легло не только редакционное дело,

но и дело создания повсюду сети распространителей. Не было ни одного дня отдыха... Надеюсь, что это дело не выпьет до конца мои силы; но чувствую себя очень, *очень* утомленным.

Наталия Николаевна просит передать Вам ее заочный привет. А я прошу Вас передать мой душевный привет Карелу Петровичу.

Целую Ваши ручки и крепко благодарю Вас за доброе отношение.

Ваш И. Ильин.

1927.XII.1. Пожалуйста, пришлите мне Ваш точный и полный адрес по-чешски!

Живем в пансионе, ищем квартиру; трудно!
Адр.: Berlin W. Lützow Str. 63. Pension Tonn.

5

Н. Н. Крамарж

<1928.IV.22> ⁸

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Если не к Вам, то к кому же? Я помню мое прошлогоднее пребывание в Праге и Ваше письмо... Нет, конечно, прежде всего — к Вам.

Вы знаете Русский Колокол. Мне надо рассказать Вам о нем подробнее.

В прошлом году, в мае, один добрый знакомый привел ко мне человека, только что (несколько месяцев перед тем) приехавшего из России. Он пробыл там с самого начала революции около девяти лет. Из московского купечества, не именитый, но известный⁹. Он рассказал мне многое о внутренней России; нашлись общие друзья. За последние два года он был спецем; объехал всю Россию — от Архангельска и Петербурга до Кавказа и Владивостока; всюду видел людей, отыскивал старые связи; беседовал доверительно. Сам — крепкого национального настроения. Уже здесь, в эмиграции, он перечитал много нашей литературы. Читал и мои вещи. Обнаружилось большое единомыслие, и он предложил мне создать журнал в качестве полновластного издателя и редактора. Он тут же обеспечил журнал на несколько книжек и на мое замечание, что «начать и бросить — значит повредить

идее и делу», он ответил, что «переговорил с друзьями и что они обещали ему поддержать дело и дальше». Его же состояние уцелело за границей; и он соглашался с самого начала считать выданные деньги — данными а *fond perdu*¹⁰.

С мая началось мое горение и кипение. Я поставил перед собою задачу — служить России и *только* России¹¹. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России — и сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России). В одиноком и сосредоточенном углублении вырабатывал я программу журнала, тон его, необходимые темы и списывался с сотрудниками. Это было как раз летом, когда я писал Вам о необходимости мне одиноко посидеть в колодце: надо было сверить замысел, силы, расчистить горизонты и отстояться.

Я предупреждал моего деньгодателя, что за создание журнала я берусь, но за торговлю *не* берусь — и по неопытности, и потому, что силы не хватит. Он считал это правильным и поручил это дело своему приятелю. Приятель его оказался бездельником и болтуном, и все дело распространения почти сразу легло на меня. Я не считал возможным уклониться. Но так как я видел пассивную инертность книжных складов и магазинов, то я выработал план создания особой организации идейных распространителей, над которой мы все время и работаем.

Ныне мой деньгодатель отходит: он разочаровался в эмиграции и прекращает субсидию. Но для меня журнал уже получил значение чего-то вроде судьбы и притом именно потому, что он *фактически встретил отклик* и пошел.

Что же нами достигнуто?

1) С издательской точки зрения. Мы имеем свыше *ста* распространителей во всех странах света. Число их непрерывно растет, потому что мы находим людей по принципу снежного кома — и списываемся, и рассылаем журнал. Неаккуратность представителей в смысле возврата денег — составляет ничтожный процент. Без рекомендации мы никого не приглашаем. Кроме книжных магазинов и складов — почти никто не берет положенного процента комиссионного; все продают со скидкой и распространяют идейно и бескорыстно.

Наш твердый тираж подходит к тысяче экземпляров. Этим мы *далеко превысили* тираж самых старых и распространенных эмигрантских *журналов*. Тираж я считаю — не по рассылке книжек, а по возврату денег за них.

Мы все время работаем над тем, чтобы держать на возможно низком уровне расходы и траты. Так, напр<имер>, редакционное помещение стоит нам 20 марок в месяц; склад — бесплатный; рассылка — даровая; типографские условия доведены до возможного снижения. Все гонорары держатся на уровне далеко ниже прожиточного минимума, лишь настолько, чтобы человек мог затратить необходимое время на необходимый труд.

2) Наше утешение — это отклики читателей. Не газет, ибо газеты часто *ревнуют*, партийно и лично завидуют и охотно замалчивают. Кое-что мы объединили из газетных отзывов на прилагаемом листке.

Но вот посылаю Вам *письменные* отзывы и отклики. Я посылаю их Вам доверительно. Там немало бодрящего и сильного.

3) Мы проникаем постепенно повсюду. На Дальний Восток, в лимитрофы¹², в Грецию, в Южную Америку. У нас есть подписчики в Африке, в Палестине; распространители — до Парагвая, Тегерана и Тянь-Цзина включительно. Целый ряд открытых и конспиративных организаций помогают нам и распространению и доставке «туда». 25 экземпляров каждой книжки покупает советская власть для своих библиотек. Даже еврейские книжные склады («Слово», «Москва» и др.) стали покупать на наличные.

Что же нам нужно?

Для того, чтобы продолжать работу, нам нужно 3.000 (три тысячи марок) *в полугодие*, считая, что мы по-прежнему будем выпускать *одну* книжку в *два* месяца. После всестороннего размышления я решил разделить эту сумму на шесть паев (по 500 марок, по 125 долларов) и искать шестерых друзей, которые могли бы обеспечить эти взносы на полугодия. Тот из друзей, кто мог бы и захотел бы — имел бы возможность внести и два, и три пая в состав необходимой суммы. Но каждый пай был бы

занесен в общий фонд для распределения впоследствии сумм от продажи журнала в России. Я с самого начала обдумывал книжки так, чтобы они *не* старели с течением времени; именно поэтому я отрываю их ото всего эмигрантски-злободневного, местного, не имеющего общего значения. Русский Колокол войдет благодаря этому в ту волну зарубежной печати, которая будет утолять *первый* голод *внутренней* России *после* *падения* *большевиков*; опытные еврей-типографщики не раз говорили мне об этом. Поэтому мы бережем наш склад и считаем его обеспечением вложенных денег — если не на 90%, то во всяком случае на 75%. По реализации склада выручка будет распределена между всеми деньгодателями, по количеству паев. *Моих* паев в этом деле нет совсем; я только юридический владелец; морально же *все* принадлежит моим деньгодателям. Я же имею в своем формальном праве — только обеспечение *духовной* *свободы* (авторской и редакторской).

Ну вот, я Вам все рассказал. Мы обеспечены сейчас до *первого* июня, т<о> е<сть> на пять книжек (четвертая уже вышла). С первого июня, к шестой книжке, начинается затруднение и безденежье.

Но у меня есть какая-то внутренняя, глубокая уверенность — я сказал бы почти *религиозная* уверенность, что Колокол делает *главное* *дело* и *верное* *дело* и что он не может погибнуть. Один из друзей, с которым я давно не виделся, спросил меня недавно: «Как можете Вы работать без запасного капитала?» Я ответил: «Наш запасной капитал — *вера* и *воля*»... Я не искал денег и ничего не выдумывал искусственно. Все пришло само. Мог ли я, *смел* ли я не взяться? Взявшись же, я не щадил ни сил, ни себя самого.

Посудите еще — в этой борьбе начатое мною (не по произволу, а по призванию) идейное и ответственное дело — мог ли я не подумать о Вас и не постучаться у Вашей двери?

Не браните же меня за доuku. Я знаю, что у Вас и без меня много забот и просьб. Я знаю это; и все-таки стучу.

Передайте Карелу Петровичу мое глубокое уважение и душевный привет. Целую Ваши ручки.

Душевно Ваш

И. Ильин.

1928.IV.22.

Адрес: Berlin — Grunewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

6

Н. Н. Крамарж

<1928.V.5> 13

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается;
Как нам дается благодать...

Тютчев¹⁴

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Мне трудно рассказать Вам, как я воспринял Ваше чудесное письмо. Достаточно сказать, что и я, и Наталия Николаевна были тронуты им до слез. Тут дело не только в отклике, а в тех *духовных интонациях*, в той постановке ответа, которую Вы нашли; и даже гораздо больше: у меня такое чувство, что Вы тут *ничего и не искали* — пришло само, созрело, трогательное, ласковое; бодрящее и легкое — ну, как солнечный луч...

Я никогда не мог себе представить, как живут другие люди, с такую легкостью «обращающиеся», «добывающие», «ведущие переговоры». Для меня самое *утомительное и морально мучительное* — это именно эта сторона. Я Вам писал уже, что я ничего не искал и не проектировал; у меня всегда душа полна всяких идейных замыслов и патриотических (не хочу сказать «политических») забот, и на «деловые» затеи — ничего не остается. *Ко мне* пришли и *мне* предложили; и я загорелся, как сухой хворост, — *новым оформлением* основных идей. Потом меня бросили на полдороге, когда начало было уже за спиной и бросать нельзя было. И вот — с чувством тяжелого отвращения, после 77 колебаний, понуждая себя волевыми усилиями, я вынужден был взять на себя и *эту* сторону дела, *третью* (считая, что первая — редакционно-творческая, вторая — распространительно-торговая). Иногда это совершенно переполняет мою чашу, и без того с трудом плывущую по нашему бурному и опасному морю.

Мне всегда кажется, что дело безнадежное и унизительное... Господи, как жизнь трудна и груба!

Но от Вашего письма мне легко и радостно, как если бы я писал другу-матери или другу-сестре... А ведь я *три месяца* откладывал письмо к Вам. *Каждая строчка* Вашего письма меня устроила и успокоила. А то, правда, бремя этого дела — иногда становится не в подъем: и бросить нельзя, и везти не могу.

Никто, кроме Наталии Николаевны, и не подозревает, какую работу я несу по «Колоколу». *Каждую статью (и чужую)* рожаешь *месяцами* в заботах, в мучительном *чувстве ответственности*, в отшлифовании формы. Меньше всего работы с И. И. Лаппо¹⁵ и с В. Ф. Гефдингом. Хотя последнего приходится нередко *месяцами* уговаривать, нажимая и понуждая. Но обо многом лучше рассказывать при личном свидании.

Я чувствую себя как-то *особенно* утомленным душевно за истекший год. Все как будто соединилось для того, чтобы крихтение мое стало похоже на стон. И кончина П. Н. Врангеля (которого я лично знал, любил и исключительно высоко ценил) — свалилась на нас особенно тягостным ударом. Я боюсь, что эмиграция *не* оправится от этого удара и многое, лучшее (армия!) — пойдет вниз, разлагаясь.

Летних планов у нас нет. Где-нибудь флигелек в три комнатки с недуманием о продовольствии казался бы сущим раем.

Наталия Николаевна шлет Вам душевный привет. А я много и долго целую Ваши руки.

Ваш душевно

И. И<льин>.

1928.V.5

Как жаль, что Вы не отозвались раньше на «Колокол»! Такие отклики — мое главное подспорье за последний год.

Передайте мой искренний привет и почтение Карелу Петровичу.

Berlin — Grunewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

<Приписка:> Письмо написано пятого мая; но вот я так замотан, что отправляю только седьмого!

Н. Н. Крамарж

<1928.V.29> 16

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

К моему величайшему сожалению, я чувствую себя настолько утомленным, что вынужден беречь силы, урезывая все *не* крайне необходимое... Одновременно я пишу брату Василию Сергеевичу просьбу погасить вопрос о моем приезде в Прагу в течение весеннего семестра. Мне безусловно необходим крепкий и длительный отдых, а к осени будет видно, нужен ли я еще нашей русской Праге и как лучше осуществить мой приезд. Май — июнь — время позднее, посещаемость лекций падает, всем не до того; а я — как выжатый лимон, осунувшийся и изможденный...

Когда-нибудь при личной встрече, не на людях, я расскажу Вам о моем впечатлении от Вашего предпоследнего письма. Его могла написать только русская женщина; я сохраню его — и если когда-нибудь *впоследствии*, когда нас не будет, будет печататься мой Nachlass¹⁷, то будет напечатано и оно с моими комментариями¹⁸.

Вы не представляете себе, как трудно пробивать стену эмигрантского утомления, безразличия или развлеченности. Тут нужен не только запас упорной воли, но еще и *бодрого оптимизма*, который меня покидает именно в периоды переутомления. Но и об этом и обо многом другом я расскажу Вам наедине, при личном свидании.

Пятая книжка готова и выйдет 1 июня, как раз ко дню культуры¹⁹. Вот Вам маленькая иллюстрация: последней «статьей» в ней идут «Живые слова Петра Великого»²⁰. Это не статья, а *его собственные слова*. Чтобы их собрать, выбрать из них и завершить — нужна была усидчивая *недельная* работа. Я отвечаю здесь за *каждое* слово; но — *неделя жизни!* Посмотрите, как рисуется в них и через них Петр!..

Наталия Николаевна шлет Вам душевный привет. Я целую Ваши ручки и остаюсь душевно Ваш

И. И<льин>.

Как встречают на юге К<арела> П<етровича>!...!

Весь июнь пробудем здесь. А дальше — неизвестно.

Я все аккуратно получил. Спасибо!!

1928. V. 29. С радостью констатирую, что тираж наш растет от номера к номеру — медленно, но неуклонно. А сколько еще не сделано! Здесь *всякое* даже самое маленькое содействие — дорого...

8

Н. Н. Крамарж

<1928.XII.28> 21

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Позвольте мне поздравить Вас и Карела Петровича с наступающим праздником Рождества Христова и новым годом. Хочется надеяться, что он в самом деле утешит нас чем-нибудь...

Я только что написал Василию Сергеевичу, что мои лекционные поездки приведут меня к концу февраля в ближайшее соседство с северной границей Чехии, а может быть, поведут и *за* нее; и что в этой связи соблазн доехать до Праги будет для меня очень велик. Я запросил его мнения и просил его решить вопрос, посоветоваться с Вами и написать мне.

Наталия Николаевна просит меня передать Вам свой заочный привет, а я целую Ваши ручки.

Душевно Вам преданный

И. Ильин.

1928.XII.28.

Berlin W. 62

Wormser Str. 4 III

9

Н. Н. Крамарж

<1929.II.9> 22

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Благодарю Вас за милое письмо. Но пробраться к Вам нелегко... Пишу одновременно Василию Сергеевичу, что, убив здесь два раза по полдня на хлопоты в чешском консульстве, получил ответ, что хлопоты надо начинать в Праге, в министерстве. Все допрашивали, какой такой доклад или лекцию я, согласно моему заявлению, пред-

полагаю читать в Праге, да кому, да о чем именно, да в каком помещении... И наконец дали такой совет. При этом справлялись в посольстве и рассердились, когда я *очень корректно* ответил им, что принимаю ответ их за отказ в визе и что уведомя о сем Прагу.

Прага — это конечно Вы и Василий Сергеевич! Надеюсь, не мало для того, чтобы заступиться за обиженного младенца?

В Прагу я собираюсь один и ненадолго. У меня здешние выступления назначены в разных городах: февраля 17, 18, 19, 21, 23, 24 и 28. На Прагу остается три дня. Приеду я один. Спасибо Вам за память о Наталии Николаевне, но везти ее сейчас с собою невозможно, уже потому, что я еду не прямо из Берлина и возвращаюсь не прямо в Берлин.

Когда я приеду в Прагу, то я попрошу Вас уделить мне часа два времени (когда Вам будет удобно) для личной беседы. Мне хочется многое Вам рассказать и разное обсудить.

Рус<ский> Кол<окол> справился со своими бедами и начинает опять выходить. Надеюсь, 7-я книжка будет у Вас вместе со мною. Попытаюсь ввести его жестко в пределы самоокупаемости и безрасходности. Удастся ли? Но и об этом расскажу Вам лично.

Антибольшевистское выступление чехов, за которым я чувствую и личность, и силу, и темперамент К<арела> П<етровича>, — произвело здесь очень большое впечатление. Но и об этом лично.

Передайте мой душевный привет Карелу Петровичу.

Целую Ваши ручки и остаюсь преданный Вам

И. И<льин>.

1929. II. 9.

10

Н. Н. Крамарж

<1929. II. 26> ²³

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

С тех пор, что я выслан, я не имел еще такой трудной, напряженной и утомительной зимы. Люди наконец начали просыпаться здесь и зашевелились; слагается и зреет с низов настоящее анти-коммунистическое движе-

ние, которое чревато большими последствиями. Моя первая обязанность, патриотическая, безотказная, — помочь, укрепить, раздуть огонь. Обстоятельства показали, что передо мною двери открылись настежь и что заменить меня некому. Просыпается один слой за другим; хотят знать правду и предрасположены к доверию. У меня за эту зиму бывали периоды, что я выступал и семь дней подряд (лекция длится два часа) и девять раз в десять дней. Я часто имею перед собою тысячи людей, безмолвно и неотрывно слушающие два часа подряд. Председатели нередко формулируют впечатление словами «Andacht», «geweihte Stunde»²⁴. Слушают и социалисты, и коммунисты, и беспартийные рабочие; прерывающих восклицаний или выкриков не бывает. Зато утомление мое бывает иногда *беспредельным*. А тут еще эти холода и повальный грипп, особенно в городе, где я живу.

При таких условиях мне, конечно, следовало лучше рассчитать мои силы и совсем не поднимать вопрос о приезде в Прагу, тем более, что инициатива шла от меня. Но меня угнетало то обстоятельство, что я все время говорю чужим, что с сентября замолк мой Колокол; и еще одно: была нравственная потребность увидеться с Вами лично; хотел привезти Вам седьмую книжку возродившегося Р<усского> К<олокола> и о многом лично переговорить.

С 17-го февраля я все перемогался и еле справлялся с принятыми на себя обязательствами. 23-го в Виттенберге я почувствовал, что от гриппа не уйти и что он захватил меня крепко; что ехать в Прагу было бы прямою нелепостью — ибо лежать в постели, в переутомлении и прострации, не дома, при невозможности ни выступить, ни говорить, предоставляя Наталии Николаевне сидеть одной и беспокоиться в Берлине, *просто невысказанно*. Откровенно говоря — это было бы просто непростительно.

Верьте мне, что мне *чрезвычайно* грустно все это происшествие. Я только зря перебудоражил друзей и единомышленников. Но ведь в животе и в смерти Бог волен; и я могу только удивляться, что до сих пор уцелел, когда люди кругом заряжены, буквально заряжены гриппом. Знаю, твердо уверен, что Вы все верно поймете и оцени-

те. Но не скрою от Вас, что брат написал мне такое письмо, после которого я надолго забуду думать о каких бы то ни было выступлениях в Праге. И дочитать-то письмо до конца мне было тягостно, столько в нем было обидного недоверия и самой откровенной подозрительности.

Вот написал письма Вам и ему — и ложусь; устал и температура.

Наталья Николаевна шлет Вам привет. А я целую Ваши ручки и жду от Вас несколько утешающих строк.

Ваш И. И<льин>.

1929.II.26.

11

Н. Н. Крамарж

<1929.IV.16> ²⁵

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за милое, доброе письмо. И за приглашение, и за милое упоминание о комнатах. Не ответил Вам сразу потому, что все ждал — вот поправлюсь и назначу лекции для Праги. Но время идет, а я все еще не поправился: каждый день повышенная температура. Катаром легкого доктора не склонны объяснять ее; нашли воспаление гланд, давят, мажут, компрессы делают. Утренняя температура упала; потом и вечерняя; дневная все еще подсакивает и когда это кончится — неизвестно.

Все это меня очень тяготит. В марте особенно было томительно — слабость, глупая голова. Сядешь писать и как будто сквозь чашу какую продираешься; горизонт видения маленький, ассоциации ползут как черепахи, слова вылезают неподходящие — словом, подменили мою личность. Теперь стало легче, но все-таки еще «пол-петушка» (это такая сказка финская есть: «жили-были на свете пол-петушка»).

При таких условиях я не могу обещать лекций для Праги. У меня такое осталось впечатление, что в Прагу надо ехать *тратить* силы, а не отдыхать и не накапливать их. Накапливать силы надо где-нибудь, где можно уйти в свою комнату и лежать; где можно задумчиво и тихо уйти в поле; где совсем не надо думать о провианте, и главное — каждый день после обеда спать целый час.

Ведь по секрету скажу Вам, — никто и не подозревает, какую уйму сил уносит из меня каждая публичная лекция, чего она мне стóит; может быть, это можно выразить только в калориях каких-нибудь ...

Природы хочется, тишины, беззаботной сосредоточенности! Вот потребность и мечта одновременно...

Ваш рассказ о фельетоне заставил меня перечитать половину того, что я писал в Возрождении. И возникло острое желание: выбрать самое сильное, прибавить еще недоговоренное и выпустить отдельной книжкой. По совести говоря — там очень немного устарело, а остальное по-прежнему насыщено тем беззаветным огнем, с которым, помню, я писал эти статьи. Пожелал, помечтал — и отложил; издателя не найдешь...

Сейчас готовлю к печати восьмую книжку Колокола.

Наталья Николаевна шлет Вам привет и благодарность за приглашение. А я целую Ваши ручки и очень прошу Вас передать мое уважение и мой привет Карелу Петровичу.

Душевно Ваш

И. Ильин.

1929.IV.16

Новый адрес: Berlin Westend. Baden-Allee. 1. bei Heinitz.

Напишите мне, пожалуйста, какие Ваши планы на май — октябрь! Хорошо бы нам где-нибудь увидеться и рядышком пожить...

12

В. С. Ильину

<1929.V?>²⁶

Рус<ский> Кол<окол> просит монет за № 7!!!!

Дорогой Вася!²⁷

Получил твое милое письмо и спешу ответить. Мы бы с удовольствием провели в Высоком июль месяц (на август и сентябрь у нас более южный маршрут). Но беспокоит нас та молниеносность решения, которую ты требуешь. Дело в том, что мы очень мало или вовсе ничего не знаем о Высоком в смысле *климатическом* и *бытовом*.

1) На каком склоне оно лежит и в каких горах? Хребет, который ты назвал, я не нашел на карте (самой подробной). Опыт убедил нас, что *южный* склон в горах

целителен, а северный вреден. Защищено ли Высокое от северо-восточных ветров?

2) Чтобы сочетать отдых с хорошей работой — необходимо удачно разрешить вопрос *помещения и стола*.

Удачное разрешение первого вопроса предполагает — *две* комнаты, тихие, солнечные, где можно было бы уединиться; лучше несколько дороже, чем много хуже!!

По вопросу о столе: самим готовить *немыслимо* — это был бы не отдых, а беда. Ходить куда-нибудь далеко по летнему солнцу — тоже беда. Маленькая кухмистерская на маргарине — тоже беда. Но какие же пожелания в данном случае можно выдвигать — ведь мы и представления не имеем о том, что такое Высокое — город, курорт, деревня, дачи?! Очень темно и неопределенно. Пансионы? Отели? Рестораны? Курзалы? Вокзалы?

Потом еще вопрос о ценах: сколь там все дорого или дешево? Сколько могут стоить там *две хорошие* комнаты с *балконом*? Какой вопчий бюджет на две персоны надо иметь, чтобы хорошо спать и вволю есть?!

И ты, ради Бога, все это доложи Надежде Николаевне и отпиши мне с низким поклоном и любовью. А то знаешь, брат ты мой ученый, не сверзиться бы...

Хорошо бы так. *А виза?!*

Кланяемся Вам и всему Вашему военному и квартирмейстерскому совету и ждем известий. Твой любимый брат

Иоанн*.

13

Н. Н. Крамарж

<1929.V.9> 28

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Получил Ваше гневное письмо и прочел его с грустным чувством. Мне, конечно, трудно судить издали, но, насколько я вижу, между Вами и мною встало недоразумение. Это недоразумение возникло из того, что Вы поручили Василию Сергеевичу снести со мною; при этом *его* письмо ко мне осталось Вам неизвестным, а на мое письмо к *нему*, обусловленное содержанием и тоном *его*

* это — клякса! mille pardons!

письма ко мне, Вы ответили так, как если бы я написал его *Вам*.

Отсюда все недоразумения. Вот несколько примеров.

Он пишет, что Высокое расположено «в Корконошах». Проискав полчаса эти горы на подробной карте и не найдя их, я выразил недоумение, где же такие горы находятся. Вы изволили написать мне, что Вас позабавило мое сомнение в существовании «Reisengebirge»²⁹. Между тем я этой зимой был несколько раз возле Reisengebirge, любовался чудесными горами и мечтал побывать в них летом; так что сомневаться в их существовании никак не мог.

Далее: он написал мне отчетливо, что о Вашем гостеприимстве речи быть не может; но о том, что можно нанять в Высоком, за какую цену и как разрешить главный вопрос *питания* — не упомянул ни одним словом. Вы видите, что его письмо совершенно не имело делового и реального характера и кроме недоумения и затруднения ничего вызвать не могло. Только из Вашего письма я узнал, что Вы именно имели в виду оказать нам гостеприимство; но узнал я это в прошедшем времени и в форме отказа.

«Вокзалы, курзалы и рестораны» являются для нас сущим пугалом: мы не только не жаждем их, но, наоборот, всячески избегаем их.

Снять комнаты с возможностью сидеть в саду — нам никогда не удавалось; но так как доктора настаивают на том, чтобы я был возможно дольше на воздухе, а по материальным условиям я не могу не работать летом, то мы всегда мечтаем о балконе. То же значение имеет для нас вопрос о солнце и о южном склоне.

Поселиться в комнатах, чтобы ходить летом два раза в ресторан, — тягостно. Поселиться так, чтобы Наталия Николаевна готовила сама в чужой кухне — невысказано. И то и другое означало бы не отдых, а новое утомление после зимы. А о том, можно ли найти в Высоком пансион, Василий Сергеевич не упомянул совсем. Иронические ноты моего письма и относились к этой отвлеченности и нежизненности его запроса.

Вопреки письму Василия Сергеевича и всем вытекавшим из него затруднениям я почему-то верил, что

Высокое для нас состоится и что все разрешится к лучшему; и радовался этому. Ибо я убежден, что человеческие дела зависят совсем не от судьбы, а от человеческого сердца и человеческой воли.

Тем огорчительнее было мне Ваше письмо с гневным отказом от непредложенного гостеприимства.

Василию Сергеевичу я не пишу, чтобы не огорчать его.

С истинным уважением и преданностью

И. А. Ильин

1929.V. 9.

Berlin-Westend.

Baden-Allee, 1. bei Heinitz. Тел. Westend. 8-44.

Перечитал письмо и вижу, что я от огорчения даже не поблагодарил Вас. Спасибо Вам за доброе отношение и добрые желанья! И до нескорого свидания!

14

Н. Н. Крамарж

<1929.VI.10>³⁰

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Ваше письмо меня глубоко тронуло. Спасибо Вам за доброе отношение, которое так редко встречается в жизни. Ушло и темное облако, осевшее на душе от Вашего предшествующего письма; осталось только желание и просьба, чтобы Вы в будущем направляли Ваши «эстафеты» ко мне — непосредственно, минуя всяких третьих лиц, кто бы они ни были. Зачем они нам? У меня, по крайней мере, столько простого и твердого доверия в обращении к Вам, что все прочее мне только мешает. Ни о Вашем письме ко мне, ни о моем ответе, ни о последнем Вашем письме я никому ничего не сообщал, ни слова; отделался любезной открыткой, и все.

Мне очень грустно, что я не увижу Высокого и Вашего терема. Тем более грустно, что то, что Вы пишете о Вашем здоровье, свидетельствует о том, что Вам нужен отдых и покой, — а уж тут не до гостей: может быть, Вам совсем и не следует обременять себя кем бы то ни было и всякие такие планы лучше оставить. Мне всю жизнь доктора твердили: сердце *всегда* требует спокойствия, отдыха; если бы можно было каждый день на четверть часа вынимать его и

укладывать в футляр, оставляя без напряжения и движения, то оно было бы *всегда* здорово. При большевиках, в Москве, у меня бывали затруднения с сердцем — и от душевных напряжений, и от физической работы. Меня всегда лечили и вылечивали *покоем*: уложат раба Божьего и разговоры запретят — и через неделю не узнаешь сам себя.

Получив Ваше доброе письмо (в отличие от первого, гневного), я долго думал и потому не сразу ответил. Дело в том, что я строг к своим писаниям и мне нередко кажется, что почти все уже написанное мною — *слабо*; и что надо написать *заново*; иногда это чувство приобретает оттенок настоящего педантизма и ригоризма; и тогда душа проникается отвращением и стыдом — по отношению к написанному. Это полезно и даже больше того: это значит, что меряешь себя большим мерилом; что душа попала в Божий луч, а он всегда требует от нас *самого лучшего*. Но о «полезности» думаешь только потом, а пока только переживаешь остро свою несостоятельность. Вот такое настроение мною и овладело после Вашего письма... Только вчера вечером я сообразил, что в сущности это ничего не меняет, что, получив от Вас возможность *издать*, я могу написать многое заново, крепче, лучше и вдохновеннее и что Вы наверное ничего не будете возражать против этого...

Каждая книжка Русского Колокола стóит общим и целом — 550 марок при печатании 1000 экземпляров. Больше 1000 экз<емпляров> печатать предположенного младенца, конечно, не стóит. Но четыре листа Русского Колокола — это маловато, и я думаю, что следовало бы считаться со сметой не менее чем в 800 марок. Конечно, душа моя начнет немедленно разрываться между книгой и Русским Колоколом; но я сумею из суммы, ассигнованной на книгу, не отдать ни копейки на журнал. Там своя борьба; но параграфы сметы надо соблюдать.

Как благодарить мне Вас за Вашу отзывчивость и доброту? А я к сожалению — не знаю даже, чем я мог бы утешить и порадовать Вас в ответ.

Целую Ваши ручки. Наталия Николаевна шлет Вам привет.

Ваш И. Ильин.

1929.VI.10.

Н. Н. Крамарж

<1929.VIII.1>³¹

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Пишу Вам не для того, чтобы докучать денежными просьбами, но для того, чтобы исправить мое последнее письмо. Дело в том, что меня тяготит забота о Русском Колоколе настолько, что, если бы Вы и в самом деле прислали мне какую-нибудь сумму, то я отодвинул бы на задний план все *свое*, чисто личное, и передал бы деньги в Р<усский> К<олокол>.

Я за последний год сделал целый ряд напряженных усилий для того, чтобы свести к минимуму бюджет журнала. Все работают совершенно безвозмездно, кроме одного распространителя, который получает 75 марок в месяц и ведет весь тираж, контору и переписку. Комната стоит 20 марок в месяц. Почтовые и телефонные расходы минимальны. Остается типография — это главное.

Книжка, печатаемая в минимальном числе экземпляров, стоит 550 марок. Наш *платный* тираж — около 600 экземпляров. Отсюда вывод: дело шло бы легко, если бы я имел субсидию в 100 марок в месяц. И — если бы распространители на местах аккуратны, не задерживая переводили деньги; но они задерживают их месяцами, а иногда по полугоду.

Одному Богу известно, какую *веру* и *волю* я вкладываю в борьбу за это дело; как, давя и комкая мое личное самолюбие, я пишу просьбы о субсидии одному состоятельному человеку за другим (начиная с Нобеля³²); и как отказ следует за отказом, как я веду переговоры с евреем-типографом, иногда прямо предлагая ему описать мои книги и одежду; наконец, как я, отрывая от своего заработка и отказывая себе в одежде и обуви, штопаю дыры бюджета собственными средствами... Увы, их не может хватить на много...

Вы можете спросить: зачем же так надрываться? Не проще ли кончить? Верьте мне, что не самолюбие мне мешает. Но есть отклики из разных стран, кругов и от *целых организаций* — которые будят во мне энергию для всех этих усилий. Прочтешь — сидишь взволнованный, со слезами на глазах и клянешься сам себе, что есть еще порох в пороховницах и что не иссяк еще огонь в сердце.

Я отлично вижу, как бойкотируют и замалчивают меня и крайние правые и весь левый сектор. Но это есть признак того, что я иду по верному пути. Пусть их — Россия сбросила их, как змея изжитую кожу. И право молчания — остается за ними.

Я иногда сам мечтаю дезертировать и прекратить эту трудную борьбу. Отойти от борьбы и творить впрок, писать мои любимые и зовущие меня книги. Но мечтам этим я не позволяю долго жить в душе. Самое начинание Русского Колокола пришло ко мне — как зов и приказ. И только истощив все силы, я «подаю в отставку».

Сейчас летние месяцы. Еврей³³ хочет денег, а распространители всегда засыпают на июль, август и сентябрь. Положение настолько остро, что я ни о чем другом сейчас не думаю и, признаюсь, всякую сумму немедленно направлю туда.

Пишу это все, конечно, только на тот случай, если бы у Вас действительно нашлась какая-нибудь сумма.

Лето мое началось плохо. Пишу Вам из Эльзаса, где мы рассчитывали найти себе укромный уголок по более дешевой валюте. Но случилось так, что в вагонах меня продуло и уже в Страсбурге начался бурный грипп с температурой. Пришлось ткнуться в первое же полугорное местечко на юге и взять единственную остававшуюся комнату. Оказалась мансарда — при 52°R на солнце — и вот целую неделю я тут таял как свеча; к тому же оказалось местечко дорогое и мы счастливы бежать отсюда.

Все довершалось тем невероятно тягостным впечатлением, которое производят книги, материалы и протоколы коммунистов (в России). Вот уже четвертый месяц я изучаю их, подготавливая коллективный труд «о культуре коммунистов»³⁴, который должен выйти под моей редакцией в одном немецком издательстве. Чтобы разоблачать дьяволов — их надо изучать; но это поистине одно из самых мучительных занятий!

Наталья Николаевна шлет Вам привет, а я целую Ваши ручки.

Передайте мой душевный привет Карелу Петровичу.
Ваш И. Ильин.

1929.VIII.1.

Адрес: Suisse Lausanne. Poste restante.

Н. Н. Крамарж

<1929.XI.11>³⁵

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за письмо, спасибо Вам за помощь! Тронутый до глубины и огорченный, перечитываю я его в пятый раз. То, что Вы дали — это совсем не мало; а я постараюсь извлечь из этой суммы *все* возможное, экономя на всем и отстаивая каждый грош. Если бы Вы знали, как меня заботило и угнетало положение Р<усского> К<олокола> — все лето! То, чего не хватает — это в издательском деле считается сущими пустяками. Но там, где М. М. Федоров находит на свою газетку³⁶ миллион франков в год, я с бесконечным трудом выпрашиваю 300 франков в месяц. Сколько раз я говорил себе, что надо прекратить эту борьбу с безразличием и каменностью; что она мне не по силам. И каждый раз — известия, приходящие оттуда, заставляют опять влезать в хомут и с *радостью* и *верою* тянуть воз. Вот только что, на днях, были *достовернейшие* известия оттуда (и не случайные), что настроения там «тождественны» с Р<усским> К<олоколом> и что возможно наладить чтение... А через два дня после этого — письмо от Вас!

Да, я провел очень трудное лето. Во-первых, с апреля шла напряженная работа над коммунистической литературой — изучал их писания, их брошюры, газеты, стенографические отчеты съездов: надо было создать под моей редакцией и ответственностью коллективный сборник статей на здешнем языке. Ряд статей писал я сам. Эта работа не кончена еще и поныне. Она съела все мое лето и бесконечно утомила меня. Изучая святое — святисься сам. Я изучал сатанинское — и совершенно изнемогал от отвращения, гнева и бессильного горя. Я, работая и изучая, всегда художественно отождествляюсь с тем, что изучаю: и этот океан горя и унижения в России, и этот вулкан бесстыдной злобности в коммунистах! В конце сентября — начале октября я целую неделю мучался болями в солнечном сплетении — и к концу недели выглядел пугающе. Во-вторых — цены были всюду высокие и поэтому питание редко было на высоте. Покоя не было; и надо было переплачивать, чтобы не голодать. В-третьих —

июль принес мне бурный грипп, а август — возню с гландами, которая закончилась прижиганием в Женеве. Вероятно, придется жечь и еще. Южное солнце доделало остальное и 5 — 6 кило не хватает. Одно утешение — мы видели много красоты — и природной, и архитектурной...

Не будем вспоминать о том, что было в июне. И никакой вины ни за кем из нас нет. Но для будущего надо непременно договориться: нельзя ставить между нами третьего, кто бы он ни был — брат или отец родной. Это во-первых; а еще — нам (Вам и мне) надо в течение зимы увидеться в Праге. Это было бы просто, если бы Вас<илий> Серг<еевич> организовал пару лекций моих; но сам я не хочу ему писать об этом. И Вас прошу — не говорите ему, что я Вам написал об этом. Инициатива не должна идти от меня; это вопреки всем академическим традициям и меня поставило бы в фальшивое положение. Но, может быть, он надумает сам?

Тогда при личном свидании мы обо многом переговорим: я помню каждую строчку в Вашем письме. Я не запомню, чтобы был так утомлен когда-нибудь, как теперь; мечтаю еще теперь же, в ноябре, устроить себе неделю полной распряжки: природа, музыка, художественное чтение и главное — подремать день или два... Нам, слава Богу, удалось добыть в этом году меблированную квартирку в три комнаты, чтобы жить одним: хозяева уехали надолго; местность на краю города, до леса пять минут, телефон, вода, отопление. Дорого; но душевно и духовно — успокоительно! Лекции по Научному Институту раз в неделю, а сумасшедшей езды по немецкой провинции, как в прошлом году, кажется, не будет (слава Богу!).

Немедленно начинаю готовить *девятый* номер Р<усского> К<олокола>, чтобы приступить к набору, как только иудей-типограф будет несколько удовлетворен взносом. В этом вопросе — у меня в душе как будто *черные тучи разошлись* — после Вашего письма.

Мы оба, Наталия Николаевна и я, шлем Вам наш душевный привет. Я целую Ваши ручки и прошу Вас передать мой низкий поклон Карелу Петровичу.

Ваш И. И<льин>.

1929.XI.11.

Berlin-Grunewald. Ilmenauer Str. 12 bei Hecher.
Telephon: Pfalzburg. 15-90.

17

Н. Н. Крамарж<1929.XI.25>³⁷

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Сегодня пришел чек, который оказался на гораздо большую сумму, чем Вы обещали первоначально (10 — 12). Спасибо Вам! Мне дорого Ваше отношение и именно потому мне так легко принять Вашу помощь. Самым основным желанием моим и Наталии Николаевны соответствует и Ваше желание, чтобы как можно больше из этой суммы сберечь для издания одной из моих книг. И я сделаю для этого все возможное.

Я был особенно тронут тем, что Вы позвонили мне из Праги. И очень надеюсь, что мне удалось убедить Вас в ненужности героических мер. Будьте уверены — я выгребу и наверстаю все потерянное. Беды нет; на этот раз ее и не будет. А обязательства, лежащие на мне здесь (русские, национальные) таковы, что только тяжкое заболевание могло бы изменить мое решение. Но тогда это был бы с моей стороны уже не поступок, а бедственное состояние.

Я получил милое письмо от Василия Сергеевича по общим вопросам и на днях отвечу ему.

Собираюсь в Прагу, но не ранее января — февраля.

Целую Ваши ручки и крепко, крепко благодарю Вас. Наталия Николаевна шлет Вам привет.

Как я был бы рад увидеть Карела Петровича и побеседовать с ним!

Душевно Ваш И. А. Ильин.

1929. XI. 25.

18

Н. Н. Крамарж<1929.XII.8>³⁸

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за письмо. Нет, какая уж там «строгость» была по телефону... Был испуг, моментами почти отчаяние, что я не сумею Вас по телефону отговорить и потом поставлю и Вас, и себя в трудное и неверное положение. Только всего. А движение Вашей души мне было глубоко трогательно и дорого! У меня совсем

нет того чувства, что кто-нибудь обо мне думает и заботится (не считая, конечно, Наталии Николаевны); а у меня бывают периоды, когда до смерти хотелось бы не заботиться совсем, а думать только о главном, о чем сейчас почти никто не думает, но о чем (по совести говоря) я бы мог сказать и написать не мертвые и не избитые слова... Но об этом надо не писать, а говорить лично.

Я не хочу приезжать в Прагу во время Вашего отсутствия. До Рождества я связан здешними лекциями. Если Вы уедете в Cannes³⁹ в первые же дни января, то я буду ждать Вашего возвращения. Если же Вы думаете отбыть после седьмого января, то я бы мог приехать в первые же дни января, прочесть две лекции. Разрешите мне передать решение вопроса в зависимости от этого в Ваши руки. И дайте от себя указание В<асилию> С<ергеевичу>, как быть. Я чувствую себя настолько лучше, что к началу января рассчитываю быть просто цветущим юношей.

В<асилию> С<ергеевичу> я пишу одновременно, ни словом не упоминая о моем приезде.

Посылаю Вам ту речь, которую я говорил в прошлом году по всей Германии. Если бы Вы видели, в какой благоговейной тишине ее прослушивали тысячи людей и с каким подъемом они расходились, Вы наверное испытали бы то чувство национального удовлетворения, которое обычно испытывал я. В общем ее прослушали около 40 000, из них 14 000 в одном Берлине.

Одновременно я посылаю экземпляр Карелу Петровичу и пишу ему, что если бы он признал целесообразным издать ее по-чешски, то я немедленно передал бы ему право на это. Но это конечно исключительно вопрос целесообразности и полезности для антикоммунистической пропаганды в Чехии.

Целую Ваши ручки и остаюсь душевно Вам преданный

И. И<льин>.

1929.XII.8.

19

Н. Н. Крамарж<1930.II.28>⁴⁰

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за хорошее письмо. Если бы не Ваша приписка на последней странице, что «решение принято» — я бы непременно отложил приезд до Вашего полного выздоровления... Потому уже, что у меня в душе такое чувство, что Вы одна только меня и зовете; а другие сами не знают, чего хотят. Это видно уже из того, что они отклонили предложенную мною тему: я хотел говорить о *главном*, о *священном*; о том, *для чего только и жить-то сто́ит*. И уж кажется можно было довериться мне, что пустяков не предложу и глупостей не навяжу. Нет — *не нужно!!* Подавай им какую-то там «инструкцию» — которая им совершенно не нужна и которую они все равно соблюдать не будут. У меня после этого письма от В<асилия> С<ергеевича> — было даже два дня решение: ехать без всяких докладов — ну их! — только чтобы с Вами повидаться. Но перечитал Ваше письмо — и решил, что такой приезд мог бы быть Вам неприятен...

Везу Вам хорошее средство, испробованное, многолетнее — после гриппа и при всяком утомлении незаменимое и нисколько — ни вот на эстолько не возбуждающее.

Целую Ваши ручки. Выезжаю 3 утром⁴¹. И еду с горьким чувством, что русская эмиграция главного не видит, не чует и даже не желает...

1930.II.28.

20

Н. Н. Крамарж<1930.IV.21>⁴²

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Поздравляю Вас и Карела Петровича со светлым праздником и желаю Вам от души здоровья и радости. Как Вы поживаете? Уехали ли Вы на праздники в природу? Хорошо ли там? Дошел ли до Вас № 9 Русского Колокола?

Я работаю не покладая рук и мечтаю об отдыхе.

Наталья Николаевна шлет Вам привет, а я целую Ваши ручки.

Душевно Ваш

И<.>А<.> И<льин>.

1930.IV.21.

21

Н. Н. Крамарж

<1930.V.18>⁴³

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

После моего пасхального письма, отправленного Вам 22 апреля, я не раз уже собирался написать Вам, но не доходили руки; все время бьюсь над срочным и неотложным. Чувствую себя так утомленным, как бывал только при большевиках в советской стране, да разве еще в 1926 году после Зарубежного съезда. Ввиду этого и по совету врача мы решили ускорить наш отъезд на лето из Берлина и начать лето раньше. Надеюсь, что мне удастся завершить перед отъездом несколько дел, висящих над душою, и тем создать себе возможность отдыха.

В апреле я выпустил Р<усский> К<олокол> № 9 в обычном виде. После долгих размышлений я пришел к решению выпустить № 10, а может быть и № 11 — в ином виде*; а именно целая книжка может состоять из моих и только из моих писаний — будет ли это собрание статей или самостоятельное и отдельное произведение. Пусть это называется по-прежнему Р<усский>К<олокол> и имеет очередной номер; а содержание будет из одного пера, а <не> из нескольких⁴⁴. Может быть, это будет соответствовать более и Вашему желанию.

К сожалению, Вы меня совсем забыли и я «порос травой забвенья». С тех пор, что я был в Праге, я не имею от Вас ни строчки и даже от брата не могу добиться сведений о Вас и о Вашем здоровье.

Вспомните и отзовитесь!

* Капитала хватит.

Наталья Николаевна шлет Вам привет, а я целую Ваши ручки. Кланяюсь Карелу Петровичу и приветствую его.

Душевно Ваш

И. И<льин>.

1930.V. 18.

22

Н. Н. Крамарж

<1930.VII.3>⁴⁵

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Вот уже неделя, что я здесь живу в дремоте. Весь день полдуши спит, хотя сплю ночью 10 часов и днем два часа: утомление и горы (1200 м). Ваше милое письмо — могли я понять его неверно? Конечно нет. Не думайте об этом! Но если я действительно в чем-нибудь нуждаюсь — то в *беззаботном покое*. И с тихим отчаянием думаю о том, что, может быть, его не будет до самой могилы.

Как бесконечно я устал от людской злобы и пошлости, и неискренности. Стряпают, стряпают — и все личное, и все интрига. А о России нашей и о том, что там делается, — даже и думать страшно. Поистине есть от чего сделаться мизантропом в наши дни.

Расспросите брата о том, как Кр.⁴⁶ ездил на меня жаловаться и какие события ожидаются в Румынии; вообще он Вам кое-что порасскажет.

А тем временем я весь июнь бился с фурункулезом, который делается у меня от переутомления. Еле доконал его. И сейчас предаюсь отдохновительной прострации.

Передайте мой привет Карелу Петровичу. А Нат<а-
талия> Ник<олаевна> шлет привет Вам.

Целую Ваши ручки и нежно чувствую Вашу заботу обо мне.

1930.VII.3.

Адр<ес>: Schweiz.Beatenberg. Hotel Schönegg.

Н. Н. Крамарж

<1930. Осень>⁴⁷

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Я душою понимаю Ваше настроение и думаю, что я испытывал бы в Вашем положении то же самое. Та чрезвычайная чуткость и деликатность, с которой написано Ваше письмо, меня глубоко трогает; но еще более меня трогает Ваше живое и глубокое сочувствие моему жизненному служению. У меня так мало радостей от него и, напротив, так много неприятного и опасного, что идущие от Вас лучи меня просто утешают.

Я не верю в то, что жизнь строится случайностями. Не случайно (хотя и неожиданно) мне были даны в жизни эти лучи, от Вас идущие; не случайна была и их внешняя форма выражения. Все такие события я воспринимаю в плане религиозном. Тот всеблагий перст, который я столько раз благодарно и трепетно осязал в моей жизни — лучше ведает, что мне нужно и чего мне не нужно. Как могу я роптать? Я твердо знаю и двадцать раз проверил одно: когда я *служу* из последних сил и *до* последних сил, — то остальное *он* всегда устраивал на путях, неожиданных для меня и незаслуженно милостивых.

Не огорчайтесь за Колокол. Во-первых, у меня еще есть (отложено и сохранно) на одну книжку. А во-вторых, — Ему виднее, нужен ли мой журнал.

Строг суд Божий над Россией! Но нам ли отчаиваться? Ведь это *Божий* суд! Я боюсь, что над Европой суд будет еще строже. Перечитайте, пожалуйста, в № 9 Колокола последнюю статью «Сенека. О божественном Провидении»⁴⁸ — я отношу это целиком к русскому народу.

Я получил и предшествующее письмо Ваше, но в таких трудных условиях жизни и столь затянувшихся, что все только собирался ответить Вам письменно и только в мыслях мог навестить Вас несколько раз в Праге и побеседовать с Вами. Летом мне удалось иметь и солнце, и отдых. Наши переезды летние всегда мотивированы главным образом — ненасытными поисками красоты и величия, покоя и созерцания. Копим, сидя на месте, и, скопив, едем дальше. В этом году мы были после Пра-

ги⁴⁹ — в Гмундене, на Боденском озере, в Рагаце, на Фирвальдштеттском озере, на Луганском озере, на Комо, в Болонье, Римини и Равенне. Мы приехали бодрые и свежие. Здесь было трудно, утомительно и плохо. И главное — бесконечно много работы. Одни неудачные поиски квартиры чего стоили! Устроились временно, будем искать опять. Тучи здесь сгущаются, кризис углубляется, в волнах не видно ничего, кроме надвигающейся гражданской войны. Между 7 — 13 декабря буду в Швейцарии — предстоит несколько интересных выступлений в Цюрихе и Берне.

Наталия Николаевна и я шлем Вам и Карелу Петровичу привет. Нежно и благодарно целую Ваши руки. Не забывайте меня!

Ваш И. И<льин>.

Berlin-Steglitz. Rotenburg Str. 43. Tel. Steglitz 35-64.

24

К. П. Крамаржу

<1930.XII.23>⁵⁰

Глубокоуважаемый Карел Петрович!

Позвольте мне принести Вам мое сердечное поздравление ко дню Вашего рождения и пожелать Вам здоровья и побед. И прежде всего, и больше всего — полного выздоровления Надежды Николаевны. 27 декабря я буду душою с нею и с Вами. Знаю, что мои соотечественники будут Вас чествовать, и жалею, что не могу присутствовать при этом лично.

Душевно Вам преданный

И. А. Ильин.

1930.XII.23.

Berlin-Westend. Bayern Allee. 5.

Очень прошу Вас, вспомните мою просьбу и пришлите мне Вашу карточку, хорошую, от последних двух лет. Если нет удачной, то две полуудачные! Пожалуйста!

25

Н. Н. Крамарж

<1930.XII.23>⁵¹

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

От всей души поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова и с юбилейным днем Карела

Петровича. Как жаль, что я не живу в Вашем городе, — я бы мог навещать Вас каждый раз, как Вам захотелось бы этого. Ваша болезнь меня глубоко огорчила — словно облако нашло. Я в жизни вижу немного тепла от людей и часто с удивлением и горечью думаю о том, что вне моего очага я никому не нужен. А Ваше отношение ко мне и моей духовной работе — вроде солнечного луча, который я внутренне всегда чувствую и никогда не забуду. Да сохранит Вас Господь и да обрадует Он Вас!

Целую Ваши ручки и очень прошу Вас — поправляйтесь и будьте здоровы и добры!

Наталья Николаевна шлет привет Вам и Карелу Петровичу.

Искренно, душевно Ваш

И. А. Ильин.

1930.XII. 23.

Berlin-Westend, Bayern Allee, 5.

26

Н. Н. Крамарж

<1931.III.28>⁵²

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Как долго я не имел о Вас известий! Ася⁵³ совсем не пишет; брат пишет очень редко, и то только тогда, когда его разбудишь как-нибудь очень категорическим письмом... Но вот, слава Богу, пришло в марте письмо с хорошими вестями о Вашем здоровье! А тут еще весна идет, конец долгой и томительной зиме. Пускают ли Вас в сад? Зацветает ли у Вас что-нибудь? Напишите мне хоть две-три строчки!

А у нас тут все трудно и томительно. Как устал я жить среди чужих людей, борясь с их гибельными, тупыми и злыми воззрениями! Иногда устаешь так, что кажется — устал вообще жить, и что ни мыслей, ни радостей вообще больше не будет, и что весь Запад обречен на провал и порабощение. К сожалению, писать об этом трудно; да и кому напишешь? В какую небесную канцелярию подашь жалобу? И опять смолкаешь и зажимаешь все в себе...

Был я в Риге; говорил семь раз в восемь дней⁵⁴ — все по-русски. Это было очень утомительно для тела, но

утешительно и отдохновительно для души. Прием был очень хороший; аудитория всегда была полна; все — вплоть до личной охраны — было превосходно организовано. Даже еврейская газета «Сегодня» не решалась ругать⁵⁵.

Милая и хорошая Надежда Николаевна! Пришлите мне Ваш портрет, который Вам самой больше нравится. А если Вы не уверены, какой лучше, то пришлите *два*! За это я Вам пришлю мои новые снимки, сделанные в Риге. А кроме того мысленно поцелую обе ручки Ваши.

Хочу печатать Колокол в Риге; там можно получить совсем льготные условия. А деньги я еще не все растратил. Но, в исполнение Вашего указания, хочу печатать только свое.

Наталья Николаевна шлет Вам душевный привет. А я прошу Вас передать такой же привет от меня Карелу Петровичу.

Душевно Вас любящий

И. И<льин>.

1931.III.28.

Berlin-Westend. Bayern Allee. 5

27

Н. Н. Крамарж

<1931.V.10>⁵⁶

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за Ваше милое, ласковое письмо! Каждую строчку его я передумал и перечувствовал вместе с Вами. Как страшна жизнь, работа и болезнь без Бога, и какой покой дает живое осознание Его, чувство — что я в *Его* руке и в *Его* воле. Не постигаю, как живут люди без этого... Без Бога — мир есть вихрь; несущийся из темноты в темноту, из пропасти в яму. Я бы не вынес этого и один месяц. Бремя борьбы совсем не снимается этим с нас, но результаты и последствия наших напряжений остаются в *Его* охране, а сами мы в *Его* любви и силе. Я несколько раз молился за Вас во время Вашей болезни: «помоги, не отнимай».

В первой половине марта я читал четыре лекции в Риге и два закрытых доклада. Атмосфера создавалась очень горячая; там русские люди чувствуют себя на своей ис-

конной земле, не эмигрантами, а оседлыми. В Париже я имел в конце апреля три публичных выступления⁵⁷ и одно закрытое; русские люди в Париже серые, резиновые, не интересующиеся, со скептической усмешечкой, не загораются, или только с большим трудом. Атмосфера разогрелась только к третьей лекции. А меня ничто так не утомляет, как холодный, резиновый упор безразличной аудитории. Эти мертвые токи чувствуешь уже через 10 — 15 минут — бессилие своего огня, бесплодность своего порыва... Чувствуешь себя не факелом, а головешкой, чадающей в болоте и в мокрых водорослях. Это трудно, больно — и потом тревожно.

В Париже меня одолели посетители — иногда начиналось до 9 утра, время расклевали по часам, ни поесть как следует, ни отдохнуть; еле успел взять обратную визу и билеты. И главное: большинство обращалось ни с чем — так, впечатления, придет и сидит, пересидевшая других. И все-таки времени не хватило и остались обиженные. Зато видел друзей — Метнера⁵⁸, Рахманинова, Шмелева, Ремизова.

После долгих и трудных разговоров договорился с Гукасовым: я буду писать в Возрождении, а он обязался печатать все, что пришлю без изменений и оттяжек. Гонорар нарочно выговорил себе небольшой, чтобы быть морально более независимым. Я предупредил его, что если редакция или зложелательные сотрудники вроде Маковского начнут что-нибудь черкать, то я немедленно прекращу сотрудничество. Мои друзья давно уже настаивали на таком соглашении, но я откладывал — чтобы позатянулся болезненный конфликт между Струве и Гукасовым, да и времени надо было дать созреть в самой редакции. Посмотрим, что из этого выйдет.

Лето у нас еще под вопросом по многим причинам. Очень надеюсь к осени подготовить два номера «Колокола». Спасибо Вам тысячу раз за поддержку и одобрение.

Наталия Николаевна шлет Вам привет. А я целую Ваши ручки и всегда помню Вас. Передайте мой привет Карелу Петровичу.

Душевно Ваш И. Ильин.
1931.V.10

28

Н. Н. Крамарж<1931.VI.22>⁵⁹

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Я получил Ваше письмо и фотографию, которая многого в Вашем лице не передает, но которая меня тронула. 1 июля мы снимаемся здесь с места и начинаем летнее блуждание. Хотим проехать через Чехию и Прагу, чтобы увидеться с Вами. Если не дадут визу на два дня, то возьмем транзитную, ибо имеем австрийскую въездную. Остановимся в отеле. Напишите, пожалуйста, примете ли Вы нас, увидимся ли?

Прилагаю книжечку⁶⁰.

Целую Ваши ручки и жду скорого ответа.

Душевно Вас любящий

И. А. Ильин.

1931.VI.22

Очень меня замотали и задергали за последний месяц!

29

Н. Н. Крамарж<1931.VII.9>⁶¹

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Только вчера мы осели и я спешу написать Вам, чтобы поблагодарить Вас за гостеприимство в Праге и за сердечное внимание. И еще за шоколад, который мы получили уже на пути домой от догнавшего нас Иозефа⁶²: целое обилие, мы до сих пор утешаемся им от вкусовых превратностей путешествия.

Я очень радуюсь тому, что мы к Вам заехали. Я видел Вас ясною, бодрою и на пути к полному выздоровлению; никогда не забуду наш единственный полонез, который я мог протанцевать с Вами по Вашему огромному залу. Будьте уверены, что Вы постепенно забудете о Вашей бывшей болезни.

Мы устроились на Траунском озере в Гмундене. У нас две хорошие комнаты и большой крытый балкон в сад и с видом на озеро и на горы. Было бы совсем хорошо, если бы не было автомобилей. Питаемся в соседнем ресторане. Когда автомобили не орут и не фырчат, то

слышны одни птички и иногда плеск воды в озере. Хорошо! И дешевле всех пансионов.

Мы оба шлем душевный привет Вам и Карелу Петровичу. Целую Ваши ручки и сажусь учиться.

Ваш И. А. Ильин.

1931.VII.9.

Oesterreich. Gmunden im Salzkammergut. Kaltbruner Str. 1.

30

Н. Н. Крамарж

<1931.VIII.22>⁶³

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Очень хочется иметь весть от Вас, как Вы поживаете? Как проходит лето? Доволен ли Вами доктор? Были ли Вы в Высоком?

Мы провели четыре недели в Гмундене (Salzkammergut), а с августа уехали в Швейцарию, в горы, на Фирвальдштеттском озере. К сожалению, погода плохая: барометры разучились подниматься, дождь льет, туманы и холод. Солнца мы видели мало. Хотя и говорят, что так во всей Европе, но это плохое утешенье...

Настроение у меня утомленное и пасмурное. Душа хочет больше всего покоя и творческого сосредоточения; а дела и заботы рвут все на куски. Время идет и личность, переутомленная, чувствует себя растрчиваемую. Но довольно об этом.

Наталия Николаевна шлет Вам привет, а я целую Ваши ручки. Передайте от нас обоих привет Карелу Петровичу.

Ваш И. И<льин>.

1931.VIII.22.

Schweiz. Bürgenstock. Hotel Waldheim.

31

Н. Н. Крамарж

<1932.V.19>⁶⁴

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за хорошее и ласковое письмо. О болезни Карела Петровича я узнал еще раньше от В<асилия> С<ергеевича> и был ею очень огорчен. Он, как остров, как твердыня и оплот; я чувствую в нем русскую душу и

русскую волю; он как бы представитель России в Чехии; и я молю Бога, чтобы он поставил его опять на ноги. Медицина слаба особенно во всем, где начинается нервное утомление, нервное напряжение и соотв<етственно> заболевание. Если бы я лечил Карела Петровича, я устроил бы ему прежде всего и больше всего нервно-душевный покой, полную «выпряжку», созерцательное безразличие, слияние с природной тишиной. Нервные мускулы (так сказать) должны распусться и отдохнуть; вся жизнь — в воле и в борьбе; в нечеловеческом напряжении и, что труднее всего, в огромном *самообладании*. При нервном утомлении ничто так не помогает, как биоцитин; это не лекарство, а просто нервная субстанция, *питание* нервных волокон. Я имел от биоцитина удивительную поддержку и облегчение; а прописал его мне Руднев, наш московский хирург, который с 1921 года практикует в Берлине (без разрешения) и делает форменные чудеса. Немцы, гордые и все презирающие (особенно все русское) — давали о нем и его операциях такие отзывы, что я только торжествуяще посвистывал... Впрочем, я глубоко убежден в том, что каждый человек *сам себе главный врач*; доктора только «предлагатели», а законодательствует инстинкт самого больного.

Я убежден еще в том, что Вы поправитесь *совершенно*; совсем свободна станет и ходьба. Нервный центр имеет замечательную и таинственную способность восстанавливать *все* свои функции, а хождение — самая простая из них. Единственно, что *очень* важно, это чтобы у Вас *самой* была *твердая уверенность в победе*. Сомнения, мнительность, пессимизм просто *мешают* исцелению.

Пишу Вам из Австрии, где мы с Наталией Николаевной находимся с 7 мая. Мой грипп, начавшийся 9 января, тянулся и тянулся; температура не поднималась выше 37.6, но и опускаться не хотела. В феврале опытный легочный врач определил катар легочных верхушек. И конечно — прописал «покой», «питание» и сидение дома. С тех пор четыре месяца я полулежал у себя на квартире, усиленно питался (кефир, апельсиновый сок, жиры etc), прибавлял в весе и, главное, при помощи особых внутренних упражнений совершенно отделался от моей веч-

ной мнительности и уныния, которое сопровождало у меня всегда все болезни. Катар *не* углублялся; температура остановила свой диапазон и начала медленно снижаться. Оставалось еще уехать в более теплый и сухой климат. Сначала с этой возможностью обстояло слабо, тем более, что Русский Научный Институт, дававший мне 50% моего бюджета, перестал платить, а заработок от публичных лекций пресекся вследствие болезни. Все было смутно и проблематично: болезнь надела на безденежье и еще усилила его. Потом все понемногу разъяснилось и устроилось. Вы читали или по крайней мере видели мою брошюру «Яд большевизма»⁶⁵. Мне удалось выпустить ее по-немецки. Прусский центр лютеранской церкви (Evangelischer Oberkirchenrat) купил ее в количестве 7200 экземпляров и разослал ее всем лютеранским священникам с предписанием продумать и усвоить; так же поступила и Гессен-Кассельская консистория. К этому присоединилось еще несколько аналогичных литературных успехов, для меня неожиданных, ибо Вы знаете, что я в стране моего жительства «гребу *против* течения». Это сразу поставило мое лечение, а немножко и меня, на ноги: и материально, и морально — утешение и удовлетворение. Ведь мало кто подозревает, до *какой степени трудна и неблагодарна* моя работа в чужой стране, тем более, что мой тон остается всегда национально-независимым, а отбросы русской эмиграции кишат предателями и клеветниками.

Словом — я сейчас в Каринтии на Wörtersee. Здесь «ветряный остров» — т. е. ветра почти не бывает; сухо, тепло, легкий воздух, высота небольшая (460 м) и очень солнечно. У нас две комнаты, на юг, свой отдельный балкон; обед и ужин в ресторане (хорошо и обильно), кофе дома, свой. И я совершенно уверен в том, что за лето поправлюсь. Катар начинает затихать. Жить же в дальнейшем придется исключительно литературной работой. И помимо этого осенью надеюсь выпустить (в Риге, там дешевле) — одну или две книжки Колокола.

Вот и все мои сообщения. Я нарочно не писал Вам о моих делах, чтобы зря не огорчать Вас. И Василию Сергеевичу запретил рассказывать Вам. А теперь пишу, потому что все утряслось и понемногу налаживается.

Наталья Николаевна провела в возне со мною очень трудную зиму. Квартира была плохая, без солнца, без всяких удобств; было угрюмо, утомительно и томительно. Выехала она из Берлина настолько переутомленная, что страшно было смотреть. Но теперь отдохнула и я надеюсь «реставрировать» ее вполне. Ехать через Прагу нам было невозможно: это грозило увеличить и без того невозможные валютно-девизные затруднения — ведь теперь так: где граница, там запреты; «злые» люди — все-таки стряпают свои делишки, а «добрым» людям — затруднения и тревога.

Мы оба шлем сердечные приветы Вам и Карелу Петровичу. Храни Вас Господь!

Целую Ваши ручки и остаюсь преданный Вам
Ваш И. И<льин>.

1932.V.19

Адрес: Oesterreich. Velden am Wörthersee. Villa Sintschnig

32

Н. Н. Крамарж

<1932.VIII.9>⁶⁶

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Давно не писал Вам, потому что июнь и июль проболел и зная, и бесконечно ценя Ваше отношение ко мне, не хотел огорчать Вас (и В<асилию> С<ергеевич>у потому не писал, чтобы он как-нибудь Вам не рассказал). Но теперь я выкарабкиваюсь, все опасное и мучительное *за плечами* и я могу написать Вам.

Буря налетела на меня в начале июня, по-видимому, без всяких причин и поводов. Вдруг начались мигрени (каждая мучительная и на несколько дней); совершенно расстроилась работа сердца и желудка, стала опять подниматься температура. Полный упадок сил телесных и душевных, угнетенность, боли в солнечном сплетении и такие явления в сердце, что я минутами считал, что доживаю последние миги. Доктор мне ничего путного сказать не мог, ни диагноза, ни лекарства. В три недели я потерял 6 кило в весе, осунулся и измучался. Списался с моим другом, цюрихским врачом, и в самом начале июля еле добрался в два дня до Цюриха.

Тут меня обследовали в университетской клинике всеми способами: просвечивали рентгеном легкие; также и желудок, причем заставили пить непрозрачную жидкость барий; исследовали кровь и все прочее; сердце; даже сделали рентгеновские снимки со всех зубов — нет ли где скрытого нагноения. Три дня возились. Признали: процесс катаральный в легких закончился благополучно — легкие здоровы сверху донизу; желудок совершенно здоров; сердце органических недостатков не имеет; *никаких* гнойников, язв, болезней органических *нет*. Но есть бурный нейроз сердца и желудка от 15-летней беспощадно-напряженной работы. Доктора прямо говорили — удивляться надо не тому, что эдакое стряслось, а тому, *как долго нервы выдерживали и выдержали*. По существу же надо не трепаться, а терпеть и выдерживать; пройдет само — неизвестно когда. Впрочем тут же указали мне на новый, безобидный, но дорогой способ лечения, который помогает и вылечивает. После серьезных колебаний и затруднений — я решился прибегнуть к нему, и он мне помог. Не знаю еще, как я вылезу из образовавшейся долговой ямы. Много и долго колебался я — и все-таки решил обратиться к Вам с такой просьбой: не разрешите ли Вы мне воспользоваться *ввиду такой беды* хотя бы *некоторой частью* тех Колокольных сумм, которые у меня имеются еще благодаря Вашей помощи и которые я берегу для новых двух книжек Рус<ского> Кол<окола>. Я *всего* остатка ни за что не истрочу; *без Вашего согласия и прямого разрешения вообще не трону ни копейки*. Но если бы Вы разрешили мне *частично* израсходовать деньги не прямо на «Колокол», но на лечение заболевшего «пономаря»⁶⁷ — то мне было бы от этого большое, чрезвычайное облегчение. Не могу скрыть от Вас, что мне *очень тягостно* просить об этом; я *долго колебался*, прежде чем написал это письмо. И потому очень прошу Вас — не рассказывайте другим об этой моей просьбе и *оставьте это письмо между нами!!*

Напишите мне! Как проходит у Вас лето? Чувствуете ли Вы себя бодрее? Как здоровье Карела Петровича? Всякому словечку Вашему буду рад. А у меня вся опора была конечно в Наталии Николаевне, которая не теряла

ни бодрости, ни спокойствия и одним этим уже поддерживала и меня. Она шлет Вам теплый привет и пожелания. А мы оба шлем привет Карелу Петровичу. Да пошлет Господь Вам и ему здоровья!

Почтительнейше целую Ваши ручки и остаюсь, как всегда, душевно Ваш

И. Ильин.

1932.VIII.9.

Адрес: Schweiz. Zürich. Hôtel Sonnenberg.

33

Н. Н. Крамарж

<1932.VIII.??>⁶⁸

Милая и дорогая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за хорошее письмо и за *все*. Отвечаю Вам, не откладывая. Нервная икота, от которой страдает бедный Карел Петрович, была и у меня около двух месяцев, но в слабой степени. Она объясняется неврозом желудка и, по-видимому, переутомлением солнечного сплетения. Солнечное сплетение есть центр симпатической нервной системы (второй главный нервный центр организма); оно расположено за желудком, между ним и спинным хребтом; доктора никогда еще не добивались до него хирургически, плохо его знают и лечить его почти не умеют. А между тем именно оно вызывает расстройство желудка, пищеварения и невроз желудочный. Оно *болело* у меня тупой, мучительной, свинцовой болью почти два месяца подряд. Теперь редко.

К сожалению, я совершенно не могу рекомендовать Вам для Карела Петровича того способа лечения, которому я подверг себя. Он — этот способ — очень мучителен, пожалуй, мучительнее самой болезни и советовать его Карелу Петровичу было бы просто неблагоприятно. Ему нужен покой и то, что немцы называют «Entspannung⁶⁹», т.е. обратное нервному напряжению, как бы отпущение, или развязание, или расслабление нервной системы, перенатянутой за всю его героическую жизненную борьбу. Нервный покой. Писал мне недавно Иван Сергеевич Шмелев, настоящий нервный мученик, о средстве французском, которое ему прописал

русский доктор из русской аптеки в Париже. Он писал о настоящей *чудесной* успокоительной помощи, которую ему доставило это средство. Оно называется *Rob-Nerval*, стоит 15 фр<анков> пузырек.

Выписываю Вам его рецепт на отдельном листке. Я хочу выписать его себе. Он пишет, что принимает по три раза в день перед едой по столовой ложке. «Через три дня», пишет он, «Наталья Николаевна найдет, что И<ван> А<лександрович> стал прелестное дитя, милое, послушное, умное, смотрящее на мир благостно»... и т. д. Может быть, Вы покажете этот рецепт доктору Карела Петровича?

Знаю, до какой степени при *всякой* нервной болезни важен «оптимизм», важно *не поддаваться* ей. Это *главное* лечение. Этим неподдаванием, *душевно-духовным* осиливанием невроза — я и занят был во все время болезни. Но *не* для «оптимизма» пишу Вам, а просто в силу уверенности, что *Ваша* нога будет служить Вам по-прежнему и с полной самостоятельностью. Только не предавайтесь унынию: именно оно мешает организму поправить дело. Уныние внутренне, незаметно как бы шепчет организму: «не сладишь! не выправишься! куда тебе?! не можешь! и бороться нечего!» — а его это ослабляет, ему это мешает... Ему необходимо бессознательное ободрение — и он *сделает чудеса*. То, что организм может сделать сам «через себя самого» (это выражение Аристотеля) — не сделают никакие доктора и никакие лекарства. Сам организм — и есть ходячее чудо Божие, которого многие маловеры все ждут в виде эффектного фокуса. Надо только прислушиваться к организму — *чего* ему хочется и чего ему *не* хочется. И идти навстречу, не выдумывая и, главное, *не настаивая на том, что ему неприятно*. Клянусь Вам, что *мудрейшие* из русских докторов, особенно наши московские светила, именно это считают самым главным...

Мы оба тронуты Вашим милым приветом Наталии Николаевне. Ее нужно видеть в жизни, в трагические минуты, в опасности; с ней надо говорить о *главном*, о Боге, о жизни, об искусстве... Ее духовная сила неисчерпаема. Я всю жизнь (вот уже 26 лет, что мы женаты)⁷⁰

учился у ней этой силе духа. Именно: русская, до конца, до неумолимости. Спасибо Вам за то, что Вы ее почувяли издали. А при случайных встречах, она, к сожалению, очень замкнута...

Пишу Вам с Риги: гора в 1600 метров на Фирвальдштеттском озере. Горизонт необъятный; солнце жгучее. Все почти «слишком». Но мое лечение состоит не в том, чтобы «беречься» и «потакать», а в том, чтобы «не поддаваться», «выносить» и «закаляться». А за отсутствия преувеличений следит жена.

С нежным чувством целую Ваши ручки и шлю привет Карелу Петровичу. Наталия Николаевна тоже шлет привет Вам и ему.

Душевно Ваш

И. И<льин>.

Адрес *Цюрихский*: (перешлют, я слежу).

Schweiz. Zürich. Hôtel Sonnenberg.

Или же сюда:

Schweiz. Rigi-Kaltbad. Hôtel Rigi-Staffel.

К сожалению, рецепт свой Шмелев прислал мне по-дилетански; боюсь напутать. Сначала добуду лекарство.

34

Н. Н. Крамарж

<1932.VIII.19>⁷¹

Дорогая Надежда Николаевна!

Только вчера писал Вам, а вечером пришло подробное письмо от Ивана Сергеевича Шмелева с полным рецептом и адресом.

Это средство выработано русскими врачами в Париже, в качестве ихней *Specialité*⁷². Фирма их называется *Stella*. Аптека: *Pharmacie de la Neva*. Адрес: Laboratoires «Stella». L. Danzel, Dr. en Pharmacie, 1, rue Daru, Paris, 8. Стоит флакон 15 франц. франков. Принимается лекарство сначала по 3 раза в день, столовая ложка на полстакана воды; дня через 3 — 4 по два раза в день. Все средства, входящие в него, мне известны и в прежние времена прописывались в других комбинациях. Обратите внимание на слова «*Medication antispasmodique et antinerveuse*». Я был бы счастлив, если бы доктор Ваш это одобрил и оно помогло бы.

Целую Ваши ручки. Рецепт выписываю отдельно. Буду сам принимать. Уж очень у меня все еще неустойчивое самочувствие.

Ваш И. И<льин>.

1932.VIII.19.

Rigi.

Medication antispasmodique et antinerveuse.⁷³

Rob-Nerval.

«Stella»

Aux Extraits végétaux Polybromurés selon la formule,
Extraits fluides de:

Adonis vern. 2 gr. 50

Convollaria m. 0 gr. 50

Passiflore 2 gr. 50

Bromures de:

Sodium 3 gr. 00

Ammonium 1 gr/ 50

Potassium 1 gr. pour %.

Doses et mode d'emploi: 2 à 3 cuill soupe par jour, prises avec un 1/2 verre d'eau 1/2 h. avant les repas.

Laboratoires «Stella», L. Danzel, Dr. en Pharmacie, 1, rue Daru Paris (8). Pharmacie de la Néva.

Prix 15 Fr.

35

Н. Н. Ильина — Н. Н. Крамарж

6.IX. 1932⁷⁴

Дорогая Надежда Николаевна,

Не сразу ответила на Ваше письмо, потому что забыла нужное Вам стихотворение А. Толстого. Теперь навела справку и записываю его для Вас по изданию Стасюлевича.

Вот оно:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

*

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли лир, так пир горой!⁷⁵

Те строки, которые Вы забыли, — наименее удачны. Лучшие — две первые и две последние. Может быть, как раз они и украсят фриз Вашей комнаты.

Надеюсь, что невольное запоздание не повредит Вашим планам и не задержит работу декоратора.

Мы живем здесь среди дикой горной природы. Ледяной воздух и горячее солнце. Здоровье И<вана> А<лександровича> поправляется очень медленно: при нервных заболеваниях всегда надо очень много терпения.

Сердечный привет Вам и Карелу Петровичу от нас обоих.

Н. Ильина.

36

Н. Н. Крамарж

<1932.XII.30>⁷⁶

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Подходит Новый Год и наше православное Рождество и мы оба, Наталия Николаевна и я, шлем Вам и Карелу Петровичу наш сердечный привет, поздравление и пожелание здоровья и духовной радости. Вспомните нас и отзовитесь письмецом. Надеюсь, у Вас в Праге так же холодно, морозно и ясно, как здесь; и Вы гуляете. Для меня нет ничего томительнее, как долгое сидение без воздуха: и тело и душа начинают томиться, как бы задыхаться и слабеть.

Жизнь у нас в этом году трудная. Русский Научный Институт окончательно без денег. Издательства ничего не печатают; безработица захватила все поля моего заработка. К тому же мой сердечный нейроз от времени до времени трясет меня за тело и за душу; наводит испуг и уныние. Надеюсь, что это не так долго еще продлится. Но в общем я иногда ощущаю чрезвычайное жизненное утомление.

Не браните меня поэтому за то, что мало пишу...

Целую Ваши милые руки и остаюсь

преданный Вам И. А. Ильин.

1932.XII.30.

Berlin-Wilmersdorf.

Sodener Str. 36^{III}

Н. Н. Крамарж

<1933.IV.15>⁷⁷

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Поздравляю Вас и Карела Петровича от Наталии Николаевны и от себя со светлым праздником, желаю Вам духовной радости и телесного здоровья и целую Ваши ручки. Давно уже не писал Вам и от Вас давно не имел вестей. Зато постоянно Вас помню и хотя бы при каждой статье моей думаю, дойдет ли она до Вас и прочтете ли Вы ее. Писать же о себе не хотелось. Жизнь в этом году особенно трудна во всех отношениях: и материально (я «безработный интеллигент»), и нервно (нейроз мой не прошел еще окончательно и при всякой неприятности дает о себе знать), и политически. «Жаловаться» не хотелось; чувствуешь себя какой-то сорвавшейся лодкой, несомой по течению; или вернее — человеком, который из любви и чувства чести продолжает бороться до конца, уповая, что в силу каких-то высших законов усилия его все же не пропадут даром... Чувствую, как никогда (впрочем, 5 лет в Москве при коммунистах это чувство было еще сильнее), что без Бога и жить совсем не стоило бы. Но довольно обо мне. Обещаю Вам, что как только мои дела пойдут лучше (а это не исключено), я немедленно напишу Вам.

А теперь буду ждать вестей от Вас. Напишите мне о себе все, что можно и что я могу сердцем почуять издали. Прежде всего о Вашем здоровье и духовном самочувствии? Как здоровье Карела Петровича? Я постоянно читаю его статьи по-русски.

Мне немало радости и утешения доставила недавно вышедшая книжка *Шмелева*. Лето Господне. Вышла в Белграде. «Издательская комиссия». Кр. Натамуе ул. Број 33. Чудесно! Вся наша православная замоскворецкая Москва и с нею Россия — за круглый год в праздниках. А потом его же новый роман (*не* напечатан еще! в рукописи!) «Няня из Москвы»⁷⁸. Если бы я жил в Праге, я бы к Вам часто приходил и читал такие вещи Вам вслух...

Еще раз целую Ваши ручки и прошу Вас вспомнить меня и откликнуться.

Душевно Вам преданный

И. А. Ильин

1933.IV.15

Страстная Суббота перед Заутреней.

38

Н. Н. Крамарж

<1934.I.5>⁷⁹

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

От Наталии Николаевны и от себя поздравляю Вас и Карела Петровича с наступившим новым годом и с наступающим Рождеством Христовым и от души желаю Вам того же самого, что мы желаем себе самим. Сжалится же Господь однажды над нашей Россией и возродит ее хотя бы ценою новых мук!..

Мы живы и здоровы. Живем очень тихо и скромно. Я заканчиваю новую книгу⁸⁰, которая, если она будет удачна и все планы осуществляются, появится, вероятно, на нескольких языках. Летний отдых был у нас короткий и беспокойный. Зимний сезон начали в конце сентября в неотдохнувшем виде. Никаких дальнейших неприятностей мне, по-видимому, не предстоит. Свое основное служение же я продолжаю как «стойкий оловянный солдатик»...

Очень давно не имел от Вас ни строчки. Потому и сам молчал. Был бы счастлив узнать от Вас непосредственно о Вашем самочувствии и о здоровье Карела Петровича.

Душевно Ваш

И. А. Ильин

1934.I.5.

Berlin-Wilmersdorf. Sodener Str. 36.

39

Н. Н. Крамарж

<1934.VII.25>⁸¹

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

Мы получили оба Ваши письма, спасибо за них! Они оба согреты таким внутренним — и духовным, и сердечным — огнем, что чтение их образовало прямо оазис в

жизни. Я храню Ваши письма *все* и только что привел их в порядок за все годы. Почти каждый день мысленно разговаривал с Вами, а временами обращался непосредственно к К<арелу> П<етровичу>; статьи его, обращенные к Королю Александру⁸², читал со слезами на глазах. Но мир не слушает, не слышит — у меня иногда такое чувство, что *задохнусь* от человеческой глупости, пошлости и подлости... Эти статьи К<арела> П<етровича> — были полны такого истинно пророческого пафоса, что я испытал их как *исторические* и вдохновенные *свыше*. Я, конечно, говорил со всеми знакомыми докторами, — но они в одно слово: надо *видеть* страдающего — заглазное «помогание» было бы шарлатанством. Nervus Trigemini очень злая вещь, мы знаем ее. А врачи кроме Helonida (общеизвестное средство — Helonida antineuralgica) ничего прописать не могли.

Не браните меня за долгое молчание. Вспомните, пожалуйста, что у нас в России называли «независящие обстоятельства»; и вот эти обстоятельства играют в стране, где я живу, совершенно исключительную роль. Я не волен над ними; они проникают во всю жизнь и заставляют быть крайне осторожным. *Дня* не было за последние месяцы, чтобы я не вспоминал о Вас с чувством благодарной преданности и *утешенности*; и пишу Вам об этом потому, что чувствую, что это сообщение утешит Вас.

Возьмите, пожалуйста, стихотворение Пушкина «Предчувствие» — оно начинается так: «Снова тучи надо мною»... Я скандирую его про себя почти каждый день.

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?⁸³

Но не «презрение к судьбе» владеет мною, а уверенность в том, что Он опять извлечет меня из рва львиного⁸⁴, как извлекал доселе. Мы только оба до крайности утомлены этой вечной, бесконечной передрыгой, которая каждый раз оказывается неконченной и начинающейся сначала. Думаешь — ну вот: «пере-дрыгнула» «передрыга»

и пройдет; ан нет — оказывается, что это все еще была «не-до-дряга». Невольно вспоминаешь пять лет, проведенные в другом месте. И по-прежнему сердце полно непоколебимой уверенностью, что ни чести, ни совести, ни верности не уступлю ни на йоту. Лучше сожгу все корабли; и опрокину стол; и уйду. Ибо перед этими святынями — все тлен. Знаете, когда русский человек купается — перекрестится и бухает вниз. Только что приехавший оттуда говорил мне, что это так и теперь делается в России — официальное безбожие не мешает *перекреститься*, бросаясь в воду. Вот так и я собираюсь делать, только без «официального безбожия»; а наоборот, крепко вцепившись в данный мне край Ризы Божией.

Я отправляю Вам это письмо с верной оказией из другой страны. Когда будете мне писать, не подписывайте Вашей *фамилии*: я узнаю Ваше письмо и за сто верст, и по одним инициалам, и без всякой подписи. И еще: не спрашивайте меня в письме ни о каких подробностях моих дел; многое может быть рассказано только устно, при личном свидании. Весь вопрос в том, как сделать, чтобы оно состоялось? Самое простое и желанное было бы получить из Вашей страны визу и *приехать нарочно к Вам* на пару дней повидаться. И я давно, еще ранней весной сделал бы это, если бы не оголтелая нищета, владеющая мною в этом году. Квартира и стол поглощают *все*; приработков нет, иностранцев выжимают отовсюду. Уволили и меня с 1 августа. Забота одна, чтобы как-нибудь продержаться, пока судьба не подведет другого коня; я *и не сомневаюсь, что подведет*, но сроки долги и неопределенны. Каждый день все может исправить, хотя бы в скудном размере; и каждый день может не принести ничего. Не огорчайтесь этим и не заботьтесь — ведь я прожил эдак уже пять лет *там* — да и здесь эдакое бывало 25 раз. Главное — вести верную и достойную линию, а остальное приложится; *так* было у меня всю жизнь; *так* останется и до конца. И все-таки, — с какою же радостью я отвел бы душу в беседах с Вами и с К<арелом> П<етровичем>!

Главное: напишите мне поскорее хоть десять строк о себе и о нем. *О здорвии*; и о том, *где Вы, на какие сроки*;

когда Вы будете в Праге? Какие у Вас планы, — чтобы я хоть что-нибудь мог сообразить и вообразить — и учесть при всякой возможной перемене судьбы.

Писал В<асилию> С<ергеевич>у — недавно; ответа не было.

С радостью видел, что К<арел> П<етрович> упоминал меня; к сожалению, только из другой газеты; а оригинала статьи по-чешски здесь достать не удалось! Я очень жалел об этом. И очень тронуло меня, что Вы в этом участвовали.

Не откладывайте! Напишите мне, хоть совсем коротко, но поскорее.

Жена напишет Вам сама на этих днях. Целую Ваши ручки.

Господь да сохранит Вас обоих!

Ваш Верный и Прежний.

1934.25.VII.

40

Н. Н. Крамарж

<1935.I.12>⁸⁵

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна!

От всей души поздравляем Вас и К<арела> П<етровича> с новым годом и желаем Вам обоим полного выздоровления и больших душевных радостей. Дай Боже! Дай Боже! Дай Боже!! Люди, приезжающие оттуда и обзирающие большой круг явлений, передают: «ныне происходящее есть проявление того движения, которое начало разрастаться еще в 1931 году и которое, несмотря на строгие меры, приведет к освобождению страны». Это конечно о России. Один, пробывший там несколько лет (в Омске), добавляет: «Я почти всегда пребываю мысленно в этой великолепной стране с ее неисчерпаемыми возможностями и ее глубоко чувствующими людьми, которые в то же время выказывают такое героическое терпение». Это письмо из Вены, от иностранца, знающего русский язык и пробывшего 3 года в стране и несколько месяцев в тюрьме.

У меня и сейчас еще звучит в ушах и в душе Ваш последний вопрос, на который я не дал прямого ответа. Вот

он. Мы оба чрезвычайно неизбалованы, простые и тихие. Первая забота наша; чтобы *мы* никого не стесняли. Занимать нас и заниматься с нами абсолютно не надо. Когда уборка комнат etc. не висит над душой, то мы или читаем и пишем, или гуляем. Само собой разумеется, что с радостью беседуем с друзьями. Вот и все.

Посудите сами. Приехали мы сюда *очень* усталые — с запущенным питанием, не спавшие давно как следует, утомленные двухмесячною трепкою. Сели у себя дома, никому не звонили по телефону, убирали квартиру, мыли полы и окна, посуду, чистили и выколачивали и рано ложились спать, поздно вставали и регулярно питались. У меня есть и прокатное пианино.

Только через <...>⁸⁶ дней мы опомнились, но и первые приятели, видевшие меня, говорили, что я худ и бледен. А деревенская тишина — просто спасение...

Отсюда писал брату, но он ни слова не ответил. Пишу новую книгу в 8 глав: о вере, свободе, совести, семье, родине, правосознании, государстве и частной собственности⁸⁷. О восьми китах, коими спасемся!

Дошли ли до Вас мои последние статьи в газете?

С нежною благодарностью целую Ваши ручки и низко кланяюсь К<арелу> П<етровичу>. — Жена шлет самые сердечные приветы.

Ваш душевно

Такой-то.

На днях вышлю книгу новую.
1935.I.12.

41

К. П. Крамаржу

<1935.III.17>⁸⁸

Глубокоуважаемый и дорогой Карел Петрович!

Мой брат передал Вам книгу⁸⁹. Я ручаюсь Вам за научную точность ее содержания и думаю, что она может и должна сослужить серьезную службу. Размышляя о том, как лучше ее использовать, я пришел к следующим выводам, которые позвольте изложить Вам в виде двух предложений.

1) *Первое предложение.* Я напишу такую же, *новую*, страниц в 60 — 80 (4 — 5 печатных листов), для перевода

и издания у Вас. В ней я использую все существенное: и в общем смысле, и применительно к Вашей стране. Выйдет крепкий и неопровержимый экстракт. Издать ее можно было бы под настоящей фамилией, или под любым псевдонимом, в зависимости от политической целесообразности. В силу цитатных трудностей — было бы гораздо легче написать и прислать текст на том же языке, на котором написана большая книга.

2) *Второе предложение.* Книгу можно было бы использовать для Вашей газеты. Я предложил бы тогда, чтобы редакция заказала бы мне самому изложить такие-то главы, во стольких-то фельетонах, каждый по столько-то строчек, на таком-то языке, к такому-то сроку. Эти фельетоны были бы написаны уже по-газетному, живее, ударнее. Конечно, все было бы сделано очень корректно и с тактом. В редакции осталось бы только перевести на надлежащий язык, которым я, увы, еще не владею. Подпись — любая.

Может быть, такие формы были бы наиболее целесообразными.

К сожалению, ввиду моего очень трудного и напряженного положения, я не мог бы сделать это без гоночара.

Целую ручки Надежды Николаевны.

Душевно Ваш

И<льин>.

1935.III.17.

42

Н. Н. Крамарж

<1935.IV.23>⁹⁰

Христос Воскресе,

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна! Мы оба шлем Вам и К<арелу> П<етровичу> наше поздравление к светлому празднику и желаем Вам здоровья и исполнения всех Ваших желаний. Да поможет нам всем Господь!

Пасху мы встретили грустно. В духоту и толкотню и сквозняки нашей нецерковной залы я не решился взять Наталию Николаевну, а идти без нее не захотел. Остались без заутрени; и радио у нас тоже нет. Вообще здоро-

вье Нат<алии> Ник<олаевны> меня тревожит; у нее длительная хрипота, которую доктора объяснить не умеют; температура нормальная, вес хороший, анализ крови удовлетворительный. Один доктор пугает крепкими страхами, от которых у меня сердце останавливается. Другой успокаивает — что в основе нервная перенапряженность и утомление. Нервы действительно подвергаются испытанию с 1917 года; а ныне особенно — ввиду той операции, которую надо мной проделывают: оклеветание, лишение права на труд и выживание. И это все было бы не так тягостно, но «выжить» «просто» нельзя, надо куда-нибудь «вжиться». Уйти же из жизни совсем по доброй воле нетрудно, при нынешнем состоянии химии и техники; но мы оба настолько сильно и ясно видим в делах нашей жизни Перст Божий, что об этом и не думаем. Однако я постоянно вижу себя вынужденным вспоминать судьбу Иова. Только моя жена никогда не скажет мне «похули Бога и умри»⁹¹, как сказала жена Иова.

Вспоминаю еще один миг моей жизни. Летом 1918 года жили мы под Москвою у друзей в имении⁹². Меня только что арестовывали второй раз и выпустили через 3 дня. Вдруг покушение на Ленина, и я получаю условную телеграмму, что надо тотчас же скрыться. Решили обождать до ночи. Ночью в три часа на полустанке подали поезд дальнего следования, весь состоящий из теплушек, т<о> е<сть> попросту товарных вагонов, до отказа набитых мешочниками и простонародьем. Мрак; — остановка 1 минута; — я бегаю от вагона к вагону, умоляя дать мне хоть *как-нибудь* втиснуться. В каждом вагоне стена людей — глухая, мрачная, злобная — или не отвечают, или отругиваются. Остаться тоже нельзя. Поезд трогается. Я вскакиваю на подножку, хватаюсь за поручни и повисаю на руках. В таком положении Нат<алия> Ник<олаевна> видела меня в последнюю секунду. Ветер раздувал пальто, поезд прибавлял ходу, а я, стиснув зубы, про себя молился — чтобы не стало мне дурно и чтобы не сшиб меня придорожный столб. Через 10 минут — большая станция — кондуктор смилостивился и пустил меня за 20 рублей в служебное отделение...

Вот этот миг моей жизни я часто вспоминаю за последние месяцы: «вагоны» переполнены — и люди *никуда не пускают и не хотят пустить*. Напротив. Есть в разных местах организации, которые еще несколько лет тому назад выспрашивали у меня, как надо лучше повести борьбу с коммунистами и коммунизмом, давая понять, что непременно привлекут меня; а теперь — пытаются осуществить это *сами*, без меня, и я только стороной узнаю об этом, потому что они сами, т<о> е<сть> их руководители скрывают это от меня.

Я не думаю, я не смею думать, что Господь меня забыл и предоставит мне умереть здесь где-нибудь под забором, в клевете и унижениях. Слишком уж ясно было мне в жизни не раз, что он меня к чему-то иному готовил и, как это ни нескромно звучит, для чего-то иного не отдавал меня людям на растерзание. Невольно вспоминаешь А. К. Толстого:

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь,
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил...⁹³

И ведь только я один и Наталия Николаевна — мы знаем одни, что я, в сущности говоря, *еще не начинался*. Все *главное*, что я *должен* и *призван* выговорить, еще не видало света; все только еще в черновых рукописях или отрывках и конспектах... Не кинет Он меня такого на бессильное умирание. Но Вы поймете, что бывают часы, когда эта надежда колеблется или исчезает, и тогда уныние владеет мною всецело.

Простите мне грустное письмо, но дружба в жизни существует не для скрывания и не для притворства.

Наталия Николаевна шлет Вам душевный привет, а я почтительнейше целую Ваши ручки.

Ваш И<льин>.

1935.IV. 23.

Н. Н. Крамарж

<1935.V.15>⁹⁴

Дорогая Надежда Николаевна!

Спасибо Вам за весточку от третьего мая, хотя и не собственноручную. Пожалуйста, спросите Вашего доктора о нижеследующем средстве для глаз.

Dr. Römershausens Augenessenz.

Это средство старое. Мой дед, доктор медицины, применял его в своей семье. Я пользуюсь им с детства. Наталия Николаевна относилась к нему сначала недоверчиво; теперь его очень ценит. Оно предназначено специально для укрепления и поддержания утомленных глаз. Пахнет очень вкусно анисом. Применяется так. Берется *одна* чайная ложка эссенции и *пять* чайных ложек кипяченой воды. Смешивается. В этом разводе, который может стоять в особом пузырьке много недель — намачивается ватка и ваткой надо обтереть глаз снаружи — веко, уголки, бровь, немножко лоб, под глазом; и потом оставить ватку на глазу полежать минут пять. Надо делать это перед сном, на ночь, *в темноте*. Если *щиплет* — значит глаз утомлен; это *действует* лекарство. После трех, четырех обтираний таких — глаза становятся в работе неузнаваемы — помогает удивительно. Можно опять «забыть» про глаза, что это я *ими* смотрю.

Последнее письмо от Вас я имел в последних числах марта. Вы писали его три дня и последняя приписка была помечена 25/III. После этого я не имел от Вас ни слова. Если Вы писали еще 4 апреля, то это письмо до меня, увы, не дошло.

У Наталии Николаевны все еще хрипота, которая меня очень беспокоит. Я здоров. Изю всех сил добываю себе честный и независимый литературный заработок. Думаю, что Господь поможет.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам душевный привет, а я целую Ваши ручки.

Ваш И<льин>.

1935.V. 15.

Посылаю Вам хорошую русскую девочку⁹⁵, она идет от светлой заутрени!

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

1

А. В. Карташеву

<1923.I.11>¹

Адр.: Berlin-Grunewald. Jagow Str. 10 III.

T. Uhland. 23-49. Prof. I. Iljin.

1923.I.11

1922.XII.29

Берлин

Глубокоуважаемый Антон Владимирович!

Обращаюсь к Вам по поручению Организационного Совета Русского Научного Института в Берлине.

Мы просим Вас согласиться читать у нас курс «Церковь и государство в России»². Этот курс предносится нам как обязательный для слушателей правового и культурно-философского отделений. Размер *два* часа в неделю. При выборе в штатные преподаватели это даст вознаграждения: 15 долларов в месяц жалованья и 5 долларов в месяц лекционных (если институт «пойдет», то вознаграждение будет идти в таком размере круглый год).

К этому деловому изложению считаю необходимым присовокупить от себя следующее.

Институт имеет 4 отделения: культурно-философское, правовое, экономическое и естественно-агрономическое. Задача его: дать русским о России духовно-научное видение и знание, т. е., прежде всего, произвести опыт национального само-осознания в беде и к возрождению. Во главе стоят профессора, изгнанные этой осенью из Москвы и Петрограда. Философско-религиозная интенция преобладает, но есть и вечно-слепые атеисты типа Прокоповича.

Курс этот («Церк<овь> и госуд<арство> в России»), как *абсолютно-необходимый*, выдвинул и отстоял — я. Мыслится он мне и как исторически-национальный, и как апологетический в отношении к *русскому* православию (до Петровской эпохи), и как философско-религиозный, и как действенно-очистительный. Бердяев, Франк и я решили обратиться к Вам; преосв. Евлогий³ благословил; организационный комитет присоединился. Со-

гласие Ваше было бы нам дорого во *всех* отношениях: и академическом, и религиозном, и личном. Программа максимум: Вы переезжаете в Берлин и закрепляете этим ту духовную концентрацию, которая здесь началась и происходит. Программа минимум: Вы наезжаете к нам периодически. Семестры замыслены: февраль — май и сентябрь — декабрь. Летом предполагается перерыв.

Не могу не добавить: Вашу статью⁴ во втором выпуске «евразийцев» я прочел с глубочайшим удовлетворением. Если Вы захотите, то я выскажусь подробнее в личном общении.

Сейчас здесь П. Б. Струве (у него тяжело болен сын, Лева) и В. В. Шульгин. Последний, кажется, хочет жить в Берлине.

Очень прошу Вас о скором и благоприятном ответе.
С искренним уважением

И. А. Ильин.

2

*П. Н. Савицкому*⁵

<1923.XII.23/10>⁶

Дорогой Петр Николаевич!

Не ответил Вам сразу потому, что ждал Вас в Берлин, собирался сам в Прагу и хотелось при личном свидании обсудить еще некоторые стороны вопроса о «Сборнике»⁷. Но с тех пор захворали Вы и не приехали, слег я и до сих пор не могу выправиться (затяжной грипп с невысокой температурой и хрипотой — вероятно очередной визит моего легочного катара). Значит — надо писать.

Благодарю Вас и в Вашем лице инициативную группу А. Д. Билимовича, К. И. Зайцева и П. А. Остроухова⁸ — за приглашение в сборник в честь П. Б. Струве. Уверен, что сборник удастся. Статью пришлю⁹. Долго обдумывал что именно: казалось мне, что надо соблюсти — дух Петра Бернгардовича, и мою лабораторию, и... восемь страничек. Кажется, остановился окончательно на «Духовной природе политического компромисса», но прошу не считать заглавие окончательно установленным.

Имею сделать еще одно предложение. Дело в том, что мой философский лик, годами обращенный к Петру Бернгардовичу и к приятию его служения, — так же как

и вся моя философическая лаборатория, *двулики* вот уже скоро 20 лет. Моя жена, Наталия Николаевна Вокач-Ильина (ее работы печатались и в Русской Мысли, и в Вопросах Философии), — соучаствовала годами в этом «приятти»: и в истории моей на диспуте П<етра> Б<ернгардовича>¹⁰ в Москве, и в нашем «пристанодержательстве» 1917 – 1918 года, и в белом служении. Потому она имеет такое же, как и я, так сказать, «естественное право» внести свою лепту в этот сборник; и я уверен, что если бы Вы все знали, то это «естественное право» показалось бы Вам бесспорным.

У нее есть из области поэтики, в которой она работала последние годы, короткий, но глубокий этюд об «Арионе» Пушкина¹¹, посвященный тому обстоянию, в силу которого человек, несущий служение Божьему делу — не гибнет, хранимый силою призвания и стихий. Имея в виду эту тему, и памятуя отношение П<етра> Б<ернгардовича> к Пушкину, — думаю, что редакция совершила бы неошибочный шаг, приняв эту вещь в Сборник.

Теперь *privatim*¹². У нас устраивается замкнутое идейное общение, о коем *не разглашается*¹³ (участвует и П. П. Сувчинский¹⁴). Позвольте мне просить Вас, при первом же приезде Вашем в Берлин, принять в нем участие и сделать вступление в беседу о «Современном кризисе социализма». Именно об этом очень хотелось бы слышать именно от Вас. Беседы будут самые непритязательные и дружеские.

От души желаю Вам скорее поправиться. Кажется, Ваш случай — есть вопрос питания и обмена веществ — выздоравливайте!

Душевно радуюсь возможному свиданию. Жду ответа по обоим пунктам и крепко жму руку.

Ваш И. Ильин.

Berlin. Grunewald
Jagow Str. 10^{III}

1923./XII.23/10

Св. Патриарх, — узнав о несогласии восточных патриархов объединить «стили» уступкой, отменил¹⁵ свое объявление от 1 октября¹⁶. Дней 10 тому назад Сов<етская> власть *sua sponte*¹⁷ расклеила по Москве уста-

релое объявление Святейшего от 1 окт<ября>, как якобы не погашенное... Вот и разбирайтесь!

Все-таки — с праздником и с Новым Годом!

А у Вас в Праге «мудрецы» съезжаются — от Миллюкова¹⁸ до Максимки¹⁹, и господин Кусков (Катерин Дмитриевич) и madame Прокопович (Сергия Николаевна)²⁰. Без пяти минут Прокукиш... Поздравляю!.. Прокумак (максимка).

3

Б. В. Яковенко

1923. V. 8²¹

Berlin. Grunewald
Jagow Str. 10^{III}

Многоуважаемый Борис Валентинович!

Лучше поздно, чем никогда. И потому отвечаю Вам на Ваш Sturm-und-Drang-und-Schimpf-Brief²².

Я совсем не «иду в философии рука об руку с Бердяевым». Считаю, что он часто силен в «нет» и очень часто слаб в «да». По-прежнему, как и раньше, не признаю философским достижением его смешение религиозного подъема с психосексуальным «прозрением»; по-прежнему не считаю его ученым; по-прежнему вижу его манеру переоценивать свои субъективные Einfälle²³ и раздувать их (с беспомощным насильничанием над материалом) в мировоззрительные концепции. Он просто не знает, что такое лаборатория философского опыта, и потому всегда волнуется и сердится, когда я говорю об этой лаборатории и о необходимости систематически работать в ней.

Но... нет оснований, чтобы не печататься в его журнале или не прочесть в его кружке свой доклад. Пока там есть духовный Existenz-minimum²⁴, это приемлемо.

Духовный же экзистенц минимум определяется термином: *искреннее отвержение сатаны*. В этом главное.

Сейчас сатана принял образ социально-политический по преимуществу; и потому ему название дается — «политически-ориентационное». Однако он этим далеко не исчерпывается. Ему есть и церковно-конфессиональное имя: «живая церковь». Ему есть и метафизическое

имя: «материализм». И трансцендентально-ценностное: «нигилизм»; и т. д.

Могу ли я литературно сосуществовать (отнюдь не лабораторно-со-быть) с человеком отвергающим сатану героически, но лишенным духовной лаборатории? Могу.

Могу ли я литературно сосуществовать с человеком приемлющим (хотя бы по неосведомленности) сатану в одном из его зраков? Нет, не могу.

Например. Могу ли я писать в журнале, поддерживающем «живую церковь»? Нет, ибо это значило бы для меня *заживо умереть*. Я представляю себе, что я могу наложить на себя руки — но только физически, а не духовно. Как приобщиться к сорока шести «епископам»²⁵, извергающим и казнящим Святейшего Патриарха?..²⁶

Или: могу ли я писать в журнале, поддерживающем «материализм и нигилизм», но отвергающем «живую церковь» и «большевиков»? Нет. Лучше буду сам жечь свои писания.

Или: могу ли я писать в журнале, поддерживающем в искусстве Шершеневича²⁷ и Маяковского²⁸, в правописании — перверзную²⁹ безграмотность, в конфессии — «живую церковь», но отвергающем «материализм и коммунизм»?

Нет. Лучше буду подражать по мере сил св. Петру Молчальнику³⁰.

Это не «один уголок Суцаго» «заедает в нас все Сущее». Нет; но Бытие ищет Бытия и не объединяется с небытием, как бы это небытие ни утверждало себя само в качестве лика Бытия. Политика сейчас не уголок, а оселок, лакмусова бумага, пробирная палатка — измеряющая духовное здоровье человека. Конечно — это «благоразумно» — отойти от зла. Но христианин призван к иному своим Учителем: подойти ко злу, принять его в себя на пути художественного отождествления с ним, и, приняв его — *не стать им*; познать его в опыте — *не заражаясь им*; изведать его природу — чтобы зорко и верно и неодолимо противостоять ему, и в себе, и в других.

Только Степуну да Шелеру³¹, да Карсавину простиительно по их конструктивному легкомыслию — играть словом «не-на-вижу» и «от-вращаюсь», чтобы компроме-

тировать чужое отвержение революции как «проявление слепоты». Не мы слепы, отвергающие сатану во всех его видоизменениях и ликах; а *они гнили* в своей духовной утробе, приемля смрад и уверяя, что то не смрад. И гниль их однажды еще поразит общее обоняние.

А Вы? Вы подошли к революции и большевизму, как дурной схоластик, конструирующий неданное в опыте так, как если бы великолепный Бэкон³² никогда не грозил на всех априорных конструкторов перстом индукции!..

Говорить о неданном, как о данном; о неиспытанном, как испытанном; о воображенном, как о познанном — сие есть *наивность*. Пожалуйте в кузницу — wo es hämmert und giftet und mit Blut speit³³. Вас давно ждет улыбка Фафнера³⁴, бесстыдный жест обезьяны, кощунственная хула одержимых сифилитиков. Поезжайте, посмотрите, предметно войдите в эти смрадные воды — и тогда еще раз «примите революцию» и пригласите меня в журнал «философии большевизма». Да — не выйдет. Если поедете и увидите — то или отвергнете их, или — это будете уже не Вы, а нечто новое, что ко мне и не обратиться.

И все это — утверждаю, как для меня окончательное, ибо уже совсем не «для меня» подлинное.

И позицию эту — необходимую и единственную — утверждаю как «правомерную», «достойную», «осмысленную» и «спасительную».

Gott helfe mir! Amen³⁵.

И<льин>.

4

Н. А. Бердяеву

1924. III. 25³⁶

Берлин

Дорогой Николай Александрович!

Я получил только что Ваше письмо и спешу Вам ответить. — Вопрос о дефиците я давно и всесторонне обдумал и мое принципиальное убеждение сводится к тому, что самим профессорам ездить по богатым людям Берлина, выпрашивая денег на Научный Институт, не следует. Деньги должен собирать в случае дефицита не академи-

ческий состав высшего учебного заведения, а особое, общественно-организованное на сей предмет учреждение — финансовый комитет вне-партийного и (в известном объеме) *всепартийного* состава (§§ 25 — 27 нашего Устава)³⁷.

Во-первых — просящий профессор в просьбе своей не отделяет и не может отделить личной нужды профессорского состава от академической, т. е. в конечном счете национально-государственной потребности. Призыв жертвовать на дело — получает вследствие этого оттенок персональной благотворительности, а со стороны хлопотущего — оттенок «выпрашивания на бедность». Авторитетный общественный деятель, напротив, просящий *не для себя*, — не является просителем; вследствие этого соблюдается достоинство и Академии, и академиков, и того, кто ведет переговоры.

Во-вторых — просящий профессор, прося, *вынужден* прибегать к научно-общественной аттестации и, следовательно, неизбежно — коллективной *само*-аттестации в этих переговорах. Следует ли и стоит ли жертвовать известному учреждению — об этом должны судить, говорить и решать люди общественно-авторитетные и в то же время *не* связанные личным заработком с данным учреждением. Иначе будет страдать и достоинство Академии, и достоинство академиков.

В-третьих — персональный состав *просимых* должен быть непременно предварительно *обсужден* в финансовом комитете, причем общественные деятели прежде, чем начинать переговоры, должны получить на это согласие профессорской корпорации (в лице правления), ибо не от всякого приемлем взнос. Так, принципиально *неприемлем* взнос от лиц *крайнего* направления, ибо они, вследствие своей крайности, не умеют и не хотят блюсти этико-культурного уровня в делах. Кто у кого берет *лично* — это личное дело каждого. Академия же не может быть безразлична к источнику средств, если она желает блюсти свое достоинство.

В-четвертых — только сотрудничество общественно-авторитетного коллектива может дать гарантию жертвователью, что финансовое хозяйство нуждающейся Акаде-

мии стоит на высоте в смысле прихода, расхода и контроля. Это есть блюение гласности, общественности и отчетности, которое не может быть заменено ничьей *персональной* частностью и энергиею.

Все эти основания заставляют относиться принципиально отрицательно к личным и непосредственным переговорам профессоров с богатыми людьми. Каждый отказ будет унижительным; каждое пожертвование будет тягостным. Это путь общественно, организационно и академически ошибочный и на нем будут неприятности и унижения.

С декабря я уговаривал Всеволода Ивановича³⁸ обновить состав финансового комитета, освежить его состав и дать ему определенное задание. Сначала он говорил, что «правый» состав комитета — Шлиппе и Хрипунов — не захотят этого обновления и будут возражать против введения в комитет некоторых уважаемых евреев (в силу одного того, что они «евреи»). Когда же я, переговорив с Шлиппе и Хрипуновым, получил от них полное согласие, тогда фин<ансовый> комитет все-таки не созывался; дело откладывалось, все свелось к личным переговорам В. И. Ясинского с разными лицами и в настоящее время дело сведено к личным поездкам профессоров к богатым людям. Ссылки В<севолода> И<вановича> на «трудность создать фин<ансовый> комитет» — мне представляются неубедительными.

Думаю, что единственный исход — вернуться к прежнему способу разрешения финансового вопроса. Общественное дело не может и не должно строиться на противоположенных путях.

О сем пишу и В. И. Ясинскому лично.

Надеюсь, что, поправившись, я смогу повидаться с Вами и восполнить мои пропущенные лекции в Академии. Институтские лекции мои немногочисленны, и я читаю их на дому.

Мы оба шлем привет Вам, Лидии Юдифовне и Евгении Юдифовне³⁹.

Ваш И. Ильин.

Н. А. Бердяеву

<1924.IV.29>⁴⁰

Христос Воскресе!

Дорогой Николай Александрович!

Очень прошу Вас помочь мне. Доктора нашли у меня катар левой легочной верхушки. Шлют на юг. Надо наскрести денег. Я говорил с С. Л. Франком, прося его протолкнуть какую-нибудь мою вещь в YMCA-PRESS. Он обещал переговорить с Вами. Кульману⁴¹ говорил кое-что Ф. Т. Пьянов⁴².

Обдумав все, я хотел бы предложить следующее: небольшую книжку листов в пять, составленную из четырех речей, под заглавием:

«Религиозный смысл философии»⁴³

а) Философия как духовное делание.

в) Философия Фихте как религия совести⁴⁴.

с) Философия и жизнь.

д) Возрождение филос<офского> опыта.

Я бы редакционно причесал их, кое-что упростил бы. Это дало бы четыре главы, освещающие разные стороны единой постановки единой проблемы. Последняя речь была написана в прошлом году для Академии⁴⁵. Что это «речи» — можно было бы совсем в печати не указывать. Я думаю, что это вышло бы цельно. Вы все эти вещи знаете.

Если можете и хотите, то помогите! С. Л. Франк был так добр, что хотел переговорить с Вышеславцевым⁴⁶.

Только ради Бога — по *старой* орфографии!

Сегодня получил письмо от Кульмана с приглашением к Мотту⁴⁷. Не могу ехать...

Очень хотел бы прочитать в мае еще несколько лекций в Академии по моему курсу...

Много и долго лежу и думаю. И какую бездонную скорбью щемит иногда душа — о нашей России!..

Крепко жму Вашу руку. Всех Ваших сердечно поздравляю с праздником.

Ваш И. Ильин.

1924.IV.29.

Раньше июня выехать никак не удастся.

Рукопись я мог бы представить через неделю, куда Вы укажете.

6

Б. И. Элькину⁴⁸1925. VI. 25⁴⁹

Berlin-Westend.

Ahorn Allee. 6.

T. Westend 8— 69.

Милостивый Государь Борис Исаакович!

Обращаюсь к Вам по указанию высокоценного мною Юлия Исаевича Айхенвальда.

Я с 1922 года, после изгнания из России, нахожусь в Берлине и ни разу не обращался за помощью в благотворительные фонды — ныне, находясь в трудном материальном положении, вследствие соединившихся болезней моей и жены моей, которой только что пришлось делать в клинике дорогостоящую операцию, и не имея чем заплатить за эту операцию, я решаюсь обратиться к фонду помощи литераторам и ученым с просьбою отпустить мне в безвозвратную ссуду необходимую для расплаты сумму.

100 марок вывели бы меня из затруднения.

С совершенным уважением

Проф. Иван Александрович Ильин

7

Е. В. Саблину<1927. VI. 21>⁵⁰

**ВНЕПАРТИЙНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ
В ГЕРМАНИИ**

Берлин, 21 июня 1927 г.

Господину

Е. В. САБЛИНУ

Глубокоуважаемый Евгений Васильевич!

Последовавший ныне разрыв дипломатических отношений Великобритании с СССР, как бы ни были, может быть, ограничены его непосредственные и реальные последствия, является важнейшим этапом в деле крушения международного престижа советской власти и образования общеевропейского антибольшевистского фронта.

Внепартийное Национальное Объединение Русских в Германии осведомлено о том, в какой мере этот важный

шаг в деле грядущего освобождения нашей родины обязан Вашей заметной, самоотверженной и патриотической деятельностью. Мы считаем поэтому своим нравственным долгом выразить Вам, глубокоуважаемый Евгений Васильевич, наши чувства глубокого уважения и искренней благодарности за понесенные Вами до сих пор труды и от души пожелать Вам сил, бодрости и успеха в предстоящей еще нам всем долгой и тяжелой работе за дело освобождения и возрождения России.

Мы твердо надеемся на то, что впредь мы будем стоять с Вами в волевом и деловом единении и просим Вас связаться с нами непосредственно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ И. А. Ильин
СЕКРЕТАРЬ В. Гефдинг

8

Е. В. Саблину

<1927.VI.22>⁵¹

Глубокоуважаемый Евгений Васильевич!

Препровождая Вам при сем наше приветствие⁵², хочу от себя лично добавить кое-что по существу.

1. Как никогда до сих пор, нам нужен крепкий волевой сговор. Чем скорее он состоится, тем лучше. На Зар<убежном> съезде я был и повторение этого варева никак не могу считать целесообразным. Такие дозы людей нецелесообразны. Если бы я имел возможность (в смысле средств) — то я немедленно оплатил бы маленький съезд, напр<имер>, в городе кружев. Но я их вовсе лишен. Тем не менее 1 июля еду на запад и в начале июля проведу несколько дней в Париже. Июль, август, сентябрь думаю провести на юге Франции. Был бы рад, если бы оказалось возможным как-нибудь использовать это мое пребывание.

2. Считал бы чрезвычайно важным, если бы нам удалось прочно связаться на предыдущее время. С осени я вернусь сюда опять на постоянное житье. А до тех пор меня здесь во всех отношениях заместит Владимир Федорович Гефдинг (Berlin-Friedenau. Ring. Str. 38 I). Он просит Вас, не могли бы Вы прислать ему экземпляр «белой книги».

3. В Париже я увижусь с П<етром> Б<ернгардови-
чем>. Остановлюсь Paris XVI. 51. rue Chardon Lagache у
Л. С. Мееровича⁵³.

Проф. Ив. Александр. Ильин.

1927.VI.22.

Berlin-Wilm. Südwestkorso 18/0.

9

Н. Н. Львову

<1927.XII.15>⁵⁴

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Николаевич, я получил Ваше письмо и всесторонне обдумал его. И вот что я при настоящем положении дел могу ответить Вам.

Я не говорю Вам «нет, не пойду в Возрождение». Того категорического и страстного отказа, которым, по-видимому, ответил Вам П. Б. Струве, — у меня нет. Нет страстности, ибо я, слава Богу, стоял все время в ст<о>роне от редакционного раздора, а судить заочно о правоте и неправоте, да еще не выслушав другую сторону (что Вы, по-видимому, имели возможность сделать) — трудно. Нет и категоризма, ибо весь этот вопрос считаю не принципиально идейным, а тактически организационным. Но вот, именно в последнем масштабе и измерении для меня остаются некоторые сомнения. Может быть, Вы могли бы их устранить, уладив соответствующие обстоятельства.

Вопрос о редакторе. Газету всегда делают не сотрудники (они только материал, глина), а редактор, ибо он их писания подбирает, отсеживает и группирует. Однако подбор сотрудников обличает уже намерения редактора. Перед самым Вашим вступлением в Возрождение были наспех введены (помимо целой толпы вредных и не белых господ, вроде аморального кириллиста А. Л. Байкова⁵⁵, безответственного парадоксалиста Салтыкова⁵⁶ и т. д.) — еще Гиппиус и Мережковский, исконные хулители и предатели белого духа. Что же? — это будет в лучшем случае парламент **мнений**? А в худшем — белые будут писать лишь постольку, поскольку это не задевает злую пошлую и самоуверенную гиппиусивщину (см. статью в номере от 12 декабря). Но кто же зовет Ильина в Возрождение: Н. Н. Львов или тот, кто поторопился на-

бить мешок с сотрудниками этой гнилой картошкой? Кто будет *редактировать* статьи Ильина: Н. Н. Львов или неавторитетный и лишенный политической физиономии брат Юлий Семенов? Для меня это кардинальный вопрос: ибо неуверенность в редакторе всегда кастрировала и будет кастрировать мою писательскую способность. Не зная редакторской партитуры, я не могу побудить себя писать. Но идти в Возрождение с тем, чтобы не писать... имеет ли смысл? Это создаст для меня фальшивое положение, вызовет много лишнего раздражения и вреда и не даст ни грана пользы. Пустое имя (Ильина) в Возрождении, может быть, «не помешает» Семенову и Гукасову, но белому делу оно не нужно.

Мне писали друзья из Парижа, что Вы входите в Возрождение председателем редакционного комитета... это имело бы совершенно определенное значение! Но из Вашего письма как будто вытекает, что Вы пошли «сотрудником в газету под редакцией Семенова». Дорогой Друг! Я Семенова не ценю и ему не верю. Если я пойду *под него*, то я совсем не смогу заставить себя писать и фактически писать не буду... верьте мне, я знаю себя. Я знаю также по сотрудничеству в газете Струве, что такое заглазный, иногородний сотрудник... Каждый автор сам «пасет» в редакции и бережет свою статью. Статья заглазного автора есть беспастушья статья, беззащитный материал для редакторского, помощникоредакторского и даже метранпажного усмотрения. Я не могу идти на это. Всегда бывает так, что как только я начинаю чувствовать небрежность, искажение или профанацию — я (буквально) проклиная час написания моей статьи... и следующая статья не родится совсем. Таким образом газета, отвергшая мою статью, закупоривает мою писательскую волю; газета же, исказившая мою статью, обеспечивает себе мое неучастие. Это не праздное самолюбие и не гордыня; когда я пишу, я весь сижу в каждом моем слове; и только настоящее духовное и моральное доверие к человеку может побудить меня не закупориваться при мысли о редакторском карандаше. Писать же в безличную и духовно мне решительно не импонирующую редакционную пустоту — я не смогу и не буду: в писании я не механизм и не спец, а организм и (простите) артист...

Коротко говоря: вхождение мое в Возрождение при отсутствии редакторской гарантии было бы шагом безнадежным, ошибочным и вредным, но Ваше редакторское имя могло бы меня устроить вполне.

Ввиду всего этого я считал бы, что возвращение ушедших следовало бы проводить в порядке *медленного* завоевания позиций. Ваше вхождение есть лишь первый шаг — захват тот де пона⁵⁷. Прежде чем перебрасывать силы, мне кажется необходимо постепенно закрепить этот тот де пон, расширить и обеспечить его так, чтобы быть уверенным, что переброшенная артиллерия не будет в два счета сброшена в реку. Если редакционных гарантий нельзя взять и дать сейчас, то лучше подождать некоторое время, пока они не будут взяты и даны.

Из других сторон дела меня интересует главным образом одна: как договорились Вы, входя в Возрождение с Петром Бернгардовичем, какую позицию он занял по отношению к Вашему вступлению и как сложились после этого Ваши отношения? Неужели белый фронт дал здесь новую трещину?! Было бы весьма тягостно, если бы П<етр> Б<ернгардович> не смог или не захотел признать, что белое и идейное Возрождение и теперь необходимо для Белого дела, а что безликое беспринципное и розовое Возрождение будет вреднейшей брешью и опасностью... Создать нить духовного сотрудничества (хотя бы и закулисную) между его газетой и Возрождением — значило бы сделать большое дело. Но я конечно предусматриваю, что это будет очень трудно, если верны слухи о том, что Россия сольется с Борьбой за Россию для превращения в ежедневную газету: комбинация Струве-Рысс-Мельгунов-Деникин... — это будет уже не белая, а розовая комбинация, комбинация не за единство, а против главного командования... — это уже для любителя...

Обо мне не давайте пока никакого ответа Гукасову-Семенову. Если необходимо, то скажите, что вопрос обсуждается, но добавьте, что вхождение Гиппиус и Мережковского учитывается во *всем* Берлине как *резкий* поворот *налево* — прочь от белой идеи. Важнее всего было бы нам повидаться лично. Ваш приезд сюда был бы чрезвычайно важен и полезен.

Душевно обнимаю Вас, что Ваш одинокий и героический поступок и очень жду ответа.

10

Кадетам в Сербию
Русский Колокол
Журнал волевой идеи

<1928. VI.18>⁵⁸

Берлин «18» июня 1928
Berlin W 50
Augsburger Strasse 56 IV

Милые друзья!

России нужны рыцари. В этом все. Вас вывез из Крыма русский рыцарь⁵⁹; Вас воспитывали в духе рыцарственности. Будьте же сами русскими рыцарями, — а остальное во власти Божией.

Знайте, что жить на свете стоит только тем, за что стоит бороться и умереть. Знайте, что человек без характера и воли есть величина мнимая; и что ответственность и вина лежит всегда на мужчине, а не на женщине.

Больше всего берегите в себе чувство священного; без него жизнь превращается в болото пошлости и низости.

Всегда помните, что торгующих из храма изгнала⁶⁰ та самая Рука, которая не устала исцелять больных.

Непоколебимо верьте в величие России, в ее священное призвание, в ее прекрасное и светлое будущее. Верьте еще, что иметь Царя не унижительно, а возвышающе и царственно. И раз навсегда до конца продумайте, что собственность необходима хозяйствующему на земле человеку и что опасные стороны ее преодолеваются не социализмом, а творческим трудом и щедростью.

Благодарю Вас за то, что обратились ко мне. Пришлите мне все Ваши имена, отчества и фамилии⁶¹. И если когда-нибудь кому-нибудь из Вас понадобится мое суждение, или совет, или участие, то пусть он только напишет мне письмо за полной подписью и приведет тринадцатое и четырнадцатое слова этого письма, считая от начала.

Помоги Вам Господь! Он силен и всегда близок.

С. Д. Боткину⁶²<1928.VII.14.>⁶³

Дорогой Сергей Дмитриевич

Как летит время! Уже пол-июля проскочило! Я завален спешной работой — мало вижу природу и людей; к тому же только что боролся с температурным гастритом. А погода жаркая и сухая...

Пришла виза из Швейцарии (без Caution^{64!}). Ура и мерси! Но теперь еще беда: мы забыли то местечко, которое нам указывали Нина Евгеньевна⁶⁵ и Вы. Если можно — рекомендуем вам все, что можно!

Беспокоит меня итальянская виза; хотя время еще есть и достаточно, но мне только что передавали случай, когда ответ пришел *через 4 месяца* (!!) — и положительный! Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы можно было побудить посла *написать в Рим письмо* с рекомендацией, чтобы не канителили... И только. Сделайте это, если можно!

Глубоко удручен новым поворотом церковной распри⁶⁶. Хочется *правды* и *правдивости*, как в-о-з-д-у-х-а! Может быть, Евлогий врет, но как проверить?!? Может быть, Сергей⁶⁷ врет, но как доказать это?!? А документы Антония⁶⁸ (вчера пришли в Новом Времени) — как всегда грубы, тупы, самодовольны и партийны. *Таким* языком Церковь не должна говорить. А обращение Евлогия дышит такой кривизной, софистикой и лично-партийно мотивированной сменевеховщиной, что нечем дышать!

Боюсь, что для Владим<ирского> братства евлогианская позиция будет означать: «извините, Совнарком, что мы вели с Вами процесс и не были лояльны и разрешите Вам вручить церковное имущество Гегеля!»⁶⁹

Целую ручки Нины Евгеньевны и крепко жму Вашу руку.

Как въехали к Вам книги? Вы не бранили меня?

Ваш И. И<льин>.

1926.VII.14.

Gauting bei München. bei Durnovo.

С. Д. Боткину

<1928.VIII.28>⁷⁰

Состою в переписке с разными городами по поводу «домовладельческих» докладов о «собственности»⁷¹. В частности, имею два приглашения и на Берлин. В домовладельческий район Steglitz-Lichterfelde-Lenkowitz на 28 октября; и в общеберлинский союз на 30 октября. Последний, по-видимому, хочет снять Zirkus-Busch — ибо пишет о публике на 10 — 15 тысяч человек. Я согласился, но поставил условием: контакт ихнего центра с буржуазными членами рейхстага и Совета Министров и наличность охранной дружины. Советовал им не расклеивать афиш.

Сие сообщаю Вам *конфиденциально* — не для других!

Переписка у меня идет с городами Нюрнбергом, Лейпцигом, Торгау, Циттау, Бейтоном, Гамбургом, Кёльном и Ганновером. Вероятно, будут и другие зовы. Текст моего доклада имеется у А. И. Бунге.

Уилльяму⁷² я об этом ничего не писал и не буду. Если он будет говорить, что это началось через клуб, — то это неверно. Центр домовладельцев нашел отчет в Dresdener Nachrichten о моем выступлении в Дрездене у Сатина⁷³.

Жду содействия от Вашей мощной длани и крепко жму ее. Наталия Николаевна шлет привет Нине Евгеньевне (я целую ее ручки) и Вам.

Ваш Побродячий Профессор.

1928.VIII.28.

Адреса: или — Gausting. Bei Durnowo.

или — Innsbruck Hauptpostlagernd.

С. Д. Боткину

<1928.X.23>⁷⁴

Дорогой Сергей Дмитриевич!

Вот данные, необходимые для моего документа:

Мать моя — урожденная Carolina Schweikert von Stadion. Отец ее — мой дед Iulius Schweikert von Stadion, preussischer Staatsangehöriger⁷⁵, родился в самом начале XIX века в Виттенберге на Эльбе (Preussen, Provinz

Sachsen)⁷⁶, окончил университет в Германии и получил доктора медицины. В середине XIX века он переселился в Россию врачом, где и умер в 1876 году⁷⁷.

Таким образом я являюсь *mütterlicherseits* «*Deutschstämmiger Ausländer*»⁷⁸.

О том, что я являюсь *Weiser Schein*⁷⁹, думается, лучше не упоминать, но подчеркнутые слова лучше вставить, кажется мне.

Сведения достоверны: они целиком помещены на памятнике моему деду в Москве на Введенском кладбище (иноверческом). Он был лютеровой ереси.

Очень надеюсь на днях побеседовать с Вами как следует.

Прилагаю пригласительную *Ehren*⁸⁰ карту.

Ваш И. И<льин>.

1928.X.23.

14

С. В. Рахманинову

<1928. XII.2>⁸¹

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Вы не можете себе представить, как мне грустно, что я не слышал Вас в этот Ваш приезд в Германию... Тем более, что Наталия Николаевна слушала Вас в Берлине все три раза и писала мне в Гамбург о своих впечатлениях. Это было подлинное торжество музыкальной России! А мне не удалось пережить его вместе с другими... Не удалось потому, что на меня свалилась целая волна немецких выступлений, лекций на немецком языке, необходимых для России; и назначать сроки для них мне пришлось тогда, когда я никакими усилиями не мог установить дни Ваших концертов. Моя последняя надежда была попасть на Ваш концерт в Дрездене, но и тут дни разошлись, и 24 ноября я должен был говорить в Силезии.

Ныне решаюсь обратиться к Вам по следующему делу. Года полтора тому назад один знакомый привел ко мне русского промышленника, москвича, прожившего 9 лет под большевиками и объездившего, в связи со своею службою у них, всю Россию. Он пришел ко мне эмигрантом и сказал мне, что он считает направление моих книг, бро-

шюр и статей соответствующим настроениям национальных кругов в России; эти люди таятся, томятся и арестовываются там, но думают в том же направлении — без партий, о русском деле, о возрождении, национально и патриотично. В связи с этим он предложил мне денег на создание соответствующего журнала, с моею инициативой и ответственностью. Я согласился и создал за год журнал «Русский Колокол», книжки которого я посылал Вам (как, впрочем, и все, печатавшиеся мною за границей). Для этого журнала мне удалось, создать и целый торговый аппарат. Сначала было чудно и страшновато — я никогда не торговал; потом пошло. У нас около 120 распространителей, работающих идейно и безвозмездно (от Харбина и Явы до Сан-Франциско, от Калькутты и Тегерана до Афин и Парижа). Наш тираж держится на уровне около 1000 экземпляров и давно превзошел все тиражи *всех* журналов в эмиграции. Редактор (я) и все сотрудники работают безвозмездно; весь аппарат наш в центре состоит из одного энергичного и идейного русского штабного генерала, который ведет переписку, распространение, секретарство и печатание. Только он один и получает небольшое жалованье.

И тем не менее мы не справляемся материально и вот почему. Эмиграция бедна. Она покупает недостаточно и, главное, *задерживает платежи*. Деньги переводятся с честностью идейных людей; но выплаты затягиваются. Поэтому работать дальше мы могли бы только — или при наличии оборотных денег (о чем мечтать не приходится), или же при наличии небольшой денежной субсидии. А между тем мой первоначальный деньгодатель увлекся в эмигрантские распри и начал отдавать свои средства на поддержку враждующих групп. Я все время работаю над сокращением расходов и довел дело в этом отношении до суровости и сущей беспощадности. И тем не менее для продолжения журнала мне не хватает в месяц 75 долларов. Если бы я мог получать эту сумму в месяц, Русский Колокол мог бы звонить дальше. Ныне же, благодаря задержкам в поступлении денег, начал накапливаться долг в типографии, который достиг 350 долларов. Напрасно я, скрепя сердце, — обращался к бога-

тым русским эмигрантам в Европе; рассказывал, доказывал и просил. Просил иногда у совсем незнакомых; посылал копии с тех многочисленных, поистине трогательных писем, которые редакция получала и получает доныне отовсюду. Я прилагаю их к этому письму; просмотрите их. Отовсюду, куда я обращался — шел отказ. И только сознание того, что я прошу *не* для себя, что я служу *делу* — давало мне силы, получая отказы, просить, скрепя сердце, еще и еще раз. Горько и грустно мне бывает думать, что радикально-республиканская газета «Борьба за Россию»⁸² (Париж), субсидируемая нефтяником Детердингом⁸³ и преследующая анти-большевистские цели (только гнушая налево) — расходует 40 000 долларов в год, проповедуя вредное; а наш Р<усский> К<олокол> останавливается из-за 75 долларов в месяц.

Я знаю, как часто люди просят у Вас; и именно поэтому я откладывал мое письмо к Вам до последней возможности. И в душе моей живет чувство, что если бы я *не* сказал Вам о том, что Р<усский> К<олокол> накануне гибели, то я потом всю жизнь втайне корил бы сам себя. Потому что по совести считаю Русский Колокол делом, необходимым для России, — всюду смута, шатание и соблазн, а России нужна интеллигенция верующая, твердая, государственно мыслящая и волевая. Если Вы просматривали книжки Русского Колокола (на всякий случай посылаю Вам еще раз две последние — пятую и шестую) — то Вы заметили наверное, что над всем царит непартийное и непристрастное Русское Дело. Я стараюсь выделять *священное* в русской истории и то, что должно *объединить* наши лучшие силы. А дальше надо углублять и расширять задачи: надо вести борьбу за настоящее русское искусство, надо вести суровую борьбу с социализмом, надо отстаивать начала здоровой семьи; надо углубить и очистить вопрос о монархии.

Но, может быть, не стоит говорить об этом подробно: у меня в душе всегда живет чувство, бессознательная уверенность, что Вы знаете и мой образ мыслей, и мои настроения. А словами и в письме — разве выговоришь нужное?

Не браните меня за эту просьбу о помощи. Повторяю — я прошу для Дела, и это дает мне энергию обратиться к Вам⁸⁴.

Искренне Вам преданный И. Ильин.

Адрес: Berlin W.Wormser Str. 4^{III}

1928. XII. 2.

15

С. В. Рахманинову

<1929.1.14>⁸⁵

Дорогой Сергей Васильевич!

Я получил и письмо Ваше и вслед за тем чек на восемьсот марок. Это достаточно для того, чтобы вывести дело Русского Колокола из состояния медленного умирания и возродить его работу. Мы приступаем на днях к набору седьмой книжки и принимаем все меры к тому, чтобы добиться самокупаемости, не урезывая ни количества, ни качества даваемого литературного материала, выгадывая все возможное и невозможное на шрифте, бумаге, тираже и т. д. Я никогда в жизни не издательствовал и не «торговал», а теперь учусь на ходу, вытачиваю технику дела, исправляю ошибки. И надеюсь, что теперь нам удастся стать на ноги...

Всей душой благодарю Вас за помощь! Мне дорого Ваше сочувствие и ободрение, мне отрадно получить помощь именно от Вас... И в то же время мне легко и радостно принять ее в силу моего давнишнего личного отношения к Вам.

Я бы очень хотел рассказать Вам однажды все замыслы и надежды, связанные у меня с журналом, в смысле постепенного оздоровления и обновления духа русской интеллигенции — во всем: и в религии, и в искусстве, и в государственности. Но встретимся ли мы, и когда, и где? Я очень прошу Вас — сделайте мне одолжение и прикажите Вашей концертной дирекции выслать мне расписание Вашего концертного турне по Европе на будущий год, как только расписание это выяснится. Я просто соблюду все дни Вашего выступления и не отдам их на расхищение, чтобы не повторилась история этого года.

Работа моя здесь, о которой Вам вероятно рассказывал Владимир Александрович⁸⁶, продолжается; поступают

все новые приглашения; январь, февраль и март заполнены до отказа. Это утомительно; это политическая проза; но у меня есть чувство необходимости и живого слушания.

У меня только что был здесь И. И. Сикорский⁸⁷, человек сильный и верный; мы думали и говорили — о Вас.

Наталия Николаевна шлет Вам привет. А я целую ручки Наталии Александровны⁸⁸.

Душевно Ваш И. Ильин

1929.I.14.

16

С. В. Рахманинову <1929, осень>⁸⁹

Дорогой Сергей Васильевич!

Радостно приветствую Ваше прибытие в Берлин! Двенадцать лет я не слышал Вас и только дома, через ноты и клавираусцуги⁹⁰, привезенные еще из России, я мог прикасаться к Вашей музыке... И сколько раз я утешал и укрощал ею бунтующего и томящегося во мне Саула⁹¹!..

Мы с Наталией Николаевной будем сегодня, 15-го, на репетиции и 16-го в концерте. Буду счастлив слышать Вас.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет Наталье Ал<ександровне> и Вам. Я целую ручки Н<аталье> А<лександровне>.

Душевно Вам преданный.

17

С. В. Рахманинову <1929.XII.6>⁹²

Дорогой Сергей Васильевич!

Я вернулся вчера домой потрясенный до глубины души. Хотел написать Вам сейчас же; но где же было взять слова?

Какие звуки! Какая власть! Какие линии! Это звуки — поистине серафической нежности и чистоты; это власть — микеланджеловской мощи; и эта солнечная прозрачность голосов; и это дыхание!.. И все это идет в «преисподние земли», «разрешая подлежащие связанные»...

Это музыка поистине — сверхчеловеческая. Минутами делалось даже страшно, как в очень высоких снежных горах. Хотелось спросить — да неужели это возможно?

Неужели мне когда-нибудь удастся найти слова, чтобы написать о Вашей музыке?..

Мне однажды в России сказала одна старушка, в виде благодарности: «Обрадуй тебя Господи!» Да обрадует же Вас Господь!

Ваш И. Ильин.

<19>29.XII.6. Берлин.

18

С. Д. Боткину

<1930.X.1>⁹³

Дорогой Сергей Дмитриевич!

Пожалуйста, не браните меня за то, что не сразу ответил на Ваше милое письмо. У меня был очень трудный сентябрь, и этим все объясняется. По-видимому, будет и октябрь трудный — но зато *книга выйдет*⁹⁴, и будет приличная книга. Но начну сначала.

Июль мы просидели в Beatenberg`e. Утомленность моя была так велика, что я целыми днями или дремал, или ходил сонный. Возился с сердцем, с желудком. Но зато питались мы хорошо. Август мы провели в Mogschach у Фирв<альдштеттского> озера (над Brunnen) — и тоже питались удовлетворительно. Так что в августе я уже писал и свое, и в Tag⁹⁵, где появились три моих статьи мордобойного характера. К сентябрю я отдохнул. Но тут-то все и началось. Два спешных заказа из Берлина и подготовка сборника⁹⁶. И вот я опять обложен советскими мерзкими материалами, вырезками, статьями и сводками; и дело кипит. Дело в том, что я с весны окончательно плюн<ул> на Вильяма⁹⁷ и, договорившись с Эрвином Бартельсом⁹⁸ (он ведет Eckart-Verlag, обслуживающий протест<антский> центр), стал искать других возможностей. Искались они *трудно*; все жилы тянулись из меня. Но Бартельс *уверовал* в дело и был неумолим и изобретателен. У нас с ним все время, с моего отъезда, шла напряженная переписка; с ним работать очень приятно и легко. Достаточно сказать, что на днях у нас было уже 233 предварительных, по 20 марок за том, подписчика (он разослал повсюду обращение от Evangelischer Presseverband⁹⁹); — ну да всего не расскажешь.

Печатание, т. е. набор может начаться со дня на день. Целый ряд статей надо подновлять или обновлять. Напр<имер> совершенно устарела статья Гефдинга о пятилетке и т. д. Рассылать статьи по авторам невозможно. И вот все статьи, кроме Гефдинговых — я обновляю сам, доводя материал до сентября 1930 года... Можете себе представить, что это за работа. Дохожу до полного обалдения — но дело двигаю. С письмами справляюсь только с катастрофическими.

Вот два дня перерыв. Сентябрь мы провели (после 5 дней Лугано) — на Lago di Como в Argegno. Было хорошо. Живем мы всюду дешево, а при переездах едим, что Бог пошлет. Монету приходится экономить. Вчера мы провели день в Милане; видели опять Brega, Poldi-Pezzoldi, Cenacolo. Сегодня мы в Bergamo, откуда из отелишки карандашом, вечером я Вам и пишу. Отсюда уедем в Сиену — молиться полукатолическим, полувизантийским мадоннам. И конечно, расковыривать большевистские материалы. Когда я над ними работаю — я весь день *убит* — на сердце отчаяние и глоток стоит в горле. Никто в Европе из иностранцев и не подозревает, что там делается и варится. А еще жалуются на свои кризисы и нищету. Эх — сказал бы словечко, да тут нельзя — Turpiloquio¹⁰⁰ карается, bestemmia¹⁰¹ тоже. Вот и притворяйся, что у тебя в душе не темперамент, а pollo bollito¹⁰².

Bergamo великолепен. Какое своеобразие, какая capella Colleoni, какой музей! Одна мадонна Andrea Mantegna — целая радость!

Я буду еще в отсутствии до 20 октября¹⁰³. Возможно, что к этому времени набор сборника будет окончен и уже начнется сверстка. О тамошних делах я осведомлен, а что думаю, расскажу при свидании.

Крепко жму Вашу руку. Очень радуюсь тому, что Вы побывали в Зальцширфе — я все беспокоился, выйдет ли это у Вас.

К материальной стороне — не приложу ума. Надеюсь, что Ваша внучка поправилась.

Шлю Вам saluti del bimbo¹⁰⁴ и sorriso del sofferente¹⁰⁵.

Наталья Николаевна присоединяется к *первому* (я ее нарочно спрашивал).

Ваш И. И<льин>.

Адрес: Siena. Fermo in Posta.
1930.X.1.

19

М. М. Федорову

<1931.VI.22>¹⁰⁶

Дорогой Михаил Михайлович!

Перегруженность и переутомленность задержали мой ответ Вам. Позвольте по пунктам.

1. О Строеве¹⁰⁷. Он действительно очень нуждается, и нуждается не потому просто, что лишен заработка, а потому, что он почти нетрудоспособен. История его такова.

Еще до своего выезда за границу в 1924 году он находился в Петербурге в нервной клинике. Был выслан. Точную формулу его нервно-душевного расстройства я определить не могу. Его нельзя признать неменяемым, но в то же время он всегда чреват поступками, которые целиком ему не вменишь. В Русском Научном Институте он никогда не преподавал: декан С. Л. Франк, человек мягкий и добрый, и другие историки не решились пригласить его; он всегда может понести «не то»; он не держит ни ассоциацию, ни аффекта, срывается и ставит всех в неловкое положение. Академический союз устроил ему небольшое пособие и жилище. Он преподавал в гимназии у Малышевой-Штейн; но потом она просила его прекратить уроки вследствие того, что он не соответственно обходился с учениками и ученицами. Конфликт его с Акад<емическим> союзом нарастал долго. Сначала Строев, не понимая своего состояния, объяснял отношение других к его преподавательским способностям личною интригою Франка; потом нашей общей интригой против него. Он приходил и требовал, устраивал дерзкие сцены; потом начал писать каждому из нас и всем другим о нас — всякие гадости, восхваляя себя (ему-де всю жизнь завидовали Ключевский¹⁰⁸ и Платонов¹⁰⁹) и понося нас (что мы присланные агенты ГПУ — это было самое любезное из его выражений). Эти письма однажды

пробили наше терпение. Вопрос об исключении Строева из Акад<емического> союза был поставлен. Он *не* прошел в первый раз: голоса воздержавшихся были сочтены *против* исключения и 2/3 не набралось. Через некоторое время он был поставлен второй раз. В собрании Ак<академического> союза председательствовал я. Было постановлено на основании не прекращающихся поношений и клевет Строева — предложить ему выйти из состава союза по собственному почину, если же он это предложение в течение месяца не примет, то «считать его выбывшим». Он не вышел, и предложение Ак<академического> союза (в *моей* формуле) вступило в силу. Поток поношений и клевет с его стороны продолжался. Приблизительно в это же время он подал на Ясинского и профессоров Научного института гадкий донос в Polizei-Präsidium¹¹⁰; полицейский чиновник приходил и расследовал дело. А когда до него дошли резкие квалификации его поведения из уст Ясинского — то он привлек Ясинского к немецкому имперскому суду — суд окончился формальным примирением сторон. Правление Ак<академического> союза постановило за отсутствием средств прекратить ему пособие. Тогда мы, профессора института, по моему предложению постановили отчислять от своего жалования (секретно от Строева) сумму пособия и передавать ему негласно через нейтральное лицо. Так и шло последние два года — он продолжал писать нам порознь и о нас оскорбительные письма, а мы отчисляли ему («подлецы и гепеуки») пособие; если же нам задерживали жалованье и мы не могли отчислить пособие вовремя, то письма возобновлялись. В этом отчислении я перестал принимать участие с осени, после того, как Строев присоединился к бывшему доценту *сменовеховцу* А. В. Позднякову¹¹¹, который учредил здесь институт для внедрения знаний о Германии в русскую эмиграцию. Сей Поздняков преподавал у нас в Институте до тех пор, пока не было установлено, что 1) он сотрудник Накануне, 2) что его жена служит в несоответствующих учреждениях, много разъезжает по Европе и посещает Москву, 3) что идут гадкие толки о причастности Позднякова к брожению на Балканах (взрыв Собора etc.). После этого Поздняков был уда-

лен из института, держался тихо в течение нескольких лет и ныне, устроившись юрисконсультom в нефтяном деле, открыл свой институт (чтобы не сказать много) странного направления.

Вот все основное. Лаятельные письма Строева мы собираем в архиве Ак<адемического> союза. Ныне — после того, как вся здешняя эмиграция в нем разобралась, он перенес свою кампанию в Париж. Он начинал ее и в Ак<адемическом> центре в Праге, но там успеха не имел. Запрашивал меня о нем Бурцев. Я посоветовал Бурцеву побудить Строева искать своих обид в открытом и честном третейском суде, а не в заочных письмах; пусть привлечет любого из нас к русскому суду чести — и дело выяснится. Бурцев так и сделал.

Нуждается ли Строев? Конечно, безусловно! Надо ли ему помочь? Конечно, надо. Зарабатывать он не сможет. Зарботки его проваливаются вследствие его дефективности. И потому поддерживать его можно только в порядке каритативности¹¹². Теперь Поздняков использует его вероятно, чтобы попытаться свести с нами счеты.

2) Посылаю Вам брошюру¹¹³. В ней напечатана моя речь, произнесенная мною в годовичном съезде промышленников Вестфалии 3 мая сего года (по дороге от Вас домой). Речь эту слышали и крупные шишки. Главный из них просил мне передать, что он подписывает содержание моей речи на 100%.

Предоставляю Вам использовать мою речь так, как Вы признаете это нужным — на любых языках. *Гонорара не требую. Но если бы какой-нибудь оказался, то я бы его принял с благодарностью.*

3) Посылаю Вам краткий *curriculum vitae*¹¹⁴ молодого и даровитого русского ученого Евгения Георгиевича Габричевского¹¹⁵. Он сын покойного русского бактериолога Георгия Норбертовича Габричевского¹¹⁶ и по матери¹¹⁷ внук А. В. Станкевича (брата Николая Станкевича). *Его работы по энтомологии известны по всей Европе и в Америке. Он болен и нуждается в помощи.* Я хорошо знаю всю семью: они все прошли через мою лекторскую и единолично-преподавательскую лабораторию. Он умен, даровит и очень само-

бытен. У него есть брат Георгий¹¹⁸, даровитый художник, в Мюнхене, который выбиваясь из сил поддерживает себя, его и двух сестер. Дорогой Михаил Михайлович! Если какая-нибудь возможность есть, то помогите ему!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. А. Ильин.

1931.VI.22.

Адрес Георгия Георгиевича Габричевского (брата):
München. Hohenzollern Str. 21 IV.

20

С. Д. Боткину

<1931.VIII.22>¹¹⁹

Дорогой Сергей Дмитриевич!

Сто лет не имею известий от Вас, ни о Вас. Где Вы? Как Вы поживаете? Удалось ли Вам полечиться в Salzschlirf? Как здоровье Нины Евгеньевны и как ее дела? Пожалуйста, отзовитесь!

Мы провели июль в Гмундене (Salzkammergut), жили хорошо, питались слабовато, погода была пестрая. А август сидим на Bürgenstock, питаемся хорошо, но зябнем и погода скверная: льет, а барометришка падает; казалось — куда бы ему еще падать? А умудряется... Отдыха у меня еще не было. Напротив — сплошное нервное напряжение, беспокойство и спешная работа для пропитания. В Институте сплошное землетрясение: Зеринг¹²⁰ устал, передал хлопоты Дг. Klaus`у; Клауса¹²¹ перехватил Угримов¹²², настроил его против Ясинского, чтобы «свалить» последнего — и все превратилось в сплошную интригу и саботаж. Словом, жалованья за июль не было доселе и что будет дальше — неизвестно. Я с трудом перебиваюсь займами и авансами; будущее темно и неутешительно. Недомогаю от перенапряжения; боли в солнечном сплетении и удрученность.

Но дела делами. Новая книга¹²³ движется и, кажется, будет сильною. О многом другом мог бы рассказать только лично. Кризис зреет, и меня удручает малый вес и влияние нашего зарубежья!

Итальянцы сказали мне, что дают визы без запроса, но перед въездом; что мне дадут в Лугано, где меня знают. Теперь, впрочем, и не знаю, осуществится ли у меня

что-нибудь в этом направлении. В начале октября я, вероятно, вернусь¹²⁴.

Еще одна просьба к Вам. Наш студенческий благотворительный комитет остался мне должен 50 марок. В декабре, выручая кого-то из студентов, я дал им ссуду; обещали вернуть в январе. И с тех пор доныне, оттягивая под разными предлогами, так и не вернули. Наконец, сослались на то, что Вы будто бы обещали им из каких-то сумм 100 марок, и предоставили мне снести с Вами. Очень прошу Вас, если это сколько-нибудь верно, если действительно Вы им будете делать взнос, то первые 50 марок удержите для меня! Я дорожу каждым грошом!

Крепко жму Вашу руку и жду вестей. Наталия Николаевна шлет сердечный привет. Поклон от меня Василию Львовичу¹²⁵. А что Вильям?

Ваш И<льин>.

1931.VIII.22

Schweiz. Bürgenstock. Hötél Waldheim.

21

М. К. Житковой

<Зима 1933 – 1934>¹²⁶

<Приписка:> отправлено Мар<ии> Конст<антиновне> Житковой зимою 1933-1934 г.

Копия

Милая и хорошая Мар<ия> К<онстантиновна>!

Только что получил Ваше письмо и благодарю Вас за большое доверие! Будьте уверены, что я *все* Ваши настроения и соображения *верно* понимаю. Но именно потому считаю Ваше решение *неверным*, духовно ошибочным.

Решим вопрос предварительно так: скоро придет Ваш духовник, отец Иоанн¹²⁷; тогда Вы с ним поговорите и решите вопрос. А до тех пор я прошу Вас спокойно и уверенно приходить на мои занятия. То, что я преподаю, Вы понимаете очень хорошо и видите духовно так, как надо. Терять такую участницу занятий мне было бы горько, а для дела вредно. Душевное нужно *принять* и претворить, перекалить в духовное; бежать от душевного неверно и ошибочно, оно останется, не перекалится и обременит жизнь всячески. После Вашего письма Вы имеете абсолютное право *честно* смотреть мне в глаза.

Хорошего на свете мало; нельзя его, непростительно его отбрасывать. Время черное и трудное; и никто не знает, сколько кому из нас еще жить на свете. И пять¹²⁸ Вам себя не за что; и греховность своей души преувеличивать не надо!..

В Божием мире все *гораздо чище и проще*, чем это иногда кажется. И если бы душа не горела и не мучилась, то и духу не было бы жилища. А дух есть всегда уже и Св. Дух: Он сушит влагу страстей одним Дыханием Своим.

А потому приходите по-прежнему. *Не мешайте* своему *душевному* горению: у *Вас* оно имеет пути к духу и к Духу.

22

о. Иоанну (Шаховскому)
Копия

<1934, конец апреля>¹²⁹

1934, конец апреля
отправлено

Глубокочтимый и дорогой отец Иоанн¹³⁰!

Вы, вероятно, получили уже от г. Меллера-Закомельского¹³¹ копию с его письма ко мне¹³². Позвольте мне обратиться к Вам как духовному отцу с нижеследующей просьбой.

Вот уже полгода, как меня с разных сторон уверяют, будто г. Меллер-Закомельский был причастен к политическому доносу на меня. Эти слухи как слухи я передал в доверительной беседе с глазу на глаз г. Арсеньеву¹³³. Сам я, не имея доказательств, не имел и окончательного суждения по сему вопросу.

Очень прошу Вас, если Вам придется беседовать с г. Меллером-Закомельским, сказать ему, что своим письмом ко мне он оправдался от взводившегося на него публично обвинения, по крайней мере в моих глазах, и что я принял к сведению его торжественное заявление.

Письмо его ко мне считаю по форме некорректным и отвечать на него не вижу возможности.

Да хранит Вас Господь.

Сердечно Вам преданный
духовный сын Ваш

И. А. Ильин.

Иоанну Поммеру

<1934. VII. 12>¹³⁴

Берлин, 12 июля 1934 г.
архиепископу Иоанну¹³⁵ вся Латвии
отправлено¹³⁶

Ваше Высокопреосвященство
Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Как Вам наверное уже известно, в ответ на мою последнюю лекцию, прочитанную 24 мая с. г. в г. Риге («Основы духовного характера. Творческая идея нашего будущего»¹³⁷), в одной латышской газете, названия которой мне, к сожалению, не удалось установить, была напечатана несколько раздраженная статья, озаглавленная «Непрощенный восстановитель Матушки». В ней автор ссылается на то, что я ни слова не сказал об отношении предносящейся мне будущей России к Латвии, Эстонии и другим прибалтийским государствам, и делает из этого умолчания тот необоснованный вывод, будто я и мои друзья помышляем об обратном присоединении этих государств к России силой оружия.

Я не считаю правильным и уместным отвечать на эту статью в печати; не следует, думается мне, плодить вредный шум по поводу явного недоразумения. Но я прошу Вашего, Высокопреосвященный Владыко, разрешения изложить мой ответ Вам лично, с тем, чтобы Вы могли по Вашему мудрому благоусмотрению воспользоваться этим письмом, как Вам будет угодно.

Упомянутую мною газетную заметку я воспринял, как несправедливую и мною не заслуженную.

1. Я принадлежал к тем группам, которые с первых же дней и донныне думали и говорили о нашей братской, духовно-культурной близости с прибалтийскими народами и о невозможности для нас взаимно поднять когда-либо друг на друга оружие.

2. Насколько мне известно, вопрос о каком-либо насильственном присоединении отделившихся государств и территорий не поднимается в кругах русских культурных политиков ни гласно, ни негласно, и не поднимается потому, что все считают это нежелательным, вредным для России и потому исключенным.

3. Лекция моя целиком была посвящена не вопросу о *политическом восстановлении Русской Империи*, а вопросу о *духовном возрождении русского народа*, томящегося под игом советской власти. Я доказывал, что русский народ должен воспитать в себе духовный характер, и задачу эту ставил *на десятилетия и на века*. Поэтому мне и в голову не могло прийти касаться вопроса о политическом и территориальном отношении России к Латвии. Поднимать этот вопрос публично — значило бы считать, что кто-нибудь допускает иное его решение, чем мною указанное.

4. С тех пор как моя нога впервые коснулась латвийской территории три года тому назад, я научился жизненно ценить и уважать латвийский народ и его государственность. Личное знакомство с Вами, Высокопреосвященнейший Владыко, с Вашей духовной силой и государственной мудростью, довершило мое отношение к латвийскому характеру и народу, а события, пережитые Латвией в мае этого года, вызвали во мне глубочайшее сочувствие и уважение к их властным инициаторам и совершителям.

5. Вот почему при всех личных беседах моих из Латвии я не устаю подчеркивать, что мы, русские, должны быть связаны с латышами дружбою, братством и всесторонней лояльностью. Я сам стал бы также относиться к Латвии и латышам, если бы судьба дала мне когда-нибудь убежище в этой стране.

При таком положении дел Вы уже изволите видеть, Высокопреосвященнейший Владыко, как незаслуженно было брошено кем-то подозрение. Да и помимо этого всего, до какой политической бестактности должен был я дойти, чтобы приехать в Латвию, воспользовавшись ее гостеприимством, и начать проповедовать такие идеи?! Поистине статья эта написана человеком, не имеющим ни малейшего представления ни о моих политических воззрениях по существу, ни о моей политической лояльности и корректности.

Простите мне, Высокопреосвященнейший Владыко, что беспокою Вас этим изъяснением, и разрешите мне отдать его всецело на Ваше благоусмотрение.

Испрашивая Ваших молитв и Вашего благословения,
остаюсь глубоко Вам преданный почитатель Ваш
(Проф. И. А. Ильин¹³⁸)

1934. 12 июля.
Берлин

24

Р. М. Зиле
<черновик>

<1934, осень>¹³⁹

Дорогой Роман Мартынович!

Вы спрашиваете меня, видел ли я клеветническую брошюру «Лжеучители»¹⁴⁰, выпущенную в августе сего года и рассылаемую повсюду ее составителями. Я только что прочел ее. И могу высказать о ней следующее в том, что касается меня.

1. Говорить о том, что я был не выслан, а «прислан» советской властью, просто неумно. В течение 5 лет моего пребывания под большевиками я имел 6 ордеров на арест и процесс в революционном трибунале; я два раза укрывался на нелегальном положении, а преподавательская деятельность моя все суживалась и постоянно сводилась на нет. С тех пор все то, что я печатал за границей о советской власти и коммунистическом строе — по-русски, по-немецки и на других языках, а также все мои публичные выступления против коммунизма и коммунистов говорили и говорят сами за себя. Достаточно указать на том «Welt vor dem Abrung»¹⁴¹, на брошюры «Wider die Gottlosigkeit»¹⁴² и «Gift»¹⁴³ и на многое другое. Подобная клевета может быть рассчитана только на совсем неосведомленных людей.

2. Все сообщения об условиях высылки профессоров в 1922, приводимые в брошюре — представляют из себя *чистую ложь*: за проезд на пароходе платили мы сами, распродав наше имущество; *все*, кто хотел, уезжал с семьями и т. д.

3. Что касается моего воззрения на еврейский вопрос, то оно никаким эволюциям за эти годы не подвергалось и, в частности, никаких лекций об «арийском начале» я не читал и нигде никаких отрывков не помещал; вообще самой категорией «арийства» я не пользуюсь ввиду ее полной научной неясности, и особенно ввиду постоянного злоупотребления ею.

Интервью в газете «Сегодня», помещенное в 1931 году 4 марта¹⁴⁴, довольно сбивчиво излагает мои взгляды и неаутентично. Однако зерно моего основного воззрения можно в нем найти: еврей, любящий Россию и борющийся с коммунистами — мой единомышленник, а по России — мой согражданин, в котором мы все видим друга и соотечественника¹⁴⁵. Иначе ставить вопрос мы не можем нравственно и не должны политически. Напротив, евреи, поддерживающие в России коммунизм и коммунистов, — губят Россию, суть враги ее; а следовательно и наши враги. Антисемитизм, пытающийся стереть эту грань и свалить все зло на евреев — есть «учение», которого я не разделял и не разделяю. Еще на протяжении последних месяцев мне пришлось категорически отказаться от участия в антисемитической агитации и принять на себя все последствия этого шага¹⁴⁶.

Хара<ктерно>, что клеветники, составившие эту постыдную брошюру, устно на месте уверяют всех, что я настолько будто бы «порабощен масонами», что не смею сказать против евреев ни одного слова.

Что же касается моей прошлогодней статьи¹⁴⁷, помещенной в мае в Возрождении, то в ней я действительно отмежевался от немецкого еврейства, из года в год содействовавшего большевикам и коммунизму в России и клеветавшего на нас, русских патриотов-изгнанников.

Вот и все. Малограмотный стиль этой брошюры и вся тенденция ее наводят на предположения, что мнимый «соборянин» писал ее по поручению советской агентуры.

С искренним уважением

(подпись).

25

Г. Е. Климову
Климову 1935

<1935.III.14>¹⁴⁸

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Расставшись с Вами в Мейтене, я провел несколько дней в грустных и тягостных размышлениях — о Вас. Думаю, что дружба обязывает выговаривать в таких случаях все до конца — и потому берусь за бумагу.

Вот основы того, что я должен Вам высказать.

1) *Ответственность всегда лежит на мужчине. Ибо ему от природы дана активность, решение. Он есть представитель воли, выбора, духа и ума. Он есть глава дома, домовладыка. Существо оформляющее, стоящее, воспитывающее.*

Если в доме разлад — то отвечает *он*: он должен был предотвратить, устранить, уладить. Если он не делал этого, не умел, не хотел, не управлялся — то отвечает он *вдвойне*: за то, что был не на высоте и за все последствия. Это *древнее*, неоспоримое, неопровержимое. Подслушанное у природы. Сформулированное пифагорейцами. Утвержденное римским правом. Окончательно закрепленное христианством, Ап. Павлом, рыцарственным пониманием жизни, джентльменством.

2) От этой ответственности и вины — никуда не уйдешь; от нее не отвлечешься. Ее не забудешь, ее необходимо *принять и понести* — творчески, волею, тактом. Надо научиться видеть в ошибках женщины — *свою* вину, *свое* упущение, *свой* грех. Укрываться от этого малодушно; забывать это — непозволительно. Мужчина не смеет вести себя бабою. Он обязан фиксировать *свою* вину, а не *ее* несостоятельности. Он обязан *импонировать, запрещать, сносить, молчать когда надо*. В этом его призвание. Долг. Честь.

3) В силу одного этого он обязан держать *себя* в руках, чтобы держать *ее* в равновесии. Мужчина призван строить свою жену, а не пить и не терзать ее укорами, особенно в присутствии детей. Что может быть ужаснее мужчины, мучающего женщину? Что может быть непросительнее? Что должны думать дети о нем?

4) Разводы мужа и жены, отца и матери — разрушают душу детей. Дети все видят и замечают. Для того, чтобы из них вышли люди, а не калеки — им необходимо сохранить в душе два священных первообраза: чистой матери и благого отца. Развод лишает их этого. Дети связывают родителей. Раздел их между отцом и матерью есть всегда ограбление их.

5) Я не думаю, чтобы для Вас был другой верный выход из положения — как стать на *эту* точку зрения, принять ее как *объективно-верную основу* семейной жизни и

перестроить все по-новому. Надо найти для этого волю, силу и рыцарственную готовность видеть во всем только *свою собственную вину*. Вашему ли благородному сердцу не справиться с этой задачей? Простите мне, что пишу так остро и прямо. Бытовая копотня не дала нам возможности *так* побеседовать на эту тему. Но меня все эти дни грызло внутри за то, что я не высказал Вам этого по главному и из главного. Я чувствую, что эти внутренние уколы не прекратятся, пока я Вам этого не выскажу.

Так судил бы я самого себя! Что другое я смею высказать *Вам*?

Я не могу и не вправе обсуждать конкретно Ваше семейное положение и состояние. Жену с мужем Бог рассудит. Я не компетентен *судить*. Но я не мог найти покоя, пока не высказал Вам *этого так*.

Душевно Вас обнимаю и благодарю за все Ваше внимание и доброту. Мы доехали во всех отношениях превосходно.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам ласковый привет. Она читала это письмо и разделяет все здесь сказанное.

Ваш И. А. И<льин>.

И<ван> С<ергеевич Шмелев> получил за все время три раза по сто. Беспокойся.

Письмо от 14.III

26

Рижским друзьям

<1935, октябрь>¹⁴⁹

Прочитано на перроне вокзала в Риге перед собравшимися провожающими (огласил по просьбе Ив. Ал. Ильина один из членов Русск<ого> академического о<бществ>а).

<Приписка:> отъезд из Риги

1935 г.

Дорогие друзья и все, почтившие своим вниманием
мой отъезд!

Благодарю Вас! За все отклики, за все сочувствие, за все Ваше доброе отношение! Мы оба, к сожалению, про-
стужены и не можем провести последние минуты вместе

с Вами на перроне. Но тем сильнее моя потребность высказать Вам мою самую сердечную признательность. Будьте уверены, что я увожу каждого из Вас с собою, особенно, индивидуально, и каждую личную нить, связавшую меня с вами, буду беречь и укреплять.

Благодарим Вас за подарки, милые нам знаки духовного внимания. Нам особенно дороги — чудная икона Богоматери и вдохновенные этюды наших художников. И если я не успел или не сумел каждого из Вас поблагодарить отдельно и достаточно, то очень грущу об этом.

Мне дорого сознание, что мы верим в *одно* и любим *одно*. Я всегда считал, что нет сильнее единения, как совместное стояние перед лицом единого Бога. Мы все в Его руке.

До свидания!

И. А. Ильин.

27

К. Ф. Майкапару

<1936.V.23>¹⁵⁰

<Приписка:> Кириллу Майкапару¹⁵¹

Дорогой R. Q.^{152!}

Благодарю Вас за письмо от 30 IV¹⁵³. К сожалению, не мог ответить сразу — дела! Признаюсь, я долго ломал себе голову, о каком Вашем родственнике Вы пишете; и так и не догадался. Я вполне понимаю, как важно в жизни начало родства и особенно кровного родства; и, конечно, не думаю осуждать Вас за то, что Вы принимаете во внимание кровное родство. Но в духовно-общественном строительстве вряд ли правильно делать родство *решающим* началом...

Если бы, напр<имер>, Рахманинов начал создавать в Москве консерваторию и ввел в нее всех своих родственников на основании того, что они *тоже хотят слушать музыку*, то конечно все пошло бы верхним концом вниз. Или, если протестантский епископ составит свою консисторию из дядей, тетей и кузин, потому что они тоже могут и хотят служить «*предихты*¹⁵⁴», — то над ним все будут смеяться. А если родственники скажут: «а мы все-таки хотим» и он побоится отказать и уступит, то его образ действий войдет в поговорку. В известных случаях

надо иметь характер, чтобы говорить «нет». А если дядя Миша *обидится*...

Увы, страх перед чужой обидой суть один из самых вредных страхов, сущее торжество обывательщины!

Если организация *не* есть благотворительная, то принцип включения в нее таков: не какая *тебе* польза, а какая *от тебя* польза? Если это духовное начинание — то польза *духовная*; а если это торговое начинание — то польза *торговая*. И вот я готов Вас понять, когда Вы пишете, что Г<еоргию> Ев<геньевичу>чу¹⁵⁵ «помочь никак нельзя». Вероятно, Вы ставите вопрос правильно: «какая будет от него торговая польза?» Я лично совершенно убежден, что от него непременно была бы *огромная торговая польза во всяком живом деле*. Знаю его хорошо и, если бы сам вел торговое дело, то непременно извлекал бы из него все богатство его энергии, инициативы, *дипломатического такта и благородства*. Вы думаете иначе. *Ваше* дело!

Но почему же Вы полагаете, что верная постановка вопроса уместна *только в торговом деле*, а в *духовном* строитель<стве>, увы, нужно действовать «родственному»? Почему вы думаете, что *он* рассуждает непредметно, ставя тот же вопрос применительно к Вашему родственнику в области *духовной*: «какая от него будет *духовная* польза?»

Ведь вот возьмем Агарту¹⁵⁶. Вы, по-видимому, оцениваете ее трезво и строго. А ведь — родственница!

Я не знаю, о ком идет речь и будет ли от Вашего дяди Михаила Абрамовича¹⁵⁷ *духовная* польза Академическому обществу. Но если Вы в ответ на вопрос о Г<еоргии> Е<вгеньевич>е скажете: «*причем там духовная польза, когда он мне родственник*», то Вы поставите себя в самое комичное положение. Ибо родство в общественной и духовной жизни есть непредметный способ отбора и *духовный nepoтизм*¹⁵⁸ ничуть не лучше *политического nepoтизма*. Не сетуйте на мой ответ в общей форме, но я многого отсюда не вижу, судить о Вашем родственнике конкретно не могу. Думаю только, что если Вы не сумеете провести предметного отбора в А<кадемическое> о<бщество>, то все расплзется в *пустоте, флирте* и

сплетне; а может быть, и в нечто худшее. Отнюдь не касаясь Вашего родственника (о нем и судить не берусь!), скажу только: *неужели Вам всем было мало истории с неким бароном и со Стол.*¹⁵⁹?! Чего Вы еще хотите, спуская уровень отбора и вводя людей только потому, что они «хотят слушать»? Надо не чтобы он хотел слушать, а чтобы обществу было важно его слушание! Разве Кольберг¹⁶⁰ не «хотел слушать»? Разве Вы не знаете, что бывает *непредметное* и *противопредметное* служение? Триста поклонов Вашему родственнику; я говорю не о нем, а о *странном принципе отбора*. Ведь годы наивности как будто проходят; да и времена наши не шуточные... Изумляюсь на Вас. Но издали не берусь ни судить, ни решать. Делайте, что Вам нравится, создавайте митинг¹⁶¹ по принципу взаимного необижания; «да благословит Вас Бог, а я не виноват»...

Пишу Вам Бог знает как и на чем, полулежа. Не отвечаю ни за карандаш, ни за бумагу. Только что вернулся из лекционной поездки, грипп и температура.

Шлю Вам привет и целую ручки Грете Ф<едоровн>е¹⁶².

Ваш

1936/ мая 23

<Приписка:> Ответ на попытку ввести Марию Андреевну (М. А.!) Кузубову¹⁶³ (*Черную Мессу*) в Рижское академич<еское> общество.

28

Друзьям

<1936, июнь>¹⁶⁴

Письмо к друзьям

Вы просили меня высказать Вам письменно, как я воспринимаю и оцениваю статью игумна Иоанна¹⁶⁵ «Пути Бого-человеческие» в № 20 бюллетеня «За Церковь». Исполняя Ваше желание, отвечаю.

1. Поскольку статья эта направлена против моих суждений, высказанных (в Возрождении)¹⁶⁶ о доктрине митрополита Елевферия¹⁶⁷, — постольку она основана на коренном недоразумении и содержит ряд существенных несправедливостей.

Мои статьи «О богоустановленности советской власти» имели очень ограниченную и определенную задачу: доказать, что советская власть в России не может считаться назначенной или установленной Богом и что М. Елевферий христиански и православно *неправ*, выдвигая это учение¹⁶⁸. Оба эти тезиса суть *отрицательные* (частно-отрицательные суждения) и по движению доказательства — *полемические*. Памятуя элементарное философское и богословское правило — «полемика мешает исследованию существа, а исследование существа страдает от полемики», — я сознательно и намеренно ограничился полемически-отрицательной задачей, разрешение коей потребовало трех больших статей. Раскрывать православное учение о Божественном Провидении в его существе — надо было бы отдельно, вне полемики, в предметном созерцании и совсем не по поводу чужих, дурных и соблазнительных учений. Это — во-первых.

Помимо такой неуместности я не хотел взять на себя эту задачу и в силу простой скромности. В отличие от многих наших современников, — и светских, и духовных, — считающих себя авторитетными учителями в Православии, я всегда считал себя *учеником* в Православии, о чем не раз говорил и писал почитаемым мною православным иерархам. Посему, во-вторых, я ограничил себя скромной, отрицательной задачей, мысленно призывая кого-либо из действительно авторитетных иерархов высказаться положительно и по существу учения.

2. При этом само собой разумеется, что верное православное учение о Боге Вседержителе, о попущении Божиим, о свободе, соблазне, грехе и спасении — мне было известно и предполагалось всеми моими статьями как несомнительная и не нуждающаяся в доказательствах предпосылка их.

Всем, кто действительно читал мои статьи против митр. Елевферия, а не только бегло просматривал их, это уяснилось сразу и до конца.

Вот что я пишу в них о полномочном вседержительстве Божиим:

Под полномочию Христа «разумеется облеченность Христа, Сына Божия, в победную силу по отношению ко

греху, к закону природы, к смерти, к ветхозаветной букве, к диаволу и адским «преисподним силам».

Вот — о свободе и соблазне:

«Все сие — не проявление Христовой воли, но проявление человеческого произволения, во зло употребленной свободы, греха и страстей».

Вот о спасении:

«Здесь пришел час взывать из глубины крушения и страданий наших, взывать к Богу любви, чтобы умилосердился над нами и помог нам освободиться из цепкой сатанинской руки».

Здесь все выговорено недвусмысленно: вседержительный Промысел Божий и полновластие Христа; человеческая свобода и греховная страстность; и сатанинский соблазн.

Только в порядке домысла и вымысла можно было приписать мне какое-нибудь еретическое учение по сему вопросу.

Самое же слово «Попущение» мною не выговорено сознательно, именно потому, что оно не выговорено у митр. Елевферия; а у него оно не выговорено потому, что от идеи Божьего Попущения (будь то — для воспитания нашего, для укрепления веры, для наказания, для очищения) рухнуло бы все его построение.

3. Итак, игумен Иоанн не имел никакого основания и никакого права приписывать мне те воззрения, которые он мне приписал:

будто я «совершенно не учел в своей статье абсолютного Вседержительства Божия во вселенной»;

будто я признаю дьявола «полным хозяином на земле, могущим одной своей волей установить какую-либо власть в мире»;

будто я «предаюсь безнадежному и совершенно нехристианскому пессимизму»; и т. под.

Все это является его самостоятельным домыслом и вымыслом. Он не понял ни моего задания, ни пределов моего исследования. Он совершенно напрасно уверяет себя и своих читателей, будто я «построяю» какую-то «другую, диаметрально противоположную точку зрения»; будто он знает «мою философию», о коей он на самом

деле не имеет ни малейшего представления. И совершенно напрасно торопится провозгласить, что неосновательно приписанные им мне еретические воззрения свидетельствуют о том, что я «недостаточно оторвался от земли», что на моей философии нет «печати всецелого отображения Христовых истин в мире», что в качестве «душевного человека» я не могу «принять того, что от Духа Божия».

Здесь дело совсем не в оценке *меня*, *моей* философии и *моей* доктрины; но в той страстной поспешности, с которой игумен Иоанн приписывает мне чуждые мне воззрения, для того чтобы тут же обличить их и меня самого в ереси, в «соблазнительности» в «земных» и недуховных подходах к Христианству и т. д.

В этом я не вижу с его стороны — ни монашеского бесстрастия, ни пастырской объективности, ни христианской справедливости; не говоря уже о духовной прозорливости или о философском понимании.

4. Такая попытка игумена Иоанна обличить меня в ереси особенно неосновательна потому, что самая ересь, приписываемая им мне, очень элементарна и предполагает во мне высокую степень философской и богословской необразованности.

Идею Божьего Провидения и Попущения наше поколение продумывало еще до поступления в гимназию, проходя впервые историю многострадального Иова; мы изучали восемь лет Закон Божий и один год Богословие в университете. История нравственных учений относится к моей ученой специальности. Если бы я не усвоил эту идею от Апостолов Павла, Петра и Иакова, то я должен был бы продумать ее, изучая Иоанна Златоуста¹⁶⁹, Блаженного Августина¹⁷⁰, Климента Александрийского¹⁷¹, Сальвиана¹⁷², Фому Аквинского¹⁷³, Анзельма Кентерберийского¹⁷⁴, Абеяра¹⁷⁵, Боссюэта¹⁷⁶, Цвингли¹⁷⁷, Лейбница, Руссо, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Мне достаточно указать на Климента Александрийского, настаивавшего на том, что отвергающий Божие Провидение отвергает все христианское вероучение и что это есть, в сущности, отрицание бытия Божия, требующее не опровержения, а церковного наказания.

Выступая против меня, игумен Иоанн должен был учитывать, что есть степень неведения, от которой я дав-

но уже освободился и которую предполагать во мне невозможно.

5. Мало того, он *не мог не знать*, что я разделяю учение Православной Церкви о вседержительстве, провидении и попущении, ибо —

I. Я не раз высказывал это учение в печати как разделяемое мною, напр. в статье «Пути Православия»¹⁷⁸, которую игумен Иоанн читал, ибо даже выступал в печати по поводу нее и ответа на нее покойного князя А. М. Волконского¹⁷⁹.

II. Я постоянно развиваю эту систему идей в моих выступлениях на немецком языке; эти речи мои, произносимые по приглашению Russische Bruderhilfe¹⁸⁰, игумен Иоанн слышал уже не один раз.

Следовательно, у игумна Иоанна не могло быть *ни малейшего сомнения* в том, что я стою на точке зрения прямо противоположной тому, что он мне приписал.

6. Наконец, если бы у него все же закралось сомнение в верности моего воззрения, то он в качестве приходского пастыря мог побеседовать со мною лично до написания и напечатания обличительной статьи и приступить к печатному обличению лишь после устного подтверждения мною моих еретических воззрений. Эта беседа конечно устранила бы всякое недоразумение.

К сожалению, игумен Иоанн не счел нужным сделать это.

7. Должен еще отметить, что статья игумна Иоанна производит особенно тягостное впечатление благодаря тем недобрым, но очень прозрачным личным намекам и дисквалификациям, которые он допустил в ней. Напр. о чем-то «желании польстить слуху всех земных борцов против (советской) власти и стяжать себе слишком удобную — и легкую — в зарубежье славу»; о том, что «многие из «эмигрантов-борцов», в условиях жизни там, проявили бы гораздо меньшую активность борьбы, чем здесь; что здесь легко, то там трудно»; или о том, что «*и друзья Слова Божьего могут иногда быть более опасны для Его истины, чем Его враги*»...

Такая полемика не служит Делу Божьему; и я не считаю возможным отвечать игумну Иоанну в таком тоне.

8. В своих возражениях мне игумен Иоанн прав только в одном пункте: в том, что касается приведенной мною цитаты Мтф. 10. 28. Эта цитата случайно приведена мною неточно. Я говорю случайно, потому что имею обыкновение, цитируя Новый Завет, точно сверяться с греческим подлинником. Допущение мною такой неточности в данном случае мне очень прискорбно.

Смысл этого неясного в Евангелии места я действительно склонен разуместь иначе, чем это принято у большинства толкующих богословов, но в согласии с меньшинством. Неясность этого места признает и игумен Иоанн. Это разумение мое решительно ни в какой связи с приписываемой мне ересью не стоит и ее отнюдь не подтверждает. Большинство богословов видит в этом месте Евангелия указание на *всемогущество* Божие, а меньшинство усматривает здесь указание на *всеблагодать* Божию, отнюдь и никак не оспаривая вообще Божественного всемогущества.

Всякое использование этого разумения моего для обличения меня в нецерковности, в праздном умствовании или в «злом дерзании» — я решительно отвожу как недопустимое ни в пределах благого пастырства, ни в пределах философской корректности.

9. Что касается самого положительного содержания статьи игумна Иоанна, то могу сказать следующее:

1. По признанию самого автора, он пытается «разобраться несложно» в сложнейшем и утонченно-глубоком богословском вопросе. Первичной ошибкой его является попытка разъяснить церковную истину в порядке несправедливой и лично окрашенной полемики. Читатель выносит впечатление, что богословская проблема могла бы быть освещена гораздо глубже и тоньше, если бы автор в самом деле оторвался от земной полемики и действительно сосредоточился на всецелом отображении Христовой истины. В том виде, как статья появилась, она послужит гораздо больше новому разделению умов и душ в церкви, чем задаче подлинно миссионерской и церковной.

II. Автор несколько раз подчеркивает ту мысль, что Митрополит Елевферий «глубоко поставил» основную

проблему, что он в чем-то «частично прав» и т. п.; но в чем именно «глубина» и «правота» его учения — не указывает. Это производит впечатление некоторой недоговоренности, тревожащей совесть и дух читателя, особенно если принять во внимание, что он называет именно совето-послушных иерархов — «мучениками и исповедниками». От этого в разрешении основного вопроса все начинает двоиться и колебаться, и читатель до конца недоумевает, что же собственно из учения митрополита Елевферия надлежит принять как входящее в «полноту» церковной истины, в «синтез вывода», предлагаемый игумном Иоанном как «осоленный печатью Духа».

III. Иные утверждения игумна Иоанна кажутся мне церковно сомнительными и даже соблазнительными в смысле Христова духа. Так напр., когда он пишет: «Все пути благословенны в борьбе за правду Божию, если руки человека чисты от всякого своекорыстия и душа свободна от демонической злобы к человеку, хотя бы и великому грешнику».

Читая это, я хорошо знаю, какие теории иезуитов можно было бы привести в подтверждение этого воззрения, но совершенно не вижу, чтобы Христос мог признать такое учение идущим от Его Духа. На этом пути надо было бы признать «благословенную всю кровавую практику католической инквизиции, поскольку инквизиторы действовали без своекорыстия и без злобы *ad maiorem Dei gloriam*¹⁸¹. Нетрудно было бы привести и более разительные примеры.

Не могу не высказать в заключение того впечатления, которое я вынес от статьи игумна Иоанна в целом: полемическая часть ее уже принесла немало ущерба делу церковного единения; искупится ли этот ущерб духовною назидательностью ее положительной части — я не знаю.

И. А. Ильин.

1936, июнь
Берлин

Т. Оберу

<1938. До сентября>¹⁸²

Господину Председателю
Антикоммунистической Лиги
Мэтру Теодору Оберу¹⁸³

Глубокочтимый и дорогой Господин Председатель!

Ко дню Вашего рождения я пишу Вам по-русски потому, что во мне жива и сильна потребность выразить Вам чувства *русского сердца*. Русский народ, благородный, одаренный и сердечный народ, имеет право и обязанность возвысить сегодня свой голос и сказать Вам свое великое спасибо. В годы великого и мученического испытания России Вы нашли в себе прямоту честного сердца и гражданское мужество, достойное истинного и храброго швейцарца, для того, чтобы обличительно противостоять врагам России как врагам христианства и мировой культуры, как врагам чести, совести и всего прекрасного на земле. Вы стали другом русского народа и включили себя в его историю. Верьте мне, он не забудет Вашего дела.

Пока духовная культура не угаснет на земле, история русской революции и история борьбы с коммунистической заразой будет всем человечеством изучаться как великий урок и великое обличение зла во вселенной. Почетными и благодарными словами будут вспоминать при этом Ваше имя и Ваше дело: Вы искали правды и спасения для всех, и для нас в особенности, русских людей, — и мы сумеем передать это нашим детям и внукам.

Да обрадует же Вас и нас Господь радостью победы над врагом и да послужит Ваше дело залогом братского единения между швейцарским народом, получившим от Вас великое предупреждение о грозящей беде, и русским народом, нашедшим в Вас друга и брата.

Свидетельствую Вам свое истинное почтение.

Профессор И. А. Ильин.

О себе<1938. IV>¹⁸⁴

Апрель 1938 Берлин.

Томлюсь в неопределенности и непредусмотримости будущего. Надо принимать какие-то меры, но нет уверенности ни в одной из них, что она необходима и верна. В старину давали прох. свид<етельство>, обязан нигде не находиться, а в случ<ае> неисп<олнения> треб<ования> будет отправлен по этапу, и особ<ые> прим<еты>: глаза голубые, волосы русые; особ<ых> примет не оказалось. Думаю, что status quo ante¹⁸⁵ не восстановим. Думаю, что locus quo ante¹⁸⁶ не может и не дол<жен> быть затягиваем. Когда яйцо разбивается, то оно вылив<ается> в стак<ан> или на сковородку. Чувствую, что яйцо разбито, но не вижу ни стак<ана>, ни сковородки. В как<ом>-то романе — кораблекр<ушение>, спас<аются> на лодке, один не попал, тонет, цепл<ается> за борт, а сидящие — по пальцам ногами. Donex eris¹⁸⁷...

Как еще ни разу с 1922 чувствую себя в руке Божией — ухожу в работу. Кончаю книгу¹⁸⁸. Я был Тебе верен и не щадил себя — остальное Твое дело.

Сов<сем> как в подв<але> на Лубянке.

С. В. Рахманинову<1938. VIII.14>¹⁸⁹

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Я глубоко тронут Вашим откликом. Вы протягиваете мне руку в одну из самых трудных минут моей жизни. Я никогда этого не забуду.

Спасибо. Вот в чем мои затруднения.

С августа 1937 года германская политическая полиция (Ge-sta-po) начала меня преследовать. В основе лежали доносы их агентов (увы, русских по происхождению людей), будто я «тайный масон», действую по указке большевиков и т. п.¹⁹⁰ Все это неправда и клевета. Мне даже опровергать это тягостно и противно. В действительности же я работал последние годы в Германии

на положении приватного ученого, выступая много с церковной кафедры в евангелических храмах и соборах, и особенно на съездах евангелического духовенства, повествуя о мученичестве Православной Церкви и вскрывая корни современного религиозного кризиса. Кончилось это тем, что в феврале этого года мне запретили всякие выступления — и по-русски, и по-немецки, под угрозой концентрационного лагеря. Я потерял последнее «пропитание».

К сожалению, я узнал стороною, но из достоверного источника, что все это преследование имеет цель — заставить меня принять точку зрения германского «расизма» и использовать мое имя и мои силы в надвигающемся «завоевании Украины»¹⁹¹. Это я сообщаю Вам строго доверительно (!).

Мне осталось только покинуть страну и искать себе другое поле для работы.

Друзья звали меня в Швейцарию: друзья русские и швейцарские.

Мне надо было принять решение. В начале июля я ликвидировал квартиру в Берлине, сдал вещи и книги на склад, получил от германских властей Ruckkreisesichtvermerk¹⁹² до 1 декабря, швейцарскую въездную визу (без всяких затруднений) до 1 октября — и выехал благополучно.

Со мною несколько чемоданов вещей, все ученые рукописи и некоторая материальная перспектива. А именно: мне удалось объединить все мои литературные гонорары так, что они, идя из разных стран, будут передаваться на Konto «Akademisch-Philosophischer Verlag»¹⁹³ при Schweizerische Bankgesellschaft in Zürich¹⁹⁴. Суммы эти будут поступать постепенно, а мне будет высылаться в письме указание, сколько я могу получить. Живя крайне ограниченно, я смогу так продержаться от 9 — 10 месяцев. Больше средств у меня нет никаких. Так я заявил все во Fremdenpolizei¹⁹⁵.

На паспорте у меня стоит отметка, что зарабатывать в Швейцарии мне *запрещено*. Поэтому я не решаюсь говорить в заявлениях о том, что есть друзья, которые хлопочут о моем устройении в Цюрихе: писание в газетах и

журналах, чтение докладов, частное чтение лекций, а немного погода может быть и гораздо большее.

2 августа я подал в Züricher Kantonalpolizei¹⁹⁶ — Gesuch¹⁹⁷ об Aufenthaltsqenehmigung¹⁹⁸ на 1 год. Обоснование: я желаю изучить, как ученый, швейцарское искусство. Рассматривается мое прошение в Fremdenpolizei Stadt Zürich¹⁹⁹. Порядок такой: если кантон разрешит, то и Берн разрешит; но если кантон откажет, то Берн тоже откажет.

Из Цюриха я получил только что первый *формальный* отклик от маленького чиновника. Решать будут *большие*, он только «докладчик».

Ответ выдвигает два затруднения (я подчеркнул их красным карандашом):

1. Продлить визу, данную извне, в Швейцарии *нельзя*.

Это значит: уезжай 1 октября назад в Германию, просись оттуда еще раз, тогда посмотрим. Это был суший кошмар. Я благодарю Господа за то, что он вывел меня *один раз* из этого ада доносов, клеветы и угроз. Я вывез оттуда *ежедневную мигрень* — мигрень отвращения и протеста; и возвращаться туда — об этом я думаю с ужасом.

Значит, надо просить об *исключении*. Это у них предвидено: для людей, которые признаны «in ihrem Fach unersetzlich»²⁰⁰. Но как же *я сам* могу себя признать таким?! Сейчас друзья мои в Цюрихе посылают соотв<етствующие> заявления обо мне. Но увы, у них *нет решающего влияния в Fremdenpolizei*. И все висит на волоске...

2. Разрешение будет дано, если будет внесен залог (Kaution) в 4000 шв<ейцарских> фр<анков>.

К моему великому горю — у меня их нет, и друзья мои, швейцарцы, потеряли все состояние за последние годы. Мне негде взять эти деньги. Если полиция упрется в этом пункте, то дело погубло.

Я уже послал им в Fremdenpolizei Zürich (одновременно с этим письмом) подробный и мотивированный ответ на все вопросы. И прошу их принять во внимание положение честного, но бедного ученого, который *не в состоянии уплатить это обеспечение*. Я знаю, что эти деньги не отдаются, а только депонируются, но мне и депонировать нечего. Я

прошу удовлетвориться тем, что друзья мои возьмут меня «на поруки», *ручаясь за всяческую мою лояльность и верность.*

Но увы, у меня нет связей с главными двигателями кантональной Fremdenpolizei. И все висит на волоске, тревожа меня до крайности и вызывая новые, повторные, изнурительные мигрени.

Вот, дорогой Сергей Васильевич, как обстоит дело. Следуя Вашему указанию, я прилагаю лист с перечнем моих «путей» и работ, вкратце. Если Вы можете мне помочь, то помогите Бога ради! Это так бесконечно тягостно и унижительно искать пристанища; ради Дела, ради России, ради христианства ищу я его, но вот, формальные условия строги и непреклонны. И что я могу сделать?

Но ведь есть же еще справедливость и человечность, которые выше формы. Я буду Вам бесконечно признателен, если Вы поможете мне найти их.

Но я уже всем сердцем благодарю Вас и за Ваш отклик.

Целую ручки Наталии Александровны и передаю ей и Вам сердечный привет Наталии Николаевны.

Искренно, душевно Вас чтущий И. А. Ильин.

Locarno-Monti. Villa Montanina.

Tel. Locarno. 196

1938. 14 августа.

Если что-нибудь нужно будет еще дополнительно, то я все пришлю.

Если возникнет вопрос о том, *кто* меня поддерживает в Цюрихе из швейцарцев, то разрешите назвать двух:

1. *Dr. Hans Trüb*²⁰¹. Schmelzbergstrasse. 28.

Он только что послал свою рекомендацию с указанием на мою «незаменимость»,

2. Direktor der Anstalt für Epileptische *Pfarrer Grob*²⁰², который специально просил сослаться на него во Fremdenpolizei.

С. В. Рахманинову

<1938. VIII.30>²⁰³

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Спасибо Вам за все Ваше доброе отношение, за помощь и за вчерашний звонок! Разрешите мне высказать, как я понимаю ответ господина Б<юлера²⁰⁴>.

Порядок дела, объясняли мне, такой: сначала должен решить кантон, — *да* или *нет*; потом только — центр. Центр может отказать, несмотря на согласие кантона, но центр *не* может согласиться, если кантон отказывает. Центр имеет только запретительное право, но не повелительное. И бывает так, говорили мне, что если центр начинает приказывать, то кантон сердится и упрямится. «*Peu favorable*»²⁰⁵, по-видимому, есть учет кантональных вероятностей. И в этой оценке г. Б<юлер> совершенно прав; это я знаю: ибо просить прямо — разрешения, на год, без кауции²⁰⁶ — etc. — это действительно при современном положении вещей (Вы совершенно правы в учете их!) — *c'est un peu trop*²⁰⁷!

Но именно поэтому, думается мне, отдав свое распоряжение и изъявляя готовность обсудить дело с Вами и у Вас, г. Б<юлер> сделал максимум того, что он *в этой стадии* мог сделать. И это означает, что на Ваше письмо он отозвался *в полной мере*. Слава Богу! Значит: если кантон скажет *да*, то и центр скажет *да*.

Весь вопрос в кантоне. Я никак не могу скрыть от Вас, что я *здесь* тревожусь и неуверен: я не знаю, что за люди там сидят и каковы их настроения! Direktor Rudolph Grob²⁰⁸, который вел со мною переговоры о моем выезде в Швейцарию и о моей работе в Швейцарии — еще в феврале — марте, потом в мае, потом со мною лично (ибо первые переговоры велись через мое доверенное лицо, ездившее туда и назад до *трех* раз!) — лично в июле, и опять с моим доверенным в августе, прислал мне 22 августа письмо с прямым укором, зачем я зря тревожу себя беспокойствами. Но у него, как мне известно, есть ходы в кантон, которыми он пользуется ради моего дела, и совсем навверх, к господину М.²⁰⁹

Таким образом, слабым и тревожным местом оставался именно тот путь, который оказался в *Вашем* распоряжении. Завоевав его, Вы помогли мне Вашим словом и обращением — *чрезвычайно*.

Само собою разумеется, что я вздохну свободно только тогда, когда придет окончательный ответ. Если бы только рассказать, сколько раз люди обманывали и предавали меня, то это целое мученичество. Ибо, скажу Вам совершенно откровенно и доверительно — моя душа совсем не создана для политики, для всех этих цепких интриг, жестоковыйностей и проталкиваний вперед. Я не тромбон, и не барабан, и даже не корнет-а-пистон. Моя душа скорее как скрипка, и Господь один знает, как мучительно мне жить в наше жестоковыйное и каторжное время... Вот почему я говорю о «мученичестве».

Grob производит очень серьезное впечатление. Он реформированный пастор и директор самой большой лечебницы для эпилептиков в Цюрихе. Мое доверенное лицо (русский, мой «ученик», человек верный и осторожный²¹⁰) пишет мне от 10 августа про него: «он был светел, ясен, бодр, уверен в успешности хлопот». «Он обещал употребить все силы для получения влиятельной рекомендации» etc. И если принять во внимание, что намерение Гроба перетащить меня в Швейцарию сложились уже год тому назад, то я не думаю, чтобы следовало не доверять ему.

Я знаю одно, что «назад» мне возвращаться *нельзя* и что «кауцию» внести я не в состоянии. Об этом я писал ему очень отчетливо.

Он ответил, что он предложил ка<н>тональной полиции дать мне как «ученому с международным именем» и «незаменимому специалисту», «присутствие коего в стране во всех отношениях желательно», — разрешение на несколько месяцев, в течение коих будут представлены документы, достаточные для окончательного поселения. Он пишет мне: «Мать Швейцария не выбрасывает даже нелегальных евреев; как же она сможет обойтись с Вами нелюбезно» и т. д.

Но все это — кантон. Меня тревожил и пугал центр. Ваше сообщение вчера вечером показалось мне — «центрально-успокоительным».

Я не могу Вам рассказать, как мне *лично и духовно* дорого *Ваше* вмешательство в дело моего спасения... Сколько раз я с горечью думал: «что я иностранцам — полезное орудие для *ихних* дел?! а русские не умеют помогать друг другу!»... И вот — от Вас идет лекарство против этой горечи. Как будто ступил ногою на твердый национальный и духовный материк...

Мои ежедневные мигрени заставили меня вызвать врача: мой друг, полурусский швейцарец, ведет здесь большой госпиталь. Он сказал: от склероза нет и следа, давление крови нормальное, сердце работает превосходно, легкие в порядке. Но есть сильное нервное переутомление и нужен еще отдых и покой. Переутомление мое сложилось за последний год — год преследований. Это была не жизнь, а сушая отрава злобой, доносами и слезкой. Я глушил эти настроения усиленной работой. Помимо выступлений в церквах «за христианство, против большевизма» я много писал. И в результате, к июню, когда ясно было решено у нас с Наталией Николаевной, что надо жизнь ломать и уезжать, — я надломился. И как медленно, о, как медленно происходит восстановление...

Кончаю на этом. Всего не рассказать.

Мы оба шлем наш самый сердечный привет Наталии Александровне и Вам. Крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш И. А. И.

1938.VIII.30.

Я думаю, что Вы правы и что в беседе с Б<юлером> лучше не указывать на эту нить от Grob к М<отту>! Так: один из друзей проф. И<льина> уже осведомил господина М<отта>...

С. В. Рахманинову<1938.XI.18>²¹¹
Zürich-Zollikon,
Zumiker Str. 24

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Хочу сказать Вам еще раз наше великое, сердечное спасибо за помощь. Я держался до последнего, настаивая на принятии нас без залога. Но когда кантон заявил и община заявила, что залог есть главное условие и что без него дело не решится, я написал Ридвегу²¹² и получил от него быстрый и точный ответ. Он снесся с кантоном, записал формулу, которую они указали, и сообщил банку о том, чтобы эта формула была послана кантону. Я думаю, что теперь дело уже совершилось.

Город Цюрих тянул дело без конца. Там много красных. Кантон же быстро согласился. Нужно было еще согласие общины, и наше прошение перенесли в предместье Цюриха Zollikon, где сейчас дело и находится. В ближайшую среду оно должно быть решено в Gemeinderat²¹³.

Как только дело решится, мы постараемся подыскать себе небольшую квартирку и примемся за трудное разрешение вопроса о заработке, на который мы официально не имеем права. Тут уже придумывается разное в этом направлении.

Да сохранит Вас Господь и да пошлет Он Вам радости.
Сердечно Ваш

И. А. Ильин.

1938. XI. 18.

Мы оба шлем душевный привет Вам и Наталии Александровне.

С. В. Рахманинову<1938.XII.28>²¹⁴

Дорогой, искренно чтимый Сергей Васильевич!

Еще и еще раз спасибо Вам за спасительную помощь! Ридвег послал Вам письмо, не сказав мне ни слова о наступившем осложнении. Я узнал эту сторону дела лишь в

день прибытия Вашей телеграммы. Последние дни ноября были для нас *очень* тягостными. Запрос из кантона попал в Берн не в «те» руки и оттуда был дан ответ *чистого отказа* — грубый, сварливый и по существу для меня неприемлемый. Они требовали, чтобы я шел к представителям покинутого мною государства и просил возвратную визу. Я отказался наотрез, ибо это было бы впоследствии истолковано в том смысле, что я «передумал» и «предлагал свои услуги» для расчленения родины. Я пошел к здешнему директору кантональной полиции, Бринеру: человек умный, благородный и чуткий. Он все понял и снесся с Б<юлером> в Берн по телефону. Б<юлер> пригласил меня приехать в Берн. Я был у него 1 декабря. Я говорил все напрямки, не умалчивая моих *формально* слабых позиций. Я встретил быстрое и полное понимание. Во всем. Когда после получасовой беседы я хотел удалиться, он попросил меня остаться и вторые полчаса мы проговорили на иные темы. Он питает к Вам самый искренний пиетет. Он, собственно говоря, сделал больше, чем обещал тогда. Но чиновник в Ц.²¹⁵, пользующийся его доверием и получивший от него соответственное поручение, — внезапно умер в сентябре; и тогда дело пошло в затяжку.

В настоящее время мое положение настолько окрепло, что в первой половине января будет обсуждаться вопрос о выдаче мне права на труд и заработок.

Низко Вам кланяюсь и сердечно благодарю Вас. Без Вашей помощи ничего не вышло бы...

Наталья Николаевна шлет привет Наталии Александровне <и> Вам. Я целую ручки Наталии Александровны.

Душевно Вас любящий

И. А. Ильин.

1938. XII. 28.

Поздравляем Вас с наступающим праздником Рождества Христова и новым годом.

Адрес: Zürich-Zollikon. Alte Land Strasse. 12.

(это уже *своя* квартирка).

С. В. Рахманинову

<1939. III. 27>²¹⁶

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Разрешите мне, пожалуйста, вновь потревожить Вас моею судьбою и просьбою. Хотя Вы, уезжая, и дали мне указание обращаться за содействием к Dr. Riedweg, но это было давно, и я не хотел бы делать это вновь, не имея на это Вашего нового разрешения. А между тем помощь его мне очень нужна.

Дело в том, что я, к немалому моему изумлению и тревоге, узнал, что разрешение на пребывание с 1 декабря доселе не оформлено, паспорта лежат в Берне, в сущности ничего не сделано. А между тем 17 апреля истекает срок наших паспортов, выданных в Берлине, и я уже с месяц тому назад поднял вопрос о выдаче нам новых, здешних нансеновских паспортов. И опять здесь мне предложили хлопотать о сем в германском консульстве, и снова я от этого наотрез отказался...

Простите мне, что затрудняю Вас этими деталями, могущими получить для нас трагическое значение. Если я получу Ваше разрешение обратиться непосредственно к Р<идвегу>, то я ему изложу все письменно в подробности. А он сносится с Б<юлером> непосредственно по телефону, а у Б<юлера> Ваше имя имеет совершенно исключительный вес (это я знаю из личной беседы с ним). При обращении к Р<идвегу> — могу ли я сообщить ему доверительно и такие данные, которые не подлежат оглашению?

Зима прошла у меня под знаком ежедневных головных болей. Врачи решили, что это от гланд, и 8 марта меня оперировали. Десять дней были мучительны; теперь стало легче, но кончится ли этим мой недуг, еще не видно.

Величайшим утешением была нам за это время Ваша музыка. Нам дали «в гости» граммофон, а мы добывали себе Ваши пластинки. Там все изумительно; за все низкий поклон Вам и благодарность!

Целую ручки Наталии Александровны и Татьяны Сергеевны²¹⁷. Наталия Николаевна шлет приветы.

Душевно Ваш, как всегда,

И. А. Ильин.

1939.III.27.

Sweiz Zollikon. Alte Landstrasse 12

Tel. 4-86-13.

P.S. Перевожу изданную Вами книгу Н. К. Метнера «Муза и Мода»²¹⁸ — на немецкий язык. Перевод нелегко дается, но я надеюсь все же справиться с ним.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Часть I

Документы ВЧК — ГПУ — НКВД

1

Дело № 93

<1918.IV.15>¹

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, САБОТАЖЕМ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ

№ 682

Гожен на *одне*² суток

ОРДЕР

Поручается товарищу тов. *Трей*
произвести обыск и арест по *Крестовоздвиженскому переулку в доме
№ 2 к. 36 приват-доцента Московского университета Ильина Ивана
Александровича по усмотрению тов. Трей.*

Председатель

(подпись)

Секретарь

(подпись)

1918 г. апреля «15» дня.

2

В Комиссию

<1918.IV.15>³

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией за № 682 от «15» апр. 1918 г. произведен обыск у *Ильина Ивана Александровича по 1 тверс. участка Крестовоздвиженский пер. 2, кв. 36.*

При обыске присутствовали: *тов. 1 тверс. участка и член домового комитета.*

Согласно данным указаниям задержан гражд. *Иван Александрович Ильин.*

Взято для доставления в Всер. Чрезв. Комиссию следующее: (подробная опись конфискуемого и реквизируемого).

При обыске ничего обнаружено не было, взято для выяснения дела адреса и другие заметки.

Обыск производил: Комиссар Комиссии *Трей.*

При обыске заявлена жалоба от <прочерк>

1) на неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся по мнению жалобщика в <прочерк>

2) на исчезновение предметов, не занесенных в протокол, а именно <прочерк>

Все указанное в протоколе и прочтение его вместе с приглашенными лицами, у которых обыск производился, удостоверяем
Председатель домового комитета <подпись>

<подпись>

Кроме того подпись

И. А. Ильин

«16» апр. 1918 г.

3

<1918.IV.15>⁴

Принят мною за ордером 682 арестован товарищем Третьяком Ильин Иван Александрович по 15/IV-18 за контр. рев<олюционное> дело. дежурный Г. Келле.
15/IV-18 г.⁵
<печать с подписью «Заведующий отделом»>

4

<1918.IV.16>⁶

ОБЩЕСТВО
МЛАДШИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИМПЕРАТОРСКОГО⁷
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
16-го апреля 1918 г.

В Комиссию по борьбе с контрреволюцией.

Правление Общества младших преподавателей Московского университета считает крайне необходимым освобождение из заключения прив<ат>-доц<ента> Ивана Александровича Ильина, состоящего председателем правления профессиональной организации младших преподавателей Московского университета: во 1) ввиду его болезненного состояния (катар левого легкого и носоглотки), которое может сильно ухудшиться и осложниться и 2) ввиду важности его преподавательской и научной работы в университете и других высших учебных заведениях г. Москвы. Правление общества готово взять прив<ат>-доц<ента> И. А. Ильина на поруки.

Товарищ председателя правления общества приват-доцент Московского университета П. Каптерев⁸.

Члены правления:

Приват-доцент и ассистент Московского университета

Е. Косминский⁹.

Приват-доцент и старший ассистент при кафедре хирургической патологии доктор медицины А. Граве¹⁰.

Приват-доцент Московского университета А. Огнев¹¹.

Секретарь правления приват-доцент и младший ассистент
Л. Кречетович¹²

Товарищи секретаря:

Оставленный при университете А. Ахманов¹³.

Оставленный при университете Ф. Петровский¹⁴.

В разъяснение к вышеизложенному считаю необходимым добавить: 1) что болезненное состояние И. А. Ильина требует строжайшей диеты и регулярного лечения, что может засвидетельствовать пользующий его врач, д-р медицины, Гуго Адольфович Левенталь¹⁵, 2) что в данный момент идет печатание двух диссертаций И. А. Ильина, требующее его постоянного и непрерываемого наблюдения, и 3) что через месяц назначен диспут на степень магистра и защита одной из его диссертаций.

Член правления прив<ат>-доц<ент> Е. Косминский.

Секретарь правления прив<ат>-доц<ент> Л. Кречетович.

Вполне присоединяюсь к этому заявлению как лично за себя, так и от имени юридического факультета.

Декан И. Тарасов¹⁶

5

<1918.IV.18>¹⁷

М. Н. П.

ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ
ЮРИДИЧЕСКИЕ и ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
КУРСЫ,

учр. В. А. ПОЛТОРАЦКОЙ

5/18 апреля 1918 г.

№ 2749

Москва

Б. Никитская, Шереметевский пер., д. № 6, кв. № 114.

В Следственную Комиссию
по борьбе с контрреволюцией.

Имеем честь просить Следственную Комиссию об освобождении из-под ареста, под поручительство президиума Совета Высших женских курсов, учрежденных В. А. Полторацкой, преподавателя курсов, приват-доцента Ивана Александровича Ильина. И. А. Ильин состоит преподавателем на двух факультетах (юридическом и историко-филологическом), и присутствие его на курсах в настоящее время особенно важно в связи с наступающей сессией экзаменов (с 9/22-го апреля).

Директор Высших женских курсов, учрежд<енных>

В. А. Полторацкой, проф<ессор> Н. Виноградов¹⁸.

Декан юридического факультета Ник. Полянский¹⁹.

Декан историко-филологического факультета Д. Ушаков²⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ

<печать с надписью: «Высшие женские юридические и историко-филологические курсы, учр. В. А. Полторацкой»>

6

<1918.IV.18>²¹

Сим удостоверяю, что приват-доцент Московского государственного университета Ильин Иван Александрович обращался ко мне за медицинским советом, причем оказалось, что г. Ильин страдает хроническим туберкулезом при общем упадке питания. Ввиду названного страдания г. Ильин должен вести очень правильный образ жизни, усиленно питаясь и избегая всяких поводов к утомлению, истощению или простуде. 1918 г. Апрель 18 дня.

Заслуженный профессор Д. М. К <далее неразб.>

7

В Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

<1918.IV.19>²²

Настоящим удостоверяю, что приват-доцент Московского <университета> Иван Александрович Ильин, как лицо стоящее вне политики, не может принадлежать к контрреволюционерам. В случае его освобождения принимаю на себя ответственность и поручительство в том, что Иван Александрович Ильин всегда явится по вызову следственных властей и суда.

Член правления театра Московского сов<ета> раб<очих> деп<утатов> и член художественно-просветительного отдела
А. Б. Левинсон²³.

Член художественно-просветительного отдела Моск<овского> сов<ета> раб<очих> депутатов
К. Малинин²⁴.
19/IV-18 г.

8

<1918.IV.21>²⁵

ПРОТОКОЛ

1918 года апреля 21 дня опрошенный приват-доцент Московского университета Иван Александрович ИЛЬИН 35 лет, проживающий по Крестовоздвиженскому переулку дом № 2, кв. 36, показал: Я лично Громова²⁶ не знаю и с ним не знаком. Инженера Бари Владимира Александровича²⁷ знаю и с ним знаком. Относительно того, что Бари принадлежал к какой-то организации графини Ланской²⁸, мне неизвестно, и снабжал ли Бари деньгами офицеров и юнкеров, уезжающих

на Дон к Каледину²⁹ и Корнилову³⁰, я не знаю. Графиню *Ланскую* я знал и в том, что она являлась организаторшей какой-то организации — сомневаюсь. *Халафова*³¹ я не знаю и познакомился с ним впервые в общей камере арестованных при Чрезвычайной Следственной комиссии. Софию Евгеньевну Свешникову³², может быть, где-нибудь и встречал, но по фамилии ее не знаю. Присовокупляю, что никогда и ни к какой политической партии не принадлежал, никогда и ни в каких политических организациях не работал. Помимо общей несклонности к политической организации и работе, я не способен к этому по состоянию здоровья и по чрезмерной занятости лекционной работой (20 недельных часов) и по интенсивной литературной работе: в ближайшее время я выпускаю три книги³³. Всякие мандаты в общественные организации я отклонял; так, весной я не принял мандат в советы общественных организаций от академического союза, а осенью — мандат в совет трудовой интеллигенции от Общества младших преподавателей. Больше ничего добавить не могу.

Приват-доцент Московского университета

Иван Александрович Ильин.

1918 г. Апрель 21 дня.

9

<1918.IV.24>³⁴

ОБЩЕСТВО
МЛАДШИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
24-IV дня 1918 г.

МАНДАТ

Правление о-ва младших преподавателей Московского университета уполномочило Товарища Председателя о-ва, прив.-доц. Павла Николаевича Каптерева и члена Правления о-ва, прив.-доц. Евгения Алексеевича Косминского вести сношения с Чрезвычайной Следственной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией по вопросу об освобождении на поруки прив.-доц. Ивана Александровича Ильина.

За председателя общества, член правления приват-доцент
А. Бачинский³⁵,

Секретарь правления, прив<ат>-доцент Л. Кречетович.

<печать с надписью «Общество младших преподавателей Московского универ.»>

<1918.IV.24>³⁶

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания Отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров от 24 апреля 1918 года.

Доклады следователей:

а) Доклад тов. ВЕНГЕРОВА по делу ГРОМОВА³⁷

Освободить приват-доцента ИЛЬИНА на поруки корпорации младших преподавателей, взяв у него подписку о явке к следствию.

Тов. Венгерову поручается закончить дело Громова, Бари и др., передать это дело в срочном порядке в Следственную комиссию при Революционном трибунале³⁸ и снести с тов. Крыленко³⁹ о срочном рассмотрении дела в Революционном трибунале.

Заведующий отделом

Секретарь

В. Кожур<ов> (подпись)

<1918.IV.25>⁴⁰

**ОБЩЕСТВО
МЛАДШИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

25-IV дня 1918 г.

В Чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Общество младших преподавателей Московского университета, как юридическое лицо, принимает на себя ответственность и ручательство в том, что приват-доцент Иван Александрович Ильин не уклонится от явки и суда.

И. о. председателя общества, товарищ председателя прив<ат>-доц<ент> П. Каптерев.

Члены правления:

Приват-доцент

А. Бачинский,

Прив<ат>-доц<ент>

Е. Косминский.

Секретарь правления прив<ат>-доц<ент> Л. Кречетович.

<печать с надписью «Общество младших преподавателей Московского универ.»>

12

<1918.IV.27>⁴¹

ВСЕРОССИЙСКАЯ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

по борьбе с контрреволюцией, саботажем
и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров
27 апреля 1918 года

№ 4.

ПЕТРОГРАД

Гороховая, д. № 2 телеф. № 29.

Отдел по борьбе с контрреволюцией.

Заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией.

Ввиду окончания следственного производства об обвиняемых **БАРИ, ХАЛАФОВЕ, КРИВОШЕИНЕ**⁴² и **ИЛЬИНЕ** и безусловной доказанности инкриминируемого им преступления, что видно из целого ряда документов, найденных во время обыска у инженера **БАРИ**, я считаю необходимым вызвать на суд в качестве свидетеля обвинения гражданина **Дмитрия Антоновича ГРОМОВА**, находящегося под стражей в Бутырской тюрьме или при Чрезвычайной Комиссии, а также эксперта-каллиграфа, который мог бы установить, что все документы и счета, найденные у **БАРИ**, написаны его рукой. На основании всего вышеизложенного постановил настоящее дело представить на усмотрение заседания отдела по борьбе с контрреволюцией при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии для выяснения о дальнейшем направлении дела по подсудности.

Следователь: Венгеров (подпись)

13

<1918.IV.28>⁴³

ВСЕРОССИЙСКАЯ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

по борьбе с контрреволюцией, саботажем
и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров
апреля 1918 года

№ 2915

Москва

Солянка, 11.

Отдел по борьбе с контрреволюцией

СРОЧНО

В Следственную Комиссию при
Революционном трибунале

При сем препровождается дело **Бари** и других для разбора в Революционном трибунале.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Дело за № 93.

Председатель: Ф. Дзержинский (подпись)
Заведующий Отделом: И. Полуверов (подпись)
Секретарь: В. Кожуров (подпись)

14

<1918.IV.28>⁴⁴

№ 2914

СРОЧНО

Тов. Крыленко.
Георгиевский пер., 9.

По постановлению Отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии от 27 апреля с. г. дело Бари и других препровождено в Революционный трибунал.

Председатель: Ф. Дзержинский (подпись)
Заведующий Отделом: И. Полуверов (подпись)
Секретарь: В. Кожуров (подпись)

15

<1918.IV.17/30>⁴⁵

В Следственную Комиссию
при Московском Революционном трибунале
Заявление

Приват-доцента
Московского университета Ивана Александровича Ильина

Ввиду моего болезненного состояния я не могу явиться сегодня 30 апреля к 11 часам утра в публичное заседание Следственной Комиссии, как того требует повестка № 3538/465⁴⁶, врученная мне вчера и приглашающая меня к допросу в качестве обвиняемого по делу о контрреволюционном заговоре. Представляя при сем заявлении соответствующее медицинское свидетельство, я доверяю ведение и защиту моего дела во всех инстанциях Николаю Константиновичу Муравьеву⁴⁷.

Приват-доцент Московского университета

Иван Александрович Ильин
1918 г. апреля 17/30 дня.

16

<1918.IV.29>⁴⁸

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие для представления в Революционный трибунал Ивану Александровичу Ильину в том, что он в течение нескольких лет страдает туберкулезным поражением верхушек легких. В настоящее время

температура незначительно повышена, но больной сильно похудал и, считаясь с его склонностью к кровохарканью, которое у него повторялось несколько раз за последние годы, ему предписаны полный покой и постельное содержание. Несоблюдение этих мер предосторожности может повлечь за собою не только значительное обострение легочного процесса, но и способствовать появлению кровохарканья, дальнейшее течение которого может иметь для больного пагубные последствия. Москва. 29 апреля 1918 г. Ординатор Старо-Екатерининской больницы Г. Левенталь.

17

<1918.IV.30>⁴⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1918 г. апреля 30 дня (я, член коллегии обвинителей при Московском Революционном трибунале, Сергей Евсеевич Богров), рассмотрев (материалы следственного производства Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией) по делу по обвинению инженера Владимира Александровича Бари, гр. Константина Моисеевича Халафова, капитана Василия Васильевича Кривошеина и прив.-доц. Ивана Александровича Ильина в контрреволюционном заговоре против Советской власти, пришел к заключению:

Что свидетельскими показаниями поручика Дмитрия Громова вполне установлено, что после октябрьского переворота, когда государственная власть перешла к Советам Раб. Солд. и Крестьян. депутат., — в Москве, Тамбове и др. городах функционировала организация, деятельность которой была направлена на формирование «Добровольческой Армии», подчинявшаяся формально контрреволюционному генералу Алексееву⁵⁰ (лист дела 12, 70, 104). Эта «Добровольческая Армия» формировалась из офицеров и юнкеров-ударников для отправки на Дон к Каледину и Корнилову для борьбы против Российской Советской Республики. Отправляемые из Москвы, Тамбова и др. мест на Дон отряды снабжались деньгами, довольствием, обмундированием и подложными документами. Штаб-квартирой организации в Москве был дом графини Ланской (Оболенской) по Новинскому бульв., 36. Главными руководителями этой организации были инж. Владимир Александрович Бари и Константин Моисеевич Халафов (л. д. 104). Организация имела связь с другими городами: с Тамбовом, во главе которого стоял штабс-капитан Леонов, с Новочеркасском, где находились генералы Эльснер⁵¹, Каледин, Корнилов, Гагарин и друг. (л. д. 70). Обвиняемый Бари щедро снабжал названную организацию деньгами. Лично Бари объяснял все денежные выдачи благотворительностью, однако это показание Бари неправдоподобно. Из счета № 31 видно, что лишь одна выдача в 80 рубл. значится как

«помощь офицеру». Наряду с этим имеется ряд записей «на отъезд» (л. д. 25), Георгиевскому Союзу, «Ив. А. И.»⁵², «и через Дьякова, через Соколова». Многие выдачи достигают нескольких тысяч рублей. Расписок в получении денег Бари не представил.

В записке № 32 имеется выдача, отмеченная «за 20 дней суточные». Уже одна эта отметка не вяжется с объяснением Бари, будто деньги он давал взаимобразно. Как видно из найденных на квартире у Бари документов, он принимал активное участие в политических событиях в период Октябрьского переворота. У Бари найдено было на квартире требование Военно-промышленного комитета на 100 пуд. хлеба, 200 пуд. картофеля, 40 пуд. пряников, 23 000 папирос и 3 бочки селедок. Все это, по словам Бари, предназначалось в помощь 1200 телефонисткам и монтерам, находившимся в осаде в дни переворота. Кроме того, у Бари найдено 2 плана Москвы, набросанные карандашом, с очертанием расположения двух борющихся сторон. Наряду с обвиняемым Бари активную и руководящую роль в указанной организации играл Константин Моисеевич Халафов (л. д. 70). Халафов объяснил полученные им 2000 рублей, отмеченные в записке, как заем для ликвидации Ударнического бюро для укомплектования, ставшего ненужным после заключения перемирия, из чего следует, что до заключения перемирия Комитет по формированию «Добровольческой Армии» существовал. Из показаний Халафова видно, что Бари отдавал деньги бывшим «офицерам и юнкерам», ехавшим на Дон к Каледину и Корнилову. По слухам, говорит он, Бари принадлежал к организации Ланской (л. д. 103). Свидетель Громов в своем показании (л. д. 104) дополняет Халафова следующими словами: «Ланская, Свешникова говорили мне, что Бари и Халафов главные руководители». Ланская по отъезде на Дон 26 декабря возложила все на Бари и Халафова.

Ближайшим помощником Бари был капитан Вас. Васил. Кривошеин, ездивший по делам организации «Добровольческой Армии» в Тамбов по поручению Бари.

К деятельности названной организации причастен приват-доц. Иван Александрович Ильин, имевший связь с московскими и петроградскими деятелями ее, как видно из показаний Громова (л. д. 70). На основании вышеизложенного инж. Влад. Александр. Бари, Конст. Моисеев. Халафов, кап. Вас. Вас. Кривошеин и прив.-доц. Ив. Александр. Ильин являются виновными в заговоре против Российской Советской Республики и предаются суду Московского Революционного трибунала. Свидетели по настоящему вызову:

1) поручик Дмитрий Громов.

Член Коллегии обвинителей
при Московском Революционном трибунале (подпись)

<1918.IV.30>⁵³

ПРОТОКОЛ

публичного заседания Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале от 30 апреля 1918 г. по делу Владимира Александровича *Бари*, Константина Моисеевича *Халафова*, Василия Васильевича *Кривошеина* и Ивана Александровича *Ильина*.

Присутствовали: Председатель Цивцивалдзе,
члены Следственной комиссии Ващенко, Глузман и Янэль.

Обвиняемые Бари, Кривошеин и Халафов на вопросы Следственной комиссии дали следующие объяснения:

о признании предъявленного к ним обвинения дали отрицательные ответы. Защитник гр. Муравьев ходатайствовал о выделении дела по обвинению Ильина, не явившегося в заседание Следственной комиссии по болезни, о чем представлено медицинское свидетельство.

Общественный обвинитель гр. Богров сделал заявление о том, что в настоящем заседании дело может быть рассмотрено в отсутствие обвиняемого, имея в виду, что в настоящем заседании присутствует защитник обвиняемого.

Рассмотрено ходатайство защитника гр. Муравьева о выделении дела Ильина: т. к. видно из медицинского свидетельства, болезнь тов. Ивана Александровича Ильина носит хронический характер, посему не может служить уважительной причиной для неявки в публичное заседание Следственной комиссии и, принимая во внимание, что <согласно> письменного заявления он ведение своего дела всецело передает своему защитнику Ник. Конст. Муравьеву, Следств. комиссия постановила: ходатайство защитника Муравьева о выделении дела Ильина отклонить и обвиняемого Ильина за неявку в публ. засед. След. комиссии подвергнуть штрафу в размере пятидесяти руб.

Защитники Тагер и Муравьев ходатайствовали об освобождении Халафова и Кривошеина из-под стражи под поручительство Муравьева; о том же было заявлено ходатайство от сослуживцев Халафова и от доктора, пользовавшегося гр. Кривошеиным. Гр. общественный обвинитель заявил, что он находит, что следствие в данных днях вполне закончено и он находит возможным освободить обвиняемых Кривошеина и Халафова из-под ареста.

Рассмотрев ходатайства об изменении меры пресечения в отношении Кривошеина и Халафова, комиссия постановила: изменить меру пресечения в отношении обвиняемых Василия Васильевича Кривошеина и Константина Моисеевича Халафова, освободив их из-под стражи, первого за поручительством гр. Николая Константиновича Муравьева и Александра Дмитриевича Воскресенского, а второго за поручительством граждан Вальтера Янкевича Берзон, Николая Алек-

сандровича Герасимова, Феликса Львовича Люстеортри и Николая Константиновича Мисевтева и обоих за поручительством также и гражд. Тагера.

Защитник гражд. Тагер⁵⁴ ходатайствует о признании материала по данному делу лишь дознанием, а не предварительным следствием, а потому он ходатайствует о производстве предварительного следствия. Амер. вице-консул⁵⁵ ходатайствует о предоставлении гражданину Бари, американскому подданному, тех прав, кои предусмотрены декретом Рев. трибунала в отношении всех граждан Российской республики и о передаче дела в Следственную комиссию на предмет рассмотрения дела.

Рассмотрев ходатайства защиты и американского вице-консула о производстве предварительного следствия, Следственная комиссия при Московском Революционном трибунале постановила: ходатайство это удовлетворить и передать дело для доследования в Политический отдел Следственной комиссии при Московск. Революц. трибунале⁵⁶.

Правозащитник Тагер

Члены (3 подписи)

19

<1918.VIII.10>⁵⁷

В Полит. отд.

Следственная комиссия при Московском Революционном трибунале

10 августа 18 года

№ 15936

ОРДЕР

Предъявителю сего, члену Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале *Стрелкову Николаю Васильевичу*, поручается согласно постановлению Следственной комиссии 10 августа 1918 года на квартире по *Крестовоздвиженскому пер. № 2, кв. 36* задержать *Ильина Ивана Александровича*, причем чинам наружной уголовно-следственной милиции и комиссариату предписывается оказать ему безотлагательное содействие.

По обвинению в участии в контрреволюционной организации.

Тов. председатель <подпись>

Секретарь <печать>

<1918.VIII.10>⁵⁸

Полит. отдел
 Следственная комиссия при Московском Революционном трибунале
 10 августа 1918 года
 №15957

ОРДЕР

Предъявителю сего, члену Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале *Стрелкову Николаю Васильевичу* поручается, согласно постановлению Следственной комиссии «10-го августа 1918 года на Станции Воскресенск М-Каз. ж. д. именеие «Балена» задержать *Ильина Ивана Александровича*, причем чинам наружной уголовно-следственной милиции и комиссариату предписывается оказать ему безотлагательное содействие.

По обвинению в участии в контрреволюционной организации.

Тов. председатель *Вашенко*
 Секретарь *М. Крастельсон*
 <печать>

<1918.VIII.11>⁵⁹

11 августа 1918 года

ПРОТОКОЛ

Мною, членом Следственной комиссии при Московском Рев<олюционном> трибунале, по постановлению Следственной комиссии от 10 августа 1918 г. по ордеру № 15957 был произведен обыск в имении Валентина А. Бален. 1) В помещении *Ивана Александровича Ильина* при обыске взято ничего не было, сам же *И. А. Ильин* был задержан.

Попутно также был произведен обыск у гражд. *Рудольфа Яковлевича Якста*, у которого было обнаружено 1 револ. сист. Бульдог за № 442 и 1 кинжал и финский нож, которые были опечатаны печатью Следственной комиссии и взяты с собой. По заявлению *Р. Я. Якста* револьвер принадлежит ему, т. е. *Яксту*, управляющему имением.

Более взято ничего не было.

При обыске присутствовали *И. А. Ильин*, *Р. Я. Якст.*
 Председатель сельского комитета *В. И. Крылов*
 и красноармейцы *Новиков*, *Коршунов*
 Подписи членов комиссии красноармейцы
 За пред.

Сешко

<1918.VIII.13>⁶⁰

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

при

Московском Революционном Трибунале

Телеф. 1-03-52

13 августа 1918 г.

Таганская тюрьма

Препровождается для содержания во вверенной Вам тюрьме *Иван Александрович Ильин* по обвинению в контрреволюции согласно постановления Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале от 12/VIII 1918 г. с зачислением за *Следственной комиссией* при *Московском Революционном трибунале*

Председатель

Секретарь

<1918.VIII.13>⁶¹

Дело № 93

ПРОТОКОЛ

13 августа 1918 года Тов. Председателя Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале *Ващенко* допросил в качестве обвиняемого и он показал:

1. Имя, отчество, фамилия *Иван Александрович Ильин*
2. Возраст *35 лет*
3. Место жительства (точный адрес) *Москва, Крестовоздвиженский пер., д. 2, кв. 36*
4. Где приписан *там же*
5. Какое образование получил и где учился *Московский университет*
6. Чем занимается *приват-доцент Московского университета*
7. Отношение к отбыванию воинской повинности *неслуживый, запасной*
8. Семейное положение *женат*
9. Имущественное положение *живу преподавательским заработком*
10. Членом каких обществ, союзов и корпораций состоял *профессиональное Общество младших преподавателей*
11. К какой политической партии принадлежал и принадлежит *ни к какой*
12. Состоял ли под судом и следствием *нет*

13. Сколько раз и где судился *ни разу*

14. Где отбывал наказание *не отбывал*

На заданные мне господином следователем вопросы отвечаю, что ни к каким контрреволюционным организациям и партиям не принадлежал и не принадлежу. Что касается организации, именуемой Советом общественных деятелей, то она собиралась в Москве начиная с августа месяца открыто и легально, обсуждая способы воспитания общественного мнения в направлении государственности; я посещал ее от времени до времени в качестве приглашенного гостя. Насколько мне известно, никаких реальных политических шагов эта организация не осуществляла, за исключением посылки⁶² преподавателей по приглашению министерства Керенского в предпарламент. Категорически заявляю, что к организации, во главе которой стояла Ланская, я не принадлежал; я был у Ланской всего несколько раз, получая от нее по себестоимости продукты для своего личного потребления в небольших количествах; в продуктах этих я нуждался ввиду необходимости усиленного питания. В дела организации, если таковая существовала, она меня не посвящала. О петроградских контрреволюционных организациях я ничего не знал и не знаю; никаких связей с ними ни от своего лица, ни от лица какой бы то ни было организации не поддерживал. С инженером В. А. Бари я был знаком; в организации контрреволюционной с ним не состоял и ни на какие контрреволюционные цели денег от него <не> получал. Тридцатого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года указанных в вопросе господина следователя денег восьми тысяч на контрреволюционные цели я от него не получал⁶³. Что касается других целей, то на этот вопрос я считаю себя вправе не отвечать. Познакомился я с Бари через его ближайших родственников Некрасовых⁶⁴, с коими я состою в давнем профессиональном знакомстве.

Слово «представ» мною зачеркнуто.

Иван Александрович Ильин

24

<1918.VIII.13>⁶⁵

В Следственную комиссию при Московском Революционном трибунале

Приват-доцента Ивана Александровича Ильина

ПРОШЕНИЕ

Будучи арестованным по ордеру Следственной комиссии сего 11 августа 1918 года, после состоявшегося сегодня допроса покорнейше прошу Следственную комиссию изменить меру пресечения, принятую по отношению ко мне, и отпустить меня на поруки

Общества младших преподавателей или другой профессиональной организации ввиду следующих оснований: 1. Я не уклонялся и не уклонюсь от суда и следствия, как до ареста моего в апреле по ордеру Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, так и после моего отпущения на поруки в течение апреля, мая, июня и июля. 2. Расстроенное здоровье — катар легких на туберкулезной почве — заставляет меня дорожить каждым днем возможного лечения и ходатайствовать о том, чтобы меня не подвергали тюремному режиму. 3. Освобождение на поруки позволит мне продолжать научные работы, которые я всегда посвящал благу народа.

Доктор государственного права
Иван Александрович Ильин
1918 года 13 августа.

25

<1918.VIII.17>⁶⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу граждан **БАРИ** Владимира Александровича, **КРИВОШЕЙНА** Василия Васильевича, **ХАЛАФОВА** Константина Моисеевича и **ИЛЬИНА** Ивана Александровича (дело № 93).

В Москве, после октябрьского переворота, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян, возникла контрреволюционная организация, ставившая своей задачей подготовку восстания в М о с к в е и в целом ряде других городов Республики для свержения правительства рабочих и крестьян и восстановления монархии. Организация эта функционировала под названием «Добровольческой Армии» и имела свои отделения в Тамбове, Казани, Балашове, Петрограде, Козлове, Астрахани, а также в Екатеринодаре и в Новочеркасске на Дону и в других городах Российской Республики, причем отделения эти должны были оказывать активную поддержку центру — Москве (лист дела 10)⁶⁷. Штаб-квартирой этой организации в Москве был дом графини **ЛАНСКОЙ** Александры Николаевны по Новинскому бульвару № 36. Здесь происходила регистрация и запись «добровольцев», снабжение их деньгами, обмундированием, довольствием, подложными документами и отправка их на Дон к **КАЛЕДИНУ** и **КОРНИЛОВУ**. Во главе Московской Центральной организации стоял генерал **АЛЕКСЕЕВ**. Сюда же входили: графиня **ЛАНСКАЯ** Александра Николаевна, американский подданный — инженер Владимир Александрович **БАРИ**, проживавший в квартире **БАРИ**, бывший штабс-капитан 4-го пехотного Конорского имени графа Коновницына полка Василий Васильевич **КРИВОШЕЙН**, Константин Моисеевич **ХАЛАФОВ**, князь **ГАГАРИН**, инженер Владимир Бертольдович **ЖИЛИНСКИЙ**, приват-доцент Московского университета Иван Александрович **ИЛЬИН**, София Евгеньев-

на СВЕШНИКОВА, кур<с>истка Московского коммерческого института, и ряд других лиц, стоявших во главе Московской организации, обнаружить коих следствию не удалось. Что касается провинциальных организаций, то из показаний поручика ГРОМОВА и из вещественных доказательств, имеющихся в настоящем деле, удалось установить, что во главе Екатеринодарской организации стоял небезызвестный САВИНКОВ, на Дону во главе Новочеркасской организации стояли генералы КАЛЕДИН, КОРНИЛОВ и ЭЛЬСНЕР, заведовавший штабом укомплектования («Добровольческой Армии»), а также и полковник ГРУЗИНОВ, в Тамбове — штабс-капитан ЛЕОНОВ, в Казани капитан ЧЕРНОВ. Кадр «добровольцев» составлялся из офицеров, юнкеров, студентов и вольноопределяющихся. Организация обладала большими денежными средствами, имела свои печати, незаполненные бланки удостоверений на право жительства во всех городах Российской Республики с печатями, подложные документы. Как было указано уже выше, своей целью организация ставила свержение Правительства Рабочих и Крестьян и восстановление монархии.

Подтверждение всего вышеизложенного находим в показании ГРОМОВА и в вещественных доказательствах, приложенных к настоящему делу. ГРОМОВ прибыл в Москву приблизительно 25-26 ноября 1917 года и, встретившись здесь с знакомыми офицерами ТАРАСЕВИЧЕМ, ПОДБЕРЕЗЖСКИМ, ПЕРЕЯСЛАВСКИМ и ЗАХАРОВЫМ, которые предложили ему вступить в ряды «Добровольческой Армии», формированием коей ведали ЛАНСКАЯ, БАРИ, ХАЛАФОВ, КРИВОШЕИН и СВЕШНИКОВА, принял их предложение и отправился с ними в штаб-квартиру ЛАНСКОЙ по Новинскому бульвару, дом № 36. Одновременно с этой организацией, показывает ГРОМОВ, в Москве существовало «Бюро по организации ударных частей», созданное КЕРЕНСКИМ и просуществовавшее с октября 1917 года по 27 ноября того же года. ЛАНСКАЯ, переговорив с ГРОМОВЫМ, дала ему 55 рублей на дорогу в Новочеркасск, где находился штаб укомплектования «Добровольческой Армии», 2000 рублей на Нижегородскую организацию и 50 руб. на дорогу туда же. Здесь же ГРОМОВУ была указана цель этой поездки, а также и цель существования означенных организаций: защита Учредительного собрания и оказание отпора советским войскам. Здесь же ГРОМОВ слышал, что БАРИ, ХАЛАФОВ и КРИВОШЕИН снабжали офицеров деньгами и обмундированием и отправляли их на Д о н. Суммы, выдаваемые БАРИ уезжавшим офицерам, колебались от 50 до 100 рублей, причем ГРОМОВ определенно говорит, что передача этих денег офицерам совершалась через ХАЛАФОВА и КРИВОШЕИНА. На них же ГРОМОВ указывает как на главных руководителей Московской организации и добавляет, что ни одно распоряжение не могло быть отдано раньше, чем оно не было санкционировано ХАЛАФОВЫМ и БАРИ, и когда ЛАНСКАЯ 26 декабря 1917 года уезжала на Дон, то сказала СВЕШНИКОВОЙ, что

деньги и все нужные сведения и распоряжения она будет получать от БАРИ и ХАЛАФОВА. 13 декабря 1917 года ГРОМОВ был командирован генералом ЭЛЬСНЕРОМ из Новочеркасска в Москву к графине ЛАНСКОЙ расследовать дело некоего вольноопределяющегося ЛЕСЛИ, настоящая фамилия которого НИКОЛАЕВ Николай, против которого возникло подозрение, что он растратил 1500 рублей, данные ему БАРИ, и когда он, ГРОМОВ, хотел для выяснения этого обстоятельства зайти к БАРИ, то СВЕШНИКОВА предупредила его, что надобности в этом нет, так как все уже улажено. В Москве ГРОМОВ имел и другое нарушение: он должен был получить обмундирование для «Добровольческой Армии» и когда передал ей свое поручение, то ЛАНСКАЯ ответила ему, что она уже отправила 40 вагонов обмундирования и 1000 пар сапог и пока больше ничего не имеет. Пробыв в Москве до 27 декабря 1917 года, ГРОМОВ ежедневно посещал ЛАНСКУЮ и здесь, по ее поручению, вел переговоры с желавшими ехать на Дон офицерами, которых ЛАНСКАЯ снабжала деньгами, обмундированием и подложными документами. Здесь же ГРОМОВ видел князя ГАГАРИНА, которого искали для ареста и который вскоре скрылся из Москвы и уехал в Новочеркасск (лист дела 70), куда выехала 26 декабря и графиня ЛАНСКАЯ; в Новочеркасске с ней встречался ГРОМОВ в квартире генералов КОРНИЛОВА и КАЛЕДИНА, а также в штабе укомплектования у генерала ЭЛЬСНЕРА. Будучи в Москве у ЛАНСКОЙ, ГРОМОВ узнал от нее, что связь с Петроградской организацией поддерживает приват-доцент Московского университета Иван Александрович ИЛЬИН, на квартиру коего по Крестовоздвиженскому переулку дом № 1,⁶⁸ кв. 36 ЛАНСКАЯ его и отправила, но ИЛЬИНА он, ГРОМОВ, не застал дома. В Москве от поручика ТЕПЛОВА ГРОМОВ узнал о том, что проживающий по Больш^{ому} Толмачевскому пер., дом № 4, кв. 9 инженер Владимир Бертольдovich ЖИЛИНСКИЙ поддерживал связь с Нижегородской организацией, где можно было получать оружие для организации. Зайдя к ЖИЛИНСКОМУ для переговоров относительно Нижегородской организации он, ГРОМОВ, узнал от ЖИЛИНСКОГО, что последний отправил 1500 офицеров на Дон под видом красноармейцев и что ЖИЛИНСКИЙ поддерживает связь с САВИНКОВЫМ, который стоял во главе Екатеринодарской организации. Относительно СВЕШНИКОВОЙ ГРОМОВ показал, что она была помощницей ЛАНСКОЙ по отправке офицеров на Дон (лист дела 70, 71 и 104). Из указанных ГРОМОВЫМ лиц удалось арестовать и произвести обыски у БАРИ Владимира Александровича, ХАЛАФОВА Константина Моисеевича, КРИВОШЕЙНА Василия Васильевича и ИЛЬИНА Ивана Александровича. Остальные обвиняемые скрылись из города Москвы. Произведенный 24 июля сего 1918 года обыск у инженера ЖИЛИНСКОГО не дал следственные материалы для установления причастности ЖИЛИНСКОГО к упомянутой контрреволюционной организации. Сам ЖИЛИНСКИЙ также не был обнаружен.

При рассмотрении приложенных к настоящему делу вещественных доказательств и на основании экспертизы следствием установлено: во-первых, что *организация*, существовавшая в городе Москве и имевшая свои отделения в целом ряде других городов Российской Республики под именем «Добровольческой Армии», *функционировала в период с 29 октября 1917 года по 26 марта 1918 года*, что явствует из счетов (лист дела 24а), где имеются даты, начиная с 29 октября 1917 года по 26 марта 1918 года, а также из расписки (лист дела 45), где стоит дата 13 декабря 1917 года, доверенности на листе дела 46-м с датой 28 ноября 1917 года, удостоверение из Московского Совета Раб. Депутатов 15 марта 1917 года (лист дела 52), расписки, датированные 20 февраля 1918 года (лист дела 54), счета за февраль (лист дела 55), о чем свидетельствует сверху надпись «*февраль*» — счета об израсходовании денег капитаном КРИВОШЕЙНЫМ с указанием на нем даты телеграммы капитану ЧЕРНОВУ 2 февраля сего 1918 года (лист дела 56 и обор. сторо<на>), расписка о получении ЧЕРНОВЫМ от поручика пор. БАРЫКИНА 1500 рублей на проезд в гор. Тамбов, датированная 27 января с/г (лист дела 59); дата до 1 марта (лист дела 60), а также отметка о выдаче 26 марта с/г 1000 рублей капитану КРИВОШЕЙНУ на листе дела 24а (57). Во-вторых, что в ней принимали участие привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых: американский гражданин *Владимир Александрович БАРИ*, Константин Васильевич *ХАЛАФОВ*, Василий Васильевич *КРИВОШЕЙН* и Иван Александрович *ИЛЬИН*, о чем свидетельствуют данные экспертизы, устанавливающие, что документы, помеченные лиловым карандашом числами 25, 26, 57 и 58 (лист дела 24а), заполнены почерком Владимира Александровича Б А Р И, а также надпись на февральском счете: «получено от В. А. Б.» (лист дела 55) и указание на счете, отпечатанном на машинке и подписанном капитаном КРИВОШЕЙНЫМ: «получено от В. А. БАРИ» (лист дела 56). Причастность КРИВОШЕЙНА устанавливается из документов на листе дела 24а, где имеется пометка в получении КРИВОШЕЙНЫМ 360 рублей для Тамбовской организации, 260 рублей для той же организации, 27 декабря 1917 года (лист дела 24а) 3000 рублей, то же для Тамбовской организации 18 февраля <1>918 года, затем 600 рублей и 1000 рублей, полученные 26 марта с/г. (лист дела 24а). Кроме того, в деле имеется указание на получение КРИВОШЕЙНЫМ 3000 рублей, из них лично получены Кривошейным: 325 рублей и еще на дорогу 68 рублей совместно с МОЛОДЦОВЫМ, ПЕСЕЦКИМ и ЧЕРНОВЫМ (лист дела 55) и 140 руб. 80 копеек на поездку в Козлов и Тамбов, а также 50 рублей за номера в Тамбове вместе с МАЛЫШЕВЫМ и ЛЕОНОВЫМ. Данными экспертизы устанавливается, что документ на листе дела 55 заполнен рукой КРИВОШЕЙНА, подпись которого имеется и на документе, отпечатанном на машинке (лист дела 56 и пок<азания> эксп<ертизы> л. д.184).

На причастность ХАЛАФОВА к этой организации указывает получение им 250 рублей и 2000 рублей и 350 рублей для ЛЕОНОВА, а также возвращение им, ХАЛАФОВЫМ, БАРИ 150 рублей (л. д. 24а).

Причастность ИЛЬИНА устанавливается указанием на получение им, ИЛЬИНЫМ, 8000 рублей от БАРИ (лист дела 24а).

Из этих же документов *устанавливается, в-третьих, что организация имела свои печати*, на что указывают суммы, израсходованные на них: 100 руб., вторые 100 р. с отметкой 5 января с/г, 100 р. БАРТАШЕВУ за печать 11 января с/г и 150 рублей тому же БАРТАШЕВУ 22 января с/г.

В-четвертых, подложные документы, на что указывают отобранные у БАРИ 3 незаполненных свидетельства на право жительства во всех городах Российской Республики с печатью комиссариата 1-го Якиманского участка города Москвы (листы дела 27, 28 и 29), свидетельство от управления Бийского комиссариата за № 393 от 13 января с/г (лист дела 76, который, по мнению эксперта, вызывает довольно основательные сомнения в его подлинности (см. экспер. лист дела 198, а также и отметка в израсходовании 300 рублей «на документы» (лист дела 55)). Вызывает также сомнение и удостоверение от Московского совета Рабочих Депутатов на имя А. П. ЧЕРНОВА для получения билета вне очереди 2-го класса до станции К а з а н ь, делегировавшегося по делам ЦИК, так как по наведенной справке ВЦИК никакого поручения А. П. ЧЕРНОВУ ВЦИК не давал и не носился с Московским Советом Раб. Депутатов в марте с/г о выдаче означенного удостоверения ЧЕРНОВУ (л. д. 24).

В-пятых, устанавливается, что организация обладала большими денежными средствами, в чем легко убедиться, проверив только сумму, выданную, «добровольцам» с 29 октября <1>917 г. по 26 марта <1>918 года, каковая сумма достигает 50600 рублей, но сумма прихода, вероятно, далеко превышала вышеуказанную выше цифру (л. д. 24а).

В-шестых, из добытого материала устанавливается, что в состав организации входили: штаб и обер-офицеры, юнкера, студенты, вольноопределяющиеся, представители профессуры, инженеры и что с созданной организацией были тесно спаяны: «Георгиевский Союз», который получал от БАРИ деньги, а также «Союз домовладельцев», жертвовавший деньги на контрреволюционную организацию «Добровольческой Армии» (лист дела 24а).

В-седьмых, отсюда же явствует, что Московская центральная организация «Добровольческой Армии» имела свои отделения: в Тамбове, Козлове, Балашове, Петрограде, Казани, Пернове, Ревеле, Воронеже, а также на Дону, в Новочеркасске (л. д. 243, 55, 56).

В-восьмых, устанавливается, что во главе Казанской организации стоял капитан ЧЕРНОВ, о чем свидетельствует расписка в получении капитаном ЧЕРНОВЫМ в Казани 1500 рублей от БАРИ через поручика БАРЫКИНА (лист дела 59), каковая выдача отмечена и в расходе

БАРИ: «ЧЕРНОВУ на Балашов для 10-ти человек. 22/1 — 918 года через К. БАРЫКИНА» (лист дела 24а).

В-девятых, устанавливается, что организация обладала различными техническими приспособлениями, необходимыми для боевых действий, как-то: телефонная проволока для батарей (лист дела 46), трос (лист дела 24а в серед.).

Допрошенный в качестве обвиняемого гражд. БАРИ Владимир Александрович виновным себя в участии в контрреволюцион. организации, функционировавшей в Москве под названием «Добровольческой Армии», не признал, но заявил, что все найденные во время обыска документы и переписка принадлежат ему и что счета и заметки на отдельных листах бумаги об уплате денег офицерам и ударникам записывались им лично. Показал, что после октябрьского переворота занимался отправкой офицеров на Д о н к КАЛЕДИНУ и КОРНИЛОВУ и снабжал их деньгами, но делал это исключительно из чувства благотворительности (лист дела 8) — для оказания помощи пострадавшим от октябрьского переворота офицерам, ввиду их бедности (лист дела 11), уделяя им некоторые небольшие суммы денег (лист дела 146 обор. стор.). Указание на мотивы, побудившие гражд. БАРИ выдавать офицерам денег, а именно благотворительность, является совершенно не основательным, так как трудно предположить, чтобы такие «небольшие суммы», как 8000 рублей, выданные ИЛЬИНУ, или 2000 рублей, выданные ДОРОФЕЕВУ, могли выдаваться исключительно из чувства благотворительности, тем более, что ГРОМОВ определенно показывает, что деньги, дававшиеся организацией ЛАНСКОЙ, в состав коей входил БАРИ, давались на определенную цель: для отправки контрреволюционеров на Д о н. Кроме того, счета на листе дела 24а явствуют, что деньги, выдававшиеся БАРИ офицерам, употреблялись для приобретения печатей для организации, документов, троса, коньяка и т. д. Наконец, на вопрос следователя, чем можно объяснить такую большую сумму — 1500 рублей, полученную ЧЕРНОВЫМ через БАРЫКИНА (лист дела 59), обвиняемый признал, что она превышает сумму, необходимую на поездку в Тамбов одного человека, и заявил, что возможно, что сумма эта была выдана для БАРЫКИНА и его семьи (лист дела 154). Своего знакомства с ЛАНСКОЙ БАРИ не отрицал и заявил, что ему было известно, что ЛАНСКАЯ принадлежала к организации, отправлявшей офицеров на Дон и снабжавшей их обмундированием. Что БАРИ входил в организацию графини ЛАНСКОЙ, показывает и ГРОМОВ, который заявляет, что ЛАНСКАЯ получала деньги на отправку офицеров на Дон от БАРИ (лист дела 71). Точно так же о связи БАРИ с организацией ЛАНСКОЙ знал и ХАЛАФОВ, который заявил, что, по слухам, БАРИ принадлежал к организации ЛАНСКОЙ, но тут же добавил, что БАРИ никогда не называл в разговорах ЛАНСКУЮ по фамилии, а только по имени и отчеству (лист дела 103). О знакомстве БАРИ с ЛАНСКОЙ показал и КРИВОШЕИН

(лист дела 82). Таким образом связь БАРИ с контрреволюционной организацией ЛАНСКОЙ можно считать установленной.

Относительно отобранных у него документов и 3 револьверов БАРИ дал следующие объяснения: револьверы он приобрел с целью самозащиты от нападения грабителей, именовавших себя анархистами, и возбуждал дважды ходатайство о выдаче ему разрешения на право хранения оружия, но такового не получил (лист дела 7 и 145), что касается найденных у него документов, показал, что 3 незаполненные бланка 1-го Якиманского участка он приобрел с целью воспользоваться ими в случае прихода в Москву немцев, чтобы иметь свободный выезд из Москвы. О том, что бланки были подложные, он, БАРИ, не сомневался, но не знал их происхождения, а так как купил у неизвестного ему лица (за какую сумму денег — обвиняемый не сообщил) и до прихода немцев не думал ими воспользоваться (лист дела 4 и 6). Необходимость выезда из Москвы объяснил еще и тем, что весной с/г, после эвакуации из Петрограда и отъезда американского посла в Вологду, американское генеральное консульство в Москве созвало всех американских граждан и предложило в пятидневный срок выехать из Москвы всем тем, кто достиг призывного возраста в Германии, независимо от того, призваны ли эти лица в Америке, причем консульство предупреждало, что все те, кто не выедет в указанный срок и попадет в плен к немцам, будут находиться под угрозой потери американского гражданства. И так как в случае вторжения немцев в Россию передвигаться ему, БАРИ, в занятых областях нельзя будет с американским паспортом, то он и приобрел указанные выше три бланка (лист дела 145). Это обстоятельство подтверждает и брат обвиняемого — Виктор Александрович БАРИ, и свидетель МЕЛЛЬЕ — доверенный фирмы БАРИ (лист дела 161 и 162). На запрос по этому поводу американскому консульству и. о. американского генерального консула ПУЛЬ сообщил, что, действительно, в конце февраля консульство предложило всем американским гражданам покинуть Россию, но ввиду надвигающегося продовольственного кризиса с предупреждением, что те, кто останется, делают это на свой риск (лист дела 188).

В дополнительном своем отношении (лист дела 195) консульство сообщает, что кроме этой причины необходимость выезда диктовалась еще и возможностью вторжения немцев в Россию, и консульство предложило выехать американским гражданам, в числе коих были братья БАРИ, с предупреждением, что тем американским гражданам, которые попадут к немцам, консульство не сможет оказать никакой помощи. Об угрозе потерять американское гражданство в сообщениях американского консульства ничего не сказано.

Ввиду этого следует признать, что заявление БАРИ об угрозе потери американского гражданства, заставившей его приобрести подложные бланки, не соответствует действительности, так как в ответе американского консульства совершенно отсутствует указание на это

обстоятельство. Точно так же следует признать неправдоподобным и заявление БАРИ о том, что он не знал лица, у коего приобрел бланки, так как на показании, данном им 28 июня с/г, он заявил, что свидетельства эти были им куплены у лица, фамилию которого он, БАРИ, назвать отказывается, и сознавшись, что лицо, у которого он приобрел бланки, ему известно, он сумму денег, за какую были приобретены эти бланки, назвать отказался. И если сопоставить показания ГРОМОВА, который определенно показал, что организация пользовалась подложными документами, участие БАРИ в организации и заметку в счете КРИВОШЕИНА (лист дела 55) об израсходовании 300 рублей «за документы», а также отказ БАРИ указать, на какие документы были израсходованы эти деньги, то следует признать, что свидетельства 1-го Якиманского комиссариата являются одними из тех подложных документов, какими так широко пользовалась организация.

Относительно печатей, отметки о приобретении коих имеются на счете № 32 и 31 (лист дела 24а), БАРИ не дал никаких определенных объяснений.

Что касается всех денежных выдач, то, как указывалось выше, обвиняемый ограничился объяснением, что делал эти выдачи исключительно из чувства благотворительности <и> иногда не знает даже, на какую цель они должны быть употреблены (лист дела 10). Точно так же, из чувства благотворительности, снабжал деньгами и «Георгиевский Союз». Иногда давал деньги офицерам согласно их желаниям ехать на Д о н.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что указание обвиняемого, что после ратификации мирного договора с Германией он прекратил выдачу денег офицерам (лист д. 146), не соответствует действительности, так <как> ратификация произошла 12 марта с/г, а денежные выдачи БАРИ производил вплоть до 26 марта с/г. Относительно удостоверения из Моск. Совета Раб. Депутатов на имя А. П. ЧЕРНОВА (лист дела 52) и черновика доверенности Ивану ПЕТРОВУ (лист дела 46) БАРИ заявил, что не знает, как к нему попало удостоверение ЧЕРНОВА и что черновик доверенности ПЕТРОВУ писан не им. Последнее обстоятельство подтверждается исследованием эксперта (лист дела 183). ХАЛАФОВА, КРИВОШЕИНА и ИЛЬИНА он, БАРИ, знает.

Что касается документов на листах дела 36, 37, 38, 39, 42, 43, то они указывают, что обвиняемый принимал участие на стороне контрреволюционеров и в период октябрьского переворота, а именно: во время осады телефонной станции советскими войсками (с 29 по 2 ноября <1>917 г.), обвиняемый оказывал помощь осажденным доставкой им съестных продуктов (см. пок. обв. — л. д. 142 и 143, пок. свид. ШАПУРЕНКО — л. д. 150, 151, 180, 181 и 182, а также вещественные доказательства — листы дела 37, 39, 42 и 43), но принимая во внимание опубликованный в № 1 «Изв. М. В. Р. Ком.» от 2 ноября <1>917

года «договор между Воен.-Революционным Комитетом и Комитетом общественной безопасности» от того же числа, погашающий уголовную ответственность, считаю уголовное преследование в отношении деяний гражд. БАРИ, обнимаемых этим договором, подлежащим прекращению.

Остальные документы, обнаруженные у гр. БАРИ и приложенные к настоящему делу, не имеют существенного значения.

Второй обвиняемый — штабс-капит. КРИВОШЕИН — также не признал себя виновным в участии контрреволюционной организации «Добровольческой Армии» и показал, что с БАРИ он знаком давно, и, живя у него, после того как офицеры были лишены жалования, получал от БАРИ некоторые суммы в виде вспомоществования. В гор. Тамбов ездил по поручению БАРИ для оказания помощи офицерам ударного батальона, находившимся в бедственном положении. Знает, что БАРИ был знаком с ЛАНСКОЙ, но принадлежала ли последняя к какой-нибудь контрреволюционной организации, — не имел об этом представления. В дела БАРИ посвящен не был и потому ничего не может сказать относительно документов, отобранных у последнего (лист дела 82). Что указание на последние обстоятельства не соответствует действительности — об этом уже говорилось выше при рассмотрении вещественных доказательств (см. стр. 5 заключен.). Относительно своей поездки в гор. Тамбов показал, что ездил туда один лишь раз с целью поступить в расположенный там 10-й ударный зап. батальон Добровольческой революционной армии и приехал в Тамбов во второй половине февраля м-ца; и, пробыв там 1 1/2 — 2 дня, вернулся в Москву, так как упомянутый батальон расформировался. В середине февраля он, КРИВОШЕИН, получив от БАРИ 3000 рублей, должен был вторично поехать в Тамбов для оказания помощи офицерам, но заболел оспой и вернул 3000 рублей БАРИ обратно (л. дела 155). Оставляя в стороне указание обвиняемого, что он ездил в Тамбов один лишь раз и вторично не мог отправиться туда, так как заболел оспой, следует обратить внимание на ту часть его показания, где он говорит, что ездил в Тамбов во второй половине февраля — указания, совершенно расходящиеся с показаниями свидетельницы со стороны обвиняемого, БАРИ Екатерины Александровны, которая показала (лист дела 159), что КРИВОШЕИН ездил в Тамбов первый раз в конце января и что вторично — в начале февраля — ему поехать не удалось, так как он заболел оспой. Показание этой свидетельницы является ценным еще и в другом отношении, а именно: свидетельница, говоря о поездке КРИВОШЕИНА из Москвы, показала, что в начале января КРИВОШЕИН ездил к своей больной матери в Орловскую губ., где пробыл более недели. И если сопоставить это показание свидетельницы с имеющимся в деле документом — свидетельством от Управления Бийского Комиссариата Томской губ. от 13 января 1918 года с отметкой на оборотной стороне о явке и прописке того же 13 января с/г и предположить даже, что КРИВОШЕИН выехал из Москвы 1 января, употре-

бив на поездку в Орловскую губ. только одни сутки, пробыл там не более 8 дней и на дорогу обратно в Москву употребил 1 сутки (1 + 1 + 8 + 1 = 11 дней января), то никак нельзя себе представить, чтобы из Москвы в гор. Бийск Томской губ. обвиняемый мог проехать в 1 сутки (13 января он уже получил свидетельство) и тем более при тогдашнем состоянии нашего железнодорожного транспорта. Это показание свидетельницы дает полное основание утверждать, что свидетельство Бийского комиссариата является одним из тех подложных документов, которыми так широко пользовалась Московская контрреволюционная организация, тем более что, по мнению эксперта, «оно должно быть признано вызывающим довольно основательные сомнения в его подлинности» (см. экспер. л. д. 198).

Относительно предъявленных ему документов КРИВОШЕИН показал, что счет в израсходовании 620 руб. (л. д. 56) составлен и подписан им, КРИВОШЕИНЫМ, и является оправдательным документом, который он должен был представить БАРИ. Деньги по этому документу были переданы офицерам Тамбовского ударного батальона. Из всех лиц, перечисленных в этом документе он, КРИВОШЕИН, знает только прапорщика МАЛЫШЕВА, которому он дал 20 рублей на посылку ударников из Тамбова в Москву, но с какой целью — не знает. Остальным давал деньги только для предоставления им возможности найти себе службу. Что касается уплаты 50 рублей за №№ гостиницы в гор. Тамбове для прапорщика МАЛЫШЕВА, ЛЕОНОВА и его, КРИВОШЕИНА, объяснил, что это описка, так как МАЛЫШЕВ и ЛЕОНОВ не жили с обвиняемым, а он лишь уплатил в Тамбове за их обеды в гостинице. Означенный расход в 620 рублей указан в счете БАРИ, где имеется отметка о получении КРИВОШЕИНЫМ 360 рублей для Тамбова и еще 160 рублей и 100 рублей с отметкой 27 декабря 1917 г. (л. д. 24а — 58). Отсюда полная вероятность предполагать, что в декабре м-це КРИВОШЕИН ездил в Тамбов, так как даты, относящиеся к этим выдачам, приходятся на промежуток времени между 12 и 27 дек. <1>917 года (лист дела 24а — 26 и 58). Что касается февральского счета на листе дела 55 в израсходовании 3000 рублей, обвиняемый заявил, что 325 рублей из означенной суммы он действительно получил от БАРИ взаймы, а относительно отметки об израсходовании 65 руб. на поездку его, КРИВОШЕИНА, с МОЛОДЦОВЫМ, ПЕСЕЦКИМ и ЧЕРНОВЫМ в Тамбов и обратно заявил, что в Тамбов совершенно не ездил. Заявление обвиняемого, что он не израсходовал 3000 рублей, так как заболел оспой (л. д. 155), не может быть признано правдоподобным, так как в счете на листе д. 55, написанном рукой самого КРИВОШЕИНА (см. эксп. л. д. 184), ясно указывается, что обвиняемый ездил в этом м-це в Тамбов и обратно (в феврале <1>918 г.). Получение 600 рублей и 1000 рублей, отметка о коих имеется в счете БАРИ (л. д. 24а — 57), обвиняемый отрицал (л. д. 84), хотя экспертизой разобрана фамилия КРИВОШЕИНА возле этих цифр (л. д. 186). Зна-

комства своего с ХАЛАФОВЫМ не отрицал, но ЛАНСКУЮ и ГРОМОВА заявил, что не знает.

Таким образом установлено, что КРИВОШЕИН входит в контрреволюционную организацию, существовавшую в Москве под именем «Добровольческой Армии», и был руководителем Тамбовского ее отделения. На участие КРИВОШЕИНА в московской организации указал ГРОМОВ (лист дела 134), а также и ХАЛАФОВ (лист дела 102).

Третий обвиняемый — ХАЛАФОВ Константин Моисеевич на допросе 19 апреля с/г показал, что графини ЛАНСКОЙ не знал, с ней знаком не был и к организации ее не принадлежал. Но опрошенный на другой день — 20 апреля с/г показал, что граф. ЛАНСКУЮ знал как Александру Николаевну, не зная ее фамилии, и указал, что БАРИ, принадлежавший к означенной организации и отправлявший вместе с ЛАНСКОЙ офицеров, юнкеров и ударников на Дон, никогда на называл ее по фамилии, а только по имени и отчеству (л. д. 123). Это обстоятельство указывает на то, что организация вела свою деятельность конспиративно, на что указывает и свидетель ГРОМОВ (лист дела 12 внизу). КРИВОШЕИНА он, ХАЛАФОВ, знает и указал, что КРИВОШЕИН принадлежал к организации ЛАНСКОЙ и исполнял ее поручения по формированию и отправке офицеров и ударников на Дон (лист дела 103). Показал, что знает приват-доцента ИЛЬИНА как лектора университета, но относительно принадлежности его, ИЛЬИНА, к организации ЛАНСКОЙ ничего сказать не может. О СВЕШНИКОВОЙ показал, что она работала вместе с ним в областном комитете «Добровольческой Армии» в финансовой секции, но заявил, что СВЕШНИКОВА работала и с графиней ЛАНСКОЙ. По показанию обвиняемого он ушел из Московского областного комитета в первых числах января <1>918 года и поступил в Московский сахарорафинадный завод. Относительно получения им, ХАЛАФОВЫМ, денег от БАРИ показал следующее: 2000 рублей (лист дела 24а — 57) он, ХАЛАФОВ, получил для ликвидации Московского областного комитета «Добровольческой Революционной Армии», 150 рублей взяты у БАРИ взаимобразно для выдачи 3 лицам, вернувшимся с фронта. Никаких 350 рублей ЛЕОНОВУ не передавал. Это показание обвиняемого опровергается показаниями ГРОМОВА, который определенно указал, что ХАЛАФОВ отправлял офицеров на Дон и снабжал их вместе с ЛАНСКОЙ деньгами. Кроме того, отметка в счете БАРИ (л. д. 24а — 58) о получении ХАЛАФОВЫМ для 4 офицеров 250 рублей, счете, в коем указаны вообще выдачи на контрреволюционную организацию, подтверждает справедливость показания ГРОМОВА. Говоря об участии ХАЛАФОВА в организации ЛАНСКОЙ, ГРОМОВ показал, что ни одно распоряжение не могло быть выполнено раньше, чем ХАЛАФОВ и БАРИ его не санкционировали, так как, по словам ГРОМОВА, они были главными руководителями организации, ибо когда ЛАНСКАЯ 26 декабря <1>917 года уезжала на Дон, то сказала СВЕШНИКО-

ВОЙ, что деньги и все нужные сведения и распоряжения СВЕШНИКОВА получит от ХАЛАФОВА и БАРИ. Когда ГРОМОВ предложил СВЕШНИКОВОЙ заказать печати, чтобы не покупать документов, то она сказала, что по этому поводу надо переговорить с ХАЛАФОВЫМ (лист дела 104). Кроме того, когда ГРОМОВ уезжал в Н.-Новгород 5 января <1>918 года для вербовки «добровольцев», то получил от СВЕШНИКОВОЙ подложные документы в запечатанном пакете, на котором красным карандашом было написано: «от ХАЛАФОВА». От СВЕШНИКОВОЙ ГРОМОВ также узнал, что ХАЛАФОВ заведовал отправкой офицеров в Тамбов, где во главе организации стоял штабс-капитан ЛЕОНОВ (л. д. 104).

Таким образом, причастность ХАЛАФОВА к контрреволюционной организации ЛАНСКОЙ на основании вышеизложенного можно считать вполне установленной, а также можно считать установленным, что <он> являлся одним из главных руководителей этой организации.

Обвиняемый ИЛЬИН Иван Александрович также не признался виновным в участии в контрревол. организации «Добр. Армии» и заявил, что вообще ни к каким политическим организациям не принадлежал и не принадлежит. Показал, что знает БАРИ как участника организации ЛАНСКОЙ. Заявил, что несколько раз был у ЛАНСКОЙ для получения при помощи ее продуктов по себестоимости, так как нуждался в усиленном питании благодаря развивающемуся туберкулезу легких. Показал, что ни к какой Петроградской контрреволюционной организации не принадлежал и связи с ней не поддерживал. Получение 8000 рублей от БАРИ 30 ноября <1>917 года на контрреволюционные цели отрицал. ХАЛАФОВА не знал и познакомился с ним только в Чрезвычайной Комиссии. СВЕШНИКОВУ, быть может, где-нибудь и встречал, но фамилию ее не знает.

Из показания ГРОМОВА устанавливается, что когда он спросил у СВЕШНИКОВОЙ адрес Петроградской организации, то она направила его на Крестовоздвиженский пер., дом № 1, кв. 36 к ИЛЬИНУ Ивану Александровичу, но его ГРОМОВ не застал дома и переговорить с ним не мог. Имеющаяся в деле отметка в получении ИЛЬИНЫМ 8000 рублей дает полное основание полагать, что эта сумма денег была выдана ИЛЬИНУ для нужд Петроградского отделения Московской организации «Добровольческой Армии». Таким образом причастность и этого обвиняемого к контрреволюционной организации ЛАНСКОЙ можно считать установленной.

На основании вышеизложенного граждане БАРИ Владимир Александрович, КРИВОШЕИН Василий Васильевич, ХАЛАФОВ Константин Моисеевич и ИЛЬИН Иван Александрович предаются суду Московского Революционного трибунала по обвинению их в том, что 1) *первый* — БАРИ, будучи американским гражданином и зная о том лояльном отношении, какое правительство Северо-Американских Соединенных Штатов проявляло по отношению к Российской Федера-

тивной Советской Республике, а также зная политику Северо-Американских Соединенных Штатов: невмешательство во внутренние дела России и предоставление Русскому народу выбрать собственную форму правления, он, БАРИ, тем не менее стал во главе Московской контрреволюционной организации, именованной «Добровольческой Армией», целью которой было свержение Советской власти, для чего в период с 29 октября 1917 года по 26 марта 1918 года снабжал означенную организацию деньгами, обмундированием, подложными документами, печатями и отправлял контрреволюционеров на Дон, а также в целый ряд других городов Российской Республики для подготовки восстания и свержения Правительства Рабочих и Крестьян.

Второй — КРИВОШЕИН, в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах, стоя во главе указанной организации, руководил Тамбовским ее отделением, снабжая таковое деньгами, получаемыми им от БАРИ, подложными документами и отправлял контрреволюционеров в указанное Тамбовское отделение Московской организации «Добровольческой Армии».

Третий — ХАЛАФОВ, в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах вступил в Московскую организацию «Добровольческой Армии» вместе с БАРИ и КРИВОШЕИНЫМ, стал главным ее руководителем, заведовал, в частности, Тамбовским отделением Московской организации и снабжал обе указанные организации деньгами, обмундированием, подложными документами и отправлял контрреволюционеров на Д о н к КОРНИЛОВУ и КАЛЕДИНУ и

четвертый — ИЛЬИН, в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах вступил в Московскую организацию «Добровольческой Армии», заведовал ее Петроградским отделением и снабжал таковое деньгами, полученными от БАРИ.

Тов. Председателя Следственной Комиссии при Моск. Революцион. трибунале *Ващенко*.

Августа 17-го дня 1918 года, гор. Москва.

На заседание Московского Революционного трибунала подлежат в ы з о в у: **ОБВИНЯЕМЫЕ:**

1) Америк. гражд. БАРИ Владимир Ал<ексан>дрович, прож. по Архангельскому пер., 13, кв. 1,

2) КРИВОШЕИН Вас<илий> Вас<ильевич>, прож. ТАМ Ж Е,

3) ХАЛАФОВ Константин Моисеевич, прож. по 4-й Мещанской ул., дом № 14, кв. 9 и

4) ИЛЬИН Иван Александрович, прож. по Крестовоздвиженскому пер., № 2, кв. 36 или по адресу Станц. Воскресенск, Моск.-Каз. ж. д., имение БАЛЕНА.

свидетель ГРОМОВ Дмитрий Антонович, содержащийся в губерн. Таганской тюрьме.

<1918.VIII.19>⁶⁹

... Через некоторое время там же в трибунале я увидел И. А. Ильина, обвиненного по тому же делу. К моему изумлению, Ильин был под конвоем. На мой вопрос он мне ответил, что он арестован, привезен на допрос к следователю и допрос этот не может состояться ввиду того, что следователь в тот день отсутствует, что поэтому допрос придется отложить до следующего дня и что он поэтому просит о том, чтобы ему разрешили провести ночь в трибунале, а не отправляли его в тюрьму. При этом Ильин мне также сказал, что, как ему кажется, аресту подлежат все подсудимые по его делу...⁷⁰

<В. И. Ульянову-Ленину>

<1918.VIII.11/24>⁷¹

Копия

Москва, площадь Храма Спасителя, д. Голофтеева, кв. 30
1918 г. 11/24 авг<уста>.

Многоуважаемый Владимир Ильич!

В Московском Революционном трибунале производится в настоящее время так называемое дело Бари и К°. Одним из подсудимых по этому делу является мой товарищ, профессор по кафедре философии права Иван Александрович Ильин. Ввиду того, что состояние И. А. Ильина под судом по настоящему делу является, по моему убеждению, плодом какого-то недоразумения, а между тем влечет за собою весьма значительные неприятности для него, я решаюсь обратиться к Вам с настоящим письмом и довести до Вашего сведения то, что при естественном производстве дела, вероятно, Вас минует.

Из аргументов, которые выдвинуты обвинением против Ильина, имеет некоторый вес только ссылка на найденную у Бари запись о выдаче Ильину 8000 р<ублей> 30 ноября 1917 года. По поводу этой подозрительной записи доведу до Вашего сведения то, что Ильину было не совсем удобно показывать судебному следователю: деньги эти действительно были получены им, но как *личное* одолжение со стороны Бари для напечатания Ильиным работы, которая в минувшем мае месяце и была им защищена как диссертация⁷². Положение Ильина отягчается тем, что другие подсудимые по тому делу успели скрыться, а ему предстоит теперь некоторым образом вкусить похмелье после чужого пира.

Не могу не прибавить к этому того, что может быть Вам известно и без моего напоминания, что И. А. Ильин является одним из самых ценных преподавателей нашей высшей школы, что его работа о Гегеле обратила на себя всеобщее внимание, и единодушная оценка факультета выразилась в том, что вместо искомой степени магистра факультет ему присудил за его многолетний и яркий труд степень доктора. И. А.

Ильин человек с очень некрепким здоровьем (в деле имеется свидетельство о том, что он страдает туберкулезным поражением верхушек обоих легких) и ночные аресты, заключение его в тюрьму, каковому он был уже подвергнут и каковое может легко повториться в связи с исчезновением его соподсудимых, — все это отражается на нем очень печально. К чему Советской власти, повторяя ошибки недоброй памяти министерства Кассо и др. деятелей доброго старого времени, вести борьбу с безобидными деятелями высшей школы, погруженными в свой мирный труд, не имеющий ничего общего с политикой (Ильин сейчас занят печатанием новой большой работы) и вполне безвредный для какой бы то либо власти. Одно апрельское сидение в Бутырках для Ильина обошлось в три недели лежания в постели... Смею Вас заверить, что Ильин никакого отношения к политике никогда не имел, ею не занимался, не собирается заниматься и может быть без всякого риска предоставлен своей участи и вычерчиванию своих геометрических кругов на зыбучем песке умозрительной философии.

Не страшись я отнять у Вас и без того расхвтанное время, я бы очень стал просить у Вас полчаса — час, чтобы поговорить об Ильине, просить Вас прекратить его дело и заодно задать Вам несколько интересующих меня вопросов относительно развертывающейся теперь исторической драмы, в которой Вы являетесь главным действующим лицом⁷³.

Алексей Яковлев⁷⁴.

с подлинным верно: <подписью не заверено>

28

<1918.VIII.26>⁷⁵

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
 СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
 УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
 Москва, Кремль, 26 августа 1918 года
 № 8897

<печать>

В Комитет Обвинителей

КРЫЛЕНКО

Пересылаю Вам для сведения письмо Яковлева по делу И. А. Ильина, направленное на имя Председателя Совета Народных Комиссаров.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

Владимир Бонч-Бруевич

<резолуция Крыленко>

В Московский Революционный Трибунал для приобщения к делу о Бари к сведению

Августа 29 дня 1918 г. № 344

Председатель Центральной Обвинительной Коллегии

Крыленко

Секретарь <подпись неразб.>

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА
РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
КОМИССАРИАТ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Отдел XIX

Высш. Учебн. Завед.

сентября 19 1918

№ 1897 Москва

Во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию
по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

В Отдел высших учебных заведений Народного Комиссариата по просвещению поступила пересланная из Управления Делами Совета Народных Комиссаров копия письма Яковлева по делу проф. И. А. Ильина. Из означенного письма видно, что проф. Ильин является одним из подсудимых по делу Бари и К^о. Причем против Ильина, как утверждает автор письма, никаких определенных улик нет, кроме одной — именно: найденная у Бари записка о выдаче Ильину 8000 руб. 30 ноября 1917 года. По поводу этой подозрительной записки автор письма сообщает, что Ильину было не совсем удобно показывать судебному следователю. Деньги эти, действительно, были получены им, но как личное одолжение со стороны Бари для напечатания Ильиным работы, которая в минувшем мае месяце и была им защищена как диссертация.

Ввиду изложенного Отдел высших учебных заведений просит Комиссию принять со своей стороны меры к выяснению степени виновности Ильина, в случае отсутствия таковой прекратить производством дело Бари и К^о в части, касающейся Ильина.

Член коллегии Отдела (подпись)

Заведующий 1-го отделения Карталов (подпись)

<печать>

Следственная комиссия

при

МОСКОВСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ТРИБУНАЛЕ

окт 12 дня 1918 г.

№ 18004

дело № 93

Полит. Отдел

Начальнику Таганской тюрьмы

Следственная комиссия при Революционном трибунале предписывает Вам доставить в Комиссию, Солянка № 1, заключенного во вве-

ренной Вам тюрьме Ивана Александровича Ильина к 11 час. 17 окт. 1918 г.

Председатель
Секретарь <подпись неразб.>

31

<1918.X.17>⁷⁸

По делу № 132

ПОСТАНОВЛЕНИЕ №

(заключительное)

1918 года октября 17-го дня я, следователь при Московском Революционном трибунале М е н д е, рассмотрев настоящее следственное дело, нашел:

1) Что произведенным по делу дознанием, дополненным отдельными следственными действиями, обстоятельства сего дела разъяснены с достаточной полнотой.

2) Что *Бари Владимир Александрович* обвиняется в том, что будучи американским подданным и зная о том лояльном отношении, какое правительство Северо-Американских Соединенных Штатов проявляло по отношению к Российской Федеративной Советской Республике, а также зная политику Северо-Американских Соединенных Штатов: невмешательство во внутренние дела России и предоставление русскому народу выбирать форму правления по собственному желанию, он, Бари, тем не менее стал во главе Московской контрреволюционной организации, именовавшейся «Добровольческой Армией», целью которой было свержение Советской власти, для чего в период с 29 октября 1917 года по 26 марта 1918 года он снабжал означенную организацию деньгами, обмундированием, подложными документами, печатями и отправлял контрреволюционеров на Дон, а также целый ряд других городов Российской Республики для подготовки восстания и свержения Правительства Рабочих и Крестьян.

Кривошеин Василий Васильевич в том, что тогда же и при таких же обстоятельствах стал во главе указанной организации, руководил Тамбовским отделением, снабжал таковое деньгами, полученными от Бари, подложными документами и отправлял контрреволюционеров в указанное Тамбовское отделение Московской организации «Добровольческой Армии».

Халафов Константин Моисеевич в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах вступил в Московскую организацию «Добровольческой Армии» вместе с Бари и Кривошеиным, стал главным ее руководителем и заведовал, в частности, Тамбовским отделением Московской организации и снабжал обе указанные организации деньгами, обмундированием, подложными документами и отправлял контрреволюционеров на Дон к Корнилову и Каледину и

Ильин Иван Александрович в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах вступил в Московскую организацию «Добровольческой Армии», заведовал ее Петроградским отделением и снабжал таковое деньгами, полученными от Бари.

3) Что обвиняемые Бари, Кривошеин, Халафов и Ильин подлежат преданию суду Московского Революционного Трибунала по обвинению в описанном в предыдущем пункте сего постановления преступлении.

Ввиду изложенного я, следователь, постановил:

а) следственные действия по сему делу заключить;

б) предъявить обвиняемым Бари, Кривошеину, Халафову и Ильину обвинение согласно пункта 2 сего постановления, после чего препроводить настоящее дело через Коллегию обвинителей в Президиум Московского Революционного Трибунала.

Следователь

Заведующий Отделом

В Судебное заседание МОСКРЕВТРИБА вызываются:

Обвиняемые

- 1) Бари Владимир Александрович
- 2) Халафов Константин Моисеевич
- 3) Кривошеин Василий Васильевич
- 4) Ильин Иван Александрович.

Свидетели:

1) Громов Дмитрий Антонович, содержащийся в губернской Таганской тюрьме.

32

<1918.X.22>⁷⁹

По делу № 132

Форма 273

№ 4

ПРОТОКОЛ

предъявление обвинения

1918 года октября 22 дня в г. Москве я, следователь при Московском Революционном Трибунале Менде, в присутствии члена Следственной Комиссии того же трибунала Лейтендорфа и защитника Михаила Юрьевича Гольдмана предъявил обвиняемому Ильину Ивану Александровичу обвинение согласно заключительного постановления № ___ по делу № 132 (л. д. ___), причем мною, следователем Менде, были прочитаны и вручены обвиняемым копии означенного постановления и списки лиц, вызываемых в судебное заседание трибунала, и разъяснено, что они, обвиняемые, или их защитники имеют право ознакомиться теперь с следственным производством, а затем в течение семидневного от сего дня срока возбудить пред Президиумом Московского Революционного трибунала ходатайства:

а) о дополнении следствия или дознания с указанием, допросом каких лиц (имена, отчества, фамилии, точный адрес), или какими другими следственными действиями и для подтверждения каких именно обстоятельств должно быть дополнено следствие или дознание;

б) о вызове в судебное заседание новых свидетелей (и экспертов), с указанием имен, отчеств, фамилий и адресов сих лиц, а равно и обстоятельств, в подтверждение коих они вызываются;

в) о назначении защитника бесплатного или о допущении своего защитника, а также и других ходатайств.

При этом обвиняемый заявил: что им были представлены через Вл. Бонч-Бруевича объяснения по существу дела, каковые объяснения нашли свое выражение в письме Алексея Ивановича Яковлева — Владимиру Ильичу Ленину.

Письмо это в копии находится в производстве настоящего дела. Между тем в заключительном постановлении ни единым словом не упоминается про это, по моему мнению, существенное обстоятельство для дела, а потому я воспользуюсь семи данными, скажем, чтобы возбудить вновь ходатайство о дополнительном расследовании, согласно содержанию сего письма, а равным образом о моем передопросе и допросе всех необходимых свидетелей для выяснения всех обстоятельств, связанных с содержанием сего письма.

Написанному «мнению» и «вновь» — верить.

Профессор Государственного Университета

И. А. Ильин

Следователь

Член Следств. Комиссии

При предъявлении обвинения присутствовал защитник

УПРАВЛЕНИЕ
МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени А. Л. ШАНЯВСКОГО

Октября 25 1918 г.

№ 568

Москва

улица 19 Февраля, соб. дом.

Правление Московского городского Народного университета имени А. Л. Шанявского настоящим удостоверяет, что И. А. ИЛЬИН состоит преподавателем академического отделения университета, где читает курс: «Общая теория права» и ведет практические занятия по государственному праву. Ввиду того, что в осеннем семестре И. А. Ильин не имел возможности начать свой курс своевременно и слушатели были лишены занятий по одному из основных предметов общественно-юридической группы, являет-

ся совершенно необходимым, чтобы занятия И. А. Ильина в настоящее время ничем не прерывались и чтобы И. А. Ильин продолжал беспрепятственно посещать университет.

Председатель (подпись)
 За секретаря правления (подпись)
 <печать>

34

<1918.X.28>⁸¹

В Московский Революционный Трибунал
 В Президиум Московского Революционного Трибунала
 Профессора Московского государственного университета
 Ивана Александровича Ильина

ЗАЯВЛЕНИЕ

С 1918 года 22 октября Следственная комиссия при Московском Революционном трибунале известила меня о том, что она передает в Коллегию обвинителей при сем трибунале свое заключение по делу граждан Бари, Кривошеина, Халафова и Ильина, согласно которому я предаюсь суду трибунала в том, что вступил в организацию, именуемую «Добровольческой Армией», заведовал ее петроградским отделением и снабжал таковое деньгами, полученными от инженера Бари.

Настоящим я ходатайствую перед Президиумом Революционного трибунала и перед Коллегией обвинителей о *возвращении моего дела к исследованию* в Следственную комиссию, и притом на следующем основании.

Обвинение, предъявляемое ко мне, основывается на двух пунктах: на показаниях гражданина Громова и на краткой, неопределенной отметке, имеющейся в бумагах Бари. Однако ни один из этих пунктов не был освещен и раскрыт Следственной комиссией с тою полнотою, которая гарантировала бы революционное судопроизводство⁸² от совершения прискорбной следственной и судебной ошибки по отношению ко мне.

Так, во-первых, гражданин Громов в своих показаниях сам заявляет, что он меня не знает, у меня никогда не был, со мною не беседовал и никаких контрреволюционных сведений от меня не получал. О моей деятельности и о моем образе мыслей он судит только из вторых рук, по слухам, полученным от лиц, которые даже мой адрес сообщили ему в искаженном виде. Если бы гражданин Громов действительно явился ко мне за контрреволюционными сведениями и получил бы их, — его показания могли бы послужить уликой против меня; но он сообщает данные о незнакомом ему человеке, не подозревая о том, какую решительную отповедь он получил бы от меня, если бы явился ко мне с намерением отвлечь меня от моих научных занятий и вовлечь в какую-нибудь контрреволюционную авантюру.

В противовес его непроверенным и неверным слухам я прошу допросить лиц, которые давно меня знают и на глазах у которых протекала вся моя общественная и научная деятельность. Они подтвердят мои показания, данные на следствии, и сообщат новый, существенный материал по моему делу; таковы:

1. Профессор Евгений Алексеевич Косминский (Покровские ворота, 21,4).

2. Профессор Лев Мелхиседекович Кречетович (Никитская, здание Университета).

3. Профессор Народного университета имени Шанявского Борис Николаевич Эдинг (Земляной вал, 6).

4. Преподаватель высших курсов Федор Александрович Петровский (Шереметевский пер., д. Шереметева).

5. Правозащитник Игорь Владимирович Ильинский (Поварская, 8).

6. Ординатор Яузской больницы Елена Павловна Разумова (Спиридоновка, Ермолаевский пер., д. 4, кв. 15).

7. В добавление к этому я представляю справку от домового комитета о моем верном адресе.

Во-вторых, что касается краткой отметки с моими инициалами, имеющейся в бумагах гражданина Бари, я считаю необходимым заявить нижеследующее.

В деле Следственной комиссии имеется копия с письма, препровожденного в Трибунал Представителем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным-Ульяновым и Управляющим Делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевичем. В этом письме профессор А. И. Яковлев, лично хорошо известный В. И. Ленину и В. Д. Бонч-Бруевичу, устанавливает истинное значение инкриминируемого мне денежного займа, сделанного мною у гражданина Бари. И я ходатайствую о передопросе моем и о допросе указанных ниже свидетелей, имеющих подтвердить заявление проф. Яковлева. Деньги в размере восьми тысяч были мною действительно получены от гражданина Бари, но отнюдь не на контрреволюционные цели, ибо контрреволюционных сношений я с ним не вел. Он дал их мне в виде временной ссуды на издание моего ученого труда, наименование, размеры и стоимость которого будут подробно указаны мною и моими свидетелями. Эти деньги были мною целиком возвращены гражданину Бари в конце января месяца ввиду того, что мне удалось найти издателя моего сочинения в лице Г. А. Лемана⁸³. Вместе с тем я представляю в трибунале и самое сочинение мое, не только не имеющее контрреволюционного характера, но купленное недавно в большом количестве экземпляров В. Д. Бонч-Бруевичем для книжных магазинов Советов Рабочих Депутатов. На предварительном допросе я не видел необходимости вводить Следственную комиссию во все эти подробности, имеющие совершенно частный и личный характер, полагая, что Следственная комиссия поверит моему открытому заявлению о моей лояльности.

Мне казалось, что моя лояльная, внеполитическая позиция достаточно видна из того, что я не уклонялся и не уклоняюсь, подобно многим, от суда и следствия, но продолжаю мое открытое и гласное преподавание с кафедры советских высших учебных заведений. Ныне, убедившись в том, что я могу стать жертвою недоверия и имея возможность представить свидетелей, устанавливающих мое *alibi*, я ходатайствую перед Президиумом Московского Революционного Трибунала и перед Коллегией обвинителей о возвращении моего дела к доследованию, о передопросе меня самого, а также о допросе:

1. Гражданина Николая Петровича Тарасова⁸⁴ (Спиридоновка, Ермолаевский пер., д.4, кв. 19).

2. Гражданина Георгия Адольфовича Лемана (Пречистенка, По<лу>эктовский пер., 6, 2).

Настоящее мое заявление доверяю подать гражданину Михаилу Юрьевичу Гольдману⁸⁵.

Профессор Государственного и Народного университетов

Иван Александрович Ильин

1918 года 28 октября

35

<1918.XI.3>⁸⁶

ДЕЛО № 1315⁸⁷

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ
ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, СПЕКУЛЯЦИЕЙ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ДОЛЖНОСТИ**

Б. Лубянка, 11, телефон 5-79-23

Отдел К-р

Годен на *одне* суток

9356

ОРДЕР

Поручается товарищу *Риб*

Произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложение запрещения и ареста на товары *и арест всех* подозрительных лиц в гор. Москве и ее окрестности.

В зависимости от обыска задержать гражд. _____⁸⁸

Реквизировать или конфисковать его товары и оружие

Председатель *Петерс* (подпись за председателя)

Секретарь <подпись неразборчива>

<печать>

1918 г. Ноября «3» дня

36

<1918.XI.3>⁸⁹

РАСПИСКА

По ордеру отдела за № 9356
 принят от комиссара *Рубе*
 Арестованы *Ильин*
 Что подписано с приложением печати удостоверяется
 «3/ХI» _____ 1918 г. <треугольная печать с надписью: «ВЧК»
 тюремный подотдел комендантского отдела>

37

<1918.XI.3>⁹⁰

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

Отдел по борьбе с контрреволюцией

«___» 1918 г.

№ _____

Исп. 1315.

В Оперативную часть

Предлагается выписать ордер на обыск и арест *Ивана Александровича ИЛЬИНА*, прож. по Крестовоздвиженскому пер., д. № 2, кв. 36 — подозревается в контрреволюционной деятельности.

Основание: сведения из дела 1315.

Деж. по отд.

Исп. долж. 11 Отд. <подпись неразборчива>

38

<1918.XI.3>⁹¹

В Комиссию

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией за № 9356 от «3» ноября мес. 1918 г. произведен обыск в д. № 2, кв. № 36 по Крестовоздвиженскому переулку у гр. *Ильина Ивана Александровича*.

При обыске присутствовали: *председатель домового комитета Истовин и предст. I Тверского комис. милиции Андрей Матюг*.

Согласно данным указаниям задержаны: гражд. *Ильин Иван Александрович*.

Взято для доставления во Всерос<сийскую> Чрезв<ычайную> Комиссию следующее (подробная опись всего конфискованного или реквизируемого).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1) Лекция о патриотизме. 2) Записки ученого содержания за № 1 — 2 и 3. 3) 6 листов гранок книжных. 4) Разная переписка в количестве 9 писем и 4 записки. 5) Две пачки личных документов — в одной пачке двадцать № (номеров), во второй пачке 5 номеров. 6) Копия заключения революционного трибунала⁹². 7) Заявление рев^олюционному трибуналу⁹³.

Обыск производил: *Комиссар Комиссии Рибе*

При обыске заявлено жалоб от *нет*

Все указанное в протоколе и прочтении его вместе с примечаниями лицам, у которых обыск произведен, удостоверяем:

И. А. Ильин

Представитель домового комитета Истовин

Кроме того подписали *Матюж*

«___» _____ 191__ г.

Производил обыск комиссар *Рибе*

Копия оставлена у председателя
домового комитета <подпись>

39

<1918.XI.3>⁹⁴

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ К ОРДЕРУ № <9356>

- 1) Фамилия, имя и отчество *Иван Александрович Ильин*
 - 2) Звание *Профессор госуд. университета*
 - 3) Какой губ. уроженец *Московской губ.*
 - 4) Семейное положение *Женат*
 - 5) Местожительство в Москве *Крестовоздвиженский пер., д. 2, кв. 36*
 - 6) Профессия *Профессор университета*
 - 7) Источник средств к существованию *Жалование от учреж.*
 - 8) Сколько лет *35 лет*
 - 9) Чем занимаетесь в настоящее время *Профессурой*
 - 10) Подвергался ли к суду и следствию *состоит под следствием*
 - 11) Какие документы представил *Удостоверение от университета*
 - 12) Кто может удостоверить личность *Председатель домового комитета*
 - 13) Отношение к воинской повинности
 - 14) Прочие вопросы
- Подпись опрашиваемого: *И. А. Ильин*
Комиссар Рибе
- Примечания

<1918.XI.3>⁹⁵

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ К ОРДЕРУ № <9356>

- 1) Фамилия, имя и отчество *Ильина Наталия Николаевна*
- 2) Звание *Жена профессора Моск. Унив.*
- 3) Какой губ. уроженец *Москвы*
- 4) Семейное положение *Замужем*
- 5) Местожителство в Москве *Крестовоздвиженский, д. 2, кв. 36*
- 6) Профессия *Писательница*
- 7) Источник средств к существованию *Литературные труды*
- 8) Сколько лет *36*
- 9) Чем занимаетесь в настоящее время *Научными работами*
- 10) Подвергался ли к суду и следствию *Нет*
- 11) Какие документы представил *Паспорт, билет с Женских курсов*
- 12) Кто может удостоверить личность *Председатель домового комитета*
- 13) Отношение к воинской повинности
- 14) Прочие вопросы

Подпись опрашиваемого: *Н. Ильина*
 Комиссар *Рибе*

Примечания

<1918.XI.5>⁹⁶

ПРОТОКОЛ

составлен следователем *Валескалес*, отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров, 5 ноября 1918 года.

Спрошенный *Иван Александрович Ильин* показал следующее. Я, уроженец гор. Москвы, сын присяжного поверенного. Имею тридцать пять лет от роду. Женат, детей не имею, профессор Московского университета. Кончивший Московский университет юридический факультет.

Состою теперь под следствием Революционного Трибунала как состоявший в организации «Добровольческой Армии».

Проживаю по *Крестовоздвиженскому переулку № 2, кв. 36.*

Арестован 3 ноября в своей квартире, после произведенного обыска. Университет закончил в 1906 году; по окончании университета я был оставлен там же при университете. В 1909 году был произведен в звание приват-доцента. С 1910 по 1912 год я был командирован за границу, был в Германии и во Франции. Кроме моей работы в этом университете я принимаю еще участие в работе в Коммерческом институте, в Народном университете по имени Шанявского и на Высших женских курсах, учрежденных Полторацкой.

В апреле месяце сего года я был арестован по ордеру Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Тогда меня обвиняли в создании организации «Добровольческой Армии», допрошен был следователем Венгеровым, дело мое было передано в Революционный трибунал, и я через 9 дней был освобожден.

По этому же делу тогда были арестованы инженер Бари, офицер Кривошеин и Халафов, которые тоже позже были освобождены Революционным трибуналом. В августе месяце я был снова арестован по ордеру Революционного трибунала, арестован я был опять по тому же делу. На этот раз я был задержан на двое суток и после моего допроса тотчас же был освобожден. С инженером Владимиром Александровичем <Бари> я <был> знаком года полтора и <ли> два тому назад. Бари посещал мои научные лекции, вообще наше знакомство состояло по научной части, притом же он обещал субсидировать издание моего научного труда. С княжной Ланской⁹⁷ я знаком с конца августа или с сентября прошлого 1917 года. Кто с ней меня познакомил, не помню, я жаловался на трудные обстоятельства жизни в смысле добывания продовольствия, и меня познакомили с ней и сказали, что она (Ланская) может помочь мне в этом деле, и действительно несколько раз я от нее получил продукты. Продукты, как это было мне передано, получала она привозом с места и продавала мне по себестоимости. Продукты ей привозили казаки. Вообще в доме княгини Ланской я бывал раза два или три. С генералом Алексеевым я лично знакомства не имею — это я категорически заявляю, знаю его как Верховного Главнокомандующего и видел его на одном съезде, на съезде общественных деятелей⁹⁸. Лично с ним я не был познакомлен. Кривошеин Василий Васильевич бывший студент Московского университета, знаю его как моего слушателя. С ним лично я познакомился во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии будучи арестованным; до этого в университете с ним никакого знакомства и равно и сношений с ним я не имел. Халафов Константин Моисеевич мне представился будучи арестованным в ВЧК; он сказал, что он слушал меня в Московском университете, но его лицо я не помнил.

С князем Гагариным я знаком прибол<изительно> года полтора тому назад. Как я с ним познакомился, не могу сказать; мое знакомство с ним состояло в том, что он был со мною в одинаковом интересе к искусству. Если память мне не изменяет, то я с ним в это лето встретился на улице, он звал меня к себе, но я к нему не зашел. Он проживал раньше по Новинскому бульвару в своем особняке, помещавшемся во дворе Ланской. Инженера Жилинского я совершенно не знаю. Софью Евгеньевну Свешникову я знал как свою слушательницу по Коммерческому институту. Свидетель по моему делу офицер Громов сам указывал, что он со мною никогда не беседовал и никаких контрреволюционных сведений не получил; мой адрес, который ему, как он показал, указывала Свешникова⁹⁹, был указан неверно, а именно неве-

рен был № дома, вместо № 2 — № 1. Деньги 8000 от инженера Бари я действительно получил на издание моего большого труда «Философия Гегеля», но после того как мне удалось в середине января 1918 года продать мою книгу издателю Леману, обещавшему мне гонорар, я в конце января сполна вернул эти деньги инж. Бари. Об этом, что я деньги сполна вернул, может засвидетельствовать гражданин Николай Петрович Тарасов, проживающий по Спиридоновке, Ермолаевский пер., дом № 4, кв. 19; издатель Георгий Адольф<ович> Леман, проживающий по Пречистенке, Полузтковский переулок, дом, кажется, № 6, квартиру не помню. Какое-нибудь участие в «Добровольческой Армии» я не принимал, это я категорически заявляю.

Протокол мне объявлен — записано с моих слов верно, поправки на 2 стр. вместо ареста — допроса и на 3 стр. вместо помню — помнил и вставленное слово раньше сделано при мне.

Иван Александрович Ильин

Заключение

Задержать для дальнейшего следствия.

Деж. След. <подпись>
5/ХІ.

42

<1918.ХІ.15>¹⁰⁰

В Всероссийскую Чрезвычайную Следственную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Совета Старост
Высших Женских
Юридических Курсов

ПРОШЕНИЕ

Совет старост Высших женских Юридических курсов ходатайствует об освобождении на поруки *Ивана Александровича Ильина*, незаменимого преподавателя курсов. И. А. Ильин был арестован 3-го ноября с. г. в 9 час. утра у себя на квартире.

Председатель Совета Старост
З. Степанова
Секретарь: *Орлова*

<печать: Совет старост Юридический факультет Курсы уч. Полтавской>

Москва 15-го ноября 1918 года.

43

<1918.ХІ.28>¹⁰¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следователя ВОЗДВИЖЕНСКОГО Отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской Комиссии при Совете Народных Комиссаров.

В конце 17-го года после октябрьской революции возникла контрреволюционная организация, поставившая своей задачей вербовку добровольцев и отправку их на Дон в полки Каледина и Корнилова. Также, пользуясь подложными документами, она отправляла на Дон оружие, обмундирование и проч.

Во главе этой организации стояла гр. Александра Николаевна ЛАНСКАЯ, инженер БАРИ и друг<ие>. Арестованный Дмитрий Антонович ГРОМОВ, принадлежавший к этой организации, указал, кроме других лиц, и на *ИЛЬИНА Ивана Александровича*. «В Москве у приват-доцента Московского университета ИЛЬИНА узнать и петроградские адреса» (показание Громова от 21 февраля 18 г.).

К ИЛЬИНУ ГРОМОВА послала ЛАНСКАЯ, сказав ему, что он, ИЛЬИН, поддерживает связь с петроградской организацией.

Но ГРОМОВ ИЛЬИНА дома не застал. У инженера БАРРИ¹⁰², кроме других сумм, выдаваемых им офицерам на контрреволюционные надобности, записано, что он выдал ИЛЬИНУ 30 ноября 8000 рублей.

Фамилия ИЛЬИНА стояла под инициалом. ИЛЬИН объясняет эту выдачу так, что БАРРИ деньги ему дал на издание его научной книги. Также он утверждает, что деньги возвратил обратно БАРРИ, так как нашел себе другого издателя. Но это с действительностью не согласуется, т. к. деньги получены 30 сентября 17 года, а договор с издателем ЛЕМАНОМ был заключен 28 сентября 18 г., когда он, ИЛЬИН, БАРРИ видеть не мог. Также очень подозрительно, что сумма 8000 руб. записана не полностью фамилией ИЛЬИНА, а инициалами. Если деньги давались БАРРИ ИЛЬИНУ на законные цели, то запись скрывать нечего и записывать в число сумм, расходуемых на контрреволюционные цели, невозможно. Кроме того, ИЛЬИН не отрицает своего знакомства с ЛАНСКОЙ и даже получал от нее продукты по дешевым ценам. Продукты эти доставлялись ЛАНСКОЙ казаками, что ИЛЬИН знал.

Ввиду всего изложенного нахожу, что ИЛЬИНА Ивана Александровича следует заключить в *концентрационный лагерь*¹⁰³.

28/XI 18 г.

Следователь *Воздвиженский*

44

<1918.XII.13>¹⁰⁴

РСФСР
МОСКОВСКИЙ
Коммерческий институт
ДИРЕКТОР
Ноября 13 дня 1918 г.
Серпуховка, Стремянный пер.

В Комиссариат Народного Просвещения
Отдел высших учебных заведений

В начале текущего ноября месяца по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии после произведенного обыска у

себя на квартире арестован профессор Московского Коммерческого института Иван Александрович *Ильин*.

Профессор Ильин читает в Коммерческом институте курс лекций для слушателей 1-го семестра, т. е. для свыше 2500 человек, и невольное прекращение им курса при наличии столь многочисленного состава студентов и при невозможности замены его другим лектором, особенно в середине академического года, ставит экономический факультет института в крайне тяжелое положение, лишая слушателей одного из основных предметов.

Вследствие сего Московский Коммерческий институт обращается в Народный комиссариат по просвещению с покорнейшей просьбой оказать свое содействие в деле освобождения профессора Ильина, хотя бы и под поручительство.

При этом институт позволяет себе обратить внимание комиссариата, что в распоряжении института имеются данные, указывающие на болезненное состояние профессора Ильина, страдающего легочным процессом, и заключение должно губительно отразиться на его здоровье. В доказательство этого может быть представлено докторское свидетельство.

И. о. ректора
Правитель дел

45

УДОСТОВЕРЕНИЕ

<1918.XII.26>¹⁰⁵

РСФСР

М. Т. и Пр.

Московский Коммерческий институт

ДИРЕКТОР

Декабря 26 дня 1918 г.

№ 3721

Серпуховка, Стремянный пер.

Дано сие от Московского Коммерческого института Ивану Александровичу ИЛЬИНУ в том, что он состоит профессором сего института, читает лекции в названном институте, ведет практические занятия, ввиду чего его личное присутствие в институте является крайне необходимым.

Удостоверение сие выдано для представления в Революционный трибунал.

За и. о. ректора <подпись>

За правителя дел <подпись>

<печать>

<1918.XII.26>¹⁰⁶

М. Н. П.

Высшие женские юридические
и историко-филологические курсы,
учр. В. А. Полторацкой
№ 4013

Москва, Большая Никитская,
Шереметевский переулок, д. № 5, кв. № 114.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

дано сие профессору Ивану Александровичу Ильину в том, что он состоит постоянным преподавателем курсов и в нынешнем учебном году читает сложные и ответственные курсы «Введение в философию», «Логику», «Историю философии права». Согласно распоряжению народного комиссара по просвещению, учебные занятия на курсах будут производиться до 1 января 1919 года; отсутствие профессора И. А. Ильина вызвало бы перерыв в преподавании и весьма неблагоприятно отразилось бы на учебных занятиях слушательниц.

Директор курсов <подпись>

Делопроизводитель <подпись>

<печатать>

<1918.XII.28>¹⁰⁷

М. Т. и Пр.

МОСКОВСКИЙ

Коммерческий институт

ПРАВИТЕЛЬ ДЕЛ.

Ноября 28 дня 1918 г.

№ 3474

Серпуховка, Стремянный пер,

Многоуважаемый Семен Иванович.

Члены Правления Московского коммерческого института, имея в виду Ваши давние отношения к нашей высшей школе, уполномочили меня обратиться к Вам со следующей просьбой.

В начале текущего ноября месяца по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Следственной Комиссии после произведенного обыска у себя на квартире арестован в третий раз профессор Московского Коммерческого института Иван Александрович Ильин.

Профессор Ильин читает в Коммерческом институте курс лекций для слушателей 1-го семестра, т. е. для свыше 2500 человек, и невольное прекращение им курса при наличии столь многочисленного состава

ва студентов и при невозможности замены его другим лектором, особенно в середине академического года, ставит экономический факультет института в крайне тяжелое положение, лишая слушателей одного из основных предметов.

При этом имеются данные, указывающие на болезненное состояние профессора Ильина, страдающего легочным процессом, и заключение должно губительно отразиться на его здоровье.

Институт в лице преподавателей и совета старост уже возбудил вопрос перед Народным комиссариатом просвещения, от которого на прошлой неделе была послана соответствующая просьба в Чрезвычайную Комиссию, но ответа не поступало.

Очень просим Вас оказать Ваше содействие к благоприятному разрешению этого дела, имеющего большое значение для института.

48

<1918.XII.28>¹⁰⁹

ЗАСЕДАНИЕ

28 декабря

Дело И. А. Ильина

(Обвиняется в том, что примыкал к заговору контрреволюционному, организованному Бари).

Обвинитель Р. П. Катаньян.

Защитник Гольдман.

Состав трибунала:

Председатель А. М. Дяконов.

Заседатели: Клюгер Иван Иванович, Эдель Фердинанд Фердинандович, Климова Екатерина Николаевна, Комаров Константин Николаевич, Комаров Сергей Васильевич.

Запасные: Крупчатников Василий Николаевич, Кожин Иван Алексеевич¹¹⁰.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слушается дело И. А. Ильина. Товарищи заседатели отчасти уже знакомы с этим делом. Как известно товарищам заседателям, что единственное основание для обвинения И. А. Ильина было показание свидетеля Громова, который теперь отказался от своего показания, говоря, что он не помнит. Так что товарищи заседатели выслушают объяснения Ильина и решат, можно верить его словам или нет.

ИЛЬИН. Я прошу дать слово моему защитнику, он хочет сделать заявление.

ГОЛЬДМАН. Ввиду того, что наше дело было назначено к слушанию на 26 число¹¹¹, но 26 оно заслушано не было, его перенесли на 27. Нам предложено было явиться 27. Мы также явились. Но оно заслушано не было. Мы снова пришли сегодня. Такое положение становится совершенно недопустимым. Если принять во внимание, что И. А. Ильин больной человек, у него туберкулез легких, то такая пыт-

ка является ни с чем несообразована. Неужели только потому, что остальные скрылись, а И. А. Ильин честно исполняет свой долг перед судебной властью, он должен нести все тяжелые последствия этого дела. Поэтому я и прошу выслушать меня.

Ввиду того, что по вчерашнему делу по обвинению Бари и других допрашивался бывший офицер Громов, который явился единственным свидетелем обвинения против И. А. Ильина, и он отказался от своего обвинения Ильина и от других показаний, которые он дал в свое время, которые и послужили основанием для возбуждения настоящего дела. Когда ему задали вопрос: действительно ли его послали к Ильину, чтобы там получить адрес петроградской организации, то он ответил, что он не помнит, о том, что он присутствовал при разговоре будто бы Ильина и Ланской, он тоже не помнит. Принимая во внимание, что никаких доказательств относительно принадлежности И. А. Ильина к контрреволюционной организации нет, нет никаких документов, ни каких-либо материалов, при условии, что показания Громова пошатнулись, если не совсем уничтожились, то вы имеете полное основание признать, что причастность к контрреволюционной организации И. А. Ильина не доказана. Это во-первых. Во-вторых: я имею честь представить вашему вниманию четыре удостоверения от четырех высших учебных заведений г. Москвы. Эти удостоверения: первое из Московского университета, второе с Высших женских курсов, третье из Коммерческого института и из университета Шаняевского. Из всех этих удостоверений вы можете убедиться, что в течение 1918 года И. А. Ильин осуществлял в самой широкой степени свою преподавательскую деятельность. В этих удостоверениях вы можете убедиться, что он читал курсы лекций по философии, по логике, по истории политических учений и все те, которые бы действительно хотели знать, как думает и мыслит И. А. Ильин, имели самую широкую возможность в этом убедиться. Я уверен, что среди его многочисленных слушателей имеются коммунисты и лица, которые не за страх, а за совесть поддерживают Советскую власть. И если действительно в его деятельности замечались элементы противосоветские, то все те, кому ведать надлежит, могли иметь для этого достаточно материала. Но на самом деле его деятельность совершенно открыто непрерывно продолжается и продолжалась, ибо из этих удостоверений вы могли убедиться в том, что в деятельности И. А. Ильина никакого перерыва не наступало и вся его деятельность продолжается до настоящего момента напряженно. Вся его непрерывная напряженная деятельность должна служить доказательством того, что он работал для нации. Я думаю, никто не может подумать, что крайнее напряжение сил в такое тяжелое время, как сейчас, могло бы происходить с той только целью, чтобы ввести в заблуждение насчет того, как он в действительности мыслит. Вся его преподавательская деятельность за все это время может служить доказательством его благонадежности так называемой. На основании толь-

ко этого одного вы могли бы признать его человеком, не опасным для революции. Если все-таки для вас что-либо не совсем ясно, то он здесь перед вами, вы могли бы задать ему те или иные вопросы и получить личное впечатление от его личности, и это может послужить материалом для ваших выводов. Кроме того, на последнем, шестом, чрезвычайном съезде было принято постановление об амнистии, главная мысль которого заключается в том, что она может быть применена к тем лицам, которые не являются опасными в настоящий момент для советской власти. Признав факт недоказанности причастия И. А. Ильина к контрреволюционной организации, на основании этого вы признаете этого человека не опасным для революции. На основании его деятельности, признав его человеком не опасным для революции, его слова, заслуживающими доверия, вы имеете возможность и право, отвечающее вашему революционному правосознанию, применить к нему амнистию и прекратить его дело навсегда. Я считал бы это политически целесообразным, тактически полезным, по существу дела необходимым именно такое окончание дела. Поэтому и прошу, применив амнистию по настоящему делу, прекратить его навсегда.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Я оглашу заключение по этому делу. *(Оглашает.)* Гражданин Ильин, признаете себя виновным?

ИЛЬИН. Нет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Желаете дать объяснения?

ИЛЬИН. Я познакомился с Бари через своего коллегу по университету, профессора Некрасова, который находится в родственных отношениях с Бари. Бари очень часто посещал мои публичные лекции и неоднократно выражал свои восторги. После того, как однажды я прочел свою лекцию, гражданин Бари мне задал такой вопрос: отчего я не печатаю своих лекций. Я ответил, что у меня не совсем благополучно в смысле денег. На это мне он возразил, что это легко устроить, что это пустяки, что он поможет мне издать мои произведения, чтобы я зашел к нему. Через некоторое время я явился к Бари и взял на издание 8 тысяч рублей. Но все-таки это обстоятельство меня тяготило, я эти деньги не использовал. В это время нашелся издатель Леман, который согласился издать мои труды без всяких затрат. Тогда я с облегченным сердцем возвратил эти деньги инженеру Бари. Обо всех этих переговорах может засвидетельствовать издатель Леман¹², а также Тарасов¹³, который присутствовал при этом разговоре.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Каким образом вы познакомились с Ланской?

ИЛЬИН. Один из моих учеников знал, что я страдаю туберкулезом, что я нуждаюсь в усиленном питании, тогда уже был налицо продовольственный кризис. Он мне сказал, что он имеет возможность добыть для меня продовольственные припасы у Ланской, которая может отпустить их по себестоимости. Он меня повел на Новинский бульвар и познакомил с Ланской. Я только раза два получал у нее продукты. Но должен

при этом заметить, что этот ученик меня предупреждал, чтобы я не разговаривал с Ланской на политические темы, потому что это пустая трата времени, совершенно лишнее. Но если, может быть, эти лица и хотели меня видеть в кругу своих единомышленников, я за это не ответственен. Я никакого участия в их организации не принимал. Если бы я вообще хотел принимать участие в политической жизни, то я мог бы это сделать иначе, так как мне многократно предлагали работать в различных политических организациях, но я никогда не соглашался на это, так как я всегда занимался наукой и всегда отдавал все свои силы на это, и политическая работа как таковая меня не интересовала. Кроме того, я всегда был против всяких партий, так как всегда предпочитал быть дураком собственных мыслей и в партиях никогда не состоял и не буду состоять. Если мне предлагали вступление в таких уважаемых организациях политических, то мне нет никакого смысла было вступать в какой-то тайной политической организации.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Сейчас объявляется перерыв. Я пока спрошу вас. Сколько вам лет?

ИЛЬИН. 34 года¹¹⁴.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Какое ваше образование?

ИЛЬИН. Окончил университет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Где родились?

ИЛЬИН. В Москве.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Жили все время где?

ИЛЬИН. В Москве.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Физические недостатки есть?

ИЛЬИН. Да, страдаю туберкулезом легких.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. К профессиональной организации принадлежите?

ИЛЬИН. Да, к профессиональной организации младших преподавателей.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Источник существования личный труд?

ИЛЬИН. Да.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Сколько приблизительно в месяц зарабатываете?

ИЛЬИН. По чрезвычайному талону я показал 1500 рублей.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Недвижимость, капитал имеете?

ИЛЬИН. Нет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. До октябрьской революции имели?

ИЛЬИН. Нет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Судились раньше?

ИЛЬИН. Нет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. К партии принадлежите?

ИЛЬИН. Нет.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Были арестованным?

ИЛЬИН. Да, около двух месяцев просидел в тюрьме.

ПРЕДС<ЕДАТЕЛЬ>. Сейчас объявляю перерыв.

<После перерыва выносится приговор, по которому к Ильину применяется амнистия и он оправдан>.

49

<1918.XII.28>¹¹⁵

<ПРИГОВОР>

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Московский Революционный трибунал в заседании своем от 28-го декабря 1918 года по делу № 132 БАРИ, КРИВОШЕИНА, ХАЛАФОВА и ИЛЬИНА и рассмотрев обвинение гражд. Ивана Александровича ИЛЬИНА, ПОСТАНОВИЛ:

Признать участие гражд. ИЛЬИНА в контрреволюционной организации не доказанным, объяснения его в отношениях с Бари и Ланской заслуживающими доверия, а самого его для революции не опасным. Дело об Ильине в порядке постановления VI съезда Советов об амнистии прекратить *навсегда*.

Председатель Москов. Рев. трибунала (подпись)

Заседатели (6 подписей)

50

<1918.XII.30>¹¹⁶

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Московский Революционный трибунал на заседании своем от 30 декабря 1918 года, *рассмотрев заочно* дело по обвинению американ. гражд. Владимира Александровича Бари и бывш. офицеров русс. гражд. Василия Васильевича Кривошеина и Константина Моисеевича Халафова в том, что они в период времени с 29 октября 1917 года по 26 марта 1918 года, являясь организаторами контрреволюционного о-ва, именовавшегося «Добровольческой Армией», *а также по обвинению всех троих в побеге, признал участие в организации контрреволюции в Сов. России со стороны В. А. Бари, В. В. Кривошеина, К. М. Халафова и их последующий побег доказанным*. Московский Революционный трибунал считает вполне установленным, что американский гражд. В. А. Бари, пользуясь покровительством консульства Сев.-Америк. Соедин. Штат. и его содействием, принял активное участие в помощи врагам Советской Социалистической Республики в борьбе с трудовым населением Российской Республики за свою свободу и самоопределение; это участие выразилось в том, что Бари по соглашению с Халафовым и Кривошеиным и друг. представителями буржуазии и б<ывшего> командного состава организовывал банды из контрреволю-

ционно настроенных офицеров и студентов, снабжал последних большими деньгами, продовольствием, обмундированием и отправлял их на Дон к генералам Корнилову и Каледину, заклятым врагам Рабоче-Крестьянской власти. Винодность Бари усиливается и тем, что, пользуясь правами американ. гражданина и защитой правительства Сев.-Америк. Соедин. Штат. и помогая скрытым врагам револ. пролетариата, злоупотребил именем трудящихся масс Соедин. Штатов.

Ввиду вышеизложенного Московский Революционный трибунал заочно приговорил : 1) гражд. В. В. Кривошеина и 2) К. М. Халафова, скрывшихся от суда и вероломно обманувших своих поручителей, — объявить врагами народа и в случае их поимки по удостоверению личности *расстрелять*. 3) Скрывающегося от суда американ. гражд. В. А. Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты Рабоче-Крестьянской власти, и в случае выдачи или поимки его по удостоверению личности *расстрелять*.

Расстрелять Бари должен всякий встретивший его на земном шаре гражданин, кому дорого освобождение человечества.

Одновременно с тем Московский Революционный трибунал, обсудив неисполненное высокоавторитетным учреждением С.-Америк. Соед. Штат., его московским консульством поручительство в том, что Бари от суда никуда не скроется, и принимая во внимание, что поручит. это было уважено только из-за доверия представителю п-ва Сев.-Америк. Соед. Штат., ПОСТАНОВИЛ:

Москов. америк. консульство, представляемое Полем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари и подсудимым, обманувшим доверие Рабоче-Крестьянской власти России, привлечь которого к ответственности сможет только американский народ.

Приговор опубликовать, копию направить в Н. Комис. по иностранным делам РСФСР.

Приговор вступает в законную силу по истечении двух недель со дня его распубликования в Известиях ЦИК, в каковой период времени может быть подан отзыв на заочное решение трибунала.

Председатель Москов. Револ. трибунала (подпись)

Заседатели (подпись)

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО
СЕКРЕТАРЬ

3. Возраст *35 лет*
4. Звание *профессор*
5. Род занятий *профессурой*
6. Общественное положение *женат*
7. Партийность *контр. револ.*
8. Местожителство *Крестовоздвиженскому пер., д. 2, кв. 36*
9. Особые приметы —
10. Сведения, поступившие из заявлений, отношений и прочих входящих бумаг *обвиняется, что имел связи с петроградск. «Добровольч.-Армией», контр. револ. и отправл<ял> доброволь<цев> в армию Каледина и Корнилова против Совет. власти и снабжал их обмундировкой, оружием, деньгами и поддельными документами*
11. Сведения, поступившие из разведки —
12. Сведения, поступившие из прочих источников —
13. Сведения, поступившие из следственного материала —
14. Отметки об аресте и обыске *арестован по орд. за № 9356 3/XI 1918 г.*
15. Результат обыска и ареста —
16. В какой тюрьме содержался —
17. Кто производил следствие *след. Валескалес <зачеркнуто. — Ю. Л.> Воздвиженский*
18. Результат следствия *задержать до дальнейшего <зачеркнуто. — Ю. Л.> концентр. лагерь.*
19. Куда направлено дело *Архив*
20. Исходящие и входящие бумаги по делу данного лица —
21. ПРИМЕЧАНИЯ: —

52

<1919.VIII.29>¹¹⁸

ДЕЛО № 207¹¹⁹

**ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ
ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, СПЕКУЛЯЦИЕЙ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО ДОЛЖНОСТИ.**

№ 629

ОРДЕР

Поручается товарищу *Жесткову* произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложений, хищения и ареста на товары *Ильина Ивана Александровича*

По Знаменке д. № 12, кв. 36¹²⁰ — 1-й Тверской уч.

В зависимости от обыска *задержать* гражд. *Ильина И. А.* (*обязательно*)

Реквизировать или конфисковать его товары и оружие.

Председатель комиссии Рославец (подпись)

Секретарь (подпись)

1919 г. 29. VIII дня

<1919.VIII.29>¹²¹

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Московской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности за № 629 от «29» августа 1919 г. проведен обыск в д № 12/2, кв. № 36 по Знаменке ул.

Гр. Ильина Ивана Александровича

При обыске присутствовали: *пред. дом. к-та Истомина, милиционер № 200 Захаров I Тверского уч.*

Согласно данным указаниям задержаны: *взята подписка пред. дом. к-та о задержании гр. Ильина И. А.*

Взято для доставления в Москов. Чрезв. Комиссию следующее (подробная опись всего конфискуемого и реквизируемого) *ничего обнаружено не было*

Обыск производил: Комиссар Комиссии *Жестков*

При обыске заявлены жалобы от *нет*

Неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся, по мнению жалобщика, в —

Исчезновение предметов, не внесенных в протокол, а именно: —

Все указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями лицам, у которых обыск производился, удостоверяем:

Представители домового комитета *Истомина*

Кроме того, подписали: *Захаров*

«29» августа 1919 г.

Производивший обыск комиссар комиссии *М. Жестков*

Я, председатель домового комитета дома № 12/2 по Крестовоздвиженскому пер., обязуюсь в случае приезда проживающего в квартире № 36 сего дома Ивана Александровича Ильина или принять меры к его задержанию, или немедленно сообщить о его приезде по телефону МЧК 3-07-54.

1919. 30/VIII

Председатель Александра Истомина

Так как гр. Ильин уехал в командировку и на весьма продолжительное время, то я, не считая рациональным оставлять засаду, взял подписку с пред. дом. к-та д. 12/2 по Крестовоздвиженскому пер., где проживает гр. Ильин, о доставлении последнего в МЧК или же сообщить немедленно о его приезде.

Комиссар опер. части

М. Жестков

29/VIII-19 г.

P.S. При сем прилагается удостоверение о командировке гр. Ильина.

<1920.II.24>¹²²

ДЕЛО № 803

Управление Особого Отдела ВЧК
СЕКРЕТНЫЙ ОТДЕЛ
 Ордер № 207

Февраля 24 дня 1920 г.

Выдан сотруднику Особого Отдела ВЧК т. *Рекотин*
 на производство ареста и обыска *Ильина Иван<а> Александровича*
 по адресу *Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., д. № 2,*
 кв. № 36

ПРИМЕЧАНИЕ: Все должностные лица и граждане обяза-
 ны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное
 содействие для успешного выполнения.

Председатель Особого отдела
 Всероссийской Чрезвычайной Комиссии *В. Менжинский*
 (подпись)
 Начальник Секретного отдела (подпись неразборчива)
 <место для печати>

<1920.II.24>¹²³

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Особого отдела Всероссийской Чрезвычай-
 ной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступ-
 лениями по должности за № 207 от «24» февраля мес. 1920 г.

произведен обыск у гр. *Ильин И. А.*

д. № 2, кв. № 36 по ул. *Крестовоздвиженский пер., Комиссариат 1-й*
Тверской

При обыске присутствовали: *председатель и секретарь дом комите-*
та Горшков Иван Николаевич, секретарь Прилуцкая А. Н.

Согласно данным указаниям задержаны: *гражд. Ильин Иван Алек-*
сандрович

Взято для доставки в Всероссийск. Чрезв. Комиссию следующее:
Паспортная книжка за № 2359, старый перекидной календарь и две
записки

Обыск производил комиссар комиссии *Рекотин*

Жалоб *не пост.*

На исчезновение *не пост.*

Председатель домового комитета (подпись)

Кроме того, подписали: секретарь домового комитета (подпись)

Арестованный (подпись)

24 февраля 1920

<1920. II. 25>¹²⁴

Управление Особого отдела ВЧК

Квитанция № 301

февр. 25 дня 1920 г.

Принято согласно ордера ООВЧК № ____ от

Комиссара оперативной части Секретного отделения т. _____

1. Арестованный *Ильин Иван Александрович*

2. Денег —

3. Вещи: *одно Евангелие*

4. Личные документы —

5. Переписка —

Комендант ООВЧК

Дежурный по приему арестованных

<1920. II. 26>¹²⁵

Гор. Москва «26» февраля 1920 г.

ПРОТОКОЛ №

допроса, произведенного во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с конт.-рев<олюцией>, сабот<ажем> и спек<уляцией> по делу за №

Я, нижеподписавшийся, допрошенный в качестве арестованного, показываю:

1. Фамилия *Ильин*

2. Имя, отчество *Иван Александрович*

3. Возраст *37 лет*

4. Происхождение *сын присяжного поверенного, из дворян*

5. Местожительство *Москва, Крестовоздвиженский пер., д. 2, кв. 36*

6. Род занятий *профессор государственного Московского университета*

7. Семейное положение *женат, детей не имею*

8. Имущественное положение *живу на личный заработок, имею квартирную обстановку*

9. Партийность *всегда был и емь беспартийный*

10. Политические убеждения *сочувствую всякой государственной власти, воспитывающей в народе нормальное правосознание*

11. Образование: *общее окончил юрид. факультет Московского университета*

специальное имею ученую степень доктора

12. Чем занимался и где служил:

а) до войны 1914 года в государственном Московском университете занимал должность приват-доцента; состоял преподавателем Коммерческого института и Высших женских курсов

- б) до Февральской революции 1917 года там же; кроме того, преподавал в городском народном университете имени Шанявского
 в) до Октябрьской революции 1917 года там же
 г) с Октябрьской революции до ареста состою профессором Московского университета и Института имени Маркса

13. Сведения о прежней судимости в декабре 1918 года был судим в Московском Революционном Трибунале по подозрению в содействии контр-революционной организации; приговором Трибунала оправдан с прекращением дела навсегда.

Показания по существу дела*

Собрание, о котором мне был поставлен вопрос следователем Особого отдела ВЧК, носило характер рефератный и академический. В присутствии нескольких профессоров и общественных деятелей я прочел реферат на тему «Религиозные основы правосознания», в котором пытался установить религиозную (не конфессиональную) природу нормального правосознания, ведущего человека по внепартийному и сверхклассовому пути, к воспитанию в себе чувства собственного достоинства, внутренней самодисциплины, взаимного уважения и доверия. Я руководился при этом убеждениями беспартийного идеолога, не ожидающего ничего хорошего от гражданской войны, классовой озлобленности, политики насилия и мести. К сему ничего более добавить не имею.

Подпись Иван Александрович Ильин

58

<1920.II.26>¹²⁶

Особый отдел ВЧК
 Управление делами
 Учетно-регистрационное отделение

февр. 26 дня 1920 г.
 в Дело

Талон № 356

Начальнику внутренней тюрьмы.

С получением сего немедленно освободите из-под стражи гр. Ильина Ивана Александр<овича> № 451. С освобождением взять подписку о —

По освобождении срочно препроводить в Особый Отдел ВЧК, прикрепленное внизу сего ордера извещение и подписку.

Справка Агранова.
 Пом. управляющего делами ООВЧК
 Завед. учетно-регист. отдел.

* Показание снимается с первого листа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

59

ДЕЛО № 1554¹²⁷

<1922.VIII.16>¹²⁸

РСФСР

НКВД

Государственное Политическое Управление

ОРДЕР № 1698

Август 16 дня 1922 г.

Выдан сотруднику оперативного отдела ГПУ тов. Федотову

Производство ареста и обыска

Ильин Иван Александрович

по адресу *Крестовоздвиженский, д. 2/12, кв. 36*

ПРИМЕЧАНИЕ: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Зам. председателя ГПУ

Начальник оперативного Отдела

Справка 122

Гербовая печать Государственного Политического Управления
НКВД

60

<1922.VIII.16>¹²⁹

РСФСР

НКВД

Государственное Политическое Управление

Талон ордера № 1698

Август 16 дня 1922 г.

Начальнику внутренней тюрьмы ГПУ

Примите арестованного

дело которого числится за № 122

Зам. председателя ГПУ

Начальник старшего отдела

Расписка к ордеру № арестованного

Начальник внутренней тюрьмы

« ___ » _____ 192 года

ПРИМЕЧАНИЕ: Расписка прилагается к рапорту о произведенной операции.

Гербовая печать Государственного Политического Управления
НКВД

61

<1922.VIII.16>¹³⁰

Копия

АКТ

Согласно ордеру ГПУ от «16» августа 1922 г.

за № 1698 в присутствии гр. Прилуцкой Александры Николаевны и помощника начальника XI отделения СО ГПУ Федотова и Далого распечатана квартира № 36 гр. Ильина Ивана Александровича по ул. Крестовоздвиженскому пер., д 2/12, кв. 36.

Кем было опечатано Пом. нач. XI отделения СО ГПУ Федотовым Печати были наложены с одной стороны.

Перечень опечатания передан совместно с ключами.

Квартира была закрыта ввиду отъезда квартирохозяина Ильина Ивана Александровича.

При вскрытии квартиры вещи проверили, оказалось —

Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем

Хозяин квартиры <подписи нет>

Пом. нач. XI отд. СО ГПУ (подпись) Федотов

Комиссар активн. отдел. ГПУ (подпись)

Председатель домового комитета (подписи нет)

Копию акта получил:

Примечание: *Опечатание произведено 16/III 22 в 24 часа п/полуночи.*

<печатать гербовая Отдела военного контроля Реввоенсовета Республики>

<печатать коменданта д. № 2/12 по Крестовоздвиженскому пер. 1-го Тверского комиссариата>

62

<1922.VIII.17>¹³¹

Сведения

о квартире гр. Ильина Ивана Александровича

Крестовоздвиженский, д. 2/2, кв. № 36

1. Секретарь домкома Прилуцкая Александра Николаевна проживает кварт. № 6, ход с улицы, первое парадное. Третий этаж.

2. Квартира Ильина № 36 ход через ворота во двор налево, семиэтажный дом, шестой этаж. Имеется черный ход с задней стороны корпуса во внутреннем дворе.

17/VIII 1922 г.

Пом. нач. XI отд. СО ГПУ

(подпись) Федотов
<еще одна подпись>

63

<1922.VIII.17>¹³²

Начальник активного отдела ГПУ — дня 1922 г. Начальнику Оперативного Отдела

Согласно ордеру ГПУ № 1698 произведен *опечатана квартира* у гр. *Ильина Ивана Александровича* по адресу: *Крестовоздвиженский пер., с улицы д. № 2/12, кв. 36.*

Обыском обнаружено

Арестован

Вел себя

После операции квартира *опечатана*

Примечание: —

Пом. нач. XI отд. СО ГПУ
(подпись) Федотов

Обыск производил начальник активного отделения:

Примечание: Настоящее сообщение пишется в 2 экземплярах. Первый представляется начальнику опер. отдела, второй — особоуполномоченному, за которым дело числится. Сообщение передается оперативному отделению к 10 час.

64

<1922.VIII.22>¹³³

Удостоверение

Дано в том, что Иван Александрович Ильин страдает инфлюэнцией (Influenz), осложнивш. обострением катара верхушки легких и разлитым бронхитом, вследствие чего нуждается в постельном содержании вплоть до выздоровления.

22/VIII 22

Врач Разумова.
<печать «доктор Е. П. Разумова»>

65

<1922.IX.4>¹³⁴

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Государственного Политического Управления за № 1698 от «4» сентября мес. 1922 г. произведен обыск у проф. *Ильина И. А.* д. № 2, кв. № 36, по *Крестовоздвиженскому пер. комис.*

При обыске присутствовали: секретарь домкома *Прилуцкая А. Н.*

Согласно данным указаниям задержаны: граждане —

Взято для доставления в Госполитуправление следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого) *несколько книг и рукописей* пронумерованы в количестве четырнадцати номеров (14)

Пом. нач. 4-го отд. СО ГПУ (Бахвалов)

Обыск производил

При обыске заявлено жалобы —

1. На неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся по мнению жалобщика

2. На исчезновение предметов, не занесенных в протокол, а именно —

Все указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями лицами, у которых обыск производился, удостоверяем.

Председатель домового комитета (подпись)

Кроме того, подписали (подпись) И. А. Ильин

4 сентября 1922 г.

Помощник начальника IV отд. СО ГПУ

Производивший обыск

Комиссар активного отделения (подпись)

Копию с протокола получил (подпись)

66

<1922.IX.4>¹³⁵

ОТДЕЛ СЕКРЕТНЫЙ

Гор. Москва, «4» сентября 1922 г.

ОБРАЗЕЦ

ПРОТОКОЛ №

допроса, произведенного в Государственном
Политическом Управлении

по делу за №

Я, нижеподписав.....допрошен....в качестве.....
показываю:

1. Фамилия *Ильин*

2. Имя, отчество *Иван Александрович*

3. Возраст *39 лет*

4. Происхождение *б<ывший> дворянин г. Москвы*

5. Местожителство *Крестовоздвиженский пер., 2/12, кв. 36*

6. Род занятий *профессор*

7. Семейное положение *женат*

8. Имущественное положение *заработком*

9. Партийность *беспартийный*

10. Политические убеждения

11. Образование *общее высшее*
специальное —

12. Чем занимался и где служил

а) до войны 1914 года *профессором Московского университета, преподавателем философии права*

б) до Февральской революции 1917 года *то же*

в) до Октябрьской революции 1917 года *то же*

г) с Октябрьской революции до ареста *то же и других московских высших учебных заведений*

13. Сведения о прежней судимости *1918 г. привлекался по делу обвин. в к. р., но был оправдан, 19 г. то же, 20 г. то же за эту же к. р.*

Показания по существу дела*

Вопрос: Скажите, гр-н Ильин, ваши взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства.

Ответ: Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет.

<Вопрос:> Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой общественности.

<Ответ:> Задача интеллигенции — воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности — понять свою несостоятельность и начать быть по-новому.

<Вопрос:> Ваши взгляды на политические партии вообще и на РКП в частности.

<Ответ:> Политическая партия строит государство только тогда и только постольку, поскольку она искренно служит сверхклассовой солидарности; я глубоко убежден в том, что РКП, пренебрегая этим началом, вредит себе, своему делу, своей власти и России.

<Вопрос:> Скажите Ваше отношение к сменовеховцам, савинковцам и к процессу пср¹³⁶.

Ответ:<> 1. Сменовеховцев считаю беспринципными и лицемерными политическими авантюристами.

2. Что творит Савинков и его друзья — мне неизвестно; думаю, что роль их сыграна.

3. Процесс п. с. р. (я не следил за ним подробно), кажется мне, нанес этой партии гораздо более сильный удар, чем тот, который партии с. р. удалось нанести в самом процессе советско-коммунистической власти.

Вопрос: Ваше отношение к таким методам борьбы с соввластью, как забастовка профессуры.

<Ответ:> Считаю так наз. «забастовку профессуры» мерою борьбы, не вытекающую из начал здорового правосознания, но подсказанною и навязанною революционной тактикою рабочего класса.

<Вопрос:> Ваши взгляды на перспективы русской эмиграции за границей.

* Показания снимаются в первом листе.

<Ответ:> Русская эмиграция в том виде, какова она сейчас, может быть и неспособна к духовному возрождению; положение ее вряд ли не трагично; я мало осведомлен.

<Вопрос:> Скажите ваши взгляды на политику Советской власти в области высшей школы и отношение к реформе ее.

Ответ: Высшая школа прошла при советской власти через целый ряд реформ; боюсь, что в результате всех этих сломов от высшей школы останется одно название. На высшее учебное заведение сов. власть смотрела все время не как на научную лабораторию, а как на политического врага.

Иван Александрович Ильин

Допрашивал <подпись: Бахвалов>

4/IX-22

67

<1922.IX.4>¹³⁷

ПОДПИСКА

Даю сию подписку IV отделению Секретного Отдела ГПУ в том, что без разрешения IV отделения я обязуюсь из Москвы никуда не выезжать и явиться<ся> в IV отд. СО ГПУ не позже 12 часов дня 5 сего сентября. В чем и подписуюсь.

Профессор <подпись: И. А. Ильин>.

4 сент. 1922

68

<1922.IX.5>¹³⁸

ПОДПИСКА

Дана сия мною, гражданином *Иваном Александровичем Ильиным*, Государственному Политическому Управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти.

Статья 71-я РСФСР Уголовного Кодекса РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена, в чем я и подписуюсь.

Иван Александрович Ильин

г. Москва

«5» сентября 1922 г.

ПОДПИСКА

Дана сия мною, *Иваном Александровичем Ильиным*, СО ГПУ, что обязуюсь:

1. Выехать за границу согласно Коллегии ГПУ за свой счет,
2. В течение 7 дней после освобождения ликвидировать все свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы.
3. По истечении 7 дней обязуюсь явиться в СО ГПУ к Начальнику IV отделения товарищу РЕШЕТОВУ.

Мне объявлено, что неявка в указанный срок будет рассматриваться как побег из-под стражи со всеми вытекающими последствиями, в чем и подписуюсь.

5 <августа>¹⁴⁰ сент. 1922 г.

г. Москва

Иван Александрович Ильин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года сентября 5 дня. Я, пом<ощник> нач<альника> IV отделения СО ГПУ — БАХВАЛОВ рассмотрел дело за № *гр-на Ильина Ивана Александровича*. ПОСТАНОВИЛ:

привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в том, что он с момента октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской властью¹⁴², но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 57 Уголовного кодекса РСФСР. Как меру пресечения уклонения от суда и следствия гр-на *Ильина* избрать содержание под стражей.

Пом. нач. IV отделения СО ГПУ: Бахвалов

СОГЛАСЕН: нач. IV отделения СО ГПУ: (подпись)

Настоящее постановление мне предъявлено. *Иван Александрович Ильин*.

5 сентября 1922 года.

71

<1922.IX.6>¹⁴³

В Коллегию ГПУ
от профессора Ивана Александровича Ильина
Заявление

Ввиду предполагаемой высылки меня за <г>раницу согласно постановлению ГПУ прошу разрешить мне выезд за свой счет, а также разрешить выезд моей жены вместе со мной Наталии Николаевны Вокач-Ильиной.

Иван Александрович Ильин
в заявл. 1922 г.

72

<1922.IX.11>¹⁴⁴

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу 15778¹⁴⁵ о гражданине Ильине Иване Александровиче.

По наведенным справкам, в ЦК РО ГПУ имеются дела, Ильин привлечен за к/р деятельность в 1919 — 1920 гг. Арестован 14 сентября 1922 г. Содержится во внутренней тюрьме ГПУ.

Я, сотрудник 4-го отделения СО ГПУ Бахвалов, рассмотрел дело о Ильине Иване Александровиче, 39 лет, происходит из бывших дворян г. Москвы, нашел следующее: с момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР.

Все это подтверждается имеющимися материалами, а посему, на основании п. 2, лит. Е положения о ГПУ от 6/II-с/г¹⁴⁶ полагаю: в целях пресечения злостной антисоветской деятельности Ильина Ивана Александровича выслать из пределов РСФСР за границу, но принимая во внимание заявление, поданное гр-ом Ильиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, освободить его для устройства личных и служебных дел на 7 дней с обязательством по истечении указанного срока явиться в ГПУ и немедленно выехать за границу.

Пом. начальника 4-го отделения СО ГПУ Бахвалов
СОГЛАСЕН:

Нач. отделения СО ГПУ Зарайский
11 сентября 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

73

<1922.IX>¹⁴⁷

К делу IV отдел

При сем сопровождается для сведения справка имеющемуся у вас делу № 15778

Секретарь отдела центральной регистратуры ГПУ: (подпись)

74

<1922. IX>¹⁴⁸

Ильин Иван Александрович

архив 1750/17

1/ IX 22 г. (подпись)

75

<1922. IX>¹⁴⁹

Архив

Ильин Иван Александрович

Архив 18688/192

1/IX 22 г. (подпись)

76

<1922.IX.12>¹⁵⁰

ВЫПИСКА

из протокола заседания Коллегии ГПУ (судебное)

от «12» сентября 1922 года

СЛУШАЛИ

Ильин Иван Ал. обвинен в
антисоветской деятельн. в
22 г. и сод. во внутр. т.

БАХВАЛОВ

УНШЛИХТ

ПОСТАНОВИЛИ

На основании п. 2., л. Е
положения о ГПУ от
6/2 22 г. выслать за границу, с
освобождением на семь дней.
По истечении срока явиться
в ГПУ и выехать за границу.

<печать>

Секретарь Коллегии ГПУ (подпись)

77

<1922.X.7>¹⁵¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 15778 о гр. Ильине Иване Александровиче. Освобожден 12 сентября 1922 г.

Я, сотрудник IV отделения СО ГПУ — ШЕШКЕН, рассмотрев дело за № 15778 о гр. Ильине Иване Александровиче, нашел:

Ильин И. А. по постановлению Президиума ГПУ от 12/9 с. г. выслан за границу в целях пресечения его антисоветской деятельности, и дело следствием закончено, а посему ПОЛАГАЮ: дело сдать в архив¹⁵².

Сотрудник IV отдела СО ГПУ (подпись)

«7» октября 1922 г.

Согласен (подпись) 9/10 22 г.

Согласен (подпись) 22/10 22 г.

<печать ГПУ НКВД>

<1922.X.23>¹⁵³

Выписка из протокола

заседания Коллегии ГПУ (судебная) от 23 октября 1922 г.

СЛУШАЛИ

Дело № 15778 ИЛЬИН Иван

Александрович. По постан.

Коллегии ГПУ от 12/9-22 г

выслать за границу..

Доклад тов. Шешкен

Утвердил тов. УНШЛИХТ

<печать ГПУ НКВД>

ПОСТАНОВИЛИ

Дело прекратить и сдать

в архив.

Секретарь Коллегии ГПУ

(подпись)

(печать)

Часть II
Документы и письма близких И. А. Ильина

1

<1919.VIII.5>¹

РСФСР
НКП
Департамент железнодорожных дел
Канцелярия
Москва, Мещанская, 18
«5» августа 1919 г.
№ 291

УДОСТОВЕРЕНИЕ

это выдано из департамента железнодорожных дел Народного Комиссариата Финансов заведывающему секцией II сметного отделения Александру Ивановичу ИЛЬИНУ в том, I) что он состоит сотрудником сего департамента и членом Всероссийского профессионального союза работников финансово-налогового дела (Всепрофинанса), II) что ни он сам, ни его семья, в числе 3 лиц, ни при каких условиях не подлежат выселению из дома, занимаемого ими при селе Большие Поляны, Пронского уезда, Рязанской губ., III) что принадлежащие ему и его семье жизненные пищевые продукты, нужные им в течение ближайших 12 месяцев, согласно нормам, установленным декретами, а равно и вся принадлежащая им недвижимость, в чем бы такая ни заключалась (мануфактура, одежда, белье, посуда, мебель, книги и пр.), не подлежат ни реквизиции, ни конфискации, ни секвестру ни в каком количестве, как это указано и в телеграмме Всепрофинанса от 6 февраля с. г. председателю Пронского уездного совета, ибо таковые составляют их полную и неотъемлемую собственность.

За ДИРЕКТОРА И. Тихоцкий

Заведывающий канцелярией А. Лохтин

<печать департамента железнодорожных дел НКФ РСФСР>

С подлинным верно: за завед. секцией отд. А Кусурова.

2

<1920.I.29>²

РСФСР
НКП
Музыкальный отдел
Московск. государств.
музыкальная школа
(двухступенная)
Января 29 дня 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 194

Москва, Мерзляковск. п., 9

Тел. 96-50.

Удостоверение это дано сотруднице Народного комиссариата просвещения Екатерине Юльевне Ильиной в том, что она работает в VI московской государственной музыкальной школе, где состоит делопроизводителем канцелярии, заведующим расчетной частью, причем никакого продовольственного пайка не получает, хотя и состоит на советской службе, ибо паек ей должен выдаваться на месте приписки.

Заведующая школой <подпись>

За секретаря <подпись>

<печатать>

3

А. И. Ильин — Л. И. Гуревич

<1921.VIII.13>³

31 июля/13 августа

Родная моя!

Не писал тебе целое столетие оттого, что хронически, непрестанно тоскую по тебе, но жаль, что мой старый друг, выбитый из гнезда, вянет в непривычной (хотя и собственной, но зимней) обстановке. И вести от детей твоих шли для меня нерадостные, поведение твое было лишь на двойку. Только последние сообщения, полученные третьего дня от Котика, бывшего у меня впервые позавчера, порадовали меня. И желудок твой, видимо, наполнился, и самочувствие, видимо, не дурное, вообще, видимо, ты «исправляешься», и я впервые за долгое время поуспокоился. Подробно допрашивал Котика о твоём питании и проч. и тут получил успокоительные ответы. Ну слава Богу. Из твоих Гришеньку, живущего вне Москвы, я давно не видал, ибо он как-то был да не застал нас. Люба после Питера стала бывать у нас страшно редко, видимо, поглощена работою, а бедная Катенька — заботами. Я, конечно, делал и делаю что могу, но велика ли от меня помощь? Я уверен, что Котик не долго задержится на Кавказе, если все-таки туда попадет, но самые эти переезды суть большие трепки и тревоги и определить *точно* время ее возвращения я *для себя* еще не могу. О ее возвращении тоже рассчитываю *для себя*, ибо ведь никого не заставишь верить в комбинацию моих выкладок, как не мог, кажется, уверить и тебя в нашей, ныне уже состоявшейся, встрече. Дурного из этой поездки я вижу только ее разлуку с тобой и родными, ее временное одиночество, а остальное все будет благополучно. Так-то, родная моя.

Что сказать о нас? Мы также оба бодры и уверены, как были прежде, о чем тебя несомненно заверили по очереди Гриша и Лиза⁴ и Катя. И мы имеем основания быть бодрыми. Недоедание, конечно, продолжается, переутомление Белочки⁵ по хозяйству тоже очень большое, но болезней у нас острых никаких нет, а *senilio*⁶, конечно, сказывается в разных недомоганиях. О грудных моих болях пока совершен-

но ничего не слышать, собираюсь осенью беречься, чтобы не влопаться вновь во что-нибудь. Неприятно в моей жизни то, что «я жертвою пал в борьбе роковой», другими словами ввиду глубокого сокращения штатов во всех советских учреждениях я остался тоже за штатом с 16 июля, а вместе с тем и без пайка, что, конечно, скверно отзывается, но никак не представляет еще катастрофы благодаря нашему уменью обращаться в жизненных вопросах. Притом имеются разные перспективы на получение другого места, и я не очень ропщу на это мое «баклушебитие», мы вывертывались и снова вывернемся. Громадной отрадой является для нас, как уже тебе писал, участие (*сердечнейшее*) Л. А. Кемпе⁷ к нам, к-рая трогательно и нежно заботится о нас и всем нашем. Конечно мы также делаем все для замены ей ее семьи. Ваня⁸ живет на даче, провел там 2 месяца, на днях был тут и снова уехал. Он иногда приходит нам на помощь и выражает заботливость, насколько это для него допустимо... Игорь⁹ со своей «сложной» семьей тоже на даче, бьется как рыба об лед для пропитания этой... группы лиц, что ли, и пустился в одно выгодное и вполне честное торговое предприятие. Странно, от него тоже иногда начинает «попахивать человеком». Об Александре¹⁰ нет ни слуху ни духу, в его возвращение я не верю, и это меня очень сильно крушит...

Вот тебе полный доклад о ветви «Александридов»¹¹. Да, скажу еще об этой ветви — другой ветви «Николаидов»¹². Андрей¹³ довольно часто бывает в Москве и близок с нами. Это очень недурной, вдумчивый, но глубоко одинокий и несчастный человек. Дети у него вышли *поразительно* милые и, главное, *простые*, без всякого наноса и апплик¹⁴. Мамаша его прозябает в деревне в качестве конторщицы больницы, долго была больна гангреной на ноге, теперь поправляется, но *очень, очень* «сдала», как утверждают все.

Ты, конечно, чувствуешь, насколько мы оба рады тому, что ты проводишь лето в недурной обстановке, среди порядочных и даже «теплых» людей. Уж как рады-то!

Ты пугаешься «временной утратой остроты чувств», а я вот желал бы «забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы»... И это вполне искренно.

О Висе ты знай: ты не умрешь, не увидев его. Хочешь верь, хочешь не верь, но я это *знаю*. О Луарсабе я говорить не стану, он *безнадежно* «трудный бек», как ты его называешь. Честный, умный, но — *безнадежный!*

О нашем продовольствии не заботься. Благодаря нек-рым продажам мы обеспечены деньгами, а потому и харчами. Пока кончаю. Горячо обнимаю и целую тебя. То же делает и моя верная Белочка. Храни тебя Господь! Твой¹⁵...

Теперь простые письма будут стоить каждое 250, заказное 1250 рублей. Депеши 500 р. слово, посылка 700 р. фунт.

Ух, как весело!

А. И. Ильин — Л. И. Гуревич

<1921.IX.25>¹⁶

12/25 сент. 21 г. Золотая моя Аленушка¹⁷, родимая моя сестричка, со всюю силою души моей шлю тебе мои горячие приветы, поздравления и пожелания, объятия и поцелуи ко дню твоих именин. Желая тебе много бодрости и сил для несения тягот нашей жизни, много здоровья, чтобы бороться с недостатками питания и обстановки, а кроме того желаю постоянной физической сытости, ибо лишь от нее и получаются все вышепомянутые силы. Белочка моя также горячо поздравляет, целует и любит тебя *очень* сильно. Мелочи жизни заедают ее, а теперь прибавилось *по ее упорному настоянию* — все нижеписанное.

От Любочки я знаю, что от Катеньки были известия из Владикавказа, теперь, вероятно, имеются уже вести с места. Путь их протек хорошо, а на месте они оглядятся и приспособятся понемногу, конечно. С большою горечью отпускал я Катусю, но видно, такова судьба. Утешением мне служила *убежденность*, что это поездка временная и она снова свидится и с тобою, и с «Geschwister»-ами¹⁸ и с нами. Tu as beau¹⁹ относится иронически к моим пророчествам, но я *знаю* что *знаю* и меня ничем не собьешь. Увидитесь и «больше никаких». Так шептал я и ей, обнимая при прощании эту милую мне головку. На этом я кончаю разговор об Андромахе²⁰, ибо он больно отзывается и на тебе и на мне. Я не могу примириться с перетаскиванием Луарсабом своей семьи в эту даль²¹. Но ведь кому до этого дело — мирюсь я или нет? Punctum²².

Из твоего письма, да и от Любы мы знаем, что на даче тебе жилось недурно и ты поправилась и порозовела, был покой и еда. Душевно этому радуемся. Мы же просидели в городе, и я упорно отвергал всякие предложения о санаториях, дачах и «управлении» совхозами, как мне предлагали. Я остался и останусь на месте, в известной тебе комнате, пока — сил хватит. Заговорив о силах, приходится сказать, что таковых и у меня и у Белки стало больше, появились даже кое-где «выпуклости» на теле. Объясняется это улучшением питания, а для меня кроме того невольным «отпуском и отдыхом», ибо с 16 июля по 1 сентября я был без места, оставленный «за штатом» по новым правилам о сокращении числа сов. служащих. С 1 сентября (и опять благодаря племяннику Грише, а не сыновьям) я состою заведующим канцелярией общеобразовательных подготовительных курсов при Моск. Университете. Курсы эти нечто переходное от гимназии к высш. уч. заведениям, ибо жизнь показала, что кончившие «вторую» ступень школы средней являются такими глубокими невеждами, что о поступлении в Унив. нечего и думать, и сейчас на коллоквиумах в Унив., куда пробуют лезть эти недоноски, а, вернее, эмбрионы, происходят невероятные избиения младенцев. И вот юные питомцы

«гимназий» подают ко мне заявления, напр. о желании учиться на «мидецынском» факультете, другие желают учиться в «женском» отделении. Вообще безграмотность потрясающая. И мягчайшие экзаменаторы, «собеседующие» даже с закончившими сельскую школу (к-рые тоже куда-то прут), часто ставят лаконическую отметку «не годится». Притяжением к учебе иного служит не только бесплатность обучения, но и жалованье в 6000 р. в месяц, которые выдавали в прошлом году. *Что* будет выдавать «Собес» ныне — не знаю. Если откажется платить и взыщет плату за учебу (как во 2-й ступени ныне до 70 т. р.), то многие и многие откажутся от всяких отделений и «мидецынских» факов). Итак я завед. канцелярией, имею начальниками премилых профессоров, как и вращаюсь среди преподавателей курсов, к-рые в громадной степени тоже профессора и джентльмены. Канцелярию в смысле сотрудников я набираю, имея *carte blanche* от учеб. комитета. Занят я с 6 до 9 час. вечера, т. е. три часа в сутки, пайка, правда, никакого нет, но денег мне полагается в месяц *пока* 900 т. р., да за занятия в приемной комиссии (в то же время) еще пришлось 100 т. р. Ставка эта, т. е. первая в 900 т. р., будет скоро повышена. Но что составляет мою радость и блаженство и дает мне покой, это то, что моя Белка сама работает около меня, состоя *официально* моим «заместителем» и помощником, получая 100 т. р. жалованья, да за испыт. комиссию в сент. получит тоже 100, а там грозят и ей повысить ставку. Белка ведь была около года завед. канц. музык. школой Блохина²³ и там большой кусок «собаки съела» в ведении дел, и при ее трудоспособности и щепетильно-аккуратной способности входить в детали дела я как у Христа за пазухой. С нами же работает и наша дочка Лили Кемпе, хороший работник, опытный в делах и сердечно нас любящий. На днях поступает ко мне и известная тебе подруга Лины²⁴ — М. П. Мельникова²⁵, хорошая работница и тоже расположенная к нам. И вот на сих трех китах строится наша канцелярия, к-рую пополняю и еще солидными рекомендованными работниками, тщательно освобождая канцелярию от «мидецынских» дев. А счастье видеть пред собою сосредоточенную мордочку моей Белочки!?... Конечно, ее поступление свершилось ввиду ее *настойчивого* и упорного желания. Думал я, думал и согласился. А она свой заработок сейчас же ухлопывает в сахар и жиры. Ее дело. Целый день до 6 часов мы свободны, и нужны сверх-особенные харчевые выгоды, чтобы я отдал работе еще часть утреннего времени. Это, правда, имеется в виду, но мы за этим вовсе не гонимся. До сих пор на курсах платили очень исправно. Работать при *всех* этих условиях очень приятно. И я, вернее, *мы* чрезвычайно довольны. На здоровье мое я не жалею, чувствую себя хорошо и бодро, сердце мое в полном порядке, бронхи хрипят законно, как им при моих легких полагается. Белочка тоже бодра и здорова, даже «выпукливается» немного, а конечно, в наши годы да и после всего перенесенного мы люди поломанные. *Особых* забот сокрушающих у нас нет, кроме моей постоянной мысли о

пропавшем (а по-моему мнению, скончавшемся) сыне Александре, несчастном человеке, так мало видевшем радости в его личной семье и так жалко ни за что ни про что погибшем!...

Много радости доставляет нам Лили Кемпе, заботящаяся о нас с нежностью и чуткостью души, предусматривающая наши нужды и стремящаяся их удовлетворить. О сердце ее скажет тебе следующий случай. Уже после отъезда Андрониковых я увидел у нее совершенно новые бандажи от грыжи, принадлежащие ее уехавшему отцу, и вспомнил, как мучился Луарсаб, имея сломанный, истерзанный бандаж и не имея возможности нигде купить новый. Лили начала мучаться, что она слышала как-то о болезни Луарсаба и не подумала помочь, она не успокоилась до тех пор, пока не принесла к Любе двух бандажей для выбора лучшего Гришей и отправки его с Тульевым²⁶, запоздавшим в Москве. А между тем: «что ей Гекуба?»²⁷ Успокаивает нас и то, что Адю²⁸ не трогают с места, живет в нашей верхней спальне²⁹, учит детей в школе, получает приличный паек. Слава Богу, эта забота с плеч! В письме ее, полученном нами вчера, находится следующая странная фраза: «Здесь много говорят о твоём возвращении, Саша, даже не раз определяли день твоего возвращения и спрашивали меня: правда ли, что ты приедешь в такой-то день». Но я, конечно, ехать туда и не подумал. Смотреть на гноище там разведенное? А взгляд местных властей? Но факт напоминает мне одно место катехизиса Филарета³⁰: «Что есть вера? — Вера есть уповающих³¹ извещение», вещей обличение невидимых, уверенность в невиденном как бы в видимом, в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем. Вот.

Радостно отозвалось во мне известие, что Вися после долгого пути прибыл с женой в П.³² Для тебя это должно быть громадной радостью. Получится возможность сношений и сообщений. Поздравляю тебя от души. Кончаю. Сердечно еще раз обнимаю и неизменно и преданно люблю. Твой Иванушка. Привет твоим.

<Приписка рукою Екатерины Юльевны:> Дорогая Любочка, и я горячо обнимаю тебя и сердечно желаю тебе здоровья, бодрости, сил и радости, так редко видимой всеми нами в нашей тяжелой жизни. Но дай Бог тебе побольше этого просвета. Целую и *очень* люблю тебя. Твоя Лина.

<Приписка рукою А. И. Ильина:> В первом же своем письме в Москву к своим напиши, *какого* числа ты получила это письмо.

5

Е. Ю. Ильина к Л. И. Гуревич

<1922.1.4>³³

Москва

22 декабря старого стиля 1921

Дорогая моя Любочка!

Шлю тебе нежный привет ко дню твоего рождения и наступающему празднику Рождества Христова. Да пошлет тебе Господь здоровья

и мира душевного и всего, что нужно для твоего спокойствия, чего я от души желаю тебе от нас обоих. Его хотя и нет больше со мною³⁴, но ведь он так нежно любил тебя, что я вправе пожелать тебе всякого блага и за себя и за него. Письмо твое получила. Прости, дорогая, что молчала так давно: не было сил писать о нем, так страшно болела моя душа от нашей разлуки. Я и сейчас пишу тебе, а сердце разрывается от горя и слезы застилают глаза. В общем я стараюсь быть занятой, для кого-нибудь что-нибудь делать, приходиться кому-нибудь на помощь, чтобы меньше думать... Встаю рано, 1/2 9-го, иду в церковь и молюсь о нем, чувствую близость к нему, плачу, молясь, и Господь дает силы жить и что-то делать. А в те дни, когда службы в церкви нет, я извожусь от тоски по нем. Полторы недели не ходила на свою службу, было так тяжело без него, и там все говорит о нем. Теперь хожу и работаю. Прибавили жалование, дали паек, но ничего меня не радует, мне *ничего* не нужно без него. Ваня и Игорь очень нежны и заботливы. Письмо твое от 16-го ноября нового стиля он получил 6-го вечером, накануне своего ухода.

28-го.

Прости, родная моя. Я не в силах была кончить письма, и оно задержалось, вот почему оно и придет так поздно. Я вообще не имею сил писать о нем...

Вчера был у меня Яша³⁵, но я видела его очень мало, так как должна была идти на службу. Целую тебя, будь здорова и не забывай меня без него, без твоего Иванушки. Думай о нем, как о живом, ведь он жив, только ушел от нас к Богу. Так, видно, было нужно. Господь нашел, что он достаточно страдал в этой ужасной жизни, и успокоил его, прекратил его страдания. Твоя всем сердцем. Е. Ильина.

6

Е. Ю. Ильина — И. А. Ильину <1923.IV.24; V.7; V.10; VI.27>³⁶
1923 24 апр. 7 мая

Дорогой мой Ваничка!

Письмецо твое получила 28 марта стар. ст. и чрезвычайно ему обрадовалась. Когда мы расставались, я была всецело поглощена нашей разлукой, и мне в голову не пришло спросить тебя, будешь ли ты писать? Это казалось и после твоего отъезда таким естественным результатом этой разлуки, и я терпеливо ждала весточки от тебя. Слухи о Вас приходили, и я от разных лиц кое-какие сведения имела. Меня спрашивали, почему я не пишу? Но я решила, что мне писать нельзя, пока ты сам не напишешь и не пришлешь мне своего адреса. Записочка твоя была доставлена мне Еленой Николаевной³⁷ в день твоего рождения, и это было мне особенно приятно. Я, конечно, была в церкви и молилась за Вас обоих и все время думала о тебе. Я не беспокоилась твоим молчанием и решила, что тебе виднее. О болезни

твоей я тоже слышала и огорчалась, но все время надеюсь на милость Божию. Тосковать, конечно, тоскую и по временам тоска очень сильно захватывает меня, но я борюсь, не поддаюсь, стараюсь все время быть занятой настолько, чтобы не давать хода тяжелым мыслям. Много читаю, служить там же продолжаю, веду днем еще и секретарство у Игоря³⁸ за плату (моей даровой помощи он не захотел ни в каком случае).

В конце ноября я по многим причинам принуждена была оставить мою комнату внизу³⁹ и перейти в квартиру Игоря⁴⁰. Решиться на этот шаг было мне чрезвычайно трудно и больно бесконечно было расставаться с той комнатой, где жил папа... Но... не живи, как хочется, а как Бог велит. Я поставила условием при переходе мою полную самостоятельность и свободу, оплачиваю все сама и живу, как и внизу, на свободе. Комната гораздо меньше и нет солнца, но она чиста и очень светла. Тесно, конечно, уж очень много мебели, но мне все как-то нужно. Я не люблю беспорядка, и все спрятано по шкафам.

Несчастные мои вещи из Полянок⁴¹ я наконец получила 5 января, но, Боже мой, в каком виде!! Все замки выломали, все лучшее выкрадено. Где это сделано — не знаю. Может быть еще и в Полянках, где, вероятно, подумали, что я увожу драгоценности, т. е. не в Полянках, а на станции. Посланы вещи были большой скоростью, а квитанция, т. е. дубликат был малой скорости. Очень может быть, что это было сделано нарочно при отправлении, чтобы как-нибудь замаскировать покражу вещей. Мне было жаль, но в конце концов я потеряла не только все, что вообще имела, я потеряла самое драгоценное для меня, дорогих мне людей — папу, тетю Адю⁴², что же в конце концов все остальное? — Тлен...

Ел. Вл.⁴³ была у меня еще до Рождества раза 3. Я хотела отдать ей визит, но не нашла их. При свидании сказала ей это, и больше она не была. Иногда заходит ко мне Ниночка⁴⁴, бывала и Ал. Ал.⁴⁵, но она всю зиму была очень больна воспалением легкого и лежала у своих вне города. Видаюсь и с Верой Михайловной⁴⁶, у которой недавно была в гостях. Елену Павл<овну>⁴⁷ тоже видаю. Мы все вместе собираемся посмотреть твой портрет — картину⁴⁸, как ее называют, мы все ждем ярких солнечных дней, но у нас весна напоминает осень: солнца не видим, все время холодная пасмурная тоскливая погода. Так стоял весь март и весь апрель. Все время ходим в шубах и зябнем без конца. А так хочется тепла и солнца. Постом я 2 раза болела: простужалась в церкви. Кашляю до сих пор и думаю, что кашель не пройдет до тех пор, пока не будет тепла и солнца.

26 ноября скончалась тетя Люба⁴⁹. 20 марта стар. стилия скончалась Екате<рина> Андреевна⁵⁰. Она жила последнее время у Жуковских⁵¹ в Москве. Попала как-то под ломового, ушибла больную ногу, сделалось рожистое воспаление и снова гангрена, и ее отвезли в Сокольническую больницу, а уже оттуда на Ваганьково. Мне было очень жаль ее. Но

сын и внуки проявили большое бессердечие, и было очень больно за нее. По болезни своей я не могла быть на похоронах, а была на 9-й день на Ваганькове. После потери папы и тети Ади я ко всем смертям отношусь как-то спокойно, по-философски, как к чему-то вполне естественному и неизбежному. Так спокойно жду и своего череда. Думаю о своем переходе в вечность постоянно и равнодушно. Но не подумай, что я не бодр, я все так же бодро смотрю вперед, всем интересуюсь, надеюсь на лучшее.

Я очень радуюсь за Вас, что Вы хорошо устроились. Молю Бога послать тебе здоровья, бодрости, сил и оградить тебя от всех мелких жизненных дряг и невзгод. Много думала о Вас на Пасху и теперь говорю Вам обоим: Христос Воскресе, и заочно Вас целую. Вися писал Грише о Вашей встрече, и я до твоего письма уже слышала об этом. — Посылку америк<анскую> из Лондона я получила в конце ноября с великою благодарностью тебе и ни на минуту не сомневалась, что это твои хлопоты. Обо мне не беспокойся, мой дорогой. Спасибо тебе горячее за твои заботы. У меня есть все необходимое. Жалованье на службе мне прибавили. Пав<ел> Ник<олаевич>⁵² как-то даже спрашивал меня, справляюсь ли я и не трудно ли мне жить. Он тоже имеет известия о тебе и делится со мною. Вообще отношение там ко мне хорошее. С Игорем и его семьей отношения тоже хорошие, хотя я и не очень близкие. Сам он безумно занят, работает день и ночь, но живут они хорошо. Внук⁵³ очень мил и умен необыкновенно, меня очень любит и слушается. Он напоминает мне Юлю⁵⁴ своими задумчивыми синими глазками и потому еще мне милее⁵⁵. Вся семья была тронута твоим поцелуем и шлет тебе и приветы и поцелуи. — Я выдаюсь с Машей⁵⁶, выдаюсь с Лилей⁵⁷ и очень тепло относятся ко мне Петя⁵⁸ и Ел. Ник.⁵⁹ Я им очень благодарна за это. С Анной Сав⁶⁰. мы обменялись визитами. Дети милы и хорошо ко мне относятся. Но воду и масло никак не смешиваешь. Очень мы разные с нею люди. Общего мало. Она, напр., воспитывает детей без Бога, а во мне все внутренне кричит против этого. Я, конечно, молчу и буду на все молчать. Разве это мое дело? Но... мне больно. Думаю часто, если б ты был здесь — было бы иначе. Тебя дети обожают... Господь с Вами, дорогие мои, желаю Вам здоровья, успеха во всем и буду надеяться дожить до свидания с Вами. Я пока буду думать о Вас и молиться. Целую обоих. Всей душой Ваша.

10 мая

27 июня

Вчера к моей великой радости Н.⁶¹ принесла мне твою 2-ю записочку. Письмо свое я в тот день окончить не успела и потому могу еще кое-что прибавить, а завтра сама отнесу его на почту. Пожалуйста, мой дорогой, не беспокойся обо мне. Я, право, живу недурно. Притеснять меня теперь некому. Обедать я продолжаю у Иг<оря>. Днем готовлю себе сама. У меня есть все нужное: и жиры, и мука, и всякая крупа и чай. Всю зиму благодаря тебе было и молоко и сейчас еще

имеются в запасе три банки. Андрей⁶² продолжает жить с своими детьми у Лили⁶³, имеет место, мы почти не выдаемся, так как у нас он с твоего отъезда был только два раза, а там я бываю днем и никогда его не вижу. По-видимому, живется ему недурно в смысле материальном, так как дети свободно тратят деньги. А в моральном отношении я его жалею, он одинок. Не знаю, чувствует ли он сам так, как я чувствую за него, но мне кажется, у него нет ничего, и никаких моральных ценностей, ничего, чем можно было бы жить... Лиля живет уроками и кое-какою продажей. Летом собирается в Ригу, повидаться с отцом. Любу⁶⁴ почти не вижу, она давно не была у меня. Она часто хворает, и Лиля говорила, что выглядит она очень плохо. — О здоровье моем тоже не беспокойся. Когда я заболела постом и слегла, Ел<ене> П<авловне>⁶⁵ позвонили по телефону, она сначала дала совет, что делать, а потом и сама пришла ко мне. И после того я раза 2 была у нее, и она всякий раз меня выслушивала. Мне, конечно, совестно, что все это бесплатно, но она относится ко мне очень хорошо, и я знаю, что она это делает для тебя. У папы я давно не была: идти далеко, погода все время холодная, а я все кашляю. Как будут первые теплые дни, так пойду. Трамвай в 1 конец теперь уже стоит 3 мил<лиона>. — На Страстной я была только в понед. и вторник у службы, потом хворала и очень затосковала, что не могу пойти. В суб<боту> Великую пошла к обедне и там от<ец> Евг<ений>⁶⁶ уговорил меня причаститься. На мои возражения, что я не готовилась, он сказал, что сам за меня помолится, и я пошла. Это было для меня неожиданной радостью: я, не имея возможности ходить к службам в среду, четв<ерг> и пятницу, думала, что Господь прогневался на меня. Никогда в жизни я не видала столько причащающихся людей! Казалось, вся церковь причащалась. У заутр<енней> была опять с Лилей и Машей: наши не собирались идти, а потом Нина все же пошла. Нам дали на службе 10 свободных дней, и я хорошо отдохнула. — Когда наступит тепло, наши уедут на дачу⁶⁷, и я останусь одна, если мы не найдем кого-нибудь, кто пожил бы со мною. Немножко одиноко будет. Впрочем, Иг<орь> будет приезжать. — Мысли о папе постоянно со мною, и я живу так, как если бы он был подле меня. А молясь постоянно о нем, я как бы приближаюсь к нему, и мне становится легче на сердце. Когда мне становится слишком тяжело и тоска охватывает меня, я говорю себе: «Не говори с тоской: их нет, а с благодарностью: были»⁶⁸. Слезы покажутся из глаз, а на душе станет как будто полегче... Господь с тобою, мой дорогой, Господь да сохранит Вас обоих! Мыслями я много с Вами. Портрет взяла себе в шляпе и хочу взять в кресле. Целую обоих. Е<катерина>.

Е. Ю. Ильина — И. А. Ильину

<1923.VI.27;VII.10>⁶⁹

10 июля

27 июня 1923

Мой дорогой нежно любимый Ваничка!

Вчера приходила Таня⁷⁰, но я была на службе, она видела Игоря. Сегодня она уезжает. Пользуюсь случаем послать тебе несколько слов. От тебя имела 2 письма: одно от 2 января получила 28 марта, другое от 25 марта получ<ила> через 3 нед. после Пасхи. Больше ничего о тебе не знаю. Часто тоскую. Молюсь о Вас обоих постоянно и твердо надеюсь на милосердие Господа, а потому спокойна. Конечно, дорога всякая весточка от тебя и о тебе...

Наш милый доктор уехал в Железноводск, снабдив меня всякими инструкциями относительно моего здоровья. Сейчас принимаю йод, прописано солнце, но его нет совсем, не помню лета без солнца. Это так тоскливо... В общем я бодр. Служу по-прежнему, хотя мы ждем закрытия нашего учреждения. Служба мне необходима; но я и тут не унываю, а надеюсь на Бога. В общем я живу недурно и достаточно спокойно, насколько это теперь вообще возможно. Занята целый день, не хватает дня на всю работу. Сейчас я совсем одна, наши на даче, наслаждаюсь полной тишиной, часто бывает Лиля. Навещает Ниночка и Вера Мих<айловна>. Обо мне не беспокойся, мой дорогой. Целую Вас обоих горячо и нежно.

Вера Мих<айловна> шлет сердечный привет.

Да хранит Вас Господь! Твоя всем сердцем.

<1925.X.13>⁷¹

В КОМИССИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПЕНСИЙ

НАРКОМСОБЕСА СССР

г. МОСКВЫ.

С Т А Ж

на получение персональной пенсии матерью умершего в 1913 г. **АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА ЕКАТЕРИНОЙ ЮЛЬЕВНОЙ ИЛЬИНОЙ.**

До 1905 г. (дня своего ареста) я работал слесарем в главных вагонных мастерских Моск.-Курск. жел. дор. за Рогожской заставой и в подполье указанных мастерских. С первой жел. дор. всероссийской забастовки я знал **АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЛЬИНА** под парткличкой «Ермил Иванович».

После манифеста 17 Октября Московским комитетом большевиков ему было поручено, как начальнику боевой дружины, организовать в Москве жел. дор. боевую дружину Московского узла. Одним из первых я вошел в члены указанной дружины и совершенно категорически утвер-

жду, что тов. ИЛЬИН не работал, а прямо-таки горел на работах подполья по организации и подготовке членов боевой дружины и по подготовке к Московскому вооруженному восстанию. Проявляя колоссальную самоотверженность и разностороннюю деятельность, он заражал нас всех своей неисчерпаемой энергией (см. мои воспоминания — Истпарт ЦК РКП).

В ночь со 2 на 3 декабря 1905 г. в первой вооруженной схватке боевой дружины с полицией и жандармерией я был арестован, а ему, раненному в бедро, удалось скрыться. В этой схватке были изранены 2 околоточных надзирателя и убит городской (см. газеты, наш процесс «пяти — боевая дружина», Московская судебная палата, 25 и 26 сентября 1906 г. и мои воспоминания — Истпарт ЦК РКП).

Ко дню моего ареста им было организовано более 60 человек членов боевой дружины. Какое участие он принимал в Московском вооруженном восстании после моего ареста, знают следующие товарищи: т. т. МОСЯГИН, ДМИТРИЕВ, КАМЕРОН, ЖУРАВЛЕВ, ЧИСТОВ, был арестован со мною, Н. Н. МАНДЕЛЬШТАМ и др.

Первый раз слушание нашего процесса было назначено в июне — июле 1906 г. — т. ИЛЬИН через присяжных поверенных ЖДАНОВА и БЕЛОУСОВА (моих защитников) организовывал мне побег из Моск. Судебной Палаты. К сожалению, он мне не удался. Об этом знает наверно и т. КАМЕРОН.

Кроме работы в боевой дружине, т. ИЛЬИН принимал участие в революции как пропагандист и агитатор. Он был один из первых товарищей, которые организовали и провели первый Всероссийский учительский съезд в г. Москве в 1905 г.

Под указанной парткличкой его, наверно, знают многие товарищи рабочие Москвы, участники подготовки Московского вооруженного восстания и помнят его разностороннюю деятельность.

В 1907 г. он был арестован в Питере, в Воскресной школе для рабочих, с другими товарищами, где вел преподавание. Его отправили в административную ссылку в Сибирь. С этого момента у меня с ним связь была потеряна до 1909 г., когда мы установили с ним переписку: он был в Сибири, я был в Херсонских ротах.

В 1910 г. я отбыл срок наказания и был под полицейским гласным надзором у себя на родине в Рязанской губернии. Т. ИЛЬИН тоже скончил срок ссылки в этом же году и вернулся в Питер, где его знали т. т. КАМЕРОН, КУДРЯВЦЕВ и другие по работе подполья за этот период. В этом же году я имел с ним первое свидание в г. Рязани; второй раз он приезжал ко мне на свидание на родину — с. Желчино Рязанской губ. Тогда он предложил мне эмигрировать в Америку, но я отказался, а потому он, тов. ПЕВЧЕВ (работает в Моск.-Казанских вагонных мастерских в Перове), и я пришли к заключению о необходимости бежать мне из-под надзора. Он обещал достать мне соответствующие документы и дать денег на побег. У своего отца и матери из имения он достал мне бессрочную паспортную книжку скотоводарбочего И. И. БАЗЯ и дал денег, после чего я бежал из-под надзора

ПРИЛОЖЕНИЕ

и около 3 лет жил по этому документу на Кавказе, а затем в г. Харькове до последнего своего ареста в 1913 г.

В 1913 году Алексей Александрович ИЛЬИН умер в Питере и был похоронен в Москве на Немецком кладбище его родителями.

После революции 1917 г. его родители — Александр Иванович ИЛЬИН и Екатерина Юльевна ИЛЬИНА жили в Москве, и отец на старости лет работал в госучреждениях г. Москвы до дня своей смерти.

Узнав, что мать т. ИЛЬИНА находится в тяжелом материальном положении в Москве, с своей стороны настаиваю и прошу Комиссию индивидуальных пенсий НКССО СССР о выдаче ей соответствующей персональной пенсии как матери истинного идейного революционера, вынесшего на себе все тяготы первой революции.

Мой адрес: Харьков, ул. Свердлова, № 45, Отделение Главного таможенного управления на Украине.

Член партии с 1903 г.

партбилет № 277903 Ф. КОНУРОВСКИЙ

13 октября 1925 г.

Изложенное глав. КОНУРОВСКИМ о тов. ИЛЬИНЕ («Ермиле Ивановиче») подтверждаю, так как вместе с ним работал в 1905 году в железнодорожном районе, где т. ИЛЬИН был организатором боевой дружины. Н. Н. МАНДЕЛЬШТАМ. 19/Х 25 г. Член партии с 1903 г. № билета 124966.

Изложенное т. КОНУРОВСКИМ подтверждаю, т. к. в 1905 г. был в составе боевой дружины, руководимой тов. ИЛЬИНЫМ. МОСЯГИН. 19/Х 25 г.

С подлинным верно:

Завканц. (подпись)

<печать Московской городской государственной нотариальной конторы>

9

<1925.XI.14>⁷²

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (б)

Московский Комитет

Большая Дмитровка, д. 15а. Телефон: коммутатор М. К1-93-00 по 1-93-08

№ 1932 исп. «14» XI 1925 г.

СПРАВКА

В Истпарте МК РКП (б) имеются о Ильине Алексее Александровиче след. сведения:

Ильин Алексей Александрович («Ермил Иванович») по профессии филолог и юрист, с осени 1905 г. вступил в РСДРП во фракцию большевиков и работал до начала 1906 г. в боевой организации начальником

жел. дорожной дружины и затем членом «боевой коллегии» при М. К-те, ведущем разведку. После подавления восстания специализировался по вопросам муниципального социализма и городского хозяйства, работал в Петербургской городской управе, был арестован и выслан в Якутскую область. По возвращении в Петербург снова работал там же в городском самоуправлении, причем весь свой заработок продолжал по своему обычаю делить с товарищами и жил коммуной чрезвычайно скромно. Затем получил приглашение читать курс по муниципальному социализму в Петербургском (ныне Ленинградском) университете, но, не приступив к этой работе, — осенью 1913 г. умер от брюшного тифа.

Заведующий Истпартом С. Черномордик

Секретарь Истпарта В. Вейсман.

С подлинным верно Зав. канц. (подпись)

<печать Московского Комитета Российской Коммунистической
Партии>

<печать>

10

<1925.XI.14>⁷³

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (б)

Московский Комитет

Большая Дмитровка, д. 15а. Телефон: Коммутатор М. К1-93-00 по
1-93-08

№ 109 исп. «14» XI 1925 г.

В Об-во политкаторжан и политич. ссыльных

Истпарт МК РКП (б) поддерживает просьбу матери умершего
большевика Ильина А. А. Екатерины Юльевны Ильиной о назначении
ей персональной пенсии.

Заведующий Истпартом С. Черномордик

Секретарь Истпарта В. Вейсман

С подлинным верно

Зав. канц. (подпись)

<печать Московского Комитета Российской Коммунистической
Партии>

<печать>

11

<1925.XI.12>⁷⁴

АНКЕТА ДЛЯ ВДОВ, МАТЕРЕЙ, ОТЦОВ

Имя, отчество, фамилия *Екатерина Юльевна Ильина*

Год, месяц и число рождения *1858 год, июля, 19 дня*

Подробный адрес *Скатертный переулок, дом 22, кв. 9*

Состав семьи, имена детей и год, месяц и число рожденья каждого
отдельно (если есть на иждивении члены семьи, то отдельно возраст
каждого иждивенца и имя, отчество и фамилия)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Имеет ли заработок (сколько и наименование учреждения), если заработка не имеет, то указать, на какие средства живет *зарабатываю в зимнее время 100 рублей в месяц уроком немецкого языка и случайным заработком: починкой белья, штопкой чулок.*

Принимали ли участие в революционном движении (где и когда) —

Подвергалась ли репрессиям (где и когда) —

Кто может подтвердить революционную деятельность —

Если возраст менее 75 лет, то необходимо приложить медсвидетельство от губздрава, уздравотдела *возраст 67 лет. Свидетельство медицинское при сем прилагается.*

Подпись *Екатерина Юльевна Ильина*

Ноября, 12 дня 1925 г.

Ответы на все вопросы обязательны. Без подписи анкеты не принимаются.

12

<1925.XI.12>⁷⁵

Копия

Я, Владимир Анатольевич Жданов, подтверждаю, что Алексей Александрович Ильин принадлежал к партии большевиков и участвовал в вооруженном восстании в Москве в 1905 году.

Член общества политических каторжан. Билет 972 Влад. Жданов. 12-XI-25.

С подлинным верно.
Зав канц.

<печать>

13

<1925.XI.19>⁷⁶

Копия

Ц. Евангелическо-Лютеранская ц. Петра и Павла.

Выпись из Метрической книги I части о родившихся за 1858 г.

Тысяча восемьсот пятьдесят восьмой год.

Счет родившихся		Месяц и день рождения	Имена родившихся	Звание, имя, отчество и фамилия родителей
Муж. п.	Жен. п.			
—	104	1858 г. Июль 19	<u>Каролина</u> <u>Луиза</u>	<u>Швейкерт</u> Юлиус, надворный советник, доктор медицины, и его жена Екатерина, урожден. Кюстер

С подлинным верно

Выдана без оплаты герб. сбора, для представления в милицию на основании циркуляра Мос. губ. бюро загса от 15/X — 24 г. № 402/7438.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заведующий местнозагсом: Розова.
Архивариус: Л. Артамонова.
Исх. № 3231 от 19/ХІ — 25 г.
С подлинным верно
За зав. канц. губпроса (подпись)
<печать ГУБПРОСА>

14

<1925.ХІ.24>⁷⁷

Выпись из ТРУДОВОЙ КНИЖКИ № 5431
Фамилия — ИЛЬИНА, имя — Екатерина, отчество — Юльевна,
город — Москва, время рождения — 50 л.⁷⁸
Место постоянного жительства — г. Москва
Основная профессия — машинистка
Грамотен ли — Да
Образование — Среднее
Отметки о браке — Вдова
Кем выдана книжка — 9-м отделен. москов. милиции.
На основании каких документов — Пастор. кн., выд. Им Арб. Ком.
3 мая 1919 г. № 1354.
Место выдачи — г. Москва.
Время выдачи — «22» июля 1920 г.
№ книжки — 5431.
Начальник 9 отд. Моск. Совет. Раб.-Кр. милиции (подпись)
Зав. по выд. труд. кн. — Щербаков.
МП
Отметка отдела труда — переосвидетельств.
№ 39600/1450. 14/IX — 1859. — Тверской врачебно-контрольный
пункт 10449. 25/Х 22 г. Мосздравотдел 4/Х врачебно-контр. пункт
Выписки о местах работы:
VI Москов. госуд. музык школа. Мерзляков пер., 9. Машинистка.
Время поступления — 1 дек. 1919 год. Завед. Зограф — Плаксина.
МП
Общеобразоват. подготов. курсы при I Моск. госуд. университет.
Вр. поступил — с 8 сентября 1920 г. Заместитель завед. канц. курс.
Завед. канцелярией (подпись).
МП
Подпись владельца трудовой книжки
Екатерина Юльевна Ильина.
Отдел пособия безработных 27 / IX 23 г. № 42804.
МП
СЕДЬМАЯ Московская нотариальная контора, помещающаяся на
Неглинной улице, в доме № 4/8, удостоверяет ВЕРНОСТЬ ЭТОЙ
КОПИИ с подлинником ее, неоплаченным гербовым сбором,

представленным Екатериной Юльевной ИЛЬИНОЙ, живущей по Скатертному пер. в доме № 22. При сличении этой копии с подлинником в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов, кроме зачеркнутого «замужняя» и вписанного: «Вдова» и не оговоренного, не было, а в сей копии записано: «ВРЕМЯ рождения 50 л»

При сем засвидетельствовании зачеркнуто: «не было» —

1925 года ноября 24 дня ПО РЕЕСТРУ № 8544

НОТАРИУС (подпись)

<гербовая печать>

15

<1929.II.2>⁷⁹

Выпись

Копия

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие девице Каролине Юльевне Швейкерт в том, что она, как из представленных документов видно, подданная Российской Империи, дочь коллежского советника, родилась 19 июля 1858 года и крещена в веру Христианскую Евангелическо-лютеранского исповедания; образование получила в Московской четвертой женской гимназии, от которой имеет одобрительный аттестат об успехах в науках и поведении, из коего видно, что она оказала успехи: в Законе Божиим *весьма хорошие*, в русском языке и словесности *очень хорошие*, французском языке *отличные*, немецком языке *весьма хорошие*, педагогике *хорошие*, истории *очень хорошие*, географии *весьма хорошие*, естествоведении *очень хорошие*. Вследствие поданного ею прошения о желании вступить в домашние учительницы и на основании Высочайше утвержденного в 9-й день января 1862 года Устава женских гимназий дозволено ей, Швейкерт, принять на себя звание домашней учительницы с правом преподавать вышеупомянутые предметы и со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию, поколику оные к ней относиться могут. В удостоверение чего дано сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати канцелярии попечителя московского учебного округа. Марта, 8-го дня, 1879 года.

Попечитель Московского учебного округа князь Н. Мещерский.

Управляющий канцелярией А. Головин.

№ 1766

МП

С подлинным верно *Е. Ю. Ильина*

Означенная в сем свидетельстве девица Каролина Юльевна Швейкерт вступила в законный брак с отставным губернским секретарем Александром Ивановичем Ильиным и брак сей совершен в Христорождественской церкви, что в селе Быкове Московской губернии, Бронницкого уезда, сего 1880 года января 11 дня, по произведении обыска на законном основании со внесением события сего брака в метрическую книгу сей церкви под № 1. В чем удостоверяю с приложением церковной печати, Бронницкого

ПРИЛОЖЕНИЕ

уезда, села Быкова, Христорождественской церкви священник Михаил Остроумов. 1880 года, января, 11 дня.

МП

1880 года, апреля, 16 дня означенная в сем свидетельстве жена губернского секретаря Каролина Юльевна Швейкерт, Евангелическо-лютеранского исповедания, присоединена к Православию с принятием имени **ЕКАТЕРИНЫ**; в чем удостоверяю отец ее духовный Мариинской в императорском Вдовьем доме церкви священник Александр Константинов Соколов.

Мая, 1-го дня 1880 года.

Поправлено «К» — то верно.

М. П.

С подлинным верно

Е. Ю. Ильина 1929 г. 26 февраля.

16

<1929. II. 28>⁸⁰

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС<ыльных> ПОСЕЛЕНЦЕВ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ.
МОСКВА.**

ул. Кропоткина, Лопухинский, 5.

Телефон 4-70-85

28/II дня 1929 г.

№ 1606 /0.9.

СПРАВКА

Настоящая справка выдана Секретариатом Ц. Совета О-ва политкаторжан и сс. поселенцев **ИЛЬИНОЙ** Екатерине Юльевне в том, что она с 1926 г. по просьбе Об-ва политкаторжан получает персональную пенсию от НКСО как мать умершего в 1913 г. революционера-большевика Алексея Александровича **ИЛЬИНА**, участника Московского вооруженного восстания в 1905 г. Алексей Александрович **ИЛЬИН** был известен по партийной кличке «Ермил Иванович».

Выдана настоящая справка для представления в Хамовническую районную избирательную комиссию.

(М.П.). **УПРАВДЕЛАМИ** (подпись) А. ПИРОГОВА.

СЕКРЕТАРЬ ВЕТЕРАНСКОЙ К-СИИ (подпись) Е. РУМБА.

Московская городская государственная нотариальная контора удостоверяет верность настоящей копии с подлинником, не оплаченным гербовым сбором.

ВЗЫСКАНО СБОРОМ:

1) Нотариальн. — р. — к. 2) Местного — р. — к.

Москва 5/VI 1929 г. по реестру № 34907

Нотариус (подпись)

<нотариальная печать>

М.⁸¹ к Изг. А. Ильику

<1934.II.2>⁸²

1934 2/II

Милый друг! Я слышала о твоей болезни, так долго длившейся, и радуюсь тому, что ты поправляешься. Мне захотелось навестить твою маму и рассказать ей, что ты хорошо учишься. Я нашла ее тоже только что перенесшую грипп, похудевшую, слабую, но духом бодрую. Она постарела сильно, но ведь и не удивительно: летом ей минуло 75 лет и она сама говорит, что дожила до предельного возраста. В общем ей живется неплохо, она много работает, обслуживает себя во всем сама, работает архивариусом, но дома и как преподавательница 3 языков, но последнее бесплатно. Платных уроков у нее нет уже 3 года. Старается вести более духовную жизнь и весь смысл жизни видит только в этом. Зимой, в морозы, не выходит: ей трудно дышать; в гололедицу тоже: боится упасть.

Последние 3 года летом на 1 месяц уезжала к другу⁸³ своего старшего сына, но думает, что больше не придется, п<отому> ч<то> ей путешествие такое уже не под силу и другу тяжело, ведь ей тоже 68 лет. В течение года они видятся, заботятся друг о друге и помогают друг другу. В общем жизнь для них трудна и сложна, но все же обе имеют все необходимое и не нуждаются. Сил только мало, но с этим уже ничего не поделаешь. В общем же, хотя твоя мама давно больна подагрой, шагнувшей очень вперед, но здоровье ее не плохо. Мне думается, что она так бодра духом потому, что ведет сильную внутреннюю жизнь. Вот, кажется, главное, что я могу тебе сообщить. В общем на душе у нее мир и добро *ко всем*. Люди приходят к ней с своими бедами и переживаниями, и она всегда рада помочь, кому чем может. О тебе думает всегда и часто тоскует...

Милую Марту Ивановну сердечно благодарю за память и привет.

М.

Е.⁸⁴ к М. И.

<1934.XI.9>⁸⁵

193<4> 9/XI

Дорогая Марта Ивановна!

Я очень тронута, что Вы меня не забываете и присылаете от времени до времени весточку о себе и о Ваших детях. Я прочитала Ваше письмо к Мар. Павл.⁸⁶, и мне захотелось лично Вас поблагодарить.

Недавно я навещала мою приятельницу, бывшую Л. Швейкерт. Она только недавно оправилась от болезни. Все лето чувствовала себя нехорошо, да и лето было холодное и сырое. С конца августа она совсем слегла, у нее сделалось воспаление почечных лоханок при 40° температуре. Думали, что она не встанет, так как приглашенный знакомый врач нашел ее крайне истощенной, да и возраст большой... Женщина-врач⁸⁷, у которой она лечится с 19-го года, не видала ее с

июля, и она вообще принимает теперь только у себя и больных на дому не посещает. Лежала больная дома, врач видел ее только 2 раза, а потом она уже сама по лечебнику лечилась гомеопатией. Уход во время ее болезни был очень хороший, главным образом ухаживала за нею мать⁸⁸ жены Иг<оря> и была ласкова и внимательна, и даже ночью, когда б<ыл> сильный жар, она, открывая глаза, видела ее, сидящую в кресле. Врач велел хорошо питать ее молоком, сметаной, сл. маслом и овощами, и жена Иг<оря> готовила и приносила все сама.

На днях она была опять у той женщины-врача, которая лечит ее с 19-го года. Она осталась недовольна состоянием здоровья Л. Шв<ейкерт>, нашла сердце расширенным, как следствие высокой температуры, печень увеличенной и сильное кровяное давление. Прописала лекарство, велела продолжать диету и через 2 недели показаться снова. Но выглядит она хорошо, бодро, самочувствие очень хорошее. Причем она уже месяц как принялась за работу: дает урок одному мальчику и приводит в порядок архивные дела и этим кое-что подрабатывает, что вместе с пенсией за заслуги старшего сына⁸⁹ дает ей возможность иметь все необходимое.

Радуюсь, что у Вас дети здоровы. Я часто и много о всех думаю, и от всей души желаю всем здоровья и успеха во всех делах.

Как хотелось бы поподробнее узнать о жизни всех Вас...

19.XII

Не удалось окончить начатое письмо и не было свободной минутки вновь за него приняться. Могу теперь Вам сообщить, что я опять была у Л. Ш<вейкерт> через 2 недели после первого посещения врача, в ее здоровье наступило быстрое улучшение. Хотя анализ последний не так хорош, как было бы желательно, но кровяное давление дошло до нормы, и вообще здоровье ее улучшается. Послезавтра она вновь будет у врача, и тогда припишу, что она найдет. Утомляется она самообслуживанием и приготовлением себе еды, но с этим ничего поделать нельзя и после ее выздоровления все остается по-прежнему, как было и до ее болезни, занята она целый день, и в этом ее спасение: некогда задумываться. Читает она довольно много, предпочитает духовно-философские книги. Приходят к ней и друзья, с которыми она делится своими впечатлениями и кое-что читает и им. Но много бывает и одна. Комната у нее отдельная, совершенно в стороне, покойная, никакие резкие звуки к ней не доносятся. Выходит она только в хорошую, не очень холодную погоду, так как в холод ей трудно дышать. Вот, кажется, и все подробности, которые могу о ней сообщить. Она горячо любит своих детей и тоскует о том, что их нет около нее; думает же и м<олиться> о них постоянно. О себе ничего особенного написать не могу. Работаю без отдыха, вот и все. Горячо целую Вашу руку, дорогая Марта Ивановна, и шлю нежный поцелуй детям.

Да хр<анит> их Г<осподь>. Искренно Вам преданная и благодарная Е.

Е. Ю. Ильина к Л. Я. Гуревич

<1935.I.28/15>⁹⁰
1935 г. 28/15 I.

Дорогая Люба!

Шлю тебе ко дню твоих именин сердечный привет и поздравление с пожеланием здоровья, бодрости, сил и всякого благополучия. Прости меня, дорогая, что до сих пор не написала тебе, чтобы поблагодарить тебя за твою помощь в тяжелую для меня минуту. Я до сих пор еще не пришла в себя, писать трудно, рука дрожит, чувствую себя очень слабой, хотя не лежу и уже работаю и работу Игоря, и начала давать уроки немецкого языка двум мальчикам.

Здоровье мое оставляет желать лучшего и в общем неважно; анализ тоже; и белок и лейкоциты... Самое главное, что я не нахожусь под наблюдением врача, который был у меня два раза в начале болезни, 2-го и в сентябре. С тех пор я предоставлена самой себе и лечусь гомеопатией по лечебнику. Не знаю дальше, что с собой делать. Можно ли мне выходить, несмотря на слабые силы, что можно прибавить из еды, даже не знаю, можно ли взять ванну. Мне очень хотелось бы посоветоваться с Гришей, но я боюсь, что он нездоров сам. Неделю тому назад я даже написала ему открытку о том, что он доставил бы мне большую радость, если бы навестил меня. Он не ответил, и я боюсь, здоров ли он и, конечно, беспокоюсь. Прости, что я в поздравительном письме изложила тебе все мои сомнения и беспокойства и еще раз прими мою горячую благодарность за твою помощь и сердечное ко мне отношение.

Целую тебя и желаю всего лучшего. Лелечке привет и поздравление с дорогой именинницей. Искренне тебя любящая Е. Ильина.
Прости за бумагу и за писание.

Е. Ю. Ильина к Л. Я. Гуревич

<1936.IX.29>⁹¹
16/IX-1936

Дорогая Люба!

Шлю тебе горячий привет ко дню твоих Именин, целую тебя, желаю здоровья, бодрости и сил. Поцелуй и поздравь от меня Лелечку с дорогой именинницей. Я очень жалею, что лично не могу обнять тебя, но я как-то очень устала за последнее время и просто не в силах прийти. Игорь с женой уехал в Ялту и последние дни перед отъездом так был загружен работой, что совсем не ложился спать. А я старалась изо всех сил помочь и ложила<сь> в 3 и даже в четыре утра. Сейчас они в Ялте, где прекрасная погода, он купается в море и наслаждается и купанием и отдыхом. Нина останется по совету Гриши в Ялте, а он поедет в Сухуми и на обратном пути заедет за нею.

Я после его отъезда несколько дней отдыхала, а теперь снова принялась за его работу.

Мое недолгое пребывание в Сокольниках⁹² (всего 23 дня) все же принесло мне большую пользу; я была в полном одиночестве и хорошо отдохнула. Игорь был у меня 6 раз, он и отвез меня туда и привез меня обратно. Я бы отдохнула больше, если бы не такая мучительная жара.

Катенька, наверно, будет у тебя завтра, поцелуй ее от меня и скажи, что я надеюсь увидеться с нею. Очень огорчаюсь, что ты чувствуешь себя нехорошо, наступает осень, даже уже наступила, самое трудное время, в особенности октябрь и ноябрь. Желаю тебе как можно легче перенести эти 2 месяца, в декабре будет уже легче.

Еще целую тебя. Искренно тебя любящая Е. Ильина

Часть III Документы из немецких архивов

1

<1934.VII.9>¹

Берлин

9 июля 1934 г.

Господину проф. Ивану Ильину

Принимая во внимание чисто немецкий состав членства «Союза в поддержку Русского научного института в Берлине», я, к сожалению, должен вычеркнуть Вас из списка членов союза.

Хайль Гитлер!

*Эрт*² <подпись>.

2

<1934.VII.12>³

Господину проф. Ильину

В ходе ставшей необходимостью чистки членства «Союза в поддержку Русского научного института в Берлине» и <чистки> коллектива сотрудников Института Ваше назначение на работу, утвержденное на заседании от 23 окт. 1933 г., я должен объявить утратившим силу.

Ваше право заниматься научной деятельностью тем самым не затрагивается, поскольку оно не противоречит недавно опубликованным основным положениям Русского научного института.

Хайль Гитлер!

Эрт <подпись>.

Союз в поддержку
Русского научного института
(зарегистр<ирован> в Берлине)
Др. Е./Мю

<1934. VII. 12>⁴

Берлин
Георгенштр., 43
от 12 июля 1934

Господину проф. Ивану Ильину

Берлин-
Вильмерсдорф,
Зоденерштр., 36

Глубокоуважаемый Господин Профессор!

От души благодарю Вас за Ваше вчерашнее письмо, из которого я делаю вывод, что Вы, при оговоренных нами условиях, хотели бы посвятить себя на какой-то период исключительно научной работе. Из обоих уведомлений (от 9 и 11 июля с. г.), как видите, вытекает, что форма нашего сотрудничества изменилась в том смысле, в каком мы это обсуждали в последний раз. В соответствии с этим «Союз в поддержку Русского научного института в Берлине» с 1 августа с. г. никакого содержания выплачивать Вам не будет, хотя о соответствующем гонораре за уже подготовленные Вами работы наверняка позаботится.

Я, конечно же, надеюсь, что вскоре будут поставлены новые, особые задачи, для квалифицированного решения которых нам придется снова прибегнуть к Вашим редкостным познаниям и одаренности.

С глубоким уважением преданный Вам *Эрт* <подпись>.

<1936>⁵

Справка об Ильине

Профессор Иван Алексеевич⁶ *Ильин* (Berlin Wilmersdorf, Sodenerstr. 36. Telefon: N.9 5679) был прежде русским эсером⁷ по убеждению и одним из подстрекателей против Германии в старой России.

Согласно сообщению, полученному от Шабельского-Борка⁸, безупречным в личном плане господином *Бидо*⁹, занимавшим пост секретаря в прежнем Русском ин<ститу>те в Берлине, где числился также и Ильин, Ильин в 1919 г. был членом «Союза спасения Родины» — организации Савинкова¹⁰ в Сов. России. Все члены этой организации были неожиданно арестованы и расстреляны — кроме Ильина!!

В ноябре 1922 г. Ильин прибыл в Германию с группой ученых, высланных сов<етским> правительством.

Возглавляемая евреем Гессеном тогдашняя эмигрантская газета (в Берлине) «Руль», № 542 от 10 сент. 1922 писала об этом так: «Инициатор высылки Зиновьев объяснял причины ее на заседании Петросвета следующим образом: надо было найти на Западе людей,

которые заступятся за больную интеллигенцию. Может быть, Горький станет нас опять поучать в этом плане, *но мы знаем, что делаем*¹¹. «Мы ухватились сейчас за гуманное предприятие — высылку, но мы можем ухватиться и за менее гуманные акты и — за меч», — пояснял то же самое Зиновьев в «Руле» (№ 561, 3 окт. 1922).

«Руль» № 603 (21.11.22) писал: «За несколько недель до высылки Зиновьев, на одном из рабочих собраний, давая разъяснение по этому поводу, проболтался, что Сов. правительство готово оказать даже материальную помощь изгнанникам. По этой причине удалось получить от властей средства на оплату билетов на пароход».

Среди высланных профессоров был и Осоргин¹². Сейчас он является сотрудником «Последних новостей» у Милюкова, женат на дочери еврейского фюрера Ашер Хинцберг (Ахад Хаам).

После первых слухов о высылке ученых, в ожидании изгнанников, в Берлине было образовано «Философское общество». «Недавно в Берлине состоялось учредительное собрание в целях организации русского научно-философского общества. Задачей его ставится объединение всех русских философов для поддержания связи с живущими в России философами и оказания помощи в их работе» (Руль, № 599, от 16.11.22)

А в № 600 от 17.11.22 «Руль» писал: «Академия открывает свое публичное заседание в воскресенье 25 ноябр. 1922 в 7.30 вечера в Logenhaus Joachimsthelestrasse 13».

В № 608 «Руля» от 18 ноябр. 1922 красуется заметка: «Открытие религиозно-философской академии»:

«В воскресенье состоялось открытие религиозно-философ<ской> академии, которое было организовано группой высланных из России ученых и литераторов при содействии ИМКА. Собрание проходило в переполненном зале...» «Собрание открыл председательствующий Н. А. Бердяев. В своем вступительном слове он говорил: «О духовном возрождении России и задачах религиозно-филос<офской> Академии». Далее выступал С. А. Франк¹³ по вопросу «Религия и философия». Вместо заболевшего И. А. Ильина выступал проф. А. П. Карсавин¹⁴. Все доклады имели большой успех. В зале присутствовало много наблюдателей из большевиков».

18 окт. 22 № 574 «Руль» дал такое объявление:

«Русская академическая группа в Берлине и Союз русских литераторов и журналистов Германии организуют совместное собрание-встречу приехавших в Берлин и высланных из сов. России представителей русской интеллигенции. Собрание состоится во вторник, 24 октября, в 4-30 дня в Ложенхаузе (Клейшттр., 10)».

О Kleist str. 10 говорит любая Берлинская телефонная книга под рубрикой «Ложи»: Бнай-Брит-Кляйст Str. 10, кв. 3 Нолендорф 1367, 5068; кв. 5 Барбаросса 8651 — 8652; Хаусварт — кв. 3 Ноллендорф 350.

Некоторые из высланных, напр., проф. Угримов, начали работать в качестве «специалистов» в советских учреждениях Берлина. Позже, однако, Угримов был опять уволен из сов. торгпредства.

«Изгнанники» получали регулярно деньги, которые поступали от тогдашнего консула Полякова¹⁵ в Кёнигсберге.

Отношение проф. Ильина к евреям и к национал-социалистической Германии видно из статьи рижской еврейско-русской эмигрантской газеты «Сегодня» (№ 62, от 4.3.30): «Проф. Ильин, который приезжал в Ригу читать лекции, сказал сотрудникам «Сегодня» следующее: «Обо мне смело заявляют, что моя репутация намного правее меня самого... Но разве можно ставить вопрос в такой плоскости: «Если ты политику Николая II не поносишь самыми низменными словами, значит, ты черносотенец. Недавно меня разыскал один почтенный меньшевик (в Берлине), чтобы убедить в том, что русские цари неверно действовали. Я его выслушал внимательно и, к его удивлению, спросил: неужели он действительно полагает, что я ему буду рассказывать о таких элементарных вещах... Оказывается, он хотел меня убедить в том, что я этого не понимаю».

«Опять же недавно, — продолжал Ильин, — ко мне обратилась одна еврейка, общественница, благотворительница (в Берлине) с вопросом, не антисемит ли я. Что я мог ответить ей, я — для которого еврейский вопрос вообще не стоит и у которого масса друзей среди евреев. Если вы спросите о моем отношении к евреям, я отвечу вам, что отношусь к ним точно так же, как к людям любой другой национальности...»

«Естественно смешно ожидать, что евреи, пережившие ужасы недавних погромов, с воодушевлением будут относиться к их зачинщикам», — высказался Ильин по первому пункту, добавив несколько фраз о разрушенной России.

Наряду с этим проф. Ильин, который рассчитывал на, как ему казалось в то время, прочное положение марксистского правления в Германии, при всяком удобном случае не мог хотя бы издалека не сделать пару реверансов в его адрес.

«Мы пришли поговорить о сегодняшнем внутреннем положении в Германии, — пишет «Сегодня». — И в своем разговоре мы напомнили о том, что социалисты — министр внутренних дел Беверинг и представитель прусского ландтага Браун, высказывают свое решительное «нет» всем организациям националистического «толка».

В данном случае Ильин пояснил: «Существуют разные социалисты: социал-демократы в Германии, Англии и Франции совершенно не похожи между собой. Социал-демократы в Германии могут являть собою сильную власть, что доказать они смогут только на деле».

Этот номер «Сегодня», принадлежащий когда-то Русскому научному институту, из подшивки исчез. Однако сохранился один экземп-

ляр «Руля» (№ 3125, от 7.3.30), который под заголовком «Проф. Ильин об антисемитизме» приводит только 1-ю часть интервью; абзац о внутривнутриполитическом положении в России опущен.

Во всяком случае Ильин пытался вызвать к жизни колонку младороссов и легитимистов, что следует из объявления от 23 апр. 1935, помещенного внизу доклада-интервью.

Среди более ранних доносов надо привести еще один, который теперь можно рассматривать как своего рода продолжение: «Вышеупомянутый г. Бидо раздобыл и передал полковнику Бессонову ряд документов, которые свидетельствуют о том, что Ясинский, Ильин и др. изгнанники были секретными сотрудниками большевиков¹⁶. Бессонов¹⁷ передал эти документы, в свою очередь, «заокеанским службам» — майору Лизеру¹⁸».

В заключение стоит еще упомянуть, что Ильин в настоящее время живет, вероятно, исключительно на гонорары от своих лекций и от Советского правительства не получает совсем ничего.

5

<1935.VI.26>¹⁹

Копия

Мюнхен 26.VI.35

Документы о русских масонах

**ПРОФЕССОР ИЛЬИН ПРОВОДИТ ПОЛИТИКУ
ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА «МЛАДОРОССЫ»²⁰
ОТ ДВИЖЕНИЯ «ЛЕГИТИМИСТОВ»²¹**

Доверенное лицо Р.²² сообщило из Берлина 23 апреля сего года:

«Чтоб достичь вышеупомянутой цели, профессор Ильин подружился с Фабрициусом²³, чтобы тем самым привлечь его на свою сторону, чтобы тот повлиял на С.-Бриака (резиденция великого князя Кирилла)», чтобы представительство легитимистов в Берлине, во главе которого стоит Фабрициус, было ликвидировано. Фабрициус в этом плане пошел у него на поводу. Он стал часто бывать у Ильина, а Ильин у него. Под влиянием Ильина Фабрициус завязал дружеские отношения с генералом Лампе. Все придерживаются такого мнения, что союз «Младороссы» должен отделиться от легитимного движения, т. к. «Младороссы» из «пеленок» уже выскочили и себя уже достаточно показали. Теперь было бы желательным, чтобы они исключили свое неприятное влияние. Личность их шефа Казем Бека рассматривается как нежелательная, т. к. он очень предан семье великого князя Кирилла. Необходимо выставить другого кандидата и сделать революцию во дворце. Надо принять во внимание очень сильное влияние профессора Угримова на «Младороссов», с которым профессор Ильин в ближайшее время собирается восстановить хорошие отношения».

Примеч. Угримов написал несколько подстрекательских статей против Германии в органе «Младороссов» «Бодрость».

6

<1935.XI.27>²⁴

Копия

Документы о русских масонах

Мюнхен 27.XI.35

ФРАНКМАСОНСТВО ПРОФЕССОРА ИЛЬИНА

Бо.²⁵ из Берлина сообщает, что там ходят слухи о том, что Ильин очень часто ездит в Прагу, где на закрытых собраниях собирается якобы читать лекции «Национал-социалистическое движение и Германия»²⁶. На эти лекции допускаются только официальные и специально приглашенные лица. Кроме этого известно, что Ильин очень часто ездит в Ригу, где он состоит в масонской ложе²⁷.

Проверить этот донос очень легко, стоит только потребовать у проф. Ильина его заграничный паспорт.

7

<1936.V.14>²⁸

«14» мая 1936.

Прусская тайная государственная полиция
Секретное государственное полицейское управление
111 A 4/3845/35

Департаменту внешнеполитических сношений.
Служба NSDAP²⁹ Господину д-ру Лейббрандту
в Берлин W 35
Margaretenstr., 17

Касается: проф. И. Ильина

В связи с рассматриваемым в настоящее время делом мне необходимо получить некоторые данные о политических воззрениях и о прошлом известного, бывшего сотрудника «Русского научного института» проф. И. Ильина, родившегося 28.3.1883 в Москве.

За присланные *немедленно* данные о деятельности его в институте, а также о других известных фактах о нем был бы благодарен.

По поручению

<подпись> (верно) Мюллер³⁰.

<печать>

КЛЯТВЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, нижеподписавшийся профессор (бывший), доктор юрид<и-ческих> наук Иван Ильин (1919 — 1922 в Москов. университете, 1923 — 1934 в Русском научном ин<ститу>те в Берлине), русский подданный, с 1923 года — лишенный подданства³², 3 февраля 1933 г. получил от Германской тайной полиции запрет на чтение лекций; обоснования для такого запрета мне не были даны.

Однако, принимая к сведению определенные намеки с разных сторон о причинах этого (причем эти намеки, кажется, совпадают с подозрением меня в авторстве вышедшего анонимно на русском языке пасквиля³³), считаю необходимым, в силу данных обстоятельств, выступить с клятвенным заявлением.

Настоящим клятвенно заверяю:

1) никогда не был членом ни одной политической партии — ни в России, ни в Германии, ни где бы то ни было;

2) никогда не был членом ни одной масонской ложи, ни какой-либо примыкающей к масонству организации — ни до войны, ни после; ни до революции, ни после; ни в России, ни в Германии, ни где бы то ни было;

3) никогда не руководствовался в своей научной, общественной и политической деятельности чуждыми мне директивами; всегда поступал согласно собственным религиозным и философским убеждениям. В поступках своих и убеждениях я был ответствен только перед Богом, перед своею совестью, своим народом и Отечеством — более ни перед чем; так я поступаю и теперь;

4) с осуждением и проклятьем относился к сущности революции в России еще до большевистского переворота, о чем свидетельствуют печатные работы, что подтвердит немалое число очевидцев;

5) решительнейшим образом я отвергал советское правительство в России, противопоставив себя ему до того, что был приговорен к высылке из страны;

6) в течение 5 лет (1917 — 1922), которые я прожил в Москве, все мои лекции и публичные доклады я читал по существу и независимо от конъюнктуры, как и подобает честному ученому, свидетельством чему являются и рукописные и печатные материалы;

7) на протяжении всех этих лет я был советским правительством гоним; на деле это означает:

обыск, арест, заключение в тюрьму в марте 1918 года — первый раз;

обыск, арест, заключение в тюрьму в июле 1918 года — второй раз;

ПРИЛОЖЕНИЕ

обыск, арест, заключение в тюрьму в окт. — ноябре 1918 года — третий раз;

московский революционный трибунал:

процесс по обвинению в заговоре и подготовке вооруженного восстания — четвертый раз;

обыск, приказ об аресте, с опечатыванием квартиры и 3-месячная нелегальная жизнь в убежище; август — окт. 1919 — пятый раз;

обыск, арест, заключение в тюрьму в феврале 1918 года — шестой раз;

обыск, приказ об аресте с опечатыванием квартиры и 3-недельная нелегальная жизнь в убежище; август 1922 — седьмой раз;

допрос по обвинению по ст. 58 советского кодекса с заменой смертного приговора пожизненной высылкой из страны, сентябрь 1922 — восьмой раз.

Обвинение звучало так: «В течение 5 лет не только не смирился с советским правительством, но беспрестанно прибегает к враждебной советам пропаганде, особенно усиливая ее в годы гражданской и польской войны, что заслуживает смертного приговора»;

8) заявляю клятвенно далее, что я кроме работы в звании доцента во многих вузах Москвы, которых я постепенно лишался, ни в каких коммунистических ведомствах не состоял; и никаких поручений от советских властей не получал и не выполнял, предпочитая голод и нужду бесчестью;

9) по прибытии в Германию (пароходом Петербург — Штеттин, 1 окт. 1922) я начал свою антикоммунистическую просветительскую работу и уже в августе 1923 особым декретом был по этой причине лишен русского гражданства; библиотека в Москве была конфискована, вот почему в 1924 году я смог получить в Главном полицейском управлении Берлина зеленое нансен-удостоверение;

10) начиная с 1923 года, все силы души своей, все свое здоровье и жизнь положил на то, чтобы своими статьями, докладами, направленными против большевизма, разъяснить немецкому народу его суть, невзирая на угрозы и оскорбления со стороны коммунистов; доказательством этому являются рукописные и печатные материалы;

11) начиная с 1923 года и по сегодняшний день считал и считаю абсолютно недопустимым открыто выражать свои суждения о внутренних делах германского государства, примыкать к какой бы то ни было политической партии здесь или к церковному направлению, вмешиваться в какую бы то ни было политику;

12) всегда давал исключительно точные, в научном плане обоснованные, сведения о коммунистическом положении дел в моем Отечестве (России);

13) и наконец, приводимые в газете выдержки из анонимного псевда о делах и речах якобы из моей жизни не соответствуют истине

ПРИЛОЖЕНИЕ

ни по словарному способу выражения, ни по смыслу; извращают мои собственные суждения и мнения.

Поскольку все вышеизложенное я выражаю в форме клятвенного заявления, я отстаиваю тем самым свою личную честь и достоинство, которые я, пред ликом Господним, считаю делом неприкосновенным и вынужден защищать как представитель своего народа и Отечества.

Мне известно, что клятвенные заявления такого рода предназначаются властям германского рейха.

Профессор (бывший), док<тор>
Иван Александрович Ильин³⁴

12 мая 1938
Берлин³⁵

КОММЕНТАРИИ

В настоящий и следующий том из наследия И. А. Ильина включены его письма, воспоминания, поэмы. Мы дополняем их архивными документами, проливающими свет на важные, порою драматические эпизоды его жизни. Даем также письма и документы других лиц, свидетельства и сведения которых восполняют недостающие моменты жизнеописания великого русского философа и мыслителя.

В этих, с виду разрозненных материалах мы попытались еще раз, уже по-другому, представить творческую личность и подвижническую жизнь Ивана Александровича Ильина на фоне исторической действительности, которая по известным причинам виделась нам подчас совершенно иной: ведь многие ее стороны сознательно замалчивались, вытеснялись из нашего сознания или преподносились в заведомо искаженном виде.

Марине Цветаевой принадлежит очень точная и глубокая мысль о том, что «миф может сказать намного больше, чем голый факт». Знаменитый французский писатель конца XVIII — начала XIX века Ретиф де ла Бретон, свидетель великих потрясений как во Франции, так и в Европе, написал, помимо прочего (его по праву считают предшественником Оноре де Бальзака), семь толстых томов под названием «Господин Никола, или Разоблаченное человеческое сердце». По свидетельству одного исследователя его творчества, «Господин Никола» — это семь сказок, рассказанных автором о себе самом. Однако по прочтении этой полуавтобиографической, полумифической эпопеи понимаешь, что в ней больше правды, чем может вместить в себя сознание человека, чем может вынести человеческое сердце. Этот живой миф поведал миру столько, что его замалчивание можно объяснить исключительно чувством страха перед высшей и подлинной правдой.

Эпистолярное наследие Ильина, его короткие, но содержательные и неожиданные воспоминания и есть эта высшая и подлинная правда, которая воочию встанет перед читателем, потому что она касается не столько самого философа, сколько вечных «проклятых вопросов» жизни и предназначения человека в этом мире.

С другой стороны, многие подлинные (документально подтвержденные) жизненные факты и моменты его творчества могут породить и порождали отрицательные, ложные мифы: о его революционной деятельности, приверженности к анархизму, участие в партиях эсеров, эсдеков, кадетов, о его чекизме, большевизме, фашизме и одновременно юдофильстве и масонстве. В редких по своей ценности письмах и документах, по большей части публикующихся впервые, читатель найдет не только опровержение этих отрицательных и лукавых мнений, но и узнает о подлинной борьбе Ильина с большевизмом, коммунизмом, масонством, католицизмом, модернизмом. Их ложным и соблазнительным идеям Ильин противопоставляет не только теоретически, но всей своей жизнью подтвержденные идеи православно-христианской культуры, подлинный национализм и патриотизм, волевой характер, честь как предстояние перед Богом и помыслы о Грядущей России.

Материалы для этого и следующего дополнительных томов Собрания сочинений предоставлены многими отечественными и зарубежными государственными и частными архивами, за что мы приносим их сотрудникам нашу искреннюю благодарность. Архив И. А. Ильина в Мичигане (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824 — 1048) до последнего времени не был полностью описан (только недавно это сделал наш неизменный помощник, профессор русской словесности Вассар-колледжа в США Алексей Евгеньевич Климов, которому мы особо признательны за присланные материалы), поэтому, в отличие от остальных задокументированных источников, здесь дается лишь общая ссылка на него без указания листов дел.

Многое комментатору не удалось расшифровать и прокомментировать. Мы это отмечаем и оставляем для будущих исследователей творчества И. А. Ильина.

Всем публикуемым письмам предпослан редакторский заголовок и дата. Авторская дата сохраняется там, где она написана в подлиннике.

Материалы, за исключением особо оговоренных, публикуются впервые по первоисточникам с сохранением авторских стилистических особенностей.

1903 — 1922 (РОССИЯ)

ВЕЧНОЕ

(Стихотворение в прозе)

Философическое произведение «Вечное» написано весной 1905 г. и является «данью времени», так как вскоре Ильин станет ярким противником «серебряного века», в духе которого звучит этот поэтический опус философа. Автограф находится в фонде отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ (Вокач Н. Н., ф. 6, оп. 1, д. 20 (2), 23 л.). Публикуется впервые.

Приносим благодарность заместителю директора библиотеки МГУ Ларисе Оразовне Шихмурadowой за любезное предоставление этого материала и рукописи дневника 1905 г. помещенного дальше, для публикации в Собрании сочинений И. А. Ильина.

¹ Πάντα ρεῖ... (греч.) — все легко.

<ДНЕВНИК> 1905, ОСЕНЬ

Дневник Ивана Ильина относится к периоду всероссийской стачки 1905 г. во время первой русской революции. В стачке участвовали и студенты. В дневнике отражен так называемый «революционный период» молодого Ильина. Автограф хранится в фонде отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ (Вокач Н. Н., ф. 6, оп. 1, д. 20 (1), 10 л.). Публикуется впервые.

¹ *Тая* — этим именем Иван Александрович называл свою невесту, а с августа 1906 г. жену — Наталию Николаевну Вокач (1882 — 1963).

² Маму И. А. Ильина в семье ласково называли Линой (сокращение от ее немецкого имени Каролина), но в этой рукописи четко написано: *Лена*.

³ *М. А.* — Мария Андреевна Муромцева (1856 — ?) — мать Наталии Николаевны Вокач.

⁴ Здесь и ниже несколько имен однокурсников И. А. Ильина и студентов других высших учебных заведений, с которыми он дружил и встречался в то время.

⁵ *Риккерт* Генрих (1863 — 1936) — немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства.

⁶ Возможно, имеется в виду брат И. А. Ильина — Александр.

⁷ *Шуппе* Вильгельм (1836 — 1913) — немецкий философ-идеалист, представитель имманентной философии; отождествлял бытие с сознанием.

⁸ *Петражицкий* Лев Иосифович (1867 — 1931) — русский юрист. Один из основателей психологической школы права. Профессор Петербургского, а после эмиграции в 1918 г. — Варшавского университетов.

⁹ *Кистяковский* Богдан Александрович (1868 — 1920) — философ, социолог и правовед. Образование получил в Германии, где защитил диссертацию «Общество и индивид» (Берлин, 1899. На нем. языке), которая принесла ему известность.

¹⁰ *а.* — неясно, что Ильин имеет в виду под этим сокращением: то ли *атеистическим*, то ли *агностическим*, то ли еще каким-либо.

¹¹ *Каутский* Карл (1854 — 1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала, центрист.

¹² Именно в этот год Марк Вишняк, председатель студенческой организации, «желая вложиться в партийную работу (эсеров)», передал свой пост «председательства от 4-го курса юридического факультета

Ив. А. Ильину, и он его принял» (см.: В и ш н я к М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 100 — 101).

¹³ *Новгородцев* Павел Иванович (1866 — 1924) — юрист, правовед, философ и общественный деятель. Научный руководитель и учитель И. А. Ильина.

¹⁴ Невыясненное лицо.

¹⁵ Владимир *Уманский* — работник книгоиздательства «Труд и Воля», с которым именно в то время начал сотрудничать Ильин.

¹⁶ Речь идет о переводе с немецкого книги Эльцбихера «Анархизм», который вскоре осуществили И. А. Ильин и Н. Н. Вокач.

¹⁷ *Ефимов* Дмитрий Панфилович — хозяин книгоиздательства «Труд и Воля», владелец книжного магазина.

¹⁸ *Манифест* 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), подписанный императором Николаем II, провозгласил гражданские свободы и создание законодательной Думы.

¹⁹ *Люба* — Любовь Яковлевна Гуревич. Подробнее о ней см. на с. 479.

²⁰ *Мензбир* Михаил Александрович (1855 — 1935) — профессор Московского университета, зоолог. Позже описываемых здесь событий, в 1911 г., ушел в отставку в знак протеста против притеснения студенчества.

²¹ Имеется в виду Зинаида Сергеевна Соколова (урожденная Алексеева) (1865 — 1950), заслуженная артистка РСФСР. Вместе с мужем она владела имением в Воронежской губернии, где ими были организованы больница, школа, ремесленные мастерские для крестьян и даже театр, в котором играли тоже крестьяне. После революции театр получил звание народного.

²² Брат И. А. Ильина.

²³ *Мария Сергеевна Муромцева* — двоюродная сестра Наталии Николаевны Вокач (Ильиной) по материнской линии.

ПИСЬМА К БЛИЗКИМ

Три открытки к отцу и матери и одна к родной тетке Аделаиде Юльевне Швейкерт (в замужестве Левкович; ее муж, Григорий Михайлович Левкович, был архитектором) относятся к периоду работы Ильина в Московском университете (1908) и научной командировки в Западную Европу (1911 — 1912). Автографы открыток находятся в семейном архиве родного племянника Ивана Александровича — Святослава Игоревича Ильина (Москва), которому мы признательны за предоставление копий писем для Собрания сочинений. Публикуются впервые.

¹ Скорее всего, речь идет о стипендии для предстоящей научной командировки в Западную Европу.

² *Тетя Адя* — ласковое имя Аделаиды Юльевны Швейкерт (Левкович).

³ *Игорь* — младший брат И. А. Ильина.

⁴ *К. О. В.* — неустановленное лицо.

⁵ *Саша* — старший брат И. А. Ильина.

⁶ *Хрущево* — здесь находилось имение Александра Ивановича Ильина Большие Поляны.

ПИСЬМА И. А. ИЛЬИНА К Л. Я. ГУРЕВИЧ

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся 42 письма Ивана Александровича Ильина к своей двоюродной сестре Любови Яковлевне Гуревич (1866 — 1940) — писательнице, театральному критику, редактору-издателю журнала «Северный Вестник», сотруднице журнала «Русская мысль» (ф. 131, оп. 1, ед. хр. 131, 66 л. и ф. 131, оп. 2, ед. хр. 203, 18 л.). На титульном листе ее рукою обозначено: «Письма проф. философии И. А. Ильина. Вскрыты не ранее 1945 г.». В одной из двух связок имеется следующая записка: «6 писем 1911 — 1914 гг. профессора Ивана Александровича Ильина, автора книги «Философия Гегеля», 2 т., М., моего двоюродного брата. В этот период И. А. Ильин, в общественных и политических вопросах, находился на середине того пути, который он прошел от революционных настроений в годы студенчества, с хранением бомб для с.-р. у себя на дому, к настроениям крайне правым, которые еще до высылки его за границу в 1922 (?) году делали почти невозможным общение с ним и совершенно невозможным какое-либо взаимопонимание в этих вопросах.

Л. Гуревич».

Составитель и издательство благодарят директора архива Наталью Борисовну Волкову и заведующую отделом Ольгу Владимировну Рожкову за предоставленную нам возможность воспроизвести эти письма в настоящем Собрании сочинений. Полностью коллекция публикуется по автографам впервые.

¹ *Скирмунт* Сергей Анатольевич (1863 — 1932) — издатель.

² Анастасия Романовна Крандиевская.

³ Крандиевская Наталия Васильевна (1891 — 1963) — будущая поэтесса и жена А. Н. Толстого.

⁴ О *Иванове* Иване Дмитриевиче сведений нет.

⁵ *Гауптман* Герхарт (1862 — 1946) — писатель, глава немецкого натурализма.

⁶ Имеется в виду драма Г. Гауптмана «Ткачи» (1892), посвященная восстанию силезских ткачей.

⁷ *Ренан* Жозеф Эрнест (1823 — 1892) — французский писатель. В «Истории происхождения христианства» полностью игнорировал божественное происхождение Иисуса Христа, изображал его как обыкновенного человека, чем справедливо заслужил «славу» противохристианского писателя.

⁸ Сведений о *Городецком* комментатор не имеет.

⁹ *Аничка* — Анна Яковлевна Гуревич (1878 — 1942), сестра Л. Я. Гуревич.

¹⁰ *Крюковка* — небольшое старинное имение в Тульской губернии, принадлежавшее тете Ильина Любови Ивановне Гуревич.

¹¹ *Саша* — старший брат И. А. Ильина.

¹² *Полянки* — имение отца И. А. Ильина в Рязанской губернии.

¹³ Неясно, о ком идет речь

¹⁴ Речь идет о рассказе И. А. Ильина «Саша» (прототипом главного героя, по-видимому, послужил его брат Александр). Здесь мы приводим этот рассказ по рукописи, хранящейся в РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 131, лл. 67 — 78. В оригинале название рассказа замазано чернилами, но легко прочитывается.

<САША>

Господа катаются. Изящное ландо, красивые выхолненные лошади, веселые лица и два верховых за экипажем. Погода благоприятствует, и легкая пыль не портит удовольствия. Маленькая пухлая генеральша с красным лицом и вечно расползающейся улыбкой на толстых губах то и дело фыркает, радуясь остротам, которые постоянно вставляет в рассказ своего визави. Молодой остзеец, воспитатель двух мальчиков, помещающихся рядом с ним на переднем сиденье, обладает корректной внешностью, прекрасным цветом лица и густыми белокурыми усами, торчащими кверху. Он рассказывает генеральше Марии Осиповне о студенческих попойках «ин Дорпат», делает в русском языке уморительные ошибки, спешит поправиться и ошибается снова. Худошавые бледные мальчишки лет 9 — 10-ти то следят за большим оводом, увязавшимся за коляской, и стараются поймать его, то чихают от пыли и сочиняют стихи, перемешивая немецкие слова с русскими. На четвертом месте рядом с генеральшей сидит полная и очень бледная девушка лет 26 и с равнодушным видом, стараясь никого не слушать, всматривается бесцветными глазами в дорожную пыль и сверкающие подковы левой пристяжной. Сзади идут 2 студента в кителях. Красный и толстый Левушка в рейтузах и ботфортах со шпорами старается грациозно подпрыгивать на английском седле и похлопывает себя по лакированному голенищу упругим хлыстиком. Это — сын генеральши.

Второй — худошавый блондин с задумчивым лицом, с ивовым прутиком вместо хлыста — немного горбатится и щурится от яркого солнца. Это гость — товарищ Левы. Господа едут в лес за грибами. Конец августа — и грибов, наверное, много. На всякий случай захватили несколько корзин и корзиночек, а дома к приезду велели подать чай.

«Когда, бывает выпит второй стакан пиво...» — рассказывает немец.

«Тогда пьют третий стакан»... — подхватывает генеральша.

«Эрнест Иванович, ви ист по-немецки овод?» — прерывает старший мальчик — Гриша.

«По камавди крикают hoch!!» — продолжает Эрнест Иванович, не слыхав вопроса.

«Кавалерийская посадка отличается от казацкой положением ног и корпуса», — вводит Левушка товарища в круг своих интересов.

«Саша, ты слышишь?» — волнуется он.

«Да, да», — лениво отвечает блондин, ушедший в свои мысли.

«Да нет, пойми, — кипятится тот, — если сесть таким образом...»

Господам встречается телега, в которой сидят 2 мужика. Старый почтительно кланяется и, сняв с лысой головы шапку, долго держит ее в руках, провожая экипаж глазами. Молодой отвертывается и делает вид, что не заметил господ. Эрнест Иванович и Саша раскланиваются. Лева кивает головой.

А вот и лес.

Седой высокий лесник с лицом апостола и суковатой палкой в руках стоит на опушке без шапки и, пропустив вперед раскатившийся экипаж, догоняет его рысцой. Господа выходят, студенты отдают лошадей леснику и после долгих переговоров о том, кому с кем и куда идти, все разбредаются по лесу.

Эрнест Иванович, закончив строгое наставление Грише и Пете за то, что они вылезли раньше взрослых, берет корзинку и накидку Марии Осиповны и следует за ней. Левушка подает руку сестре, а Гриша и Петя привешиваются с визгом к Саше. Все отправляются по грибы.

* * *

Толстый кучер Антон отдувается, спрыгивает с козел и, ворча себе что-то под нос, закуривает трубку. Лесник Тимофей, привязав лошадей и проводив господ глазами, долго почесывает голову, наконец садится возле экипажа и лезет за трубкой. Молчание.

«Что, брат, как живешь?» — ворчит наконец кучер.

«Да что, куманек, перемогаюсь, — начинает лесник, шамкая. — Вот кабы я семейный был — ну, другое дело. А ведь одна голова не бедна. Вот у вас там в Михалках, слышать, плохо. А?»

«Ну, чего там... Известно — генерал... он свово не упустит...» — неопределенно замечает кучер.

«Крут он очень карахтером, — продолжает лесник. — Ни тебе поблажки, ни тебе попущения какого. Уж что скажет — так оно и тово... Говорят, с вашими ребятами опять не поладил? Ведь он хочет за аренду-то 11 рублей?.. да за одну десятину? а ведь земля-то — одна глина, да не навожена с царя Гороха! А наделы-то вась маленькие, кормиться не с чего! Плохи дела... А?»

Да тут еще слышать, — понижает он голос, — молодой-то барин очень с девками не хорошо? Оно, конечно, — дело молодое: когда и

шшипнет, когда и што... Ну да а ребятам-то, понятно, за своих девок обидно. Мотри, говорят — бить хотят. Эко горе-то! Мне кум Максим пастух — намедни здесь был — сказывал: старые, слышь, которые енаралу-то должны — хто 50, а хто и 70 рублей — те, слышь, унимают, а молодые — ни, и слушать не хотят. А? Как думаешь?»

«Все это дело известная, — рычит кучер, поправляя кушак. — А потом — к земскому, да засудят, да на поселение... Эх!» — недовольно махает он рукой.

«Н-да», — поддерживает лесник.

Собеседники долго молчат, сознавая, что действительно скверно.

«Ах и жись разсобачья!» — раздражается наконец кучер.

Водворяется тяжелое молчание.

«Опять ежели и до генеральши, — неохотно цедит кучер, не вынимая трубки изо рта и попыхивая ею, — барыня в летах... а визгливая, да крикливая... Просто на поди... разорется када... опять она зачем немца усатого окол себе держит... соблазнение одно!»

«Нет, а енаралу, пожалуй, несдобровать, — вставляет лесник, — больно уж он мужиков сосет...»

Собеседники умолкли, заслышав из лесу шаги. Подошел Саша в расстегнутом кителе и, немножко конфузясь, завернув китель, присел на подножку ландо лицом к мужикам. Одно время он колебался, не зная, как начать разговор, и, наконец, стараясь говорить как можно проще и даже коверкая иные слова — для понятности, — заговорил об урожае и погоде.

Кучер и лесник сделали попытку встать при его приближении и спрятали трубки... Но мало-помалу все вошло опять в свою колею.

Не стану передавать, о чем они говорили. Мужики постепенно смелели, под конец говорили очень громко и, перебивая друг друга, сильно жестикулировали. Саша все более и более волновался, слушая их. Он узнал, что генерал дает мужикам деньги за большие проценты, заменяет проценты работой и этим «уменьшает издержки производства», как подумал про себя Саша. Он узнал, что мужиков то и дело «окунают», что наделы малы, а «купчей» земли нет, что Лева «портит» девок и т. д. Разгорячившись, мужики вывалили ему все свои «обиды».

При этом толстый кучер то и дело поправлял свой кушак и вытягивал голенища сапог, а Тимофей разводил руками, хлопал себя по коленям и чесал в затылке.

Они спохватились только тогда, когда из лесу донеслись звонкие голоса мальчиков, смех Марии Осиповны и бесстрастный голос Эрнеста Ивановича, рассказывавшего генеральше случай с привидениями в старом замке.

«Слышь, разоврался!» — остановил молчавший последнее время кучер увлекшегося лесника. Тимофей спохватился и почтительно встал.

«Вы, барин... не тово... господам не сказывай...» — буркнул кучер Саше, не глядя на него, и полез на козлы.

«Ну вот...» — вспыхнул Саша. Он был подавлен рассказами.

* * *

Саша знал Левушку давно, с младших классов гимназии.

«Веселый, простой малый, без серьезных интересов, любит покутить, но славное сердце» — так он всегда аттестовал его мысленно. Но то, что он сейчас слышал: «Жить в семье и смотреть молча на все эти дела... и это... с женщинами... с девушками...» Обрывки мыслей вихрем закружились в его голове.

«Боже мой... и гадко... и низко... а ну как не верно?... проверить?... Но как?... И что леснику врать?... и ведь кучер подтверждает... и эта генеральша и этот пошлый тон... и этот немец... и зачем я здесь?... Ах ты Боже мой, Боже мой!..»

Все стало ему противно; всякое удовольствие от прогулки исчезло.

«Уехать... да, но я только вчера вечером приехал... Неловко, обидится... все равно... вот мама возмутится, когда расскажу...»

«Ты что же, собственно, утратился, свиное хрюкало? А, поросенок скверный, — раздался над ним голос Лёвы. — Да еще злишься на что-то?.. Я тебе и леса-то путем не показал!»

«И зачем мне лес?... — думал Саша, стараясь не показать, что он расстроен. — И ведь знает, что растение наказуемо!..»

«И ведь я просил тебя приударить за сестричкой, рыльце твое смазливое! Она, несчастная, скушает, и томится, и замуж норовит... Но не всякая, как это у Кузьмы Пруткова? — не всякая Глашка, ха-ха, попадает в дамки, хо-хо-хо, — обрадовался он своим словам. — Соня-а, иди сюда, за тобой Александр Сергеевич хочет приударить, хо-хо, хо-хо-хо», — хохотал он, переходя внезапно с низких нот на высокое взвизгивание.

«Лева, cesse mon ami, — протянула генеральша, пришепетывая. — Твои остроты никому не нравятся.»

Подошла Соня и, процедив Левае сквозь зубы «дурак», направилась в экипаж. Все стали садиться.

Нашли все вместе — 3 гриба: один березовый и две свинушки. Дети принесли интересную гусеницу, листья папоротника и два длинных ивовых прута.

Саше не хотелось смотреть ни на что. Он совсем ушел в свои мысли, вихрем проносившиеся в его голове.

«Александр Сергеевич...» — обратилась к нему Соня.

«Не Пушкин», — повернул Лева, садясь в седло и кряхтя.

«Будьте любезны... который час?» — томно dokonчила Соня. Но Саша не слышал.

«Эс ист эйн фиртель ауф зекс, гнедигес фрёулейн, — поспешил Эрнест Иванович. — Киндер! Пальто анци-ин. Эс вирт фейхт, фикс!» — торопил он детей.

Назад ехали в молчании. Генеральша устала и жаловалась на головную боль. Дети старались пересадить гусеницу на лист папоротника, Соня задумчиво молчала, а Эрнест Иванович глубокомысленно гладил роскошные усы.

«Ну черт с ним, подуется и перестанет, — решил Левушка про Сашу. — У них вся семья такая — вдруг обозлятся и молчат».

А Саша ехал и думал:

«И как это я не разглядел его до сих пор?.. вот куда он вечером уходил... и револьвер с собой брал... а рабочие у них все волком смотрят... и генерал-то ведь влиятельный человек... предводитель... и не смотрел бы на них вовсе!»

* * *

Приехали. Чай сервирован. На большой террасе кипит блестящий самовар, старая гувернантка-француженка с черной косынкой на голове и поджатыми «сердечком» губами разливает чай, а лакей в белых перчатках расставляет чашки, стараясь не задевать за легкую садовую мебель...

Студенты прошли к себе в комнату и моют руки. Саша по-прежнему сумрачен, а Лева напевает сквозь зубы какую-то шансонетку.

«Ну не сердись, моя краса, не сердись, лягушонок, — не выдерживает наконец Левушка томительного молчания. — Будешь злиться — говорят — печенка лопнет».

«Экое грубое животное! — подумал Саша, а вслух произнес нехотя: — Я не сержусь, ну да об этом — после поговорим».

К чаю вышел генерал.

Широкоплечий крикун с загорелым лицом, выпученными глазами и черными колючими усами, он сиплым басом рассказывал жене и гостю свой новый план вывозки навоза.

«Мы хоть и отставные — а все бывшие гусары, маху не дадим во славу русского оружия, — хвастался он. — Мужик лодырь, пьяница. Не заставляй его работать — он так и будет век лежебочничать. Нет — он мне луг потравил — пускай вывезет весной удобренностица, во славу русского оружия. За лошадку — по три возика. А до тех пор бумажку напишем! Не так ли, молодой человек?» — обратился он к Саше.

Саше хотелось крикнуть — «не так, нет, все это вранье», слезы подступили у него к глазам, и он с трудом удержался от резкой выходки.

«Папа, а у гродненских гусар — какой ментик: красный или синий?» — заинтересовался Левушка, и отец пустился в подробные объяснения.

Саша уныло слушал. «Уйти бы! Скоро ли кончится этот чай? Завтра же уеду, утром», — решил он.

Наконец встали.

«Сегодня воскресенье, — шепнул Лева ему на ухо. — На деревне — хоровод. Пойдем, я тебе покажу сма-азливенькие ципупурочки!»

Сашу взорвало.

«Иди сам, если тебе нравится, — злобно ответил он, презрительно поглядывая на удивленное лицо Левушки. — Можешь отправляться один». И, круто повернувшись, он пошел в дом.

«Экий кипяток! Ну чего ты? — бросился Левушка за ним. — Не понимаю, решительно ничего не понимаю!»

Саша вошел к себе в комнату и, впустив приятеля, плотно прикрыл дверь.

«Это гнусно! — накинулся он на Леву, не сдерживаясь больше. — Ты совращаешь девушек... Тебе руки не следует подавать... Ты... ты...» — задыхался он от волнения.

«Э-э, братец, — протянул Лева, понявший, наконец, в чем дело. — Ты вот о чем?! Так я на это не смотрю. Жи-изнь на радость нам дана», — закончил он нараспев.

«Ну, брат, это — из рук вон, — продолжал Саша. — Ты знаешь, что растление наказуемо? Ты знаешь, что это — подло?! На радость... Так твоя радость вот в чем?! Это... да ведь...»

«Ну довольно! — обозлился, наконец, Лева. — В твоих нотациях не нуждаюсь, — подумает, — подумаешь, чистота какая!.. Хочу — и буду, а ты мне не наставник. Гамлет какой отсыкался — нос свой сует!»

В Саше что-то оборвалось.

«А если так... — крикнул он резко зазвучавшим голосом, — то ты мне больше не товарищ, — между нами все кончено! Про-хвост!!» — Голос его оборвался, и он кинулся к дверям.

«Слышишь!... Ты не ругайся...» — прорычал ему Лева вслед, сжимая кулаки.

А Саша уже хлопнул дверью.

* * *

Он не помнил, как очутился в саду, как пробежал по прямой дорожке, ведущей от дома вниз к пруду, как повернул направо и попал в большой яблочный сад.

Дом стоял на пригорке, окруженный фруктовыми садами, и пологий спуск от самого балкона продолжался вплоть до широкого гумна, заставленного скирдами.

Слева к гумну прилегал заросший осокой пруд, и за ним тянулись луга, а справа за яблочным садом начиналась деревня.

Саша добежал до забора, отделявшего гумно от яблочного сада, и в изнеможении опустился на сгнивший пень ветлы.

Он чувствовал, как в груди у него все дрожало от негодования и сердце билось тяжелым молотом.

«Прохвост, прохвост! — повторял он про себя. — И ведь — хочу и буду! А? Что же это?!»

Злые и бессмысленные слова Левы ежеминутно всплывали у него в памяти, и все существо его наполнялось отвращением.

Темнело. Солнце только что село, и верхние листья одинокого тополя, затерявшегося в яблочном саду, догорали, озаренные отблеском вечерней зари. Появились первые звезды. С деревни доносился отрывистый лай собак и глухое мычание заблудившейся коровы. От пруда повеяло сырой прохладой августовского вечера.

Саша все еще сидел на сгнившем пне. Он значительно успокоился, и только что пережитое начинало казаться ему тяжелым кошмаром. Прохладный чуткий воздух освежил его разгоряченную голову и придал его мыслям более спокойное течение.

Ссора слевой отошла на второй план; Саша сосредоточился на «социальной стороне вопроса», как сказал бы он сам в другое время. Ему впервые пришлось стать лицом к лицу с обостренными отношениями крестьян и помещика. Сочувствие его было, конечно, на стороне «угнетенных», как назвал он мысленно крестьян, и вопрос «как быть?» впервые стал перед ним во всей наготе.

Саша погрузился в тяжелое раздумье.

За канавой налево хрустнул сучок. Саша вздрогнул и обернулся. Все было спокойно. За забором перед ним расстилалось гумно. В наступивших уже сумерках он с трудом различил в конце его ряды скирдов и темную массу риги.

«Надо домой идти, — подумал он и тяжело вздохнул. — А как быть слевой?»

Он подумал с минуту.

«Лучше всего сделаю так, как будто ничего не произошло, а завтра же утром уеду отсюда...»

Он опять вздрогнул.

От риги донесся шум, как от ветра, идущего издали по вершинам деревьев, и вдруг все гумно озарилось ярким светом пожара.

Саша вздрогнул и схватился за голову.

«Подпалили!» — пробормотал он невнятно и кинулся к забору.

Забор был высокий и плотный. Саша попробовал перелезть, сорвался и побежал направо вдоль канавы.

От риги доносился сухой треск горящей соломы, и на гумне было уже светло как днем. Густые клубы красного дыма взмывали вверх, озаряя неровным колыхающимся светом скирды, и деревья, и усадьбу вдаль, и черные тени поднявшихся испуганных и кричащих ворон.

На углу, где за канавой кончалось гумно и начиналось поле, — забор был повален. Добежав до этого места, Саша остановился и перевел дух.

В этот момент в канаве появилась темная фигура и с разбегу наскочила на него. Толчок был так силен, что Саша чуть не упал, но удержался и с криком «стой!» судорожно схватил человека одной рукой за ворот, а другой за правый рукав.

Мужик, маленький и лядаший, рванулся — и пожар осветил его лицо: небритый подбородок, сбитый набок картуз и пьяные глаза с выражением ужаса и злобы.

Левой рукой он вцепился в Сашину руку, державшую его за ворот, сясь оторвать ее, а правой размахивал по воздуху, стараясь ударить Сашу по голове.

Мгновение борьба продолжалась молча.

«Пусти!.. — прохрипел мужик. — Убью я вас... кровопивцев!..»

«Вас... кровопивцев...» — мелькнуло у Саши в голове.

«Пустить его?!..»

И он выпустил из рук его ворот и рукав, и мужик тотчас же исчез за деревьями.

Саша обернулся. Рига горела костром; огонь живо обошел крышу по сухой соломе и занимался уже ближайший скирд. От дома бежал народ, а с деревни доносились частые тревожные звуки сторожевой доски...»

¹⁵ Н. Молоствов — автор книги «Борьба за идеализм», см. также ниже, коммент. 25 и 26.

¹⁶ Дочь Л. Я. Гуревич Елена.

¹⁷ Кандидатское сочинение «Идеальное государство Платона в связи с его философским мировоззрением» И. А. Ильин защитил в декабре 1903 г.

¹⁸ Кандидатское сочинение «Учение Канта о «вещи в себе» в теории познания» И. А. Ильин защитил в конце 1905 г.

¹⁹ *Котик* — Екатерина Яковлевна Гуревич (1873 — 1942) (в замужестве Андроникашвили), дочь Л. И. Гуревич, мать Ираклия Андроникова, родная сестра Л. Я. Гуревич.

²⁰ *Висенька* — Виссарион Яковлевич Гуревич (1876 — ?), родной брат Л. Я. Гуревич.

²¹ О нем см. в Приложении.

²² Письмо от 6 декабря не найдено.

²³ Не расшифровано.

²⁴ Не расшифровано.

²⁵ Имеется в виду книжка Н. Молостова «Борьба за идеализм», в которой изложены подробности дела по третейскому суду между Л. Я. Гуревич и пайщиками журнала «Северный Вестник».

²⁶ «Северный Вестник» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал либерально-народнического характера. Выходил в 1885 — 1898 гг. в Петербурге, принадлежал А. М. Евреиновой. В 1890 г. Л. Я. Гуревич, ее друг А. Л. Волынский со своим университетским товарищем Б. Б. Глинским и еще несколькими пайщиками купили его. С 1891 г. журнал стал органом символистов. Но остальные пайщики были недовольны нарушением коллегиального начала. Им, по словам Любови Яковлевны, «не было никакого дела до идеалисти-

ческой философии». Л. Я. Гуревич как руководитель издательства потребовала третейского суда. Суперарбитром был К. К. Арсеньев, а судьей с ее стороны В. Д. Спасович. В результате издательство было оставлено за нею.

²⁷ А. Л. — Волынский Аким Львович (Хаим Лейбович Флексер) (1861 — 1926) — литературный критик, искусствовед, публицист. Книга Н. Молодцова «Борьба за идеализм» посвящена А. Л. Волынскому.

²⁸ Имеются в виду *Люль* (Елена) — дочь Л. Я. Гуревич и *Лизочка* — дочь Е. Я. Андроникашвили.

²⁹ Русско-японская война 1904 — 1905 гг.

³⁰ Речь идет о Ляолянском сражении 11.08. — 21.08. (ст. ст.) 1904 г., когда русская Маньчжурская армия под началом ген. Куропаткина потерпела поражение.

³¹ В России винная монополия была вновь введена с 1894 г.

³² Международная мирная конференция в Гааге (1899) содержала положения о мирном разрешении международных споров, нейтралитете, о защите мирных жителей, режиме военнопленных, участии раненых и пленных и т. д.

³³ Упоминается рассказ И. А. Ильина «Саша», см. выше коммент. 14.

³⁴ *Поэма из кавказского быта* пока не найдена.

³⁵ *Витя Солидарнов* — не установлен.

³⁶ *Драшусов* Владимир Александрович (1849 — 1912) — рязанский губернский предводитель дворянства, член Государственного Совета.

³⁷ *Налево* — здесь: против.

³⁸ Ильин часто подписывался (см. ниже) самыми разнообразными шуточными именами.

³⁹ *Лист Густав* — представитель фирмы «Мерседес-Бенц» в России, был женат на родной тетке И. А. Ильина.

⁴⁰ *Эйнем* — владелец кондитерской фабрики, ныне фабрика «Красный Октябрь».

⁴¹ *in corpore (лат.)* — в полном составе.

⁴² См. коммент. 17 к «Дневнику» 1905 г.

⁴³ Может быть, речь идет об издании А. Франса.

⁴⁴ Брошюра И. А. Ильина «Из русской старины. Бунт Стеньки Разина» вышла в книгоиздательстве «Труд и Воля» (М., 1906) под псевдонимом «Н. Иванов».

⁴⁵ Иван Александрович Ильин и Наталия Николаевна Вокач венчались 27 августа 1906 г.

⁴⁶ См. коммент. 16 к «Дневнику» 1905 г.

⁴⁷ *im werden begriffen (нем.)* — в будущем становлении.

⁴⁸ *Штирнер* Макс (Каспар Шмидт) (1806 — 1856) — немецкий философ-младогегельянец, выразитель взглядов крайнего индивидуализма.

⁴⁹ *Гюйо Жан Мари* (1854 — 1888) — французский философ-позитивист. Речь, по-видимому, идет о рецензии на русские переводы Гюйо.

⁵⁰ *Вейнингер Отто* (1880 — 1903) — австрийский философ, автор знаменитой книги «Пол и характер», выдержавшей большое количество изданий и переводов на многие языки.

⁵¹ *Авенариус Рихард* (1843 — 1896) — швейцарский философ-идеалист, основоположник эмпириокритицизма (махизма).

⁵² *Тэкер* — речь идет об американском анархисте Бенжамине Тэкере, издававшем в Бостоне, а затем в Нью-Йорке (1881 — 1908) анархистский журнал «Свобода». *Рейснер* — неустановленное лицо.

⁵³ *Н. В.* — Наталия Вокач.

⁵⁴ *Брун М. И.* — неустановленное лицо.

⁵⁵ *Вырпаевка* — имя М. А. Муромцевой, матери Наталии Николаевны.

⁵⁶ *Вейсберг Юлия Лазаревна* (1879 — 1942) — композитор. По первому мужу Крейцер. Ее сын Виктор Леонидович Крейцер (1908 — 1966) был физиком. Второй ее муж, Андрей Николаевич Римский-Корсаков — сын композитора, музыковед. Их сын Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (1917 — 1942) был филологом.

⁵⁷ *entrücken* (нем.) — отталкивать.

⁵⁸ *Струве Петр Бернгардович* (1870 — 1944) — политик, публицист, издатель, историк, экономист и философ. Редактор журнала «Русская мысль». Письма Ильина к Струве см. в настоящем томе ниже.

⁵⁹ Работа И. А. Ильина «О любезности. Социально-психологический опыт» вышла в журнале «Русская мысль» в 1912 г. (№ 33. Кн. 5).

⁶⁰ Лица, упомянутые в письме, не установлены.

⁶¹ Неустановленное лицо.

⁶² *Антон Крайний* — псевдоним Гиппиус Зинаиды Николаевны (1869 — 1945) — поэтессы, прозаика, литературного критика.

⁶³ Сведений о *Рейнгардте* комментатор не имеет.

⁶⁴ *Kammerspiele* (нем.) — камерный театр.

⁶⁵ Сведений о *Бассермане* у комментатора нет.

⁶⁶ *Пуантировать* (от фр. pointer) — возбуждать особым и литературными приемами у читателя острый интерес к повествованию.

⁶⁷ *Станиславский* (Алексеев) Константин Сергеевич (1863 — 1938) — великий русский режиссер, актер, педагог и теоретик театра. Создатель так называемого метода Станиславского, который коррелируется с феноменологическим методом Гуссерля в философии. Это обстоятельство сблизило И. А. Ильина с К. С. Станиславским и МХАТом.

⁶⁸ Речь идет о Льве Николаевиче Толстом.

⁶⁹ *Glückskind* (нем.) — счастливчик, баловень судьбы.

⁷⁰ Андроникашвили *Луарсаб* Николаевич (1872 — 1939) — известный адвокат, муж Екатерины Яковлевны Гуревич, отец Ираклия Андроникова.

⁷¹ *Констелляция* (от *лат.* constellation — положение звезд) — взаимное расположение небесных светил, служившее основанием для астрологических предсказаний.

⁷² *That* (*англ.*) — такого, *bestand* (*нем.*) — постоянства.

⁷³ И. А. Ильин сделал карандашом приписку сверху: «наивно».

⁷⁴ *Гуссерль* Эдмунд (1859 — 1938) — немецкий философ-идеалист, родоначальник феноменологической школы.

⁷⁵ *Кассо* Лев Аристович (1865 — 1914) — юрист, министр народного просвещения с осени 1910 до конца 1914 г. 16 января 1911 г. разослал во все университетские советы специальный циркуляр, предписывающий принять меры по ужесточению контроля и надзора за учащимися, что было прямым покушением на автономию высших учебных заведений. В знак протеста ректор Московского университета А. А. Мануилов, а также его помощники П. А. Минаков и М. А. Мензбир подали в отставку. Их примеру последовали несколько десятков профессоров и приват-доцентов.

⁷⁶ Номен=ноумен (от *греч.* νοος — мысль, ум, разум, рассудок и θέλος — желание, воля, намерение) — умопостигаемое. Философский термин, противоположный термину феномен — раскрывающееся, показывающееся, являющееся. У Канта ноумен — синоним «вещи в себе».

⁷⁷ *Леонидов* Леонид Миронович (1873 — 1941) — русский актер, с 1903 г. во МХАТе, играл, в частности, Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых» по Достоевскому.

⁷⁸ Статья «Кризис субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа» опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1912. № 23. Кн. 111(2) и № 23. Кн. 112(2)).

⁷⁹ *Archiv für systematische Philosophie* (*нем.*) — архив по систематической философии.

⁸⁰ Статья «Die Begrift von Recht und Kraft» («Понятия права и силы») вышла в Берлине в 1912 г. (Sonderabdruck aus dem Archiv für systematische Philosophie herausgegeben von Ludwig Stein).

⁸¹ *Пуссировать* (от *фр.* pousser) — толкать, сдвигать с места, побуждать.

⁸² О *Саккере* сведений у комментатора нет.

⁸³ «*Die blauen Bücher*» (*нем.*) — голубые книги.

⁸⁴ На открытке фрагмент картины Филиппо Липпи «Коронация Девственницы» из галереи античного и современного искусства в Фиренце.

⁸⁵ *essey* (*фр.*) — эссе.

⁸⁶ О *Байкове* сведений у комментатора нет.

⁸⁷ *Schlachtensee bei Berlin. Kurstrasse 3* (*нем.*) — Шлахтензее под Берлином. Кюрштрассе 3.

⁸⁸ *С. И. Чацкина* — не установлена.

⁸⁹ «*sich etwas zur Gegebenheit bringen*» (нем.) — «как нечто данное обнаруженное».

⁹⁰ *Schauen* (нем.) — созерцание.

⁹¹ *Трубецкой* Сергей Николаевич (1862 — 1905) — князь, философ, публицист и общественный деятель; первый выборный ректор Московского университета.

⁹² «Ушедшие» и «оставшиеся» — имеются в виду те преподаватели университета, кто последовал за Мануйловым, и те, кто остались работать в нем.

⁹³ *Котляревский* Сергей Андреевич (1873 — 1941?) — историк, общественный деятель, приват-доцент Московского университета.

⁹⁴ Упоминается статья И. А. Ильина «Идея личности в учении Штирнера. Опыт по истории индивидуализма», опубликованная в журнале «Вопросы философии и психологии» (1911. № 22. Кн. 106(2).

⁹⁵ *Leistung* (нем.) — хорошо выполненная работа.

⁹⁶ *quam potest velociter* (лат.) — с необычайной быстротой.

⁹⁷ *Зиммель* Георг (1858 — 1918) — немецкий философ-идеалист, социолог, представитель философии жизни, основоположник так называемой формальной социологии.

⁹⁸ Л. А. Кассо.

⁹⁹ *Предилекция* (от фр. predilection — предпочтение) — расположение к кому-либо.

¹⁰⁰ *Fichte. Ueber das Wesen des Gelehrten. Bestimmung des Gelehrten; Steffens. Über die Idee der Universitäten; Schleiermacher. Gedanken über Universitäten; Schelling. Ueber das Wesen des akademischen Unterricht* (нем.) — Фихте. О сущности ученых. Предназначение ученых; Штеффенс. Об идее университета; Шлейермахер. Мысли об университете; Шеллинг. О сущности академического преподавания.

¹⁰¹ В о к а ч Н. Зигварт и проблема логики // Вопросы философии и психологии. — Кн. 109 (IV), 110(V). — М., 1911.

¹⁰² Дата не указана. Скорее всего, письмо написано позже 1 декабря 1911 г. и раньше февраля 1912 г.

¹⁰³ Имеется в виду Любовь Ивановна Гуревич.

¹⁰⁴ *eo ipso* (лат.) — этим самым.

¹⁰⁵ *Крейн Кук* — сын известного композитора Крейна Александра Абрамовича (1883 — 1951), автора балета «Лауренсия».

¹⁰⁶ *Росмер* Иоганн — литературный персонаж.

¹⁰⁷ Без даты. Штемпель отправления 1.7.12, получения — 9.7.12.

¹⁰⁸ Мария Андреевна Муромцева.

¹⁰⁹ *ausgeschlossen* (нем.) — (буквально) закрыто на замок.

¹¹⁰ *Гриша* — Григорий Яковлевич Гуревич (1872 — 1947) — брат Л. Я. Гуревич.

¹¹¹ *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873 — 1924) — русский поэт. В то время заведовал отделом поэзии в журнале «Русская мысль».

¹¹² *Лужский* (Калужский) Василий Васильевич (1869 — 1931) — артист МХАТа, режиссер, педагог.

¹¹³ *Качалов* (Шверубович) Василий Иванович (1875 — 1948) — знаменитый актер МХАТа.

¹¹⁴ *Крэг* Генри Эдуард Гордон (1872 — 1966) — английский режиссер, теоретик театра.

¹¹⁵ *Герье Владимир Иванович* (1837 — 1919) — русский историк, *Евдокия Ивановна* — его жена.

¹¹⁶ Имеются в виду «Записки» А. О. Смирновой о Пушкине.

¹¹⁷ Имеются в виду *Станкевич* Николай Владимирович (1813 — 1840) — русский общественный деятель, философ и поэт, и его брат *Станкевич* Александр Владимирович (1821 — 1912) — известный просветитель и критик.

¹¹⁸ *Андреев* Леонид Николаевич (1871 — 1919) — русский писатель. Речь идет о его пьесе «Екатерина Ивановна».

¹¹⁹ Рецензия И. А. Ильина «Екатерина Ивановна» опубликована под псевдонимом «Н. Костомаров» в газете «Русская молва» (СПб., 1912. № 13).

¹²⁰ *Южин* (Сумбатов) Александр Иванович (1857 — 1927) — драматург, актер и руководитель (с 1909 г.) Малого театра.

¹²¹ *incredibile aspectu* (лат.) — невиданное.

¹²² *Кизеветтер* Александр Александрович (1866 — 1933) — историк, политический деятель.

¹²³ *Игнатов* Илья Николаевич (1858 — 1921) — критик, публицист; постоянный сотрудник и один из редакторов (1907 — 1914) газеты «Русские ведомости».

¹²⁴ *Беляев* Юрий Дмитриевич (1876 — 1917) — драматург, театральный критик, сотрудник газеты «Новое время».

¹²⁵ *Германова* (Красовская) Мария Николаевна (1884 — 1940) — драматическая актриса.

¹²⁶ Имеется в виду работа о Боттичелли.

¹²⁷ *Волькенштейн* Владимир Михайлович — не установлен.

¹²⁸ *Шапиро* — не установлен.

¹²⁹ О *Сторицыне* сведений у комментатора нет.

¹³⁰ О *Адрианове С. М.* сведений у комментатора нет.

¹³¹ *Челпанов* Георгий Иванович (1862 — 1936) — психолог, философ, логик. *Хвостов* Вениамин Михайлович (1868 — 1920) — философ, юрист, профессор римского права в Московском университете. *Шершеневич* Габриэль Феликсович (1863 — 1912) — юрист, профессор Московского университета.

¹³² О Степуне Федоре Августовиче см. коммент. 94 в письмах Ильина к П. Н. Врангелю.

¹³³ *en bloc* (фр.) — целиком, в целом, не входя в подробности.

¹³⁴ *ad libitum* (лат.) — как угодно, по желанию, на выбор.

¹³⁵ *Сулержицкий* Леонид Антонович (1872 — 1916) — русский общественный и театральный деятель, режиссер, один из организаторов и руководителей 1-й Студии МХТ.

¹³⁶ *Бердяев* Николай Александрович (1874 — 1948) — религиозный философ, публицист, общественный деятель. На обороте открытки портрет Н. А. Бердяева. Возможно, это рисунок И. А. Ильина.

¹³⁷ Вероятно, сын редактора-издателя «Вестника Европы» Стасюлевича Михаила Матвеевича (1826 — 1911).

¹³⁸ Имеется в виду диссертация И. А. Ильина о философии Гегеля.

¹³⁹ *Гидулянов* Павел Васильевич (1874 — 1937) — профессор церковного права.

¹⁴⁰ Виссарион Гуревич уехал за границу, и Любовь Ивановна долго не знала о судьбе сына.

¹⁴¹ *Шаховской* Дмитрий Иванович (1861 — 1939) — князь, земский деятель, публицист, один из лидеров кадетов.

¹⁴² *Жуковский* Дмитрий Евгеньевич (1883 — 1968) — издатель, переводчик философской литературы, философ и помещик. Свои довольно большие средства он тратил на издание двух журналов: «Вопросы Жизни» и «Освобождение». Был женат на родственнице Наталии Николаевны Ильиной — поэтессе Аделаиде Казимировне Герцык.

¹⁴³ *Родзянко* Михаил Владимирович (1859 — 1924) — политический деятель, один из лидеров октябристов.

¹⁴⁴ *Земский Союз* — всероссийская организация, созданная в июле 1914 г. для помощи правительству в организации снабжения русской армии.

¹⁴⁵ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863 — 1920) — князь, религиозный философ, правовед, общественный деятель.

¹⁴⁶ *Рачинский* Григорий Алексеевич (1859 — 1939) — литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве.

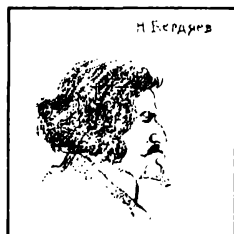
¹⁴⁷ *de rebus omnibus* (лат.) — обо всех делах, обо всех обстоятельствах.

¹⁴⁸ *Булгаков* Сергей Николаевич (1871 — 1944) — философ, богослов, экономист, критик, публицист.

¹⁴⁹ *Маклаков* Василий Алексеевич (1869 — 1957) — один из лидеров кадетов, адвокат.

¹⁵⁰ *Ледницкий* Александр Робертович (1866 — 1934) — юрист, член Совета присяжных поверенных.

¹⁵¹ *Эрн* Владимир Францевич (1882 — 1917) — религиозный философ, историк философии, публицист.

¹⁵² *Давыдов* (Давидов) Иосиф Александрович (1866 — 1942) — экономист, философ-эмпириомонист.

¹⁵³ *Иванов* Вячеслав Иванович (1866 — 1949) — поэт, драматург, филолог-классик, теоретик символизма.

¹⁵⁴ *Егоров* Дмитрий Николаевич (1878 — 1931) — историк, преподаватель всеобщей истории и истории искусств гимназии Шелапутина, Высших женских курсов, Университета Шаняевского, Московского коммерческого института. В 1928 г. член-корреспондент АН СССР. В 1930 г. арестован и сослан в Ташкент.

¹⁵⁵ *Гершензон* Михаил Осипович (1869 — 1925) — русский историк литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик.

¹⁵⁶ Процесс, проходивший в 1913 г. над *Бейлисом* Менделем Тевье (1874 — 1934), обвиненным в ритуальном убийстве мальчика-христианина Андрея Юшинского, разделил русское общество на противников и сторонников подсудимого; среди выступивших в его защиту были Горький, Короленко, Мережковские.

¹⁵⁷ *Белинский* Виссарион Григорьевич (1811 — 1848) — русский радикальный литературный критик и публицист.

¹⁵⁸ Лекция Эрна «От Канта к Круппу» впервые была опубликована в журнале «Русская мысль» (1914. № 12).

¹⁵⁹ *Л.* — может быть, Луарсаб?

¹⁶⁰ *Гриша* — Григорий Яковлевич Гуревич.

¹⁶¹ *О. В.* — жена Григория Гуревича?

¹⁶² *Дистинкция* (от *фр.* distinction) — различие.

¹⁶³ *ad oculos* (*лат.*) — открытыми глазами.

¹⁶⁴ *Oderint, dum Metuant!* (*лат.*) — Пусть ненавидят, лишь бы меня боялись.

¹⁶⁵ *Скрябин* Александр Николаевич (1871 — 1915) — композитор и пианист.

¹⁶⁶ *Мултанское дело* — процесс 1892 — 1896 гг. над группой крестьян-удмуртов села Старый Мултан Вятской губ. по обвинению в убийстве с ритуальной целью. В защиту обвиняемых выступили В. Г. Короленко и А. Ф. Кони. Подсудимые были оправданы.

¹⁶⁷ *Метнер* Николай Карлович (1879 — 1951) — композитор, пианист, автор книги «Муза и Мода».

¹⁶⁸ *лукративность* (от *лат.* lucrativus) — приносящее пользу, дающее прибыль, доход.

¹⁶⁹ *Гессен* Сергей Иосифович (1887 — 1950) — философ, соредактор журнала «Логос», теоретик педагогики.

¹⁷⁰ *Религиозно-философское общество* в Санкт-Петербурге — Петрограде (1907 — 1917) создано при участии Бердяева, Булгакова, Розанова, Карташева, Струве.

¹⁷¹ Позже Ильин напишет и прочтет лекцию «Драма Пушкина «Моцарт и Сальери» (см. настоящее Собрание сочинений. Т. 6. Кн. II).

¹⁷² Работа Н. Н. Вокач «Боттичелли» впервые была опубликована в журнале «Русская мысль» в 1915 г. (см. также настоящее Собрание сочинений. Т. 6. Кн. I).

¹⁷³ *Аридовы веки* (от *лат.* *igidus* — сухой, иссохший, скудный, жесткий, невежественный) — жестокие, безблагодатные времена.

¹⁷⁴ *Готье* Юрий Владимирович (1873 — 1943) — историк, профессор Московского университета, директор библиотеки Румянцевского музея.

¹⁷⁵ *Железнов* Владимир Яковлевич (1869 — 1933) — русский экономист буржуазно-демократического направления.

¹⁷⁶ О Н. Н. *Шапошикове* сведений у комментатора нет.

¹⁷⁷ *Винавер* А. М. — по-видимому, брат известного кадетского политического деятеля М. М. Винавера.

¹⁷⁸ И. А. Ильину удалось выпустить только пять брошюр: «Партийная программа и максимализм», «О сроке созыва Учредительного собрания», «Порядок или беспорядок?», «Демагогия и провокация», «Почему «не надо продолжать войну?».

¹⁷⁹ Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

¹⁸⁰ Анна Яковлевна Гуревич действительно была большевичкой. Конец ее жизни трагичен: вместе с сестрой Екатериной она умерла от голода в 1942 году в блокадном Ленинграде.

¹⁸¹ *grand et genereux! N'est ce pas!* (*фр.*) — возвышено и щедро! не так ли!

ПИСЬМА К Л. И. ГУРЕВИЧ (ИЛЬИНОЙ)

Четыре письма И. А. Ильина к родной тете Любове Ивановне Гуревич (Ильиной) находятся в РГАЛИ (ф.131, д. 3, ед. хр. 299, 7 л.). Полностью публикуются впервые.

¹ 17 сентября по ст. ст. — день памяти мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

² *Яша* — Яков Яковлевич Гуревич (1871 — ?), сын Любви Ивановны.

³ Александр Иванович Ильин (1851 — 1921) — присяжный поверенный, крестник императора Александра II, землевладелец в Рязанской губернии, толстовец. При советской власти работал начальником канцелярии Московского университета. Умер 20 ноября 1921 г. от кровоизлияния в мозг на 71-м году жизни. Похоронен на Введенском кладбище.

⁴ Много лет спустя двухтомная монография о философии религии получит название «Аксиомы религиозного опыта». Ее 19-я глава называется «О религиозной искренности». Впервые работа опубликована в Париже в 1953 г.

⁵ Любовь Ивановна умерла 9 декабря 1922 г. после продолжительной болезни. В семейном архиве Ираклия Андроникова хранятся ее предсмертные фотографии, на которых она предстает очень мудрой и глубоко нравственной женщиной.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

¹ Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864 — 1940) — русский педагог, писатель, издатель. Автограф письма И. А. Ильина хранится в РГАЛИ (ф. 122, оп. 1, ед. хр. 635, лл. 1 — 3). Публикуется впервые.

² И. И. Горбунов-Посадов с 1897 по 1925 г. был руководителем издательства «Посредник».

³ «*Discours: si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs?*» (фр.) — «Речь: способствует ли восстановление наук и искусств улучшению нравов?»; «*Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes*» (фр.) — «Речь о происхождении и причине неравенства между людьми».

⁴ Магистерская работа И. А. Ильина 1906 г. называлась «Идея общей воли у Жан-Жака Руссо» (не опубликована).

⁵ *Эльсбахер* — авторское написание фамилии Эльсбихер.

⁶ Этот перевод книги Эльсбихера был передан в 1919 г. в издательство М. и С. Сабашниковых.

⁷ *Сабашников* Михаил Васильевич (1871 — 1943) и его брат *Сабашников* Сергей Васильевич (1873 — 1909) — русские издатели. Основали в Москве издательство, выпускавшее в 1891 — 1930 гг. преимущественно естественнонаучные и историко-литературные книги.

⁸ *Гольштейн* Александра Васильевна (1849 — 1937) — в конце XIX — начале XX в. хозяйка модного литературного салона, где бывали ведущие французские писатели и поэты, а также и русские, живущие в Париже. Автограф письма хранится в Бахметьевском архиве (Bakmeteff Archive. Ms Coll Gol'shtein), находящемся в Колумбийском университете (США). Публикуется впервые.

⁹ Автографы писем № 3 — 5 находятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (М 7290/35, шифр Герье, картон 44, ед. хр. 69, 6 л.). Публикация осуществлена при содействии ныне покойного заведующего рукописным отделом РГБ Виктора Яковлевича Дерягина, предоставившего их для воспроизведения в настоящем Собрании сочинений. Печатаются впервые по автографам.

¹⁰ Сведений о *Молламе* комментатор не имеет.

¹¹ «*System der Sittlichkeit*» (нем.) — «Система нравственной морали».

¹² «*Kritik der Verfassung Deutschlands*» (нем.) — «Критика упущений Германии».

¹³ *Nachlass* (нем.) — наследие.

¹⁴ *Vorwort* (нем.) — предисловие.

¹⁵ *Барсукова* З. И. — дочь Ивана Платоновича Барсукова (1841 — 1906), русского историка и этнографа.

¹⁶ *Ллойд Джордж* Дэвид (1863 — 1945) — английский политический деятель, лидер Либеральной партии, министр торговли (1905 — 1908), министр финансов (1908 — 1915), премьер-министр (1916 — 1922) Великобритании.

¹⁷ *Немирович-Данченко* Василий Иванович (1848/1849 — 1936) — русский писатель. В указанный период был военным корреспондентом. Родной брат основателя МХАТа Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

¹⁸ *Самсон* в Библии описан как богатырь, обладавший необычайной силой, таящейся в его волосах. Его возлюбленная филистимлянка Далила остригла у спящего героя волосы и тем самым лишила силы. Она позвала филистимлянских воинов, которые ослепили его и заковали в цепи. Когда волосы Самсона отросли и к нему вернулась былая мощь, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне и он сам.

¹⁹ *Елена Владимировна и София Владимировна* — дочери В. И. Герье.

²⁰ *quousque Tandem* (лат.) — до каких же пор, наконец? (слова Цицерона).

²¹ *fata nolentem Trahunt* (лат.) — судьбу не желающие влачат.

²² Ильин имеет в виду второе издание этой книги (СПб., 1914).

²³ *confessiones* (фр.) — признания.

²⁴ *quod est communicandum* (лат.) — о чем можно сообщить.

²⁵ *Сухомлинов* Владимир Александрович (1848 — 1926) — русский генерал от кавалерии, в 1909 — 1915 гг. военный министр. В 1916 г. арестован за неподготовленность русской армии к войне и приговорен в 1917 г. к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости.

²⁶ Автографы писем (№ 6 — 9) находятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 167, Э. К. Метнер, картон 14, ед. хр. 16, 6 л.). Публикуются впервые.

Метнер Эмилий Карлович (1872 — 1936) — музыкальный критик, журналист, философ; руководитель издательства «Мусагет».

²⁷ *ens reale* (лат.) — настоящая вещь.

²⁸ Речь идет о работе Э. К. Метнера «Размышления о Гете. Книга первая. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (М.: Мусагет, 1914).

²⁹ *ist evident* (нем.) — является очевидным. Имеется в виду Наталия Николаевна.

³⁰ *Шестакова Оля* — лицо неустановленное.

³¹ Имеется в виду Николай Карлович Метнер — брат Эмилия Карловича, композитор и друг И. А. Ильина.

³² *Scherzgeschenk* (нем.) — забавный подарок.

³³ Бугаев *Борис Николаевич* (псевдоним Андрей Белый) (1880 — 1934) — поэт, писатель, теоретик символизма.

³⁴ *Штейнер Рудольф* (1861 — 1925) — немецкий философ, основатель (1913) и руководитель Антропософского общества.

³⁵ *бламаже* (фр. blanc — manger) — здесь: удовольствие.

³⁶ *Метнер* Карл Петрович (1846 — 1921) — отец Э. К. и Н. К. Метнеров; один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика».

³⁷ *Метнер* (урожденная Братенши) Анна Михайловна (1877 — 1965) — скрипачка, жена Э. К. Метнера, позднее — жена Н. К. Метнера.

³⁸ Под пасквилом Ильин подразумевает книгу Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете» (М.: Духовное знание, 1917. 263 с.).

³⁹ Имя адресата выяснить не удалось.

⁴⁰ Начало 1917 г.

⁴¹ В конце машинописного текста приписка (по-видимому, Веры Карловны Метнер):

«Посылаю тебе это письмо Ильина к Трубецкому. Третьего дня послала тебе мое письмо. Скоро напишу еще. Пока, целую тебя.

Москва. 3/V. 17 г.

Вера».

⁴² Настоящее письмо перепечатано из книги: Г о т ь е Ю. В. Мои заметки.— М., 1997. — С. 561 — 562.

⁴³ *Полянский* Николай Николаевич (1878 — 1961) — юрист, специалист по уголовному праву, профессор Московского университета, а в 1919 — 1920 гг. — Ярославского университета.

⁴⁴ *Гернет* Михаил Николаевич (1874 — 1953) — юрист, профессор уголовного права Московского университета.

⁴⁵ *Фельдштейн* Михаил Соломонович — не установлен.

⁴⁶ *консумирует свой первый фриштык* — здесь: потребляет свой первый завтрак.

⁴⁷ *Грушка* Аполлон Аполлонович (1869 — 1929) — филолог, профессор классической филологии Московского университета, декан историко-филологического факультета.

⁴⁸ *liber lectu plane iucundus et elegans (lat.)* — рукопись легко читаемая, приятная и изящная.

⁴⁹ *θεοειδής (греч.)* — богоподобный.

1922 — 1938 (ГЕРМАНИЯ)

ПИСЬМА К П. Б. СТРУВЕ И ДРУГИМ СОТРУДНИКАМ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

В настоящей подборке писем собраны материалы из четырех разных источников, объединенные одной темой и расположенные в хронологическом порядке. Впервые публикуются письма, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) (выражаем благодарность заведующей отделом «Русской эмиграции» Лидии Ивановне Петрушевой за предоставление материалов для воспроизведения в Собрании сочинений И. А. Ильина). Здесь печатаются ранее изданные, но малодоступные широкому читателю письма из

Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, штат Калифорния, США) (АГИВ) — опубликованы проф. Н. П. Полторацким в «Записках русской академической группы в США» (Т. XIX. New York, 1986. С. 308 — 372), письма из частного архива Струве (Париж) — опубликованы Н. А. Струве вместе с предыдущей частью в «Вестнике русского Христианского движения» (№ 171. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1995. С. 87 — 146) и несколько писем, опубликованных Н. П. Полторацким в своей монографии «Иван Александрович Ильин: жизнь, труды, мировоззрение» (Тенау. N. J., 1989. С. 142 — 148). Печатаются по указанным источникам.

Это самая полная на сегодняшний день подборка писем. Вместе они публикуются впервые. Принципиальные комментарии Н. П. Полторацкого, Г. П. Струве, Н. А. Струве мы оставляем с упоминанием об этом.

¹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 16 — 19 об. Автограф. На письме пометка рукой П. Б. Струве: «Дан ответ».

² *de rebus omnibus* (лат.) — о многих вещах.

³ *Curriculum vitae* (лат.) — жизненный путь.

⁴ *rebus sic stantibus* (лат.) — при теперешнем положении.

⁵ *rebus aliter stantibus* (лат.) — если положение изменится.

⁶ Франк Семен Людвигович (1877 — 1950) — русский религиозный философ.

⁷ Философы С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и историк А. А. Кизеветтер вместе с И. А. Ильиным и многими другими философами, учеными и литераторами были высланы из Советской России на пароходе «Oberbürgermeister Hagen» 26 сентября 1922 г.

⁸ *Религиозно-философская академия* была создана Н. А. Бердяевым в Берлине, но развернула свою активную деятельность с 1924 г. в Париже, куда он переехал.

⁹ Под американско-христианским союзом Ильин подразумевает ИМКУ (YMCA — Young Men's Christian Association) — внеконфессиональную организацию, основанную в Лондоне Джорджем Вильямсом в 1844 г. и переехавшую в Бостон (США) в 1851 г. Ее лидером стал Двайт Мооди. ИМКА ставила своей целью помощь в общении христианских организаций.

¹⁰ Русский научный институт в Берлине открыт 17 февраля 1923 г. Директором его был проф. Ясинский Всеволод Иванович (1884 — 1933). В организационный комитет входили Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, Б. Д. Бруцкус, Е. Л. Зубашев, И. А. Ильин, А. Ю. Каминка, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, Н. О. Лосский, В. Н. Одинцов, С. Н. Прокопович, В. В. Стратонов, А. И. Угринов, А. А. Чупрунов, С. Л. Франк. Большинство профессоров были высланы из Советской России.

¹¹ Голландское отделение YMCA.

¹² *eventuell* (нем.) — при случае.

¹³ *Kommunisten-Putsch* (нем.) — коммунистический путч.

¹⁴ *faciant aliter volentes* (лат.) — пусть желающие делают иначе.

¹⁵ Наталия Николаевна Ильина.

¹⁶ *sua sponte* (лат.) — по своему желанию.

¹⁷ *ohne seines gleichen* (нем.) — не имеющий себе равных.

¹⁸ *Прокопович* Сергей Николаевич (1871 — 1955) — русский экономист, социал-демократ, министр Временного правительства, один из создателей в 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим.

¹⁹ *Мякотин* Венедикт Александрович (1867 — 1937) — русский историк.

²⁰ *Порт-пароль* (фр. *porte-parole*) — глашатай, рупор.

²¹ *Antrag* (нем.) — предложение.

²² В начале сентября 1921 г. после ухода в отставку с поста Управляющего внешними сношениями в правительстве ген. П. Н. Врангеля и выезда в Константинополь Петр Бернгардович Струве решил возобновить за рубежом выпуск журнала «Русская Мысль», редактором-издателем которого он был с 1910 по 1918 г. Издание журнала вначале было организовано в Софии, с 1922 г. было перенесено в Прагу, а в 1927 г. вышел один номер в Париже.

²³ В это время Павел Иванович Новгородцев жил в Праге.

²⁴ ГАРФ, ф. 5912, оп. № 1, ед. хр. 60, лл. 3 — 4 об. Автограф.

²⁵ И. А. Ильин болел катаром верхушек легких.

²⁶ *Kommt Zeit, kommt Rath, kommt Gurken-Salat* (нем.) — поживем — увидим.

²⁷ Сергей Николаевич *Булгаков* в 1918 г. принял сан священника. 30 декабря 1922 г. в числе других известных представителей русской интеллигенции по распоряжению Ленина был выслан в Турцию. Это не согласуется с датой письма, хотя по содержанию оно ничему не противоречит, так как в нем речь идет о возможном отдыхе в декабре и возможном открытии Русского научного института в январе. Следовательно, письмо написано в декабре 1922 г. Возможно, Ильин пользуется слухами, которые частично оправдались. На самом деле Булгакова арестовали в октябре 1922 г. и доставили в Симферополь, где сообщили о принятом в Москве решении выслать его с семьей за границу. Правда, в Вену Булгаков не поехал, а летом 1923 г. с семьей переселился из Константинополя в Прагу.

²⁸ *Лосский* Николай Онуфриевич (1870 — 1965) — русский философ.

²⁹ *Карсавин* Лев Платонович (1882 — 1952) — русский религиозный философ, историк-мидеевист и богослов. В 1922 г. выслан из Советской России. В Берлине профессор Русского научного института (1923 — 1926). В 1925 г. примкнул к евразийцам, а в 1926 г. стал основным теоретиком парижского, левого крыла евразийцев.

³⁰ *und mehrere noch* (нем.) — и многие другие.

³¹ *Трубецкой* Григорий Николаевич (1873 — 1931) — дипломат, церковный деятель и публицист.

³² *Яковенко* Борис Валентинович (1884 — 1948) — философ-трансценденталист, историк философии.

³³ Речь идет о журнале «Логос», восстановленном Яковенко вместе с С. Гессеном и Ф. Степуном в 1915 г. (вышел только один номер).

³⁴ Струве *Нина Александровна* (урожденная Герд) (1867 — 1943) — жена П. Б. Струве.

³⁵ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 5 — 5 об. Автограф.

³⁶ По-видимому, Ильин пишет о своей речи «Основные задачи правоведения в России», опубликованной в декабрьском номере журнала «Русская Мысль» (1923).

³⁷ *Мартов* (Цедербаум) Юлий Осипович (1873 — 1923) — революционер, лидер меньшевиков, с 1920 г. эмигрант.

³⁸ *Кускова* Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева) (1869 — 1958) — политический и общественный деятель, публицист и мемуарист, жена С. Н. Прокоповича. В 1922 г. выслана за границу вместе с мужем.

³⁹ *Гессен* Иосиф Владимирович (1865/1866 — 1943) — юрист, один из основателей кадетской партии, член ее ЦК, депутат II Государственной Думы, журналист, главный редактор берлинской газеты «Руль».

⁴⁰ *Марков* 2-й Николай Евгеньевич (1866 — 1945) — депутат III и IV Государственной Думы, один из основателей «Союза русского народа», в эмиграции Председатель Высшего Монархического Совета.

⁴¹ *inclusive* (фр.) — включающий в себя.

⁴² *Изгоев* Александр Соломонович (Лянде Арон) (1872 — 1935) — публицист, член ЦК кадетской партии, в 1922 г. выслан из Советской России, вел раздел «Советский жемчуг» в газете «Руль».

⁴³ Заметка опубликована в газете «Руль» (1923).

⁴⁴ *реприманд* (фр. *reprimande*) — выговор, внушение.

⁴⁵ Предполагалось, что в первом семестре проф. П. Б. Струве будет читать курс «История русского народного хозяйства (экономика) в XIX веке».

⁴⁶ Имеется в виду Главное Командование Русской армией во главе с П. Н. Врангелем.

⁴⁷ *Бруцкус* Борис (Бер) Давидович (1874 — 1938) — экономист, агроном, публицист. В 1922 г. выслан из Советской России. Руководил исследованиями советского хозяйства и аграрной политики в Русском научном институте в Берлине. В 1935 г. эмигрировал в Палестину.

⁴⁸ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, л. 6 — 7 об. Автограф.

⁴⁹ Струве *Глеб Петрович* (1898 — 1986) — сын П. Б. Струве и его помощник по изданию журнала «Русская Мысль» и парижской газеты «Возрождение».

⁵⁰ Речь идет о статье «Основные задачи правоведения в России».

⁵¹ *элиминировать* (лат. *eliminare*) — исключать.

⁵² Упоминается статья «Духовная культура и ее национальные вожди. Памяти кн. Евгения Н. Трубецкого» (Русская Мысль. Кн. 1. Прага; Париж, 1923).

⁵³ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 8 — 9 об. Автограф. На письме пометка рукой П. Б. Струве: «Дан ответ».

⁵⁴ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1888 — 1940) — журналист, историк, автор двухтомной монографии «Царствование императора Николая II».

⁵⁵ *Тальберг* Николай Дмитриевич (1886 — 1967) — юрист, деятель правого русского зарубежья, секретарь Высшего Монархического Совета, публицист, постоянный автор печатного органа монархистов «Двуглавый Орел», ряда очерков по истории Русской Церкви.

⁵⁶ *тенеброзно* (от фр. *ténébreuse*) — темно, сумрачно.

⁵⁷ *Чебышев* Николай Николаевич (1865 — 1937) — сенатор, был близок к ген. Врангелю, соратник П. Б. Струве в газете «Возрождение», автор двухтомных воспоминаний «Близкая даль».

⁵⁸ *Кеппен* Борис Густавович фон — барон, деятель правого русского зарубежья. Состоял членом Русского Народно-Монархического Совета, возглавляемого Е. А. Ефимовским, в июне 1924 г. был избран в Высший Монархический Совет, в 1925 г. финансировал издание знаменитой книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою».

⁵⁹ *грюндерствовать* — от нем. *Gründer* — основатель, учредитель; *Gründertum* — грюндерство, лихорадка предпринимательства. Грюндерство — лихорадочно-спешное учредительство в спекулятивных целях предприятий, акционерных обществ и т. п. Сопровождается созданием дутых предприятий, биржевой игры на повышение курса акций и другими мошенничествами.

⁶⁰ *Ламарк* — личность не установлена.

⁶¹ *Шульгин* Василий Васильевич (1878 — 1937) — русский монархист, член Государственной Думы, политический деятель правой русской эмиграции, сотрудник газеты «Возрождение».

⁶² *Савицкий* Петр Николаевич (1895 — 1968) — экономист-географ, историк, философ, поэт. Состоял в администрации Деникина и Врангеля в правительстве Юга России, в 1920 г. направлен в Константинополь, откуда уехал в Болгарию. В конце 1921 г. пересек в Прагу, преподавал экономику и статистику на кафедре Русского юридического факультета. Один из организаторов и идеологов евразийского движения.

⁶³ *Совет послов* — находящееся в зарубежье (Франция) объединение дипломатов Временного правительства, где были сосредоточены определенные денежные средства, которые оно отказалось предоставить для нужд эвакуированной Русской армии. Считая себя преемником законной российской власти, Совет послов не признавал этого права за генералом Врангелем, что устраивало правительства Антанты.

⁶⁴ Упоминается работа «Проблема современного правосознания» (Берлин, 1923).

⁶⁵ В газетах «Дни» и «Последние новости».

⁶⁶ *Керенский* Александр Федорович (1881 — 1970) — бывший премьер Временного правительства, в эмиграции редактор берлинской ежедневной газеты «Дни».

⁶⁷ *Миллюков* Павел Николаевич (1859 — 1943) — историк, политический деятель, член Государственной Думы, в эмиграции возглавлял «Республиканское Демократическое Объединение», редактор парижской ежедневной газеты «Последние новости».

⁶⁸ *уан паунд* (англ. — one pound) — один фунт стерлингов.

⁶⁹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 1 — 2. Автограф. Дата в письме ошибочна: действительная дата 1923 г., так как в апреле 1922 г. И. А. Ильин был еще в Москве.

⁷⁰ *Лева* — Лев Петрович Струве, сын П. Б. Струве, скончался в 1927 г. в Давосе от туберкулеза в возрасте 26 лет.

⁷¹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, л. 12. Автограф.

⁷² Евразийство как правое идеологическое движение в русской эмиграции, возглавляемое П. П. Сувчинским, П. Н. Савицким, кн. Н. С. Трубецким и другими, понимавшее враждебность и предательство Запада по отношению к России, в частности враждебность католицизма, естественно, импонировало Ильину: он дал положительный отзыв на евразийский сборник статей «Россия и латинство» (Берлин, 1923). (Первый сборник — «Исход к Востоку» был выпущен в Софии в 1921 г.) В нем помещены статьи Савицкого, Сувчинского, П. М. Бицилли, Георгия Вернадского, кн. Н. С. Трубецкого, А. В. Карташева, Г. В. Флоровского, В. Н. Ильина. Однако в поисках своей национальной ниши евразийцы, по выражению самого Ильина, пожертвовали рускостью в пользу «чингисханства»: переоценили роль татаро-монгольского ига в истории Руси и ее народа. В своем отторжении Запада евразийцы находили временного союзника в лице большевиков, и это было неприемлемо для Ильина; ибо он предвидел вмешательство агентов ГПУ в это движение, что и произошло на самом деле. Отметим также, что со своей стороны евразийцы пыгались привлечь И. А. Ильина к сотрудничеству и он мог бы возглавить это идеологическое движение. Но руководство движения понимало, что идеология и сильная воля И. А. Ильина могут изменить их исходное направление (что было верно), и предпочло ему более мягкого человека — Л. П. Карсавина.

⁷³ Его книга «Диалоги» вышла в издательстве «Обелиск» в Берлине (1923). И. А. Ильин дал уничтожающую критику этой работы в «Русской Мысли» (1923. Кн. 3 — 5. С. 406 — 408).

⁷⁴ В журнале-сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (под ред. Н. Бердяева. Берлин, 1923) была помещена речь И. А. Ильина на защите его докторской диссертации (1918) «Философия и жизнь».

⁷⁵ *Коган* Александр Эдуардович — организатор на базе художественного издательства «Русское искусство» журнала «Жар-птица» (Париж; Берлин, 1921 — 1926) и руководитель его берлинского отделения.

⁷⁶ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 15 — 15 об. Автограф.

⁷⁷ Речь Ильина «Государственный смысл белой армии» была опубликована позже в «Русской Мысли» (Кн. 9 — 12. Прага; Париж, 1923/24).

⁷⁸ Более точно: Русские ведомости. — № 249. — 1917. — 14/27 нояб. — С. 2.

⁷⁹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 136. Автограф.

⁸⁰ Имеется в виду речь, произнесенная в Берлине 19 ноября 1923 г. См. предыдущее письмо.

⁸¹ Посвящение Петру Бернгардовичу Струве в публикации речи осталось.

⁸² ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 148 — 149. Автограф.

⁸³ Неясно, о ком идет речь.

⁸⁴ *Хрипунов* Алексей Степанович — член парижского Всероссийского общественного комитета помощи голодающим в России (1921), главный уполномоченный и председатель комитета Всероссийского земского союза, председатель правления Общества взаимного кредита «Союз», казначей Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея.

⁸⁵ *Шлиппе* Федор Владимирович фон — барон, особоуполномоченный Российского общества Красного Креста, бывший председатель Московской уездной земской управы, председатель Земскогородского союза в Берлине.

⁸⁶ *Татьяна* — имеется в виду студенческий праздник «Татьянин день».

⁸⁷ *sit venia verbo!* (лат.) — с позволения сказать.

⁸⁸ *Гогель* Сергей Константинович (1860 — ?) — русский правовед, профессор Русского научного института в Берлине.

⁸⁹ *Meine Kernige Rede war unzeitgemäss* (нем.) — мои резкие слова были не к месту.

⁹⁰ Экспресс — почтой.

⁹¹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 140. Автограф.

⁹² ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 139. Автограф.

⁹³ Неясно, о какой статье идет речь.

⁹⁴ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 11 — 11 об. Автограф. На письме пометка рукой П. Б. Струве: «Дан ответ предварительно».

⁹⁵ Имеется в виду *Мерано* — климатобальнеологический курорт на севере Италии.

⁹⁶ *Ломшаков* — установить не удалось.

⁹⁷ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 141 — 141 об. Автограф. На открытке вид старинного замка и надпись: Berlin Schlöss, ältester Teil <Берлинский Замок, старинная часть>.

⁹⁸ *Львов* Лоллий Иванович (1888 — 1967) — поэт, журналист, литературный критик, неизменный сотрудник всех изданий П. Б. Струве в эмиграции. После войны работал на радиостанции «Свобода».

⁹⁹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 143. Автограф.

¹⁰⁰ «П. Б. Струве принял было предложение Софийского университета занять кафедру социологии, однако впоследствии от этого отказался». (Примеч. Н. А. Струве.)

¹⁰¹ *Калинников Иосиф* Федорович (1890 — 1934) — редактор ежедневной газеты «Русь» в Софии (1922 — 1928). В то время болгарские коммунисты организовывали провокации против русских из Белой армии, покинувших Турцию и осевших частично в Болгарии.

¹⁰² *Погодин Александр* Львович (1872 — 1947) — историк.

¹⁰³ *Марков О. О.* — не установлен.

¹⁰⁴ *Савченко Илья* Григорьевич (1889 — 1962) — прозаик, критик.

¹⁰⁵ *Садовский Яков* Дмитриевич (1893 — 1925) — экономист. Преподавал в Праге на Русском юридическом факультете.

¹⁰⁶ *Львов Николай* Николаевич (1867 — 1944) — земский деятель, крупный землевладелец. Депутат I, III и IV Государственной Думы.

¹⁰⁷ *honoris causa* (лат.) — за заслуги.

¹⁰⁸ *Манухин Иван* Иванович (1882 — 1958) — врач-терапевт, ученый-иммунолог, радиобиолог. В 1920 г. с помощью ходатайства М. Горького выехал из Советской России за рубеж.

¹⁰⁹ *Бородинство* — неясно, что имеется в виду.

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 144. Автограф.

¹¹¹ *Гучков Александр* Иванович (1862 — 1936) — известный русский политический деятель, лидер октябристов, председатель III Государственной Думы, военный и морской министр Временного правительства.

¹¹² *heraus! heraus!..* — вон! вон!

¹¹³ Неясно, о ком идет речь.

¹¹⁴ Имеются в виду дети П. Б. Струве.

¹¹⁵ Это первое из 57 писем И. А. Ильина к П. Б. Струве, автографы которых хранятся в коллекции Г. П. Струве в Архиве Гуверовского института войны (АГИВ). Здесь мы приводим эту подборку писем по публикации Н. П. Полторацкого в журнале «Записки Русской Академической группы в США» (Т. XIX. New York, 1986. С. 305 — 372).

¹¹⁶ «Приезд Ильина в Париж в это время был связан с предстоящим выходом в свет новой газеты *Возрождение*, под редакцией П. Б. Струве. Первый номер газеты вышел 3 июня 1925 года. К этому событию в жизни русского Зарубежья приурочивалось и публичное выступление И. А. Ильина в Париже». (*Примеч. Н. П. Полторацкого*)

¹¹⁷ *Nansen-Ausweis* — так называемый «нансеновский» паспорт, названный по имени Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена, введенный в 1924 г. За него взимался немалый налог (на нужды эмиграции и на беженские учреждения самой Лиги Наций), но это не устраняло трудности при получении виз, разрешения на работу, при социальной защите русских эмигрантов.

¹¹⁸ *Rückereisesichtvermerk* (нем.) — отметка об обратной поездке.

¹¹⁹ Вырезка из газеты не обнаружена ни в архиве Струве, ни в архиве Ильина.

¹²⁰ Может быть, речь идет о *Миллере* Евгении Карловиче (1867 — 1937) — генерал-лейтенанте, участнике Белого движения на севере

России, в эмиграции начальнике штаба Верховного Главнокомандующего, в 1930 г. ставшем председателем Русского Общевоинского Союза (РОВС).

¹²¹ В. К. — великий князь Николай Николаевич Романов (1856 — 1929) — Верховный Главнокомандующий в 1914 — 1915 гг. С 1922 г. поселился на юге Франции в Антибе. В описываемое время проживал в Шуаньи, под Парижем. С декабря 1924 г. принял на себя верховное руководство русскими военными зарубежными организациями, объединившимися в Русский Общевоинский Союз под председательством генерала П. Н. Врангеля. Был признан «вождем эмиграции» на Всезарубежном съезде в 1926 г. Не признавал «самозванства» великого князя Кирилла Владимировича, издавшего в 1924 г. манифест, в котором провозгласил себя Императором Всероссийским. Молчаливое неприятие и противостояние двух великих князей продолжалось до самой смерти великого князя Николая Николаевича в 1929 г.

¹²² Ильин имеет в виду свое первое выступление в Праге 26 апреля 1925 г. на тему о сопротивлении злу силою «Памяти Л. Г. Корнилова».

¹²³ Автограф телеграммы находится в АГИВ.

¹²⁴ Не упоминайте меня. Невозможно. Иван (фр.).

¹²⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

¹²⁶ *не эксгибируйте* — здесь: не обнажайте, не раскрывайте.

¹²⁷ Речь-доклад И. А. Ильина состоялся в пятницу, 5 июня 1925 г., 8 1/2 часа вечера в помещении Международной конференции производства, мира и порядка.

¹²⁸ Шуточный псевдоним Ильина.

¹²⁹ Автограф письма находится в АГИВ.

¹³⁰ «Русский инвалид» — парижская однодневная (1924 — 1929) и ежемесячная (1930 — 1940) военно-научная и литературная газета.

¹³¹ Автограф письма находится в АГИВ.

¹³² Статья Ильина «Идея Корнилова» вышла в газете «Возрождение» (1925. № 15. 17 июня).

¹³³ Указанные письма в архивах Струве и Ильина отсутствуют.

¹³⁴ *carte pneumatique* (фр.) — письмо, посылаемое по внутренним каналам скорой внутригородской почты в Париже.

¹³⁵ Во втором номере газеты «Возрождение» за 1925 г. Ильин опубликовал статью «Кто мы?». Следующая публикация была в № 15.

¹³⁶ Автограф письма находится в АГИВ.

¹³⁷ Письмо адресовано Зайцеву Кириллу Иосифовичу (1887 — 1975) — главному помощнику П. Б. Струве по работе в редакции «Возрождения» и других газетах. По образованию он юрист, преподавал на юридических факультетах в Праге и Харбине. После смерти жены принял монашество и закончил свои дни как Архимандрит Константин в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

¹³⁸ Речь идет о книге «О сопротивлении злу силою».

¹³⁹ В то время И. А. Ильин был противником евразийского движения.

¹⁴⁰ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁴¹ *Демидов Игорь* Платонович (1873 — 1946) — член ЦК кадетской партии, представитель ее «демократического» крыла, редактор милуковской парижской газеты «Последние новости», на страницах которой опубликовал две статьи: «Творимая легенда» (№ 1585 от 25 июня 1925 г.) и «Путь ученичества» (№ 1591 от 2 июля 1925 г.) против идеи Ильина «о сопротивлении злу силою».

¹⁴² П. Б. Струве опубликовал статью в защиту Ильина в колонке редактора «Дневник политика. 7» (Возрождение. № 24. 1925. 25 июня).

¹⁴³ *Пасманик Даниил* Самойлович (Даниель Бен-Самуэли) (1869 — 1930) — журналист, врач, писатель-мемуарист, член Союза русских литераторов и журналистов в Париже, кадет, после 1921 г. представитель «правого» крыла кадетской партии, специалист по еврейскому вопросу. Опубликовал в варшавской газете «За свободу!» (№ 153. 1925. 13 июня) статью «Черно-белое» против идеи Ильина «о сопротивлении злу силою».

¹⁴⁴ Кольцов Михаил//Омоложенное евангелие//Правда. — № 137 — 1925. — 19 июня.

¹⁴⁵ Книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» вышла в июне 1925 г. тиражом 2000 экз. в частном издательстве барона Б. Г. фон Кеппена и печаталась в типографии общества «Прессе».

¹⁴⁶ Великому князю Николаю Николаевичу.

¹⁴⁷ *Тихон Берлинский* (Ляшенко) (1875 — 1945) — епископ Русской Православной Церкви за границей: с 1924 г. епископ Потсдамский, с 1926 г. архиепископ Берлинский и Германский. В 1938 г. насильно удален в сербский монастырь. Скончался 11 февраля 1945 г. в Потсдаме от отравления (существует версия насильственной смерти).

¹⁴⁸ *Антоний* (Храповицкий Алексей Павлович) (1863 — 1963) — Митрополит Киевский и Галицкий, ректор Московской духовной академии, избранный первым (из трех) кандидатом в патриархи на Всероссийском Церковном Соборе в Москве осенью 1917 г., глава Русской Православной Церкви за границей.

¹⁴⁹ См.: И л ь и н И. А. Иде́нный оползень// Новое время. — № 1281. — 1925. — 7 авг.; № 1282. — 1925. — 8 авг.; № 1283. — 1925. — 9 авг.; № 1284. — 1925. — 11 авг.; № 1285. — 1925. — 12 авг.

¹⁵⁰ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁵¹ «Из собственноручной надписи Ильина в тетради с вырезками из его статей, хранящихся в его архиве, узнаем, что первоначальное название статьи было «Подвиг единения». Струве разделил эту статью на две статьи, снабдив их своими заглавиями. См.: И. Ильин, «Самообуздание и самообладание», *Возрождение*, № 48, 20 июля 1925 г.; и его же «Подвиг патриотического единения», *Возрождение*, № 49, 21 июля 1925 г.» (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

¹⁵² Имеется в виду статья Д. С. Пасманика «Черно-белое», опубликованная в варшавской газете «За свободу!» (№ 153 от 13 июня 1925 г.).

¹⁵³ *Гевалт (идиш)* — караул.

¹⁵⁴ *Марков* Александр Прокофьевич — автор книги об экономическом положении в Советской России, секретарь экономического отделения Русского научного института.

¹⁵⁵ «Отзыв о Маркове» — речь идет о следующем тексте, также хранящемся в бумагах П. Б. Струве (текст написан рукой И. А. Ильина):

«Отзыв

Книга Александра Прокофьевича Маркова «Разверстка и натуральный налог» (Экон. Библиотека Изд. Обелиск Берлин 1923) есть серьезное научное исследование. Оно рассматривает весьма обстоятельно частный вопрос советской экономики. Разрушительная в отношении сельского хозяйства роль советской экономической и финансовой политики выступает в изложении автора необыкновенно ярко. Исследование охватывает период с 1918 по 1922 год и ограничивается южными губерниями, входящими в состав советской Украины. Научное владение материалом, объективность и доказательность исследования, — дают автору полное основание с успехом защитить свою работу в любой русской Академической группе на степень магистра финансовой науки». (Примеч. Г. П. Струве.)

¹⁵⁶ См.: И л ь и н И. А. Отрицателям меча//Возрождение. — № 57. — 1925. — 29 июля.

¹⁵⁷ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁵⁸ Имеется в виду Сергей Сергеевич Ольденбург.

¹⁵⁹ Установить не удалось.

¹⁶⁰ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁶¹ «Очевидно, второй номер — это статья Ильина «Личный опыт», напечатанная в *Возрождении*, № 82, от 23 августа 1925 г. В таком случае первым номером задуманной Ильиным аналитико-идеологической серии была статья «О призвании революции», появившаяся в *Возрождении*, № 72, от 13 августа 1925 г. Третий номер, «Пересмотр идеологии», был напечатан в № 101 газеты, от 11 сентября 1925 г.». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

¹⁶² *Виноградов* Павел Гаврилович (1954 — 1925) — русский историк, профессор Московского университета, академик Российской АН. В 1902 — 1908 гг. и с 1911 г. жил в Великобритании. Автор трудов по средневековой Англии. Профессор Оксфордского университета. В 1917 г. возведен в рыцарское достоинство.

¹⁶³ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁶⁴ Заметка под названием «Среди газет и журналов» напечатана без подписи. См.: *Возрождение*. — № 70. — 1925. — 11 авг. См. также перепечатку в наст. Собр. соч., т. 5, с. 332.

¹⁶⁵ *минюзюзная* (от нем. *Minuzios*) — мелочный, педантичный.

¹⁶⁶ *Вакар* Николай Петрович (1894 — 1970) — член ЦК кадетской партии, заместитель П. Н. Милюкова по газете «Последние новости». Опубликовал две статьи против Ильина: Н. П. В О сопротивлении злу

(на докладе И. А. Ильина)// Последние новости. — № 1571. — 1925. — 9 июня; Вакар Н. По поводу меча// Последние новости. — № 1623 — 1925. — 9 авг.

¹⁶⁷ *Добронравов* (псевд. — Фониц) Леонид Михайлович (1887 — 1926) — русский прозаик, драматург, публицист. Опубликовал в парижском еженедельнике две статьи против Ильина: *Единый путь. Оправдание меча и убийства*// *Родная земля*. — № 26. — 1925. — 10 авг.; *Возрождению*// *Родная земля*. — № 27. — 1925. — 17 авг.

¹⁶⁸ См.: Митрополит Антоний. О книге И. Ильина. О сопротивлении злу силой// *Новое время*. — Белград, 1925. — № 1356. — 4 нояб.; № 1357. — 5 нояб.

¹⁶⁹ *Карташев* Антон Владимирович (1875 — 1960) — богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель, министр исповеданий Временного правительства, профессор Православного богословского института в Париже. Положительный отзыв «И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой» за подписью «А. К.» он опубликовал в парижской газете «*Звено*» (№ 141. 1925. 12 окт.).

¹⁷⁰ *импрессия* (фр. *impression*) — впечатление.

¹⁷¹ *Спекторский* Евгений Васильевич (1875 — 1951) — философ, юрист, публицист, принадлежал к правому крылу умеренной русской эмиграции.

¹⁷² *Алексинский* Григорий Алексеевич (1879 — 1965) — участник российского социал-демократического движения, примыкал к большевикам, депутат II Государственной Думы. В эмиграции с 1918 г. Главный редактор еженедельной общественно-политической и литературной газеты «*Родная земля*», выходившей в Париже с 1925 по 1928 г.

¹⁷³ Г. А. Алексинский и Е. А. Ефимовский вместе с *Филиповым* Александром Ивановичем составляли редакторский триумвират парижской еженедельной правой «*Русской газеты*» (1923 — 1925).

¹⁷⁴ Деян. 10, 11 — 13.

¹⁷⁵ Имеется в виду Зайцев Кирилл Иосифович.

¹⁷⁶ Автограф письма находится в АГИВ. «Г. П. Струве полагал, что это письмо должно идти за письмом от 28 сентября 1925 г. Судя по названиям статей, однако, оно должно предшествовать и ему, и письму от 26 сентября». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

¹⁷⁷ Имеется в виду сын П. Б. Струве Алексей Петрович.

¹⁷⁸ Статья Ильина «*Понять — не простить*» была напечатана в «*Возрождении*»(№ 115 от 25 сентября 1925 г.).

¹⁷⁹ Статья будет редакцией отвергнута. См. ниже коммент. 188.

¹⁸⁰ Сергей Сергеевич Ольденбург и Лоллий Иванович Львов — сотрудники «*Возрождения*».

¹⁸¹ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁸² *Издатель* — барон Б. Г. фон Кеппен.

¹⁸³ «Текст объявления, написанный сбоку от текста письма, вырезан. Вверху пометка «Исполнено». (Примеч. Г. П. Струве.)

¹⁸⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁸⁵ Эта статья И. А. Ильина под названием «Нечестивые споры» была напечатана в «Возрождении» (№ 128 от 8 октября 1925 г.).

¹⁸⁶ *Евразиец* Ильин — Ильин Владимир Николаевич (1891 — 1974) — православный богослов, литургист и историк культуры. С 1925 г. профессор Русской музыкальной академии в Париже и лектор Свято-Сергиевского Богословского института. Один из авторов сборника евразийцев «Россия и латинство».

¹⁸⁷ Автограф письма находится в АГИВ.

¹⁸⁸ Отвергнутая редакцией «Возрождения» статья «Черносотенство» была возвращена автору.

¹⁸⁹ Под «кириллизмом» Ильин подразумевает умонастроения и поведение сторонников великого князя Кирилла Владимировича, которые признавали его претензии на Престол, и делил их, см. ниже, на три категории, две из которых являлись, по его словам, «стадом», а третья — «пастырями».

Великий князь Кирилл Владимирович Романов (1876 — 1938) — внук российского императора Александра II, объявивший себя в эмиграции в 1922 г. Блуждатель Престола, а в 1924 г. — императором Кириллом, что привело к разделению монархистов.

¹⁹⁰ *Снесарев* Николай Васильевич — секретарь довоенной газеты «Новое время». Автор брошюры «Провокация монархизма», которой он обратил на себя внимание великого князя Кирилла Владимировича. Позже разошелся с ним и написал антикириллическую книгу «Кирилл первый. Император кобургский» (б/м., 1925).

¹⁹¹ *Мятлев* Владимир Петрович — писатель, поэт.

¹⁹² *Абрикосов* Владимир — священник, русский католик восточного обряда.

¹⁹³ *д'Эрбиньи* Мишель (1880 — 1957) — француз по происхождению, иезуит, был ректором Восточного института (Pontificio Istituto di Studi Orientali) и советником конгрегации Восточных церквей в Риме. Осенью 1925 г. был отправлен папой Пием XI в Москву. По возвращении в Рим опубликовал свои впечатления о религиозной жизни в русской столице. В 1926 г. по поручению папы снова дважды побывал в Советской России.

¹⁹⁴ Вождем Ильин называет здесь великого князя Николая Николаевича.

¹⁹⁵ Имеется в виду организационная работа по подготовке предстоящего Российского Зарубежного съезда.

¹⁹⁶ *Шебеко* Николай Николаевич (1863 — 1953) — бывший член Государственного Совета и российский посол в Вене, секретарь Организационного комитета по созыву Российского Зарубежного съезда.

Позже возглавил в Париже Конституционно-монархический союз и входил в состав Русского национального комитета.

¹⁹⁷ Н. П. Полторацкий предполагает, что это могла быть статья К. П. «Вести оттуда (из Советской России). От одного корреспондента из Латвии». См.: Возрождение. — № 152. — 1925. — 1 нояб. Стиль ее резко отличается от ильинского, но все же исследователь считает, что это статья самого Ивана Александровича, так как, по его наблюдению, «в подборке газетных вырезок, хранящихся в его архиве, Ильин взял подзаголовки в скобки и вместо «одного» написал «нашего». Очевидно, так было у Ильина в оригинале статьи».

¹⁹⁸ «Анкетного листа» в архиве нет. Ильин пытался получить от Струве конкретные указания, что именно не подходит — и что подошло бы — газете в его статье «Черносотенство». Договориться им явно не удалось, и статья эта, не принятая *Возрождением*, была позже опубликована Ильиным в рижской газете *Слово*, в №№ 88 — 90, за 1, 2 и 3 марта 1926 г. Редакция Слова, однако, самовольно изменила заглавие статьи на «Черносотенство — проклятие и гибель России». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

¹⁹⁹ Подразумевается газета «Дни».

²⁰⁰ Имеется в виду золотой запас Российской империи, переданный адмиралом Колчаком японскому правительству в счет поставок оружия Белой армии. Япония так называемое сибирское золото взяла, а поставить оружие Колчаку отказалась. Этот золотой запас Российской империи хранится в Японии по сей день.

²⁰¹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 138 — 138 об. Автограф.

²⁰² «Гефдинг Владимир Федорович (литературный псевдоним Василий Федоров) (1887 — 1959) — ученик П. Б. Струве по Политехническому институту, экономист, в эмиграции сотрудник всех изданий Струве. Автор ильинского журнала «Русский Колокол». Жил в Берлине до 1945 года, когда был арестован. В 1948 году бежал из тюрьмы в Потсдаме и переехал в США». (Примеч. Н. А. Струве.)

²⁰³ Статья напечатана в «Возрождении», № 154 от 3 ноября 1925 г.

²⁰⁴ Статья «Смотреть вперед и создавать новое! (Отрывок из частного письма)» была опубликована в «Возрождении», № 238 от 26 января 1926 г. под псевдонимом «Помещик».

²⁰⁵ «Этот фельетон, как и следующий, вызвавший возражения П. Б. Струве, был напечатан позже в измененном виде». (Примеч. Н. А. Струве.) Н. А. Струве, по-видимому, имеет в виду статью Ильина «Направо», но текст ее был послан автором позже. См. коммент. 227.

²⁰⁶ «Речь идет о «Союзе молодой России», созданном П. Б. Струве. Струве внял совету Ильина. Написанное им воззвание гласило: «Пора русским патриотам соединиться не в партию, а в дружный союз». (Примеч. Н. А. Струве.)

²⁰⁷ *itio in partes* (лат.) — дробление на части.

²⁰⁸ *Totalität* (нем.) — цельность, тотальность.

²⁰⁹ *Крупенский* Павел Николаевич (1863 — 193?) — депутат II, III и IV Государственной Думы от фракции националистов, затем центра, один из организаторов монархического съезда в Рейхенгалле в 1921 г., идеолог правой русской эмиграции.

²¹⁰ *Лильц* — установить личность не удалось.

²¹¹ *Hans Trüb* — Ханс Трюб — швейцарский издатель, друг И. А. Ильина. Имеется интересная переписка с ним на немецком языке, которую предполагается опубликовать в следующем томе настоящего Собрания сочинений.

²¹² Автограф письма находится в АГИВ.

²¹³ «*Опузкул*» (от. фр. *opuscule*) — маленький по объему труд (научный, литературный). Ильин имеет в виду свои корреспонденции из Италии «Письма о фашизме», опубликованные позже в «Возрождении» под псевдонимом «Ивер».

²¹⁴ Ильин находился в это время в Италии. Являясь корреспондентом «Возрождения», он собрал большой материал об этой стране, о Муссолини, о фашизме.

²¹⁵ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 153. Автограф. Письмо без конца.

²¹⁶ *фингировать* (от нем. *finger*) — касаться пальцами.

²¹⁷ *Sit tibi terra levis...* (лат.) — да будет тебе земля пухом.

²¹⁸ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 152. Автограф.

²¹⁹ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 147. Автограф.

²²⁰ Направо. О политических предрассудках//Возрождение. — № 175. — 1925. — 24 нояб.

²²¹ Их будет еще 8 под псевдонимом «Ивер».

²²² *Трубецкой* Николай Сергеевич (1890 — 1938) — лингвист, филолог, культуролог. Один из главных идеологов евразийства.

²²³ *culum* (лат.) — выход прямой кишки, перен.: зад.

²²⁴ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 145. Автограф.

²²⁵ Имеется в виду С. С. Ольденбург.

²²⁶ *Борман* *Аркадий Альфредович* (? — 195?) — сын Ариадны Тырнковой-Вильямс, известной писательницы и подруги детства жены П. Б. Струве. Сотрудник «Возрождения».

²²⁷ Речь идет о Российском Зарубежном съезде, который был задуман еще летом 1925 г. как попытка объединить национально мыслящую эмиграцию. Во главе центрального организационного комитета стоял П. Б. Струве.

²²⁸ Автограф письма находится в АГИВ.

²²⁹ Статья Ильина «Новые люди» напечатана в «Возрождении», № 207 от 26 декабря 1925 г.

²³⁰ Письма о фашизме. 2. Месяц спустя//Возрождение. — № 194. — 1925. — 13 дек. (под псевдонимом «Ивер»).

²³¹ Первая корреспонденция «Письма из Италии. Страница борьбы. (От нашего корреспондента)» была напечатана в «Возрождении», № 130 от 10 октября 1925 г. за подписью И.

²³² Это были: Письма о фашизме. 3. Борьба с масонами//Возрождение. — № 194. — 1925. — 13 дек.; Письма о фашизме. 4. Биография Муссолини//Возрождение. — № 222. — 1926. — 10 янв.; Письма о фашизме. 5. Личность Муссолини//Возрождение. — № 229. — 1926. — 17 янв.; Письма о фашизме. 6. Проблема Тироля//Возрождение. — № 276. — 1926. — 5 марта; Письма о фашизме. 7. Одна из опасностей//Возрождение. — № 279. — 1926. — 8 марта; Письма о фашизме. 8. Муссолини социалист//Возрождение. — № 287. — 1926. — 16 марта; Письма о фашизме. 9. Вопрос качества//Возрождение. — № 375. — 1926. — 12 июля.

²³³ Кому было направлено письмо, установить не удалось.

²³⁴ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, л. 142. Автограф. По-видимому, концовка письма, начало которого в архиве найти не удалось.

²³⁵ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 154 — 154 об. Автограф.

²³⁶ Может быть, это статья «Новые люди».

²³⁷ Возможно, «Письма о фашизме. 3. Борьба с масонами».

²³⁸ И. А. Ильин был представителем оргкомитета Российского Зарубежного съезда в Берлине.

²³⁹ Упоминается Владимир Федорович Гефдинг.

²⁴⁰ Бунге Андрей Иванович (? — 1943) — сотрудник газеты «Новое время», автор «Возрождения», а впоследствии и ильинского журнала «Русский Колокол».

²⁴¹ Ильин всегда называл *туземцами* местных жителей той страны, в которой он находился.

²⁴² Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

²⁴³ Упоминается И. А. Ильин.

²⁴⁴ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

²⁴⁵ Речь, по-видимому, идет о материалах предстоящего Российского Зарубежного съезда.

²⁴⁶ *Кир*. — великий князь Кирилл Владимирович Романов.

²⁴⁷ Высший Монархический Совет был создан на монархическом съезде, проходившем в мае — июне 1921 г. в баварском городке Рейхенгалль. Председателем ВМС был избран Н. Е. Марков.

²⁴⁸ Главнокомандующий — генерал П. Н. Врангель.

²⁴⁹ *senza argento (um.)* — без серебра, т. е. бескорыстная.

²⁵⁰ *κατ' ἐξοχήν (др.-греч.)* — по преимуществу.

²⁵¹ *Концилей (нем. — Konzil)* — церковные соборы.

²⁵² *itio in partes (лат.)* — см. коммент. 207 в этом разделе.

²⁵³ *В. Ф.* — Гефдинг.

²⁵⁴ *Tres faciunt collegium! (лат.)* — трое составляют коллегию!

²⁵⁵ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж). На письме пометка П. Б. Струве: «Дать ответ».

²⁵⁶ Эта статья вышла днем раньше, о чем Ильин не знал.

²⁵⁷ См.: Революционеры ли мы?// Возрождение. — № 214. — 1926. — 2 янв.

²⁵⁸ *Нордов Н.* — публицист, автор статей по экономике.

²⁵⁹ *Яблоновский Сергей* Викторович (1870 — 1953) — журналист.

²⁶⁰ *Тэффи* Надежда Александровна (1872 — 1952) — писательница, автор юмористических стихов, рассказов, фельетонов, миниатюр.

²⁶¹ *Ренников* (Селитренников) Андрей Митрофанович (1882 — 1957) — выпускник Новороссийского университета (Одесса) по двум факультетам — физико-математическому и историко-филологическому; ученый, писатель-романист, редактор газет «Наш Край» (Батум), «Заря России» (Ростов). Эмигрировал в Варну, затем переехал в Белград, редактор белградской газеты «Новое Время», сотрудник «Возрождения».

²⁶² Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

²⁶³ *l'espace d'une nuit* (фр.) — утро вечера мудреней.

²⁶⁴ *frustrane Erregung* (нем.) — ущербные эмоции.

²⁶⁵ Речь идет о психологической теории права Л. И. Петражицкого.

²⁶⁶ Работы И. А. Ильина в этой газете за 1918 г. комментатору найти не удалось.

²⁶⁷ *mauvais caractere* (фр.) — плохой характер.

²⁶⁸ *Врангель* Петр Николаевич (1878 — 1928) — барон, генерал-лейтенант (1918), один из главных руководителей белого движения. 25 августа 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в 1920 г. — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, преобразовал их в Русскую армию. В ноябре 1920 г. эвакуировал Русскую армию в Галлиполи и на остров Лемнос. В 1922 г. переехал в Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), с 1929 г. — Югославия), 1 сентября 1924 г. создал Русский Общевоинский Союз, Верховное командование которым ради консолидации сил отдал вел. кн. Николаю Николаевичу, оставаясь Главнокомандующим и председателем РОВС.

²⁶⁹ В сентябре 1927 г. П. Н. Врангель переехал с семьей в Брюссель (Бельгия).

²⁷⁰ Речь идет о статье Ильина «Смотреть вперед и созидать новое», подписанной псевдонимом «Помещик».

²⁷¹ По поводу этой статьи не менее интересно письмо П. Б. Струве к И. А. Ильину от 5. I. 1926 г., автограф которого находится в семейном архиве Струве (Париж), которое мы здесь приводим по публикации Н. А. Струве.

«И. А. Ильину

5.I.1926 г.

Дорогой Иван Александрович!

Исполняю свое намерение — дать заключение о статье «О возвращении земель». Статья, по-моему, должна быть оборвана на стр. 12.

После ее, со стр. 13, идут вещи, политически не только ошибочные, но и прямо вредные. Нельзя, имея в виду широкий единый фронт Внутренней и Зарубежной России, говорить о том, что крестьяне должны быть «амнистированы». Нельзя *провозглашать* выкупа: это, т. е. и то и другое, неудобно и *опасно политически* по отношению к Внутренней России и к тому же совершенно *бесполезно* во всех отношениях. Мне претит грабительство и всякое попрание права вообще, но я знаю, что просто время течет и уже протекло, а в вопросах права время имеет какое-то конститутивное значение. Преступники и потерпевшие живут и умирают во времени; некоторые права отмирают тоже во времени.

Если стр. 13 — 18 не нужно печатать вообще, даже под псевдонимом, то тем паче их не следует печатать за Вашей подписью. Страницы же 1 — 12 следует во всяком случае напечатать. Будет очень хорошо и крепко, если это будет подписано Вашим именем, но и подпись «Помещик» приемлема и даже выразительна.

Наконец, третье: заглавие «О возвращении земель» соблазнительно — воспользуются враги. Всего лучше озаглавить словами из Вашего же текста: *Смотреть вперед и созидать новое*.

Сейчас в молодом поколении, которое не знало вовсе отжившего быта, происходит упорная и глухая работа: возрождение духа старой России вне реальных условий ее прежнего быта. Все «ренессансы» подготовлялись и происходят именно так. Все «ренессансы» романтичны и реалистичны заодно.

Если Вы согласны с моими предложениями, верните сейчас же стр. 1 — 12, подписав их, как сочтете нужным и удобным. Еще раз повторяю: стр. 13 — 18 не следует и прямо вредно печатать вообще и сугубо вредно печатать за Вашей подписью.

Что известно Вам об исчезновении венского священника о. Диодора Колпинского? «Судя по воспоминаниям митр. Евлогия, о. Диодор, перешедший из католичества, через некоторое время после назначения в Венский приход «заболел нервным недомоганием, опять вернулся в католичество и скоро умер» (Путь моей жизни. УМСКА-Press, 1947. — С. 395)». (Примеч. Н. А. Струве.)>

Ваш П. Струве».

²⁷² ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 155 — 156. Автограф.

²⁷³ «Дело идет о воззвании П. Б. Струве, призывающем вступить в «Союз молодой России». (Примеч. Н. А. Струве.)

²⁷⁴ Приказ № 82, изданный генералом Врангелем сразу же после образования РОВСа, запрещал военным вступать в политические организации.

²⁷⁵ *Верховный Гл. Ком.* — великий князь Николай Николаевич.

²⁷⁶ *Даватц* Владимир Христианович (1883 — 1944) — математик, приват-доцент Харьковского университета, известный публицист,

офицер Белой армии, редактор многих газет: харьковской «Новой России», крымских «Юг России» и «Таврический Голос», в эмиграции — белградской «Новое Время», парижской «Россия и Славянство», давнишний друг И. А. Ильина. Во время второй мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии, погиб в бою в ноябре 1944 г.

²⁷⁷ Имеется в виду Петр Николаевич Врангель.

²⁷⁸ Д а в а т ц В. Годы. Очерки пятилетней войны. — Белград, 1926.

²⁷⁹ *fait accompli* (фр.) — совершившийся факт.

²⁸⁰ *rebus sic stantibus* (лат.) — при данном положении дел.

²⁸¹ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

²⁸² Дефляция (от лат. *deflare* — сдувать) — уменьшение количества находящихся в обращении бумажных денег путем мероприятий финансового, экономического характера. По смыслу противоположно инфляции.

²⁸³ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич Романов.

²⁸⁴ Подразумевается великий князь Николай Николаевич.

²⁸⁵ *Trinkhalle* (нем.) — трактир.

²⁸⁶ ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 137, лл. 146 — 146 об. Автограф. На письме приписка рукой П. Б. Струве: «Не треб<ует> отв<ета>».

²⁸⁷ Имеется в виду статья «О возвращении земель» («Смотреть вперед и созидать новое»).

²⁸⁸ Ин. 18, 10.

²⁸⁹ *laisser faire* (фр.) — предоставить события их естественному ходу.

²⁹⁰ Речь идет о письме великому князю Николаю Николаевичу.

²⁹¹ До и после Российского Зарубежного съезда были попытки объединить русскую эмиграцию. В июне 1921 г. Юлий Федорович Семенов (см. о нем ниже коммент. 493) был одним из инициаторов съезда Русского Национального объединения в Париже и стал генеральным секретарем созданного на этом съезде Русского Национального Комитета. После Российского Зарубежного съезда 1926 года вместо него были созданы Патриотическое объединение (председатель И. П. Алексинский) и Центральное объединение (председатель А. О. Гукасов). В этом же направлении работал в Германии И. А. Ильин.

²⁹² «Союз молодой России» — политическое объединение, созданное П. Б. Струве в предвидении Зарубежного Съезда. Основные лозунги Союза были: сильное государство, сильная власть, единство зарубежной и внутренней России. В Париже Союзом руководить было поручено К. И. Зайцеву, в Германии И. А. Ильину, в Праге И. Д. Гримму». (Примеч. Н. А. Струве.) Существовала и одноименная молодежная организация кириллического толка (см. ниже коммент. 298).

²⁹³ Автограф письма находится в АГИВ.

²⁹⁴ Речь идет об откликах на январскую статью Ильина, подписанную псевдонимом «Помещик».

²⁹⁵ См.: Струве Петр. Дневник политика. 40. О «Возрождении» и возрождениях//Возрождение. — № 238. — 1926. — 30 янв.

²⁹⁶ «По поводу этой статьи-письма Ильин отметил в своем архиве: «Справа» я получил через редакцию письмо, полное злобной брани». (Примеч. Н. П. Полторацкого.) Автором этого письма, надо полагать, была та самая «малограмотная дама», о которой упоминается в письме Ильина к Струве.

²⁹⁷ «Парижский Организационный комитет по созыву Российского Зарубежного съезда. Председателем его был Струве. Текста «краткого уведомления» в архиве с письмами нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

²⁹⁸ «Союз молодой России» — молодежная организация, созданная в 1923 г. в Мюнхене. В 1924 г. переименована в «Союз младороссов». Девизом ее был лозунг «Лицом к России!». Позднее, когда она попала под влияние кирилловцев, девиз стал иным: «Царь и Советы!» (Лидер этой организации А. Л. Казем-Бек был связан с ГПУ.)

²⁹⁹ Речь идет о статье И. А. Ильина «Молчание и болтовня», опубликованной в «Возрождении» (№ 262 от 19 февраля 1926 г.).

³⁰⁰ Статья «Зловещее» под псевдонимом «Юстус» опубликована в «Возрождении» (№ 254 от 11 февраля 1926 г.).

³⁰¹ Под псевдонимом «Юстус» Ильин опубликовал в 1917 г. в газете «Утро России» статьи: «Куда идет революционная демократия», «Отказ г. Керенского», «Чего ждать?», «Кошмар», «Кто они?», «Корень зла».

³⁰² Автограф письма находится в АГИВ.

³⁰³ «Текста протокола заседания берлинского организационного комитета по выборам на Зарубежный съезд в архиве с письмами нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁰⁴ То есть к 14 марта.

³⁰⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

³⁰⁶ «Текстов протокола, отзыва, заявления и запроса в архиве с письмами нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁰⁷ Под г. Кобургом Ильин подразумевает вел. кн. Кирилла Владимировича, который жил тогда в Кобурге (Германия).

³⁰⁸ Полный титул — Император всероссийский.

³⁰⁹ *Редизжируется Вестарпом* — здесь: редактируется Вестарпом (по-видимому, сотрудником газеты «Neue Kreuzzeitung»).

³¹⁰ *Здесьняя работа* — работа в Берлине, в Германии.

³¹¹ «А. В. Карташев, председатель российского Национального Комитета. Текст «Заявления Национального Комитета Французскому Правительству» был опубликован в *Возрождении*, № 260, 17 февраля 1926 г., был подписан предс. Комитета А. Карташевым, товарищем предс. Михаилом Федоровым, В. Бурцевым, Кн. П. Долгоруковым, М. Киндяковым и ген. секретарем Ю. Семеновым. Заявление было написано в связи с тем, что французское правительство возобновило переговоры с правительством СССР об экономическом и политическом

сближении. Последние два абзаца «заявления», против которых возражал Ильин, следующие:

Лишь в возрожденной после падения большевиков государственной, правомерной национальной России Франция не ошибется, как и во время великих своих испытаний на Марне.

Честная Марна, а не гнусный Брест-Литовск будет, по нашему убеждению, символом установления нормальных отношений между русским и французским народами.

Учитывая разбросанность и сложность положения русской эмиграции в разных странах, Ильин считал, что ее политическим руководителям следует соблюдать известный нейтралитет в исторической борьбе между собой приютивших их государств, а потому воздерживаться от историко-географической аргументации». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

³¹² Автограф письма находится в АГИВ.

³¹³ Имеются в виду «Письма о фашизме» № 6 и № 7.

³¹⁴ *Бельгардовские домогательства* — неясно, какие именно, возможно — связанные с выборами на Российский Зарубежный съезд.

³¹⁵ Неясно, о ком идет речь.

³¹⁶ Речь идет о правилах для выборов представителей из Германии на Российский Зарубежный съезд.

³¹⁷ *Тальберг* Н. Д. — представитель Высшего Монархического Совета.

³¹⁸ Здесь имеются в виду французы. Съезд состоялся в Париже.

³¹⁹ См.: Струве Петр. Дневник политика. 47. Оголтелая нескладница как поживка на большевистской удочке//*Возрождение*. — № 266. — 1926. — 23 февр.

³²⁰ *Цуриков* Николай Александрович (1886 — 1957) — юрист, участник первой мировой войны, дроздовец, в 1920 г. эвакуировался в Константинополь, с 1923 г. — в Чехословакии, участник Российского Зарубежного съезда, сотрудничал в правоцентристских изданиях зарубежья.

³²¹ *Вишняк* Марк Вениаминович (1882/83 — 1977) — политический деятель, публицист, мемуарист, одноклассник И. А. Ильина.

³²² Автограф письма находится в АГИВ.

³²³ Ильин имеет в виду статью Зинаиды Гиппиус «Предостережение» (*Последние новости*. № 1880. 1926. 25 февр.). См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 373 — 376).

³²⁴ Это желание вылилось в статью Ильина «Письмо в Редакцию» (*Возрождение*. № 277. 1926. 6 марта). См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 234 — 236).

³²⁵ «Текста запроса с письмами нет». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

³²⁶ Автограф письма находится в АГИВ.

³²⁷ «Как это ясно из многих его писем, Ильин принял активное участие в работе берлинского организационного комитета по выборам на Зарубежный съезд. У него в комитете были острые столкновения с крайне-правыми. Текста упоминаемого здесь «Открытого письма» в архиве с письмами нет». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

- 328 «Текста «приложения» нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)
- 329 Автограф письма находится в АГИВ.
- 330 Н. Е. Марков был избран на Российский Зарубежный съезд от Германии. Провокации действительно имели место, что Ильин и предсказал.
- 331 Ильин имеет в виду барона Бориса Густавовича фон Кеплена.
- 332 Об истории с любовницами и отношением к барону фон Кеплену подробно см. ниже в переписке И. А. Ильина и П. Н. Врангеля.
- 333 Неясно, о ком идет речь.
- 334 Подразумевается великий князь Кирилл Владимирович.
- 335 *fait accompli* (фр.) — совершившийся факт.
- 336 *diable m'em porte* (фр.) — черт меня побери.
- 337 Так и произошло; Марков резко выступал на съезде.
- 338 В. Федоров — псевдоним В. Ф. Гефдинга.
- 339 См.: И л ь и н И. А. О свободе//Возрождение. — № 291. — 1926. — 20 марта.
- 340 *восьмого Ивера* — имеется в виду статья Ильина «Письма о фашизме» № 8 под псевдонимом «Ивер».
- 341 Шутливая подпись И. А. Ильина.
- 342 См. коммент. 324.
- 343 Автограф письма находится в АГИВ.
- 344 *Тиволович* — не установлен.
- 345 *Тубенталь* — не установлен.
- 346 *Соколов-Кречетов* Сергей Алексеевич (1879 — 1936) — поэт, публицист, бывший владелец московского издательства «Гриф», директор берлинского издательства «Медный всадник», один из основателей «Братства Русской Правды» — эмигрантской организации, попавшей под надзор ГПУ.
- 347 *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888 — 1977) — богослов, культуролог, историк, писатель, приват-доцент Московского университета. В 1920 г. эмигрировал в Западную Европу, в 1948 г. — в США.
- 348 Сведений о *Давидове* А. А. у комментатора нет.
- 349 Сведений о Н. И. Глобачеве у комментатора нет.
- 350 «*Экономист*» — В. Ф. Гефдинг». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)
- 351 «Текста информации нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)
- 352 «*Руль*» (1920 — 1931) — берлинская ежедневная газета, основанная И. В. Гессеном, И. А. Каминкой и В. Д. Набоковым.
- 353 Автограф письма находится в АГИВ. «Письмо без даты, но, как это следует из текста, написано оно до 27 марта 1926 г. — скорее всего, во второй половине марта. Вверху письма рукой Струве написано: «дан/дать?/ответ». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)
- 354 Здесь: получают большинство и обойдут на выборах.
- 355 «*majorise cooptation necessaire*» (фр.) — «мажорированы необходима кооптация».

³⁵⁶ Автограф письма находится в АГИВ. «Письмо без даты, но должно быть отнесено к самым последним числам марта, до следующего письма, от 31 марта». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁵⁷ Здесь: крайне-правые.

³⁵⁸ *Лейхтенбергский* Георгий Николаевич (1873 — 1929) — герцог, хозяин издательства «Медный Всадник», владелец замка Зеон (Баварские Альпы), где И. А. Ильин впервые встретился с ген. П. Н. Врангелем в начале июля 1926 г.

³⁵⁹ Автограф письма находится в АГИВ.

³⁶⁰ Ильин выехал из Берлина в Париж в пятницу 2 апреля. Открытие Российского Зарубежного съезда состоялось в воскресенье 4 апреля 1926 г.

³⁶¹ Автограф письма находится в АГИВ. «Письмо датировано Ильиным явно ошибочно (в то время, весной 1926 г., Ильин был переутомлен и болен гриппом). Вверху письма слева надпись: «Не требует ответа. Струве». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶² «Если, как я полагаю, правильная дата письма не 4, а 24 апреля, а то и — вернее — 4 мая, то это должна быть статья Ильина «Республика — монархия», появившаяся в *Возрождении* № 341, 9 мая 1926 г. (Тире в заглавии принадлежит редакции. Судя по архивным записям Ильина, можно предположить, что у него было: «Республика или монархия», — очевидно, с добавлением требующегося тогда по смыслу вопросительного знака). Других статей в *Возрождении* между 10 апреля (когда в *Возрождении* № 312 была напечатана «Речь И. А. Ильина», произнесенная им 9 апреля, в шестой день Зарубежного съезда, в вечернем заседании) и 9 мая 1926 г. — не было». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶³ «Кн. Григорий Трубецкой, «Размышления по поводу Зарубежного съезда. I. Три идеи». *Возрождение*, № 320, 18 апреля 1926 г. (вместо передовой). Было и продолжение (тоже вместо передовой): «Размышления по поводу Зарубежного съезда. II. Несостоятельность старых партийных и бытовых делений. — Задачи русского фашизма», *Возрождение*, № 324, 22 апреля 1926 г.». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶⁴ «Передовица Струве (без подписи): «Итоги Зарубежного съезда». *Возрождение*, № 314, 12 апреля 1926 г. См. также: Петр Струве, «Дневник политика. 51. Некоторые итоги Зарубежного съезда», *Возрождение*, № 327, 25 апреля 1926 г. (вместо передовой)». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶⁵ «В. Л. Бурцев, «прозревший» революционер, разоблачитель провокатора Евно Азефа. Сотрудничал с П. Б. Струве, поддерживая белое правительство ген. Врангеля. Неясно, о каком выступлении В. Л. Бурцева говорит Ильин. В *Возрождении* в это время не было ничего за подписью Бурцева». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶⁶ «Обращение центра: «К русскому Народу. Обращение Российского Зарубежного Съезда», *Возрождение*, № 314, 12 апреля 1926 г.». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁶⁷ См.: Германо-советские отношения//Возрождение. — № 318. — 1926. — 16 апр.

³⁶⁸ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

³⁶⁹ *Ausseinandersetzung* (нем.) — полемика, толкование.

³⁷⁰ Предположительно, статья Ильина «Идеология и борьба» (Возрождение. № 347. 1926.15 мая).

³⁷¹ Ксюнин Алексей Иванович (1880 — 1938) — журналист, сотрудник «Нового Времени». «Бывший масон, в эмиграции жил в Белграде, покончил жизнь самоубийством». (Примеч. Н. А. Струве.)

³⁷² Речь идет о журнале «Призыв» — органе Союза русских писателей и журналистов в Югославии; об авторе этого журнала Пиленко у комментатора сведений нет.

³⁷³ Автограф письма находится в АГИВ.

³⁷⁴ См.: И л ь и н И. А. О покорности// Возрождение. — № 351. — 1926. — 19 мая. Эта статья была посвящена Н. Н. Львову.

³⁷⁵ В. Федорову — т. е. В. Ф. Гефдингу.

³⁷⁶ (*pardone!*) — *je m'en foue* (фр.) — (извините!) — мне на это наплевать.

³⁷⁷ *Lollius* — Лоллий Иванович Львов, подписывавший этим псевдонимом многие свои статьи в «Возрождении».

³⁷⁸ Кирилл Иосифович — К. И. Зайцев, помощник Струве по редакции.

³⁷⁹ Имеются в виду черносотенцы.

³⁸⁰ *gegenwärtig* (нем.) — т. е. будут там присутствовать и, очевидно, выступать против.

³⁸¹ Автограф письма находится в АГИВ. «Г. П. Струве пометил это письмо июнем 1926 г. Правильнее считать, что оно было написано в самые последние дни мая месяца (в любом случае, не позже 1 июня), т. к. приложенные к нему приветствия появились в *Возрождении* уже 4 июня, в № 367». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

³⁸² *Eventuell* (нем.) — при случае, смотря по обстоятельствам.

³⁸³ «Все три приложения написаны рукой И. А. Ильина». (Примеч. Г. П. Струве.)

³⁸⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

³⁸⁵ См.: И л ь и н И. А. О воле и грозной любви//Возрождение. — № 430. — 1926. — 6 авг.

³⁸⁶ См.: И л ь и н И. А. Борьба за армию//Возрождение. — № 423. — 1926. — 30 июля.

³⁸⁷ К. — не установлен.

³⁸⁸ Имеется в виду сын П. Б. Струве Аркадий Петрович, работавший в редакции «Возрождения».

³⁸⁹ Имеется в виду Львов.

³⁹⁰ «Даты установить не удалось. Г. П. Струве тоже не мог установить точной даты, но считал, что письмо определено за 1926 год. Он задавал при этом вопрос, не является ли письмо приложением к дру-

гому письму. Однако письмо начинается словами «Пишу еще отдельно», явно свидетельствующими, что это самостоятельное письмо, хотя написанное вслед за каким-то другим письмом». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

³⁹¹ *Гурко* Владимир Иосифович (1863 — 1927) — потомственный военный, сын русского генерал-фельдмаршала и брат генерала Василия Иосифовича Гурко. Действительный статский советник, камергер. Эмигрант. В 1921 г. в Берлине издал «Воспоминания о войне и революции». Ильин посвятил ему статью «Гений и раны России» (Слово. № 37. Рига, 1925).

³⁹² *Александра Федоровна* (Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса) (1872 — 1918) — дочь вел. Герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского и дочери английской королевы Виктории, жена Николая Александровича Романова (1894), приняла православие, с вступлением на престол мужа — императрица (1894). Зверски расстреляна большевиками вместе с семьей в доме Ипатьева (Екатеринбург) в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

³⁹³ Работа была напечатана. См.: П. В. В. И. Гурко. *Царь и Царица*// Звено. — № 6. — 1927. См. также современную перепечатку: Г у р к о В л а д и м и р. *Царь и Царица. Воспоминания*//Российские вести. — № 226 (395). — 1993. — 27 нояб.

³⁹⁴ *Лампе* Алексей Александрович фон (1885 — 1967) — генерал-майор Генштаба, в Добровольческой армии с конца 1918 г. В 1920 г. выполнял поручения ген. П. Н. Врангеля в Константинополе. С 1923 г. в Берлине, возглавлял 2-е отделение РОВСа, один из его ближайших и доверенных сотрудников. Друг и соратник И. А. Ильина.

³⁹⁵ Суть дела установить не удалось.

³⁹⁶ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

³⁹⁷ См.: Ц е р к о в н и к. Чекист во имя Божье//Дни. — № 1081. — 1926. — 15 авг. См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 392 — 395). Кто скрывался под псевдонимом «Церковник» — установить не удалось.

³⁹⁸ См.: Б е р д я е в Н. А. Кошмар злого добра//Путь. — № 4. — 1926. — Июнь — июль. См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 378 — 392).

³⁹⁹ Ильин имеет в виду Лидию Юдифовну Бердяеву (урожд. Трушеву, по первому мужу — Рапп) (1874 — 1945) — переводчицу, поэтессу, жену Н. А. Бердяева. Она была рьяной католичкой, по свидетельству Бориса Зайцева: «Однажды, спускаясь с нами с крыльца, вдруг остановилась, посмотрела на мою жену своими прекрасными, прозрачно-зеленоватыми глазами сфинкса и сказала: «За догмат непорочного зачатия на смерть пойду!» (З а й ц е в Б. Мои современники. Бердяев. Лондон, 1988. С. 63).

⁴⁰⁰ Источник не установлен.

⁴⁰¹ Автограф письма находится в АГИВ. «Г. П. Струве не был уверен в том, что эта открытка — за 1926 г. Сомнений в том, что она за 1926 г., быть не должно, вопрос только в том, за какой месяц: октябрь или ноябрь. О том, что открытка осенняя, за 1926 г., свидетельствуют даты публикаций статей, в ней упоминаемых. Г. П. указывает, что открытка с портретом Муссолини. Однако адреса, марок и почтовых штемпелей на ней нет, что заставляет предположить, что она была отправлена не из Италии, а уже после Италии, и не как открытка, а как письмо, в конверте. Ильины вернулись в тот год в Берлин в первых числах ноября. Тогда и оттуда и была, надо полагать, отправлена эта открытка». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁴⁰² См.: Струве Петр. Дневник политика. 82. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом// Возрождение. — № 478. — 1926. — 23 сент. См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 401 — 402).

⁴⁰³ *Анастасий Иерусалимский* (Грибановский Александр Александрович) (1873 — 1965) — митрополит Русской Зарубежной Церкви, возглавлял ее с 1936 г. Перепечатку его писем к И. А. Ильину см. в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 398 — 401).

⁴⁰⁴ «Семен Людвигович Франк, известный русский философ, в то время коллега Ильина по Русскому научному институту в Берлине. Письмо Архиепископа Анастасия к Ильину с упоминанием о его письме Франку датировано 31.8/13.9 1926 г. Таким образом, оно было получено Ильиным не ранее 20 сентября. Это подтверждает наше заключение, что настоящее письмо должно быть отнесено к осени 1926 г.». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁴⁰⁵ *Айхенвальд* Юлий Исаевич (1872 — 1928) — литературный критик, эмигрант. Обосновался в Берлине. Был ведущим критиком-публицистом газеты «Руль». Его статья против Ильина «Злое добро» появилась в рижской газете «Сегодня» (№ 196 от 3 сентября 1926 г.). См. перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 395 — 397).

⁴⁰⁶ Айхенвальд заимствовал у Бердяева выражение «Злое добро».

⁴⁰⁷ См.: Ильин И. А. Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона//Возрождение. — № 514. — 1926. — 29 окт.; Ильин И. А. О сопротивлении злу. Открытое письмо В. Х. Даватцу//Новое Время. — № 1663. — 1926. — 12 нояб.; № 1664. — 1926. — 13 нояб.; № 1665. — 1926. — 14 нояб. См. также перепечатку этих статей в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 236 — 261).

⁴⁰⁸ По мнению Н. П. Полторацкого, речь идет о возможности ухода П. Б. Струве из редакции «Возрождения», и тогда, считал он, газета останется в чужих, малоквалифицированных руках.

⁴⁰⁹ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж). Дата определена приблизительно по выходу указанной в нем статьи.

⁴¹⁰ Ильин И. А. Яд предрассудков//Возрождение. — № 539. — 1926. — 23 нояб.

⁴¹¹ Имеется в виду генерал Врангель.

⁴¹² *Г. Ни* — Григорий Николаевич Трубецкой.

⁴¹³ Ильин И. А. Преодоление зависти//Возрождение. — № 501. — 1926. — 16 окт. Под «прилагательным» подразумевается вышедшая ранее статья Ильина: Обреченность зависти//Возрождение. — № 487. — 1926. — 2 окт.

⁴¹⁴ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁴¹⁵ *Котя* — сын П. Б. Струве Константин Петрович (1903 — 1948), в те годы студент Богословского института, затем монах (архимандрит) в Прикарпатской Руси.

⁴¹⁶ В письме архиепископ Анастасий писал: «Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа». См. наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 401).

⁴¹⁷ Видимо, речь идет о статье П. Б. Струве о Столыпине.

⁴¹⁸ Речь идет о статье Ильина «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона» (Возрождение. № 514. 1926. 29 окт.).

⁴¹⁹ *индо* (лат.) — отсюда.

⁴²⁰ *Зеньковский* Василий Васильевич (1881 — 1962) — русский философ, богослов. В 1942 г. рукоположен митрополитом Евлогием в сан священника. Написал большую критическую статью против Ильина: «По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Современные записки. Кн. XXIX. Париж, 1926). См. также перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 423 — 451).

⁴²¹ *Ферфаллен ди ганце пиштройка! Гевалт! (идиш)* — Навалилась вся пишущая тройка! Караул!!

⁴²² *Новиков* Вячеслав Михайлович. См. его книгу: Фашизм. Очерки по итальянскому фашизму. С приложением текста закона 3 апреля 1926 года о фашистских синдикатах. — Париж: Возрождение, 1926. — 120 с.

⁴²³ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁴²⁴ Возобновление журнала «Русская Мысль» ограничилось одним номером.

⁴²⁵ *В. Федоров* — В. Ф. Гефдинг.

⁴²⁶ «Вероятно, речь идет об исчезновении (переходе на советскую сторону) генерала Монкевица». (Примеч. Н. А. Струве.)

⁴²⁷ *К.* — Кутепов Александр Павлович (1882 — 1930) — генерал от инфантерии, 24 декабря 1917 г. вступил в Добровольческую армию. В 1921 г. эвакуировался с частями сначала в Галлиполи, затем в Болгарию. В 1922 г. назначен заместителем Главнокомандующего Русской армией. В марте 1924 г. освобожден от этой должности в связи с переездом в Париж и переходом в распоряжение великого князя Николая Николаевича. В Париже организовал и возглавил тайную работу на Россию (которая была под надзором ГПУ, о чем идет речь в письме).

29 апреля 1928 г., после смерти П. Н. Врангеля, возглавил РОВС. 26 января 1930 г. был похищен агентами советской разведки и, по версии московской еженедельной газеты «Неделя» (№ 49 за 1989 г.), скончался «от сердечного приступа» на советском корабле по пути в Новороссийск.

⁴²⁸ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁴²⁹ Неясно, о каком материале Ильина идет здесь речь.

⁴³⁰ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁴³¹ См.: И л ь и н И. А. О русских радикалах//Возрождение. — № 585. — 1927. — 8 янв. — С. 2 — 3.

⁴³² См.: И л ь и н И. А. Самобытность или оригинальничание//Русская мысль. Кн. 1. — Париж, 1927. — С. 24 — 30.

⁴³³ «Дневник Политика» — колонка главного редактора газеты «Возрождение» П. Б. Струве.

⁴³⁴ В декабре 1926 г. Ильин выступал в Мюнхене с двумя публичными докладами на немецком языке: «Ueber die Entstehung des Bolschewismus» («Возникновение большевизма») и «Das Scheitern des Kommunismus» («Крушение коммунизма»).

⁴³⁵ Автограф письма находится в АГИВ. «Г. П. Струве пометил письмо 1927 годом, но сопроводил эту дату вопросительным знаком. Сохраняя вопросительный знак, я полагаю все же, что письмо следовало бы отнести к концу 1926 г., когда впервые стало известно о конфликтной ситуации, возникшей в *Возрождении*». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴³⁶ «Тревожные слухи и тревога — по поводу дальнейшей судьбы *Возрождения*; возмущение — поведением А. О. Гукасова (издателя газеты) и Ю. Ф. Семенова, вытеснявшего Струве с поста редактора газеты». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴³⁷ «Г. П. Струве отметил, что письмо Ильина без подписи и что на письме пометка П. Б. Струве: «Написано. Стр.». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴³⁸ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж). Письмо невозможно датировать. Встреча Ильина с Марковым могла быть до Зарубежного съезда и после, но, конечно, в 1926 г. Поэтому мы ставим его в самый конец года.

⁴³⁹ Автограф письма находится в АГИВ.

⁴⁴⁰ «В. Ф. Гефдинг, вернувшийся из Парижа, где он виделся с П. Б. Струве, рассказал Ильину о крайне тяжелой атмосфере, сложившейся в *Возрождении* в связи со все более нарастающим конфликтом между редактором газеты Струве и ее издателем А. О. Гукасовым, действовавшим и прямо, и через Ю. Ф. Семенова. Редакторские полномочия Струве были урезаны и частично переданы Семенову. Слова Ильина о том, что «конечно, ни неясностей, ни колебаний» у

него нет, относятся к решению уйти из *Возрождения*, если и когда из него уйдет сам Струве». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁴¹ И л ь и н И. А. О Божественном Провидении. Новогодние размышления//*Возрождение*. — № 591. — 1927. — 14 янв. «В подборке газетных вырезок своих статей Ильин «Новогодние размышления» зачеркнул. Очевидно, этот подзаголовок был добавлен редакцией *Возрождения*». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁴² Автограф письма находится в АГИВ.

⁴⁴³ См.: И л ь и н И. А. Pamфлет русского о России. Проф. С. К. Гогель. Причины русской революции 1917 года (книга вышла на немецком языке: S e r g i u s G o g e l. Die Ursachen der russischen Revolution vom Jahre 1917. Eine historisch-soziologische Skizze)//*Возрождение*. — № 607. — 1927. — 30 янв.

⁴⁴⁴ Последний абзац и последняя фраза рецензии: «Проф. Гогель счел уместным упомянуть на обложке своей книги, что он является профессором Русского научного института в Берлине... Но было бы неверно и несправедливо возлагать ответственность за его памфлет на академическую коллегия Института и судить по этой книге о содержании, о направлении и о тоне работ русской берлинской профессуры».

⁴⁴⁵ Речь идет о решении П. Б. Струве уйти из газеты «Возрождение».

⁴⁴⁶ Поездка в Чехию с лекциями на немецком языке в 1927 г. состоялась только в мае.

⁴⁴⁷ В феврале 1927 г. в Немецком клубе Аугсбурга Ильин выступил с лекцией «Ueber die geistigen Quellen des Bolschewismus» («Духовные источники большевизма»).

⁴⁴⁸ В апреле 1927 г. в Базеле Ильин выступал дважды. На выставке образцов он прочитал лекцию «Das wirtschaftliche Wesen des Kommunismus und Russlands Schicksal» («Экономическая сущность коммунизма и судьба России»), а в Либеральном обществе квартиросъемщиков — «Ueber die Entstehung des Bolschewismus» («Возникновение большевизма»).

⁴⁴⁹ В Мюнхене в феврале 1927 г. Ильин прочитал лекцию «Deutschland und Russland» («Германия и Россия») в Патриотическом союзе баварцев.

⁴⁵⁰ «Считаясь с реальной опасностью разрыва с Гукасовым, Струве думал о возможности начать издание новой газеты под своей редакцией. Кроме того, Струве возобновил издание своего журнала *Русская мысль*. Все это требовало значительных средств. В. Ф. Гефдинг должен был рассказать Струве о том, какие в этом отношении были надежды и планы у Ильина. В этом смысл слов Ильина «о возможных торговых беседах» в связи с его намечавшейся поездкой в Мюнхен». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁵¹ Речь идет о статье В. В. Шульгина «Ненависть или примирение?» (*Возрождение*. № 590. 1927. 13 янв.).

⁴⁵² *Мельгунов* Сергей Петрович (1879 — 1956) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. Автор многочисленных известных книг по истории большевистской революции. В 1922 году выслан из Советской России и, как Ильин, лишен российского гражданства.

«С этим вопросом («Ненависть или примирение?») обратился к украинцам сам Мельгунов. По украинскому вопросу тогда в *Возрождении* был опубликован ряд статей, в том числе и — вместо передовой — статья самого Струве: Петр Струве, «Дневник политика. III. Принудительная украинизация», *Возрождение*, № 590, 13 января 1927 г.» (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁵³ Имеется в виду Александр Иванович Гучков.

⁴⁵⁴ *Бордеро* (фр. *bordereau*) — здесь: письмо, известие.

⁴⁵⁵ Речь идет об оттисках антиевразийской статьи И. А. Ильина «Самобытность или оригинальничание?» (Русская Мысль. Кн I. Париж, 1927. С. 24 — 30).

⁴⁵⁶ Автограф письма находится в АГИВ.

⁴⁵⁷ «Двойня» — 1) о необходимости воспитывать в России новое правосознание и 2) о власти и смерти — в *Возрождении* не появилась. Как это следует из письма от 25 июля 1927 г., Струве собирался напечатать статьи Ильина в своем журнале *Русская мысль*, но они и там не появились, т. к. издание возобновленного журнала прекратилось на первом же номере». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁵⁸ Автограф письма находится в АГИВ. «Письмо без даты. Г. П. Струве сомневался в том, что оно вообще за 1927 г. Письмо определено за 1927 г., поскольку в нем говорится о журнале *Русская мысль*, а она вышла именно зимой 1927 г.» (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁵⁹ Подразумевается герцог Г. Н. Лейхтенбергский, на которого возлагались некоторые надежды как на источник материальной поддержки новых изданий Струве (Георгий Николаевич профинансировал, например, второй том «Белого Дела»). (Подробнее об этом см. коммент. 134 в переписке И. А. Ильина с П. Н. Врангелем.)

⁴⁶⁰ Книжный склад «Град Китеж».

⁴⁶¹ Печатается ниже, в приложении к данному письму.

⁴⁶² «Текста письма обнаружить не удалось». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁴⁶³ *Notir nehmen* (нем.) — взять на заметку.

⁴⁶⁴ *терситик* и *геростратик* (образование от имен Терсит и Герострат) — здесь: злоречивый человек и опозоренный честолюбец.

⁴⁶⁵ Белградская газета «Новое Время» редактировалась тогда В. Х. Даватцем, единомышленником Струве и Ильина.

⁴⁶⁶ Об этих статьях речь шла в предыдущем письме.

⁴⁶⁷ *Зле* (ц.-сл.) — люто, тяжело, жестоко.

⁴⁶⁸ Ильин опубликовал шесть статей на эту тему: Кризис демократии. I. Отбор лучших// *Возрождение*. — № 2660. — 1932. — 13 сент.;

Кризис демократии. 2. Сущность современного кризиса// Возрождение. — № 2698. — 1932. — 21 нояб.; Кризис демократии. 3. Голосование// Возрождение. — № 2720. — 1932. — 12 нояб.; Кризис демократии. <4>. В порядке полемики// Возрождение. — № 2761. — 1932. — 23 дек.; Кризис демократии. <5>. Все через народ// Возрождение. — № 2787. — 1933. — 16 февр.; Кризис демократии. <6>. Все для народа// Возрождение. — № 2841. — 1933. — 13 марта.

⁴⁶⁹ *Duce* (ит.) — вождь.

⁴⁷⁰ И л ь и н И. А. Яд партийности// Русский Колокол. — № 3. — Берлин, 1928. — С. 78 — 81.

⁴⁷¹ «Издателя для задуманной им (и по частям писавшейся) книги о монархии Ильин не нашел ни тогда, ни впоследствии. Отчасти поэтому книга осталась незавершенной. Отредактированные Ильиным главы книги были опубликованы мною посмертно, в журнале *Русское возрождение* (Нью-Йорк) в 1978 году. Эти главы, вместе с некоторыми разделами лекций Ильина на ту же тему, указанными самим Ильиным, составили потом книгу Ильина *О монархии и республике*, вышедшую под редакцией и с предисловием и «Приложением» Н. П. Полторацкого в Нью-Йорке в 1979 году». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

Вторую публикацию книги И. А. Ильина «О монархии и республике» см. в 4-м томе настоящего Собр. соч.

⁴⁷² Автограф письма находится в АГИВ.

⁴⁷³ И л ь и н И. А. О рыцарстве// Возрождение. — № 675. — 1927. — 8 апр. (Статья была посвящена Петру Николаевичу Врангелю.)

⁴⁷⁴ *Деникин* Антон Иванович (1872 — 1947) — генерал-лейтенант Генштаба, в начале первой мировой войны — генерал-квартирмейстер 8-й армии генерала Брусилова, в марте 1917 г. — помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Поддержал выступление генерала Корнилова, сидел с ним в Быховской тюрьме, откуда бежал 19 ноября 1917 г. После смерти генерала Алексеева 25 сентября/8 октября 1918 г. стал командующим Добровольческой армией, затем Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. 22 марта 1920 г. передал командование генералу Врангелю. 23 марта/5 апреля 1920 г. эмигрировал с семьей в Англию, затем перебрался в Бельгию, а в 1926 г. — во Францию. Написал «Очерки Русской Смуты» в пяти томах. Ильин упоминает пятый том этого издания: «Вооруженные Силы Юга России» (Берлин: Медный Всадник, 1926).

⁴⁷⁵ *Романовский* Иван Павлович (1877 — 1920) — генерал-лейтенант, активный участник выступления Корнилова в августе 1917 г., вместе с ним был заключен в Быховскую тюрьму. В ноябре 1917 г. бежал на Дон. После гибели генерала Корнилова оставлен начальником штаба при принявшем командование Добровольческой армией генерале Деникине. Выехал вместе с ним из Феодосии в Константинополь. Убит 5/18 апреля 1920 г. в здании русского посольства в Константинополе поручиком М. А. Харузиным.

⁴⁷⁶ *Алексеев* Михаил Васильевич (1857 — 1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник русско-турецкой, русско-японской и первой мировой войн. После отречения императора Николая II был назначен Временным правительством Верховным Главнокомандующим Русской армии. 2/15 декабря 1917 г. в Новочеркасске создал «Алексеевскую организацию». Эта дата считается днем основания Добровольческой (Белой) армии, поведшей вооруженную борьбу против большевиков.

⁴⁷⁷ Воспоминания ген. П. Н. Врангеля о возвращении в Крым. Март 1920 года// Белое Дело. — Т. 1. — Берлин, 1926. — С. 61 — 76.

⁴⁷⁸ «Ген. Монкевиц осенью 1926 г. известил семью, что кончает с собой, но тело «самоубийцы» не было найдено». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁴⁷⁹ В этом абзаце речь идет о провалах в подпольной борьбе против большевиков.

⁴⁸⁰ *Неандер* Борис Н. (? — после 1954) — председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), выступал на Российском Зарубежном съезде от имени группы национальной молодежи.

⁴⁸¹ См.: *Неандер* Б. Н. Речь, произнесенная на заключительном заседании Зарубежного съезда 11 апреля 1926 г.//Своими путями. — № 12/13. — Прага, 1926.

⁴⁸² *Федоров* Михаил Михайлович (1855 — 1948) — министр торговли царского правительства, русский общественный и политический деятель, правый кадет, член Национального комитета и оргкомитета Российского Зарубежного съезда, идейно близкий к Ильину и Струве, в эмиграции занимался делами русских студентов.

⁴⁸³ Т. е. к крайне-правым.

⁴⁸⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

⁴⁸⁵ *Крамарж* Карел Петрович (1860 — 1937) — первый премьер-министр Чехословакии в 1918 — 1919 гг., лидер национально-демократической партии, друг национальной России, решительный сторонник «вооруженной борьбы с большевиками» (Д а в а т ц В. Годы. Белград, 1926. С. 72). Был в близких отношениях с И. А. Ильиным. См. ниже письма Ивана Александровича к нему и его жене.

⁴⁸⁶ Б. Н. Неандер как председатель ОРЭСО, находящегося в Праге, порвал с русской эмиграцией и вместе с предыдущим председателем этого объединения П. В. Влезковым объявил о признании советского строя в России.

⁴⁸⁷ Упоминается Крамарж (урожд. Хлудова, по первому мужу — Абрикосова) Надежда Николаевна (? — 1936).

⁴⁸⁸ *Гримм* Иван Давидович — профессор Московского университета, его брат Эрвин, которого Ильин хорошо знал, был действительным членом Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге.

⁴⁸⁹ *Галда* — «бранчливый человек, горлан, крикун» (В. И. Даль).

⁴⁹⁰ Имеется в виду конфликт в газете «Возрождение» в ноябре 1926 г., в результате которого часть функций ее главного редактора П. Б. Струве была передана Ю. Ф. Семенову.

⁴⁹¹ *Палей* (урожд. Карнович) Ольга Валериановна (1865 — 1928) — княгиня, мать погибшего в России поэта Владимира Павловича Палея, внебрачного сына великого князя Павла Александровича. См.: Княгиня Палей. Мои воспоминания о России//Историк и современник. — Берлин, 1921. — № 1.

⁴⁹² *Κακαφύς* (*др.-греч.*) — от природы худой. Здесь: скверный человек.

⁴⁹³ *Ю. Ф.* — Семенов Юлий Федорович (1873 — 1947) — журналист, редактор «Возрождения». Идеолог Русского национального объединения. Входил в ложу «Астрей», как бывший председатель областного комитета партии народной свободы в Тифлисе, был казначеем «кавказской» масонской ложи «Золотое Руно» (ее члены представляли «правое», монархически настроенное крыло эмиграции). 30 апреля 1934 г. за антимасонскую деятельность Ю. Ф. Семенов был исключен из ее членов. О нем см.: Р е н н и к о в С. Рыцарь правды. (Юлий Федорович Семенов)// Возрождение. — 1955. — № 42.

⁴⁹⁴ *А. О.* — Гукасов Абрам Осипович (1872 — 1969) — нефтепромышленник, меценат, владелец и издатель газеты «Возрождение». О нем см.: О л ь т и н В., Н е р с е с я н (В.), П. К. Светлой памяти Абрама Осиповича Гукасова// Возрождение. — 1969. — № 215.

⁴⁹⁵ *Облеклись в фартучек* — т. е. стали масонами.

⁴⁹⁶ *П. Н.* — генерал Врангель.

⁴⁹⁷ Подразумевается Германия.

⁴⁹⁸ Неясно, о чем идет речь.

⁴⁹⁹ *Щербатов* Николай Борисович (1862 — 1943) — князь, выпускник Пажеского корпуса, недолго служил на военной службе, член Государственного совета, с 5 июля по 25 сентября 1915 г. был министром внутренних дел.

⁵⁰⁰ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁵⁰¹ *Ильин* И. А. Право на глупость//Возрождение. — № 736. — 1927. — 8 июня.

⁵⁰² Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁵⁰³ *Деньгодатель* — А. О. Гукасов.

⁵⁰⁴ *Давыдов* Александр Васильевич (1881 — 1955) — потомок декабриста, журналист, администратор газеты «Возрождение», 14 января 1922 г. стал секретарем масонской ложи «Астрей», 5 мая 1922 г. был принят в ложу «Герой Человечества» («Великий Восток Франции»).

⁵⁰⁵ По примечанию Н. А. Струве, М. М. Федоров был масоном до 1917 г. Однако, будучи в правительстве ген. Деникина, М. М. Федоров, Н. И. Астров, Н. Н. Чебышев «были последовательными противника-

ми масонства» (см.: Серков А. И. История русского масонства 1845 — 1945. СПб., 1997. С. 253).

⁵⁰⁶ Рысс Петр Яковлевич (1870 — 1947) — журналист, писатель, правый кадет, член «Великой Ложи», с декабря 1931 г. — член ложи «Гамаюн».

⁵⁰⁷ В примечании Н. А. Струве указано, что «Александр Иванович Гучков после 1920 г. навсегда был исключен из масонских списков». В цитированной выше книге А. И. Серкова отмечено, что Гучков «никогда масоном не был» (с. 120); здесь утверждается также, что сведения о ряде лиц, в частности А. И. Гучкове, были включены Н. Свитковым (Степановым) в издание «Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.), составленное на основе масонских документов» (Париж, 1932), «хотя никто из них никогда не был членом лож» (с. 23).

⁵⁰⁸ Слиозберг Генрих Борисович (1863 — 1937) — известный адвокат, принадлежал к масонским ложам «Тэба» и «Астрей».

⁵⁰⁹ Масонство возникло в начале XVIII в. в Англии и затем распространилось в других странах, в России, в частности, в начале 1800-х гг., и объединяло людей, принадлежащих к привилегированным верхам общества. По собственному определению масонов, оно является внецерковным, внеконфессиональным, наднациональным (общечеловеческим), внепартийным и внегосударственным объединением людей, стремящихся к нравственному совершенствованию: «масонство — не церковь, не партия и не государственная организация». Однако, являясь организацией тайной, в замыслах которой других не посвящают, наряду со своими действительно универсалистскими устремлениями масонство является мощной идеологической силой, вторгающейся в церковные, политические и государственные дела, — дискредитирует монархические правления, христианскую церковь (отделение церкви от государства), национальную идею и заменяет их демократическими и гуманистическими идеями. Именно эти идеи, методы и устремления были чужды Ильину, и он всячески с ними боролся. Надо отметить, что ильинская философия по своему содержанию вызывала естественную враждебную реакцию масонов (его не печатали ни в одном издании, в той или иной степени близком к масонству или находящемся под его влиянием). Примером может служить полемика вокруг книги и идей Ильина «О сопротивлении злу силою». В аналитической записке к Врангелю, приведенной ниже, Иван Александрович излагает свои воззрения на масонство. Причиной его выхода из газеты «Возрождение» было усиление в ней роли масонов.

⁵¹⁰ «Письмо без даты, и Г. П. Струве не был уверен, что оно за 1927 г. Сам я допускаю возможность, что оно даже и не за 1926 г. — и должно быть помечено 25 октября 1925 г., а следовательно, должно было идти сразу же за № 16, от того же числа. Если это так, то «только что» отправленный пакет, о котором говорится в письме № 43,

был пакетом со статьей из серии «Письма о фашизме», а это дополнительное письмо содержало корреспонденцию с необычным для Ильина содержанием, заголовком, подзаголовком и подписью: К. П., «Вести оттуда» <т. е. из Советской России>. От одного корреспондента из Латвии», — *Возрождение*, № 152, 1 ноября 1925 г. В пользу такого предположения говорит и упоминаемая в письме дата: «31-го трогаюсь отсюда» будет тогда означать 31 октября 1925 г., когда Ильины двинулись, с остановками, из Италии в Берлин. Однако уверенности, что все обстояло именно так, нет, — отсюда и вопросительный знак. В любом случае, это письмо было написано не позже весны 1927 г. и соответственно этому и печатается». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁵¹¹ Автограф находится в семейном архиве Струве (Париж).

⁵¹² А. А. — Аркадий Альфредович Борман.

⁵¹³ Письма Семенова в Архиве И. А. Ильина нет.

⁵¹⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵¹⁵ «Два досье, т. е. две доверительные записки о *Русском колоколе*, журнале, который Ильин стал издавать и редактировать в Берлине с осени 1927 г. (Последний, девятый номер этого журнала вышел в 1930 году.) Первое досье было озаглавлено: «Задание журнала», второе — «Общее направление журнала». На каждом из них сверху справа рукой Ильина написано: «Совершенно доверительно!» На первом тексте («Задание журнала») сверху слева надпись рукой А. П. Струве (сына П. Б.-ча, работавшего в редакции *Возрождения*): «С письмом И. А. Ильина от 23.VI.1927». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁵¹⁶ Ильин приехал в Париж 1 июля 1927 г.

⁵¹⁷ В большом досье («Общее направление журнала») — 25 машинописных страниц (в маленьком — 6).

⁵¹⁸ *rebus aliter stantibus (лат.)* — в соответствии с тем, как обстоятельства могут сложиться в дальнейшем.

⁵¹⁹ В самом начале журнал «Русский колокол» финансировался неким богатым русским, только что выехавшим из Советской России.

⁵²⁰ И. Д. — Иван Давидович Grimm.

⁵²¹ Н. А. — Николай Александрович Цуриков.

⁵²² В. Ф. — Владимир Федорович Гефдинг.

⁵²³ Автограф письма находится в АГИВ.

«Отмечая, что эта парижская «пневматичка» без даты, Г. П. Струве не высказывает никаких конкретных предположений. Мне представляется, что письмо может быть датировано (условно) началом июля 1927 г. Ильин приехал в тот год в Париж 1 июля, и двухдневные паспортные «мыкания» были, видимо, связаны с тем, что он хотел провести три месяца, работая над *Русским колоколом* и набираясь сил — в Париже и на юге Франции, — а для этого нуждался в получении специальной визы от французских властей в Париже». (*Примеч. Н. П. Полторацкого.*)

⁵²⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

«Г. П. Струве отметил только, что и эта «пневматичка» без даты. Думается, что она — за июль 1927 г., когда Ильин провел в Париже почти три недели. Указанный в ней адрес — адрес парижского друга Ильина, Л. С. Мееровича». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵²⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵²⁶ Имеется в виду редакционный портфель журнала «Русский колокол».

⁵²⁷ Первая указанная Ильиным работа в журнале «Русский колокол» не появилась. Вторая — «О власти и смерти» опубликована в № 4 за 1928 г.

⁵²⁸ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵²⁹ Доверительное досье П. Б. Струве, в котором была изложена вся история его взаимоотношений с издателем газеты «Возрождение» А. О. Гукасовым.

⁵³⁰ «Возрождение», № 807, от 18 августа 1927 г., с «Письмом в редакцию» Петра Струве (датированным 17 августа), в котором он извещал, что с 18 августа он более не является ни редактором, ни сотрудником газеты. Письмо включало заявление 23-х других сотрудников газеты (в том числе и многих виднейших) об их коллективном уходе — вместе со Струве — из *Возрождения*. (К этим двадцати трем именам прибавилось почти сразу же еще девять, в том числе и имя И. А. Бунина). (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵³¹ Ю. Ф. Семенов сменил П. Б. Струве на посту редактора «Возрождения».

⁵³² *Шмелев* Иван Сергеевич (1873 — 1950) — русский писатель, духовный друг Ильина, сотрудничал в газете «Возрождение». В отличие от Ильина он не ушел из нее после августовских событий.

⁵³³ *Нольде* Борис Эмануилович (1876 — 1948) — барон, юрист, специалист по международному праву, состоял в Министерстве иностранных дел России в качестве юрисконсульта, в 1917 г. — товарищ министра иностранных дел. В 1919 г. выехал из Петрограда в Париж, где занимался научной и адвокатской работой.

⁵³⁴ Имеется в виду Николай Сергеевич Арсеньев.

⁵³⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵³⁶ «Россия» — «орган национальной и освободительной борьбы», парижская еженедельная газета (28 августа 1927 — 26 мая 1928), редактируемая Петром Струве, который создал ее вместе с частью ушедших с ним из «Возрождения» сотрудников.

⁵³⁷ Подразумевается работа в журнале «Русский колокол».

⁵³⁸ А. И. Бунге, сотрудник «Русского колокола», вел редакционные дела журнала.

⁵³⁹ Разыскать статью Шульгина с отзывом о «Русском колоколе» не удалось. Положительная рецензия «Русский колокол» профессора И. А. Ильина. (Журнал волевой идеи) опубликована без подписи в газете «Наш Путь» (Тяньцзынь. № 262. 1927. 12 нояб.).

⁵⁴⁰ «Атаман Кречет» — псевдоним поэта и писателя Соколова-Кречетова (см. коммент. 346). В молодости он был мартинистом, а в 1922 г. вступил в ложу «Астрея».

⁵⁴¹ Лукаш Иван Созонтович (1892 — 1940) — прозаик, автор популярных в эмиграции произведений на исторические темы, журналист, выпускник юридического факультета Петербургского университета, участвовал в Добровольческой армии, эмигрировал в 1920 г. в Константинополь, потом — Галлиполи, Тырново, Софию, Вену, Прагу, Берлин, Ригу, Париж. В книге А. И. Серкова «История русского масонства. 1845 — 1945» указывается, что в числе посвященных в масонскую ложу «Астрея» был «берлинский масон писатель И. С. Лукаш» (с. 225).

⁵⁴² Бобринский Петр Андреевич (1893 — 1962) — граф, бывший гвардейский офицер, постоянный сотрудник «Возрождения», с 1920 г. — в Англо-Саксонской ложе, с 1921 г. — в ложе «Астрея», входил и во многие другие масонские ложи. См. обширные ссылки на это обстоятельство в указанной книге А. И. Серкова. П. А. Бобринский — автор «Воспоминаний» (неопубликованных), проливающих свет на историю русского масонства.

⁵⁴³ Сорокин Питирим Александрович (1889 — 1968) — социолог, лидер правых эсеров, профессор Петроградского университета, эмигрировал в 1922 г., в дальнейшем известный американский социолог. В книге Н. Н. Берберовой «Люди и ложи» числится в списке масонов, но в более заслуживающем внимания списке Серкова не отмечен.

⁵⁴⁴ О «Нефтяном Деле» информации у комментатора нет.

⁵⁴⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁴⁶ Имеется в виду Бах Г. Г. — автор «Русского колокола».

⁵⁴⁷ Упоминается Е. В. Спекторский.

⁵⁴⁸ В. Ф. — Гефдинг.

⁵⁴⁹ Шуточный псевдоним Ильина.

⁵⁵⁰ Об этом речь шла выше (см. коммент. 515).

⁵⁵¹ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁵² Нина Александровна — жена П. Б. Струве, помогавшая ему в новой газете «Россия».

⁵⁵³ По мнению Н. П. Полторацкого, «мордобойчик» — это статья И. А. Ильина «Нашим часовым» (Россия. № 6. 1927. Сент.)

⁵⁵⁴ Первый номер «Русского колокола» вышел в Берлине 22 сентября 1927 г.

⁵⁵⁵ Текста объявления найти не удалось.

⁵⁵⁶ Имеется в виду письмо № 91 от 11 сентября 1927 г.

⁵⁵⁷ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁵⁸ «Открытие послана из Ниццы (Ильины были в это время на юге Франции)». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵⁵⁹ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁶⁰ Ильин объявления не вложил; см. следующее письмо.

⁵⁶¹ См.: Струве Петр. Дневник политика. 211. «Русский колокол» И. А. Ильина// Россия. — № 6. — 1927. — 1 окт.

⁵⁶² А. П. — сын П. Б. Струве Алексей Петрович, владелец книжного магазина «Au vieux Livre», упоминаемого в этом письме.

⁵⁶³ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁶⁴ «Текста объявления в архиве нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵⁶⁵ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁶⁶ Письмо И. Д. Гримма пока комментатору данного Собрания сочинений неизвестно.

⁵⁶⁷ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи» (1840).

⁵⁶⁸ То есть к 27 октября 1927 г., проездом из Ниццы в Берлин.

⁵⁶⁹ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁷⁰ См.: Ивер. Проклятие// Россия. — № 11. — 1927. — 5 нояб. В конце газетной вырезки, хранящейся в архиве Ильина, его рукою написано: «Конец, развивающий проклятие, Струве не поместил».

⁵⁷¹ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁷² «Текста объявления в архиве нет». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵⁷³ «Братство Русской Правды» — боевая антибольшевистская организация, основанная в 1921 г. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым и генералом П. Н. Красновым. Действовала подпольно, состояла из автономных боевых групп, которые вели партизанскую борьбу на территории Советской России. Руководители (Великий Круг) этой организации обратились к Ильину с просьбой быть независимым арбитром в связи с тем, что в эмигрантской печати появились статьи, в которых говорилось о проникновении большевистской агентуры в их ряды.

Здесь мы приводим ответ П. Б. Струве И. А. Ильину (автограф письма находится в АГИВ):

«И. А. Ильину

2.XII.1927

Черновик

Дорогой Иван Александрович!

Я без всяких колебаний могу дать Вам категорический совет — отказаться от предлагаемого Вам «арбитража». Разъяснение таких сложных и деликатных вопросов перед общественным мнением невозможно в порядке «дружеского расследования» — оно не будет авторитетно и в то же время умалит Ваш авторитет. Нездаром в таких случаях применяется третейский суд, все равно какой, единоличный или коллективный (с суперарбитром), суд, предполагающий какое-то «соствязание».

Спешу Вам это написать и отправить письмо. О другом напишу в другой раз.

Душевно Вам преданный

П. Струве».

⁵⁷⁴ Автограф письма находится в АГИВ.

⁵⁷⁵ «Николай Николаевич Львов — давнишний друг и единомышленник Струве, разошедшийся с ним в вопросе о коллективном уходе из *Возрождения*. Выступил против Струве в печати. Впоследствии раскаивался в своем поведении». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵⁷⁶ *ревиндикация*— здесь: возвращение.

⁵⁷⁷ *sine ira et studio* (лат.) — «без гнева и пристрастия», без предвзятого мнения (слова древнеримского историка Тацита).

⁵⁷⁸ Неясно, о ком идет речь.

⁵⁷⁹ См.: Старый политик. Как хранить тайну (Правила и советы)//Русский колокол. — № 1. — Берлин, 1927. — С. 70 — 80.

⁵⁸⁰ Автограф письма находится в АГИВ. Публикуется по книге Н. П. Полторацкого «Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение» (Тенефлай, 1989).

⁵⁸¹ См.: Ильин И. А. Русскому Рыцарю. Венок на могилу Петра Николаевича Врангеля// Россия. — № 35. — 1928. — 5 мая.

⁵⁸² Генерал Врангель умер неожиданно 25 апреля 1928 г. от скоротечной и непонятной болезни.

⁵⁸³ Автограф письма находится в АГИВ. Публикуется по книге Н. П. Полторацкого «Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение».

⁵⁸⁴ «О какой статье Ильина идет тут речь и была ли эта статья напечатана, и если была, то под каким псевдонимом, установить, к сожалению, не удалось. В бумагах Струве, однако, сохранился текст без подписи, написанный рукой Ильина (чернилами, а не карандашом, как два только что приведенных письма). Возникает вопрос, не этот ли юмористически-сатирический текст Ильина был послан вместе с последним письмом?» (Примеч. Н. П. Полторацкого.)

⁵⁸⁵ Ниже мы приводим текст Ильина, о котором говорит Н. П. Полторацкий в предыдущем комментарии.

⁵⁸⁶ *datisi* — следуя Аристотелю, это модус силлогизма по третьей фигуре: если Р присуще некоторым С, а П — всем С, то П необходимо присуще некоторым Р. (См.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1978. С. 131).

⁵⁸⁷ Подразумевается Марков 2-й.

⁵⁸⁸ Подразумевается Г. А. Алексинский.

⁵⁸⁹ Имеется в виду Ильин Святослав Игоревич (р. в 1921) — родной племянник И. А. Ильина, в настоящее время проживающий в Москве.

⁵⁹⁰ *черный бибобо* — кукла с черной головой, с руками, но без ног. Эта известная в семье Ильиных игрушка перешла «по наследству» более молодой двоюродной сестре С. И. Ильина — Марине Павловне Дуковской, ныне проживающей в Москве и хранящей эту семейную реликвию.

⁵⁹¹ Детство И. А. Ильин провел в имении отца Большие Поляны в Рязанской губернии.

⁵⁹² Мф. 26, 9.

⁵⁹³ Автограф письма находится в АГИВ. Публикуется по книге Н. П. Полторацкого «Иван Александрович Ильин». Как отметил Г. П. Струве, это последнее из известных письмо Ильина к П. Б. Струве находится на обороте черновика одного письма П. Б. Струве, где перечеркнуто крест-накрест.

⁵⁹⁴ В заключение приводим 5 писем П. Б. Струве к И. А. Ильину, опубликованных проф. Н. П. Полторацким в его книге «Иван Александрович Ильин». Автографы находятся в АГИВ. Свои комментарии мы даем здесь в угловых скобках.

И. А. Ильину
<Открытка>

Јаворска (sic!) 7/4. VII/37 г. Белград

Дорогой Иван Александрович!

Весьма признателен за присылку Ваших, как всегда, интересных и блестяще написанных «Основ художества» <Рига, 1937>. Вашей изданной в Белграде книги <Путь духовного обновления. Белград, 1937> я, к сожалению, *не получил*. Посылаю Вам antidoron <ответный дар>.

Искренне преданный Вам

П. Струве.

<Приписка сбоку:> Привет Наталье Николаевне.

И. А. Ильину
<Открытка>

<25.VII.37>

Дорогой Иван Александрович!

Благодарю Вас за присылку Вашей прекрасной речи о Пушкине <Пророческое призвание Пушкина. Нарва, 1937> с милой надписью и за Ваше письмо. Вы сами знаете, в какой мере в общей оценке лика и гения Пушкина мы с Вами сходимся.

Н<ина> А<лександровна> до сих пор в Париже у сына и внуков. Привет Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам от нас обоих (Ади <Аркадий — сын П. Б. Струве> и меня). Надеюсь, что эта открытка дойдет до Вас в Вашей Sommerfrische <месте летнего отдыха>. Душевно Вам преданный

П. Струве.

И. А. Ильину

<25.VII.<38>

Временный адрес:

114, Great West Road, 114
Hounslow West
Лондон/ 25.VII.<38>.

Дорогой Иван Александрович!

Благодарю Вас за милое письмо со штемпелем 18.VIII. <Об этом письме Ильина ничего не известно.>

Я уже написал Е. В. Спекторскому и Ал<ексан>дру Дм<итриевичу> Билимовичу. <Билимович Александр Дмитриевич (1878 — 1963) — экономист, статистик, педагог, публицист. В 1915 г. защитил в Петрограде докторскую диссертацию, главным оппонентом которой был П. Б. Струве. Октябрьскую революцию воспринял отрицательно. В 1919 — 1920 г. находился в районах, контролируемых Добровольческой армией, а в 1920 г. эмигрировал в Югославию.> Жду от них откликов.

Желаю Вам успеха в <нрзб.> устройстве и надеюсь, что Вам удастся «kinein» если не «ein» <слова нечетко расшифрованы>, то хоть некоторую долю зарубежных мозгов!

Нат<алии> Ник<олаевне> очень рекомендую только что вышедшее посмертное издание «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова: т. 1, «Киевская Русь». Тут много интересного и важного. Весьма хорошо составлена глава IV: «Русь и Варяги».

Статью (машинопись), когда разыщу, вышлю Вам. <Неясно, о какой статье идет речь.>

Сердечный привет Вам обоим.

Душевно преданный

П. Струве.

И. А. Ильину

Лондон, 27.VIII/ 38 г.

Дорогой Иван Александрович!

Посылаю Вам затребованную Вами машинопись. <Неясно, о чем идет речь.> Моя отметка на ней была поставлена в предположении, что Вы мне сие произведение предоставили в полную и потомственную собственность. От нее по Вашему желанию охотно отказываюсь.

Где теперь Р<оман> М<артынович Зиле> <ученик И. А. Ильина>? Во всяком случае передайте ему мой привет и повторное изъявление признательности.

Мой адрес теперь другой (конечно, à la rigueur <в крайнем случае> можно писать и по старому):

Glenrosa Hotel, 3, <Granville> Street, Brunswick Square, London WC 1.
Дружеский привет Наталье Николаевне и Вам.
Искренне преданный Вам

П. Струве.

О получении «произведения» и о себе напишите два слова на прилагаемой открытке. Нашел у себя марки и посылаю Вам открытку для ответа.

И. А. Ильину

<15.XII. <1>940>

Обратите внимание на новый адрес:

11, Milaseva, 11

(Милашева)

15.XII. <1>940

Београд V

Дорогой Иван Александрович!

Давно собира<лся> Вам написать, но все разные дела и заботы мне мешали. Я очень приветствую Вашу публикацию, но, к сожалению, она, наверное, находит сейчас очень мало читателей. <Может быть, речь идет о статье И. А. Ильина «О русской национальной идее» (Новый путь. № 84. 1940. Апр.), однако Н. П. Полторацкий считает, что это «заочные чтения» «О грядущей России», которые Ильин стал издавать в Швейцарии в 1940 г. и которые вошли потом в его двухтомник «Наши задачи».> Ибо «левые» либо глухи, либо рассеяны и разбиты, а «правые» либо глупы, либо «перверзны». Вообще какая-то массовая глупость обуяла множество русских людей за рубежом, которые проснутся только от «фактов», да и то неизвестно, как скоро, во всяком случае *после наступления* этих разительных фактов. Они, конечно, наступят, ибо уже наступают, и будут разворачиваться с растущим ускорением.

Я для своих лет чувствую себя все-таки удовлетворительно, ибо вовсе не утратил работоспособность. Но именно мы, перевалившие за 70 лет, все-таки стареем, и тоже с «растущим ускорением», и тем самым приближаемся к последнему пределу.

Мы часто вспоминаем вас обоих, и иногда я ставлю Вас лично в пример — политической проницательности и добросовестности к людям, способным все-таки понимать и оценивать если не вещи и события в их существе, то хотя бы психологическую их обстановку.

Мы все трое, Н<ина> А<лександровна>, Адя и я, шлем наши сердечные приветы и пожелания Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам.

Обнимаю Вас

Душевно Вам преданный

П. Струве.

P.S. Посылаю Вам свои последние напечатанные работы. <«К сожалению, неизвестно, какие именно «последние напечатанные работы» послал Струве Ильину». (Примеч. Н. П. Полторацкого.)> Они, может быть, покажутся Вам (sic!) интересными.

ПЕРЕПИСКА И. А. ИЛЬИНА С П. Н. ВРАНГЕЛЕМ

Настоящая переписка, кроме последнего письма, впервые опубликована в журнале «Русское Прошлое» (СПб., 1996. С. 209 — 289) ныне покойным известным архивистом и исследователем В. Г. Бортневским

под названием «И. А. Ильин и П. Н. Врангель: 1923 — 1928» с его вступительной статьей и примечаниями. Для данного Собрания сочинений Виктор Георгиевич любезно прислал копии писем и свои примечания. Однако они столь обширны, что не могут быть полностью использованы, так как многие факты или события уже откомментированы нами выше, другие же, не отмеченные им, с нашей точки зрения требуют пояснения. Ценнейшие и принципиальные примечания В. Г. Бортневского, добытые им в исследовательских разысканиях в АГИВ, мы приводим со ссылкой на него.

Здесь письма публикуются по ксерокопиям из коллекции П. Н. Врангеля, хранящейся в АГИВ.

¹ АГИВ, кор. 149, д. 39, лл. 363 — 363 об. Машинопись (2-й экземпляр). 1-й экземпляр хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 63, д. 1.

² «Впервые генерал П. Н. Врангель услышал имя И. А. Ильина из письма А. И. Гучкова, отправленного ему 13 февраля 1923 г. и посвященного судьбе «учащейся молодежи» Русской Армии, возможности устройства 300 человек в открывающийся в Берлине Русский Научный Институт. Гучков советовал Врангелю отправить ряд писем как лицам, от которых зависело финансирование этого проекта, так и ученым-организаторам Института, в частности В. И. Ясинскому, Ф. В. Шлиппе, Г. Г. Баху и И. А. Ильину. На него <Ильина. — Ю. Л.>, писал А. И. Гучков, особенно большая надежда, это он явится Lebenswecker-ом <жизненным будильником. — Ю. Л.> в той несколько инертной среде, которую представляет наша профессура, он уже и теперь, в первичных стадиях дела, оказал ему большие услуги. По отношению к нему возьмите особенно теплые ноты (АГИВ, кор. 149, д. 39, л. 349 об)». (Примеч. В. Г. Бортневского.)

³ На 1-м экземпляре собственноручная подпись Петра Врангеля; на 2-м экземпляре завизировано чьей-то рукой «м. п. П. Врангель». В дальнейшем мы не будем указывать эту особенность, так как большинство писем — это вторые экземпляры.

⁴ АГИВ, кор. 149, д. 39, лл. 496 — 496 об. Автограф.

⁵ Эти слова косвенно подтверждают, что 30 ноября 1917 г. И. А. Ильин получил 8000 руб. у американского гражданина Владимира Бари на дело «Добровольческой армии», созданной генералом М. В. Алексеевым, о чем имелась собственноручная ильинская запись.

⁶ Были слухи, что в 1920 г. И. А. Ильин был «кооптирован в анти-масонский орден (византийского происхождения) «Меченосцев» (по греч. «Спафариев», по лат. «Гладиеров»), в котором состоял и ген. П. Н. Врангель». Очевидно, что эти слухи надуманны, так как из письма ясно, что Ильин и Врангель едва познакомились и Ильин проводит свою философскую идею ордена как волевой силы, о чем он будет часто писать в своих работах этого времени.

⁷ Книга «О сущности правосознания» вышла только после смерти Ильина (Мюнхен, 1956).

⁸ Замысел книги о монархии остался неоконченным. См. письма Ильина к П. Б. Струве, коммент. 471.

⁹ Это была брошюра И. А. Ильина «Проблема современного правосознания» (Берлин, 1923).

¹⁰ АГИВ, кор. 149, д. 39, лл. 496 — 496 об. Машинопись (2-й экземпляр). 1-й экземпляр хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 63, д. 1.

¹¹ Последние слова: «и преданности» вписаны рукою Врангеля только в 1-й экземпляр.

¹² АГИВ, кор. 150, д. 40, лл. 149 — 149 об. Машинопись (2-й экземпляр).

¹³ «Такие же фотоальбомы были отправлены 45 лицам, причем 31, в том числе и И. А. Ильину, — от имени Главнокомандующего. Среди них: Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Великий Князь Николай Николаевич, генералы: А. П. Кутепов, П. Н. Шатилов, Е. К. Миллер, И. А. Хольмсен, Ф. Ф. Абрамов, Е. К. Климович, П. Н. Краснов, А. С. Лукомский, П. С. Махров, Я. Д. Юзефович, А. А. фон Лампе, адмирал М. А. Кедров, а также общественные деятели: В. Н. Коковцев, А. Ф. Трепов, Н. Е. Марков, Н. В. Савич, П. Б. Струве, А. И. Гучков, Н. Н. Шебеко, В. И. Гурко, И. П. Алексинский, А. В. Карташев, Ю. И. Лодыженский, С. Н. Третьяков, А. В. Тыркова-Вильямс. Тот факт, что И. А. Ильин, лишь год назад прибывший из России и не занимавший никакого официального положения в эмигрантских политических организациях, оказался в столь высоком окружении, свидетельствует, что уже осенью 1923 г. он пользовался исключительным уважением и вниманием Врангеля». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁴ АГИВ, кор. 150, д. 40, лл. 94 — 104. Машинопись (1-й экземпляр). «Некоторые слова и фразы, которые П. Н. Врангель отчеркивал карандашом, в настоящей публикации выделены курсивом. Данная записка вместе с личным письмом А. А. фон Лампе была отправлена П. Н. Врангелю «31 октября 1923 г., № 260/Л. г. Берлин, в собственные руки» и получена «27-XI-23, Вх. № 568». Приводим письмо А. А. фон Лампе полностью: «Ваше Высокопревосходительство//Глубокоуважаемый//Петр Николаевич!//При сем представляю на Ваше усмотрение записку, составленную профессором И. А. Ильиным. Автор записки известен Вам по его письмам к Вам, по его донесениям (о Научном институте) и, наверное, по рассказам Н. Н. Чебышева.

Я лично выше всего ставлю в Ильине его «белизну», сохраненную им в чистом виде во время пятилетнего сидения в Совдепии. Кроме того, с моей точки зрения, он выдающийся человек по его индивидуальности, энергии и даже осведомленности. К материалам, приведенным в его записке, стоит внимательно присмотреться.

Н. Н. Чебышев, с которым мы одновременно познакомились в Берлине с высланным из России Ильиным, насколько я знаю, ставит его несколько ниже, чем я; допускаю возможность, что правильная оценка его лежит посередине между взглядами Н. Н. Чебышева и моим.

Прилагаемую записку он передал мне с просьбой передать Вам, если я признаю это желательным.

Ознакомившись с содержанием записки, я не мог не обратить внимания на то, что она подтверждает многое из того, что говорил Ильин, но что я почерпал и из других источников. Так, вопрос о причинной связи действий французов в Руре и немцев в Совдепии всегда проводился Н. Н. Чебышевым, вопрос о настроениях в Советской России обрисован И. А. Ильиным совершенно тождественно с докладом недавно вырвавшегося оттуда полковника Вруна, характеристика марковских монархических кругов в Берлине и деятельность русских масонов (с которыми мне случайно пришлось соприкоснуться в последнее время) описаны совершенно так, как это кажется мне лично, кроме разве утверждения о работе масонов против династии, чего я не знаю. Таким образом естественной явилась моя мысль, что и в остальных положениях своей записки И. А. Ильин также делает совершенно правильно свои выводы, как и в тех, которые для меня подтверждены моими источниками.

Поэтому я решил, лично переписав записку, представить ее Вам, доложив о причинах такого моего решения настоящим письмом.

Я несколько расхожусь с автором записки в оценке им деятельности кругов генерала Людендорфа в Берлине. Я боюсь, что его вывод о том, что торжество генерала приведет к подготовке переворота в Советской России, не совсем правилен. В русском вопросе Людендорф, по-видимому, совершенно в руках руководителя «Ауфбау» Шейбнер-Рихтера, который на весь русский народ смотрит через украинскую призму. В период его пребывания в Будапеште в 1921 году, при свидании с П. Г. Архангельским в моем присутствии, он, по-видимому, убедился в том, что мы ни в коем случае не собираемся возрождать Россию через Украину, все равно какую, Василия вышиванного или «гетмана» Бискупского, чем и объясняется не только то, что Шейбнер-Рихтер вот уже полтора года, будучи со мною лично знаком, всячески сторонится меня, но и то, что с русскими он сошелся только в лице генерала Бискупского, которому решительно все равно, с кем и куда идти, лишь бы ему было хорошо, так и то, что все попытки мои так или иначе связаться с генералом Людендорфом всемерно пресекаются его окружением, думаю, что именно в лице Шейбнер-Рихтера, Бискупского и их единомышленников.

Эта задача для них облегчается, конечно, и нахождением генерала в Мюнхене, где русская колония неблагожелательна к армии «по кирил<л>изму».

В остальном записка И. А. Ильина звучит для меня убедительно, и думаю, что заинтересует и Вас.

Свою записку И. А. Ильин кончает предположением, что подготовкой переворота в России не сможет заняться ни один из русских заграничных Центров, и видит эту возможность в немецких или французских кругах.

Относительно первых я отметил выше, что касается вторых, в грядущую деятельность которых больше верит, по-видимому, и сам И. А. Ильин, я не могу ничего сказать, так как далеко стою от этого дела.

Однако мне казалось бы, что таким центром в эмиграции может и должна явиться Русская армия, по собственному признанию автора записки (п. 13), свободная духом от недостатков русской эмиграции.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

Покорно Ваш

А. фон Лампе.

Приложение: Записка на 11 листах (напечатана в 4 экземплярах: 1-й приложен, 2-й для автора ее, 3-й у полковника фон Лампе и 4-й запасной)» (там же, лл. 91 — 93). (*Примеч. В. Г. Бортневского*)

¹⁵ *Брусилев* Алексей Алексеевич (1853 — 1926) — русский генерал от кавалерии, участник первой мировой войны, в 1917 г. — Верховный Главнокомандующий. После Октябрьского переворота отказался от участия в Добровольческой армии и с 1920 г. стал служить в Красной Армии.

¹⁶ *Зайончковский* Андрей Медардович (1862 — 1926) — генерал от инфантерии, участник первой мировой войны. С 1919 г. в Красной Армии.

¹⁷ *Слащов* Яков Александрович (1885 — 1929) — генерал-лейтенант, служил в Добровольческой армии, после неудачных боев его корпуса в июле 1920 г. под Каховкой подал рапорт об отставке, которая генералом Врангелем была принята. После эвакуации в Турцию выступил в печати против Главнокомандующего и его штаба. По приговору суда чести был уволен от службы без права ношения мундира. В январе 1921 г. выпустил книгу «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма» и вел тайные переговоры с советскими властями, закончившиеся его возвращением в Советскую Россию 21 ноября 1921 г., где он стал преподавать в военном заведении. 11 января 1929 г. был убит в помещении школы, якобы из личной мести, но скорее всего Слащова уничтожила волна репрессий, обрушившаяся на офицеров Белой армии в 1929 — 1930 гг.

¹⁸ *Троцкий* (Бронштейн) Лев Давидович (1879 — 1940) — виднейший революционер, организатор Красной Армии, народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета.

¹⁹ *Каменев* Сергей Сергеевич (1881 — 1936) — полковник Генерального штаба, участник первой мировой войны, с 1918 г. в Красной Армии, с 1919 по 1924 г. — Главнокомандующий Вооруженными Силами республики, в 1927 — 1934 гг. — член Реввоенсовета СССР.

²⁰ *Буденный* Семен Михайлович (1883 — 1973) — участник первой мировой войны, прославился как командующий 1-й Конной армией, в дальнейшем Маршал Советского Союза.

²¹ *Тухачевский* Михаил Николаевич (1893 — 1937) — дворянин, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, участник первой мировой

войны. С апреля 1918 г. в Красной Армии, вступил в партию большевиков, подавлял восстания в Кронштадте (март 1921 г.) и Тамбове (апрель — май 1921 г.). Маршал Советского Союза. Репрессирован.

²² *Бурцев* Владимир Львович (1862 — 1942) — русский публицист, прославился разоблачением провокатора царской охранки Е. Ф. Азефа.

«Генерал Врангель подчеркнул в тексте фамилию В. А. Бурцева отнюдь не случайно. Несмотря на свое революционное прошлое и левую репутацию в общественных кругах, Бурцев пользовался несомненным уважением Главнокомандующего за непреклонный антибольшевизм и личную порядочность. Издаваемая им в Париже газета «Общее дело» получала до середины 1922 г. субсидии из фондов Армии. Всего в 1920 — 1922 гг. редакцией было получено 392 тыс. французских франков (АГИВ, кор. 149, д. 38, л. 522). Как свидетельствуют архивные документы, сотрудничество П. Н. Врангеля с В. Л. Бурцевым особо активизировалось после провалов агентов генерала Кутепова в Советской России. Взаимная переписка продолжалась вплоть до последних недель жизни П. Н. Врангеля». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

²³ *Савинков* Борис Викторович (1879 — 1925) — известный эсер, террорист, руководил антисоветскими заговорами и мятежами. Во время проводимой ГПУ операции «Трест» был арестован при переходе границы. Покончил собой, бросившись в лестничный пролет в советской тюрьме. Генерал П. Н. Врангель всегда относился подозрительно к Савинкову и его окружению.

²⁴ *Наполеон I* Бонапарт (1769 — 1821) — французский император в 1804 — 1814 гг. и в марте — июне 1815 г.

²⁵ *Талейран* (Талейран-Перигор) Шарль Морис (1754 — 1838) — французский дипломат, министр иностранных дел при разных правителях. Прославился своим дипломатическим искусством, мастерством интриги и политической беспринципностью.

²⁶ *Баррас* Поль (1755 — 1829) — беспринципный и бездарный французский политик, якобинец, способствовал Термидорианскому перевороту, возглавил Директорию, позднее — поддержал приход к власти Наполеона Бонапарта. Любил роскошную жизнь.

²⁷ Так в тексте.

²⁸ *Комиссаров* Михаил Степанович (1870 — 1933) — жандармский генерал-майор. В 1917 г. был арестован и сидел в тюрьме. Освобожден якобы по настоянию большевиков. В 1920 г. выехал в Германию. В эмиграции вел большую работу по внедрению агентов ГПУ в окружение великого князя Кирилла Владимировича.

²⁹ *Басов* — один из матросов-анархистов, зверски убивших 6 января 1918 г. Кокوشкина и Шингарева. Трагедия произошла «по неграмотности» матросов, так как погибшие были под негласной защитой как большевиков, так и революционеров-анархистов.

³⁰ *Кокوشкин* Федор Федорович (1871 — 1918) — один из основателей и лидеров кадетской партии.

³¹ *Шингарев* Андрей Иванович (1869 — 1918) — земский врач, публицист, один из лидеров кадетов.

³² *Железняков* Анатолий Григорьевич (1895 — 1919) — матрос, анархист, примкнувший к большевикам, был начальником караула в Таврическом дворце. 5 января 1918 г., в первый день заседания Учредительного собрания, за отказ признать декреты Советской власти предложил народным избранныкам покинуть помещение.

³³ *Учредительное собрание* — парламентское учреждение в России, выборы в которое произошли в 1917 г. Большевики не смогли получить большинство в нем, и 7 января 1917 г. ВЦИК принял декрет о его роспуске.

³⁴ «Как это было позднее установлено следствием, деятельность М. С. Комиссарова в Болгарии проходила совместно с многими лицами, находившимися на службе большевиков: Чайкиным, Щегловым, Фириным, Озодем, Грузенбергом, Филько и др. Работа по распылению контингентов Русской армии, подрыву авторитета генерала Врангеля отвечала также интересам крайне правого крыла русских эмигрантских монархических организаций» (АГИВ, кор. 142, д. 3.). (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

Следует добавить к этому письмо Сергея Ивановича Ильина, родного дяди Ивана Александровича, к П. Б. Струве, найденное комментатором этого тома в коллекции его сына — Василия Сергеевича Ильина, хранящейся в Архиве Национального музея в Праге. Обстоятельства и факты, изложенные в нем, столь интересны, что мы приводим его полностью. Публикуется по автографу впервые.

«№ К/1426

Белград «16» октября 1922 года.

Уважаемый Петр Бернгардович!

Третьего дня прибыл сюда высланный из Болгарии генерал Витковский.

Та же участь ожидает и Евгения Карловича Миллера и весь высокий командный состав. Обстоятельства, сопровождавшие высылку генерала Витковского, весьма характерны. К нему явился Щеглов, бывший офицер Марковского полка, в свое время из полка удаленный судом чести за разные художества и перекинувшийся к большевикам. Щеглов предложил генералу Витковскому признать Советскую власть и отдать приказ по корпусу о переходе корпуса на сторону советов.

Последствиями такового признания, по словам Щеглова, было бы: 1) немедленное освобождение всех арестованных чинов командного состава; 2) возвращение войск в казармы, из которых они, по распоряжению болгарских властей, выселены, несмотря на то что ремонт казарм и приведение их в жилой вид было сделано в свое время на наш счет и стоило порядочных денег; 3) сохранение организации в исключительно военном виде (сейчас войска на работах); 4) назначение самого Витковского командующим армией.

Таким образом, если бы предложение Щеглова было бы принято, советская Москва имела бы в центре Балкан свой авангард — целый корпус.

Переговоры Щеглова с генералом Витковским возобновлялись в течение двух недель четыре раза, причем Щеглов не скрывал того, что знаменитые документы подделаны советскими агентами; не скрывал и того, что болгарское правительство выполняет директивы Москвы.

Генерал Витковский, держа в курсе переговоров Е. К. Миллера и Петряева, назначил день окончательного ответа, а затем поехал к полковнику Тополджикову, начальнику Болгарского генерального штаба, и предложил ему прислать болгарского офицера, знающего русский язык, в гостиницу, где должны были закончиться переговоры. По мнению В. К. Витковского, этот офицер мог бы занять соседний номер, слышать весь разговор и записать его. Болгарское военное министерство могло бы, говорил Тополджикову генерал Витковский, убедиться, во-первых, в том, что известные документы подделаны, а во-вторых, в том, что агенты Москвы уверены в том, что они являются хозяевами положения в Болгарии, раз они дают целый ряд обещаний, исполнение которых зависит, казалось бы, от болгарского правительства.

Тополджиков было согласился, обещал прислать офицера и даже назвал фамилию назначенного им для этой цели. Однако этот офицер в гостиницу не прибыл.

Как впоследствии оказалось, Тополджиков, по уходе генерала Витковского, попросил мнение министерства внутренних дел. Оттуда, разумеется, дано было категорическое запрещение что-либо предпринимать. И неудивительно, так как Даскалов, министр внутренних дел, градоначальник, и в особенности Трифонов, помощник градоначальника, являются лицами, наиболее тесно связанными с московскими коммунистами и ими субсидируемыми.

Какова сила и влияние московских агентов, может дать Вам понятие то обстоятельство, что последними обысками и арестами в Тырнов<о?> руководил Щеглов, отдававший приказания местному губернатору, указывавший, кого именно надо арестовать, какие бумаги взять и т. д.

Ввиду того что разговоры с генералом Витковским не привели к желательному для большевиков результату (при последней встрече с Щегловым генерал Витковский жестоко его изругал), план советских агентов заключается в следующем:

1) Выслать из Болгарии всех начальников, кончая штаб-офицерами.

2) Усилить преследования и гонения против остальных, срывать их при помощи болгарских коммунистов с работ, не останавливаясь перед избиениями и убийствами. (В течение последнего месяца коммунистами убито в шахтах два человека, избитых десятки.)

3) Довести гонением массу до отчаяния, а затем предложить им перейти на советскую службу, обещая всякие блага, а главным обра-

зом, восстановление военной организации. Для последней цели в Софии уже имеется приехавший из Совдепии нужный офицерский командный состав.

Весьма вероятно, что масса, лишенная руководства, гонимая, голодная, поставленная в необходимость выбирать между побоями, лишениями, даже смертью и возможностью вздохнуть наконец от преследований, не устоит, и тогда... большевистский корпус в центре Балкан.

Учитывают ли французские и английские политики, какими это сулит осложнениями в будущем.

И никакими дипломатическими нотами и предложениями этого корпуса из Болгарии не выкуришь, чему примером существование до сего времени в Болгарии этого же самого корпуса, но в белых рядах. А ведь за генералом Врангелем не стояло никакой поддержки. Наилучшим выходом из создавшегося в Болгарии положения был бы, разумеется, прием Сербией русских контингентов из Болгарии на работы.

Содержание их не стоило бы ни копейки сербскому правительству, а вместе с тем оно могло бы найти в этих людях, в случае осложнения на Балканах, могучую силу, которую можно было бы противопоставить возможному натиску коммунистической Москвы, могущему быть осуществленным при помощи болгар. Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

С. Ильин».

³⁵ *Людендорф* Эрих (1865 — 1937) — немецкий генерал-фельдмаршал, в первую мировую войну был на Восточном фронте, участвовал в подготовке и реализации Брест-Литовского мирного договора.

³⁶ *Униличт* Иосиф Станиславович (1879 — 1938) — участник революций 1905 — 1907 гг. в Польше, Октябрьской в Петрограде. С 1921 г. — заместитель председателя ВЧК, с 1923 г. — член Реввоенсовета.

³⁷ *Союз русского народа* — крайне правая политическая организация в России в 1905 — 1917 гг., лидером которой был А. И. Дубровин, с 1910 г. — Н. Е. Марков. В его программном документе утверждалось, что «Союз Русского Народа есть объединившийся православно-русский народ для общего совета и дела на пользу своего родного Отечества» (Катехизис Союза русского народа. Почаев, 1910. С. 3).

³⁸ *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875 — 1933) — советский государственный и партийный деятель, писатель, критик, нарком просвещения.

³⁹ Имеется в виду происходивший в середине 1922 г. процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров, который «вскрыл контрреволюционную сущность партии».

⁴⁰ *Бухарин* Николай Николаевич (1888 — 1938) — известный большевик, теоретик, кандидат в члены Политбюро, редактор газеты «Правда».

⁴¹ *Покровский* Михаил Николаевич (1868 — 1932) — советский партийный и государственный деятель, историк, зам. наркома просве-

шения, руководитель Коммунистической академии и Института красной профессуры.

⁴² *Фуше Жозеф* (1759 — 1820) — министр полиции Франции в 1799 — 1802, 1804 — 1810, 1815 гг. Создал разветвленную систему политического сыска и шпионажа.

⁴³ *Людовик XVIII* (1755 — 1824) — французский король в 1814 — 1815 и 1815 — 1824 гг. В период Великой французской революции один из руководителей французской контрреволюционной эмиграции.

⁴⁴ *Каменев* (Розенфельд) Лев Борисович (1883 — 1936) — известный большевик-революционер, с 1922 г. — заместитель Председателя Совнаркома.

⁴⁵ «Павел Николаевич Милюков, проживая на чужбине, находился на крайне левом крыле кадетской партии, придерживался тезиса приравнивания эмиграции к «эволюции советской системы», блокировался по многим вопросам с эсерами и народными социалистами. Попытки П. Н. Милюкова опереться на представителей эмигрантских торгово-промышленных кругов особого успеха не имели. В ноябре 1923 г. секретной информацией генерала П. Н. Шатилова П. Н. Врангелю сообщалось, что несколько левых членов Лондонского Торгово-Промышленного Комитета во главе с М. В. Брайкевичем подняли вопрос о необходимости совместной с большевиками работы по экономическому возрождению России, что, как они считали, только ускорит неминуемую мирную эволюцию советского строя и переход власти к «правым». «Я имею определенные данные, — подчеркивал П. Н. Шатилов, — указывающие, что с такими прогнозами большевики обращались и к некоторым другим лицам эмиграции. По-видимому, большевики хотят поймать на эту удочку новый тип сменовеховцев, не желающих рвать с эмиграцией и при их посредстве приобрести известное доверие в среде иностранных и финансовых кругов для упрочения международного положения и для получения так им нужных кредитов» (АГИВ, кор. 144, д. 27, л. 10 об.). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

К чести торговопромышленников, предложение М. В. Брайковича принято не было.

⁴⁶ *Богданов* (Малиновский) Александр Александрович (1873 — 1928) — врач, философ, экономист, автор «Всеобщей организационной науки», один из идеологов и основателей Пролеткульта, считался «большой умницей». По мнению многих историков государственной мысли, после его смерти ничего собственно нового и оригинального в советских исследованиях государственных и социальных вопросов не было.

⁴⁷ *Ганецкий* (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879 — 1937) — известный интернационалист, деятель польского и русского революционного движения, банкир, принимавший участие в организации возвращения Ленина в Россию в апреле 1917 г., посредник между немцами и большевиками в обеспечении последних деньгами из Германии на нужды революции (см. подробно: С а т т о н Э. Уолл-стрит и боль-

шевистская революция. М., 1998. С. 39, 43, 60 — 63, 272, 366). В Советской России занимал должности управляющего Народным банком и члена коллегии Народного комиссариата финансов.

⁴⁸ *Чичерин* Георгий Васильевич (1872 — 1936) — советский государственный и партийный деятель, один из организаторов возвращения большевиков-эмигрантов в Россию весной 1917 г., с 1918 г. — нарком иностранных дел.

⁴⁹ Британская фирма «Urghardt» до революции имела огромную концессию в Средней Азии, затем была национализирована. В 1922 г. фирма подала заявление советским властям о желании получить новую концессию, но получила отказ от самого Ленина.

⁵⁰ *Вирт* Карл Йозеф (1879 — 1956) — в 1921 — 1922 гг. германский рейхсканцлер. Подписал вместе с министром иностранных дел Германии В. Ратенау советско-германский Рапальский договор.

⁵¹ Имеется в виду советско-германский договор, подписанный 16 апреля 1922 г. в Рапалло, во время Генуэзской конференции, о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связях, что позволяло Германии смягчить жесткие условия Версальского договора, а СССР получить признание еще одного европейского государства.

⁵² *Мальцан* Адольф фон (1877 — 1927) — барон, возглавлял Восточный отдел министерства иностранных дел Германии, был приверженцем Рапальского договора и сближения с Советской Россией.

⁵³ *Форд* Генри (1863 — 1947) — американский промышленник, миллионер, создатель знаменитого конвейера, позволившего производить дешевый автомобиль — «черный форд».

⁵⁴ «*Рурский фронт*» — известная оккупация французскими войсками Рурской области в январе 1923 г.

⁵⁵ «*Московский фронт*» — надо понимать как угрозу для Франции военного сближения Германии и России. Действительно, «летом 1923 года участники совещания в Берлине — министр иностранных дел барон фон Розенберг, министр финансов А. Гермес, советник металлургической фирмы «Гутехофф — нунгсхютте» П. Ройш, начальник отдела вооружений штаба сухопутных сил полковник В. Менцель и другие — согласовали сумму для финансирования военных расходов в России в размере 75 миллионов марок» (см.: Дьяков Ю. Л., Бушурев А. Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 15).

⁵⁶ Подробнее об активности французских масонских лож по открытию новых русских масонских лож за границей именно в это время см. шестую главу в цитированной выше книге А. И. Серкова «История русского масонства».

⁵⁷ См. об этом более подробно в книге М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (М., 1994. С. 103 — 142).

⁵⁸ *Швос* — не установлен.

⁵⁹ «Ара» (сокращение от American Relief Administration — Американская администрация помощи) — организация, созданная в 1919 г. для оказания помощи пострадавшему от первой мировой войны населению европейских стран. Возглавлялась Г. Гувером.

⁶⁰ Гувер Герберт Кларк (1874 — 1964) — 31-й президент США (1929 — 1933) от республиканской партии. В 1919 — 1923 гг. — руководитель АРА, в 1921 — 1928 гг. — министр торговли.

⁶¹ Во время своего президентства, — а это был период великой депрессии — Г. Гувер проводил политику, способствовавшую восстановлению военно-промышленного потенциала Германии. Германофильством в это время отличался и промышленник Г. Форд.

⁶² «Протоколы сионских мудрецов» получили широкую огласку после опубликования их С. А. Нилусом во втором издании его книги «Великое в малом» (Царское Село, 1905). Сам Сергей Александрович считал, что «эти «Протоколы» тайно извлечены из целой книги протоколов, как мы теперь знаем, 1-го Сионистского конгресса, бывшего в Базеле в августе 1897 года». (см.: Н и л у с С. Близ есть при дверях. Сергиев Посад, 1917. С. 161).

На Г. Форда «Протоколы» действительно произвели сильное впечатление. В период 1920 — 1921 гг. в еженедельной газете «The Deaborn Independence» он опубликовал более двух десятков статей о «мировом еврействе», которые позднее были собраны в его книгу «The International Jew» (1968).

⁶³ Лизис — здесь: постепенная стабилизация ситуации.

⁶⁴ *Монархисты марковского толка* — сторонники Н. Е. Маркова.

⁶⁵ *группа «Белого Креста»* — что-либо установить об этой группе не удалось.

⁶⁶ Павлов Александр Николаевич — позднее описываемых обстоятельств редактировал газету «Единый фронт».

⁶⁷ Российская фашистская организация была создана в 1925 г. в Харбине, в 1931 г. она превратилась в партию. В 1938 г. под названием «Российский фашистский союз» насчитывала, по разным оценкам, от 10 до 23 тысяч членов и имела 48 отделов в 18 странах (см. более подробно: Н а з а р о в М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 261 — 263).

⁶⁸ О Н. Д. Тальберге см. переписку со Струве, коммент. 55.

⁶⁹ Красин Леонид Борисович (1870 — 1926) — социал-демократ, большевик, советский партийный и государственный деятель. В 1918 г. — член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности. В 1919 г. — нарком путей сообщения, член Реввоенсовета. С 1920 г. — нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Великобритании.

⁷⁰ Винавер Максим Моисеевич (1863 — 1926) — юрист, один из основателей партии кадетов, ведущий деятель еврейских организаций, депутат I Государственной Думы, в эмиграции с 1919 г., стоял у истоков создания так называемого Временного комитета для защиты русских интересов за границей, сотрудник милюковской газеты «Последние новости».

⁷¹ Принадлежность П. Н. Милюкова к масонству многими оспаривается. В книге А. И. Серкова он не числится таковым, как и М. М. Винавер.

⁷² *ассасин* (фр.) — убийца.

⁷³ Красин состоял в совете директоров знаменитой электротехнической фирмы, основанной *Сименсом* Эрнстом Вернером (1816 — 1892), концерны и компании которой успешно продолжали свою деятельность после смерти основателя.

⁷⁴ О масонстве большевиков известно очень мало.

⁷⁵ *Бикерман* Иосиф Менасиевич (1860 — 1942) — журналист, публицист, автор мемуаров, опубликованных в парижском журнале «Возрождение» (1951, № 18 — 19; 1964, № 153 — 154).

⁷⁶ *Ландау* Григорий Адольфович (1877 — 1941) — потомственный журналист, отец которого был основателем и долгое время редактором русско-еврейских органов печати (журнал «Восход», газета «Еженедельная хроника восхода», ежегодник «Еврейская библиотека»), по образованию юрист, до революции активно печатался в различных журналах, в 1920 г. бежал с семьей в Финляндию, за границей работал в газете «Руль», публиковался в многочисленных газетах и журналах.

⁷⁷ *Мандель* В. С. — журналист и публицист, автор работы «Консервативные и разрушительные элементы в еврействе», напечатанной в сборнике «Россия и евреи» (Берлин, 1924).

⁷⁸ «Д. С. Пасманик был одним из членов созданного в 1921 г. в Париже праволиберального Русского Национального Комитета, в котором неоднократно выступал в защиту монархического строя в освобожденной от большевиков России. Так, на заседании 25 мая 1923 г. он заявил: «Теперь в России речи нет о каком-нибудь либерализме. Нужна диктатура. Пора прекратить игру в жмурки. Говоря о возглавлении великого князя Николая Николаевича, мы, конечно, говорим о монархическом образе правления» (АГИВ, кор. 143, д. 23, л. 123). В конце 1923 г. Д. С. Пасманик, И. М. Бикерман и ряд других общественных деятелей создали Отечественное объединение русских евреев за границей. В начале 1924 г. это Объединение выпустило в берлинском издательстве «Основа» сборник «Россия и евреи», в который вошли статьи Д. С. Пасманика, И. М. Бикермана, Г. А. Ландау, В. С. Манделя, И. О. Левина и Д. О. Линского. Авторы безоговорочно поддерживали активную борьбу против большевиков за возрождение России. Как утверждал в своей статье Д. С. Пасманик, «<...> в самой России — еврейство сильно правее и готово примириться даже с режимом Николая II, лишь бы освободиться от Ленина и Троцкого. Еще и еще раз подчеркиваю: антитеза широких еврейских масс гласит не «большевизм — монархия», а «большевизм — погромы», не 1923 — 1917, а 1923 — 1919» (с. 227). В 1992 г. все статьи этого примечательного сборника были перепечатаны саратовским журналом «Волга» (№ 3 — 6). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

⁷⁹ О деятельности созданного в Париже в 1922 г. Временного комитета русского масонства, а затем ряда русских масонских лож см. подробно в книге А. И. Серкова.

⁸⁰ *Луанкаре* Раймон (1860 — 1934) — президент Франции в 1913 — 1920 гг., премьер-министр в 1912, 1922 — 1924, 1926 — 1929 гг.

⁸¹ АГИВ, кор. 150, д. 40, лл. 105 — 105 об. Машинопись (2-й экземпляр).

⁸² Речь идет о докладе И. А. Ильина «Государственный смысл белой армии», сделанном им в Берлине 19 ноября 1923 г. на вечере, посвященном шестилетней годовщине основания Добровольческой армии.

⁸³ АГИВ, кор. 150, д. 40, л. 198. Автограф. Письмо без даты.

⁸⁴ Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященных пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. — Белград, 1923. — 490 с.

⁸⁵ АГИВ, кор. 150, д. 40, л. 389. Машинопись (2-й экземпляр).

⁸⁶ Книга была выслана И. А. Ильину в числе 65 военных чинов и гражданских лиц (там же, л. 382).

⁸⁷ АГИВ, кор. 150, д. 40, лл. 467 — 469 об. Автограф.

⁸⁸ Речь идет о Манифесте 31 августа 1924 г., в котором великий князь Кирилл Владимирович объявил себя «Российским императором».

⁸⁹ Так в тексте письма.

⁹⁰ «*L'opinion ... qu'on ne pense*» (фр.) — «Общественное мнение — сила невидимая, таинственная, перед которой ничто не может устоять; нет ничего более переменчивого, более туманного и более мощного; но и при всей своей капризности общественное мнение оказывается правым, разумным и справедливым гораздо чаще, чем принято думать» (Пер. В. Г. Бортневского.)

⁹¹ «*C'était ... instant anparavant*» (фр.) — «Вот как получилось, что при реставрации, которую столь плохо провели в жизнь, дело дошло до того, что цареубийцы приобрели популярность, то есть именно те люди, которых еще совсем незадолго до этого большая часть нации отвергла». (Пер. В. Г. Бортневского.)

⁹² Речь идет о выступлении генерала Корнилова в августе 1917 г.

⁹³ *Большевицкий кузен* — партия социалистов-революционеров.

⁹⁴ *Степун Федор Августович* (1884 — 1965) — философ и писатель, литературный критик, теоретик театра и кино, один из организаторов культурной и религиозно-общественной жизни русского зарубежья. 22 ноября 1922 г. был выслан из Советской России в Германию, один из издателей журнала «Новый Град» (1931 — 1939).

⁹⁵ *Филоненко* Максимилиан Максимилианович (1886 — 1950) — штабс-капитан, член партии эсеров, комиссар в 8-й армии, командующий Л. Г. Корниловым, с 1919 г. в эмиграции.

⁹⁶ *Философов* Дмитрий Владимирович (1872 — 1940) — публицист, историк культуры и литературы, редактор варшавской газеты «За свободу!», основанной Б. В. Савинковым.

⁹⁷ АГИВ, кор. 150, д. 40, лл. 470 — 470 об. Машинопись (2-й экземпляр).

⁹⁸ АГИВ, кор. 150, д. 40, л. 489. Автограф.

⁹⁹ Врангель находился в Берлине с 11 по 17 декабря 1924 г.

¹⁰⁰ Имеется в виду статья И. А. Ильина «О нашем политическом лике».

¹⁰¹ Упоминается Котляревский *Николай Михайлович* (1890 — 1966) — личный секретарь генерала П. Н. Врангеля.

¹⁰² АГИВ, кор. 150, д. 40, л. 490. Машинопись (2-й экземпляр).

¹⁰³ «17 декабря 1924 года русскими эмигрантскими организациями Берлина был дан банкет в честь генерала Врангеля, на котором присутствовало более 100 человек. В ответ на приветствие Главнокомандующий выступил с речью. В тот же вечер он отбыл из Берлина» (Новое Время. 1924. 28 дек.).

¹⁰⁴ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 162 — 166. Машинопись (2-й экземпляр).

«Положение» Ильина сопровождалось письмом А. А. фон Лампе (подписанным его псевдонимом Л. Г. Семеновский) к Н. Н. Чебышеву, по всей видимости, для передачи генералу П. Н. Врангелю, коль скоро оно оказалось в его архиве. Приводим полностью это сопроводительное письмо.

«21 мая 1925 г.

№ 0697

г. Берлин

Его Пр<евосходитель>ству Н. Н. Чебышеву

Конфиденциально

<Вх.> № 848

5 сент. 1925 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

При сем препровождаю сводку «О п о л о ж е н и и», составленную И. А. И.

Я лично несколько иначе смотрю на значение в Германии «кириллистов», но во всем объеме сводки считаю, что взгляд ее автора правилен.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и такой же преданности.

Л. Г. Семеновский» (АГИВ, кор. 150, д. 41, л. 161). (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁰⁵ Под *Кобургским претендентом* подразумевается великий князь Кирилл Владимирович.

¹⁰⁶ Здесь и далее при упоминании «великий князь» речь идет о великом князе Николае Николаевиче.

¹⁰⁷ Имеются в виду два враждебных лагеря — союзники Германии и Антанта.

¹⁰⁸ *Шлезингер* Г. — банкир, бывший глава Московского Купеческого банка.

¹⁰⁹ *Osteuropa* (нем.) — Восточная Европа. Это слово вписано Ильиным от руки.

¹¹⁰ «Речь идет о провокациях в Берлине против председателя II отдела РОВС генерала А. А. фон Лампе и С. Д. Боткина, возглавлявшего Организацию по защите интересов русских беженцев в Германии. Провокации были делом рук большевистских агентов и использованы местными властями. Клеветнические статьи депутата рейхстага Кенкеля о том, что русское военное представительство ведет якобы шпионаж в пользу Франции, были опубликованы в Мариенверде и Галле. Причем, как писал Врангелю фон Лампе 25 июня 1925 г., «к этому делу примазываются и «кириллисты», <...> из числа большевистских агентов, окружающих Кенкеля, есть и официально причисляющие себя к «верноподданным». Такое смешение понятий, по местной обстановке, да думаю, что и по той, которая царит у Вас, вполне понятно!» (АГИВ, кор. 150, д. 41, л. 193). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹¹¹ Высший Монархический Совет поддерживал великого князя Николая Николаевича и не признавал великого князя Кирилла Владимировича «Российским императором».

¹¹² См. коммент. 190 в предыдущей коллекции писем.

¹¹³ АГИВ, кор. 150, д. 41, л. 213. Машинопись (2-й экземпляр). 1-й экземпляр находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 63, д. 1.

¹¹⁴ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 260 — 260 об. Автограф.

¹¹⁵ См.: И л ь и н И. А. Нечестивые споры// Возрождение. — № 128. — 1925. — 8 окт. Вероятно, начальное название статьи было «Нечестные споры».

¹¹⁶ Poleмику см. в наст. Собр. соч., т. 5.

¹¹⁷ См.: Установленный порядок// Дни. — № 823. — 1925. — 10 окт.

¹¹⁸ С.Х.С. — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия).

¹¹⁹ Идея создания «ордена» принадлежит офицеру Добровольческой армии А. Дисскому, опубликовавшему с помощью В. Х. Даватца статью «Утопическая идея и ее реальное осуществление» в ежемесячном военно-эмигрантском журнале «Корниловец», № 2, Тулово (Болгария), 1922. См. перепечатку в наст. Собр. соч. (Т. 5. С. 545 — 556).

¹²⁰ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 262 — 263. Машинопись (2-й экземпляр).

¹²¹ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 322 — 322 об. Автограф.

¹²² Статья «Большевики о вооруженной борьбе с ними», подписанная инициалом С. (Возрождение. № 192. 1925. 11 дек.), посвящена пятилетней годовщине занятия Крыма советскими войсками.

¹²³ *Терсит* — древнегреческий ахейский воин, участвовавший в Троянской войне, который выступил на собрании войска против алчности Агамемнона. Здесь — дерзкий, неуживчивый человек.

¹²⁴ Речь идет о подготовке Российского Зарубежного съезда.

¹²⁵ «Вестник Главного Правления Общества Галлиполийцев» издавался в Белграде в 1923 — 1926 гг. Во втором номере этого журнала

была опубликована статья Ильина «О нашем политическом лике. (Отрывок из частного письма)».

¹²⁶ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 323 — 324. Машинопись (2-й экз.).

¹²⁷ Части Русской армии были рассредоточены в разных странах, где зарабатывали себе на жизнь. Руководство РОВСа также вынуждено было обеспечивать себя самостоятельно и трудилось в организации безвозмездно.

¹²⁸ Д а в а т ц В. Х. Годы: очерки пятилетней борьбы. — Белград, 1924.

¹²⁹ Д а в а т ц В. Х., Л ь в о в Н. Н. Русская армия на чужбине. — Белград, 1923.

¹³⁰ Генерал-майор А. А. фон Лампе возглавлял II отдел РОВСа. Согласно распоряжению П. Н. Врангеля членам РОВСа запрещалось участвовать в политических партиях, поэтому на Российском Зарубежном съезде они могли присутствовать только как частные лица.

¹³¹ АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 229 — 230. Карандашный автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Белый».

¹³² Генерал П. Н. Врангель не оставлял мысль об издании своей газеты, которая отражала бы позицию Главного командования Русской армии и Русского Общевоинского Союза.

¹³³ *Фальц-Фейн* Эдуард Владимирович — бывший депутат Государственной Думы, помещик Екатеринославской губернии. «Как писал 3 мая 1925 г. генерал А. А. фон Лампе П. Н. Врангелю, Э. В. Фальц-Фейн «некоторое время тяготел к украинству, затем стал поддерживать Великого Князя Николая Николаевича; никакого серьезного значения за ним нет. Думаю, что сейчас он в периоде благоприятном для его использования в наших вопросах» (АГИВ, кор. 152, д. 49, л. 14). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹³⁴ «Мысль об издании периодических документальных сборников о Белом движении («Белый Архив») была выдвинута А. А. фон Лампе еще в 1923 г. при поддержке со стороны А. П. Ливена, герцога Г. Н. Лейхтенбергского и самого П. Н. Врангеля. На протяжении двух лет А. А. фон Лампе безуспешно пытался найти необходимые средства. 20 декабря 1925 г. в письме к П. Н. Врангелю он вновь поднял этот вопрос, предполагая сделать редакцию своего рода историческим обществом, центром собрания, хранения и использования документальных материалов. В ответном письме от 24 декабря П. Н. Врангель соглашался стать председателем организационного комитета, предоставить право пользования своим архивом и представить для напечатания свои воспоминания, но на следующих условиях: «1. Архив должен называться Белым. Содержание должно соответствовать названию — не быть ни Красным, ни Черным» <так в тексте. — В. Б.>. 2. Во главе редакционной комиссии должно стоять лицо, пользующееся моим доверием (А. А. Лампе)». 24 апреля 1926 г. Врангель сообщил фон

Лампе, что «дело с архивом благополучно завершено, выговорено обеспечение Вас как редактора. Долесобирания осуществляет группа из трех-четырех лиц под моим председательством, издание под редакцией А. А. фон Лампе». Название было изменено на «Белое Дело: летопись Белой борьбы» в связи с тем, что в 1926 г. в Париже Музеем современных событий было начато издание «Белого Архива», сборника материалов по истории и литературе войны, революции большевизма, белого движения и т. п. под редакцией Я. М. Лисовского. Первый том «Белого Дела» вышел в берлинском издательстве «Медный всадник» на средства Н. А. Белоголовцева, на второй деньги дал герцог Г. Н. Лейхтенбергский, на третий — Э. В. Фальц-Фейн. В качестве своеобразного введения ко всему изданию в первом томе была опубликована замечательная статья И. А. Ильина «Белая идея». Генерал Врангель принимал постоянное участие в собирании материалов, отправлял письма-приглашения некоторым предполагаемым авторам, давал свои рекомендации по представляемым для публикации материалам. Всего в 1926 — 1928 гг. вышло шесть книг «Белого Дела», последние две (с записками П. Н. Врангеля) изданы были уже после его смерти. Редакция «Белого Дела» стала организационным центром II отдела РОВС, возглавлявшегося также А. А. фон Лампе. Более того, в 1927 г., когда генералом Врангелем и наиболее доверенными ему лицами, в том числе и И. А. Ильиным, велась работа по созданию секретной организации для активной антибольшевистской борьбы в Советской России (в противовес «Кутеповской», продолжавшей работу несмотря на провалы и громкие разоблачения), редакцию «Белого Дела» предполагалось перевести в Париж, сделать ее «камуфляжем для конспиративного центра» и совместить в лице А. А. фон Лампе роли редактора и руководителя «работой внутри России». Предполагалось организовать представительства редакции в Финляндии, Эстонии, Латвии и Румынии, которые на самом деле должны были бы заниматься разведывательной деятельностью и обеспечением одной или нескольких линий связи от границы с одним из центров России, «обеспечением приобретения огнестрельного оружия и по возможности взрывчатых ручных снарядов» и т. п. (АГИВ, кор. 152, д. 49, лл. 134 — 137; кор. 151, д. 44, лл. 289 — 290 и др.). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹³⁵ См.: И л ь и н И. А. Борьба за армию// Возрождение. — № 423. — 1926. — 30 июля.

¹³⁶ Годразумевается книга В. Х. Даватца «Годы».

¹³⁷ См.: И л ь и н И. А. О воле и грозной любви// Возрождение. — № 430. — 1926. — 6 авг.

¹³⁸ И. А. Ильин встречался с генералом П. Н. Врангелем в начале июля 1926 г. в замке Зеон (Баварские Альпы), принадлежащем герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому.

¹³⁹ Групповая фотография во время этой встречи. См. альбом «Иван Ильин и Россия» (М., 1999).

¹⁴⁰ 31 октября 1927 г. в Белграде состоялись торжественные проводы генерала П. Н. Врангеля, а 2 ноября 1927 г. он выехал в Бельгию.

¹⁴¹ АГИВ, кор. 151, д. 42, л. 231. Машинопись (2-й экз.).

¹⁴² АГИВ, кор. 150, д. 41, лл. 229 — 230. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Б».

¹⁴³ См.: Д е н и к и н А. Очерки смуты// Белое Дело. — Т. 5. — Берлин, 1926.

¹⁴⁴ См.: К е р е н с к и й А. Дело Корнилова. — М., 1918. — 194 с.

¹⁴⁵ См.: Д р е й е р В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. — Берлин, 1921. — 154 с.

¹⁴⁶ *пледировать* (от *фр. plaider*) — судиться, вести тяжбу, защищать в суде.

¹⁴⁷ Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 8, ст. IX). Правильно:

Что пылких душ неосторожность,
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит...

¹⁴⁸ Имеется в виду Руппрехт фон Виттельсбах (1869 — 1955) — старший сын короля Баварии Людвига III, отрекшегося от престола в ноябре 1918 г.; в 1920-х гг. возможный кандидат на престол в случае реставрации монархии в Германии. К роду Виттельсбахов принадлежал Людовик IV Баварский.

¹⁴⁹ АГИВ, кор. 150, д. 43, лл. 229 — 230. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Б».

¹⁵⁰ То есть членов Высшего Монархического Совета.

¹⁵¹ «Речь идет, видимо, о выступлениях в поддержку позиции Епископа Берлинского Тихона (Лященко) по вопросу о юрисдикции Русской Церкви за границей. Сам Епископ Тихон был очень близок Высшему Монархическому Совету, часто проводил время в доме барона Б. Г. Кеппена». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁵² «Приглашение барона Б. Г. Кеппена было передано П. Н. Врангелю через А. А. фон Лампе, которому, в свою очередь, его передал С. А. Соколов-Кречетов. Эту идею также поддерживал герцог Г. Н. Лейхтенбергский». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁵³ АГИВ, кор. 151, д. 43, лл. 130 — 131. Машинопись (2-й экз.). 1-й экземпляр находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 63, д. 1.

¹⁵⁴ «Иного мнения по поводу возможности остановиться у барона Б. Г. Кеппена придерживался А. А. фон Лампе. После отказа, вызванного в значительной степени мнением И. А. Ильина, А. А. фон Лампе отправил П. Н. Врангелю пространное письмо от 3 марта 1927 г., обосновывая свою точку зрения по данному вопросу. «Белый, — писал он, — знает барона К<еппена> лучше меня. Отношения между ними казались мне всегда близкими и только в последнее время несколько испортившимися. Почему испортились — не знаю, но хороши они

были, так как книга «Спротивление злу» издана бароном К<еппен>. Барон К<еппен> — слабый, упрямый и, по-видимому, безвольный человек. У нас в Армии его называли бы «шляпа». Он подчинился всецело Маркову, который к тому же снабдил его своей отставной любовницей, которая на К<еппена> имеет влияние <...> Жена у барона К<еппена> — двоюродная сестра Вашего наиболее сомнительного однополчанина <генерал-майора В. В. Бискупского. — В. Б.>. У нее две сестры, — все это живет вместе и, конечно, сплетничает. Все три, мягко выражаясь, не умны (и очень). У жены непонятно уживается ненависть к Маркову (за «снабжение» мужа) с преклонением перед Антонием (Белый — за Евлогия). Ее сестры больны «кириллизмом» — видимо, по двоюродному брату... Вот откуда все страхи Белого, о которых он говорил. Он видит в этом возможность наблюдения, сплетен, доносов кто бывает и т. д. — я же считал, что все это не весит и все три «неумные» дамы будут смотреть на Вас, открыв рот, и постоянно, от одного нахождения Вашего в их доме, перейдут от своих «убеждений» к «обожанию» Вас... <...> А возможность поселиться была полная и, что главное, — удобная». При этом А. А. фон Лампе не только не старался переубедить П. Н. Врангеля, но, напротив, категорически подчеркивал, что если тот изменит свое решение, то: «<...> такое решение сильно ударит по Белому и ударит незаслуженно. Он все принимает много глубже и острее, чем все мы. А при его исключительном отношении к Вам и к нашему делу — мне кажется, что им следует дорожить — таких людей очень мало, если они вообще существуют» (АГИВ, кор. 151, д. 43, лл. 132 — 134). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹⁵⁵ Отношения основателя Добровольческой армии генерала Михаила Васильевича Алексева с командующим армией генералом Л. Г. Корниловым и сменившим его генералом А. И. Деникиным были простыми.

¹⁵⁶ *Собрание Первопроходников* — то есть Союза участников Первого Кубанского (Ледяного) похода, почетным председателем которого был генерал А. И. Деникин.

¹⁵⁷ АГИВ, кор. 151, д. 44, лл. 257 — 257 об. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Белый». Даты не проставлены. По мнению В. Г. Бортневского, письмо написано не ранее 11 и не позднее 25 июля 1927 г.

¹⁵⁸ Имеется в виду генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов.

¹⁵⁹ Речь идет о секретной работе в России, которой руководил генерал А. П. Кутепов.

¹⁶⁰ П. Н. — Шатилов Петр Николаевич (1881 — 1962), генерал от кавалерии. Участник русско-японской, первой мировой войн. В Добровольческой армии с конца 1918 г., осуществил ее успешную эвакуацию из Крыма в ноябре 1920 г., за что и был произведен в генеральское звание. С 1924 по 1934 г. — начальник 1-го отдела РОВСа во Франции.

¹⁶¹ Слова «не нужно» говорит П. Н. Шатилов.

¹⁶² Речь идет о проекте издания журнала «Русский Колокол».

¹⁶³ *дипломатус дреднотикус* — здесь: крупный дипломат. О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁶⁴ Имеется в виду Саблин Евгений Васильевич — бывший советник посольства, а с 1919 г. — глава российской дипломатической миссии в Лондоне. Позже представлял интересы русских эмигрантов в Лондоне, вел регулярную переписку с генералом П. Н. Врангелем.

¹⁶⁵ «В письме к Шатилову от 13 июля 1927 г. генерал Врангель отмечал, что «при отсутствии планомерной работы великого Князя и при невозможности для меня в настоящее время такую работу вести приходится предоставить ее частному почину на местах». В Германии это должен был делать И. А. Ильин, а в Англии — Е. В. Саблин. Врангель просил А. И. Гучкова организовать их встречу. «При этом я определенно подчеркнул, — продолжал Врангель, — что в настоящее время я никакой политической работы вести не могу. Но что в интересах пользы общего дела желательна согласование работы, уже по частному почину на местах ведушейся» (АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 276). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹⁶⁶ Бортневский считал, что, возможно, имеется в виду человек, проходящий в секретной переписке П. Н. Врангеля и А. А. фон Лампе под именем «Феттер».

¹⁶⁷ Подразумевается П. Б. Струве, редактор «Возрождения».

¹⁶⁸ Речь идет о вытеснении П. Б. Струве из редакции «Возрождения».

¹⁶⁹ См.: Ш у л ь г и н В. В. Три столицы: Путешествие в красную Россию. Берлин: Возрождение, 1927.

¹⁷⁰ Речь идет об организации И. А. Ильиным собственного издания (чуть позже им стал журнал «Русский Колокол») и об обещании П. Н. Врангеля передать для публикации в нем подготовленный им материал.

¹⁷¹ Подразумевается Врангель (урожденная Иваненко) Ольга Михайловна (1882 — 1968) — жена П. Н. Врангеля.

¹⁷² Иваненко Наталия Михайловна — теща П. Н. Врангеля.

¹⁷³ Ш м е л е в И. С. Солнце мертвых. — Париж: Возрождение. 1926. — 172 с.

¹⁷⁴ АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 258. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Белый».

¹⁷⁵ Ильин ждал от Врангеля статью для первого номера «Русского Колокола».

¹⁷⁶ *Апраксин* Петр Николаевич (1876 — 1962) — граф, служил до революции секретарем у министра земледелия, затем — в кабинете министра внутренних дел П. А. Столыпина, участник Всероссийского Поместного Церковного Собора 1917 — 1918 гг., в эмиграции — общественный деятель. Родственник Н. М. Котляревского — сын Апраксина Владимир был женат на дочери Николая Михайловича Марии.

¹⁷⁷ АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 259. Машинопись (2-й экз.).

¹⁷⁸ АГИВ, кор. 151, д. 44, лл. 311 — 311 об. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Б».

¹⁷⁹ Речь идет о номерах «Русского Колокола».

¹⁸⁰ См.: Старый политик (псевдоним И. А. Ильина. — Ю. Л.) Как хранить тайну. (Правила и советы)// Русский Колокол. — № 1. — Берлин, 1927. — С. 78 — 80.

¹⁸¹ Левин Семен Яковлевич — торговец, с 1927 г. член масонской ложи «Гермес».

¹⁸² По замечанию В. Г. Бортневского, масонство Фальковского не установлено.

¹⁸³ *рдо* — леворадикальное республиканско-демократическое объединение, созданное в июле 1923 г. в Париже под руководством П. Н. Милюкова.

¹⁸⁴ О Залкмане сведений у комментатора нет.

¹⁸⁵ Ю. Ф. Семенов в это время был редактором «Возрождения».

¹⁸⁶ «Н. Н. Чебышев, не прекративший сотрудничества с «Возрождением», написал также подробное письмо генералу Врангелю с объяснением своей позиции» (АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 289). (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁸⁷ О скандале в «Возрождении» см. подробно в письмах Ильина к Струве.

¹⁸⁸ «Речь идет о секретных переговорах о финансовой помощи для организации по ведению эффективной работы в России в противовес все еще продолжавшейся «деятельности» генерала А. П. Кутепова и его людей. Доверенными лицами П. Н. Врангеля в этих переговорах выступали А. А. фон Лампе и И. А. Ильин». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁸⁹ «Речь идет об участии И. А. Ильина (с согласия П. Н. Врангеля) в подготовке к публикации В. Л. Бурцевым разоблачительных материалов о деятельности агентов ОГПУ в русской эмиграции и провалах «Кутеповской организации». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁹⁰ «Речь идет об ежедневной газете «Слово», издававшейся в Риге акционерным обществом «Саламандра» в 1925 — 1929 гг. В № 611 от 2 сентября 1927 г. была опубликована информация из Москвы «Арест террористов в Петербурге», в которой излагалось официальное заявление ОГПУ СССР за подписью В. Р. Менжинского об арестах членов нескольких террористических групп при переходе финской и латвийской границы (В. А. Самойлова, Н. П. Строева, А. И. Адеркаса, А. Б. Балмачова и А. А. Сольского), а также уничтожении С. В. Соловьева и Шарина в результате вооруженного столкновения близ Петрозаводска. Их действия с «парижским центром русских монархистов, сторонников великого князя Николая Николаевича», «монархическими организациями в Гельсингфорсе» и «латвийской контрразведкой». (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁹¹ АГИВ, кор. 151, д. 44, лл. 313 — 314. Машинопись (2-й экз.).

¹⁹² АГИВ, кор. 151, д. 44, лл. 405 — 405 об. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Белый». Письмо без даты.

¹⁹³ *Палеолог* Сергей Николаевич (1877 — 1933) — потомственный дворянин Херсонской губернии, юрист, служил в Министерстве внутренних дел, был в правительстве генерала А. И. Деникина на Юге России. С 1920 г. в Югославии — первый председатель беженской колонии, принимал участие в качестве почетного члена на Карловацком соборе, сотрудничал в «Новом Времени», автор имевшей успех книги «Около Власти. Очерки пережитого» (Белград, б/г <1930>).

¹⁹⁴ «Речь идет о поступавшей из Советского Союза информации об арестах и судебных процессах над «белогвардейскими террористами» и о нежелании редакции «Возрождения» и «России» ставить вопрос о причинах провала боевой работы, которая возглавлялась генералом А. П. Кутеповым по поручению великого князя Николая Николаевича. 8 октября 1927 г. вышел в свет № 41 (126) парижского журнала «Иллюстрированная Россия», значительную часть его составил разоблачительный материал В. Л. Бурцева, в подготовке которого принимали негласное участие И. А. Ильин и А. И. Гучков. От Бурцева сразу же отмежевалась редакция «Борьбы за Россию», в которой он состоял, заявив, что не несет никакой ответственности за данную публикацию. П. Б. Струве отмечал в своей газете «Россия», что «отрицательные легенды могут быть так же вредны, как и положительные», выступал против «легковогоного притяия легкомысленных разоблачений». «Необходимо строго учитьвать ошибки. Не следует, однако, падать духом», — рассуждал Н. Н. Чебышев в «Возрождении». «Наши активисты не понимают того, что дело не в том, кто и для чего конспирирует», — резонно подчеркивалось в передовой статье «Последних новостей» (Россия. — 1927. — 15 окт.; Возрождение. — 1927. — 20 окт.; Последние новости. — 1927. — 20 окт.). (Примеч. В. Г. Бортневского.)

¹⁹⁵ АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 406. Автограф.

¹⁹⁶ *Кривошеин* Александр Васильевич (1857 — 1921) — русский государственный деятель, министр земледелия Российской империи (1908 — 1915), руководил проведением Столыпинской реформы, один из организаторов Белого движения, помощник Главнокомандующего по гражданским вопросам в Крыму, глава правительства Юга России.

¹⁹⁷ АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 542. Автограф. Подписан псевдонимом Ильина «Белый».

¹⁹⁸ «Эта загадочная фраза касается секретных переговоров с представителями финансовых и политических кругов Германии о поддержке генерала Врангеля, которые по его поручению вели А. А. фон Лампе и И. А. Ильин. В архивной коллекции П. Н. Врангеля сохранилась данная им инструкция по ведению этих переговоров, датированная 15 февраля. В ней обосновывалась необходимость переориентации русской ставки в Германии с «красной» на «белую», оказания материальной и политической поддержки законспирированному Зарубежному

русскому центру (при полном, однако, исключении содействия иностранной разведке со стороны этого центра)» (АГИВ, кор. 151, д. 442, лл. 539 — 541). (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

¹⁹⁹ АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 543. Черновой автограф.

²⁰⁰ АГИВ, кор. 151, д. 44, лл. 544 — 545. Машинопись (2-й экз.).

²⁰¹ «В начале марта 1928 г. А. А. фон Лампе посетил генерала Врангеля в Брюсселе вместе с важным посредником в переговорах, проходящим в переписке как «Феттер». Генерал Врангель и его доверенные лица предполагали заинтересовать собеседника имевшейся якобы реальной возможностью получения ими помощи из Англии и сыграть тем самым на обострившемся в то время англо-германском соперничестве за влияние на русские антибольшевистские круги. Идентичная оценка результатов брюссельских переговоров была дана генералом Врангелем в его письме к П. Н. Шатилову от 5 марта 1928 г.» (АГИВ, кор. 151, д. 44, л. 710). (*Примеч. В. Г. Бортневского.*)

²⁰² Свои «Записки» генерал П. Н. Врангель закончил 30 декабря 1923 г. и долго искал издателя, но выгодного для дела не нашел. Решено было напечатать их в 5-м томе «Белого Дела». Врангель тщательно редактировал «Записки», многое смягчил, за бортом осталось около 160 страниц, которые по его завещанию были сожжены. См. подробно об этом статью Сергея Карпенко: Судьба «Записок» генерала Врангеля// Новый журнал. — № 207. — Нью-Йорк, 1997. — С. 211 — 232.

²⁰³ Раковский Г. Н. Конец белых: от Днепра до Босфора. — Прага, 1921. — 274 с.

²⁰⁴ Валентинов А. А. Крымская эпопея / Под ред. И. В. Гессена// Архив русской революции. — Т. 5. — Берлин, 1923. — С. 5 — 100.

²⁰⁵ Оболенский В. А. Крым при Врангеле/ Под ред. С. П. Мельгунова// На чужой стороне: Историко-литературный сборник. — № 9. — Берлин, 1925. — С. 5 — 56.

²⁰⁶ Автограф хранится в коллекции Н. М. Котляревского в частном архиве Апраксиных (Бельгия). Впервые письмо опубликовано П. Г. Паламарчуком в книге «Крестный путь Русской Армии генерала Врангеля» (Рыбинск, 1996. С. 15). Здесь печатается по копии автографа, любезно предоставленной составителю данного Собрания сочинений ныне покойным Петром Георгиевичем Паламарчуком.

²⁰⁷ Автограф находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, д. 7. На письме пометки Ильина: «черновик Ольге Мих<айловне> Врангель после смерти ее мужа».

²⁰⁸ Следующий кусок текста в письме вычеркнут: «и на тех, кто вчера еще были безразличны, и на тех, которые двусмыслием ~~и~~ нашептами прибавили ему, вижу, что».

²⁰⁹ Вычеркнуто: «мнимые величины».

²¹⁰ Вычеркнуто: «унижает и».

²¹¹ Далее вычеркнута целая строка: «Наталья Николаевна и я — трепетно ждали известий каждый день».

ПИСЬМА К Н. Н. и К. П. КРАМАРЖАМ

Настоящая коллекция писем И. А. Ильина к супругам Надежде Николаевне и Карелу Петровичу Крамаржам находится в Архиве Народного музея (Archiv Národného muzea) в Праге (далее — АНМ). Копии этих писем были любезно предоставлены для публикации составителю настоящего Собрания сочинений сотрудником этого музея Марией Риантовой (Ph. Dr. Marie Ryantová), которой мы искренне признательны. Полная коллекция публикуется впервые.

¹ АНМ 2 5 1020 — 1020 об. Автограф.

² См. коммент. 488 к переписке Ильина со Струве.

³ Здесь и далее в этой коллекции писем имеется в виду Ильин Василий Сергеевич — двоюродный брат И. А. Ильина, известный ученый-биолог, профессор в Праге, впоследствии в Марокае, Венесуэле. Он заботился о русской эмиграции в Чехословакии, многократно хлопотал о русских перед местными властями: существует переписка Владимира Сергеевича Ильина и его жены Натальи Николаевны с супругами Крамарж (АНМ 2 5 1080 — 1112).

⁴ АНМ 2 5 1030 — 1030 об. Автограф.

⁵ Речь идет об имени отца Ильина Сосенки.

⁶ АНМ 2 5 1031. Машинопись (1-й экз.) с автографом обращения и подписи. На бланке журнала «Русский Колокол».

⁷ АНМ 2 5 1032 — 1032 об. Автограф.

⁸ АНМ 2 5 1033 — 1035. Автограф.

⁹ Этим человеком был Н. Громов. В Колумбийском архиве имеется отзыв на журнал «Русский Колокол» «Отзыв Н. Громова, прибывшего год тому назад из России».

¹⁰ *a fond perdu* (фр.) — основательно потерянные.

¹¹ «служить России и только России» — именно эти слова выбиты на наградной медали «За развитие русской мысли» имени И. А. Ильина, учрежденной 3 июня 1998 года в Москве Общероссийским Общественным Движением «Россия Православная».

¹² *лимитрофы* (от фр. *limitrophe*) — пограничный, смежный; здесь: пограничные государства.

¹³ АНМ 2 5 1036 — 1036 об. Автограф.

¹⁴ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Нам не дано предугадать» (1869).

¹⁵ *Лаппо Иван Иванович* (1869 — 1944) — профессор Каунасского университета. С 1905 по 1919 гг. профессор Тартуского университета. Известны его работы по истории Литвы. Автор «Русского Колокола».

¹⁶ АНМ 2 5 1037 — 1037 об. Автограф.

¹⁷ *Nachlass* (нем.) — наследие.

¹⁸ Это письмо и комментарии Ильина пока еще не найдены.

¹⁹ 6 июня, в день рождения А. С. Пушкин, эмиграция отмечала День русской культуры.

²⁰ Живые слова Петра Великого. (Для памяти) 1672 — 1725// Русский Колокол. — № 5. — Берлин, 1928. — С. 77 — 80.

²¹ АНМ 2 5 1038. Автограф.

²² АНМ 2 5 1039 — 1039 об. Автограф.

²³ АНМ 2 5 1040 — 1040 об. Автограф.

²⁴ «*Andacht*», «*geweihte Stunde*» (нем.) — «Благоговение», «благословенный час».

²⁵ АНМ 2 5 1041 — 1041 об. Автограф.

²⁶ АНМ 2 5 1078 — 1078 об. Автограф. Письмо не датировано, но время написания легко восстанавливается по его содержанию.

²⁷ Это письмо адресовано Василию Сергеевичу Ильину.

²⁸ АНМ 2 5 1042 — 1042 об. Автограф. Черновик этого письма находится в Архиве Ильина, кор. 57, д. 10.

²⁹ *Reisengebirge* (нем.) — горы для путешествия, горные привалы.

³⁰ АНМ 2 5 1043 — 1043 об. Автограф.

³¹ АНМ 2 5 1044 — 1046. Автограф.

³² *Нобель* Эмануэль (1859 — 1932) — сын конструктора станков Людвиг Нобеля. В 1888 — 1917 возглавлял предприятия своей семьи в России.

³³ Подразумевается хозяин типографии, где печатался «Русский Колокол».

³⁴ Речь идет о подготовке книги «*Welt vor dem Abgrund*» («Мир перед пропастью. Политика, экономика и культура в коммунистическом государстве»), изданной на немецком языке в Берлине в 1931 г.; в книге принимали участие несколько авторов, соратников Ильина.

³⁵ АНМ 2 5 1047 — 1047 об. Автограф.

³⁶ Имеется в виду журнал «Борьба за Россию» (Париж, 1927 — 1931), редактором которого был вначале С. П. Мельгунов, а потом М. М. Федоров. С 1930 г. у журнала возникли финансовые затруднения и он стал хиреть, что привело к распаду группы людей, входивших в редколлекцию. Более подробно об этом см.: Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. — М., 1994. — С. 231.

³⁷ АНМ 2 5 1048. Автограф.

³⁸ АНМ 2 5 1049 — 1049 об. Автограф.

³⁹ *Cannes* — Канн (Канны), порт и курорт на Средиземном море (юг Франции).

⁴⁰ АНМ 2 5 1050. Автограф.

⁴¹ Ильин приехал в Прагу 5 марта 1930 г., прочитал двухчасовую лекцию «Русская природа и характер русского народа», в которой анализировал причины русской революции, и уже 7 марта, по дороге из Праги в Меиссет, прибыл на вокзал в Дрездене.

⁴² АНМ 2 5 1051. Автограф.

⁴³ АНМ 2 5 1052 — 1052 об. Автограф.

⁴⁴ «Русский колокол» № 10 в свет не появился. Материалы к этому тому, по сведениям проф. Н. П. Полторацкого, хранятся в Архиве И. А. Ильина в Мичигане.

⁴⁵ АНМ 2 5 1053. Автограф.

⁴⁶ Неясно, о ком идет речь. Может быть, о генерале Краснове?

⁴⁷ АНМ 2 5 1081 — 1081 об. Автограф. Письмо не датировано, но судя по нескольким высказываниям: «Не огорчайтесь за Колокол», «после Праги», «Летом мне удалось иметь и солнце, и отдых», «Между 7 — 13 декабря буду в Швейцарии», оно написано осенью 1930 г.

⁴⁸ С е н е к а. О божественном Провидении// Русский Колокол. — № 9. — Берлин, 1930. — С. 63 — 64.

⁴⁹ В июне 1930 г. Ильин был в Праге на днях, посвященных ежегодному съезду галлиполийцев. Одновременно с ним галлиполийское землячество пригласило на эту встречу и генерала А. П. Кутепова.

⁵⁰ АНМ 2 5 1054 — 1055. Автограф.

⁵¹ АНМ 2 5 1056. Автограф.

⁵² АНМ 2 5 1053. Автограф.

⁵³ Неясно, о ком идет речь.

⁵⁴ «1931 г. 1 августа. Приезд в Ригу. 2 августа. I лекция в Риге (Миров<ые> причины Рус<ской> Революции»). 4 марта. II лекция в Риге. Об историч<еских> корнях русского характера. 5 марта. О пошлости. Лекция в Риге. 9 марта. Лекция в Риге. О сопротивлении злу. 11 марта. Возвращение в Берлин» (Лекционные поездки// Архив И. А. Ильина.). Ильин забыл упомянуть свою лекцию «О кризисе современного правосознания», произнесенную в Русском юридическом обществе.

⁵⁵ В рижских газетах «Сегодня» и «Сегодня вечером» об этих лекциях были напечатаны положительные отзывы Пильского, Эр. Кэйхеля и статьи, подписанные инициалами Р. В., А. З., И. К.

⁵⁶ АНМ 2 5 1058 — 1058 об. Автограф.

⁵⁷ 27 апреля 1931 г. в Париже Ильин прочитал доклад в Публичном собрании на тему: «Русский национальный характер и его исторические корни»; 29 апреля — «О монархическом и республиканском правлении»; 30 апреля на проведенном в форме собрания Главном совете (Российского центрального объединения), в который были избраны Э. Б. Войновский-Кригер, Е. П. Ковалевский, С. Е. Савич, В. П. Рябушинский, — «О яде большевизма».

⁵⁸ Подразумевается Николай Карлович Метнер.

⁵⁹ АНМ 2 5 1059. Автограф.

⁶⁰ Возможно, это брошюра «Яд большевизма».

⁶¹ АНМ 2 5 1060. Автограф.

⁶² Неясно, о ком идет речь.

⁶³ АНМ 2 5 1061. Автограф.

⁶⁴ АНМ 2 5 1062 — 1063. Автограф.

⁶⁵ Ильин И. А. Яд большевизма. — Женева, 1931. — 48 с.

- 66 АНМ 2 5 1064 — 1064 об. Автограф.
- 67 «Пономарь» — так часто подписывал Ильин свои письма.
- 68 АНМ 2 5 1079 — 1080 об. Автограф. Письмо не датировано, но время написания легко восстанавливается по его содержанию.
- 69 *Entspannung* (нем.) — разрядка.
- 70 Ильины венчались в августе 1906 г.
- 71 АНМ 2 5 1065 — 1066. Автограф.
- 72 *Spécialité* (фр.) — специфичность, специфическая особенность.
- 73 К письму приложен рецепт.
- 74 АНМ 2 5 1067 — 1068. Автограф Наталии Николаевны Ильиной (Вокач).
- 75 Толстой А. К. Коль любить, так без рассудку (1850 или 1851).
- 76 АНМ 2 5 1069. Автограф.
- 77 АНМ 2 5 1070 — 1070 об. Автограф.
- 78 Шмелев И. С. Няня из Москвы. — Париж: Возрождение, 1936.
- 79 АНМ 2 5 1071. Автограф.
- 80 Речь идет о книге «Путь духовного обновления».
- 81 АНМ 2 5 1072 — 1073. Автограф.
- 82 Александр I Карагеоргиевич (1888 — 1934) — король королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославии).
- 83 Из стихотворения А. С. Пушкина «Предчувствие» (1828).
- 84 Речь идет о львином рве, куда царь Дарий велел бросить пророка Даниила, сказав ему: «Бог, которому ты неизменно служишь, Он спасет тебя!» (Дан. 6, 16.)
- 85 АНМ 2 5 1074 — 1074 об. Автограф.
- 86 Здесь в письме очевидный пропуск.
- 87 Ильин И. А. Путь духовного обновления. — Белград, 1937.
- 88 АНМ 2 5 1075 — 1075 об. Автограф.
- 89 Неясно, о какой книге идет речь.
- 90 АНМ 2 5 1076 — 1076 об. Автограф.
- 91 Иов 2, 9.
- 92 В августе 1918 г. Ильин скрывался на станции Воскресенск в имени Балена.
- 93 Из стихотворения А. К. Толстого «Господь меня готовит к бою» (1857).
- 94 АНМ 2 5 1077 — 1077 об. Автограф.
- 95 Вероятно, в письмо была вложена открытка с изображением русской девочки.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ (II)

- ¹ Колумбийский университет. Бахметьевский архив; Ms Coll Russ. Nats. Kom., 3 л. Автограф.
- ² Курс А. В. Карташева в программе открывшегося института не числился.

³ *Евлогий* (Георгиевский) (1868 — 1948) — митрополит, в зарубежье окормлял многие приходы, не входившие в Русскую Православную церковь за границей, создатель парижского Богословского института. Автор воспоминаний «Путь моей жизни».

⁴ *К а р т а ш е в* А. В. Реформа, реформация и исповедание Церкви// На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. — Берлин, 1922.

⁵ *Савицкий Петр Николаевич* (псевдоним П. Востоков) (1895 — 1968) — экономист-географ, историк, философ, поэт. Один из лидеров евразийства.

⁶ ГАРФ, ф. 5783, оп. 1, д. 403, лл. 37 — 37 об. Автограф.

⁷ Имеется в виду сборник статей, посвященный 35-летию научной деятельности Петра Бернгардовича Струве (Прага, 1925).

⁸ *Остроухов Петр Александрович* (1885 — ?) — специалист по исторической экономике России, ученик П. Б. Струве, преподавал в Праге.

⁹ Ильин дал в сборник свою статью «О приятии права», написанную еще в 1915 г.

¹⁰ В 1913 г. П. Б. Струве защищал магистерскую диссертацию на тему «Хозяйство и цена». После официальных оппонентов в его поддержку выступили С. Н. Булгаков и И. А. Ильин. Яркая речь Ильина, давшего резкий отпор незадачливым критикам, была краткой, но, по оценкам руководства Московского университета, вызывающей, за что он подвергся остракизму.

¹¹ Этюд Н. Н. Ильиной «Арион» Пушкина» был опубликован позже: Русский Колокол. — № 3. — Берлин, 1928. — С. 22 — 27.

¹² *privatim* (лат.) — частным образом, от своего имени.

¹³ Это был именно тот период в жизни И. А. Ильина, когда евразийцы пытались привлечь его в свое движение.

¹⁴ *Сувчинский Петр Петрович* (1892 — 1985) — философ, музыковед, литературный критик, пианист, педагог. С 1920 г. в эмиграции: сначала в Берлине, потом в Париже. Основатель и идеолог евразийского движения.

¹⁵ Обращение к верующим Святейшего патриарха Тихона и Малого собора епископов о переходе на «новый» (григорианский) календарный стиль в богослужебной практике: Безбожник. — № 50. — 1923. — 2 дек.

¹⁶ См.: Послание Святейшего патриарха Тихона к православному народу о реформе календаря в Русской Православной церкви. 18.09. (01.10) 1923// Акты Святейшего Патриарха Тихона. — М., 1994. — С. 742.

¹⁷ *sua sponte* (лат.) — добровольно, по собственному желанию.

¹⁸ Искраженно-ироническая фамилия П. Н. Милюкова.

¹⁹ Речь идет о Маклакове Василии Алексеевиче.

²⁰ Ироническая инверсия фамилий, имен и отчеств супругов Кусковой Екатерины Дмитриевны и Прокоповича Сергея Николаевича.

²¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф. Фамилия адресата на письме не указана, но ясно, что оно адресовано философу Яковенко Борису Валентиновичу.

²² *Sturm-und-Drang-und-Schimpf-Brief* (нем.) — буря-и-натиск-и-ругательное-письмо. Здесь обыгрывается название литературного движения «Буря и натиск» в Германии XVIII в., в которое входили Гете, Шиллер, Клинггер (автор одноименной драмы, чье название и дало имя движению) и др.

²³ *Einfall* (нем.) — (внезапные) мысли, идеи, фантазии.

²⁴ *Existenz-minimum* (нем.) — прожиточный минимум.

²⁵ Речь идет об епископах-обновленцах.

²⁶ Имеется в виду Святейший патриарх Тихон (Белавин).

²⁷ *Шершеневич* Вадим Габриэлевич (1893 — 1942) — поэт-модернист, теоретик-стиховед, переводчик, автор инсценировок и либретто, один из основателей и лидеров имажинистов, утверждавших примат самоцельного образа и формотворчества над смыслом, идеей, что было чуждо Ильину.

²⁸ *Маяковский* Владимир Владимирович (1893 — 1930) — поэт-футурист, признанный певец советской и коммунистической государственности.

²⁹ *перверзная* (от нем. *pervers*) — извращенная.

³⁰ *Св. Петр Молчальник* (Петр Галатийский) (339 — 429) — родился в Понте от благочестивых родителей. Еще будучи отроком, презрев все земное и помышляя только о Боге и служению Ему, удалился из родительского дома в Иерусалим, а затем в Антиохию. Здесь он подвизался в одной пещере, проводя жизнь в строгом посте (ничего кроме хлеба не вкушал и кроме воды не пил, да и то в малом количестве через два или три дня) и непрестанной молитве. Считалось, что он имел власть над бесами. День его памяти совершается 1 февраля и 25 ноября.

³¹ *Шелер* Макс (1874 — 1928) — немецкий философ-идеалист, один из основоположников философской антропологии, аксиологии, социологии познания.

³² *Бэкон* Фрэнсис (1561 — 1626) — английский философ, родоначальник английского материализма.

³³ *wo es hämmert und giftet und mit Blut speit* (нем.) — где звонкий стук наковальни, марево ядовитых паров и кровохарканье.

³⁴ *Фафнир* (др.-исл. *Fafnir*) — в скандинавской мифологии и эпосе дракон, стерегущий клад; сын Хрейдмара и брат кузнеца Регина, воспитателя героя Сигурда. Фафнир завладел чудесным кладом (золотом Андвари), убив отца. Сам был убит Сигурдом.

³⁵ *Gott helfe mir! Amen* (нем.) — Боже, помоги мне! Аминь.

³⁶ Колумбийский университете, Бахметьевский архив, Ms Coll Berdiaev, 2 л. Автограф.

³⁷ См.: *Russisches Wissenschaftliches Institut in Berlin*. — Berlin, 1923. — С. 28.

³⁸ Подразумевается В. И. Ясинский.

³⁹ Упоминается Рапп Евгения Юдифовна (урожд. Трушева) (1875 — 1960) — художник, скульптор, сестра Лидии Юдифовны Бердяевой, жены философа.

⁴⁰ Колумбийский университет, Бахметьевский архив, Ms Coll Berdiaev, 2 л. Автограф.

⁴¹ *Кульман* Николай Карлович (1871 — 1940) — историк литературы, окончил историко-филологический университет в Петербурге по кафедре русского языка и словесности. Эмигрировал вместе с Добровольческой армией, поселился в Париже, где читал лекции по истории русского языка.

⁴² *Пьянов* Федор Тимофеевич — секретарь Русского студенческого христианского движения, вместе с матерью Марией (Кузьминой-Караваевой, урожденной Пиленко) основал журнал «Православное дело».

⁴³ *Ильин* И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914 — 1923. — YMCA-PRESS. — Париж, б. д. <1925>. — 115 с. Это было единственное произведение Ильина, вышедшее в религиозном издательстве YMCA-PRESS.

⁴⁴ Эта речь в сборник не вошла.

⁴⁵ Речь Ильина «О возрождении философского опыта» впервые была прочитана 27 января 1923 г. на открытом заседании Русской религиозно-философской академии при YMCA, где председательствовал Н. А. Бердяев.

⁴⁶ *Вышеславцев* Борис Петрович (1887 — 1954) — русский философ, ученик П. И. Новгородцева, профессор философии права Московского университета. Был выслан из России в 1922 г.

⁴⁷ *Мотт* — неясно, кто подразумевается. Может быть, речь идет о приглашении в Швейцарию от имени ее президента Д. Мотта.

⁴⁸ *Элькин* Борис Исаакович (1887 — 1972) — литератор, входил в организацию «Американская помощь русским ученым и литераторам», душеприказчик П. Н. Милюкова.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 5967, оп. 1, ед. хр. 9, л. 86. Автограф.

⁵⁰ Колумбийский университет, Бахметьевский архив, Ms Coll Sablin, 1 л. Машинопись.

⁵¹ Колумбийский университет, Бахметьевский архив, Ms Coll Sablin, 1 л. Автограф.

⁵² См. предыдущее письмо.

⁵³ *Меерович* Л. С. — не установлен.

⁵⁴ Архив И. А. Ильина. Машинопись. Без подписи. На письме приписка рукою Ильина: «*Послано*. Ответ Н. Н. Львову 15 дек<абр> 1927 года, звавшего меня после развала Струвинского «Возрождения» в Возрождение Гукасова-Львова».

⁵⁵ *Байков* Александр — не установлен.

⁵⁶ *Салтыков* Александр Александрович (1873 — 1940) — граф, поэт, историограф. Работал в «Возрождении». Принадлежал к группе

сотрудников, следовавших государственным, имперским и религиозным идеям К. Н. Леонтьева, отправной точкой которых было понятие Отечества. К другой группе, концентрировавшей внимание в основном на понятии Родина и, таким образом, следовавшей традиции Ф. М. Достоевского, принадлежал И. А. Ильин.

⁵⁷ *tot de pon* (от *фр. de pont*) — плацдарм.

⁵⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 6. Машинопись. На бланке журнала «Русский Колокол». Без подписи. На письме приписка рукою Ильина: «Кадетам в Сербию (по их просьбе о напутствии)».

⁵⁹ Имеется в виду генерал Петр Николаевич Врангель.

⁶⁰ См. Ин. 2, 13 — 25; Мф. 21, 12 — 13; Мк. 11, 15 — 19; Лк. 19, 45 — 56.

⁶¹ В конце письма рукою Ильина сделана приписка: «Фамилии не прислали. И никогда никто из них не обращался ко мне».

⁶² *Боткин Сергей Дмитриевич* — камергер, в 1914 г. первый секретарь посольства в Берлине.

⁶³ Колумбийский университет, Бахметьевский архив, Ms Coll Botkin, 2 л. Автограф.

⁶⁴ *Caution* (*фр.*) — залог, обеспечение.

⁶⁵ *Нина Евгеньевна* — жена С. Д. Боткина.

⁶⁶ В 1926 г. митрополит Евлогий и приехавший через Париж на заседание Карловацкого собора митрополит Платон решились на раскол. Посольские круги в Париже пытались воздействовать на своих представителей в разных странах, требуя поддержки отколовшимся иерархам. Такое давление оказывалось и на С. Д. Боткина в Берлине. Он отказался подчиниться. Подробнее см.: Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. — М., 1994. — С. 203.

⁶⁷ *Сергий* (Страгородский Иван Николаевич) (1867 — 1944) — митрополит, с 1925 г. заместитель патриаршего местоблюстителя. С 1943 г. патриарх Московский и всея Руси.

⁶⁸ *Антоний* — митрополит, глава Русской Православной церкви за границей.

⁶⁹ Эта фраза Ильина является пророческой, так как в 1990 г. Владимирское братство перешло под управление Московского патриархата. Ссылка на Гегеля указывает, что Ильин хорошо знал психологию советских правителей, которые боготворили этого немецкого философа.

⁷⁰ Колумбийский университет, Бахметьевский архив, Ms Coll Botkin, 1 л. Без начала. Автограф.

⁷¹ Речь идет о докладе Ильина «Отчуждение собственности и его мировое значение».

⁷² *Уильям* — не установлен.

⁷³ *Сатин* Владимир Александрович (1881 — 1945) — помещик, двоюродный брат С. В. Рахманинова и родной брат жены композитора — Наталии Александровны.

⁷⁴ Колумбийский университет. Бахметьевский архив. Ms Coll Botkin, 1 л. Автограф.

⁷⁵ *Julius Schweikert von Stadion, preussischer Staatsangehöriger (нем.)* — Юлиус Швейкерт фон Штадион, прусский подданный.

⁷⁶ *Preussen, Provinz Sachsen (нем.)* — Пруссия, провинция Саксонии.

⁷⁷ Швейкерт Юлиус фон Штадион (1805 — 1876) — родился в Виттенберге на Эльбе (по другим сведениям — в Саксонии, в г. Гримме) в семье врача; медицинское образование получил в Лейпцигском университете, где в 1831 г. защитил докторскую диссертацию по гомеопатии. В 1832 г. переселился в Россию в имение князя Куракина (Надеждино) в качестве врача. Прожив здесь 10 лет, в 1842 г. в Московском университете он держал экзамен на лекаря, после чего был назначен врачом Московского воспитательного дома. В 1853 г. в Московском университете защитил диссертацию на тему «Pneumonia infantum» и был удостоен звания доктора медицины, получил дополнительную должность врача при гимназии, впоследствии стал врачом императорского Вдовьего дома Московского опекунского совета. В течение всей своей медицинской деятельности был горячим поборником и распространителем гомеопатического метода лечения.

⁷⁸ *mütterlicherseits «Deutschstämmiger Ausländer» (нем.)* — по материнской линии «иностранец немецкого происхождения».

⁷⁹ *Weiser Schein (нем.)* — светлой внешности, белокурый.

⁸⁰ *Ehren (нем.)* — почетный.

⁸¹ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). На письме имеется пометка Рахманинова: «Отв. 12/26/28 отдано 800 марок). Мы благодарим внука Сергея Васильевича — Александра Борисовича Рахманинова (Швейцария) за разрешение опубликовать коллекцию из девяти писем (№ 254 — 257, 271 — 275) и сотрудника Библиотеки Конгресса США господина Кевина Ла Вина за присылку ксерокопий этих писем.

⁸² «*Борьба за Россию*» — журнал, издававшийся в Париже с 1926 по 1931 г. Выпущено 240 номеров. Редакторы С. П. Мельгунов, затем М. М. Федоров.

⁸³ *Детердинг* — не установлен.

⁸⁴ На это письмо И. А. Ильин получил следующий ответ:

«Sergei Rachmaninoff.

505 West End Ave.

New York City.

26 декабря 1928.

Дорогой Иван Александрович,

Очень сожалею, что не встретил Вас в Германии, по которой Вы разъезжали не хуже заправского артиста.

Письмо Ваше получил. Грустно сказать Вам, что <от> той помощи, которую Вы видимо от меня ожидаете, я должен отказаться — очень уж много у меня, и все больше делается, платежей на чисто житейские нужды.

Все же, чтобы подтвердить мое уважение к Вашей деятельности, я решаю послать Вам на нужды Вашего журнала 800 марок. Это все, что я могу сделать.

С приветом и пожеланиями в Новом Году.

С. Рахманинов».

Копия этого письма хранится в указанном архиве Библиотеки Конгресса США; автограф И. А. Ильин переслал С. А. Сатиной, биографу композитора, вероятно, по ее просьбе. В этом же архиве имеются две копии писем С. Рахманинова к Ильину, оригиналы которых философ переслал С. А. Сатиной (от 11 июля 1925 г. и от 13 мая 1927 г.), в первом из которых Рахманинов сердечно благодарит Ильина за присланную книгу «О сопротивлении злу силою», а во втором — сообщает о своем приезде в Париж.

⁸⁵ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

⁸⁶ См. коммент. 73 к этому разделу.

⁸⁷ *Сикорский Игорь Иванович* (1889 — 1972) — конструктор и ученый в области вертолето- и самолетостроения.

⁸⁸ *Рахманинова* (урожденная Сатина) *Наталья Александровна* (1877 — 1951) — жена С. В. Рахманинова, пианистка. Родство С. В. Рахманинова со своей женой таково: Варвара Аркадьевна Сатина (урожденная Рахманинова, 1852 — 1941) была родной сестрой отца Сергея Васильевича — Василия Аркадьевича Рахманинова, и была матерью Владимира, Наталии и Софии Сатиных; последняя была известнейшим в России ученым-ботаником; в эмиграции написала книгу «Записка о С. В. Рахманинове».

⁸⁹ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф. Копия письма находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, д. 10.

⁹⁰ *клавираусзуги* (от нем. Klavierauszug) — клавиш.

⁹¹ *Саул* — первый царь израильско-иудейского государства (конец XI в. до н. э.). В ветхозаветном повествовании — воплощение правителя, поставленного на царство по воле Бога, но ставшего Ему «неудобным».

⁹² Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф. Черновик письма находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, д. 10.

⁹³ Колумбийский университет. Бахметьевский архив. Ms Coll Botkin, 6 л. Автограф.

⁹⁴ Речь идет о книге «Мир перед пропастью».

⁹⁵ «Tag» — берлинская газета.

⁹⁶ Имеется в виду книга «Мир перед пропастью».

⁹⁷ *Вильям* — издатель.

⁹⁸ *Бартельс Эрвин* — издатель.

⁹⁹ *Evangelischer Presseverband (нем.)* — евангелическое издательское объединение.

¹⁰⁰ *Turpiloquio (ит.)* — сквернословие.

¹⁰¹ *bestemmia (ит.)* — ругательство.

¹⁰² *pollo bollito (ит.)* — вареная курица.

¹⁰³ Ильины вернулись в Берлин 23 октября 1930 г.

¹⁰⁴ *saluti del bimbo (ит.)* — привет девочке.

¹⁰⁵ *sorriso del sofferente (ит.)* — улыбка страдающему.

¹⁰⁶ Колумбийский университет. Бахметьевский архив. Ms Coll Fedorov, 4 л. Автограф.

¹⁰⁷ О В. Строеве не удалось выяснить никаких подробностей. В Архиве И. А. Ильина имеется любопытное письмо В. Строева к Ивану Александровичу от 30 июня 1939 г.:

«Милостивый Государь, Распорядитесь, чтобы неведомые «организации русской молодежи» перестали посылать мне приглашения слушать Вашу болтовню: я не могу платить за это 30, даже 50 пф., когда на обед мне ежедневно хватает не более 30 пф. после того, как меня оклеветали и отняли последние средства к существованию...

Не может говорить о чести, у кого ее нет! не может говорить о правосознании, у кого его нет! Ведь правосознание то, что сказал своим детям наш великий Мономах: «не давайте сильным погубить слабо человека!..»

Однако я пишу не только по личным мотивам. Вчера возвращался в Тегель очень поздно. Весь вагон был наполнен членами так наз. РОНД. Ваше имя произносилось с обидной руганью. Когда я спросил одного из них, чем провинился проф. Ильин, он с той же руганью заявил мне, что Вы инсинуировали против них и перед эмиграцией и перед немцами. Они грозили Вас избить до полусмерти. Это — не Строев, ценза и стата которого не отрицают и его враги (есть доказательство). Несчастный, гонимый за правду, он только взывал к праву и справедливости!.. Эти избьют Вас так, что и не встанете, вспомните пример Гессена, — Вы тогда злорадствовали. Они не станут говорить о праве и справедливости. Для Вашего блага советовал бы Вам благовременно покинуть Берлин, не раскаетесь, если послушаете меня.

Да, сбылось предсказание Меттерниха о банкротстве *нравственном* русского общества!..

Доброжелательный В. Строев. 30/VI <1>933» (Автограф письма Строева находится в Архиве И. А. Ильина (кор. 69, д. 8) в папке «Документы клеветы и обороны»).

¹⁰⁸ *Ключевский* Василий Осипович (1841 — 1911) — русский историк.

¹⁰⁹ *Платонов* Сергей Федорович (1860 — 1933) — русский историк.

¹¹⁰ *Polizei-Präsidium* (нем.) — полицейское представительство.

¹¹¹ *Поздняков А. В.* — вместе с проф. В. Н. Строевым редактировал «Лloyd-журнал» (русский независимый орган; Париж — Берлин, 1931 — 1932).

¹¹² *каритативность* (от лат. *caritatis*) — уважение, почет, любовь, привязанность.

¹¹³ Речь идет, по-видимому, о брошюре, изданной на немецком языке «*Gilt. Geist und Wesen des Bolschewismus*» («Яд. Дух и сущность большевизма») (Berlin, 1932).

¹¹⁴ *curriculum vitae* (лат.) — жизнеописание, краткие сведения о жизни какого-либо лица.

¹¹⁵ *Габричевский Евгений Георгиевич* (1893 — 1944?) — в 1916 г. окончил Московский университет по специальности «Описательная биология», в 1924 — 1926 гг. работал в Колумбийском университете, в 1926 — 1928 гг. — в институте Пастера в Париже, в 1929 — 1930 гг. — в Мюнхенской академии наук. С 1930 по январь 1931 г. — в Эдинбургском университете, но вскоре из-за нездоровья вернулся в Мюнхен. Ходатайство Ильина состояло в том, что он желал помочь больному Евгению Георгиевичу.

¹¹⁶ *Габричевский* Георгий Норбертович (1860 — 1907) — выдающийся микробиолог.

¹¹⁷ Речь идет о Габричевской Елене Васильевне (1862 — 1930), племяннице просветителя и критика Н. В. Станкевича.

¹¹⁸ *Габричевский* Георгий Георгиевич — художник, нарисовавший в 1924 г. известный портрет И. А. Ильина. Подробнее о нем см. коммент. 193 в 5-м томе настоящего Собрания сочинений, с. 600 — 601.

¹¹⁹ Колумбийский университет. Бахметьевский архив. Ms Coll Botkin, 2 л. Автограф.

¹²⁰ *Зеринг* — не установлен.

¹²¹ *Клаус* — не установлен.

¹²² *Угримов* Александр Иванович (1874 — 1974) — известный русский агроном, выслан в 1922 г. из Советской России, сотрудник Русского научного института в Берлине, где читал курс «Земледелие в России».

¹²³ Упоминается книга «Мир перед пропастью».

¹²⁴ Ильин вернулся в Берлин 10 октября 1931 г.

¹²⁵ *Василий Львович* — не установлен.

¹²⁶ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф. О М. К. Житковой сведений найти не удалось.

¹²⁷ Неустановленное лицо.

¹²⁸ *пийать* (ряз.) — злится, злиться на кого (В. И. Даль).

¹²⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф.

¹³⁰ *о. Иоанн* (Шаховской Дмитрий Алексеевич) (1902 — 1989) — князь, архиепископ Сан-Францисский, поэт, писатель, критик, философ и богослов.

¹³¹ *Меллер-Закомельский* Александр Владимирович (1898 — ?) — барон, принадлежал к крайне правому крылу русской эмиграции, поначалу примыкал к евразийцам, но позже отошел от движения. Создатель различных русских национальных движений в Германии.

¹³² Возможно, это письмо А. В. Меллера-Закомельского к И. А. Ильину от 18 июня 1933 г., напечатанное на машинке на 5 страницах и хранящееся в Архиве И. А. Ильина в папке «Документы клеветы и обороны», кор. 69, д. 8.

¹³³ *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888 — 1977) — философ, богослов, культуролог, литературовед.

¹³⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Машинопись.

¹³⁵ *Иоанн (Поммер)* (1876 — 1934) — архиепископ Рижский и Латвийский. Убит на своей даче агентами НКВД.

¹³⁶ Эти слова вставлены рукою Ильина.

¹³⁷ Позже лекция была издана отдельной брошюрой. См.: И л ь и н И. А. Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. — Нарва, 1937. — 44 с.

¹³⁸ Автограф черновика.

¹³⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф черновика.

Зиле Роман Мартынович — ученик И. А. Ильина, председатель Рижского академического общества. После смерти Ильина перевез его архив в США.

¹⁴⁰ С о б о р я н и н. Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из советской России в 1922 г. — Берлин, б. д. <1934>. — 16 с. Брошюра вышла тиражом 5 тысяч экземпляров и имела целью представить высылку ученых, философов и литераторов из советской России осенью 1922 г. как заранее спланированную акцию разложения русской эмиграции и раскола Православной Церкви, которую большевики должны были осуществить руками высланных. Интересно, что 8 из 16 страниц посвящены И. А. Ильину и явились прямым доносом на него. Кто скрывался под псевдонимом «Соборянин», установить не удалось. Не знал этого и Ильин.

¹⁴¹ «*Welt vor dem Abrung*» (нем.) — «Мир перед пропастью».

¹⁴² «*Wider die Gottlosigkeit*» (нем.) — «Против безбожия».

¹⁴³ «*Gift*» (нем.) — «Яд».

¹⁴⁴ Б о р < и с > О р < е ч к и н >. Проф. И. А. Ильин о черносотенстве и антисемитизме, о социалистах и сильной власти, о большевиках и отношении будущей России к балтийским государствам// Сегодня вечером. — № 48. — 1931. — 2 марта.

¹⁴⁵ Ввиду важности этого интервью, которое Борис Оречкин изложил не совсем точно, что послужило дальнейшим инсинуациям, мы приведем его дословно, оставляя газетные выделения полужирным шрифтом, а линейкой подчеркнем пометки Ильина на вырезке из газеты с его комментарием: «Подчеркнутое синим — интерполяция; остальное переврано и неверно».

«Проф. И. А. Ильин о черносотенстве и антисемитизме, о социалистах и сильной власти, о большевиках и отношении будущей России к балтийским государствам.

Профессор И. А. Ильин не только выдающийся русский философ, но человек совершенно исключительного, своеобразного облика. Чисто философические взгляды и интересы сочетаются в нем с интересами и взглядами горячего патриота своего отечества, человека большого политического темперамента. Когда Ильин говорит как философ, он не может отрешиться от чувств политика-патриота, когда он рассуждает как политик, то неизменно подкрепляет свои рассуждения чисто философскими мыслями, порой кажущимися совершенно абстрактными и далекими от практической политики.

Огромная аудитория сочетается с парадоксальной формой речи. Конкретные факты перемежаются с абстрактными рассуждениями. Спокойный тон ученого поминутно сменяется тоном кипящего негодования, в особенности когда речь заходит на темы, особенно сильно волнующие Ильина.

Сегодня вечером он впервые выступит с лекцией перед рижской аудиторией. Он будет говорить о мировых причинах русской революции. За И. А. Ильиным — репутация человека крайне правого образа мыслей, его причисляют к самым крайним кругам русской эмиграции. Сам он решительно против этого протестует и не хочет, чтобы его отождествляли с теми русскими деятелями за границей, которые группируются вокруг русских монархических организаций, руководимых теми, кого принято называть российскими зубрами.

— Не знаю, должен ли я «рекомендоваться»... Но я протестую против ходячего представления, что я — крайний черносотенец. Это неправда. Я никогда не стоял в одной группе с этими людьми и про меня можно смело сказать, что моя репутация — гораздо правее меня самого...

— Но чем же это объясняется? Почему Вас считают человеком такого крайнего образа мыслей?

— Объясняется это тем, чем приходится объяснять очень многие явления в оценке русскими русских же. Дело в упрощении понятий, в нежелании вникнуть несколько глубже, в стремлении во что бы то ни стало придерживаться избитых трафаретных этикетов. Нельзя же в самом деле ставить вопрос так: если не ругаешь последними словами политику Николая II, то, значит, ты уже черносотенец. Меня не так давно убеждал один видный русский меньшевик в Берлине, что русские цари поступали неправильно. Я очень внимательно его выслушал, а затем, к его удивлению, спросил его: неужели же он хочет убедить меня в таких элементарных и всем совершенно ясных вещах... Он хотел убедить в этом именно меня, как будто я этого не понимаю. А между тем я считаю, что если о мертвых либо говорят хорошо, либо ничего не говорят, то это тем более

относится к мертвецам, окончившим жизнь столь мученически. Совершенно независимо от того, что они делали при жизни и обвиняли ли бы их в чем-нибудь, если бы они продолжали жить.

Через несколько минут речь заходит о еврейском вопросе и об антисемитизме.

— Недавно, — рассказывает И. А., — ко мне обратилась одна известная еврейская общественная деятельница и благотворительница в Берлине с вопросом, антисемит ли я? Что мог я ответить этой даме, я, для которого еврейского вопроса вообще не существует, я, у которого было и есть много друзей-евреев. Если вы спросите меня о моем отношении к евреям, я отвечу, что отношусь к ним так же, как к людям всякой другой национальности. Если идет речь о русских евреях, то у меня может быть по отношению к ним только одна мерка, в равной мере применимая ко всякому русскому и другой национальности: если он любит Россию — он мой друг, брат и соратник, если он Россию ненавидит — все равно, еврей ли он, или он русский, — он мой враг, с которым у меня ничего общего быть не может... Смешно, конечно, требовать, чтобы евреи, вынесшие ужасы прежних погромов, любили погромщиков. Но мне кажется, что теперь еврей должен понять, что погромы прошлого — одно, Россия — другое. Погром не должен заслонять Россию, Россия должна заслонить воспоминания об ужасе погромов... Тем более, что теперь разгромлена вся Россия.

— Существуют опасения неизбежности еврейских погромов в будущем... Эти <ми> опасениями до известной степени некоторыми евреями объясняется их подход к вопросу.

— Новых погромов быть не должно. А чтобы их не было — должна быть сильная власть. Это не значит, что Россия непременно должна стать монархией. Это значит, что для восстановления порядка и поддержания спокойствия нужна сильная власть <рядом на полях написано рукою И. А. Ильина — «диктатура!»>...

— Может быть, иллюстрацией к этой мысли проф. И. А. Ильина могут служить соображения, высказанные им в дальнейшей беседе на тему сильной власти и социалистах. Мы заговорили о современном внутреннем положении Германии, и в беседе было отмечено, что социалисты — германский министр внутр. дел Северинг и председатель прусского ландтага Браун — оказали решительное сопротивление всем притязаниям национал-социалистов. По этому поводу И. А. Ильин заметил:

— Социалисты бывают разные. Социал-демократы в Германии — одни. В Англии — другие, во Франции — третьи. Социал-демократы в Германии могут быть сильной властью, и они на деле это доказали.

После социалистов — большевики — И. А. Ильин полтора года занимался собиранием материалов о действительном положении в Сов. России для сборника «Вельт фор дем Абgrund» <«Мир перед пропастью». — Ю. Л.>, который вышел недавно под его редакцией в Берлине. Это — монументальный труд.

— Мы знаем о большевиках, — говорит И. А. Ильин, — сто процентов правды. Сами они говорят о себе 80 процентов истины. Наша задача эти 80 процентов собрать и показать их иностранцам. Это уже задача благодарная и очень полезная. И я рад тому, что книга, о которой мы говорим, за сравнительно короткий срок получила широкое распространение. И не только в одной Германии, но и в других европейских государствах. И даже — в Америке.

— Не свидетельствует ли этот факт о том, что в подходах иностранцев к российскому большевизму в последнее время стал наблюдаться некоторый перелом?

— Как вам сказать... Мне кажется, что перевес той или другой точки зрения иностранцев по отношению к большевикам регулируется тем, что в иностранце берет верх: спасение ли <от> возникновения большевизма у себя на родине или интересы экономической выгоды. Если первое — иностранец становится ярым противником российского большевизма. Если второе — он забывает о первом и стремится извлечь материальную выгоду сегодняшнего дня. Вот чрезвычайно характерный пример, иллюстрирующий эту мысль. Европа и Америка кричат о советском демпинге, но в то же время наблюдается поразительное явление. Если, скажем, от демпинга страдает лесная промышленность, то лесоторговцы данной страны объявляют крестовый поход против большевиков. Но в той же самой стране представители электротехнической промышленности, продолжающие спокойно торговать своими электрическими лампочками, об этом не говорят и чрезвычайно пассивно относятся к лесному демпингу. До тех пор, пока в их государстве не начнут падать цены на электрические лампочки...

Беседа затягивается. От одной темы проф. И. А. Ильин переходит на другую, увлекательно связывая вопросы, казалось бы, ничего общего между собой не имеющие. Останавливаемся на вопросе о «проблемах будущей России», в частности, о **взаимоотношениях России будущего и новых балтийских государств.**

— Меня никто никогда не убедит, — говорит И. А. Ильин, — что новая Россия начнет с изнасилования кого бы то ни было. Я самым решительным образом отвергаю такую возможность. Я мыслю себе будущие взаимоотношения между Россией и ее молодыми соседями как отношения близкого дружественного сожительства. Думаю, что будут достигнуты соглашения, скажем, об отмене виз между Россией и ее соседями, будут сняты таможенные барьеры — словом, будет сделано все, что делается государствами, чувствующими органическую близость друг к другу и питающими дружеские друг к другу чувства. Этим, думаю мне, определятся будущие общие пути России и новых государств, и не правы поэтому те из представителей этих новых стран, которые высказывают опасения насильническим тенденциям у России будущей...

Бор. Ор.

¹⁴⁶ Имеется в виду удаление Ильина из Русского научного института за отказ проводить антисемитскую пропаганду.

¹⁴⁷ И л ь и н И. А. Национал-социализм. 1. Новый дух// Возрождение. — № 2906. — 1933. — 17 мая.

¹⁴⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 7. Автограф черновика.

Климов Георгий Евгеньевич (1895 — 1967) — морской офицер, позднее авторитетный антиквар, друг Ильина.

¹⁴⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф.

¹⁵⁰ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 7. Рукопись черновика.

¹⁵¹ *Майкапар Кирилл* (1904 — 1961) — директор фабрики шоколадных изделий в Риге и общественный деятель.

¹⁵² Смысл инициалов неясен.

¹⁵³ Часть этого письма (начало — 3 стр. и конец — 1 стр.) сохранилась и находится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, д. 7.

¹⁵⁴ *предикты* (нем. Predigt) — проповедь, наставление, нравоучение.

¹⁵⁵ Имеется в виду Г. Е. Климов.

¹⁵⁶ *Агарта* — неясно, о ком идет речь.

¹⁵⁷ Личность не установлена.

¹⁵⁸ *Непотизм* (от лат. nepos, nepotis — внук, потомок) — замещение по протекции доходных или видных должностей родственниками; кумовство.

¹⁵⁹ Неясно, о чем идет речь.

¹⁶⁰ *Кольберг Оскар* (1814 — 1890) — польский этнограф-фольклорист, композитор.

¹⁶¹ *митинг* — здесь: общество.

¹⁶² Жена К. Майкапара.

¹⁶³ *Кузубова Мария Андреевна* — увлекалась и общалась с известным мистиком Гурджиевым. Ильин дал ей прозвище «Черная Месса».

¹⁶⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Машинопись.

¹⁶⁵ Иоанн (Шаховской), в то время еще игумен, послал И. А. Ильину вырезку своей статьи «Пути Бого-человеческие» с припиской: «Вашу мысль защищал против мысли митр. Елевферия, и мысль митр. Елевферия защищал против Вашей мысли».

¹⁶⁶ Речь идет о статьях Ильина «О богоустановленности советской власти» (Возрождение. № 3972 от 18 апреля; № 3977 от 23 апреля; № 3979 от 25 апреля 1936 г.).

¹⁶⁷ *Елевферий* (Богоявленский) (1870 — 1940) — митрополит Литовский и Виленский, управляющий русскими западноевропейскими приходами, выдвинул учение о богоустановленности советской власти и считал, что божественное полновластие Христа над вселенною является источником всякой власти на земле, и в частности государственно-политической власти. Этим он всячески оправдывал лояльность митрополита Сергия к богоборческой советской власти. Ильин в своих статьях решительно выступил против этой позиции митрополита Елевферия.

¹⁶⁸ Взгляды митр. Елевферия изложены в двух его книгах: «Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву» (Православное издательство. Париж, 1933) и «Мой ответ митрополиту Антонию» (Конво, 1935). Poleмика на тему «Богоустановленности власти» возникла после полемики о книге Ильина «О сопротивлении злу силою» — самой обширной и острой. В 1938 г. в газете «Бодрость» появилась краткая статейка В. Монвита «И. А. Ильин и Тертулиан». В ней автор обвиняет Ильина в отпадении его в манихейскую ересь, «держашуюся двуначалия в вопросе о мироправлении — Божеского и дьявольского». В этом же году митрополит Елевферий выпустил свой большой труд «Соборность Церкви. Божие и кесарево» (Париж, 1938. 350 с.), в котором последняя глава «По поводу статьи И. А. Ильина «О богоустановленности советской власти» занимает 71 страницу. Ранее в журнале «Путь» (№ 46. Париж, 1935) Д. Ишевский опубликовал свою беседу с митр. Елевферием «Божие» и «Кесарево», оттиск ее сохранился в папке «Документы клеветы и обороны». Здесь же — 20-страничная рукопись философа с возражениями Елевферию. (Архив И. А. Ильина, кор. 68, д. 8.)

¹⁶⁹ *Иоанн Златоуст* (347 — 407) — архиепископ Константинопольский.

¹⁷⁰ *Августин Аврелий* (353 — 430) — блаженный, епископ Иппонский, знаменитый учитель церкви.

¹⁷¹ *Климент Тит Флавий* (? — до 215) — пресвитер Александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель конца II и начала III в.

¹⁷² *Сальвиан* (390 — по одним источникам 484, по другим 492) — знаменитейший из христианских проповедников в Галии, священник в Марселе, автор сборника проповедей (в оригинале не сохранились), приобретших форму рассуждений, из которых на первом месте 8 книг «Об управлении Божиим и провидении».

¹⁷³ *Фома Аквинский* (1225 — 1274) — средневековый философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики.

¹⁷⁴ *Ансельм Кентерберийский* (1033 — 1109) — архиепископ, представитель средневековой схоластики.

¹⁷⁵ *Абельяр Пьер* (1079 — 1142) — французский богослов и философ.

¹⁷⁶ *Боссюэ Жан Бенинь* (1627 — 1704) — французский писатель, епископ, идеолог абсолютизма.

¹⁷⁷ *Цвингли Ульрих* (1484 — 1531) — деятель швейцарской Реформации, протестантский теолог.

¹⁷⁸ Ильин И. А. Путь Православия./Возрождение. — № 3377. — 1934. — 1 сент.

¹⁷⁹ *Волконский Александр Михайлович* (1866 — 1934) — русский офицер, полковник Генерального штаба, публицист, писал под псевдонимом «Волгин», автор книг «Вооруженные силы Италии» (1908), «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929), «В чем главная опасность?»

(1929), «Малоросс и украинец» (1929). В конце жизни стал униатским священником.

Речь идет о его статье «О пути православия (ответ проф. И. А. Ильину)»: Возрождение. — № 3436. — 1934. — 30 окт.

¹⁸⁰ *Russische Bruderhilfe* — помощь русским братьям.

¹⁸¹ *ad majorem Dei glorium* (лат.) — к большей славе Божией.

¹⁸² Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф черновика. Это письмо без разрешения Ильина было опубликовано в журнале «Новый Путь» (№ 38 (сент.), 1938).

¹⁸³ *Обер* Теодор (1878 — 1963) — известный швейцарский адвокат, защитник М. Конради и А. Полунина, убивших в 1923 г. Воровского, выигравший это дело. В 1924 г. создал «Антикоминтерновскую Лигу» (так называемую «Лигу Обера»), в которую входил Ильин.

¹⁸⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 5. Автограф.

¹⁸⁵ *status quo ante* (лат.) — положение, существовавшее до определенного момента.

¹⁸⁶ *locus quo ante* (лат.) — место, существовавшее до определенного момента.

¹⁸⁷ *Donec eris* (лат.) — пока будешь.

¹⁸⁸ Речь идет о книге «Я вглядываюсь в жизнь».

¹⁸⁹ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

¹⁹⁰ См. ниже документы из немецких архивов.

¹⁹¹ В апреле 1938 г. Ильина вызывали на допрос к заместителю шефа гестапо А. Розенберга, где речь шла об Украине. «В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь» (из письма И. А. Ильина к И. С. Шмелеву от 13.X.1938).

¹⁹² *Ruckreisesichtvermerk* (нем.) — отметка об обратной поездке.

¹⁹³ *Konto «Akademisch-Philosophischer Verlag»* (нем.) — финансовый счет Академическо-философского издательства.

¹⁹⁴ *Schweizerische Bankgesellschaft in Zürich* (нем.) — швейцарский банковский союз в Цюрихе.

¹⁹⁵ *Fremdenpolizei* (нем.) — иммиграционная полиция.

¹⁹⁶ *Züricher Kantonalpolizei* (нем.) — Цюрихская кантональная полиция.

¹⁹⁷ *Gesuch* (нем.) — прошение, заявление.

¹⁹⁸ *Aufenthaltsgenehmigung* (нем.) — разрешение на жительство.

¹⁹⁹ *Fremdenpolizei Stadt Zürich* (нем.) — иностранная полиция города Цюриха.

²⁰⁰ «*in ihrem Fach unersetzlich*» (нем.) — в своем деле незаменимый.

²⁰¹ Ганс Трюб — друг Ильина.

²⁰² *Direktor der Anstalt für Epileptische Pfarrer Grob* (нем.) — директор учреждения для эпилептиков пастор Гроб.

²⁰³ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

²⁰⁴ *Бюлер* — швейцарский чиновник, знакомый Н. К. Метнера, к которому тот обратился за помощью Ильину.

²⁰⁵ «*Peu favorable*» (фр.) — малоблагоприятный.

²⁰⁶ *кауция* (от фр. *caution*) — ручательство, порука, обеспечение, залог.

²⁰⁷ *c'est un peu trop* (фр.) — это слегка лишнее.

²⁰⁸ *Direktor Rudolph Grob* (нем.) — директор Рудольф Гроб.

²⁰⁹ Может быть, Д. Мотта, президент Швейцарской конфедерации?

²¹⁰ По-видимому, речь идет о Романе Мартыновиче Зиле.

²¹¹ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

²¹² *Ридвег* — не установлен.

²¹³ *Gemeinderat* (нем.) — муниципалитет.

²¹⁴ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

²¹⁵ *Ц.* — Возможно, Цолликон.

²¹⁶ Библиотека Конгресса США. Архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Автограф.

²¹⁷ *Татьяна Сергеевна* — дочь С. В. Рахманинова.

²¹⁸ Книга Н. К. Метнера «Муза и Мода» была издана на средства С. В. Рахманинова в издательстве «Таир» (сокращение происходит от имен Татьяна и Ирина — дочерей С. В. Рахманинова) в 1935 г. Ильинский перевод этой книги на немецкий язык никогда не издавался, хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 20, д. 2 — 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении мы помещаем архивные материалы, которые дополняют письма Ильина периода 1903 — 1938 годов и проливают свет на многие, доселе неизвестные факты его жизни.

В первой части приведены следственные документы ЧК — ГПУ — НКВД, позволяющие выяснить обстоятельства шести арестов Ильина за контрреволюционную деятельность и высылки из России. Вторая часть содержит документы и письма близких Ивана Александровича и знакомит с некоторыми моментами их жизни.

Материалы из нацистских архивов, приведенные в третьей части, дают картину формального увольнения Ильина из Русского научного института и показывают враждебное отношение немецких властей к философу.

Часть I

ДОКУМЕНТЫ ВЧК — ГПУ — НКВД

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ) хранится следственное дело № 93. В новых архивных обозначениях — Д. Н-191 (шифры номеров с буквой «Н» означают — «нереабилитирован», с буквой «Р» — реабилитирован). Оно содержит 339 листов, многие из которых заполнены с двух сторон. На титульном листе I надписано: «Дело взято на тематический учет// Совершенно секретно// СССР//ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ при СМ СССР//Дело № Н-191//по обвинению://Бари Владимира Александровича//Кривошеина Василия Васильевича//Халафова Константина Моисеевича//Ильина Ивана Александровича//и др.».

На титуле II первоначально стояло: «Дело № 93 в I томе. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров. Началось апрель 14 1918 года. Кончилось апрель 26 1918 года. Архив 18688». Позже это было зачеркнуто и написано: «Хранить вечно// СССР// Министерство внутренних дел// Дело № 93 том № 1// по обвинению Бари и др.».

Титул III — контрольный лист со списком сотрудников, знакомившихся со следственным делом Н-191.

На титуле IV: «ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ//по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности//при Совете Народных Комиссаров//ДЕЛО//(регистрационного отдела) № 93// по обвин. Бари Владимир Александрович//Кривошеин Василий Васильевич// Ильин Иван Александрович// Халафов Константин Моисеевич //и другие//Зарегистрировано в 1941 г.//Н-191//Сдано в архив за № 18688/192».

Содержание следственного дела № 93 видно из воспроизведенных ниже документов, относящихся непосредственно к Ивану Александровичу Ильину. Коллекция, состоящая из материалов дела № 93, а также дел № 1315, 207, 803, 1574, публикуется впервые, кроме некоторых, нами особо оговоренных, по первоисточнику.

Выражаем признательность Центральному архиву Федеральной службы безопасности Российской Федерации за предоставление дел, связанных с И. А. Ильиным, а также сотрудникам архива Астахову Виктору Михайловичу, Афанасьевой Наталии Михайловне и Порошину Ивану Андреевичу за помощь в работе над документами.

¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 98. В этом документе и далее вписанное в бланк рукой выделено курсивом.

² Так вписано выдававшим ордер.

³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 100.

⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 99. Автограф.

⁵ Сообщение об аресте Ильина сразу же просочилось в прессу:

«Арест пр.-доц. И. А. Ильина

В ночь на вчера в своей квартире, в Крестовоздвиженском пер., арестован прив.-доцент Московского университета И. А. Ильин. В одиннадцатом часу к нему явился отряд вооруженных латышских стрелков, которые, предъявив ордер от комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, произвели обыск, длившийся до 4 часов утра.

После обыска, по телефонному распоряжению комиссии, был арестован и отправлен в помещение комиссии на Лубянке, где и оставался в течение всего вчерашнего дня.

Явившейся в комиссию супруге И. А. Ильина было отказано в свидании с мужем.

Во время обыска выемок произведено не было; были лишь записаны некоторые адреса знакомых г. Ильина, с которыми он вел переписку» (Заря России. М., 1918. № 3. 20 (7) апр. С. 3).

⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 105 — 106. Впервые документ опубликован В. Гончаровым в журнале «Источник» (№ 1. М., 1996), вторично — в книге «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных» (М., 1998). Здесь публикуется по автографу.

⁷ Это слово на бланке зачеркнуто.

⁸ *Каптерев* Павел Николаевич (1889 — 1955) — доктор географических наук, кандидат биологических наук, профессор. Член Совета общественных деятелей, вошедшего весной 1919 г., наряду с Национальным центром и Союзом возрождения России, в организацию «Тактический центр». В августе 1920 г. Верховным ревтрибуналом по делу «Тактического центра» приговорен к 5 годам лишения свободы (условно).

⁹ *Косминский* Евгений Алексеевич (1886 — 1959) — академик, историк.

¹⁰ *Граве* Александр Александрович (1885 — 1920) — приват-доцент медицинского факультета Московского университета, свойственник Ю. В. Готье.

¹¹ *Огнев* А. И. — сын Ивана Флоровича Огнева (1855 — 1928) — знаменитого гистолога, профессора Московского университета. Известна его книга: *О г н е в* А. И. Л. М. Лопатин. — Пг., 1922.

¹² *Кречетович* Лев Мелхиседекович (1878 — 1956) — ботаник, член-корреспондент АПН, профессор МГУ.

¹³ *Асманов* Александр Сергеевич (1893 — 1957) — историк античной философии и логики.

¹⁴ *Петровский* Федор Александрович (1890 — 1978) — филолог-классик, переводчик, профессор.

¹⁵ *Левенталь* Гуго Адольфович — ординатор московской Старо-Екатерининской больницы. Передал в Революционный трибунал следующий документ, собственноручно написанный и скрепленный именной сургучной печатью:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО»

Дано сие Ивану Александровичу Ильину по просьбе его жены в том, что он страдает в течение нескольких лет туберкулезным поражением верхушек легких. Считаю нужным указать на то, что тюремное заключение г-на Ильина может повлечь за собою быстрое прогрессирование его легочного процесса. Москва 17 апреля 1918 г. Ординатор Старо-Екатерининской больницы Г. Левенталь» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 104).

¹⁶ *Тарасов* Иван Трофимович (1849 — ?) — профессор полицейского (административного) права, в 1918 г. — декан юридического факультета Московского университета.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 101. Машинопись. Впервые документ опубликован В. Гончаровым в журнале «Источник» (№ 1. М., 1996); вторично — в книге «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных» (М., 1998). Здесь приводится по архивному экземпляру. На документе печать ВЧК: Общие регистрации. Входящий № 1960. Рукописная пометка: «*КонтрРеволюц.* Зав. Делопр. Шилов. Тов. Венгерову <нрзб.> 20/IV».

¹⁸ *Виноградов* Николай Дмитриевич (1868 — 1936) — историк философии, профессор.

¹⁹ См. раздел «Письма к разным лицам (I)», коммент. 43.

²⁰ *Ушаков* Дмитрий Николаевич (1873 — 1942) — языковед, член-корреспондент АН СССР (1939), составитель и главный редактор «Толкового словаря русского языка» и «Орфографического словаря русского языка».

²¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 103. Машинопись. На документе две печати Общей регистратуры ВЧК, первая — с входящим № 2046, вторая — с датой 20.IV. 1918 г. и с входящим № 972. На документе резолюция: «На заключение заседания отдела. Следов<атель> Венгеров 23/IV 1918 г.»

²² ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 110. Автограф. Впервые документ опубликован В. Гончаровым в журнале «Источник» (№ 1. М., 1996); вторично в книге «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных» (М., 1998). Здесь приводится по архивному экземпляру. На документе печати отделов ВЧК: Общие регистрации. Входящий № 2384 и Отдел по борьбе с преступлениями по должности «23». *Апр.* 1918 г. Вход. № 342. На документе пометка следователя: «В К.-Р Отдел. К делу Ильина. 23/IV».

²³ *Левинсон* А. Б. — не установлен.

²⁴ *Малинин* К. — не установлен.

²⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 102. Машинопись.

²⁶ *Громов* Дмитрий Антонович (1896 — ?) — поручик, житель гор. Пошехонье Ярославской губернии, с августа по 24 ноября 1917 г. — командир роты в 7-м Финляндском полку. Во время отпуска 25 — 26 октября встре-

тился в Москве со знакомыми офицерами Тарасевичем, Подбережским, Переяславским и Захаровым, которые предложили ему вступить в ряды Добровольческой армии, формированием которой ведали Ланская (она же Оболенская и фон Розен) Александра Николаевна, Халафов Константин Моисеевич, Кривошеин Василий Васильевич, инженер Бари Владимир Александрович, Свешникова София Евгеньевна. Целью организации «Добровольческая армия» были: защита Учредительного собрания и воссоздание мощной армии, противостоящей немцам. От Ланской Громов получил 2000 руб. для доставки их в Новочеркасск. 21 февраля 1918 г. был арестован в Нижнем Новгороде Революционным штабом и препровожден в Московский штаб военного округа. На допросе дал показания на И. А. Ильина. Для понимания сути дела приводим их полностью:

«ПОКАЗАНИЕ

по делу графини Александры Николаевны Ланской (Оболенской)

13 декабря 1917 года я получил командировку от генерала Ельснера к графине Ланской в Москву за обмундированием для «Добровольческой армии». 18 декабря я приехал в Москву и явился на Новинский бульвар, дом 36 (Гагарина), квартира 6 к графине Ланской и передал свое поручение. Ланская на это мне ответила, что она уже отправила сорок вагонов обмундирования и 1000 пар сапог и пока больше не имеет ничего. Здесь я пробыл до 27 декабря и ежедневно приходил к Ланской, где по ее поручению переговаривал с офицерами, желающими ехать на Дон. Ланская офицеров снабжала деньгами и давала солдатам обмундирование и подложные документы. В квартире Ланской один раз видел князя Гагарина, но с ним не разговаривал, но знаю, что его искали для ареста, а потому он уезжал в Новочеркасск. 26 декабря графиня Ланская сама уехала в Новочеркасск, где я с ней и встречался. В Новочеркасске Ланская бывала у генерала Каледина и Корнилова и несколько раз в штабе укомплектования у генерала Ельснера. В Новочеркасске Ланская также жила в квартире князя Гагарина.

Ланская родственница Гагарина, а потому и жила у них. Ланская получала деньги на отправку офицеров от инженера Бари, который и кроме Ланской снабжал офицеров деньгами. Знаю, что вместе с Ланской работал некто Халафов. Когда я спросил Ланскую адрес петроградской организации, то она, Ланская, направила меня к Ивану Александровичу Ильину (Крестовоздвиженский пер., дом № 1, кв. 36), куда я и направился, но его, Ильина, не застал дома. Потому думаю, что он, Ильин, должен знать петроградские организации и иметь связь с ними.

29 января 1918 года мой знакомый офицер поручик Теплоу сообщил мне, что некто инженер Жилинский (Большой Толмачевский пер., дом 4, кв. 9) просил меня зайти к нему, Жилинскому, чтобы переговорить с ним относительно Нижнего Новгорода. Я потом Жилинскому говорил с ним (так в документе. — Ю. Л.). Он сказал мне, что отправил первые 1500 человек на Дон в распоряжение генерала Алексева

под видом красноармейцев. Он, Жилинский, хотел мне дать адрес в Нижнем Новгороде, где можно получить оружие. Я должен был зайти в другой раз, но не мог этого сделать, так как уехал в Нижний, а затем меня арестовали. Жилинский имел связь с *Савинковым*, который также был организатором «Добровольческой армии» и жил в Екатеринодаре. На Дону в штабе укомплектования я встречал подполковника *Грушкова*, который также принимал участие.

София Евгеньевна *Свешникова*, курсистка Коммерческого института (1-й Зачатьевский пер., дом 10, кв. 26), была *помощницей графини Ланской по отправке на Дон*.

В Таганской губернской тюрьме можно было посылать письма без цензуры через надзирателей и получать ответы в передачах, как-то в хлебе, папиросах, чем и пользуются арестованные.

Громов» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 85 — 86. Автограф).

²⁷ *Бари* Владимир Александрович (1888 — ?) — американский гражданин, вместе со своим старшим братом Виктором был главой технического предприятия и завода, имевшего отделения в России и в США. На основании ордера ВЧК за № 658 был арестован 14 апреля 1918 г. на квартире своей матери Зинаиды Яковлевны Бари по Архангельскому пер. в доме № 13. На многочисленных допросах 14, 15, 18, 19 апреля и 31 мая показал, что арестованные в его доме бумаги и счета действительно принадлежали ему и что он давал деньги офицерам из «Добровольческой армии». Приведем выдержки из протоколов допроса Бари, касающиеся Ильина:

«Приват доцента Ильина я лично знаю, но какое отношение он имеет к организации графини Ланской, мне неизвестно. Знаю только, Ильин стоял во главе тех, которые желали продолжения войны с Германией, т. е. принадлежал к союзнической организации» (Допрос от 14 апреля, ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 23). «Приват доцента Московского университета Ильина я лично знаю, но какое отношение он имеет к «организации» графини Ланской, мне неизвестно. Думаю, что по своим убеждениям Ильин принадлежит к числу людей, желающих продолжения войны с Германией, т. е. принадлежит к союзнической организации» (Допрос от 15 апреля, ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 25).

В. А. Бари отказался отвечать на вопрос об источнике 7000 руб., отмеченных в его приходном счете и обозначенных инициалами «Ю. Н. Н.», не расшифровал он и подобные инициалы «Р. Ф. Ф.» и «С. Н. А.». Ничего не упомянул и об отметке рукою Ильина: «8000. — Ив. А. И. 30 ноября» в графе расходов (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 79).

Интересно привести следующий документ, показывающий, что семейство Бари было тесно связано с финансовыми властями Советской Республики.

«AMERICAN CONSULATE GENERAL Moscow, Russia.

13/26 февраля 1918 г.

Господину Еренрейх,

Комиссару Финансов,
Москва.
Милостивый Государь,

Американский гражданин, г-н Виктор Бари, обратился в это Генеральное Консульство с просьбой содействовать ему в урегулировании его денежных дел. Ввиду того, что г-н Бари лично известен этому Генеральному Консульству, оно не сомневается, что Вы сделаете все от Вас зависящее для разрешения этого вопроса. За любезное исполнение просьбы Американское Генеральное Консульство выражает Вам заранее свою благодарность.

С совершенным почтением

(подпись)

Американский Генеральный Консул» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 68).

К важным для истории документам, изъятым у Бари, можно отнести два рисованных плана Лубянской площади и прилегающего района во время вооруженного противостояния большевиков и юнкеров в Москве в октябре 1917 г. (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 59, 60), две телеграммы генерала Корнилова от 28 августа 1917 г., в которых он «обращался к народу русскому» остановить разложение России (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 65, 66) и карандашный список будущего правительства, который мы приводим здесь полностью:

«Кабинет восстания России

Мин.-Пред. — Родзянко

Военный — Рузский (Алекс.)

Морской — Колчак

Финансов — гр. Коковцев

Иностр. дел — Милюков

Юстиции — Гурко

Пут. сообщения — Юренев (Тахтам Борисов)

Внутр. дел — Лопухин

Почт. и Тел. — Пальчинский, Никитин <последний зачеркнут. —

Ю. Л.>.

Труда — Прокопович

Торг. и Пр. — Третьяков

Просвещения — гр. Игнатъев

Контролер Свящ. Синода — Н. Н. Покровский

Продовольств. — гр. И. Гучков» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 14).

²⁸ Ланская (урожд. Оболенская) Александра Николаевна — родственница князя Николая Викторовича Гагарина, владельца особняка на Новинском бульваре, д. 36, где после Октябрьского переворота собирались многие противники большевистского режима.

²⁹ Каледин Алексей Максимович (1861 — 1918) — генерал, атаман Войска Донского. С октября 1917 по январь 1918 г. руководил восстанием против большевиков. Застрелился.

³⁰ *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870 — 1918) — генерал, один из создателей и руководителей Белого движения и Добровольческой армии. Убит в бою под Екатеринодаром.

³¹ *Халафов* Константин Моисеевич (1878 — ?) — бывший офицер. На основании ордера ВЧК за № 681 был арестован 15 апреля 1918 г. на своей квартире по адресу 4-я Мещанская ул., д. 14, кв. 9. Обвинялся в участии в организации «Добровольческая армия». На допросе признался только в том, что получил от Владимира Бари 2000 руб. для «ликвидации комитета по организации «Добровольческой армии». Относительно Ильина заявил: «Приват-доцента Ильина я знаю как лектора университета» (Протокол допроса от 19 апреля 1918 г. ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 115). «Относительно приват-доцента Ивана Александровича Ильина мне ничего не известно, и принадлежал ли он к организации графини Ланской, не знаю» (Протокол допроса от 20 апреля 1918 г. ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 116).

³² *Свешникова София Евгеньевна* — курсистка Коммерческого института.

³³ Ильин имел в виду намерение издать свое исследование о философии Гегеля в трех книгах; на самом деле оно состоит из трех частей.

³⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 109. Автограф.

³⁵ *Бачинский* Алексей Иосифович (1877 — 1944) — специалист в области термодинамики, профессор МГУ.

³⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 118. Машинопись.

³⁷ Ниже на документе рукописная пометка: «Дело закончено, представлено на заключенные заседания отдела. Следов<атель> Венгеров. 27 апр. 1918 г.»

³⁸ *Революционные трибуналы* — судебные органы, существовавшие в первые годы советской власти, созданные согласно Декрету о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. для борьбы с контрреволюцией, саботажем и другими преступлениями, угрожающими власти. Упразднены в 1922 г.

³⁹ *Крыленко* Николай Васильевич (1885 — 1938) — советский партийный и государственный деятель, известный революционер. В то время председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР.

⁴⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 107 — 108. Автограф. Впервые документ опубликован В. Гончаровым в журнале «Источник» (№ 1. М., 1996); вторично — в книге «Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных» (М., 1998). Здесь печатается по архивному экземпляру. На документе имеется резолюция: «Иван Александрович Ильин освобожден на поруки согласно постановления отдела по борьбе с контрреволюцией от 24 апреля 1918 г. Следов<атель> Венгеров».

⁴¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 119. Машинопись.

⁴² *Кривошеин* Василий Васильевич (1893 — ?) — сын потомственного почетного гражданина Воронежской губернии, штабс-капитан, участник войны с Германией, награжден многими орденами и знаками отличия — Св. Анны 4-й и 3-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й сте-

пени с мечами, бывший студент Московского университета, в рассматриваемое время восстанавливался в правах студента для продолжения учебы, жених американской гражданки Екатерины Александровны Бари (сестры В. А. Бари), проживал в доме Зинаиды Яковлевны Бари. Был арестован ВЧК 14 апреля 1918 г. по подозрению в участии в организации «Добровольческая армия». На допросе того же дня, в частности, показал: «Приват-доцента Ильина знал по университету, присутствовал иногда на его лекциях» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 95).

⁴³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 120. Машинопись.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 120. Машинопись.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 127. Автограф.

⁴⁶ На повестке за этим номером имеется автограф Ильина: «Повестку получил. Прибыть не могу по болезни, о чем представляю медицинское свидетельство к началу заседания. И. А. Ильин» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 123. Оригинал). Была и вторая повестка за № 3539/466 от того же числа, посланная Ильину на место работы — Высшие женские курсы, учрежденные В. А. Полторацкой.

⁴⁷ *Муравьев Николай Константинович* (1870 — 1936) — видный московский адвокат; выступал защитником на политических процессах до и после 1917 г., в частности в 1920 г. — по делу «Тактического центра», а в 1922 г. — по делу ЦК ПСР (партии социалистов-революционеров).

⁴⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 128. Автограф.

⁴⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 122. Машинопись.

⁵⁰ См. «Письма И. А. Ильина к П. Б. Струве», коммент. 476.

⁵¹ *Эльснер Евгений Феликсович* (1867 — 1930) — генерал-лейтенант Генштаба, участник войны с Германией, в августе 1917 г. поддержал Корнилова. В декабре 1917 г. бежал из Быхова на Дон и стал одним из основателей Добровольческой армии.

⁵² Эта запись, сделанная рукой самого И. А. Ильина, подтверждает получение им от В. А. Бари 8000 руб.

⁵³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 129. Машинопись.

⁵⁴ *Тагер Александр Семенович* — присяжный поверенный, по просьбе американского генерального консула Д. Пуля 25 апреля 1918 г. взял на себя защиту В. А. Бари.

⁵⁵ Американским вице-консулом в это время был Джон Лерс.

⁵⁶ В прессе появились следующие материалы:

«К делу прив.-доц. Ильина, Бари и др.

Прив.-доцент Ильин, американский подданный В. А. Бари и еще несколько лиц, в том числе бывшие офицеры Громов, Кривошеин и Халафов, гр. Н. <так в тексте. — Ю. Л.>, привлекаются к ответственности по делу о контрреволюционной деятельности. Как сообщает Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, эти лица входили в состав организации, поставившей себе, по-видимому, целью содействие усилению контрреволюционных сил и снабжение материаль-

ными средствами и людьми Корнилова и Каледина на Дону. Исключительную роль, по сообщению Чрезвычайной Комиссии, играл Бари. При обыске у него были найдены переписка и счета на уплату ударникам и офицерам. Главное направление деятельности Бари, по данным Чрезвычайной Комиссии, было снабжение деньгами офицеров, желающих уехать к Каледину. В том же направлении действовала гр. Н. Кап. Кривошеин ездил от Бари в Тамбов для передачи офицерам ударного батальона. Специальное лицо было занято формированием отряда в 1500 челов. для отправки его под видом красноармейцев в распоряжение ген. Алексеева. Это лицо, по данным комиссии, имело связь с Савинковым. Крупные суммы были выданы прап. Халафову. Имеются указания, что существовал конспиративный «кабинет воссоздания России». Наименование организации, по сообщению Чрезвычайной Следственной Комиссии, скрыто под инициалами «Ц.К.Б.О.О.» (Свобода России. — № 16. — М., 1918. — 30 (17) апр. — С. 3).

«Дело В. А. Бари и др.

Вчера в публичном заседании Следственной Комиссии слушалось дело американского гражданина В. А. Бари, прив.-доц. И. А. Ильина, студ. В. В. Кривошеина и С. А. Халафова <так в тексте. — Ю. Л.>, обвиняемых в заговоре против советской власти.

14 апреля у В. А. Бари был проведен обыск. Были взяты различные записки, из которых выведено заключение об организации Бари ударных отрядов для оказания поддержки Корнилову против советских войск. При обыске был арестован жених сестры Бари студент Кривошеин. Прив.-доцент И. А. Ильин и С. А. Халафов были арестованы по оговору бывш. офицера Громова.

В. А. Бари освобожден из-под ареста под поручительство американского консула: Кривошеин и Халафов содержатся под стражей.

После выступления защиты и американского консула, защищавшего интересы Бари, Следственная Комиссия постановила назначить производство предварительного следствия. (Свобода России. — № 17. — М., 1918. — 1 мая (18 апр.). — С. 4).

И хотя все обвиняемые к этому времени были выпущены на поруки, следствие продолжалось в мае, июне и июле. Были вызваны и допрошены многочисленные свидетели, привлечены графологи, в частности эксперт каллиграф Ф. К. Ладнов, который определил подлинность всех почерков, за исключением... И. А. Ильина, очевидную подпись которого он вынес в своем отчете за поля, как бы на невидимом месте, о чем не нужно говорить. Дело вел новый следователь Вашенко.

23 июля 1918 года И. А. Ильину была послана повестка за № 8007 с уведомлением «Прибыть 27-го июля к 11 час. утра на Солянку д. № 1 для допроса в качестве обвиняемого по делу № 93 по обвинению в контрреволюционной деятельности» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 188), на которую он не прореагировал, так как скрывался в имении Балена. Туда 30 июля была направлена аналогичная повестка в двух экземпля-

рах за № 15454 (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 190, 223). 10 августа были выписаны ордера на арест всех обвиняемых по этому делу. Арестовать удалось только одного Ильина — все остальные скрылись.

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 204. Оригинал.

⁵⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 205 (оригинал), л. 206 (копия). На обороте ордера надпись: «11 августа 1918. Ордер явлен село Ачкасово у председателя Сельского комитета. За председателя Василий Ильич Крылов».

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 210.

⁶⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 212.

⁶¹ Документ, заполненный рукою Ильина, находится в ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 218 — 218 об.

⁶² Здесь первоначально стояло слово «представ».

⁶³ Первоначально Ильин считал нужным не признавать факт получения денег от Бари. Позже он изменил свои показания и дал объяснения этого неприятия.

⁶⁴ Некрасовы — не установлены.

⁶⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 219. Автограф. На документе печать: «Следственная Комиссия при Московском Революционном трибунале. Получено «13» авг. 1918 г. вход № 1425». Рукою помечено: «Ващенко 13 авг. 1918 0773. Полит. Отд. 14/VIII (подпись)».

⁶⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 7 — 16. Машинопись.

⁶⁷ В этом документе ссылка на листы дела дается по первоначальной нумерации. Во всех других публикациях этого тома мы используем новую архивную нумерацию.

⁶⁸ Громов ошибочно показал номер дома. Эту неточность Ильин использовал, строя свою защиту.

⁶⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 225.

⁷⁰ Эти строки принадлежат Н. К. Муравьеву. На следующее утро Николай Константинович прибыл в Следственную Комиссию для того, чтобы присутствовать при допросе Ильина.

⁷¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 240 — 240 об. Машинописная копия.

⁷² И. А. Ильин защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», и ему присудили сразу две степени — магистра и доктора государственных наук.

⁷³ Встреча А. И. Яковлева с В. И. Лениным состоялась, о чем он позже рассказал Ильину. Иван Александрович собирался описать этот факт в своих мемуарах, но свой замысел не осуществил.

⁷⁴ Яковлев Алексей Иванович (1878 — 1951) — историк, член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Сын известного чувашского просветителя Яковлева Ивана Яковлевича — друга семьи Ульяновых, который первым сообщил молодому Владимиру Ильичу Ульянову о смерти его отца, хлопотал (но без успеха) об освобождении от смертной казни его брата — Александра Ульянова. Этим и объясняется, что А. И. Яковлев был «на короткой ноге» с главою советского государства.

⁷⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 239. Оригинал. На документе печать: «Получено 31/VIII 1918 г. Вход. № 14962».

⁷⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 13 — 13 об. Оригинал. На документе печати: «Общая регистр. 21/IX 1918 входящий № 17715 ВЧК», «Общая регистр. Вход. № 25680 В. Ч. К.» и несколько пометок: «Вх. 6662/КР.24/IX», «В Сл. Ч. 8/Х», красным карандашом: «У сл. Танковского д. 724», «10/Х 18 г./ К Р.» И последняя пометка: «Дело № 1315 находится у следователя Воздвиженского 25/ХI (подпись)». На обороте пометка красным карандашом: «Дело у меня не имеется, а потому возвращено обратно. 20/ХI — 18 (подпись)». О деле № 1315 см. ниже.

⁷⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 253. Этот документ показывает, что все это время с 11 августа Ильин находился в заключении.

⁷⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 272.

⁷⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 273.

⁸⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 309.

⁸¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 274 — 275 об., 276 — 277 об. Автограф (2 экз.). На документах пометка «К делу 29 октября 1918 г.» и печать с входящим номером: «30/Х 1918. Вх. № 17092» и «30/Х 1918. Вх. № 17093». На первом экземпляре в конце пометка рукою следователя: «Последних 2 свидетелей вызвать на судебные заседания. Относительно первых 7 вопрос оставить открытым за недостаточностью мотивировки. 1929/ХII 18 г.» (подпись) <нрзб.>.

⁸² В черновике, изъятом у Ильина при очередном аресте и обыске (см. ниже), здесь первоначально стояло слово «правосознание», которое Ильин зачеркнул и написал сверху «правосудие», потом, по видимому, рассудил, что для большевиков это слишком и остановился на сухом термине «судопроизводство».

⁸³ Леман-Абрикосов Георгий Адольфович (1887 — 1968) — издатель знаменитого двухтомника И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (М., 1918). Для полноты картины приведем отрывки из рукописи Г. А. Лемана-Абрикосова «Воспоминания (1900-е — 1920-е гг.)», касающиеся И. А. Ильина:

«<...> Почему на меня так стимулирующе подействовала выставка М. В. Нестерова? Несомненно, потому, что я на ней увидел несколько портретов хорошо мне знакомых людей, дорогих по той атмосфере горячей умственной жизни, которая в те давние времена так чаровала и втягивала на самые вершины духовной жизни. На выставке были портреты трех таких лиц: И. А. Ильина, о. Павла Флоренского, так ужасно погибшего, и на одном полотне с ним — С. Н. Булгакова. Этот двойной портрет — Флоренского и Булгакова я где-то видел раньше. Портрет Ильина увидел здесь впервые. Когда я его увидел — передо мной воскресла вся тогдашняя Москва. Москва, когда в ней откуда-то неожиданно и внезапно появился Ильин. До этого момента никогда о нем не было слышно, он совсем не был известен в университете, в частности, на нашем юридическом ф-те, на котором он именно и вос-

сиял. Я помню, он мне говорил, что у него в Вене в сейфе лежит начало его работы о Гегеле. Из этого можно заключить, что он пробыл и, видимо, не один год за границей. Я не могу вспомнить, где и как мы с ним познакомились. Но как-то он явился ко мне как к издателю — впоследствии он меня называл своим «эдитером» — с просьбой издать его работу о Гегеле. В это время его работа была уже закончена и какой-то его знакомый еврей дал ему деньги на ее печатание. Однако это печатание почему-то не шло на лад, и его просьба состояла в том, чтобы продолжить это неудавшееся печатание и довести его до конца. Я с полным удовольствием взялся за это дело и действительно благополучно довел его до конца. Благополучие, в частности, состояло в том, что он должен был через некоторое время защищать свою работу в качестве магистерской диссертации и очень просил меня суметь ко дню защиты напечатать второй том. Это мне удалось, и на самый диспут я принес ему несколько экземпляров второго тома. Он тут же их вручил некоторым из заседавших на диспуте профессоров, и в результате ему была присуждена прямо степень доктора. Я говорю «в результате», потому что в постановлении было подчеркнуто, что это делается, в частности, «принимая во внимание появление второго тома». Его работа — труд необычайной глубины, сложности и мало кому доступен по своей отвлеченности. Но зато он сразу поставил Ильина высоко во мнении русского общества, давшего ему прозвище «гегельянца», что, впрочем, не следует понимать как сторонник учения Гегеля, а именно только как автора работы о Гегеле. Ильин сразу показал себя человеком сильного характера, резким, крайне нетерпимым, пуритански настроенным и вообще савонароловского склада. Страстно уверенный в себе, непогрешим как папа, он презирал и ненавидел всех инакомыслящих или тех, поведение кого с моральной точки зрения он не одобрял. Он мне сам говорил, что когда на публичных его выступлениях кто-нибудь ему возражал, оспаривал и т. п., то ему хотелось такого человека... убить! Иллюстрацией его морального ригоризма может служить его столкновение с Андреем Белым, по нашему — Бор. Ник. Бугаевым. Ильин дружил и очень высоко ставил композитора Метнера <Леман имеет в виду музыковеда Эмилия, а не композитора Николая Метнера. — Ю. Л.>. Мне неизвестно, что произошло между Метнером и Андреем Белым, — то ли Белый что-либо неуважительное сказал о Метнере, а м. б. в их личном общении у них произошло какое-нибудь столкновение — не знаю. Но Ильин не мог остаться равнодушным к этому какому-то оскорблению или обиде, будто бы нанесенным его другу, и разрешился обширным, в высшей степени резким, злобным письмом к Андрею Белому. Ильин мне это письмо прочел и явно был доволен собой, что сумел так «отделать» Белого. Нужно сказать, что это было весьма неумно и весьма наивно. <...> Наброситься на невиннейшего Андрея Б. с савонароловскими проклятиями было поистине наивно и нелепо. Я помню, письмо кончилось уведомлением Белого,

что при встрече Ильин не считает возможным ему поклониться и т. п. угрозами. Помнится, я от кого-то слышал такую же оценку этого поступка Ильина <это по всей видимости — Н. А. Бердяев. — Ю. Л.>, какую даю здесь.

Указанные мною черты этого «страстного» Ивана Ал-дровича весьма ярко проявились в его общественных выступлениях. Окт. рев. застала русское общество в сильном религ. подъеме. И первые годы революции ознаменовались наполненными храмами, участиями в крестных ходах профессоров и академиков, докладами на религиозные темы, глубокомысленными концепциями происходящих событий в аспекте религиозном и т. п. Характерно это и для Ильина. Но следует оговориться, что он стоял в этом отношении совершенно одиноко, и в том смысле, что не *примыкал ни к единому «кружку»*, течению, равно как, насколько мне известно, не принадлежал и к тем, кого можно назвать «церковниками». В полном соответствии со всем своим внутренним складом он гордо стоял как одинокая фигура, вынашивал свои личные взгляды и убежденно и страстно верил, что нашел нечто нужное если не христианству как таковому, то во всяком случае нашему русскому православию. То, что он нашел и к чему призывал, он твердо называл «реформацией», однако отнюдь не связывал этого с историческим лютеранством. Ильин просто полагал, что церковь как бы доживает себя, неспособна удовлетворить нынешние потребности в обл. религиозной и что нужно как-то обновить ее, внести какой-то новый дух в ее жизнь, сделать ее вновь жизнеспособной. Он что-то писал в этом направлении, выступал с докладами, *организовал семинары в частных домах*: я неоднократно на них бывал. В его выступлениях слышался пафос исповедника, вождя, чуть не пророка. Однако то, что мы от него слышали, было очень мало убедительно. Он упорно подчеркивал, и это, по-видимому, было одним из его основных тезисов, что «моя вера — это не твоя вера, а твоя вера — это не моя вера», всячески подчеркивал этот чисто личный элемент религиозных переживаний. Особенно яркое воспоминание осталось у меня от *его выступления в большой аудитории Психологического Института* во дворе так называемого нового университета. Он выступал все с тем же материалом, какой я уже слышал от него на его семинарах. Интересна была сама манера его выступлений. Она была в какой-то степени театральна, но отнюдь не в том смысле, чтобы он «рисовался». Нет, в глубочайшей искренности, даже непосредственности Ильина я твердо убежден. Но таков был самый, так сказать, стиль его личности. Высокого роста, очень худой, какой-то изможденный, похожий на блондинистого Мефистофеля, кажется, он страдал туберкулезом, он гордо и как бы свысока оглядывал аудиторию, затем вынимал из портфеля маленький, легко умещавшийся в портфеле, совсем простой работы, пульттик, ставил его перед собой, клал на него рукопись и начинал читать, всегда читал, а не говорил, как-то сказал мне, что он что-нибудь пишет только, когда у

него в голове все до последнего слова готово; положить на бумагу — было уже делом чисто механическим. Я, конечно, не помню содержания его выступления. Но у меня сохранились в памяти некоторые отзывы присутствующих, высказанные во время перерыва, который Ильин объявил перед второй частью своего доклада. Помню, *Н. А. Бердяев* сказал, что творчество Ильина «анэротично», что было весьма справедливо. Князь *А. Д. Оболенский* заметил, что мысль Ильина не длиннее воробьиного носа. Но совершенно замечательно сказал *Федор Степун*, человек очень умный, в настоящее время проф. Мюнхенского ун-та. Он определил выступление Ильина, как «*религиозное помешательство неверующей души*». Сказать лучше было невозможно. При всей моей даже любви к Ильину, я могу сказать со спокойной совестью, что весь огромный пафос, какой он вкладывал в свою квазирелигиозную проповедь, был мыльным пузырем, из кот. ничего не могло получиться. На своем двухтысячелетнем пути церковь пережила много изменений и так или иначе понимаемых «реформ». Но ведь все эти реформы были проводимы людьми, носившими в глубине своей души подлинное религиозное чувство. Благодаря этому все эти реформы — изменение обрядов, установление новых обрядов, создание молитв и т. п. носили, так сказать, имманентный характер. Рожденные религиозным путем, они являлись естественным развитием внутреннего содержания христианства, православия, церковности. Люди жили в христианстве, пребывая в нем, и потому самая устремленность их, хотя бы к новому, не взрывала церковь, а только раскрывала в ней большую глубину ее духа, все большую ее значительность. Ильин же стоял совершенно вне этого, стоял, так сказать, «вне церковной ограды» и так со стороны, извне мечтал в ней что-то изменить. Его «реформа» была попыткой вторгнуться в ц^{ерковь} именно извне и навязать ей то, что ему, ему лично, казалось разумным и нужным. Это несколько напоминало безнадежные потуги Толстого свое личное, слишком — личное, объектировать в обще-истинное и обще-обязательное. Жизненная наивность, а с т. зр. христианской и гордыня лежали, в конечном счете, в этой необоснованной взбудораженности, которой так волновался и пытался волновать нас Ильин.

Во время рев^{олюции} *Ильин сразу занял видное место в московском обществе*. Я не был на том совещании, кот^{орое} было организовано в Большом театре при Керенском. Насколько мне известно, Ильин на этом совещании выступал и стяжал себе славу оратора Божьей милости и, конечно, стал широко известен по составу своих политических воззрений. Не могу точно вспомнить, была ли это книга, или доклад, но я точно помню, что у него была *превосходная работа на тему о патриотизме*, для чего я побуждал Ильина написать на эту тему книжку» (РГБ, ф. 218, к. 1272, ед. хр. 5, л. 2 — 7).

⁸⁴ *Тарасов Николай Петрович* (1897 — 1982) — математик, муж Веры Карловны Метнер — дочери Карла Карловича Метнера и Елены

Михайловны Братенши. Известно, что все Метнеры были дружны с семьей Ильина.

⁸⁵ *Гольдман* Михаил Юрьевич — известный московский адвокат.

⁸⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 2. На оборотной стороне ордера надпись: «Ордер явлен в 1 Тверская Комисс. 3/ХІ в 8 ч. у. Деж. Нач. Зав. (подпись неразборчива). Печать: 1-е Тверское отд. г Москвы Де-жур. Пол. Комиссар)».

⁸⁷ Дело содержит 29 листов. На титуле I стоит: «ДЕЛО № 1315 Ильина, И. А.//Заинвентаризовано 1941 г.// р 22082».

Ильинское дело за № 1315 было заведено по непонятным до сих пор причинам, так как он уже находился под следствием и подлежал суду Революционного трибунала. На титуле стоит: «ДЕЛО Ильина, И. А.». Наклеено: «ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА КОЛЛЕГИИ Отдела по борьбе с контрреволюцией от 30 ноября 1918 г. СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

133/Дело № 1315 Ив. Ал. ИЛЬИНА.

133/Освободить по амнистии, дело в архив».

На титуле много разных пометок, архивных номеров, незаполненных пунктов начала и конца дела. «Арх. 1750», «№ 1653», печать «АРХИВ ВЧК», отметка «Получено 191», надпись красным карандашом «КГБ центр». На титуле II: «Секретно//Комитет Государственной Безопасности при СМ СССР//Центральный архив//Уголовное дело № ___//по обвинению//АРХ. № Р 22082//Количество томов «___», том «___»// (наименование органа, в производстве которого находится дело) ___//Год производства//тк 4053».

⁸⁸ Фамилия Ильина в ордер не вписана.

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 3.

⁹⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 4.

⁹¹ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 5 — 5 об.

⁹² Данный документ представляет собою машинописную копию, перепечатанную кем-то для Ильина с документа, опубликованного нами выше (см. док. № 25). ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 14 — 22. Машинопись.

⁹³ Это черновик заявления Ильина, опубликованного нами выше (см. док. № 34). ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 23 — 24. Автограф.

⁹⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 9.

⁹⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 10.

⁹⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 11 — 12 об. Рукописный документ со многими орфографическими и пунктуационными ошибками. Здесь публикуется по современным нормам. Стилистические погрешности оставляем без изменений.

⁹⁷ Интересно, что этот протокол — единственный, где Ланскую именуют княжной (по-видимому, Оболенской), а не графиней.

⁹⁸ Возможно, речь идет о 1-м или 2-м Московском совещании общественных деятелей в августе и октябре 1917 г., где Ильин выступал как докладчик.

⁹⁹ Ильин здесь неточен: по показаниям Громова, его адрес назывался Ланская.

¹⁰⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 8. На документе пометка: «У следователя Воздвиженского дело № 1315».

¹⁰¹ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, л. 7 (рукопись), л. 6 (машинописная копия).

¹⁰² Так в документе.

¹⁰³ Это одно из первых документальных доказательств существования *концентрационных лагерей* у большевиков.

¹⁰⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 417, оп. 4, д. 113, лл. 9 и 9 об. Копия. На документе имеется пометка: «Во Всер<оссийскую> Чр<езвычайную> К<омиссию> по борьбе с контррев<олюцией> и спекул<яцией>. В отдел по контрреволюции. <...> при условии поручительства со стороны К<оммерческого> И<нститута> о невыезде его за границу». Первую публикацию см.: Российский Архив. — Т. V. — М., 1994. — С. 531 — 532.

¹⁰⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 311.

¹⁰⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 310.

¹⁰⁷ ЦГИА г. Москвы, ф. 417, оп. 4, д. 113, лл. 11 и 11 об. Первую публикацию см.: Российский Архив. — Т. V. — М., 1994. — С. 532.

¹⁰⁸ *Аралов Семен Иванович* (1880 — 1969) — советский военный и государственный деятель. С января 1918 г. — начальник оперативного отдела штаба Московского военного округа и наркомата по военным и морским делам, член РВС Республики.

¹⁰⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 316 — 320.

¹¹⁰ В деле имеются два каллиграфически написанных карандашным списком из 6 заседателей и 2 запасных. В списках и протоколах суда по-разному начертана фамилия одного из заседателей — Едель, Иодель, Эдель. Здесь она дается по цитируемому документу.

¹¹¹ Ильин получил повестку за № 13068 от 19 декабря 1918 года такого содержания: «Гражданину *Ильину Ивану Александровичу*. На основании ст. 6-й отд. 2-го Учреждения Московского Революционного Трибунала Следственная Комиссия при Московском Революционном Трибунале приглашает вас ПРИБЫТЬ к 11 час. 26 декабря н/г на засед. Революц. Трибун. для допроса (Солянка № 1, дом бывш. Ком. суда) в качестве обвиняемого по делу *Бари, Кривошеина и др.* В случае неявки в назначенный срок вы будете подвергнуты штрафу или приводу. Секретарь <подпись>» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 286). На повестке имеется подпись: *Н. Ильина*; на обратной стороне повестки пометка: «Для передачи повестки Ильина. Вручил повестку *Н. Ильиной*. 20/XII 1918. разн. Завалов».

¹¹² Леман был вызван в суд в качестве свидетеля по повестке за № 13144 от 19 декабря 1918 г. Вот как описывает этот эпизод сам Леман: «... Незадолго до отъезда он <Ильин. — *Ю. Л.*> был по какому-то поводу привлечен к суду. Я не помню этого повода, но помню, Ильин приезжал в качестве свидетеля, и мы втроем — он привез с собой одного приятеля — обдумывали план защиты. В назначенное

время я прибыл в суд. Однако выступать мне не пришлось. После каких-то объяснений Ильина процесс был прекращен, и когда из комнаты свидетелей я вошел в зал заседаний, то видел, как Ильин протянул руку председателю суда, совсем молодому парню рабочего типа, и между ними произошло горячее «шекхендс» <пожатие рук. — Ю. Л.> (РГБ, ф. 218, к. 1272, ед. хр. 5, л. 25).

¹¹³ Тарасов был вызван в суд в качестве свидетеля по повестке за № 13143 от 19 декабря 1918 г. На оборотной стороне повестки любопытная пометка: «Повестка вручена без расписки по супротивлению раздатчику 23/ХІІ повестку вручил без расписки Тарасова 23/ХІІ раздат (подпись)» (ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 290).

¹¹⁴ Так в тексте.

¹¹⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 315 (рукописный экз.), л. 314 (машинописная копия).

¹¹⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, лл. 321 — 322 (машинопись), л. 323 — 323 об. (копия).

¹¹⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Р-22082, лл. 1 — 1 об. На документе пометка: «Архив № 1750», где указан старый архивный номер этого дела.

¹¹⁸ Дело № 207 — знаменитое дело ЦК кадетов или о раскрытии контрреволюционной организации «Национальный центр». В действительности это было мощное выступление общественных деятелей Москвы, часть которых состояла в кадетской партии; в Москве в это время ждали прихода Белой армии с Юга, — генерал К. К. Мамонтов прорвал фронт красноармейцев. По воспоминаниям участника этих событий Ивана Алексеяева, младший брат Ильина Игорь выполнял конкретные боевые задания. В его задачи входило, в частности, повреждение телеграфных линий между Москвой и Петроградом.

Намеревались привлечь по этому делу и И. А. Ильина, хотя он не был членом кадетской партии. Выдали ордер на его задержание, в квартире провели обыск (см. док. № 51, 52), но арестовать не сумели — заранее предупрежденный, он скрывался.

¹¹⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-207, л. 191. На документе пометка: «№ 35/15 — не арестован — взята подписка».

¹²⁰ Адрес Ильина не изменился, просто дом его находится на пересечении Крестовоздвиженского пер. и ул. Знаменка.

¹²¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-207, лл. 192 — 193.

¹²² Из ФСБ РФ, д. 191, л. 1. На этот раз Ильин проходил по так называемому делу «Тактического центра». В августе — сентябре 1919 года в ходе следствия по делу «Национального центра» (его руководители члены ЦК партии кадетов Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, Н. А. Огородников и другие, — всего 67 человек, зверски расстреляны большевиками) были получены сведения о том, что в Москве функционирует политическое объединение «Тактический центр», которое направляет деятельность различных антисоветских организаций. В феврале — марте 1920 года ВЧК арестовала ряд лиц по обвинению в причастности

к «Тактическому центру». Следствие установило, что в «Тактический центр» входили «Национальный центр», «Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей», членом которого состоял Ильин. Подробнее об этом см. в книге «Просим освободить из тюремного заключения» (М., 1998. С. 152 — 160).

¹²³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 2.

¹²⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 3.

¹²⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, л. 4.

¹²⁶ ЦА ФСБ РФ, д. Н-191, тит. л. VII.

¹²⁷ Это последнее, хранящееся в ЦА ФСБ РФ, дело на Ильина, содержащее 23 листа. На титуле значится: «Дело взято на тематический учет//Архив № 29998//Государственное Политическое Управление//Зарегистрировано в 1941 г.//ДЕЛО//(регистрационного отдела) 1574// По обвинению Ильина Ивана Александровича//Н-1554//Вещ. док. № 5/арест//Начато 5/9 1922 г.//Окончено 192... г.//Сдано в архив за № 29998». На нем несколько пометок: «107 СОТУ», «КГБ (подпись)», «Материал проверен «30» октября 192 г. (подпись)»...

Оно относится к акции советских властей по высылке за границу выдающихся ученых, философов и литераторов, нелояльных существующей рабоче-крестьянской власти.

Настоящее дело полностью публикуется впервые.

¹²⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 1. Ордер помечен числом, когда проходила операция одновременного ареста многих высылаемых. Ильин не был арестован в этот день.

¹²⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 2.

¹³⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 3.

¹³¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 4. Рукописный экз.

¹³² ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 5.

¹³³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 6. Рукописный экз.

¹³⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, лл. 7, 8. Рукописный экз.

¹³⁵ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, лл. 9 — 10 об. Бланк и автографы Ильина и следователя.

¹³⁶ Процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров проходил в середине 1922 г. и «вскрыл контрреволюционную сущность партии», в результате чего она была запрещена.

¹³⁷ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 11. Автограф.

¹³⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 12. Документ — стандартная форма, отпечатанная на машинке, в которую вставлена фамилия.

¹³⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 13. Документ — стандартная форма, отпечатанная на машинке, в которую вставлена фамилия.

¹⁴⁰ Слово «августа» зачеркнуто. Это говорит о том, что по первоначальному плану акцию высылки планировали завершить еще в августе 1922 г.

¹⁴¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 15. Машинопись.

¹⁴² Здесь, в подтверждение правильности и объективности выводов следователя, приведем свидетельство Г. А. Лемана из его неопубликованных воспоминаний: «Как кончил Ильин — мне неизвестно, и неизвестно никому из нас, старых москвичей. Несколько лет тому назад я интересовался судьбой тех лиц, которые покинули наш Союз в 1922 году. В немецкой энциклопедии я нашел Бердяева, которому была посвящена большая статья, Лосского, Франка, Степуна, даже неожиданно о Павла Флоренского, но Ильина найти не мог. Заглядывал в итальянскую энциклопедию и тоже Ильина не нашел. Единственное упоминание о нем, которое мне попало на глаза, было сообщение в наших газетах, что Ильин принимал участие в организации «Хёрренклуба» в Берлине. Это было объединение крупных дельцов, настроенных, конечно, отнюдь не революционно и, как бы мне сказали, весьма классово. Ильин, несомненно, весьма подходил к этой компании не как «делец», каковым он, конечно, никогда не был, но по своему политическому настроению, крайне и убежденно враждебно относившийся ко всему революционному. Я помню, с каким раздражением он мне говорил, что он не успокоится до тех пор, пока (л. 25) не будет восстановлена прежняя, сметенная революцией жизнь. Видя в Ильине непримиримого и страстного противника, власть не ошиблась, выслав его за границу» (РГБ, ф. 218, к. 1272, ед. хр. 5, лл. 24 — 25).

¹⁴³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 14. Автограф.

¹⁴⁴ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 16. Автограф.

¹⁴⁵ Неясно, почему изменился номер дела; возможно, это был обший номер дела высылаемых за границу.

¹⁴⁶ В п. 2, лит. Е сказано, что на НКВД возлагается: «выполнение специальных поручений Президиума Всероссийского Центрального Комитета или Совета Народных Комиссаров по охране революционного порядка» (см.: Положение о ГПУ и его органах. — М., 1922. — С. 1). Это было единственное «юридическое» основание, к которому прибегли в акции по высылке ученых, философов и литераторов из Советской России.

¹⁴⁷ Ниже приводятся 3 документа, на которых дается отсыл к старым архивным номерам дел по контрреволюционной деятельности И. А. Ильина.

ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 17. Здесь указан старый архивный номер дела № 1315.

¹⁴⁸ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 18. Документ в виде коротенькой карточки, где каллиграфическим почерком написан текст. Это старый архивный номер дела № 1315; сравнив его с номером, указанным в следующем документе, относящемся к делу № 93 (Н-191), удалось обнаружить затерявшееся в архивах ФСБ дело № 1315 (Р-22082).

¹⁴⁹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 18.

¹⁵⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 23. Машинопись.

¹⁵¹ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, л. 21. Машинопись.

¹⁵² На самом деле позже Президиум ВЦИК лишил И. А. Ильина права гражданства и конфисковал его личное имущество, о чем сообщалось в прессе. См.: Репрессии против Ильина и Мельгунова//Руль. — Берлин, 1923. — № 815. — 5 авг. — С. 3.

¹⁵³ ЦА ФСБ РФ, д. Н-1554, лл. 20, 22. Машинопись (в 2 экз.).

Часть II

ДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА БЛИЗКИХ И. А. ИЛЬИНА

Здесь собраны документы и письма родных Ильина, хранящиеся в РГАЛИ, архиве философа в Мичигане, архиве его племянника С. И. Ильина (Москва). Издательство и составитель признательны Святославу Игоревичу за предоставление для публикации в данном Собрании сочинений копий бесценных семейных реликвий.

¹ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, лл. 18 — 18 об.

² Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 13.

³ РГАЛИ, ф. 131, оп. 3, ед. хр. 300, лл. 6 — 7 об.

⁴ *Лиза* — Елизавета Луарсабовна Андроникашвили (1901 — 1985), внучка Л. И. Гуревич.

⁵ Белочкой Александр Иванович Ильин называл свою жену Екатерину Юльевну, так как она была светловолосой.

⁶ *senilio* (лат.) — старость.

⁷ *Л. А. Кемпе*, Лили — дочь давних друзей И. А. Ильина из Богдановки.

⁸ *Ваня* — Ильин Иван Александрович.

⁹ *Игорь* — Ильин Игорь Александрович (1892 — 1937), сын А. И. Ильина, адвокат. Был репрессирован.

¹⁰ *Александр* — Ильин Александр Александрович (1882 — 19?), второй сын А. И. Ильина. В 1917 г. уехал в Америку, где следы его потерялись.

¹¹ Под «Александридами» А. И. Ильин подразумевает своих детей.

¹² «*Николаиды*» — дети Николая Ивановича Ильина (1837 — 19?), брата Александра Ивановича.

¹³ *Андрей* — Ильин Андрей Николаевич, занимался изучением старинных русских усадеб. Отец известного искусствоведа Михаила Андреевича Ильина.

¹⁴ Так в рукописи.

¹⁵ Далее неразборчиво.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 131, оп. 3, ед. хр. 300, лл. 2 — 5 об.

¹⁷ Аленушка — так нежно называл Александр Иванович свою сестру; она звала его — Иванушкой.

¹⁸ *Geschwister* (нем.) — братья и сестры.

¹⁹ *Tu as beau* (фр.) — ты красивый, хороший. Так Екатерина Гуревич называла Александра Ивановича Ильина.

²⁰ *Андромаха* — в греческой мифологии супруга Гектора. Воплощение идеала преданной и любящей жены.

²¹ Андрионикашвили уехали на Кавказ в связи с работой Луарсаба Николаевича.

²² *Punctum* (лат.) — колющая боль.

²³ См. выше, док. № 2.

²⁴ Лина (от Каролина) — так называли в семье Екатерину Юльевну.

²⁵ *Мельникова* Мария Павловна — дочь Павла Ивановича Мельникова, известного писателя, работавшего под псевдонимом Андрей Печерский; гражданская жена Алексея Александровича Ильина.

²⁶ Не установлен.

²⁷ «что ей Гекуба?» — перифраз из пьесы В. Шекспира «Гамлет» (акт II, сцена 2).

²⁸ *Адя* — Аделаида Юльевна Левкович (в девичестве Швейкерт), сестра Е. Ю. Ильиной, жена архитектора Григория Михайловича Левковича. Визитная карточка Г. М. Левковича и сопроводительная записка о нем и Аделаиде Швейкерт хранятся в семейном архиве С. И. Ильина (лл. 20, 21).

²⁹ Аделаида Юльевна жила в доме А. И. Ильина в Больших Полянах.

³⁰ Св. Филарет (Дроздов) (1782 — 1867) — митрополит Московский, выдающийся церковный и государственный деятель.

³¹ Так в письме. На самом деле должно быть «уповаемых». См.: Евр. 11, 1; также: Митрополит Филарет. Пространный Христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. — Варшава, 1930. — С. 4.

³² Может быть, в Петроград, где жили его родители.

³³ РГАЛИ, ф. 131, оп. 3, ед. хр. 298, лл. 1 — 2 об.

³⁴ Александр Иванович Ильин умер 20 ноября 1921 г. от кровоизлияния в мозг и был похоронен на Введенском кладбище в Москве.

³⁵ *Яша* — Яков Яковлевич Гуревич.

³⁶ Архив И. А. Ильина, кор. 64, д. 7. Автограф.

³⁷ Неясно, о ком идет речь.

³⁸ *Игорь* — младший сын Екатерины Юльевны.

³⁹ До смерти мужа Е. Ю. Ильина проживала с ним в том же доме, но в 1-м подъезде, на 1-м этаже в 20-метровой комнате коммунальной квартиры.

⁴⁰ Квартиру (кв. 9, 1-й под., 3-й эт.) по Скатертному пер., д. 22 (построен в 1916 г.) Игорь Александрович купил у художника Волкова Ефима Ефимовича (1844 — 1920). Здесь же оставались некоторые картины художника.

⁴¹ Поместье Александра Ивановича Ильина.

⁴² Аделаида Юльевна умерла в доме Ильиных в Больших Полянах 5 марта 1922 г.

⁴³ Лицо не установлено.

⁴⁴ Невестка — жена Игоря.

⁴⁵ Лицо не установлено.

⁴⁶ *Вера Михайловна* Титова (в девичестве Нестерова) (р. 1899) — дочь художника М. В. Нестерова.

⁴⁷ Упоминается Елена Павловна Разумова — личный врач И. А. Ильина.

⁴⁸ Имеется в виду картина Михаила Васильевича Нестерова «Мыслитель».

⁴⁹ Речь идет о Любви Ивановне Гуревич.

⁵⁰ По-видимому, говорится о Екатерине Андреевне Муромцевой — тете Наталии Николаевны Ильиной.

⁵¹ *Жуковские* — издатель Дмитрий Евгеньевич Жуковский и его жена поэтесса Аделаида Казимировна Герцык, родственница Н. Н. Ильиной (Вокач); их квартира находилась в Кречетниковском переулке.

⁵² Лицо не установлено.

⁵³ Ильин Святослав Игоревич (р. 1921) — окончил экономический факультет МГУ, кандидат наук, занимался социологией, написал много стихов (восемь томов), которые не публиковал. Сейчас пенсионер, проживает в Москве.

⁵⁴ *Юлий* — младший брат Ильина, умерший в 12 лет.

⁵⁵ Здесь будет уместным привести замечательное по подробностям и написанное с душевной теплотой стихотворение Святослава Ильина 1988 г., посвященное Екатерине Юльевне.

ПАПИНА МАМА

(Катя-баба)

На всех языках объяснялась отлично,
Умела готовить отменный форшмак,
Привержена Богу была фанатично,
Была человечной, простой, симпатичной,
Ей в сталинском «рае» все было не так!

Из яблок с брусникой варила варенье,
На полках держала до тысячи книг.
С невесткой бывали какие-то тренья,
Постилась усердно, сушила коренья,
Но Бога забыть не могла ни на миг.

Была она женщиной скромных желаний:
То сварит картошку, то мисочку шей.
Она мне казалась окутанной тайной,
Меня привлекал в ее комнате крайней
Особенный запах старинных вещей.

Там были игральные карты, магниты,
Шкатулка, пузатый графинчик, сургуч,
На картах и планах — Париж знаменитый,
Подсвечник, парик, заливхватски завитый,
И стержень для шила, и бронзовый ключ...

Я ей рисовал: «Вот, пожалуйста, в кепке
Добрыня Никитич — лихой богатырь.
Любую преграду ударит — и в щепки!» —
«Помилуй нас, Боже, бессмертный и крепкий», —
Молилась она и листала Псалтырь.

Обычно она размышляла о Боге,
О выросших детях была ее грусть.
В тетрадь заносила расходов итоги.
Моральные принципы были так строги,
Евангелье знала почти наизусть.

Бывала в Европе с покойным супругом
И все вспоминала Палермо, Прованс.
Подагра была ее главным недугом.
То в церковь спешила, то к старым подругам,
То вдруг предлагала: «Разложим пасьянс!»

Читала мне Диккенса вслух и Брет-Гарта.
Любила горох. Вспоминала сестер.
Охотно листала старинные карты,
Играла со мной «в дураки» без азарта...
Я в памяти детства все это не стер!

⁵⁶ Имеется в виду Печерская Мария Павловна. Она была первой учительницей С. И. Ильина.

⁵⁷ *Лиля* — по-видимому, Лили Кемпе.

⁵⁸ Может быть, это Петр Иванович Ильин — дядя Ильина.

⁵⁹ Возможно, это жена П. И. Ильина.

⁶⁰ Лицо не установлено.

⁶¹ Лицо не установлено. Может быть, ее инициалы стоят ниже (см. письмо 7 в этой части).

⁶² Андрей Николаевич Ильин.

⁶³ Лицо не установлено.

⁶⁴ Может быть, речь идет о Любови Яковлевне Гуревич.

⁶⁵ Упоминается Елена Яковлевна Разумова.

⁶⁶ О священнике о. Евгении сведений нет. Духовником Екатерины Юльевны был архимандрит Филарет.

⁶⁷ Семья Игоря Ильина отдыхала на даче в Сокольниках: 3-й Луцевой просек, уч. 113, флигель 5.

⁶⁸ Из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» (1821). Оно состоит всего из одной строфы (шрифтовое выделение — автора). Мы приведем его полностью:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

⁶⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 64, д. 7. Автограф. В этом документе имеются две записки: 1-я с инициалами «Н. А.» — по-видимому, лицо, которое передавало письма Екатерины Юльевны к сыну; 2-я — адрес человека, через которого письма попадали к Ильину: «Berlin. Wilmersdorf. Constanzer Strasse 51 II Herrn Rechtsanwalt L. Meerowitsch für Prof. I.».

⁷⁰ Лицо не установлено.

⁷¹ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, лл. 1 — 2. Заверенная машинописная копия.

⁷² Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 5. Заверенная копия.

⁷³ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 6. Заверенная копия.

⁷⁴ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 9. (Форма, заполненная рукой. Оригинал.)

⁷⁵ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 10. Заверенная копия.

⁷⁶ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 15. Заверенная копия.

⁷⁷ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, лл. 16 — 16 об.. Заверенная копия.

⁷⁸ Так в тексте.

⁷⁹ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, лл. 16 — 16 об. Заверенная копия.

⁸⁰ Семейный архив С. И. Ильина. Документы Е. Ю. Ильиной, л. 3. Заверенная машинописная копия.

⁸¹ Лицо не установлено.

⁸² Архив И. А. Ильина, кор. 64, д. 1. Автограф. Это письмо и следующее (№ 22) попало к Ильину, по всей видимости, потому, что там были сведения о его маме.

⁸³ Имеется в виду Мария Павловна Мельникова-Печерская. (У Алексея Александровича была и первая гражданская жена, сохранившая очень хорошие отношения с Екатериной Юльевной — Ольга Петровна Громова. Жила она в Борисове Можайского р-на Московской обл., работала народной учительницей. В семье Ильиных ее называли третьей бабушкой для Светы — Святослава Игоревича.)

⁸⁴ Может быть, это упоминаемая в письмах Е. Ю. Ильиной «Ек. Вл.».

⁸⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 64, д. 1. Автограф.

⁸⁶ Упоминается Мария Павловна Печерская.

⁸⁷ Речь идет о Е. П. Разумовой.

⁸⁸ Это была Людмила Николаевна Дейч (урожденная Миловидова, 1861 — 1943) — белошвейка, содержала мастерскую.

⁸⁹ Подразумеваются заслуги Алексея Александровича Ильина. См. документы выше.

⁹⁰ РГАЛИ, ф. 131, оп. 2, ед. хр. 204, лл. 1 — 3 об.

⁹¹ РГАЛИ, ф. 131, оп. 2, ед. хр. 204, лл. 4 — 5 об.

⁹² Имеется в виду отдых на даче Игоря Ильина.

Часть III

ДОКУМЕНТЫ ИЗ НЕМЕЦКИХ АРХИВОВ

В настоящей части мы приводим несколько документов из нацистских архивов, находящихся в Архиве Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte, München), которые были пересланы немецким журналистом Глебом Раром профессору русской словесности Алексею Евгеньевичу Климову для публикации в настоящем Собрании сочинений, и документы из Архива И. А. Ильина. Это материалы об увольнении из Русского научного института в Берлине, агентурные сведения и другие материалы, в которых имеются совершенно несправедливые обвинения Ильина, повлекшие за собой репрессивные меры нацистской власти, а в дальнейшем и инсинуации против русского философа. Помещаем также ильинский ответ на эти и подобные обвинения. Документы написаны на немецком языке. Их перевод осуществлен З. Г. Антипенко. Публикуются впервые.

¹ Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 5. Оригинал.

² Др. Адольф Эрт - соавтор Ильина по книге «Развержение преисподней». Вот что написал об этих событиях ученик Ильина Алексей Александрович Квартиров: «После прихода к власти Гитлера в 1933 году у Ивана Александровича, который был профессором при Берлинском университете, назрел конфликт с немецким министерством пропаганды. В это время Геббельс был назначен министром пропаганды и просвещения и начал сильную борьбу против евреев. Помощником Геббельса по Восточной Европе был назначен Эрт, который до русской революции проживал в России и блестяще говорил по-русски. Эрт, следуя общей политике немецкого правительства, потребовал от профессоров университета, чтобы они включились в антиеврейскую пропаганду и выступали в этом направлении перед студентами. Эрт обратился также и к И. А. с этим требованием. И. А. отказался следовать этим указаниям и в середине тридцатых годов был уволен из университета» (см.: Русское возрождение. — 1983. — № 23. — С. 135).

³ Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 5. Оригинал.

⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 5. Оригинал.

⁵ Архив Института современной истории в Мюнхене. Копия.

⁶ Здесь в документе ошибка.

⁷ Информация неверна — Ильин никогда эсером не был.

⁸ *Шабельский-Борк* П. Н. (1896 — 1952) — деятель правого крыла русской эмиграции. Вместе с С. В. Таборицким 28 марта 1922 г. совершил покушение на П. Н. Милюкова, однако убит был лидер правых кадетов В. Д. Набоков. Оба осуждены на 12 лет, но в 1927 г. помилованы решением прусского министерства юстиции.

⁹ *Бидо* — на этого информатора данных нет; но, может быть, это автор провокационной брошюры, скрывавшийся под псевдонимом «Соборянин»; см. ниже коммент. 11.

¹⁰ Информатор дает неверные сведения. В 1919 г. действовала организация «Национальный центр» (см. коммент. 118 к части I Приложения). «Союз защиты родины и свободы» был создан Савинковым Борисом Викторовичем в феврале — марте 1918 г. и активно действовал в 1918 г. в разных городах России. Ильин к этой организации никакого отношения не имел.

¹¹ С этого момента информатор пользуется брошюрой некоего «Соборянина» (может быть, он сам им и являлся, так как совершенно на нее не ссылается, хотя ссылки на газеты «Руль» и «Сегодня» дает, придавая своим сообщениям объективность), вышедшей в 1934 г. под названием «Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из Советской России в 1922 г.» тиражом 5000 экз. В Архиве И. А. Ильина в Мичигане в папке «Документы клеветы и обороны» эта брошюра сохранилась с пометками Ивана Александровича.

¹² *Осоргин* Михаил Андреевич (наст. фамилия Ильин) (1878 — 1942) — прозаик, эссеист, публицист. Сын А. Ф. Ильина — юриста, участника проведения судебной реформы Александра II.

¹³ Инициалы даны так же неверно, как и в брошюре «Соборянина».

¹⁴ Инициалы даны так же неверно, как и в брошюре «Соборянина».

¹⁵ *Поляков* — не установлен.

¹⁶ *Бессонов* — не установлен.

¹⁷ Здесь уместно сообщить, что профессор В. И. Ясинский и проф. И. А. Ильин фигурировали в деле 1933 г. «Контрреволюционной националистической фашистской организации «Партия Возрождения России», сфабрикованном и заведенном НКВД еще в 1929 — 1931 гг., по которому были арестованы религиозный философ и священник Павел Александрович Флоренский (1882 — 1937) и бывший директор Лазаревского института восточных языков профессор церковного права Павел Васильевич Гидулянов (1874 — 1937). Следствие НКВД во главе «организации» поставило П. А. Флоренского, П. В. Гидулянова («представители монархической части организации») и академиков С. А. Чаплыгина и Н. Н. Лузина («представители кадетской части организации»). Гидулянов «дал показания», что «организация осуществляла контакты через математика Н. Н. Лузина с профессорами В. И. Ясинским и И. А. Ильиным в Берлине, а также с Адольфом Гитлером, с

которым Лузин якобы встретился в 1933 г. в одной гостинице». Надо отметить, что сведения об И. А. Ильине, фигурирующие в этом деле, соответствуют действительности (его взгляды на советскую власть, на фашизм, национал-социализм и т. п.), но о его встрече с Н. Н. Лузиным в Берлине нет никаких подтверждений. После завершения этого дела величайший философ и богослов П. А. Флоренский был осужден, отправлен на Соловки и позже расстрелян.

¹⁸ *Лизер* — не установлен.

¹⁹ Архив Института современной истории в Мюнхене.

²⁰ «*Младороссы*» — см. коммент. 298 к переписке И. А. Ильина с П. Б. Струве.

²¹ «*Легитимисты*» — группа монархистов, считавших, «что вопрос о престолонаследии автоматически предрешен «в силу самого закона о наследии» (ст. 53) и не зависит от человеческого предпочтения того или иного претендента». См. об этом более подробно в книге: Назаров М. В. Кто наследник Российского Престола? — М., 1998. — 334 с.

²² Лицо не установлено.

²³ *Фабрициус* — не установлен.

²⁴ Архив Института современной истории в Мюнхене.

²⁵ *Бо* — информатор.

²⁶ И. А. Ильин действительно часто ездил в Прагу и Ригу с лекциями, но содержание их было совершенно другим, о чем было известно из прессы, а в настоящее время из его подробных записей всех выступлений и перечня всех прочитанных лекций, хранящихся в его архиве.

²⁷ Нет ни одного источника, указывающего на масонство Ильина. Нижеследующее его заявление (док. 8) ясно об этом говорит.

²⁸ Архив И. А. Ильина. Копия. На документе штамп входящий: «16 мая 1936».

²⁹ *NSDAP* — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

³⁰ *Мюллер* Генрих — выходец из многолетней баварской крестьянской семьи. Закончил мюнхенскую полицейскую школу, был инспектором полиции. Стал начальником политической полиции и впоследствии начальником управления АМТ-IV отдела РСХА (гестапо). Бригаденфюрер СС, после поражения гитлеровской Германии в войне исчез.

³¹ Архив И. А. Ильина. Машинопись. На немецком языке. На документе автограф Ильина: «Никуда никогда не было подано. Только показано личным друзьям. И. А. Ильин».

³² «Гельсингфорс//Президиум ВЦИК, получив, по словам советской печати, материалы об антисоветской деятельности выехавших за границу профессора Ильина и литератора Мельгунова, постановил лишить их прав гражданства и конфисковать все их личное имущество» (Репрессии против Ильина и Мельгунова//Руль. — Берлин, 1923. — № 815. — 5 авг. — С. 3). См. также ответ Мельгунова на эту акцию: Законность// Руль. — Берлин, 1923. — № 818. — 8 авг. — С. 2).

³³ Имеется в виду брошюра «Соборянина» «Лжеучители».

³⁴ Ниже эта же строчка повторена рукой Ильина.

³⁵ Это слово вписано рукою И. А. Ильина.

СОДЕРЖАНИЕ

1903 — 1922 (Россия)	5
Вечное (Стихотворение в прозе).....	7
<Дневник> 1905, осень.....	16
Письма к близким	20
Письма к Л. Я. Гуревич	23
Письма к Л. И. Гуревич (Ильиной)	94
Письма к разным лицам (I).....	99
1922 — 1938 (Германия)	113
Письма к П. Б. Струве и другим сотрудникам «Возрождения»...115	
Переписка И. А. Ильина с П. Н. Врангелем	210
Письма к Н. Н. и К. П. Крамаржам	259
Письма к разным лицам (II)	314
Приложение	371
Часть I. Документы ВЧК — ГПУ — НКВД	373
Часть II. Документы и письма близких И. А. Ильина.....	439
Часть III. Документы из немецких архивов	460
Комментарии	469

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

**Дневник. Письма. Документы
(1903 — 1938 гг.)**

Редактор **Т. И. Киреева**
Художественный редактор **Г. Л. Шацкий**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **Н. Д. Бучарова, А. З. Лазуткина**
Компьютерный набор **О. В. Лисица**
Компьютерная верстка **А. М. Токер, В. В. Горшкова**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23. X. 1996 г.
Подп. в печ. с оригинала-макета 05.04.99. Формат 84×108/32. Бумага кн.-журн.
На вкл. офсет. Гарнитура таймс. Печать офсет. Усл. печ. л. 32,03
(в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 34,56 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 4000 экз.
С - 27. Изд. инд. НА - 59. Заказ № 1705.

Набор и верстка выполнены в издательстве «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано в государственном издательско-полиграфическом предприятии
«Вятка». 610044, г. Киров, ул. Московская, 122.